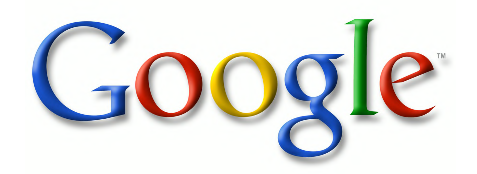

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

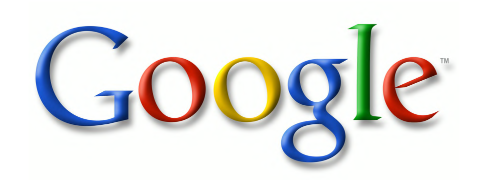
Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

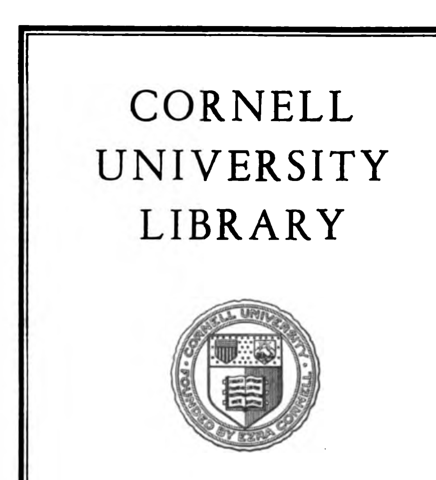
Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

AP
50
S574
1896
No. 4
Agr.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Апрѣль № 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8
1896.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Марта, 1896 года.

Digitized by Google

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за послѣднюю четверть (Апрѣль—Іюнь.)

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 4 „Сѣвернаго Вѣстника" 1896 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

РУССКІЕ КРИТИКИ.

Литературные очерки А. Л. Волынскаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Бѣлинскій.—Добролюбовъ.—Журналистика шестидесятыхъ годовъ.—Писаревъ —В. Майковъ и Ап. Григорьевъ.—Чернышевскій и Гоголь.—«Очерки Гоголевскаго періода» и вопросъ о гегеліанствѣ Бѣлинскаго.—Гоголь, какъ профессоръ.—Эстетическое ученіе Чернышевскаго.—О причинахъ упадка русской критики.—Свободная критика предъ судомъ буржуазнаго либерализма.—Н. Михайловскій и его разсужденія о русской литературѣ.—Вражда и борьба партій.

Цѣна 3 р. 50 к.

Для учащихъ и учащихся 3 р. съ пересылкой.

Складъ въ ред. „Сѣвернаго Вѣстника“, Спб. Троицкая, 9.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896-й ГОДЪ (7-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе мартовской книжки слѣд.: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей до школьнаго возраста (Продолженіе) **П. Ѳ. Каптерева**; 3) Педагогическая подготовка учителей за-границею и у насъ (Продолженіе) **Д. Д. Семенова**; 4) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи. (По личнымъ наблюденіямъ) **М. А. Ляляной** (Окончаніе); 5) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей (Окончаніе) **А. С. Виреніуса**; 6) Мысли о современномъ воспитаніи **А. С. Симоновичъ**; 7) Секція общихъ вопросовъ на второмъ съѣздѣ и выставкѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію (Окончаніе) **Н. Т—ва**; 8) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? (Окончаніе) **В. П. Вахтерова**; 9) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. **А. Ѳ. Гартвига**; 10) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года (Продолженіе) **И. П. Бѣлоконскаго**; 11) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства **С. Бобровскаго**; 12) Неожиданныя темы. (Ихъ педагогическое достоинство и вліяніе) **Ц. П. Балталона**; 13) **Критика и библіографія**. 1) Н. Соколовъ. Науки развиваютъ-ли умъ или даютъ только знанія? Москва. 1895 г. Ц. 20 коп. **П. Ѳ. Каптерева**; 2) В. Мартыновскій. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Т. I. Съ удареніями. Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительныхъ I и II классахъ среднеучебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Изданіе восьмое. Тифлисъ. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к. Т. II. Съ удареніями. Книга для занятій по отечественному языку въ III и IV классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изд. 6-е. Тифлисъ. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к. **А. Сурьцева**; 3) А. А. Потебня Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1894 г. Ц. 1 р. 35 к. **В. К.**; 4) Сахаровъ. По русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 2-е. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к. **Я. И. Руднева**; 5) Басни Крылова. Кн. 1-я для младшаго возраста. Книга 2-я для средняго возраста. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1895. Ц. кн. 5 коп. **А. П. Налимова**; 6) Притчи евангельскія, приспособленныя къ понятію дѣтей. Изд. 3-е, передѣлано съ франц. по сочиненію Алины де Савиньякъ. Н. П. фонъ-Шульцъ. Изд. С. А. Шипова Шульца Спб. 1895 г.; 7) М. Гранстремъ. „Въ царствѣ черныхъ“. Сцены изъ жизни и природы Средней Африки. Г. М. Стенли

Digitized by Google

(перев. съ англ.). Ц. 2 руб.; 8) Волконская, княгиня. „Цвѣты“ и «Старый капотъ». Ц. 50 коп.; 9) Рѣпосчетъ. Преданія о духѣ Исполинскихъ горъ. Перев. съ нѣмецкаго О. И. Роговой. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 2 руб; 10) Бѣлевская. Изъ жизни маленькихъ людей. 1) Настя. 2) Катя. 1896 г. 14) **Педагогическая хроника.** 1) Петиція студентовъ медицинской школы въ Парижѣ; 2) Ремесленное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ; 3) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова;** 4) Хроника профессіональнаго обрзованія. **Б – ча;** 5) Петербургское губернское земское собраніе о народномъ образованіи; 6) Народное образованіе въ Нижегородской губ.; 7) Народное образованіе въ Балахнинскомъ уѣздѣ; 8) Народное образованіе въ Малмыжскомъ уѣздѣ; 9) Народное образованіе въ Новоузенскомъ уѣздѣ; 10) Церковно-приходскія школы и школы грамоты; 11) Комитеты грамотности; 12) Вопросъ о всеобщемъ обученіи; 13) Ходатайство пермскаго земства о всеобщемъ обученіи; 14) Сельскія школы въ Воронежской губ.; 15) Воскресныя школы въ Козловѣ; 16) Сельская библіотека; 17) Школа дѣтскаго трудолюбія; 18) Научно-литературныя собранія для учащихся; 19) Лѣтнія школьныя колоніи; 20) Экскурсія воспитанниковъ Красноярской учительской семинаріи на раскопку кургана **И. М. Софійскаго;** 21) Ходатайство Московскаго общества содѣйствія физическому развитію учащихся; 22) А. П. Кирпотенко (Некрологъ). 15) **Разныя извѣстія и сообщенія;** 16) **Объявленія.**

Журналъ „Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печ. листовъ каждая. Подписная цѣна въ Петербургѣ съ доставкою—**шесть руб. 50 коп.;** для иногороднихъ съ пересылкою—**семь руб.**, за границу - **девять руб.**

Учителя сельскихъ школъ, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль и правомъ разсрочки подписной платы. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени». За 1891, 92, 93, 94 и 95 гг. имѣется еще небольшое число экз. по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.**

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

А. А. Исаевъ.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

Компэре.

УМСТВЕННОЕ И НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ РЕБЕНКА.

Переводъ съ французскаго **С. Исаевой и Л. Макухиной.**

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

НОВАЯ КНИГА:

ИЛІАДА ГОМЕРА.

Переводъ **Н. Минскаго.**

Изданіе К. Солдатенкова. Москва, 1896 г. **Цѣна 75 коп.**

Digitized by Google

Вышло въ свѣтъ новое изданіе редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“:

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг.).

Съ приложеніемъ портрета А. О. Смирновой.

ЦѢНА 2 РУБ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. МИНСКАГО.

Третье изданіе, значительно дополненное.

Цѣна 2 рубля, съ пересылкой 2 руб. 40 коп.

Складъ изданія въ книжн. маг. М. Стасюлевича. Можно выписывать черезъ контору «Сѣвернаго Вѣстника».

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ ИЗДАНІЕ

редакціи «Сѣвернаго Вѣстника»

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ

Романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго М. Кривошеева.

Къ книгѣ приложенъ портретъ Г. Сенкевича, исполненный фототипіей.

Цѣна 2 р. Съ пересылкой 2 р. 50 к.

Изданія редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“.

ВОЛГА И ВОЛГАРИ

А. П. Субботина.

Цѣна 1 рубль.

„ДНЕВНИКЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ.“

2-е исправленное и дополненное изданіе.
Съ приложеніемъ двухъ портретовъ автора и статей о Башкирцевой
Гладстона и Франсуа Коппе.
Цѣна 2 рубля.

„СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ“.

(«Что я пережила съ ней и что она разсказывала мнѣ о себѣ»).
Воспоминанія **А. К. Леффлеръ ди-Кайянелло.**
Съ портретами **Софьи Ковалевской** и **А. К. Леффлеръ.**
Съ приложеніемъ біографіи **А. К. Леффлеръ**, составленной шведскою писательницею **Элленъ Кей.**
Переводъ со шведскаго *М. Лучицкой.*
Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ всѣхъ этихъ изданій въ **Главной Конторѣ „Сѣвернаго Вѣстника“** (Спб., Троицкая 9) и въ **Московской Конторѣ**, Кузнецкій мостъ, при книжн. магаз. К. Тихомирова. Книжные магазины пользуются обычной уступкою, если оплачиваютъ пересылку по разстоянію.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

Всеволода Соловьева:

Волхвы. Историч. романъ XVIII в. Изд. 2-е. Цѣна 3 руб.

Великій Розенкрейцеръ. Историч. романъ XVIII в., въ 3-хъ частяхъ съ эпилогомъ (окончаніе „Волхвовъ“). Цѣна 2 руб.

Царское посольство. Романъ XVII в., въ двухъ частяхъ Цѣна 2 руб. 30 коп.

Новые разсказы. (Вопросъ.—Геній.—Приключеніе иетиметра.—Пенсіонъ.—Нашла коса на камень. Ц. 1 руб.

Складъ при типографіи М. Меркушева, Невскій, 8.

Digitized by Google

Любовь.

Романъ въ четырехъ книгахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

XXI.

Дома Ставлиной сказали, что Нина Алексѣевна лежитъ; ей приготовляютъ ванну.

Еленѣ не хотѣлось видѣть сегодня Безпаловыхъ; она переодѣлась и пошла къ Васильевымъ. Кстати-же она очень давно не была у нихъ и нужно было заручиться согласіемъ Алеши работать у Безпалова въ случаѣ ея отъѣзда. Хотя Романъ и отказался въ порывѣ досады, но было совершенно очевидно, что ему невозможно обходиться безъ помощника.

Однако, ей не удалось переговорить съ гимназистомъ. Молодежи не оказалось дома. Екатерина Николаевна шила какое-то пестрое ситцевое платье, и Еленѣ показалось, что лицо ея стало еще болѣзненнѣе и сумрачнѣе за то время, что она не видала ее. Ставлина осторожно освѣдомилась о здоровьѣ.

На губахъ огородницы появилась жесткая усмѣшка.

— Удивительно право, сколько въ людяхъ этой рутины, даже въ самыхъ умныхъ! замѣтила она, судорожно работая иглой.—Осужденнаго на пожизненное заключеніе, вѣчнаго каторжника мы предупредительно спѣшимъ избавить отъ насморка! Приговореннаго къ смерти пожалѣемъ, коли у него болятъ зубы!

— Развѣ это не логично?—отвѣтила сдержанно Елена.—И насморкъ и зубы—лишнее зло, которое возможно устранить.

Зачѣмъ?—Чтобы сохранить лишнія силы для тюрьмы и для каторги??

— И на каторгѣ, и въ тюрьмѣ—все-таки есть надежда.

— Въ томъ и бѣда. Если-бъ надежды не было, это всего вѣрнѣе сокращало-бы срокъ мученій.

...«Боже мой, что съ нею дѣлается сегодня?» думала тревожно Елена.

Это скоро объяснилось.

Надя вернулась домой съ такимъ яснымъ, оживленнымъ личикомъ, какого Ставлина еще никогда не видала у нея. Она ужасно обрадовалась гостьѣ.

— Какъ вы давно, давно у насъ не были! — твердила она пѣвучимъ голосомъ, тутъ-же за ситцевой занавѣской проворно переодѣваясь въ домашнее платье.

...Они гуляли за-городомъ... Алеша цѣлую фуражку рыжиковъ несетъ, на опушкѣ Кучинской рощи набрали. Свѣженькіе, ядреные и воздухъ какой!

— Разскажи ужъ заодно, съ кѣмъ ты гуляла,—вставила вдругъ рѣзко мать—вѣдь Елена Семеновна не знаетъ, что у тебя женихъ завелся... Напророчили вы, Елена Семеновна!

И она разсмѣялась своимъ тяжелымъ смѣхомъ, который слушать было больно.

— Никакого у меня жениха нѣтъ! отвѣтила рѣзко Надя и, къ удивленію Елены, появилась изъ-за занавѣски уже съ блѣднымъ лицомъ и мрачными глазами.

— Какъ же, какъ же!.. Знаете домъ мѣщанина Суркова, по Рѣчной улицѣ? Можетъ, слыхали, что у старика цѣлая четверня саврасовъ, одинъ одного лучше. Старшихъ двухъ женили, средній съ отцомъ куделью торгуетъ — а младшій въ обожатели къ Надеждѣ Ивановнѣ попалъ. Чтожъ! грамотѣ можно будетъ и послѣ вѣнца подучить!

Надя молча и шумно двигалась по комнатѣ, прибирая свои вещи.

Пьетъ съ семнадцати лѣтъ... Отецъ объ него руки обломалъ, уча уму разуму, пока, наконецъ, плюнулъ да отступился... Матушка души не чаетъ—Виньяминъ ея, на кутежи денежки суетъ... Прошлое лѣто цѣлыхъ два мѣсяца въ бѣгахъ пропадалъ...

— Еще чего нѣтъ-ли? — вы по всему городу сплетни собрали!— выговорила Надя дерзкимъ тономъ привычной перебранки, который появлялся у нея все чаще.

— Надо мнѣ знать, кого ты въ зятья приведешь? Это тебѣ все равно, былъ-бы женихъ.

— Что вы меня женихомъ-то корите? Не бойтесь, не посватается! Прежде человѣку рехнуться надо, чтобы да въ нашу жизнь добровольно сунуться!

Надя стремительно выбѣжала на огородъ, хлопнувъ дверью.

Ставлина слушала съ ужасомъ, не рѣшаясь вставить слова.

Digitized by Google

Что? хорошо? полюбовалась? А она порошечками успокоительными угощаетъ! Привычка застарѣлая... Все еще кажется, будто для нихъ живешь, будто что-то сдѣлать надобно — остановить — образумить... Не пора-ли собственную душу пожалѣть?.. Вотъ, повѣнчаются съ Ванькой Сурковымъ—тогда и ей воля... кончить съ этой подлостью, которая зовется русской жизнью!

Она схватилась обѣими руками за голову и поникла на столъ.

Ставлина пошла на огородъ.

Надя присѣла между грядъ и уже таскала въ кучу морковь и петрушку для завтрашняго базара. Отъ времени до времени она поднимала руку, запачканную землей, и смахивала ею, повыше кисти, набѣгавшія слезы.

Елена зашла въ гряды и остановилась около нея. Дѣвушка опустила голову. Красивый, смуглый румянецъ, медленно приливалъ къ щекамъ, блестящія, какъ смоль черныя рѣсницы вздрагивали.

Елена нагнулась и ласково приподняла ее за плечи.

— Разскажите мнѣ, дитя мое, что все это значитъ. Что тутъ случилось у васъ безъ меня?

Она нѣжно увлекла Надю къ дерновой скамейкѣ.

...Что ей разсказывать? ничего у нихъ не случилось! Сталъ ходить къ нимъ... гуляютъ вмѣстѣ... Такъ вѣдь не старуха-же она! хочется хоть посмѣяться съ молодыми... И то, не до смѣха имъ!.. Можетъ ему и на умъ не приходило, чтобы свататься, а ужъ ее ѣдятъ поѣдомъ.

— И совсѣмъ онъ не такой негодяй, какъ мать расписываетъ— не вѣрьте вы ей, голубушка, Елена Семеновна! — заволновалась Надя. Несчастный человѣкъ — несчастный онъ, вотъ что!... Въ семьѣ не жизнь, а мука, вотъ и слоняется... Не у всякаго характеръ есть терпѣть! Только онъ вовсе не пропащій пьяница — клянется Богомъ мнѣ, что никогда больше капли въ ротъ не возьметъ...

...«Клянется...» повторила грустно про себя Елена. Она съ нѣжностью вглядывалась въ трепетавшее страстнымъ волненіемъ красивое юное личико.

— Можетъ быть, его любовь спасетъ,—человѣкомъ на вѣкъ сдѣлаетъ... Женится, нѣтъ-ли—у насъ съ нимъ не о томъ разговоры... Изъ училища выгнали... Господи! Я то сама какая ученая, подумаешь! Неужели только ученымъ людямъ и жить на свѣтѣ?.. Елена Семеновна... вы добрая...

Надя закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

Ставлина, задумавшись, слушала и не пыталась унимать ее. Полюбить успѣла! Она не удивлялась. Она знала — такъ бываетъ: истинная любовь сразу овладѣетъ сердцемъ, прежде чѣмъ умъ пріищетъ свои резоны... Знала, какъ входитъ она въ душу полноправнымъ хозяиномъ —

Digitized by Google

какъ ведетъ ее собственный инстинктъ непостижимыхъ для насъ, но несокрушимыхъ симпатій.

Любовь, начинающаяся слезами, всегда истинная... Надя плакать не охотница.

Елена начала разспрашивать, какъ они познакомились, стараясь уловить въ безпорядочныхъ разсказахъ дѣвушки загадочную фигуру «пропащаго парня», превратившагося въ героя романа.

— Онъ добрый... Онъ хочетъ жить иначе... Ему-бы только отъ своихъ уйти—тамъ ему никто вѣрить не хочетъ! Нельзя жить, когда кругомъ не вѣрятъ, вѣчно прошлымъ корятъ... Одна мать любитъ—да что мать можетъ сдѣлать?.. Братья... Это ужасъ! братья такъ и говорятъ въ глаза: «хоть-бы ты скорѣе спился, что-ли, руки развязалъ...»

И Надя прятала мокрое лицо на плечѣ Елены, не заботясь, что выдаетъ себя, не чувствуя никакой потребности скрывать и горестную и сладкую жалость, переполнявшую ей душу.

Еленѣ вспомнились обвиненія матери въ узкой меркантильности всѣхъ мечтаній этой дѣвочки... Хорошо пригодится теперь Надѣ ея меркантильная практичность, ея веселая энергія передъ трудомъ жизни, ея готовность жить только тѣмъ, что просится подъ руку. Подъ прилежную и твердую руку попало больное человѣческое сердце... Надя и это сердце будетъ лелѣять и выхаживать, какъ свои гряды; но и отъ него она тоже потребуетъ здоровыхъ плодовъ. Можетъ быть, она сумѣетъ вдохнуть въ него собственную энергію?.. Долго плакать Надя не станетъ.

Ставлина осторожно высказала свои предостереженія. А что, коли Ваня не перестанетъ пить? Если онъ только теперь, сгоряча, проникся рѣшимостью, а недугъ окажется сильнѣе его? Что тогда?

Надя сдвинула свои черныя брови и долго глядѣла въ землю. Но она могла только отвѣтить другимъ вопросомъ: Развѣ бываетъ, чтобы человѣкъ не могъ исправиться, когда онъ самъ хочетъ этого всѣмъ сердцемъ?—развѣ въ любви нѣтъ такой силы?

Елена горячо поцѣловала ее.

Нѣтъ, нѣтъ, не съ ея вѣрой въ любовь можно желать разбить эту прекрасную надежду...

Елена зашла въ домъ, чтобы проститься съ Екатериной Николаевной, и рискнула высказать нѣсколько соображеній въ защиту Нади.

— Благоразумно-ли такъ безпощадно оскорблять молодое чувство?.. Такое хорошее, человѣчное чувство, какое руководитъ Надей въ этомъ сближеніи?.. Возможно, что этотъ юноша дѣйствительно хорошая натура, загубленная средой... Пьяница! Да развѣ не въ русскомъ пьянствѣ находитъ свой исходъ добрая доля всѣхъ протестовъ?.. Развѣ не заливается виномъ сплошь и рядомъ невозможность мириться съ окружающей пошлостью и безсиліе выбиться на широкую дорогу? Сколько погиб-

шихъ людей спасала любовь русской женщины — и есть-ли то для нея худшая изъ судебъ?..

Въ словахъ Ставлиной звучала страстная убѣжденность. Ее выслушали нетерпѣливо и разразились насмѣшкой надъ ея юношескимъ идеализмомъ.

...Благородный протестъ гражданина изъ Рѣчной улицы? Ха, ха, ха... Знаетъ она эти протесты! Поздно начинать вѣрить сызнова въ свѣтлыя головы, заливаемыя сивухой. Было время! Довольно сдѣлано для того, чтобы встряхнуть мертвое царство—довольно истинъ раскидано на всѣ четыре стороны, пора-бы видѣть хоть рѣдкіе, хоть щедушные всходы... Стоитъ того тратить жизнь на спасеніе калѣкъ, когда и здоровые-то гроша не стоятъ! Отчего Ивану Суркову и не пить, коли такъ нраву его пріятно? Что путнаго сдѣлаетъ онъ на своемъ вѣку? Да, полно, не меньше-ли еще зла натворитъ пьяница, чѣмъ его трезвые братцы! Тѣ давно наловчились въ искусствѣ обмѣривать и обвѣшивать сѣрую голь, — такой лодырь хоть зло-то никому не дѣлаетъ!

У Ставлиной сжималось сердце, когда она слушала эту отчаянную рѣчь. Нѣтъ, здѣсь все кончено! Все потонуло въ стоячей водѣ ожесточенія. Старыя идеи и самая вѣра въ человѣка,—все погибло въ надрывѣ измученной души. Жертвы не даются даромъ.

Что у нихъ будетъ? Какъ отстоитъ Надя свою молодую любовь, начинающуюся такъ горько и обидно?

Ей было жаль Нади. И все-таки не могла-бы она пожелать дѣвушкѣ, чтобы ничего этого не было; чтобы не встрѣчалась она вовсе со своимъ злополучнымъ Ваней, или теперь благоразумно отступилась-бы, предоставивъ его горькой участи. Знаетъ Богъ одинъ, какія невзгоды ожидаютъ Надю впереди, но ея сердце проснулось для великодушной самоотверженной любви, и этому сердцу не грозитъ больше безплодная пустыня узкаго личнаго эгоизма. Дочь своей матери выходитъ на ту-же широкую дорогу человѣчности своей темной узенькой тропинкой.

Но мать не снизойдетъ никогда до пониманія ея простой души съ высоты своего утонченнаго развитія, своихъ широкихъ запросовъ и своихъ глубокихъ жертвъ.

— Нѣтъ, никогда она не пойметъ Надю!—думала печально Елена, возвращаясь домой съ тяжелымъ сердцемъ.

XXII.

Нина дурно спала ночь; ванна ее не успокоила. Она металась и вздыхала до утра, не отвѣчая на тревожные разспросы мужа.

Вчера Нина цѣлый вечеръ совсѣмъ не разговаривала; она молча принимала его ухаживанія, но сама всякій разъ звонила Лушу, чтобы

Digitized by Google

потребовать, чего ей хотѣлось. Утромъ она даже и головы не повернула, когда онъ уходилъ, послѣ напрасныхъ попытокъ добиться отъ нея хоть одного слова.

Но какъ только Романъ ушелъ, Нина разразилась рыданіями, точно она что-то безутѣшно оплакивала.

Въ такомъ положеніи ее застала Елена. Прежде всего ее поразило, что Безпаловъ ушелъ и оставилъ жену въ подобномъ состояніи. Она подумала, что могло случиться что-нибудь послѣ его ухода, и начала встревоженно спрашивать. Долго нельзя было добиться никакого толку: Нина только плакала и роняла восклицанія—какъ она несчастна, какъ ей тяжело, какъ она рада будетъ умереть...

Только когда Ставлина спросила, не уйти-ли ей, такъ какъ Нина не желаетъ разговаривать,—перспектива второго безмолвнаго ухода развязала языкъ. И плакать Нина устала.

— Какъ тебѣ угодно! – сказала она горько.—Я понимаю, что тебѣ давно надоѣло возиться съ больной... Я на это и не жалуюсь!.. Но ты добилась того, что Романъ сталъ тяготиться. Онъ никогда прежде не скучалъ!.. Я не виновата, что больна... Это ужасно, отчего я не могу ни умереть, ни выздоровѣть...

Она опять заплакала.

— Съ какой стати ты это говоришь?—вспыхнула Елена,—ни одна живая душа не могла-бы тяготиться меньше Романа. Просто жестоко, что ты этого не цѣнишь!

Нина метнулась въ креслѣ, точно ужаленная.

— Тебѣ не надо учить меня цѣнить моего мужа,—я въ этомъ не нуждаюсь!—крикнула она запальчиво.—Можетъ быть, другіе мужья бросаютъ женъ на руки сидѣлокъ, даже упрятываютъ ихъ въ больницы, я не знаю! Ты считаешь необыкновеннымъ подвигомъ со стороны Романа...

— Я, Нина, сама была сидѣлкой и потому отлично знаю, что ты въ сидѣлкѣ вовсе не нуждаешься,—перебила Елена жестко.

— Ахъ, я, значитъ, притворяюсь по твоему?

— Ты себя изнѣжила непростительно—это я думаю. Тебѣ нравится, чтобы мужъ съ тобою нянчился; ты мало тяготишься болѣзнью, вѣдь у тебя ничего не болитъ!

— Притворяюсь, чтобы заставить Романа ухаживать... такъ вотъ, что ты внушаешь моему мужу!

«Пусть, пусть это будетъ сегодня—сейчасъ—все равно! Я должна сдѣлать попытку. Никто кромѣ меня этого не сдѣлаетъ... хуже не будетъ!..» проносилось молніей въ умѣ Елены. Она рѣшалась. Но невольная боязнь еще удерживала слова на горѣвшихъ губахъ.

Эта мысль всегда упорно ее преслѣдовала. Мысль такъ окрѣпла со вчерашняго дня, что она не могла уже вырваться изъ ея власти. Разго-

Digitized by Google

воры на мызѣ оживили надежду, противъ которой боролся Романъ... Нѣтъ, нѣтъ—онъ не судья, его слушать не надо! Она должна высказать все, по совѣсти, ничего больше не остается... Когда-то ей казалось, что довольно будетъ одного ея присутствія, чтобы сдѣлать Нину благоразумнѣе. Чего теперь ждать?—Чужіе люди возмущаются, удивляются или смѣются и молчатъ. И она, единственный ихъ другъ, поступаетъ такъ-же, какъ эти чужіе! Развѣ не въ этомъ весь смыслъ ея вмѣшательства въ ихъ жизнь?— она ничего не хочетъ себѣ, для себя—хочетъ только, чтобы его жизнь стала сносной, терпимой. Вся его ошибка въ томъ, что онъ считаетъ это непоправимымъ... Кто можетъ знать?.. Не понимаетъ вѣдь, не вѣдаетъ, что творитъ бѣдный ребенокъ, которому никто не хочетъ открыть глаза. Нельзя и обвинять ее, не сдѣлавъ честной попытки. Гдѣ-же ея любовь, если она можетъ бояться чего-нибудь?..

Волненіе все росло. Она давно рѣшила, давно знала, что будетъ говорить съ Ниной—но она не знала, что это случится сегодня. Она не приготовилась, не обдумала, какъ надо говорить. Но другого подобнаго случая можетъ и не представиться; Нина сама вызывала, напрашивалась на объясненіе...

Между тѣмъ Безпалова тоже безотчетно чувствовала сегодня что-то особенное въ кузинѣ, и это сейчасъ-же подняло еще ея раздраженіе. Должно быть Елена и выѣзжать-то ее уговаривала для того только, чтобы доказать ея мужу, что она здорова, что она притворяется!.. Боже мой, все-таки она никогда не ожидала, что Романъ способенъ хитрить, что онъ будетъ сговариваться противъ нея съ чужими людьми — съ этой противной злюкой, которую она ненавидитъ!.. Романъ знаетъ, что ненавидитъ!..

Пришлось переждать нѣсколько минутъ, пока Нина перестанетъ рыдать.

— Что-что это значитъ? Съ кѣмъ Романъ сговорился?—допрашивала въ ужасѣ Елена.

Безпалова смѣрила ее негодующимъ взглядомъ. Вотъ Елена такъ дѣйствительно превосходно притворяется! Или, можетъ быть, она не знаетъ, о чемъ Нина говоритъ? Нѣтъ, напрасно ее считаютъ круглой дурочкой! Слишкомъ все ясно... Они заранѣе уговорились увезти съ собою Романа на дачу! И сговорились, что Ковригина первая заговоритъ объ этомъ, когда Елены не будетъ въ комнатѣ...

— Молчи, не спорь! Я вѣдь все равно не повѣрю тебѣ!—крикнула Нина злобно.

Елена всплеснула руками и ея губы задрожали отъ гнѣва.

— Такъ я лгу? Это неправда?—спросила Нина вызывающе.

— Да, это неправда. Безсовѣстная неправда! Ты должна-бы лучше

Digitized by Google

знать своего мужа... Но, нѣтъ, ты вѣчно подозрѣваешь его въ хитростяхъ, въ обманахъ... О, какая недостойная любовь!

Въ заплаканныхъ глазахъ Нины проступило страданіе. Она уже оправдывалась: точно она не видѣла своими глазами, какъ ему хотѣлось ѣхать! Ковригина злилась и не хотѣла кончить, старалась непремѣнно своего добиться!..

— Можетъ быть, ему хотѣлось. Тебя оскорбляетъ, что твой мужъ можетъ желать чего нибудь?

— Романъ зналъ, что я себя дурно чувствую, что я ужасно устала на вечерѣ.

— Онъ поэтому не поѣхалъ, а остался съ тобою.

— Еслибъ Романъ былъ боленъ, мнѣ, конечно, не пришло-бы на умъ веселиться! Кто любитъ, тотъ не тяготится, тотъ не захочетъ веселиться съ чужими!..

Ставлина вдругъ замѣтила, что происходитъ что-то, какъ будто уже знакомое ей—нелѣпое и неисходное... Повтореніе первой памятной сцены? О, нѣтъ, нѣтъ—только не это! Она хочетъ говорить со взрослымъ человѣкомъ, а не поддаваться малодушно чужому ребячеству.

Она подошла ближе къ креслу. Сознаніе, что она все ставитъ на карту, въ послѣдній разъ пронеслось въ ея умѣ.

... Хочетъ Нина выслушать ее? Никто больше не скажетъ ей того, что скажетъ она. Она думаетъ только объ ихъ счастьѣ и ни о чемъ другомъ. Она видѣть не можетъ равнодушно, какъ Нина сама губитъ его...

Красивое личико Нины сжалось, точно передъ занесеннымъ ударомъ. Слезы мгновенно высохли въ ея глазахъ.

— Что ты хочешь сказать мнѣ!—вскрикнула она испуганно.

Елена не приготовилась заранѣе и это волновало ее. Она старалась говорить все самое понятное, простое, самое безобидное. Не позволяла себѣ негодующихъ интонацій, говорила сдержаннымъ голосомъ и смотрѣла въ глубину карихъ глазъ, гдѣ горѣлъ дѣтскій испугъ. Она старалась удержать въ своей душѣ острую жалость, поднятую этимъ безпомощнымъ взоромъ, смутно предчувствуя уже, какъ рвутся изъ ея души другія чувства, какъ просятся на языкъ настоящія горячія слова...

Она объясняла, точно ребенку, что мужчина не долженъ жить такъ, какъ живетъ женщина. Молодой, энергичный человѣкъ не можетъ быть прикованъ къ четыремъ стѣнамъ и чувствовать себя счастливымъ! Неужели ей самой не приходило въ голову? Неужели никогда Нина не думала о его личныхъ желаніяхъ? Да, да, онъ ее любитъ нѣжно необыкновенно,—но любовь еще не вся жизнь, мужчина не можетъ жить одной любовью. У ея мужа есть любимое, большое дѣло—дѣло, въ которомъ цѣлая будущность. Но пусть Нина вспомнитъ, до чего они дошли:

Digitized by Google

онъ забросилъ свои работы, онъ въ себя вѣрить перестаь, готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ. Тамъ гдѣ жертвы—счастья не можетъ быть. Но зачѣмъ-же, зачѣмъ жертвы между ними, когда они оба искренно любятъ?..

Она увлеклась... Ей уже казалось, что все сбудется—его жена пойметъ ее. Развѣ можно не вѣрить безкорыстію того, кто такъ говоритъ?

— Такъ, вотъ что, вотъ что! Романъ несчастный человѣкъ—ты это ему внушаешь? Неправда, неправда—ты все сама выдумала! Онъ никогда не жаловался, онъ не обвинялъ меня ни въ чемъ.

Елена разомъ очнулась.

...И эта женщина думаетъ, что она любитъ! Ей нужны жалобы, чтобы знать, что́ тяготитъ любимое существо...

Въ памяти промелкнуло усталое, старческое лицо, какое она увидѣла въ тотъ мигъ, когда ея смѣлыя слова разогнали сантиментальный туманъ, маскирующій его униженіе. Глубокое возмущеніе поднялось въ ея сердцѣ.

...О, нѣтъ, жалобъ Нина не дождется. Онъ привыкъ душить свои желанія въ угоду ей. Но развѣ сама она не можетъ разсудить? Неужели любовь ничего не подсказываетъ ей! Ну, хоть послѣднее, вотъ то, что еще свѣжо, случилось только-что: зачѣмъ она не дала ему поѣхать съ губернаторомъ? Это было такъ легко, даже расходовъ лишнихъ не стоило-бы! Онъ-бы освѣжился, встряхнулся, побывалъ наконецъ у Межуева. Неужели она не сознаетъ, въ какомъ одиночествѣ онъ живетъ и какъ трудно работать въ такихъ условіяхъ? Пусть она не подумала— но вѣдь еще проще: она видѣла, какъ ему этого хотѣлось! Надо было только рѣшиться поскучать немного, чтобы купить ему радость. Какъ-же понимаетъ она любовь?

Изъ груди Нины вылетѣлъ короткій стонъ.

У нея холодъ пробѣжалъ по нервамъ отъ этого звука.

— Да, да, Романъ во многомъ самъ виноватъ!—заспѣшила она.— Онъ давно долженъ былъ объясниться, высказать тебѣ все — сговориться. Онъ боится огорчить тебя, онъ тебя бережетъ, но вамъ надо поберечь свое счастье, пока не поздно!

Безпалова внѣ себя вскочила на ноги.

— Онъ сказалъ?.. Романъ сказалъ тебѣ, что онъ несчастливъ? Онъ жалуется?!. Говори-же, говори! Я знать хочу, что онъ сказалъ тебѣ! Ты внушаешь ему, что я не люблю его!..

Елена въ испугѣ схватила ее за обѣ руки.

— Не говори такъ, Нина, милая! Это неправда. Я знаю, что ты его любишь—я вѣрю, что ты любишь!

Она съ ужасомъ видѣла, что вмѣсто серьезнаго объясненія разыгрывается трагическая сцена.

Digitized by Google

Нина злобно вырвала у нея свои руки.

...Все, все это Елена сама ему внушаетъ. Ничего подобнаго никогда не было—Романъ страстно любилъ ее. Это Елена въ немъ поддерживаетъ напрасныя бредни. Все равно никакого толку изъ этого не выйдетъ, все глупости! Конечно, никто его профессоромъ не сдѣлаетъ! Напрасно онъ тратитъ время, деньги бросаетъ при ихъ-то бѣдности—и только женѣ жизнь отравляетъ!

Елена отвѣтила не сразу. Ее какъ будто грубо сбросили сверху внизъ.

— Да, это правда. Дѣлаю все, что могу, Нина, чтобы воскресить въ твоемъ мужѣ и любовь къ дѣлу и вѣру въ себя. Это мое человѣческое право.

— Нѣтъ, ты лжешь—неправда! Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ чужую семейную жизнь... Ты мое счастье сгубила!

— Семейная жизнь — еще не вся жизнь. Романъ не только твой мужъ: у него свои способности, убѣжденія, любовь къ наукѣ—талантъ... Ты готова погубить все это, и воображаешь, что ты любишь его!

Нина не отрывала отъ ея лица своихъ пылающихъ глазъ.

— Ты сама... Елена! Ты любишь его!..

Ея крикъ пронесся по дому и замеръ въ глубокой тишинѣ. Нина слышала, какъ колотится ея сердце замедленными, сильными ударами, точно туманъ заволакиваетъ мысль...

Елена провела рукою по глазамъ.

— И его, и тебя, ты могла видѣть это на каждомъ шагу. Мы дружны. Я лучше понимаю его, я старше тебя. Нина, клянусь, тебѣ ты можешь мнѣ довѣриться!

Нина заметалась внѣ себя, ломая руки.

— Да, я была слѣпа, я тебѣ вѣрила! Ты не смѣешь!!. у него есть жена, ему не нужно друзей—никто не вѣритъ такой дружбѣ—ты влюблена въ него!..

Она схватилась руками за виски, глаза ея блуждали.

— Дружба не нуждается въ позволеніи, семейная жизнь—не тюрьма!—выговаривала Елена съ отчаяніемъ, уже зная безповоротно, что все было напрасно: Нина не образумится, Нина не поняла, она ничему не повѣрила...

— Ты подкопалась подъ наше счастіе... Ты мнѣ завидуешь... Ты хочешь, чтобы онъ тебя любилъ...

Что значили ея страстные «нѣтъ!» полные возмущенія и отчаянія? Нина ее не слушала, ея волненіе переходило въ какой-то бредъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Нина должна разсудить, есть-же у нея совѣсть! Еслибъ она подкапывалась подъ ихъ счастье,—она не пыталась-бы образумить ее. Еслибъ она завидывала—она добивалась-бы чего-нибудь для себя.

Digitized by Google

Еслибъ хотѣла отнять любовь ея мужа—она не заботилась-бы объ ихъ счастіи. Она не пришла-бы къ ней! Развѣ такъ борятся? Развѣ такъ поступаютъ соперницы?

Все равно—Нина ее не слушала. Она говорила вслухъ сама съ собою, съ возрастающимъ отчаяніемъ.

— Я не хочу, не хочу этого! Романъ, я такъ люблю тебя! Зачѣмъ ты вѣришь ей, что я не люблю тебя! Нѣтъ—все кончено... Онъ ее любитъ давно—я ничего не видѣла! Я вѣрила. Все кончено, зачѣмъ мнѣ жить? Онъ такъ любилъ меня!.. Что мнѣ дѣлать!.. Господи! Что мнѣ дѣлать?..

Нина не плакала. Хватаясь руками за грудь, она шатаясь пошла въ спальню.

Елена шла за ней, умоляя ее собраться съ мыслями, не клеветать на Романа, не оскорблять ее такъ незаслуженно.

Безпалова обернулась на порогѣ и ея глаза засверкали ненавистью.

— Оставь меня! Я не пущу тебя въ нашу комнату!

— Какое безуміе, безуміе! Тебѣ-ли ревновать, когда онъ такъ любитъ тебя? Еслибъ я знала, что ты такъ ужасно поймешь меня!

— Оставь меня!

Она невольно осталась у порога. Черезъ полуоткрытую дверь она могла видѣть, какъ Нина бросилась къ столу и что-то искала между склянками. Лѣкарство? Ее поразило такое благоразуміе. Но вдругъ она услыхала звукъ жидкости, выливаемой въ стаканъ.

Она не успѣла ничего подумать,—бросилась въ спальню съ крикомъ безсознательнаго испуга.

На ея глазахъ Безпалова запрокинула назадъ голову и выпила то, что было въ стаканѣ. Она бросила стаканъ на полъ и съ торжествомъ вырвала у Елены свою руку.

— Оставь меня! Я хочу умереть безъ тебя.

XXIII.

Когда Безпаловъ долетѣлъ до дому, докторъ Зубровъ уже былъ тамъ.

Ему показалось, что около кровати цѣлая толпа людей и съ Ниной дѣлаютъ что-то непонятное, страшное... Изъ-за наклоненныхъ головъ, спинъ и движущихся рукъ на мигъ мелькнуло передъ нимъ синее лицо съ глазами, закатившимися въ полуоткрытыхъ вѣкахъ.

Докторъ взялъ Романа за плечи и заставилъ выйти изъ комнаты.

— Сидите здѣсь. Вы понадобитесь. Не входите туда.

Это былъ другой голосъ, другое суровое лицо—и этому голосу нельзя не повиноваться.

... Выпила ошибкой не то лѣкарство... Ему такъ сказали. Онъ несо-

ображалъ даже, что всѣ лѣкарства въ домѣ выписаны для Нины, она и ошибкой не могла-бы принять ничего вреднаго. Его ужасъ не имѣлъ опредѣленной формы—онъ не боялся, что Нина умираетъ. Этого просто быть не могло.

Его точно придавило страшной тяжестью, которую должны сдвинуть люди, тѣснящіеся у кровати. Онъ не подумалъ, что и самъ онъ могъ-бы дѣлать все то, что дѣлаютъ эти люди. Онъ только ждалъ: ждалъ всѣмъ своимъ существомъ, когда Нина вернется въ эти комнаты, гдѣ впервые не слышно ея голоса. Онъ закрывалъ глаза, чтобы лучше уловить каждый звукъ въ спальнѣ—о, да, онъ различитъ и отсюда ея вздохъ!..

Отрывистыя распоряженія доктора, вопросы Елены онъ слышалъ, но тутъ-же забывалъ или вовсе не схватывалъ смысла. Когда Луша набѣгу стукнула дверью, его лицо такъ исказилось, какъ будто она стукнула его по головѣ.

Докторъ вышелъ на минуту въ большую комнату, чтобы послать его въ аптеку.

— Вы поняли?—спросилъ докторъ, пристально взглянувъ ему въ глаза—и тутъ-же, не дожидаясь отвѣта, началъ писать на клочкѣ бумаги все, что онъ только-что объяснялъ ему.

Елена съ мокрымъ лбомъ, черными губами и безумными глазами, совсѣмъ не подошла къ Роману.

Она сказала Зуброву, что Нина на ея глазахъ выпила все, что оставалось въ склянкѣ, отъ недавно имъ прописаннаго лѣкарства. Зубровъ не сталъ разспрашивать, какимъ образомъ это могло случиться: только лицо его становилось все строже послѣ каждаго взгляда на нее. Онъ безъ отдыха давалъ ей какія-нибудь порученія, безъ всякой надобности посылалъ ее всюду, вмѣсто прислуги, заставлялъ помогать себѣ. Ея глаза были прикованы къ его губамъ; руки холодны, какъ ледъ.

Докторъ послалъ ее въ столовую и приказалъ настойчиво выпить рюмку вина.

— Хорошо. А вина выпили вы?—спросилъ онъ, принимая изъ ея рукъ какую-то ненужную чашку.

Она смотрѣла на него, не понимая.

Зубровъ приказалъ горничной принести вино.

— Выпейте!—сказалъ онъ повелительно, подавая рюмку Еленѣ.

Она поднесла ко рту и сейчасъ-же опустила руку.

— Не могу.

— Вы должны! Вамъ придется дежурить ночь, и не одну.

— Не могу... Что-то въ горлѣ...

— Я такъ и думалъ,—проворчалъ мрачно Зубровъ.

Digitized by Google

— Я надѣюсь, что она это выдержитъ, сказалъ въ первый разъ докторъ Зубровъ.

Въ большой комнатѣ стемнѣло, а въ спальнѣ давно горѣлъ огонь. Былъ это первый день или второй? У нея не было никакого представленія о времени. Въ собственномъ застывшемъ тѣлѣ она чувствовала только ледяной холодъ и острую ломоту въ затылкѣ.

— Вы для меня это говорите?—спросила она.

Зубровъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Нѣтъ. До сихъ поръ я почти совсѣмъ не надѣялся. Я, конечно, не могу поручиться и теперь.

Елена машинально поправила волосы, слипшіеся на влажныхъ вискахъ, и въ первый разъ ея безумный взглядъ смягчился.

Докторъ уѣзжалъ и вернулся черезъ часъ.

— Не входите туда безъ меня,—сказалъ онъ, уѣзжая, Безпалову; и тотъ послушно просидѣлъ на томъ-же мѣстѣ, на стулѣ у двери, слѣдя по часамъ, когда докторъ вернется.

Елена этотъ часъ простояла на колѣняхъ у кровати. Минутами ей казалось, что синія губы больной шевелятся, слышался какой-то шепотъ. На мигъ она закрывала глаза, и такъ-же ясно видѣла передъ собою застывшее лицо... Потомъ показалось, будто Романъ очутился въ комнатѣ, за ея плечами. Она не слыхала, когда онъ вошелъ. Романъ тоже что-то шепталъ надъ нею...

«Что-же это... Я съ ума схожу? Брежу я?» думала она съ ужасомъ, принудивъ себя оглянуться.

Въ пустой комнатѣ могильная тишина.

Каждую четверть часа Елена вливала въ ротъ больной ложку лѣкарства. Въ углу синихъ раздвинутыхъ губъ чернѣетъ резиновая пробка; голова обложена компрессами. Изсиня блѣдное, маленькое личико напоминало ей тяжело раненыхъ въ военномъ госпиталѣ, молоденькихъ новобранцевъ, съ едва пробивающимся пушкомъ на женственныхъ лицахъ. Она всматривается сухими, горящими глазами, умѣвшими когда-то уловить малѣйшую тѣнь на страдальческихъ лицахъ. О Романѣ она не думаетъ. Но все время она ощущаетъ его присутствіе тамъ, за стѣной. Романъ наполняетъ собою все пространство за этими стѣнами. Смертельный ужасъ, застывшій въ ея тѣлѣ, и есть это сознаніе. Тамъ, за-стѣной, сидитъ онъ, ничего не подозрѣвая, не зная, что его Нина борется со смертью. Смерть обрушила на Нину она. Онъ не знаетъ...

Ничто не въ силахъ заглушить этого сознанія—но сильнѣе ужаса смерти, сильнѣе жалости, жгучей нѣжности и всего страшнаго изнеможенія ея души.

Докторъ вернулся и остался доволенъ осмотромъ больной. Онъ обѣщалъ еще разъ пріѣхать среди ночи и сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ докторомъ, въ спальню вошелъ Безпаловъ и заметался въ ужасѣ, пораженный мертвеннымъ видомъ Нины.

— Что-же, что это докторъ? вѣдь она умираетъ! Вы скрывали отъ меня?

— Было близко!.. Нѣтъ, она не умретъ, сказалъ Зубровъ съ увѣренностью, счастливымъ голосомъ.

Елена схватилась руками за стулъ, чтобы удержаться отъ страстнаго желанія броситься къ его ногамъ, въ порывѣ жаркой благодарности судьбѣ, пощадившей ее. Онъ держалъ судьбу въ своихъ рукахъ! Онъ вливалъ каплю жизни въ ея леденѣющую душу.

Романъ спорилъ съ докторомъ. Онъ не соглашался уходить изъ спальни, спрашивалъ, какъ смѣли скрывать отъ него, не пускали его, когда она умирала? Что она выпила? какъ это могло случиться?

Зубровъ насильно вывелъ его изъ комнаты.

— Все равно, Романъ Петровичъ, какъ-бы ни случилось—теперь все дѣло въ томъ, чтобы спасти ее,—сказалъ онъ сурово.—Это совершенно безполезныя волненія, и вы не въ правѣ позволять ихъ себѣ теперь! Я желаю, чтобы вы дежурили поочередно и въ промежуткахъ непремѣнно отдыхали. Вы понимаете? Никакихъ разговоровъ—абсолютно! Я не могу положиться на перепуганныхъ и взволнованныхъ людей!

— А вы мнѣ ручаетесь за нее?—крикнулъ Романъ, чувствуя что-то похожее на непріязнь, вмѣсто благодарности, какою онъ обязанъ этому человѣку.

Зубровъ поглядѣлъ на него, пожалъ плечами и вернулся въ спальню.

Безпаловъ потребовалъ сейчасъ-же смѣнить Елену—она черезчуръ измучилась за день. Докторъ былъ съ нимъ согласенъ; но его поразило отчаяніе Елены.

— Я не могу ее оставить—не могу! Пощадите меня, не гоните меня! Вы не знаете... Я не могу!

Она схватила Зуброва за руки: ему вдругъ показалось, что въ смятеніи она готова поцѣловать ихъ. Онъ сталъ ее успокоивать, не зная что̀ ему дѣлать. Онъ читалъ на ея лицѣ что-то до того мучительное, что нельзя было этому сопротивляться—и онъ только старался угадать, можно-ли положиться на ея силы?

Докторъ объявилъ Безпалову, что первые часы онъ можетъ довѣриться только опытной сидѣлкѣ. Онъ заставилъ Романа выпить стаканъ крѣпкаго кофе и поручилъ ему каждые полчаса заглядывать въ спальню.

— Уходите сейчасъ-же, если все въ порядкѣ. Убѣдительно прошу не разговаривать,—настаивалъ докторъ.

Зубровъ уѣхалъ изъ большого дома усталый и глубоко взволнованный загадочной драмой, завершившейся на его глазахъ. Что довело Нину

Digitized by Google

до сумасбродной выходки? У такой женщины это могло быть только мгновенной истерической выходкой, а не серьезнымъ поступкомъ. Тѣмъ больше жаль безразсуднаго ребенка! Но эта жалость заслонялась другимъ, на нее непохожимъ и глубокимъ состраданіемъ...

Онъ почти угадывалъ роль этой несчастной Елены, надрывавшей ему душу своимъ покорнымъ виноватымъ отчаяніемъ. Вотъ и вовсе не сумасбродная, а тоже пошла на какой-то безумный шагъ... Любовь?..

Въ душѣ его поднимался глухой протестъ, въ которомъ онъ не спѣшилъ дать себѣ отчета. Онъ думалъ о странномъ положеніи, какое эта женщина создала для себя въ чужой семьѣ... Онъ осуждалъ ее. Но осужденіе не успокоивало его.

Каждые полчаса, неуклонно какъ часовая стрѣлка, Романъ появлялся на порогѣ спальни.

Онъ убѣждался, что Нина лежитъ такъ-же неподвижно, а Елена близко наклонилась надъ нею съ своего низенькаго кресла.

Въ первый разъ Елена подняла голову и посмотрѣла на него.— Во второй разъ она такъ сильно вздрогнула, что онъ это видѣлъ съ порога.—Въ слѣдующій разъ Елена порывисто вскочила на ноги и рукою схватилась за стулъ.

Безпаловъ нахмурился и быстро подошелъ къ ней.

— Ты задремала, ты больше не въ состояніи сидѣть! Ступай, лягъ тамъ на диванѣ. Скажи только, что я долженъ дѣлать? когда лѣкарство?

— Нѣтъ, Романъ, я не дремала! Клянусь тебѣ... Ты ошибаешься! Я не устала.

— Я самъ видѣлъ. Здѣсь не мѣсто спорить—Елена, уйди, я тебя прошу!

Онъ рѣшительно отстранилъ ее и опустился въ кресло. На столѣ лежалъ листокъ съ подробной инструкціей Зуброва. Безпаловъ сталъ читать его.

Какъ могла-бы она объяснить, почему безмолвное появленіе Романа въ дверяхъ спальни такъ пугало ее? Она не знала, было-ли то дѣйствительность или бредъ. Она не спрашивала его теперь, боясь выдать себя.

Она не знала, что Зубровъ поручилъ Безпалову слѣдить за нею. Она не вѣрила своему смятенному воображенію, столько ей слышалось несуществующихъ звуковъ, такъ обманывали ее глаза. Во всѣхъ углахъ слышался шепотъ, тревожный, зловѣщій. За дверью какъ будто стояла и шепталась цѣлая толпа. Дверь вдругъ содрогалась отъ напора этой толпы, безъ звука. Лицо больной улыбалось... Черная пробка во рту

обезображивала улыбку, это было уже не Нинино, а чужое, страшное лицо... Глаза смотрѣли сквозь опущенныя вѣки.

Она сознавала, что все это ей мерещится, но сердце то падало, то металось въ груди. Странное молчаливое появленіе Романа казалось такой-же игрой воображенія.

Елена точно въ туманѣ очутилась въ большой комнатѣ.

Больше она не войдетъ къ нимъ—ее не пустятъ! Не пустятъ!.. За все зло, какое она сдѣлала, ее только... отстранятъ. Куда?

— Всегда легко умереть...—выговорила она громко, не замѣтивъ этого.

Она машинально шла прямо, пока не дошла до балконной двери. Прижалась лбомъ къ холодному стеклу и смотрѣла въ черный садъ. Но передъ глазами у нея была подушка, освѣщенная зеленоватымъ свѣтомъ, и маленькое личико подъ бѣлымъ компрессомъ.

Вдругъ ее громко позвали.

Безпаловъ выбѣжалъ изъ спальни и метался во всѣ стороны, не разглядѣвъ сразу, гдѣ Ставлина.

— Скорѣй, Бога ради!!. Я не знаю... Она умираетъ! Я не знаю, что съ нею...

— Молчи, молчи! не говори этого! Нѣтъ, нѣтъ, Романъ..!—молила Елена, задыхаясь.

Глаза больной открылись. Не Нинины, а странные, свѣтлые, туманные глаза. Взглядъ, уходящій вверхъ, медленно обвелъ пространство и прозрачныя вѣки тихо упали до половины. Лицо блѣднѣло на глазахъ, хоть оно и раньше не отличалось отъ подушки. Оно становилось прозрачнымъ—черты вытягивались и застывали.

— Вотъ... смотри, смотри!—шепталъ растерянно Романъ.

Елена стала на колѣни и приложила голову къ груди.

— Обморокъ, обморокъ, не бойся! Бутылки горячія! Кофе крѣпкаго! Скорѣе, скорѣе...

Она выхватила подушки изъ-подъ головы больной, сбросила компрессы и что-то вливала ей въ ротъ.

Безпаловъ чувствовалъ, что она знаетъ, что дѣлаетъ, и съ трепетомъ ловилъ ея слова. Онъ видалъ обмороки, но это слишкомъ ужасно! Это былъ трупъ.

— Не долженъ былъ повторяться обморокъ—не долженъ! Это страшно... Романъ, Романъ!..—говорила Елена съ отчаяніемъ, ломая руки, когда обморокъ прошелъ.

Въ лицѣ больной проступили живые тоны, уловимые только по сравненію съ тѣмъ, какимъ было это лицо за минуту.

Романъ хотѣлъ ѣхать за Зубровымъ. Она испуганно удержала его за руку.

Digitized by Google

— Не уходи — нѣтъ, Бога ради, не уходи! Пошли Машу, кого-нибудь.

«Она боится—она растерялась», —подумалъ Безпаловъ, чувствуя, что теряетъ послѣднюю опору.

Когда онъ вернулся въ спальню, Елена стояла на колѣняхъ передъ кресломъ, припавъ лицомъ къ сидѣнью.

Съ дѣтства забытыя, никогда не приходившія на умъ слова молитвъ съ страшной мукой выдавились изъ души: Господи спаси... Не попусти... Пощади, Боже мой, не дай ей умереть...

Безпаловъ дотронулся до ея плеча.

Не поднимаясь съ колѣнъ, Елена схватила его руку и припала къ ней лицомъ.

— Я, я, виновата... Романъ, я это сдѣлала... я отняла ее у тебя!..

Онъ съ такой силой дернулъ за руку, что разомъ поставилъ ее на ноги, схватилъ за плечи и инстинктивно оттѣснилъ ее въ глубину комнаты.

— Что ты сдѣлала? Что ты сдѣлала?—спрашивалъ онъ, безсознательно все крѣпче надавливая на плечи.

Она смотрѣла ему прямо въ лицо расширенными, черными глазами.

— О тебѣ говорили... Она вышла изъ себя — не поняла меня!.. Ты былъ правъ,—нельзя говорить!.. На глазахъ... всю склянку...

Рыданіе или стонъ—какой-то дикій, короткій звукъ вылетѣлъ изъ горла. Онъ оттолкнулъ Елену съ такой силой, что она ударилась спиною объ столъ. Стаканы и склянки закачались и зазвенѣли отъ толчка.

А-а! Такъ она все-таки настояла на своемъ! Все, все онъ теперь понимаетъ—знаетъ, что она говорила Нинѣ! Она осмѣлилась!.. Но вѣдь онъ говорилъ-же ей, что это убьетъ ее—чего, чего она хотѣла! Какой-то иной жизни для него—свободы!—Его, мужика здоровеннаго, ей жаль, а этого больного ребенка не пощадила!..

— Уйди, уйди... я не могу видѣть тебя! Ты и меня убила, если она умретъ... Уйди, я ненавижу тебя!

Онъ упалъ на стулъ. Все тѣло его конвульсивно содрогалось. Онъ схватилъ голову въ обѣ руки и раскачивался изъ стороны въ сторону.

Въ первую минуту она чувствовала странное успокоеніе. Сознаніе, что Романъ знаетъ все—на ней нѣтъ больше страшной тайны—точно холодными волнами заливало душу, выжженную мукой. О, пусть онъ проклинаетъ, упрекаетъ ее—пусть терзаетъ, какъ хочетъ, только бы не раскачивался такъ изъ стороны въ сторону, съ безумнымъ отчаяніемъ!..

Она не могла больше смотрѣть на это монотонное раскачиваніе. Она упала на колѣни передъ нимъ и схватилась за его плечи.

— Перестань, не надо такъ... Романъ, Бога ради!.. Она жива, жива, посмотри! Сейчасъ Зубровъ пріѣдетъ... Онъ сказалъ, она не умретъ... Я умру, Романъ, я умру, я не переживу твоей ненависти!

Digitized by Google

Онъ отолкнулъ ее и, шатаясь, пошелъ къ кровати.

— Нина!—долетѣлъ до нея его вопль.

Она вскочила на ноги.

Прочь, прочь отсюда. Нельзя здѣсь оставаться!

И въ большой комнатѣ нельзя,—слишкомъ близко! Она и здѣсь слышитъ, какъ Романъ быстро и громко, точно безумный, что-то говоритъ надъ Ниной. Дальше, дальше куда-нибудь!

Погоняемая какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ уничиженія и отчаянія, она бросилась въ прихожую—открыла дверь въ сѣни и очутилась на крыльцѣ.

Темное небо, полное звѣздъ, точно вдругъ распахнулось надъ ея головой. Свѣжій воздухъ прильнулъ къ пылавшему сухимъ жаромъ лицу. Безмолвная, мягкая темнота прикрыла ее собою—точно сомкнулись надъ нею чьи-то широкія, покровительственныя объятія.

Она безъ силъ, тихо склонилась къ ступенямъ. Должна идти дальше—и не можетъ идти. Подняться на ноги не можетъ.

Первыя слезы волной поднялись въ груди—стояли надъ сердцемъ острой болью, стѣснили дыханіе и не могли пролиться. Сухіе глаза мучительно горѣли. Она смотрѣла на звѣзды. Тихій свѣтъ вливался въ нее и разгонялъ мысли. Мысли ускользали, таяли и увлекали ее за собою въ какую-то темную бездну...

Только слабый, больной стонъ безсознательно вырывался вмѣстѣ съ дыханіемъ.

XXIV.

«Дорогая моя—да, я жива! Получила ваше третье письмо, а другихъ двухъ не могу разыскать и не помню, что было въ нихъ. Вы въ правѣ спрашивать, жива-ли я. Мы скоро увидимся. Уйти изъ жизни не такъ легко, какъ кажется! Какъ долго выходъ изъ жизни былъ совершенно свободенъ передо мною—и я имъ не воспользовалась. Не предчувствовала, что настанетъ время, когда я не буду уже принадлежать себѣ! Пишу досадныя загадки, хоть вовсе не хочу этого. Пріѣду, и вы узнаете, какъ изъ свободнаго существа превращаются въ чужую собственность—и какъ не жалѣютъ объ этомъ, нѣтъ, нѣтъ! Можетъ быть, васъ это и не поразитъ,—вѣдь вы вся одна любовь. Иная любовь, обнимающая все живое, разливающаяся на все страждущее, такая любовь выше, чище, я знаю. Но и въ любви, которой я буду жить до послѣдняго вздоха моего, также нѣтъ эгоизма. Въ ней нѣтъ никакихъ собственныхъ желаній, радостей, кромѣ возможности дать человѣку лишнюю минуту покоя и свободы. Но это и не заслуга: нѣтъ выбора, нѣтъ своей воли! Вотъ какъ дѣтей своихъ мы любимъ и тогда, когда

Digitized by Google

они не приносятъ намъ ничего, кромѣ страданій. Любовь отдаетъ, а не требуетъ. Сама по себѣ она счастье...

«Вы пишете, что я поставила себя въ фальшивое положеніе, предостерегаете. Нѣтъ, родная, той опасности, о которой вы думаете, не существуетъ—все это слишкомъ не похоже на то, что обыкновенно зовется романами. Но случился ужасъ, какого нельзя было предвидѣть. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ могла я уцѣлѣть послѣ этого! О, конечно, только потому, что дѣло шло о спасеніи чужой жизни. Мнѣ говорятъ, что я ее спасла — но что это значитъ послѣ того, какъ я едва ее не сгубила? Но все-же не само собою это сдѣлалось—я мертвая отъ усталости. Приду отдыхать къ вамъ, моя несравненная, и вы узнаете, что надѣлала ваша несчастная Елена».

Да, всѣ повторяли Еленѣ, что она выходила Безпалову. Ея нѣжный и умѣлый уходъ, ея неутомимая забота и неистощимое терпѣніе помогли слабому организму справиться со всѣми послѣдствіями безумнаго поступка.

Выздоравливаніе тянулось долго и трудно. Нервы несчастной женщины были до такой степени потрясены, что она превратилась въ неразумнаго, капризнаго ребенка. Съ утра до ночи смѣнялись новыя жалобы и подозрѣнія, ища выхода для пожиравшаго ее мучительнаго раздраженія. Она горько рыдала о пустякахъ, которые способна была-бы разсудить маленькая Ниночка. Она каждую минуту теряла терпѣніе, предъявляла неисполнимыя желанія или искала виновниковъ своего неизъяснимаго томленія...

Елена, истерзанная жалостью и угрызеніемъ, выбивалась изъ силъ. Хуже всего было то, что Нина страдала мучительной, ни передъ чѣмъ не уступавшей безсонницей. Ночь надвигалась точно черная, зловѣщая туча. Объ ней начинали думать, ея уже трепетали съ самаго утра.

Докторъ Зубровъ изумлялся, откуда брались у Ставлиной силы выдерживать все это. Сначала она засыпала днемъ, урывками, но скоро и у нея тоже развилась сильнѣйшая безсонница, точно она заразилась отъ больной. Она, наконецъ, совсѣмъ перестала уходить къ себѣ наверхъ.

— Скажите, вамъ непремѣнно угодно тоже заболѣть?—спрашивалъ докторъ съ возрастающимъ раздраженіемъ. Вы, кажется, забываете, что за вами здѣсь некому будетъ ухаживать!

Она этого не забываетъ, но кто-же будетъ дѣлать вмѣсто нея? Она старалась смягчить его своимъ кроткимъ тономъ.

— Однако, еслибъ васъ не было, я давно приставилъ-бы къ ней сидѣлку. Это очень просто!

— Вы вѣдь знаете, что у Нины какой-то паническій страхъ передъ сидѣлкой: она думаетъ, что сидѣлки бываютъ только у умирающихъ.

Digitized by Google

— Я знаю, что ея фантазіямъ нѣтъ конца, но отъ этого еще не умираютъ! Я не могу допустить, чтобы вы на моихъ глазахъ убивали себя такимъ образомъ.

Но и помѣшать этому онъ не могъ. Елена старалась не раздражать его возраженіями и дѣлала по своему.

...«Она именно думаетъ, что она должна себя убивать! Ужъ эти мнѣ женщины»!—говорилъ себѣ докторъ съ безсильнымъ возмущеніемъ.

Безпаловъ, послѣ первой опасной недѣли, принужденъ былъ вернуться на службу. Дѣла скопилось пропасть; его часто экстренно требовали къ генералу Ставлину, и на дому онъ былъ заваленъ работой.

Съ Еленой, послѣ ночной сцены, у него не было больше никакого разговора о случившемся. Трогало-ли его сколько-нибудь все, что ей приходилось выносить? Она, конечно, и не могла поступать иначе... По всей вѣроятности, еслибъ и не одна Елена, а еще нѣсколько человѣкъ сбились съ ногъ, ухаживая за Ниной, Романъ находилъ-бы это только вполнѣ естественнымъ.

Но другой человѣкъ находилъ такое самопожертвованіе выходящимъ изъ границъ. Зубровъ махнулъ, наконецъ, рукой на Елену Семеновну и рѣшилъ поговорить съ самимъ Безпаловымъ.

...У мадамъ Ставлиной есть здѣсь по сосѣдству молоденькая пріятельница; такъ какъ Нина Алексѣевна боится профессіональной сидѣлки, то эта особа могла-бы чередоваться съ Еленой Семеновной и скоро привыкла-бы подъ ея руководствомъ.

Къ удивленію доктора, Безпаловъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе отъ одной мысли допустить къ женѣ чужого человѣка. Развѣ Елена больна? Она не жалуется.

— Нѣтъ надобности въ ея жалобахъ, чтобы понимать, что нельзя безнаказанно изнурять себя такимъ образомъ! — отвѣтилъ рѣзко Зубровъ.

...Елена увѣряетъ, что это только навыкъ ходить за больными. Это очень вѣроятно. У него также есть кое-какой навыкъ, хотя не спать столько, какъ это можетъ она, онъ, вѣроятно, не былъ-бы въ состояніи. Во всякомъ случаѣ, докторъ напрасно хлопочетъ — ни та, ни другая никогда не согласятся на это.

«Ни самъ ты, подъ первымъ номеромъ, вотъ оно — бездушіе любви!»—возмущался Константинъ Павловичъ, уѣзжая изъ Ставлинскаго дома, гдѣ оставались всѣ его помыслы, въ то время какъ онъ объѣзжалъ своихъ паціентовъ, раздраженный и несообщительный.

Однако, въ тотъ-же день, вернувшись со службы, Безпаловъ насильно отослалъ Елену наверхъ. При этомъ у него былъ такой нетерпѣливый тонъ, что она поспѣшила уступить. Вѣроятно, Романъ боится, что она будетъ недостаточно бодра ночью.

Digitized by Google

До самого обѣда Елена добросовѣстно пролежала на своей кровати, не сомкнувъ глазъ ни на минуту. Нервное волненіе начинается сейчасъ-же, какъ только она опуститъ голову на подушку, какъ-бы ни была велика усталость. Мысли слабо и безпокойно кружатся въ головѣ...

...Нина поправляется... Нина начала вставать... вчера въ первый разъ вынесли въ креслѣ на балконъ. Ничего, что ей сдѣлалось дурно—докторъ не придалъ этоту значенія. Воздухъ заставитъ ее спать...

Вмѣсто того, чтобы отдыхать, Елена лежала и думала о томъ, заснетъ-ли сегодня Нина?.. Давно ужъ въ головѣ у нея не было никакихъ другихъ думъ, какъ о Нинѣ, объ ея потребностяхъ и желаніяхъ, объ ея страданіяхъ...

Невниманіе и жесткость Романа казались ей въ такой мѣрѣ заслуженными, что возмущали ее такъ-же мало, какъ и капризы больной.

...«Онъ не проститъ мнѣ никогда»,— повторяла она себѣ каждый день.

Надежды доктора Зуброва оправдались: благодаря свѣжему воздуху, Нина наконецъ начала спать и ея невѣроятная раздражительность сейчасъ-же стала ослабѣвать.

— Ну, теперь у насъ дѣло пойдетъ на ладъ!—потиралъ руки съ торжествомъ докторъ.

Докторъ сейчасъ-же потребовалъ, чтобы теперь Елена Семеновна занялась сколько-нибудь собою: она должна брать ежедневно теплую ванну.

Елена серьезно разсердилась. Не хватало еще такой возни безъ всякой надобности, мало еще всѣ люди съ ногъ сбились!

— Ну, разумѣется, можно-ли сдѣлась что-нибудь для васъ? Вы вѣдь не хозяйка въ этомъ домѣ!—язвилъ злорадно Зубровъ.

— Я не больна, докторъ. Бога ради, не дѣлайте столько важности изъ моей особы!

— Это законная привилегія другихъ, не правда-ли?

— Правда. Вѣдь невозможно физически, чтобы это было привилегіей всѣхъ.

Она разсмѣялась такъ добродушно, что онъ почувствовалъ знакомую смѣсь досады и восторга.

Да, именно смѣсь досады и восторга испытывалъ онъ передъ поведеніемъ этой безразсудной женщины. Въ такихъ положеніяхъ сказывается вся натура человѣка.

— Она добра какъ ангелъ,—говорилъ докторъ Евгеніи Ивановнѣ Ковригиной,—но она такъ себя поставила, что, не зная ея, можно почти подумать, что она не умна.

— Это судьба великодушныхъ людей быть въ дуракахъ передъ

Digitized by Google

эгоистами!—пояснила та со свойственной ей категоричностью.—Елена, конечно, ничуть не озабочена ихъ благодарностью!

Докторъ горячился. Онъ, конечно, не знаетъ, екакъ стоитъ дѣло... Можетъ быть, что Еленѣ Семеновнѣ ничего больше и не остается, какъ безропотно отдать себя на жертву! Тутъ очевидно что-то очень сложное! Но всячески нельзя не возмущаться полнымъ невниманіемъ къ ней съ той стороны.

...«Охъ, голубчикъ, что-то самъ ты у меня черезчуръ ужъ горячо возмущаешься за нее!»—подумала на это Евгенія Ивановна.

Разумѣется, Евгенія Ивановна думала объ этомъ не въ первый разъ.

— Знаешь. Павликъ— этотъ бѣдняга безумно влюбленъ въ Елену... Тутъ ужъ не шуткой пахнетъ! Вотъ не везетъ-то хорошему человѣку!

Павликъ отнесся къ этимъ наблюденіямъ гораздо легкомысленнѣе, чѣмъ его супруга.

— Чѣмъ-же не везетъ-то? Мы вотъ возьмемъ да и поженимъ ихъ. Ловкая это штука выйдетъ, Женька, а?

Но Женя не восхитилась, а разсердилась.

— Такъ и женили мы ихъ, еще-бы! За нами дѣло стало! Посмотритъ она на кого-нибудь, коли она боготворитъ своего Романа!

Учитель посвисталъ, глядя въ потолокъ.

— Ничего, обойдется какъ-нибудь! Не сумасшедшая-же она и въ самомъ дѣлѣ, чтобы серьезно полюбить Нининаго раба!

Евгенія Ивановна молчала и думала, что мужчины ничего не понимаютъ.

Прошла еще недѣля. Атмосфера большого дома прояснилась; Нина поправилась. Клеопатра Павловна каждый хорошій день катала племянницу въ своей коляскѣ. Весь городъ кричалъ, что докторъ Зубровъ вырвалъ Безпалову изъ когтей емерти. На улицѣ на нее оглядывались точно на выходца съ того свѣта, когда она, полулежа на подушкахъ, улыбалась всему свѣтлой и наивной улыбкой выздоравливающихъ.

Елена никогда не принимала участія въ этихъ катаньяхъ. Какъ только коляска уѣзжала, она тоже одѣвалась и отправлялась пѣшкомъ куда-нибудь загородъ. На нее теперь напала лихорадочная страсть двигаться; цѣлыми часами она кружилась по саду, если не уходила въ поле.

Ей часто приходилось брать съ собою маленькую Ниночку—но, увы, это уже не были ихъ веселыя лѣтнія прогулки. Елена должна была вымучивать изъ себя каждую фразу.

— Я, должно быть, все уже пересказала тебѣ!—говорила она смущенно на жалобы дѣвочки.

Нерѣдко въ этихъ прогулкахъ участвовалъ также докторъ Зубровъ. Именно въ эти часы дня докторъ любилъ ѣздить на свою мызу.

Digitized by Google

Онъ выходилъ изъ экипажа и сопровождалъ мадамъ Ставлину,—точно праздный человѣкъ, вполнѣ располагающій своимъ временемъ. Но при этомъ случалось нѣсколько разъ, что столь несвоевременный отдыхъ нарушался гонцами отъ паціентовъ, летѣвшими сломя голову разыскивать доктора.

Константинъ Павловичъ все больше пристращался къ своей покупкѣ. Онъ забросилъ старыхъ знакомыхъ, чтобы все свободное время проводить въ уютномъ домикѣ, который онъ устроивалъ съ нѣжной заботливостью.

Однажды докторъ упросилъ Елену Семеновну прокатиться съ Ниночкой до мызы; они были уже на половинѣ дороги туда.

Елена уступила неохотно. Что-то стѣсняло ее все больше съ нѣкоторыхъ поръ въ ея дружескомъ сближеніи съ докторомъ Зубровымъ. Но съ другой стороны онъ былъ такъ внимателенъ къ ней, что ей не хотѣлось, чтобы онъ считалъ ее неблагодарной. Онъ окружалъ ее трогательной заботливостью. Одинъ этотъ человѣкъ считалъ за нее всѣ трудности, думалъ объ ея здоровьѣ и покоѣ и глухо боролся противъ «кумировъ». Елена не сердилась на него за это прозвище... Она приняла его съ какой-то странной улыбкой, невыразимо раздражавшей Константина Павловича.

Докторъ повторялъ себѣ въ безчисленный разъ, что у этой женщины «нѣтъ никакого самолюбія». Во всемъ свѣтѣ принято вкладывать въ это сужденіе оттѣнокъ презрѣнія или насмѣшки. Однако, къ его досадѣ, на этотъ разъ насмѣшка не прививалась; она такъ и оставалась чѣмъ-то чужимъ, взятымъ на вѣру изъ общаго обихода... Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ-бы сказать, что онъ часто встрѣчалъ на своемъ вѣку людей, умѣющихъ обходиться безъ самолюбія. И еще меньше того рѣшился-бы онъ утверждать, что когда-нибудь раньше ему доводилось встрѣчать этотъ дефектъ въ такомъ чистомъ видѣ... Къ чему-же приведетъ это ее въ концѣ концовъ?..

На мызѣ Ставлина была поражена перемѣнами, совершившимися въ такой короткій срокъ въ знакомомъ ей скромномъ домикѣ.

— Какъ будто и возможно теперь тутъ жить—вы какъ находите, Елена Семеновна?—спрашивалъ довольный хозяинъ, заглядывая ей въ лицо.

— Помилуйте, тутъ прелестно можно жить! — восхищалась она искренно.—А что говоритъ Евгенія Ивановна?

— Объ этомъ вамъ пора-бы и самой справиться, Елена Семеновна,—вы какъ считаете? Пришелъ, надѣюсь, конецъ вашему затворничеству?

— Въ такой мѣрѣ, что я собираюсь на-дняхъ укатить въ Петербургъ, если ничто не помѣшаетъ... Только, пожалуйста, пока не говорите объ этомъ у насъ,—спохватилась она сейчасъ-же.

Digitized by Google

Докторъ задумчиво притихъ послѣ этого сообщенія. Но черезъ нѣсколько времени онъ объявилъ, что чрезвычайно радъ ея отъѣзду. Это будетъ для нея настоящимъ отдыхомъ.

— Ну, а каково оно здѣсь намъ многогрѣшнымъ покажется... tant pis pour nous!—любятъ говорить французы.

И умный взоръ съ ласковой грустью остановился на ея похудѣвшемъ лицѣ, съ запавшими глазами. Они стали больше и свѣтились тревожнымъ блескомъ, имъ вовсе не свойственнымъ.

— Здѣсь я все такъ обставила, что мое отсутствіе ничему не повредитъ, — пояснила горячо Елена.—Для Романа Петровича нашелся отличный помощникъ. Даже и свои статистическія работы, въ случаѣ надобности, онъ можетъ сдавать туда-же... Отъ нихъ навѣрное не откажется сама Васильева.

На губахъ Зуброва играла саркастическая усмѣшка.

— Однимъ словомъ, если вы и на будущее время намѣреваетесь разыгрывать роль благодѣтельной семейной феи, то надо надѣяться, что существованіе вашихъ друзей еще на этомъ свѣтѣ превратится въ Магометовъ рай!

Елена негодующимъ движеніемъ поднялась на ноги, пораженная грубой неожиданностью.

— Какая неумѣстная насмѣшка, докторъ!

Онъ сейчасъ-же опомнился. Елена должна простить—онъ не хотѣлъ разсердить ее! Она знаетъ, что онъ и самъ очень любитъ Безпаловыхъ—но подчасъ нѣтъ силъ смотрѣть хладнокровно на то, какъ она съ ними няньчится... Точно для нея самой въ жизни все кончено! Точно ничего уже и быть не можетъ лучшаго!

-- Да, для меня ничего не можетъ быть — по крайней мѣрѣ я ничего не хочу. Нинокъ, Нинокъ!.. куда она убѣжала? Намъ пора ѣхать.

Зубровъ загородилъ ей дорогу.

— Вы разсердились на меня?

Она подняла глаза и встрѣтилась съ его взволнованнымъ взоромъ.

— Нѣтъ!—сказала она искренно и протянула руку.—Я отъ всего сердца благодарна вамъ за ваши заботы обо мнѣ. Вы тоже няньчились со мною больше, чѣмъ нужно... если для такихъ вещей существуетъ какая-то мѣрка! Спасибо вамъ.

Она сказала это горячо и милые глаза наполнились слезами, когда Зубровъ сталъ цѣловать ея руки, весь охваченный неизъяснимымъ волненіемъ.

— Я... Елена Семеновна!.. Я готовъ на рукахъ васъ носить, еслибы только вы мнѣ это позволили...

— Ну, нѣтъ-съ!—засмѣялась она,—для этого вы ужъ кого нибудь другого выберите. Я люблю на своихъ ногахъ стоять. И... пожалуй,

сама также не прочь потащить кого нибудь, если подъ силу придется!..

Они пошли разыскивать Ниночку. Прощаясь, докторъ спросилъ напишетъ-ли ему Елена Семеновна изъ Петербурга? Онъ долженъ знать, какъ она будетъ поправляться.

Она не совсѣмъ понимала, о чемъ она должна писать ему—но она обѣщала, потому что ей не хотѣлось отказывать.

Проводивъ гостей, докторъ вернулся въ угловую комнату.

— «Нѣтъ, братъ, Костенька—не такъ оно просто, какъ тебѣ любезный мой, кажется!..» думалъ онъ уныло, глядя на пустое кресло.

Послѣ этого посѣщенія докторъ Зубровъ ни чѣмъ не могъ избавиться отъ ощущенія пустоты, какое охватывало его въ его любимомъ домикѣ... И почему?.. Ничего вѣдь не могла унести съ собою его мимолетная милая гостья... Ничего—потому что ничего у него и не было. Но въ его настроеніи что-то измѣнилось... Точно прибавилось невольное, ничѣмъ неоправдываемое нетерпѣніе.

XXV.

Завтра Алеша Васильевъ явится въ первый разъ въ лабораторію Безпалова. Елена занялась предварительной уборкой, такъ какъ со времени болѣзни Нины здѣсь завелись большіе безпорядки.

Сегодня въ первый разъ они сойдутся здѣсь съ Романомъ; до сихъ поръ они спускались внизъ въ разное время, наскоро справляясь кое-какъ съ такими работами, которыхъ нельзя было прервать. Но теперь и въ этихъ записяхъ оказывались то очевидные пропуски, то самая досадная путаница.

...«Что мудренаго!.. Я иногда работала здѣсь точно въ бреду...» припоминала теперь Елена.

Она скоро убѣдилась, что и сегодня будетъ не такъ легко сосредоточиться, какъ она надѣялась. Сердце бьется все сильнѣе—мысли безпокойно кружатся въ умѣ.

Безпаловъ замѣшкался наверху. Онъ бѣгомъ спустился по крутой лѣсенкѣ и ворвался въ комнату съ такимъ яснымъ, привѣтливымъ лицомъ—что отъ одного взгляда на него ее вдругъ точно перебросило назадъ, въ прошлое... Отчаянная, острая жалость, какъ тисками сдавила сердце. Голова кружилась... Колѣни начали дрожать... Послѣдняя краска сбѣгала съ ея лица.

— Ну, вотъ мы и въ старой колеѣ! Давайте, давайте — подсчитаемъ-ка наши протори и убытки!

Онъ весело поздоровался съ нею; но въ глазахъ сейчасъ-же промелькнула тѣнь, когда ея холодная рука отвѣтила безжизненно на его крѣпкое пожатіе.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не въ старой колеѣ, Романъ Петровичъ—здѣсь такая путаница, что просто хоть все сначала начинай!—сказала Елена озабоченно.

— Та-та-та!—только, прошу, не поддаваться сейчасъ-же женской экспансивности! Какъ восторги, такъ и уныніе преждевременные здѣсь одинаково безполезны.

Романъ чувствовалъ себя свободно и радостно въ старой колеѣ, точно вернувшись домой послѣ долгаго вынужденнаго отсутствія. Онъ заранѣе мирился со всѣми «проторями и убытками». Онъ не придетъ въ отчаяніе даже и передъ необходимостью начать кое-что сызнова. Въ немъ было ровное, выдержанное терпѣніе опытнаго работника, любящаго самый трудъ почти столько-же, какъ его результаты. Въ немъ было и смиреніе призваннаго слуги науки, не ставящаго ни во-что громадныя усилія, хотя-бы передъ самымъ крохотнымъ успѣхомъ.

«Не суть важно!»—любилъ онъ говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда Елена готова была унывать и сокрушаться.

Но, однако, и Безпаловъ началъ понемногу хмуриться, выслушивая жалобы ея на неудовлетворительное состояніе журналовъ.

— Гм... н-да!... не весьма однако утѣшительно... Дай Богъ памяти...

И онъ усердно теръ себѣ лобъ, усиливаясь припомнить, откуда-бы могли взяться въ его собственныхъ отмѣткахъ, какія-то совершенно непонятныя теперь цифры?

— Нѣтъ!—знаете что?—рѣшилъ онъ еще черезъ четверть часа и неожиданно взялъ тетрадь изъ ея рукъ: — поступимъ радикально —не будемъ и теперь тратить время попусту!

Онъ вырвалъ изъ тетради нѣсколько листовъ и перервалъ ихъ пополамъ.

— Finis—такъ-то! Меня учили вѣрить только тому, что ясно какъ дважды два четыре. Не по догадкамъ-же теперь возстановлять пропуски и ошибки!

Елена ахнула—но черезъ минуту она уже равнодушно смотрѣла на разорванные листы.

...Неужели никогда, никогда больше все это не будетъ имѣть для нея прежняго интереса?

Романъ все внимательнѣе взглядывалъ на нее среди своихъ энергичныхъ распоряженій.

...Вотъ эти экземпляры придется теперь замѣнить свѣжими. Конечно, онъ чувствуетъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти передъ мучениками науки, напрасно глотавшими его снадобья. Онъ не прочь-бы даже полѣчить ихъ теперь, чтобы загладить вредъ—еслибъ это не выглядѣло черезчуръ ужъ смѣшно! но съ другой стороны, развѣ съ ихъ священными особами

Digitized by Google

жизнь не церемонится подчасъ гораздо меньше, чѣмъ онъ со своими крысами!

Елена спросила, къ чему онъ намѣревается приступить завтра. Надо, чтобы Алеша могъ заранѣе присмотрѣться сколько-нибудь.

— Помню, какъ вы загоняли меня, когда заставили въ первый разъ записывать подъ диктовку... А вѣдь у меня все-таки былъ кое-какой навыкъ! Мой бѣдный огородникъ совсѣмъ растеряется.

— Вашъ огородникъ все равно никогда не замѣнитъ васъ,— отвѣтилъ горячо Безпаловъ.

— Въ прошедшемъ... пожалуй! — усмѣхнулась она горько. — Въ настоящемъ гимназистъ будетъ навѣрное сообразительнѣе и даже усерднѣе меня.

Романъ смотрѣлъ на нее съ упрекомъ.

— Вамъ надоѣло?.. Я не ждалъ этого, по правдѣ сказать, выговорилъ онъ задумчиво.

— Не знаю... Должно быть надоѣло. Вы забываете, что я вѣдь не ученый, а только жалкій дилетантъ!

...Что-же это такое? — она отказывается? Онъ не схватывалъ значенія ея словъ.

— Дѣлать нечего! — господамъ дилетантамъ приходится иногда разрѣшать и покапризничать... Вы, надѣюсь, еще вернетесь въ старую колею?

Она низко нагнула голову и въ раздумьи перебирала обрывки бумаги. Такъ и ихъ дружба разорвана надвое, и ее нельзя склеить, какъ эти испорченные листы.

У него вырвался нетерпѣливый вздохъ. Ему такъ искренно хотѣлось вернуться въ старую колею—стряхнуть все случившееся, какъ тяжелый сонъ.

Выздоровѣвъ, Безпалова помнила очень смутно роковой разговоръ съ Еленой. Было что-то ужасное... Елена наговорила ей жестокихъ, непозволительныхъ вещей,—но все-таки ей было стыдно, что она могла сдѣлать такой безумный шагъ. Отчетливо Нина помнила только тотъ моментъ, когда она выпила лѣкарство. Она не знала можно-ли умереть, если выпить всю склянку—нужно было тутъ-же, сейчасъ сдѣлать что то страшное, чтобы Елена страдала такъ-же, какъ она!..

Мужу Нина совсѣмъ ничего не пыталась объяснять. Она просто обняла его и, рыдая, молила простить ее, не сердиться. Ей было стыдно и ужасно жаль его.

Жаль теперь и бѣдную Елену. Она сама на себя непохожа съ тѣхъ поръ... Надо поскорѣе забыть все это и зажить дружно попрежнему.

За всю ихъ жизнь это было въ первый разъ еще, что Нина со-

Digitized by Google

знавала себя неправой передъ мужемъ. Романъ скоро замѣтилъ, что это обѣщаетъ придать нѣкоторую устойчивость водворившемуся миру, что сейчасъ-же привело его въ прекраснѣйшее настроеніе.

— Бѣдненькая Елена, какъ она до сихъ поръ серьезно всѣмъ этимъ разстроена!..

Романъ только теперь замѣтилъ это—послѣ того, какъ Елена не откликалась на его дружескій призывъ, и когда изъ его собственной души уже изгладился послѣдній слѣдъ раздраженія противъ нея.

Вдругъ ему вспомнились жестокія слова, сорвавшіяся у него въ ту страшную ночь. И стало ясно, что именно тѣ слова теперь стоятъ между ними—портятъ жизнь, не даютъ ей взглянуть на него съ прежней лаской. Какое дикое недоразумѣніе!

Онъ сейчасъ-же безбоязненно заговорилъ: неужели-же Елена не хочетъ-забыть? Она оскорблена?

— Я, право, никогда не думалъ, что ты приняла такъ трагически... то есть, нѣтъ!—я совсѣмъ не думалъ объ этомъ,—я давно забылъ...

Это было такъ неожиданно больно, что Елена безсознательно закрыла лицо руками.

Онъ забылъ. «Видѣть тебя не могу... я ненавижу тебя» — и забылъ! Не больше какъ отчаянное восклицаніе теперь, когда Нина жива. Была-бы правда, еслибъ она умерла... Онъ можетъ возненавидѣть ее за Нину. Что хочетъ онъ, чтобы она забыла?

Безпаловъ горячо говорилъ о томъ, что Елена по совѣсти можетъ не терзаться случившимся больше. Никто не сдѣлалъ для выздоровленія Нины больше, чѣмъ она... На свѣтѣ жить нельзя, если не прощать себѣ и невольныхъ бѣдъ.

— Я былъ жестокъ съ тобой... Но подумай, какъ я мучился, и прости мнѣ!

Онъ сказалъ такъ искренно, такъ открыто смотрѣлъ ей въ лицо, что, очевидно, для него вопросъ исчерпывался этимъ.

— Боже мой... зачѣмъ ты просишь простить! развѣ это, развѣ это, Романъ!—выговорила она черезъ силу.

Онъ не понималъ, что-же еще?.. Онъ смотрѣлъ на нее съ недовольнымъ видомъ человѣка, который видитъ, что его доброе желаніе дурно принимается.

«Да, она и въ самомъ дѣлѣ черезчуръ измучилась—она больна»! разрѣшилъ онъ, наконецъ, свое недоумѣніе.

— Правда, мнѣ необходимо отдохнуть... Я уѣду на-дняхъ... только-бы Нина не простудилась съ этими катаньями!

— Ты уѣдешь?

Ему это казалось невѣроятнымъ, но ея странный, точно отчужденный видъ заставлялъ вѣрить. Его горячее желаніе вернуть прежнюю

Digitized by Google

беззаботность разбивалось объ ея неподдающееся, безотрадное угнетеніе. Но она не должна уѣзжать!

— Нина очень огорчится. Она подумаетъ, что ты не хочешь простить ея капризовъ во время болѣзни... Разставаться надо въ добрую минуту—не правда-ли, Елена?..

— Да... Я съ тобой согласна... Но я не знаю, какъ это сдѣлать!

— Подождать. Это сдѣлается само собою.

... Что сдѣлается?..

— Хорошо, я подожду.

Она не могла отказать ему. Она не знала, какъ могла-бы она отвѣтить «нѣтъ» этому человѣку, если въ ея власти сказать «да».

... «О, какъ ты мучишь меня, какъ мучишь, не зная того!»—думала она, поднимаясь въ свою свѣтелку. Она была вся разбита.

XXVI.

Можетъ быть, Романъ предупредилъ жену? Безпаловы оба сдѣлались необыкновенно внимательны и нѣжны съ кузиной. Имъ искренно хотѣлось успокоить ее, изгладить слѣды пронесшейся грозы. Было-бы неблагодарно съ ихъ стороны дать ей уѣхать отъ нихъ больной и печальной.

Можно было подумать, что въ большомъ домѣ вернулась лучшая пора, когда всѣ такъ искренно наслаждались общей дружбой; только голосъ хозяйки не звучалъ больше прежнимъ увлеченіемъ, хоть она выбивалась изъ силъ, чтобы казаться веселой.

Погода стояла неровная. Гамаки еще висѣли подъ деревьями—тамъ, гдѣ былъ провозглашенъ брудершафтъ—но ими рѣдко можно было пользоваться.

— Снять пора,—сказала какъ-то Елена, но вдругъ стало жаль снимать.

Пустыя сѣтки чуть-чуть колыхались, покачиваемыя вѣтромъ, точно ждали, что лѣто еще вернется.

А лѣто спѣшило уходитъ. Долго державшаяся зелень сразу вся пожелтѣла и облетала послѣ двухъ-трехъ утреннихъ морозовъ. Садъ весь сквозилъ и горѣлъ на солнцѣ дерзкими осенними красками. Въ рѣкѣ прибыло воды отъ дождей. На огородахъ снимали послѣднія овощи, и кругомъ раздавались бодрыя рабочія пѣсни, звенѣлъ веселый визгъ ребятишекъ.

На утреннихъ занятіяхъ въ лабораторіи всегда присутствовалъ теперь молодой Васильевъ. Юноша былъ очень толковъ и усерденъ; Безпаловъ вполнѣ могъ довольствоваться его помощью, и Елена все чаще оставляла ихъ вдвоемъ.

Digitized by Google

Правда, ей всегда стоило усилія уйти изъ лабораторіи. Она такъ любила видѣть Романа за работой! Ей казалось, что только въ эти минуты она видитъ его настоящее лицо, слышитъ звуки въ голосѣ, видитъ движенія, какихъ никогда не бываетъ у него наверху. Здѣсь онъ какъ будто молодѣлъ и становился красивѣе отъ сосредоточеннаго одушевленія, какимъ свѣтились нѣсколько тяжелыя черты. Онъ былъ неистощимо веселъ, работа пересыпалась шутками и остротами.

«Если нужно просить Романа о чемъ-нибудь, то непремѣнно утромъ!» рѣшила давно Елена. И добръ онъ былъ въ эти минуты иначе, чѣмъ обыкновенно—безъ той безличной готовности на все, которая такъ часто возмущала ее въ немъ.

«Мой Романъ»—выражалась Елена про эти часы сама съ собой. Сознаніе, что Нина никогда не видитъ своего мужа такимъ, какимъ она его знаетъ, какъ-то особенно интимно сближало ее съ нимъ.

Въ присутствіи Нины въ немъ было ровное, всегда одинаковое оживленіе; точно какое-то напускное легкомысліе. Внизу Романъ оказывался вспыльчивымъ и нетерпѣливымъ, способенъ даже быть грубымъ. Наверху онъ былъ всегда равно нѣженъ съ Ниной и разсѣянъ со всѣми остальными.

За послѣднее время Елена убѣдилась, что внизу Романъ способенъ хандрить и, пожалуй, даже капризничать.

— Нѣтъ, я попрошу тебя подождать еще немного, если ты свободна!

Неожиданная просьба помѣшала Ставлиной выскользнуть изъ лабораторіи. Она давно выбирала удобную минуту, чтобы исчезнуть. Сегодня Романъ не въ духѣ... Онъ опять упорно придирался къ Алешѣ, такъ что юноша нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ, чувствуя себя хуже, чѣмъ на урокѣ строгаго учителя. Елена тревожно слѣдила за порывистыми движеніями и напряженнымъ лицомъ... Романъ молчалъ, вмѣсто своихъ обычныхъ шутокъ.

Она чувствовала, что ей лучше уйти, не ждала, что ее удержатъ такъ просто. Послѣ этого Безпаловъ также безцеремонно отослалъ гимназиста и она видѣла, что тотъ воспользовался этимъ съ особеннымъ удовольствіемъ; она уловила въ его лицѣ обидчивое выраженіе юноши, подозрѣвающаго что его третируютъ, какъ мальчика.

— Знаете, вы такъ совсѣмъ запугаете моего Алешу, Романъ!—сказала Елена шутливо.

Дѣлать нечего, приходилось взять себя въ руки на тѣ полчаса, которые онъ еще могъ провести внизу.

— Онъ мнѣ надоѣлъ! Я рѣшительно не понимаю, для чего ты навязываешь его намъ, прежде даже чѣмъ ты уѣхала?

Романъ нетерпѣливо прошелся по комнатѣ и остановился передъ нею.

— Ты просто капризничаешь, Елена... Это вовсе не къ лицу тебѣ!

...«Не все-ли равно? пусть думаетъ, что капризничаю»,—сказала себѣ она и только еще ниже нагнула голову, вмѣсто отвѣта.

— Но отчего-же не сказать, что именно тебя разстраиваетъ?..—допрашивалъ онъ все безпокойнѣе.—Неужели нѣсколько словъ, вырвавшихся въ безумную минуту, могли измѣнить наши отношенія! Не вѣрю, не вѣрю! Я не узнаю тебя!.. Вѣдь ты, дѣйствительно, любила нашу работу. Откровенно сознаюсь, я не могу повѣрить, чтобы вдругъ все измѣнилось.

— Между тѣмъ это правда, Романъ. Только не сердись, Бога ради! Можетъ быть это вернется. Дѣло въ томъ, что я никакъ не могу быть настолько внимательной, какъ надо... Это очень мучительно! Дай мнѣ старые журналы, я разберусь въ нихъ. На такую работу я, вѣроятно, и теперь еще способна!..

Она засмѣялась. Въ этомъ смѣхѣ было что-то, задѣвшее его прямо за сердце.

— Дѣло, конечно, не въ томъ, что ты должна такъ или иначе работать на меня!—отвѣтилъ онъ запальчиво.—Журналовъ я тебѣ не дамъ. Коли разлюбила, такъ и говорить, стало быть, не объ чемъ. Да! мудреныя вы созданія, женщины!

Но почему-же мудреныя? Заявленіе Елены было, напротивъ, такъ опредѣленно и просто, что, казалось-бы, остается только принять его. Но въ то-же время слова ея какъ будто ничего не значили. Онъ точно не вѣрилъ имъ. Что-то недосказанное въ ея тонѣ, во всемъ существѣ ея, волновало его.

Она встала со стула, приглашая его проститься. Не такъ отсылала она его бывало прежде, когда десять разъ поглядитъ на часы, десять разъ повторитъ: «Романъ, да уйди-же ты, Бога ради!.. Романъ, это невозможно! ты, кажется, никогда не уйдешь сегодня?» Прежде все было иначе. Бывало ея взоръ безсознательно удерживалъ его въ то время, какъ слова отсылали. Въ немъ выражалось откровенное сожалѣніе, что время прошло такъ быстро...

Теперь взоръ ускользалъ,—прятался, какъ вся она хотѣла ускользнуть и спрятаться. Теперь подъ ея молчаливой сдержанностью такъ ясно чувствовалась мука...

Поднявшись наверхъ, Безпаловъ перебиралъ тѣ нѣсколько словъ, которыя Елена сказала сегодня. Всего нѣсколько словъ... Какъ странно, что онъ понялъ изъ короткаго разговора такъ много!

Онъ понялъ, что вся ихъ дружба виситъ на волоскѣ—вотъ-вотъ оборвется... Но онъ считалъ эту дружбу своей неотъемлемой собственностью. Елена такъ-же естественно сливалась со всѣмъ будущимъ, какъ его собственная семья, какъ его работы, намѣченныя впередъ на цѣлую жизнь... И вдругъ между ними точно образовалось пустое пространство.

Digitized by Google

И все ростетъ... И вотъ его искренній порывъ протянуть къ ней руку черезъ пространство ни къ чему не привелъ: она не взяла руки. Пустое пространство какъ будто еще увеличилось...

Безпаловъ уѣхалъ на службу, раздраженный и разсѣянный.

Вернувшись, онъ нашелъ Нину на балконѣ. Онъ пришелъ въ ужасъ, какъ можно было допускать это? Теперь не лѣто, чтобы долго оставаться на воздухѣ безъ движенія.

По привычкѣ, онъ уже искалъ глазами Елену, чтобъ получить объясненіе такой оплошности.

Нина объясняла ему, какъ она тепло одѣта. Докторъ требуетъ, чтобы она была все утро на воздухѣ. Елена не могла гулять съ нею, она больна.

— Что съ Еленой? Я ее видѣлъ сегодня.

Мигрень. Прислала сказать, что не можетъ сойти. Хочетъ Романъ походить съ нею по саду?

Романъ водилъ жену подъ руку по саду и, проходя мимо дома, каждый разъ поднималъ глаза къ мезонину.

Открыты окна и дверь на балконъ.

...«Она простудится, теперь не лѣто!» —раздражался онъ все сильнѣе.

Елена не сошла въ столовую. Она отослала обратно посланный ей обѣдъ. Романъ разносилъ женскую неосторожность и грозилъ завтра-же вставить зимнія рамы во всемъ домѣ. Послѣ обѣда пріѣхалъ докторъ Зубровъ, и Нина рѣшилась подняться съ нимъ въ мезонинъ навестить кузину.

Елена не ожидала гостей. Она лежала одѣтая, закинувъ руки за голову и устремивъ въ пространство наплаканные глаза. Она вскочила и вспыхнула неровнымъ румянцемъ, который теперь такъ легко появлялся на ея похудѣвшихъ щекахъ.

Докторъ охватилъ ее всю подозрительнымъ взглядомъ. Если мигрень—зачѣмъ-же она лежитъ въ свѣтлой комнатѣ? Прежде всего нужна темнота. Душно?—да здѣсь волковъ морозить!

Докторъ закрылъ окна. Онъ находилъ странной мигрень безъ свѣтобоязни, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ.

Ему не дали посмотрѣть пульса.

— Нѣтъ-съ, я вовсе не хочу, чтобы вы сдѣлали меня больной!— прятала Елена руки за спину.—Завтра, докторъ, мы съ вами будемъ гулять за городомъ.

— Она сегодня цѣлый день въ ротъ ничего не взяла,—пожаловалась Нина.

— Во всякомъ случаѣ, это не мигрень,—постановилъ Зубровъ.— Намъ остается только поскорѣе уйти, чтобы дать покой.

И докторъ увелъ Безпалову изъ мезонина.

Digitized by Google

На другой день Елена не гуляла за городомъ. Она спустилась къ обѣду, но была такъ блѣдна, что нельзя было не повѣрить головной боли. Докторъ навѣстилъ ее утромъ и написалъ рецептъ.

— Вы, вѣроятно, принимать не станете?—спросилъ онъ сумрачно, не глядя на нее.

— Напротивъ, я вовсе не хочу терпѣть головную боль. Докторъ, неужели вы всегда такъ сердитесь на вашихъ паціентовъ?—пыталась она смягчить его.

— Если они поступаютъ безразсудно... Васъ не пускаютъ въ Петербургъ?—кончилъ онъ внезапно, не совладавъ съ собою.

Елена покраснѣла, но подняла на него улыбающіеся глаза.

— У меня есть маленькая слабость... Я люблю чувствовать себя нужной кому-нибудь. Развѣ это такъ ужъ непростительно?

Константинъ Павловичъ сорвался съ своего мѣста.

— Не знаю-съ, не знаю, Елена Семеновна! Простите, что позволилъ себѣ слишкомъ много!

«Нѣтъ, хочешь не хочешь, а надо выздоровѣть завтра... Они замучатъ меня!»—подумала она тоскливо.

Въ мезонинѣ давно стемнѣло, но Елена все еще не закрывала окна. Свѣжесть успокаиваетъ, мысли не такъ возбужденно кружатся въ головѣ. Она спокойнѣе оглядывается на себя и ей непріятно, что она столько нервничала въ послѣднее время... Еслибъ она могла уѣхать!..

Одно слово, сказанное Романомъ, чтобы удержать ее, лишаетъ воли. Ничто не можетъ пересилить наслажденія сказать ему «да», вопреки всѣмъ собственнымъ интересамъ, вопреки опасности положенія...

Да, опасности. Докторъ, со своимъ ревнивымъ менторствомъ, способенъ сказать какое-нибудь неосторожное слово... Нина сама обратитъ вниманіе на странное раздраженіе Романа... Вѣдь онъ хорошо умѣетъ собою владѣть—зачѣмъ онъ такъ откровенно показываетъ?

Если Нина опять начнетъ ревновать—жизнь сдѣлается невозможной. Но и сама она безразсудна—нельзя такъ вести себя! Нины она избѣгаетъ, работать не можетъ. Его она этимъ раздражаетъ, отвлекаетъ отъ дѣла вмѣсто того, чтобы помогать. Боже мой, что-же это такое? Развѣ для того она здѣсь?..

«Я не пойду больше внизъ... Я не должна ходить! Тутъ не надъ чѣмъ разсуждать — такъ надо, и должно быть сдѣлано. Надо быть всегда съ Ниной...

Она вздыхала и опять вспоминала о Петербургѣ: имѣть право быть откровенно несчастной—не прятать своей тоски—какое облегченіе! Она такъ устала... устала улыбаться...

Горничная принесла ей снизу чай на подносѣ.

— Нина Алексѣевна кланяется и желаетъ покойной ночи. А баринъ приказалъ отдать.

Это была великолѣпная груша. Клеопатра Павловна прислала изъ своего харьковскаго хутора. Елена смотрѣла на грушу и чувствовала угрызеніе совѣсти.

Кому нужна ея тоска? О чемъ она? Вѣдь онъ удержалъ ее... Онъ не хочетъ разстаться, она нужна ему... Неужели мало счастья! Чего еще—о чемъ больше она могла мечтать? . . . .

Ночной воздухъ чуть-чуть шевелилъ голубую кретоновую занавѣску. Елена куталась въ платокъ, прилегла головой на подоконникъ и смотрѣла на разгорающіяся звѣзды.

Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ глядѣть долго въ ночное небо. Мысли невольно уходятъ отъ себя... Душа затихаетъ...

Всегда надо всѣми—одна и та же торжественная, необъятная краса. Нѣтъ муки, которая не возносилась-бы туда милліоны разъ и — нѣтъ слѣда отъ нихъ!—Ничего нѣтъ, что-бы не измѣнялось, не исчезало подъ вѣчными мерцающими очами. Все длится только мигъ... Самая жизнь—одинъ мигъ!.. Но не все-же въ ней—боль и мука. Печали и радости смѣняются. Завтра она не будетъ плакать. О чемъ?—страшно быть неблагодарной. Ничего ужаснаго не случилось. Можно по прежнему жить подъ одной крышей, — жить съ нимъ. Любить, сколько есть силъ въ душѣ, сколько будетъ жизни. Не будетъ жизни безъ любви. Зачѣмъже плачетъ она теперь? Что-бы ни случилось, этого ужъ не можетъ быть: чтобы она жила и не любила его.

— Елена!.. ты не спишь? раздался изъ сада голосъ Безпалова.

Фигура Елены сейчасъ-же заслонила освѣщенный квадратъ—значитъ, она тутъ и сидѣла, у самого окна. Романъ нѣсколько минутъ уже стоялъ на дорожкѣ и смотрѣлъ на мезонинъ, раздумывая, что теперь можетъ дѣлать Ставлина.

— Закрой окно—простудишься! Я сейчасъ поднимусь къ тебѣ на минутку.

Онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ минуту назадъ.

— Нѣтъ—я сойду къ тебѣ!

Подожди! Елена исчезла изъ окна.

Безпаловъ пошелъ по песчаной площадкѣ, усыпанной желтыми листьями. Въ саду и въ самомъ дѣлѣ не такъ холодно, какъ ему казалось изъ комнаты. День былъ сегодня чудесный, тихій.

Въ домѣ ярко освѣщенъ только мезонинъ. Внизу свѣтъ рабочей лампы подъ зеленымъ колпакомъ теряется въ глубинѣ большой комнаты, тускло озаряя рядъ оконъ. Въ саду мягкій сумракъ яркой звѣздной ночи позволяетъ различать дорожки, деревья, лужайки. Свѣтъ изъ

Digitized by Google

верхнихъ оконъ яркой полоской падаетъ на верхушки старыхъ вязовъ въ ихъ убранствѣ изъ червоннаго золота. Какъ красиво!

Свѣжій воздухъ не разнѣживаетъ, не томитъ, какъ лѣтняя ночь — онъ бодритъ и точно влечетъ куда-то безстрашно и властно... Какая славная ночь!..

XXVII.

— Что тебѣ вздумалось гулять ночью?—сказала Елена, скрипнувъ осторожно маленькой калиткой въ концѣ площадки.

И ея голосъ звучалъ бодро, по старому. Конечно ей и на умъ не приходило, что Романъ въ саду, что сію минуту они будутъ вмѣстѣ. Но внезапность не испугала, даже не удивила. Встрѣчи и никогда не вызываютъ яркаго впечатлѣнія,—вѣдь они всегда вмѣстѣ въ ея мысляхъ! Мысль переходитъ въ дѣйствительность... дѣйствительность выходитъ изъ мысли—только это то, что должно быть, что одно естественно, ея всегдашнее и единственное желаніе.

Но недавно еще она полна была мятежной тоски, она не сошла-бы въ садъ къ нему... Теперь она ни секунды не думала надъ этимъ. Свѣтлое примиренное настроеніе сливалось съ впечатлѣніемъ великолѣпнаго ночного неба, куда она долго, долго смотрѣла...

Она торопливо пожала ему руку холодными пальцами. Онъ раздражительно упрекалъ ее въ неосторожности: Она совсѣмъ точно малый ребенокъ! возможно-ли сидѣть у открытаго окна ночью? Довольно съ нихъ за глаза и одной больной!

— Ахъ, Романъ... что тебѣ за охота ворчать?—проговорила она жалобно.

— Я третій день волнуюсь, думаю что ты больна, ничего другого не слышу,—а ты, кажется, здоровехонька?

Его какъ будто это тоже раздражало.

— Пора выздоровѣть,—отвѣтила она коротко, оглядываясь по сторонамъ.

— Да, надѣюсь, что пора! Но только совсѣмъ выздоровѣть, Елена, понимаешь ты? Не отъ одной только мигрени. Дай мнѣ руку, тутъ темно.

Они вошли въ аллею и пошли подъ руку. Какъ хорошо говорить въ темнотѣ! Должно быть отъ темноты прошелъ прежній, сознательный страхъ, но въ душѣ уже подымается новое, какое-то неизвѣданное волненіе... Чего то ей страстно, неизъяснимо хочется? А страхъ прошелъ. Да, да, ничего вѣдь не случилось, все хорошо попрежнему! Вотъ, идутъ вмѣстѣ по саду...

Этого ужъ нельзя отнять у нихъ, это взято у жизни! Идутъ по аллеѣ къ рѣкѣ, гдѣ она часами металась одна въ глухой тоскѣ. Звѣзды сіяютъ надъ головами. Что онъ сейчасъ скажетъ ей?

Digitized by Google

— Ты на меня все еще сердишься, Елена?—спросилъ Романъ.

Какимъ голосомъ онъ это сказалъ? Дружескимъ — нѣтъ, больше чѣмъ дружескимъ! Какъ говорятъ только самымъ близкимъ, самымъ дорогимъ людямъ. Когда не нужно особенныхъ словъ, длинныхъ рѣчей— каждое простое слово идетъ прямо въ душу... Она любила его голосъ.

«Мой Романъ!»—сказала она мысленно и не замѣтила, что вздохнула. Слезы вдругъ сдавили горло и стали въ глазахъ.

— Ты молчишь?—возмутился Романъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ вѣдь не знаетъ, что она теперь думаетъ! Не знаетъ, что ей трудно говорить... Не знаетъ, что она любитъ его.

— Отчего... ты не можешь понять безъ словъ...—почти прошептала она, точно задыхаясь отъ ходьбы.

— Я именно стараюсь всячески понять тебя, развѣ ты этого не видишь?—отвѣтилъ онъ горячо.—Я тебя просилъ простить. Я былъ жестокъ, да! Не извинить, а простить, Елена. Я могъ-бы, пожалуй, даже ударить кого-нибудь, можетъ быть и тебя, это тоже надо-бы было простить! Есть минуты, которыя не могутъ идти въ счетъ.

— Боже мой, зачѣмъ ты все возвращаешься къ этому! Развѣ я упрекала тебя?—воскликнула она съ отчаяніемъ.

— Затѣмъ, что я чувствую въ тебѣ обиду.

«И ты не понимаешь, не понимаешь, не понимаешь»... — отвѣтила она мысленно.

Но ей вдругъ стало ясно въ этотъ мигъ, чего такъ страстно хочется...

— Сядемъ, я устала.

— А ты не озябнешь?—хорошо-ли это будетъ?

Она повернула его къ скамейкѣ.

— Скажи, ты всегда былъ такой разсудительный? Всю твою жизнь ты помнилъ, тепло на дворѣ или холодно, зналъ всегда какой мѣсяцъ, день и часъ ты переживаешь? Былъ ты когда-нибудь другой?

Ея голосъ странно звенѣлъ.

Безпаловъ усмѣхнулся и подумалъ нѣсколько секундъ надъ ея вопросомъ.

— Нѣтъ, милая, не всегда. Только это было такъ давно... все равно какъ будто этого никогда и не было!

— Все равно, все равно, я хочу знать! ахъ, да, стихи! Когда ты, наконецъ, дашь мнѣ стихи?

— Опять стихи? Я думалъ, что тебѣ надоѣло все прежнее.

— Неправда, ты этого не думалъ.

Она выговорила строго и запахнулась плотнѣе въ свой платокъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ правда. Ты до такой степени сбила меня съ толку, что я не знаю больше, что мнѣ думать.

Вотъ, до чего дошло! Вотъ, что онъ говоритъ ей!

«Этому не будетъ конца! Каждый день онъ будетъ такъ пытать меня»...

И прежняя тоска вдругъ точно прорвалась сквозь все, чѣмъ она усиливалась обуздать себя.

— Романъ, не держи меня!.. Дай мнѣ уѣхать на время.

Безпаловъ откинулся на край скамейки, чтобы посмотрѣть ей въ лицо, но оно смутно бѣлѣло въ темнотѣ.

Опять то-же? Всѣ ихъ объясненія приходятъ къ этому...

— Уѣхать, уѣхать,—ты только одно и знаешь!—воскликнулъ онъ гнѣвно.—Я не держу тебя. Какъ я могу тебя держать? Понимаю, что тебѣ нужно съѣздить—не объ этомъ можетъ быть разговоръ. Но ты уѣзжаешь не для дѣлъ, не для Володеньки—не отрицай, къ чему?

Она не отрицала. Въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи, она искала какихъ-то доводовъ, словъ...

— Отъ меня ты уходишь!—продолжалъ онъ, волнуясь.—Въ минуту какого-то непостижимаго разлада, не какъ другъ уходишь... Развѣ не правда, Елена? Мнѣ кажется—знаешь-ли что мнѣ кажется? Что ты можешь не вернуться, если я допущу тебя уѣхать теперь... Говорю тебѣ, я не понимаю тебя... но я это чувствую! Вотъ почему я прошу тебя подождать...

Темно. Онъ не могъ видѣть, какъ слезы горячими струями лились изъ ея глазъ, по жаркимъ щекамъ, по трепетавшимъ губамъ... Она не шевелилась.

— Скажи-же, неужели ты хочешь уйти отъ меня такимъ образомъ? Отвѣть наконецъ, да или нѣтъ!

Онъ повелительно повернулся на скамейкѣ, точно готовясь вскочить и убѣжать въ негодованіи, если сейчасъ, сію минуту не получитъ отвѣта.

— Постой!.. Боже мой, что мнѣ сказать тебѣ? Я тебя люблю. Дай мнѣ уѣхать...

Ничего—ни звука, ни движенія въ отвѣтъ. Онъ замеръ на своемъ мѣстѣ.

Слезы ея разомъ остановились. Тяжесть спала съ души. Кровь свободно отхлынула отъ сердца... Она глубоко дышала, съ облегченіемъ человѣка, вырвавшагося изъ тисковъ.

Вотъ—вотъ чего хотѣла она такъ страстно!..

— Ты добивался и ты правъ. Правду надо знать, скрываютъ только дѣти,—говорила она уже твердымъ, яснымъ голосомъ.—Ты видишь теперь, что я не собираюсь уйти... Я не могу уйти отъ тебя!

Романъ заговорилъ наконецъ:

— И я не могу, чтобы ты ушла! Вся наша жизнь стала другая съ тобою... Ты точно меня вернула на настоящее мѣсто... Не замѣтилъ, какъ стащила съ него вся эта житейская кутерьма! Правда, на мой счетъ ты заблуждаешься — ты меня всегда преувеличивала, милая! да, видно, возможны и такія положенія, когда ошибки благодѣтельны. Ну, заблужденіе, допустимъ... Легче жить такимъ заблужденіемъ, чѣмъ чувствовать себя раздавленнымъ, какъ игрушка, попавшаяся подъ ноги!

Она схватила его за плечо.

— Не говори такъ, не говори! Ты самъ знаешь, что это неправда... Нѣтъ, это не заблужденіе, Романъ! Если я нужна вамъ—тебѣ нужна—Боже мой, я ничего больше не хочу, ничего, клянусь тебѣ! Ты мнѣ вѣришь? Не правда-ли, ты вѣришь, Романъ? Я знаю, никто больше не повѣритъ... Ты долженъ мнѣ вѣрить!..

Онъ взялъ съ своего плеча ея руку и прижался къ ней горячимъ лбомъ.

— Я былъ-бы скотина, еслибъ я не вѣрилъ тебѣ!

Онъ поцѣловалъ руку въ ладонь и вскочилъ на ноги.

— Да, хорошо, что все объяснилось! Н-ну! Теперь мы опять заживемъ по прежнему!.. Нѣтъ, я былъ черезчуръ глупъ!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько безпокойныхъ шаговъ по дорожкѣ. Собственное восклицаніе вдругъ отбросило его назадъ: Елена промелькнула въ его памяти, страдающая и безучастная, тамъ, въ его лабораторіи, гдѣ такъ дружно, такъ беззаботно они проработали вмѣстѣ все лѣто.

Гдѣ у него разумъ? чему, чему обрадовался?..

Онъ круто повернулъ и вернулся къ скамейкѣ.

— Послушай,—это безуміе!—заговорилъ онъ другимъ, тревожнымъ голосомъ.— Я не могу быть такимъ безсовѣстнымъ эгоистомъ. Конечно, тебѣ надо уѣхать—ты права! Найдется-же для тебя другая жизнь, которая не будетъ однимъ самоотверженіемъ... Уѣзжай, Бога ради, Елена!.. Я не смѣю принимать такихъ жертвъ.

Она взяла его руку въ обѣ свои и заговорила, поднявъ къ нему свѣтлое лицо, котораго онъ почти не видѣлъ.

— Нѣтъ, ты, Бога ради, не повторяй этихъ затверженныхъ, обязательныхъ благородныхъ словъ... Вѣдь я ихъ не требую отъ тебя! Жертвъ нѣтъ въ любви. Все, что дѣлаешь, все, что отдаешь—только счастіе, единственное счастіе! Ты самъ только-что сказалъ, что я нужна, тебѣ стало легче — и предлагаешь уйти искать чего-то другого! Неужели-же ты думаешь, что такая любовь кончается?

Онъ нагнулся и крѣпко поцѣловалъ нѣсколько разъ ея сжатыя вмѣстѣ руки.

— Милая... что-же будетъ въ этомъ для тебя-то, для тебя?

Руки точно разорвались, и она стала на ноги съ нимъ рядомъ.

— Ты, ты будешь—мой Романъ! Моя любовь есть у меня. Нѣтъ, ты не любилъ по настоящему, если ты не понимаешь меня!

— Я чужой, Елена. Всегда буду чужой. Я Нину люблю, ты это знаешь.

— А я тебя люблю. Противъ чего ты возражаешь? Развѣ я хочу, чтобы ты пересталъ любить ее? Нѣтъ, ты какъ всѣ—ты тоже не понимаешь меня!

— Такъ не бываетъ... не можетъ быть!..—выговорилъ онъ мучительно.

— Не знаю, бываетъ-ли... Что мнѣ до этого? Любовь у каждаго своя. Я люблю тебя самого, а не надежду на твою любовь. Люблю и безъ твоей любви. Съ перваго дня люблю—просто потому, что не могу иначе! Развѣ тебѣ это мѣшаетъ любить ее? Развѣ у нея я отняла что-нибудь? Она ревнуетъ напрасно, ты знаешь... Ничего нельзя измѣнить. Невозможнаго нельзя желать. Я все признаю, все! Ломать чужую жизнь—нѣтъ этого я неспособна желать!

...«Не знаю... ничего не знаю!»—думалъ Романъ, не понимая самъ въ эту минуту, радуется-ли онъ или страдаетъ?

Елена снова опустилась на скамейку. Пылающій взоръ напряженно всматривался въ далекія звѣзды. Руки, сложенныя на колѣняхъ, дрожали.

Все кончено. Внезапно, невольно. Нѣсколько часовъ назадъ она пришла-бы въ ужасъ отъ одной мысли говорить съ нимъ о своей любви. Теперь она всѣмъ существомъ своимъ чувствовала только, что иначе не могло быть: сегодня, завтра, не все-ли равно?

Они долго молчали, потерявшись въ своихъ ощущеніяхъ. Онъ сидѣлъ съ нею рядомъ и не сводилъ глазъ съ маленькихъ вздрагивающихъ рукъ. Навѣрное онѣ болятъ, столько она ихъ терзала. Онъ невольно поддался впередъ и накрылъ ихъ своей широкой ладонью.

— Но я не хочу... чтобъ ты мучилась!..—выговорилъ онъ прерывающимся голосомъ.

Она медленно покачала головою.

— Ты ничего не можешь сдѣлать. Все равно я буду мучиться. И я буду счастлива. Не хочу умереть только потому, что я хочу любить тебя. Куда-бы я ни ушла, будетъ все то-же, но безъ тебя буду невыразимо несчастна. Зачѣмъ это надо? Въ вашей жизни я не лишняя. Только должно быть лучше, чѣмъ теперь—и будетъ, непремѣнно будетъ!.. Мы будемъ спокойнѣе, все объяснилось, слава Богу... Романъ!

Она быстрымъ движеніемъ сбросила его руку, повернулась вся къ нему и положила свои руки ему на плечи.

— Романъ, будемъ разсудительны... Отбросимъ этотъ жалкій, навязанный страхъ! Развѣ мы дѣти, что намъ нужны чужія указки? Неужели такая любовь годна только на то, чтобы выбросить ее изъ твоей жизни? Тебѣ нечего бояться. Предоставь мнѣ самой знать, въ чемъ мое счастье... У тебя я ничего не потребую для себя.

Руки соскользнули съ его плечъ. Она встала.

— Мы будемъ вмѣстѣ, общими силами нести жизнь, какая она есть... Такое счастье не быть одному! — люди такъ рѣдко понимаютъ другъ друга!.. Вѣдь правда, Романъ?

— Правда, милая, правда.

— Нѣтъ, разставаться нельзя!.. Будетъ не легче, а неизмѣримо тяжелѣе... Не надо... вѣдь правда?

— Да, Елена, не надо!

Она такъ тихо отошла отъ него, что онъ не замѣтилъ шороха шаговъ. Вдругъ онъ увидалъ ее въ полутьмѣ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Онъ сдѣлалъ движеніе къ ней... и остался на скамейкѣ.

Ольга Шапиръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Воспоминанія объ А. И. Герценѣ.

Болѣзнь и кончина А. И. Герцена.

Въ 1870 года, января 17, въ пятницу, во время завтрака, пришелъ Тургеневъ. О немъ доложили Герцену, которому это показалось непріятнымъ, можетъ быть, потому, что во время завтрака. Я поняла это и сказала, что пойду принять его и потомъ приведу его къ Александру Ивановичу. Тургеневъ былъ очень веселъ и милъ. Герценъ оживился. Затѣмъ всѣ перешли въ салонъ, куда пришелъ и Евгеній Ивановичъ Рагузинъ. Вскорѣ Герценъ вызвалъ Тургенева въ свою комнату, гдѣ, поговоривши съ нимъ нѣсколько минутъ, разсказалъ ему о статьѣ, вышедшей противъ него въ «Голосѣ». Тургеневъ шутилъ и говорилъ, что онъ пишетъ теперь по-нѣмецки, но что, когда переводятъ то, что онъ напишетъ, Краевскій возвращаетъ переводъ, потому что не довольно дурно переведено! Они много смѣялись. Уходя, Тургеневъ спросилъ Герцена:

— Ты бываешь дома по вечерамъ?

— Всегда — отвѣчалъ Герценъ.

— Ну такъ завтра вечеромъ я приду къ тебѣ.

Передъ обѣдомъ всѣ разошлись, а Герценъ вмѣстѣ со мной вышелъ на улицу. Мнѣ нужно было зайти проститься съ Рагузиными. Мы вышли вмѣстѣ въ послѣдній разъ. Герценъ желалъ, чтобъ я съѣздила къ Левицкимъ, и сказалъ: «Возьми карету и поѣзжай, это будетъ скорѣе».

Мнѣ показалось, что до Рагузиныхъ близко. Я пошла пѣшкомъ и дѣйствительно потеряла много времени, засидѣлась у Рагузиныхъ и домой вернулась только къ обѣду.

Первый вопросъ Герцена былъ:

— Была-ли ты у Левицкихъ?

— Не успѣла, завтра непремѣнно поѣду,—отвѣчала я.

Digitized by Google

Вечеромъ, какъ всегда, Герценъ вышелъ газеты читать. Когда онъ возвратился, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, было около десяти часовъ съ половиной.

— Всѣ наши уже разошлись,—сказалъ онъ,—а мнѣ что-то не хорошо, все колетъ бокъ. Я для того и прошелся, чтобъ расходиться, да не помогло. Пора ложиться спать.

— Дай мнѣ немного коньяку,—сказалъ онъ мнѣ.

Я подала ему рюмку коньяку. Онъ выпилъ и сказалъ, что ознобъ сталъ проходить.

— Теперь хотѣлось-бы покурить, — сказалъ онъ, — но такъ дрожу, что не могу набить трубки.

— А я развѣ не сумѣю, — сказала я; взяла трубку, вычистила ее, продула, набила, даже закурила сама и подала ему. Онъ остался очень доволенъ и попросилъ меня идти спать.

Я прилегла одѣтая на свою кровать; предчувствіе, внутренняя тревога не дали мнѣ заснуть; ночью я слышала, что онъ стонетъ и ворочается. Я безпрестанно вставала, подходила къ его двери, а иногда входила въ его комнату. Увидя меня, онъ жаловался, что не можетъ спать, бокъ сильно болѣлъ и ноги ломило нестерпимо. Я разбудила нашу горничную Ерминію (итальянку) и съ ея помощью сдѣлала горчичники и приложила сначала къ боку, потомъ къ одной ногѣ, но къ другой онъ ни за что не согласился. Боль стала уменьшаться, Затѣмъ начался у него сильный жаръ и бредъ. Онъ то говорилъ громко, то стоналъ. Встревоженная его положеніемъ, я едва могла дождаться утра. Какъ только стало разсвѣтать, я зашла къ Ольгѣ и попросила ее немедленно отнести телеграмму къ Шарко. Послѣдній долженъ былъ пріѣхать къ намъ въ пять часовъ вечера, но, видя положеніе Александра Ивановича, я боялась такъ долго ждать. Шарко пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ утра. Герценъ ему чрезвычайно обрадовался и разсказалъ все, что чувствовалъ. Шарко попросилъ меня подержать больному руки, а самъ сталъ выслушивать ему грудь.

— До сихъ поръ ничего не слышно, сказалъ Шарко. Впрочемъ, въ первые дни болѣзни оскультація мало даетъ. Надобно тотчасъ-же поставить ему вантузы, сказалъ докторъ, и давать прописанный мною сиропъ. Я заѣду опять вечеромъ.

Александру Ивановичу поставили банки, какъ велѣлъ Шарко, а вечеромъ онъ опять пріѣхалъ.

Между прочимъ доктору разсказали о старой болѣзни Герцена, но Шарко перебилъ разсказъ, сказавши:

— Да у меня у самаго діабетъ. Это мы будемъ послѣ лѣчить.

Однако попросилъ приготовить ему стклянку для анализа. Съ этого дня постоянно бралъ по двѣ стклянки въ день.

Digitized by Google

На другое утро Шарко опять выслушивалъ грудь больного и сказалъ:

— Надобно опять ставить вамъ вантузы. У васъ воспаленіе въ лѣвомъ легкомъ, но это не важно. Воспалено самое маленькое мѣсто.

Мнѣ было очень больно, что онъ сказалъ это при Герценѣ, потому-что я вспомнила, что Александръ Ивановичъ говорилъ всегда:

— Я умру или параличемъ, или воспаленіемъ легкихъ.

Всѣ изумились неосторожности Шарко.

Съ этого дня больной каждый разъ спрашивалъ Шарко:

— Воспаленіе распространяется?

Шарко отвѣчалъ:

— Нисколько.

Въ понедѣльникъ больному стало немного лучше: ему поставили шпанскую мушку. Она не натянула. Докторъ велѣлъ поставить другую повыше. Та немного соскользнула и произвела мелкіе пузырьки. Снимать мушку мнѣ помогалъ Вырубовъ. Наташа, хотя и была со мной днемъ, но, сама больная еще, мало могла помогать. Ольга-же рѣдко входила къ отцу. Она находилась съ Мейзенбугъ, въ комнатахъ отдаленныхъ отъ комнаты Александра Ивановича. Когда Вырубовъ сѣлъ подлѣ больного, онъ нашелъ его очень взволнованнымъ. Александръ Ивановичъ сказалъ ему:

— Меня держатъ точно помѣшаннаго, не сообщаютъ никакихъ новостей. Скажите мнѣ, отдали-ли Рошфора подъ судъ или нѣтъ?

— Отдали, отвѣчалъ Вырубовъ:

— Сколько голосовъ?

— 234.

— Противъ сколькихъ?

— Противъ 34.

Жаръ спадалъ. На слѣдующее утро докторъ остался очень доволенъ. Несмотря на это, провожая его, я спросила:

— Не вызвать-ли сына Герцена?

— Если понадобится, я вамъ скажу, но до сихъ поръ не вижу ни малѣйшей опасности.

Во вторникъ докторъ нашелъ, что жаръ усилился, а когда пріѣхалъ вечеромъ, то сказалъ:

— Сегодня вечеромъ даже пульсація не возвысилась. Это шагъ впередъ. Если завтра пойдетъ такъ-же, то я положительно скажу вамъ цифру.

У всѣхъ насъ воскресла надежда.

Ночью на среду въ Герценѣ возобновилось такое сильное волненіе, что онъ не могъ найти себѣ мѣста, сердился и безпрестанно говорилъ:

— Боль нестерпимая, боль нестерпимая.

Послали за Шарко, повидимому—онъ не ждалъ этой перемѣны и, осмотрѣвши больного, сказалъ:

Digitized by Google

— Теперь можете выписать сына: если онъ пріѣдетъ понапрасну, то можетъ только порадоваться съ нами.

Затѣмъ велѣлъ поставить больному на грудь шпанскую мушку и уѣхалъ. Герценъ согласился съ трудомъ и говорилъ:

— Они дѣлаютъ все вздоръ.

Тогда я не была въ состояніи размышлять и критиковать дѣйствія Шарко, у меня хватало только силъ исполнять его приказанія, теперь-же я вполнѣ согласна съ Александромъ Ивановичемъ...

На слѣдующій день Шарко пріѣхалъ въ полдень.

Жаръ не убавлялся. Герценъ дышалъ тяжело.

Съ того времени какъ докторъ узналъ, что у Александра Ивановича діабетъ,—онъ велѣлъ ему давать какъ можно чаще бульонъ, кофе, крѣпкій чай, малину; но, несмотря ни на что, силы больного падали. Спать онъ не могъ. Ему стали давать пилюли противъ безсонницы. Онъ засыпалъ, но отрывочно, и во снѣ бредилъ.

Вырубовъ, который былъ у насъ во время второго визита Шарко, по отъѣздѣ доктора сказалъ:

— Не лучше-ли сдѣлать консультацію?

И когда пріѣхалъ Шарко, то спросилъ у него, не полезно-ли это будетъ. Шарко отвѣчалъ:

— Я понимаю ваше положеніе, но не нахожу надобности въ консультаціи. Въ болѣзни г-на Герцена нѣтъ ничего спорнаго. У него поражено лѣвое легкое, и если силъ хватитъ снова refaire то, что уже исчезло, тогда онъ спасенъ. Сверхъ всего, я долженъ сказать вамъ, что діабетъ очень мѣшаетъ. Въ пять часовъ я опять буду у васъ, располагайте мной. Противъ консультаціи ничего не имѣю.

По отъѣздѣ Шарко, Вырубовъ предложилъ привезти друга своего доктора Du Brizé на консультацію. Шарко мы долго ждали; наконецъ, онъ пріѣхалъ и, повидимому, былъ не совсѣмъ доволенъ присутствіемъ другого доктора. Надо было предупредить больного, я вошла къ нему и сказала съ веселымъ видомъ:

— Здѣсь Вырубовъ съ своимъ другомъ Du Brizé. Я-бы очень желала знать его мнѣніе о твоемъ лѣченіи.

— Но что скажетъ Шарко? спросилъ Герценъ.

— Шарко согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ, скажи Вырубову, что я очень радъ, а Шарко, что очень огорченъ.

Онъ могъ еще шутить.

Доктора вошли.

Вырубовъ помогъ мнѣ поддержать больного и Du Brizé выслушалъ его грудь, и когда, по моей просьбѣ, хотѣлъ сказать при больномъ нѣ-

Digitized by Google

сколько утѣшительныхъ словъ, Шарко перебилъ его и сталъ утверждать, что большая часть легкаго поражена. Я не допустила его продолжать и, обратясь къ Герцену, сказала:

— Monsieur Шарко находитъ, что у тебя меньше жара.

Сказавъ это, я взглянула на Шарко такъ энергично, что онъ подтвердилъ мои слова.

Герцену прописали пилюли съ хининомъ и мускусомъ.

Консультація кончилась ничѣмъ. Du Brizé подошелъ ко мнѣ съ изъявленіемъ, что все сдѣлано хорошо, слѣдуетъ только продолжать.

Я предчувствовала, что консультація кончится ничѣмъ.

Въ среду, наканунѣ кончины Александра Ивановича, проходила по нашей улицѣ военная музыка. Герценъ очень любилъ ее. Онъ улыбнулся и билъ тактъ по моей рукѣ. Я едва удерживала слезы. Помолчавши немного, онъ вдругъ сказалъ:

— Не надобно плакать, не надобно мучиться, мы всѣ должны умереть.

А спустя нѣсколько часовъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Отчего-бы не ѣхать намъ въ Россію?

Въ этотъ день въ нашей семьѣ былъ разговоръ, не послать-ли за Огаревымъ. Вырубовъ не совѣтовалъ, вѣроятно потому, что Огареву такъ трудно было переѣзжать, но я все-таки настояла и ему телеграфировали.

Ночь эту больной провелъ безпокойно, поминутно просыпался и просилъ пить. Въ четыре часа онъ сталъ такъ тревоженъ, что не могъ болѣе спать, и какъ-то торжественно сказалъ мнѣ:

— Ну, доктора—дураки, они чуть не уморили меня этими старыми средствами и діэтой. Сегодня я самъ себя буду лѣчить. Я знаю лучше ихъ, что мнѣ полезно, что мнѣ надобно. Я чувствую страшный голодъ, звони скорѣй и прикажи, чтобы мнѣ подали кофе съ молокомъ и хлѣбомъ.

— Еще слишкомъ рано, еще нѣтъ и пяти часовъ, сказала я.

— Ахъ, какая ты смѣшная, возразилъ на это весело Александръ Ивановичъ,—зачѣмъ-же ты такъ рано одѣлась.

Я ничего на эти слова не возражала. Съ перваго дня болѣзни я не ложилась спать. Я вошла въ комнату Наташи и сказала ей, что больной требуетъ хлѣба и пр., а Шарко строго запретилъ все это.

Герценъ позвалъ насъ обѣихъ съ нетерпѣньемъ.

Я позвонила и заказала café complet.

Вскорѣ принесли черный кофе, но хлѣба нигдѣ не могли достать, такъ какъ было еще слишкомъ рано и въ домѣ вчерашняго не было. Мы попросили гарсона достать какъ-нибудь. Больной не вѣрилъ намъ и думалъ, что мы боялись дать ему безъ позволенія доктора. Наконецъ, принесли немного молока и крошечный кусочекъ хлѣба. Мы подали ему,

Digitized by Google

онъ выпилъ немного молока, а хлѣба ѣсть не сталъ, говорилъ, что хлѣбъ очень дуренъ.

— Теперь,—сказалъ онъ,— дайте мнѣ скорѣй умыться и одѣться. Погрѣйте рубашку и фуфайку. Я хочу вымыться и перемѣнить бѣлье до пріѣзда Шарко. Я хочу поразить его.

Больной волновался. Мы уступили ему. Перемѣна бѣлья его ужасно утомила. Наташа позвала Моно, который постоянно находился въ домѣ, какъ короткій знакомый Мальвиды и Ольги. Моно помогъ поднять его и надѣть фуфайку. Герценъ сказалъ ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Когда Шарко пріѣхалъ, больной встрѣтилъ его какъ и всегда очень дружески.

— Я пилъ кофе,—сказалъ онъ доктору,—вымылся одеколономъ и перемѣнилъ бѣлье.

Шарко все одобрилъ.

— Теперь хочу ѣсть, продолжалъ Александръ Ивановичъ,—чувствую, что мнѣ это необходимо.

— Едва-ли вы въ состояніи будете ѣсть рябчика,—замѣтилъ докторъ.

— Можно жевать и не глотать,—сказала я, боясь, чтобы его слова не произвели дурного впечатлѣнія на больного.

Герценъ и докторъ согласились. Я побѣжала въ Palais Royal за рябчикомъ и за виномъ, это было близко отъ насъ и тамъ можно было навѣрное все найти. Уходя я слышала, какъ Александръ Ивановичъ сказалъ Наташѣ:

— Бери карандашъ и пиши телеграмму.

Вотъ она:

Fehocrevsky 20 Route de Carouge.

Grand danger passé. Mécontent des médecins comme partout. Demain tâcherai d'écrire.

Jeudi 20 Janvier 1870.

Когда принесли рябчика, Наташа нарѣзала его кусочками и кормила отца. Онъ жевалъ и выплевывалъ, но видимо уставалъ. Ольга помогала сестрѣ. Вскорѣ онъ попросилъ всѣхъ выйти и дать ему заснуть, но едва всѣ уходили, онъ звалъ опять и говорилъ, что его бросили одного. Сонъ былъ тревоженъ и мало-по-малу перешелъ въ бредъ съ открытыми глазами. За его кроватью висѣло зеркало, въ которое виднѣлось окно. Это зеркало мало-по-малу стало занимать его и, наконецъ, безпокоить.

— Какъ это мы два мѣсяца живемъ здѣсь и не знали, что здѣсь все на виду и что тутъ все дамы? сказалъ Герценъ.

Я успокоивала его, говоря, что въ комнатѣ никого нѣтъ, и что это не окно, а зеркало.

Но, повидимому, онъ уже понималъ не ясно. Мы съ Наташей завѣсили зеркало черной шалью; это его успокоило. Но, несмотря на это, онъ все таки тревожно смотрѣлъ на карнизы и все хотѣлъ что-то схватить ру-

Digitized by Google

ками, а иногда показывалъ пальцемъ куда-то вдаль. Безпокойство его усиливалось. По утру онъ говорилъ доктору, что желаетъ перейти въ другую комнату. По отъѣздѣ Шарко, онъ велѣлъ достать все, во что-бы переодѣться, и хотѣлъ встать.

— Эта комната не моя, говорилъ онъ — это комната въ пансіонѣ Ревиго. Я встану и взгляну, куда выходятъ окна: на улицу или на дворъ.

Настало время обѣда, Наташа не хотѣла безъ меня, и потому мы вышли всѣ—едва сѣли въ столовой, какъ Ольга, замѣтя мое безпокойство, сказала мнѣ, что пойдетъ посмотрѣть, не нужно-ли чего больному, и выбѣжала изъ комнаты, но это не могло меня успокоить. Я встала и пошла къ больному. Наташа послѣдовала за мною. Мы застали больного въ большомъ волненіи, глаза его безпокойно блуждали по комнатѣ. Онъ потребовалъ свой портфель, (который все время лежалъ подъ его подушкой). Наташа подала. Дрожащими руками онъ открылъ его, пересчиталъ ассигнаціи и отдалъ его опять Наташѣ, говоря:

— Положи все въ шкапъ, запри и ключъ отдай Натали. Потомъ сталъ безпокоиться о своихъ часахъ.

— Что, если мои часы украли? говорилъ онъ, – какъ мнѣ тогда быть?

— Не безпокойся, сказала я,—часы твои въ шкапу.

Повидимому, онъ не слыхалъ этого. И сталъ говорить по-нѣмецки.

— Быть можетъ, ты желаешь видѣть Мейзенбугъ? не позвать-ли ее? сказала я.

— Что ты, отвѣчалъ онъ,—она давно умерла, ты позабыла.

Наконецъ, безпокойство больного достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ былъ увѣренъ, что возлѣ его комнаты все дамы, и требовалъ объяснить имъ, что онъ не можетъ встать. Чтобъ успокоить его, я уходила въ другую комнату, но онъ не вѣрилъ.

— Нѣтъ, ты не такъ скажешь, говорилъ онъ,—я самъ пойду.

Наташа сѣла у его кровати и тихо клала его ноги на постель, когда онъ спускалъ ихъ, чтобъ уйти.

Я сѣла по другую сторону и также старалась удержать его, цѣловала его руки. Онъ смотрѣлъ на все равнодушно. Наташа не знала еще, что означаетъ желаніе уйти.

Когда Наташа встала и вышла на минуту изъ комнаты, то онъ сказалъ твердо:

— Ну, Натали, не удерживай меня болѣе, пусти.

— Куда-же ты хочешь идти? — спросила я.

— Я хочу уѣхать только отсюда,—отвѣчалъ онъ.

— Подождемъ, мой другъ, до утра,—отвѣчала я.—Ольга и Лиза еще спятъ, а какъ проснутся, мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—до утра мнѣ ждать нельзя. Да и зачѣмъ брать Лизу? вѣдь мы никуда не ѣдемъ. Пусти-же меня.

Digitized by Google

— Нѣтъ, одного не пущу, возьми и меня съ собой,—сказала я.

— Дай руку, если хочешь. Пойдемъ и предстанемъ передъ судомъ Господа.

Когда бредъ усиливался, онъ кричалъ кому-то наверхъ: Monsieur, arrêtez l'omnibus, je vous en prie, ou une voiture à quatre places. Pardon, madame, que je ne me lève pas, j'ai des jambes rhumatismales. Pouvons-nous profiter de votre voiture, monsieur, cela ne vous fâche pas? Пусти меня, Натали, никто не хочетъ пріѣхать послѣднимъ.

— Подождемъ Лизу,—сказала я.

— Нѣтъ, не удерживайте меня. Я боюсь, чтобы Ольга и Мейзенбугъ не сдѣлали скандала, тогда весь Парижъ узнаетъ, имъ нечѣмъ будетъ платить. Надо поскорѣе взять омнибусъ...

И онъ кричалъ сильнымъ голосомъ:

— Arrêtersous pavillon Rohan 249 *).

Онъ продолжалъ разговоръ съ какимъ-то господиномъ, сидящимъ наверху.

— Monsieur, me voyez-vous de lá haut, moi je vous vois très-bien d'ici. Какіе огромные агенты теперь, я давно его знаю, ѣздилъ съ нимъ въ омнибусѣ.

Затѣмъ онъ сталъ просить шляпу. Я отвѣчала, что шляпа въ шкафу. Тогда онъ сталъ собирать одѣяло и дѣлать форму шляпы. Руки у него дрожали. Онъ передалъ мнѣ одѣяло, говоря:

— Натали, держи. Я возьму наши вещи и пойдемъ. Возьмемъ съ собою Тату. Я готовъ.

Затѣмъ онъ опять требовалъ омнибусъ или карету. Дыханіе становилось все труднѣе и труднѣе, слова менѣе ясны, онъ пересталъ говорить.

Время было за полночь.

Вѣроятно, жажда его мучила. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ взять въ ротъ одѣяло.

Я поняла, что онъ хочетъ пить, и сказала Татѣ:

— Дай ему выпить съ ложечки.

Раза два онъ взялъ охотно, потомъ не могъ или не хотѣлъ.

Онъ дышалъ все тяжелѣе и тяжелѣе. Моно помогъ положить его повыше, чтобъ онъ могъ легче дышать. Затѣмъ позвали Ольгу и Лизу, которыя также спать не могли.

Всѣ стали кругомъ его кровати: Тата держала его лѣвую руку. Взоры Александра были обращены на нее. Я держала его другую руку. Ольга и Лиза стояли возлѣ кровати за Татой. Мейзенбугъ позади, а Моно у ногъ. Пробило два часа. Дыханіе становилось рѣже и рѣже.

---

*) № квартиры Огарева.

Digitized by Google

Тата попробовала дать ему пить, но я сдѣлала ей знакъ, чтобъ не тревожить его. Дышалъ онъ тише, рѣже. Наконецъ, наступила та страшная тишина, которую слышно. Всѣ молчали, какъ будто боясь нарушить ее.

— C'est fini,—сказалъ Моно.

Дѣти рыдая выбѣжали въ другую комнату. Моно подвелъ ко мнѣ мою дочь. Я погладила ее по головѣ и поцѣловала. Я думала о Татѣ и какъ будто забыла обо всѣхъ, потомъ вскрикнула:

— Герценъ умеръ! Герценъ умеръ!

Слова эти казались мнѣ дики, я къ нимъ прислушивалась. Я обняла Лизу и сказала:

— И навсегда мы однѣ.

Н. Тучкова-Огарева.

Digitized by Google

Пѣсня пѣсенъ.

Нѣтъ многихъ пѣсенъ,—есть одна,
Не весела и не грустна,
Но вся—порывъ и глубина.
То сердце, гдѣ звучитъ она,
Обречено на жертву.

Не человѣкъ ее сложилъ,
Но раньше неба и свѣтилъ
Она лилась предъ богомъ силъ.
И богъ, ей внемля, полюбилъ
Страданія и жертву.

Подъ эту пѣсню богъ сгоралъ
Въ огнѣ любви и умиралъ,
Себѣ гробницей міръ избралъ
И на грядущій міръ взиралъ—
Верховный жрецъ и жертва.

Подъ эту пѣсню міръ возникъ
И возникаетъ каждый мигъ,
Какъ бьющій вверхъ живой родникъ,
Неизсякаемъ и великъ
Стремленьемъ вѣчнымъ къ жертвѣ.

Подъ эту пѣсню я живу,
Надъ бездной пѣнистой плыву,
Узоры призрачные рву
И смерть свободою зову,
Всегда готовый къ жертвѣ.

Н. Минскій.

Digitized by Google

Жилищная нужда рабочихъ классовъ.

I. Дыханіе и жилище. II. Скученность.—Исторія жилищной нужды. III. Какъ живетъ бѣдный людъ.

ГЛАВА I.

Дыханіе и жилище.

Первый актъ, первое дѣйствіе, которымъ человѣкъ начинаетъ свою жизнь, это вдыханіе; послѣднее, чѣмъ онъ ее оканчиваетъ—это выдохъ. Между этими двумя моментами, вдыханіемъ и выдыханіемъ, протекаетъ весь циклъ жизни. Если при этомъ принять во вниманіе, что человѣкъ дѣлаетъ въ минуту среднимъ числомъ 16 вдыханій и столько-же выдыханій, то можно сказать, что если человѣкъ что-нибудь дѣлаетъ непрерывно, въ теченіе всей своей жизни, такъ это именно дышитъ.

Но этого мало: дыханіе принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ горестяхъ и радостяхъ нашей жизни, во всѣхъ ея трудахъ и усиліяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, волнуетъ-ли человѣка возвышенное чувство, торжествующая свѣтлая мысль, горитъ-ли онъ пламенемъ чистаго безкорыстнаго увлеченія, закипаетъ ли благороднымъ негодованіемъ, захватилъ-ли его высокій порывъ, или, наоборотъ, онъ угнетенъ обрушившимся горемъ, задыхается въ сознаніи своего безсилія, душитъ-ли его злоба или зависть, дѣлаетъ-ли онъ физическое, душевное или умственное усиліе, погружается-ли въ сладкій сонъ, въ своего рода временную нирвану,—тотчасъ-же и прежде всего это отражается на его дыханіи. Оно становится глубже или поверхностнѣе, быстрѣе или медленнѣе, чаще или рѣже, порывистѣе или ровнѣе. Словомъ, всякое физическое и душевное движеніе немедленно отражается на дыханіи. Даже сновидѣнія и тѣ не остаются безъ вліянія на частоту и глубину дыханія, на то, что называется его ритмомъ.

Digitized by Google

Итакъ, мы не только дышимъ непрерывно отъ рожденія до могилы, но дыханіе наше, какъ и кровообращеніе, отражаетъ на себѣ всѣ многообразныя физическія и психическія измѣненія и вліянія, которымъ мы въ теченіе нашей жизни подвергаемся. Въ силу этой подвижности, чувствительности, мы совершенно безсознательно, автоматически вводимъ въ нашъ организмъ самую существенную часть его пищи—кислородъ воздуха—въ количествѣ не разъ навсегда необходимомъ для спокойнаго, обыкновеннаго средняго существованія, но соотвѣтственно потребности, больше, когда мы болѣе нуждаемся въ этомъ питательномъ матеріалѣ (какъ, напр., при психическомъ или физическомъ напряженіи), или менѣе, когда потребность въ немъ ограниченнѣе (покой, сонъ).

Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ здѣсь нѣкоторыя цифровыя, научно установленныя данныя.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія незабвенный въ области физіологіи и химіи Lavoisier не только констатировалъ, что человѣкъ поглощаетъ кислородъ воздуха и выдѣляетъ углекислоту пропорціонально совершаемой работѣ, но уже тогда высказалъ ту свѣтлую мысль, что по количеству выдѣленной въ теченіе какого-либо умственнаго занятія углекислоты можно судить о размѣрахъ потраченнаго на то матеріальнаго труда. Рельефное изображеніе далъ этому Smith. Принимая количество углекислоты, выдѣляемой человѣкомъ при покойномъ лежаніи на спинѣ, за единицу, онъ нашелъ, что количество это подъ вліяніемъ даже такихъ ничтожныхъ моментовъ, какъ сидѣніе, спокойное чтеніе и т. п., измѣняется слѣдующимъ образомъ:

Количество выдѣленной углекислоты:

при лежаніи на спинѣ .	1
» сидѣніи	1,18
» чтеніи	1,26
» стояніи	1,33
» медленной ходьбѣ .	1,90
» быстрой ходьбѣ . .	4,00
» бѣганіи	7,00

Я долженъ сдѣлать усиліе, чтобы не приводить здѣсь увлекательныхъ результатовъ многолѣтнихъ трудовъ такихъ истинныхъ свѣтилъ науки, какъ Regnault и Reiset, Boussingault, Петтенкоферъ и Фойтъ, Гаварре и др., показавшихъ, что на дыханіе, т. е. на количество поглощаемаго изъ воздуха кислорода и выдѣляемой углекислоты вліяютъ полъ и возрастъ, ростъ и вѣсъ, родъ пищи и питья, здоровье и болѣзнь, голодъ и холодъ, а главное—работа и покой.

Такимъ образомъ, мы можемъ замѣтить первое основное, необходимое для дальнѣйшаго изложенія положеніе, что человѣкъ во время ра-

Digitized by Google

боты нуждается въ гораздо большемъ количествѣ кислорода, нежели въ состояніи покоя.

Мы далеки отъ намѣренія излагать здѣсь хотя-бы основныя только черты устройства того нервномышечнаго аппарата, который такъ чувствительно и такъ хорошо служитъ этому процессу питанія. Мы говоримъ—*питанія*, потому что дыханіе есть одно изъ главнѣйшихъ частей этого процесса въ его совокупности. Мы имѣемъ въ виду напомнить лишь о нѣкоторыхъ числовыхъ данныхъ, которыя могутъ послужить для насъ строго законной основой для дальнѣйшихъ выводовъ относительно человѣческаго жилья, предмета, который въ данномъ случаѣ насъ собственно и занимаетъ.

Но какая-же связь существуетъ между дыханіемъ и жилищемъ? Если прослѣдить въ этомъ отношеніи жизнь человѣка съ момента рожденія до могилы, то мы увидимъ, что связь эта самая тѣсная и ясная. Въ самомъ дѣлѣ, не только первые дни, но и первые годы ребенокъ почти исключительно проводитъ въ жильѣ. Въ болѣе зажиточныхъ и не боящихся воздуха семьяхъ его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выносятъ (или вывозятъ) на 1/2 часа—часъ на прогулку. Въ бѣдномъ рабочемъ быту съ нимъ некогда, да и некому возиться, и его оставляютъ дома въ люлькѣ или на полу. Зимою многихъ не въ чемъ вынести на холодъ, и некому присмотрѣть за дѣтьми на улицѣ. Поэтому, полагаю, можно принять, что дѣти до 3—5 лѣтъ во всѣхъ классахъ населенія большею частью сидятъ почти исключительно дома, особенно въ городахъ, и лишь съ этого времени начинаютъ нѣсколько болѣе пользоваться пребываніемъ внѣ жилья, и то преимущественно въ деревняхъ. Затѣмъ начинаются школьные годы дома или въ школѣ, а для бѣдняка-ребенка на работѣ, гдѣ-нибудь въ ученіи.

Взрослые люди, какова-бы ни была ихъ профессія, свой рабочій день проводятъ въ закрытомъ помѣщеніи, затѣмъ ѣдятъ, спятъ, развлекаются, даже пьянствуютъ также не подъ открытымъ небомъ. Можно сказать, что весь занятой людъ почти непрерывно сидитъ по комнатамъ за дѣломъ или безъ дѣла. Самые завзятые праздношатающіеся, богатые и бѣдные, все равно, не составляютъ исключенія: если они не дома, то въ гостяхъ, театрѣ, въ модномъ ресторанѣ или простомъ кабакѣ. Таковы наши климатическія условія и весь складъ нашей жизни. Въ сущности даже сельскіе рабочіе не составляютъ исключенія, потому что, если принять во вниманіе краткость нашего лѣта, дѣтскій возрастъ и старость, нерѣдкія болѣзни, у женщинъ домашнее хозяйство, роды и проч., то окажется, что и самое земледѣльческое крестьянское населеніе наибольшую часть своей жизни проводитъ все-таки въ жильѣ, т. е. въ закрытомъ помѣщеніи. Я глубоко убѣжденъ, что для всей жизни человѣка, въ среднемъ на каждаго, выйдетъ въ сутки никакъ не болѣе 2—3 ча-

Digitized by Google

совъ пребыванія во внѣ-жильевомъ, такъ называемомъ свѣжемъ воздухѣ и не менѣе 20—22 часовъ въ закрытомъ помѣщеніи. Такимъ образомъ, мы,—свободные люди, немногимъ въ сущности отличаемся отъ несчастныхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, въ особенности это вѣрно по отношенію къ нашимъ бѣднымъ дѣтямъ.

Изъ сказаннаго ясно, что мы дышимъ почти постоянно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, т. е. другими словами, несравненно большую часть воздуха для дыханія беремъ изъ тѣхъ резервуаровъ, которые представляютъ собой наши рабочія и жилыя помѣщенія. Жилище это тотъ сосудъ, въ которомъ подносится намъ самая главная часть нашей пищи—воздухъ для дыханія. Въ этомъ первое и главное значеніе жилища, не говоря пока о другихъ, также крайне существенныхъ сторонахъ этого вліянія, какъ на здоровье, такъ и на нравственность и благосостояніе живущихъ.

Это естественно приводитъ къ вопросу: въ чемъ-же собственно выражается вліяніе воздушнаго резервуара—жилья—на его содержимое—воздухъ?

При всемъ желаніи избѣгать физіологическихъ и химическихъ подробностей, напомнимъ, однако, тѣ немногія фактическія данныя, которыя послужили основаніемъ для минимальныхъ требованій, предъявляемыхъ наукою, а частью и западноевропейскимъ законодательствомъ, какъ minimum, для жилищъ недостаточныхъ классовъ населенія, о которыхъ только и будетъ здѣсь рѣчь.

Человѣкъ въ среднемъ дышитъ отъ 16 до 18 разъ въ минуту [1]), т. е. дѣлаетъ 16—18 вдыханій и столько-же выдыханій, вводя съ каждымъ вдыханіемъ и выводя съ каждымъ выдыханіемъ около полулитра (500 куб. сантиметровъ) воздуха. Въ часъ это составитъ около 500 литровъ, а въ сутки до 12,000 литровъ воздуха. Нормальный составъ той газовой смѣси, которую мы называемъ нашимъ атмосфернымъ воздухомъ, представляетъ собой въ среднемъ около 21% кислорода (по объему) и около 79% азота [2]). Сверхъ этого, въ воздухѣ всегда имѣются водяные пары (влажность) и отъ 2—3 десятитысячныхъ, т. е. до 0,03% углекислоты; другими словами, одни лишь слѣды ея.

Что касается примѣси углекислоты, то въ вышеуказанномъ количествѣ,—трехъ десятитысячныхъ (т. е. 0,03%), въ которомъ она находится въ обыкновенномъ чистомъ воздухѣ, газъ этотъ безвреденъ, хотя углекислота есть сильно дѣйствующій на кровь ядъ, убивающій человѣка,

---

[1]) Новорожденный до 70 разъ, человѣкъ отъ 1 до 5 лѣтъ 32, 25—30 лѣтъ отъ 15 до 20 разъ, 30—50 лѣтъ отъ 11—23 разъ въ минуту, а въ глубокой старости частота дыханія еще болѣе возрастаетъ.

[2]) По вѣсу это составитъ 23% кислорода, 77% азота.

если содержаніе его въ чистомъ воздухѣ доходитъ до 10—12%, а при болѣе продолжительномъ дѣйствіи даже и при 4—5%.

Для пониманія связи между жильемъ и воздухомъ необходимо также имѣть въ виду составъ выдыхаемаго воздуха, т. е. тѣ перемѣны, которымъ подвергается воздухъ во время пребыванія его въ легкихъ въ теченіе паузы между вдыханіемъ и выдыханіемъ. Перемѣны эти нагляднѣе всего видны будутъ изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Составъ воздуха: вдыхаемаго.	выдыхаемаго.
Кислорода	21%	16%
Азота.	79%	79,5%
Углекислоты слѣды или	0,03%	4,5 до 5%

т. е. количество углекислоты увеличивается въ выдыхаемомъ воздухѣ въ 150 и болѣе разъ. Такимъ образомъ, въ сутки выдѣляется этого газа 455,500 куб. сантиметр. или 900 граммъ [1]).

Сверхъ того, дыханіемъ выводится изъ легкихъ (т. е. изъ крови организма) такая масса воды въ видѣ водяныхъ паровъ, что выдыхаемый воздухъ ими насыщенъ. Замѣтимъ, что это количество воды, составляющее въ сутки на человѣка отъ 330 граммъ (Фирордтъ) до 644 (Валентинъ), вмѣстѣ съ кожными испареніями, столь значительно, что служитъ одной изъ причинъ сырости, развивающейся въ переполненныхъ, дурно вентилируемыхъ, но до того не сырыхъ жилищахъ.

При большихъ сборищахъ людей въ плохо вентилируемыхъ помѣщеніяхъ водяные пары выдыхаемаго воздуха осаждаются, между прочимъ, на потолкѣ и стѣнахъ, и тогда ихъ можно видѣть въ видѣ капель или даже маленькихъ струекъ.

Такимъ образомъ, главное измѣненіе выведеннаго воздуха заключается въ уменьшеніи кислорода на 5% (общаго количества воздуха), въ такомъ-же почти возрастаніи углекислоты и огромномъ прибавленіи воды. Сверхъ того, выдыхаемый воздухъ содержитъ еще въ небольшихъ количествахъ аммiакъ, слѣды сѣрнистаго водорода и пр., а также и нѣкоторыя очень легко загнивающія органическія вещества, весьма мѣтко называемыя англійскимъ физіологомъ Фостеромъ нечистотными примѣсями выдыхаемаго воздуха. Это послѣднее обстоятельство весьма легко провѣрить.

Если, напр., въ теченіе нѣкотораго времени выдыхать непосредственно въ охлажденный сосудъ, то водяные пары воздуха осаждаются на стѣнкахъ въ видѣ жидкости. Эта послѣдняя содержитъ въ растворѣ тѣ органическія вещества, которыя очень легко и быстро загниваютъ и

[1]) За то-же время выдѣляется кислорода 516,500 куб. сантим. (744 грамма).

Digitized by Google

вскорѣ придаютъ всей жидкости противный гнилой запахъ. Если эту свѣжеполученную жидкость выпарить и полученный сухой остатокъ сжечь, то развивается противный запахъ жженыхъ перьевъ. Эти-то вещества и служатъ отчасти причиною запаха выдыхаемаго воздуха—запаха, особенно сильно ощущаемаго въ помѣщеніяхъ, гдѣ выдыхаемый людьми воздухъ недостаточно полно или недостаточно быстро замѣняется свѣжимъ, что обыкновенно встрѣчается въ переполненныхъ или дурно вентилируемыхъ помѣщеніяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ нечистотныхъ примѣсей крайне ядовиты. Это подтверждается, между прочимъ, опытомъ Hammond'а надъ мышью.

Hammond посадилъ мышь въ большую закупоренную бутыль. Углекислота и водяные пары, выдѣляемые мышью, постоянно уничтожались въ самой бутылкѣ, а свѣжій кислородъ соотвѣтственно поглощенію его мышью при дыханіи самъ собою, вслѣдствіе особаго автоматическаго приспособленія, поступалъ туда.

Такимъ образомъ, въ воздухѣ бутыли кислородъ постоянно прибавлялся въ потребномъ количествѣ, а углекислота и водяные пары уничтожались, но оставались прочія вещества, примѣшанныя къ выдыхаемому воздуху. И этого было достаточно, чтобы при всѣхъ многочисленныхъ опытахъ мышь непремѣнно умирала черезъ какихъ-нибудь $^3/_4$ или одинъ часъ, тогда-какъ всякій знаетъ, что оставленная, напр., въ мышеловкѣ, т. е. при достаточной вентиляціи *всего* выдохнутаго воздуха, она живетъ гораздо дольше. Это положеніе и опыты также слѣдуетъ хорошенько замѣтить, т. е. то именно, что внезапное вдыханіе испорченнаго воздуха можетъ убить животное, тогда какъ постепенно можно привыкнуть къ дурному воздуху; но необходимо уяснить себѣ, что эта *привычка означаетъ только болѣе медленное убиваніе*, другими словами, сокращеніе продолжительности жизни. Къ сожалѣнію, опредѣленіе этихъ вредныхъ примѣсей воздуха весьма затруднительно. Между тѣмъ, въ практическомъ, житейскомъ отношеніи крайне важно констатировать ихъ присутствіе и указать ту границу ихъ накопленія, когда они пріобрѣтаютъ значеніе несомнѣннаго memento mori, заявленія, что болѣзнь и смерть на порогѣ.

Къ счастью, мы обладаемъ весьма простымъ и очень удобно констатируемымъ мѣриломъ для указанія относительнаго накопленія въ воздухѣ этихъ гибельныхъ примѣсей. Правда, мѣрило это лишь косвенное, но при обыкновенныхъ условіяхъ жизни вполнѣ достаточное для сужденія о степени чистоты или загрязненія воздуха. Дѣло въ томъ, что въ выдыхаемомъ воздухѣ вмѣстѣ съ этими нечистотными примѣсями выдѣляется, какъ мы видѣли, и углекислота въ количествѣ отъ 4 до 5%. Оставаясь въ данномъ помѣщеніи съ недостаточной вентиляціей, углекислота будетъ постепенно накопляться и, слѣдовательно, процентное ея содержаніе соотвѣтственно возрастать. Вмѣстѣ съ углекислотой будутъ, конечно, соотвѣт-

Digitized by Google

ственно увеличиваться и выдѣляемыя съ каждымъ выдыханіемъ вышеупомянутыя крайне вредныя «нечистотныя примѣси», такъ-что, при накопленіи продуктовъ выдыхаемаго воздуха въ данномъ помѣщеніи, рука объ руку съ углекислотой идетъ и соотвѣтственное увеличеніе количества интересующихъ насъ сугубо вредныхъ примѣсей. Другими словами, накопленію въ воздухѣ даннаго количества выдѣленной дыханіемъ углекислоты соотвѣтствуетъ и количество выведенныхъ тѣмъ-же процессомъ вредныхъ органическихъ веществъ, и, слѣдовательно, по количеству углекислоты *отъ дыханія* мы могли-бы судить объ относительномъ количествѣ остальныхъ вредныхъ веществъ въ воздухѣ того-же помѣщенія.

Изъ факта необходимости удаленія воздуха, содержащаго эти ядовитыя вещества (испорченный воздухъ), вытекаетъ для жилыхъ помѣщеній необходимость вентиляціи, т. е. удаленіе испорченнаго воздуха и замѣна его чистымъ, «свѣжимъ». При этомъ возникаетъ вопросъ, какъ часто слѣдуетъ совершать это удаленіе, а въ связи съ этимъ находится и опредѣленіе размѣра жилого пространства на одного человѣка. Очевидно, если удалять выдыхаемый воздухъ съ ядомъ и взамѣнъ вводить чистый воздухъ непрерывно, то, съ этой точки зрѣнія, помѣщеніе человѣка можетъ быть крайне мало, даже совсѣмъ облегать его, въ родѣ того, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто въ водолазномъ костюмѣ. Но въ жильѣ непрерывная или слишкомъ частая смѣна всего воздуха, чрезмѣрно сильное его движеніе вызываетъ непріятное ощущеніе такъ называемаго сквозного вѣтра. Поэтому, необходимо было опредѣлить тотъ предѣлъ скорости, при которомъ движеніе воздуха неощутимо и въ комнатѣ не причиняетъ упомянутаго непріятнаго чувства. Эмпирически найдено, что смѣна всего воздуха въ помѣщеніи не чаще трехъ разъ въ часъ остается незамѣченной и не чувствуется.

При этомъ условіи размѣръ необходимаго для одного человѣка помѣщенія опредѣлится на основаніи уже намъ извѣстныхъ данныхъ. По этому расчету [1]) выходитъ, что пространство, въ которомъ человѣкъ

[1]) Для желающихъ приводимъ этотъ расчетъ въ упрощенномъ видѣ. Основанія расчета: 1 выдыхъ – 500 cbctm. (0,5 Litr.) воздуха съ 4—5% CO_2 въ среднемъ 4,5% 16—18 дыханій въ минуту, слѣд., 960—1080 дых. въ часъ, въ среднемъ принимаемъ 1000 дыханій; выдыхается, слѣд., 500 Litr. воздуха съ 4—5% CO_2 въ часъ; въ наружномъ воздухѣ 0,03—0,04% CO_2. Спрашивается, съ какимъ количествомъ воздуха съ содержаніемъ CO_2 въ 0,03% должны быть смѣшиваемы въ теченіе часа эти выдыхаемые 500 Litr. воздуха съ 4,5% CO_2, при желаніи имѣть воздухъ въ комнатѣ съ 0,07% CO_2? $x : 500L = 4{,}5 : 0{,}04$ (т. е. 0,07—0,03); откуда $x = 56.250$ Litr. $= 56{,}25$ cbmtr, т. е. эти 500 Litr. должны быть смѣшаны съ 56,250 cbm. воздуха, слѣд., комната должна имѣть 56,25 cbmtr. + 0,5 (500 Litr = 0,5 cbmtr.), т. е. около 57 cbmtr. При 0,03% CO_2 въ наружномъ воздухѣ и предѣлѣ въ 0,06 въ жильѣ, $x = 75$ cbmtr. При 0,04% CO_2 и предѣлѣ въ 0,07, x также $= 75$ cbmtr, а при 0, 04% и 0,06 въ жильѣ, $x = 112{,}5$ cbmtr. Въ среднемъ изъ этихъ 4-хъ вычисленій $x = 80$ cbmtr, т. е. одинъ человѣкъ можетъ безъ вреда дышать въ теченіе часа въ комнатѣ, величиною

Digitized by Google

можетъ дышать 1 часъ безъ вреда для здоровья, т. е. пока доведетъ содержаніе углекислоты до предѣльной величины,—пространство это равно 60—75 куб. метрамъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, что черезъ часъ весь воздухъ долженъ быть замѣненъ другимъ. Однако, какъ мы видѣли, воздухъ можно возобновлять и чаще; тогда помѣщеніе можетъ быть соотвѣтственно уменьшено, такъ-что при двукратной смѣнѣ воздуха въ часъ можно удовлетвориться помѣщеніемъ въ 30—$37^1/_2$ куб. метр., а при 3-хъ-кратномъ возобновленіи воздуха въ теченіе одного часа и 20—25 куб. метр. ($2^1/_2$—3 куб. саж.).

Нѣкоторые идудъ гораздо дальше. Такъ, напр., Häsecke уже 15 лѣтъ назадъ требовалъ, при отсутствіи особыхъ вентиляціонныхъ приспособленій, 50 куб. метр. на человѣка. Профессоръ Soyra считаетъ необходимымъ 25 куб. метр. жилого помѣщенія на 1 взрослаго, на ребенка до 10 лѣтъ $12^1/_2$ cbmtr., слѣдовательно, на спальню для двухъ взрослыхъ и четырехъ дѣтей—100 куб. метр., въ рабочихъ помѣщеніяхъ до 20 cbmtr на 1 человѣка, но при условіи, чтобы вентиляція доставляла отъ 60 до 100 куб. метр. въ часъ на одного человѣка. Сверхъ этого, онъ требуетъ еще отъ 6 до 25 cbmtr. въ часъ на освѣщеніе, смотря по матеріалу. Нѣкоторые, допуская смѣну воздуха два раза въ часъ, увеличиваютъ соотвѣтственно размѣры помѣщенія. Съ другой стороны, только практическія условія и—главнымъ образомъ—экономическое убожество массы побуждаетъ нѣкоторыхъ допускать, какъ *начало улучшенія*, и значительно меньшія цифры. Такъ, германскіе архитектора требуютъ законодательнаго введенія обязательнаго minimum'а въ десять cbmtr. воздуха на одного взрослаго, въ пять cbmtr. для ребенка моложе десяти лѣтъ. Но подобныя предложенія, мотивируемыя исключительно бѣдностью и практической осуществимостью, вызываютъ протесты и проф. Busing называетъ это постановленіе съѣзда архитекторовъ такимъ, о которомъ можно только сожалѣть (kann man nur bedauern).

Эти 20 кубическихъ метровъ и представляютъ тотъ обычный нормальный minimum, отъ котораго отступать не слѣдуетъ, и въ которомъ нельзя дѣлать никакихъ уступокъ, если не хотятъ, вредя здоровью ближнихъ, лицемѣрно сохранять повиновеніе мнимо-гигіеническимъ требованіямъ. Надо помнить, что эти величины и безъ того представляются минимальными, такъ какъ основаны на расчетахъ, въ которыхъ лежитъ порча воздуха однимъ лишь дыханіемъ человѣка, не считая ни горѣнія освѣтительныхъ матеріаловъ, ни грязи и пыли, ни другихъ нечистотъ, производимыхъ человѣкомъ и другими животными въ ихъ совмѣстной жизни и дѣятельности. Кромѣ того – что особенно важно—при этомъ пред-

---

въ 80 cbmtr, а затѣмъ воздухъ этотъ, какъ негодный, долженъ быть весь замѣненъ свѣжимъ. При смѣнѣ воздуха три раза въ часъ комната на 1 человѣка должна быть не менѣе 27 cbmtr.

Digitized by Google

полагается, что воздухъ въ жильѣ весь замѣняется свѣжимъ не менѣе трехъ разъ въ часъ. А гдѣ мы имѣемъ такую вентиляцію въ жилищахъ трудящихся рабочихъ классовъ, которые болѣе другихъ нуждаются для работы въ достаточномъ количествѣ свѣжаго, хорошаго воздуха?

Замѣчу еще только, что для помѣщеній, въ которыхъ человѣкъ занимается ремесленнымъ или фабричнымъ трудомъ, объемъ воздуха долженъ быть разсчитанъ иначе, смотря по количеству и качеству пыли, газовъ (иногда ядовитыхъ) и т. п., выдѣляемыхъ при различныхъ производствахъ.

ГЛАВА II.

Скученность.

Значеніе и вліяніе скученности на жизнь и здоровье людей и животныхъ.—Примѣры изъ исторіи и современной жизни.—Другія вліянія.

Вышеизложенныя соображенія и расчеты подтверждаются множествомъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о вредномъ, нерѣдко крайне гибельномъ вліяніи недостаточности воздуха или значительной примѣси къ нему продуктовъ дыханія. Не углубляясь въ даль вѣковъ, напомнимъ о надѣлавшемъ много шуму и постоянно цитируемомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ такъ называемой «Черной пещерѣ» въ Калькуттѣ. Въ 1756 г., бенгальскій набобъ взялъ фортъ Уилльямъ и въ немъ 146 англичанъ и засадилъ ихъ въ маленькую каменную подвальную тюрьму, вѣрнѣе, каменный мѣшокъ, едва достаточный, по размѣрамъ, для одного человѣка. Тѣснота была такъ велика, что съ большимъ трудомъ можно было присѣсть на корточки и ужъ очень трудно, для многихъ уже невозможно, подняться, такъ что приходилось только стоять. Въ одной изъ стѣнъ этой клѣтки находилось два небольшихъ окна, съ густой желѣзной рѣшеткой. Хотя въ окнахъ не было ни рамъ, ни стеколъ, воздуху было такъ мало для всего числа заключенныхъ, что за ночь погибло въ жесточайшихъ мученіяхъ 123 человѣка, несмотря на то, что сжалившіеся надъ несчастными стражи подавали имъ воду, а потомъ и поливали ихъ водою. Уцѣлѣли только тѣ, которые, уцѣпившись за рѣшетку оконъ, имѣли возможность дышать свѣжимъ воздухомъ. Кого оттѣсняли отъ окна, тотъ погибалъ отъ удушья, сваливаясь подъ ноги товарищей. Мученія были до того ужасны, что узники у оконъ старались всякими способами обозлить караульныхъ солдатъ, чтобы эти послѣдніе, выйдя изъ себя, перестрѣляли ихъ. Нельзя безъ ужаса читать описаніе этой ужасной ночи, сдѣланнаго въ Annual Register [1]) за 1758 г. комендантомъ форта

[1]) Русскій переводъ у Льюиса. Физіологія обыденной жизни. Изд. III М. 1864 г., p. 29 и слѣд.

Digitized by Google

мистеромъ Голлуэлемъ, однимъ изъ немногихъ переживших эти страданія.

Другой случай подобнаго рода произошелъ послѣ битвы при Аустерлицѣ, когда побѣдившіе французы, безъ всякаго, впрочемъ, злого умысла, заперли триста плѣнныхъ австрійцевъ въ тѣсную тюрьму, гдѣ 260 изъ нихъ погибло. Подобное-же печальное происшествіе случилось во время сѣверо-американской междоусобной войны, когда плѣнныхъ тоже засадили въ несоотвѣтственно малую тюрьму въ Нешвилѣ. Нерѣдко на судахъ во время бури запираютъ пассажировъ въ плотно закрытыя каюты и извѣстны многочисленные случаи, когда несоотвѣтствіе между числомъ людей и кубическимъ содержаніемъ этихъ помѣщеній влекло за собой мучительную гибель множества людей.

Не такъ рѣзко и болѣе медленно проявляется хроническое дѣйствіе не столь дурного воздуха, обусловливаемаго въ нашихъ жилищахъ скученностью, т. е. недостаточностью количества воздуха и величины вентиляціи по отношенію къ числу людей. Вліяніе это съ особенной ясностью можно наблюдать еще и теперь въ тюрьмахъ, школахъ, особ. интернатахъ, казармахъ и пр., но, главнымъ образомъ, конечно, въ жилищахъ бѣднаго люда. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ обычныхъ условій жизни рабочаго класса.

Года четыре тому назадъ англійскіе профессора Корнельбью и Гельдау изслѣдовали ночью воздухъ въ квартирахъ жителей гор. Дёнди, имѣя въ виду выясненіе связи между чистотой воздуха и смертностью. При этомъ они обращали вниманіе на число комнатъ въ квартирѣ и на ея населенность. Жильцы не были предупреждены о предстоящемъ изслѣдованіи, которое привело къ слѣд. результатамъ: углекислоты, вредной органической пыли и микроорганизмовъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше квартира; чѣмъ больше число комнатъ въ квартирѣ, тѣмъ воздухъ въ ней чище и тѣмъ менѣе въ немъ указанныхъ вредныхъ примѣсей. Напримѣръ, въ квартирѣ въ 1 комнату содержаніе углекислоты въ воздухѣ было крайне велико—0,112%, органическихъ веществъ болѣе 1½% (1,57) и бактерій вдвое болѣе, нежели въ квартирѣ изъ 2 комнатъ, гдѣ углекислоты было 0,099% и органическихъ веществъ уже значительно меньше. Разработавъ затѣмъ статистику смертности за цѣлый рядъ лѣтъ въ связи съ числомъ комнатъ и жильцовъ въ квартирѣ, въ которой произошелъ каждый смертный случай, они нашли, что процентъ смертности въ квартирахъ объ одну комнату гораздо больше, нежели въ прочихъ жилищахъ. Въ особенности сильно мрутъ, конечно, дѣти; но и въ среднемъ возрастѣ смертность въ такихъ квартирахъ *вдвое болѣе*, нежели въ остальныхъ не столь тѣсныхъ жилищахъ. Въ общемъ выводъ получился такой: 1) наибольшая смертность людей зависитъ, главнымъ образомъ, отъ тѣсноты ихъ жилищъ, 2) смертность въ малыхъ квартирахъ

Digitized by Google

тѣмъ больше, чѣмъ болѣе въ нихъ живетъ народу, т. е. чѣмъ значительнѣе въ нихъ скученность.

Не менѣе, впрочемъ, назидательны и общія данныя о смертности въ Англіи въ связи съ площадью квартирнаго пространства на 1 человѣка, какъ это видно изъ слѣд. таблицы:

Таблица № 1. Англія.

Жилого пространства на 1 челов.	Смертность.
102 квадратныхъ ярда	1 изъ 49 челов.
101 » »	1 » 41 »
32 » »	1 » 36 »

Очень интересный фактъ констатировалъ въ концѣ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія Villermé въ Парижѣ; а именно, что смертность въ различныхъ городскихъ участкахъ соотвѣтствуетъ числу неплатящихъ налога квартиръ, т. е. количеству дурныхъ, тѣсныхъ жилищъ, что подтверждено было впослѣдствіи многочисленными другими изслѣдователями. Здѣсь мы приведемъ вкратцѣ данныя Villermé (Т. II).

Таблица № II. Парижъ.

Относительн. число дурн. жилищъ въ округахъ.	Смертность.
7 процентовъ	1 изъ 72 челов.
22 »	1 » 65 »
38 »	1 » 45 »

Enquête 1846 г. въ Брюсселѣ показала, что въ 206 улицахъ съ дурными жилищами, въ которыхъ жило 66,182 человѣка, смертность составляла 1 изъ 29, а въ 304 улицахъ съ лучшими жилищами, въ которыхъ помѣщалось 45,977 жителей, умиралъ 1 изъ 53—почти вдвое менѣе. То-же самое констатировано для Манчестера, гдѣ въ лучшихъ улицахъ умираетъ 1 изъ 55 и 51, а въ худшихъ—1 изъ 38, 36 и даже изъ 25.

Таблица № III показываетъ аналогичное явленіе въ Цюрихѣ, гдѣ средняя продолжительность жизни для живущихъ въ новыхъ частяхъ города, въ среднемъ съ 12,5 жильцами на 1 домъ,—40 лѣтъ, тогда какъ въ самой тѣсно населенной части она падаетъ до 28,3.

Таблица № III. Цюрихъ.

	Средн. число жильц. на 1 д.	Средн. прод. жизни.
Въ новыхъ частяхъ города	12,5	40 лѣтъ.
Въ старыхъ » »	20	32,3 »
Въ самой тѣсной части	—	30,8 »
Въ худшей ея части	—	28,3 »

Digitized by Google

Талантливый профессоръ Керёзи показалъ для Пешта прямую зависимость средняго возраста умершихъ или, другими словами, средней продолжительности жизни отъ числа жильцовъ на 1 комнату, т. е. отъ скученности. Чрезвычайно поучительныя данныя Керёзи помѣщены въ слѣд. таблицѣ:

Таблица № IV. Пештъ.

Число жильц. въ 1 комнатѣ.	Средн. возр. умершихъ за исключен. дѣтей до 5 лѣтъ.
1— 2	47,16 лѣтъ.
3— 5	39,51 »
6—10	37,10 »
болѣе 10	32,03 »

Изъ таблицы этой ясно, что пережившій 5-лѣтній возрастъ въ Пештѣ проживетъ,—какъ говорилъ покойный профессоръ Янсонъ,—при обстановкѣ, представляемой жилищами первой категоріи, на 7½ лѣтъ болѣе, чѣмъ второй,—10 лѣтъ болѣе, чѣмъ третій и 15 болѣе, чѣмъ бѣднякъ, довольствующійся угломъ. При этомъ интересно еще слѣдующее обстоятельство. Средній возрастъ того контингента населенія, къ которому принадлежитъ по профессіи также и главная часть подвальныхъ жильцовъ, составляетъ 39 лѣтъ, между тѣмъ средній возрастъ умершихъ въ подвалахъ 37,15 лѣтъ. Эту разницу въ два года жизни справедливо приписываютъ вліянію подвальнаго жилья: его почвеннымъ испареніямъ, сырости, недостатку воздуха и свѣта.

Для Лейпцига мы имѣемъ данныя офиціальнаго городского статистическаго бюро о смертности по улицамъ съ различнымъ числомъ жильцовъ на 1 отапливаемую комнату.

Таблица № V. Лейпцигъ.

Группы улицъ.	Число жильцовъ въ 1 отапливаемой комнатѣ.	Смертн. на 1000 ч. всѣхъ возраст. 1871 г.	1872 г.	Смертность на 1000 дѣт. отъ 0—1 года. 1871 г.	1872 г.
I.	не болѣе 2 челов.	23	18	362	268
II.	отъ 2—3 »	33	22	435	333
III.	болѣе 3 »	49	30	691	500

Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ, что смертность наиболѣе скученнаго населенія (III группа) была въ 1871 г. (оспенная эпидемія) болѣе, чѣмъ вдвое, сильнѣе смертности просторно размѣщенныхъ жителей (I группа) въ 1872 г.—на 66%; а смертность дѣтей была между первыми сильнѣе, чѣмъ между вторыми въ 1871 на 91%, въ 1872 г. на 90%. Особенно ужасающая смертность свирѣпствуетъ въ плохихъ кварталахъ во время

Digitized by Google

эпидемій, какъ видно изъ сравненія данныхъ за 1871 г. (оспенная эпидемія) съ цифрами 1872 г.

Вредное вліяніе скученности, кромѣ ранѣе указанной порчи воздуха дыханіемъ, увеличивается еще, какъ извѣстно, крайне вреднымъ дѣйствіемъ усиленнаго развитія пыли, кожными испареніями, нечистотами и грязью, которыя приносятся въ жилье на обуви и платьѣ, въ которомъ сверхъ того задерживаются и разлагаются кожныя испаренія и выдѣленія. Эти моменты также вліяютъ весьма неблагопріятно и о нихъ имѣется не мало данныхъ въ научной литературѣ; но мы не можемъ ими воспользоваться здѣсь, такъ-какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей прямой задачи.

Изъ вышеуказанныхъ данныхъ объ усиленной смертности при скученности можно уже, конечно, заключить и объ усиленной болѣзненности подъ тѣмъ-же вліяніемъ. Не приводя этому отдѣльныхъ доказательствъ, укажу только на нѣкоторые факты, касательно ужаснаго и все болѣе распространяющагося бича человѣчества—дифтерита. Засѣдавшій въ 1891 г. въ Лондонѣ гигіеническій конгрессъ считаетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ этой губительной болѣзнью изолированіе больныхъ, дезинфекцію и чистоту. Мыслимо-ли это въ скученныхъ гнѣздахъ бѣдняковъ? Между тѣмъ, эта ужасная болѣзнь дѣлаетъ страшные успѣхи, мѣстами она выкашиваетъ почти все дѣтское населеніе, а д-ръ Gibert заявляетъ тому-же конгрессу, что «чрезмѣрная скученность населенія представляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ распространенія дифтерита».

То же самое относится къ эпидеміямъ тифа, холеры, оспы и т. п. бичамъ, съ которыми человѣчество, при современномъ состояніи культуры, несомнѣнно справилось-бы, если-бы только люди могли жить нѣсколько лучше и значительно просторнѣе.

Нужно, однако, признать, что изъ приведенныхъ статистическихъ данныхъ, которыхъ существуетъ громадное количество, вытекаетъ въ сущности только усиленная смертность бѣднѣйшихъ классовъ населенія сравнительно съ богатыми. Несомнѣнно, конечно, что производящими причинами служитъ здѣсь и дурное жилье, но не одно только оно, а также и недостаточное питаніе, и чрезмѣрный трудъ и проч., и проч. Между тѣмъ какъ для нашей цѣли было-бы желательно выдѣлить по возможности вліяніе дурного, переполненнаго жилища. Въ этомъ отношеніи, кромѣ вышеупомянутыхъ, чрезвычайныхъ случаевъ смерти въ переполненныхъ помѣщеніяхъ, въ родѣ «Черной пещеры» и пр., болѣе поучительны тѣ явленія, гдѣ мы можемъ выдѣлить и изучить въ чистомъ видѣ вліяніе одной только скученности и, такимъ образомъ, установить значеніе этой послѣдней въ ряду другихъ причинъ. Въ этомъ отношеніи поучительны, напр., слѣдующіе факты. Извѣстный англійскій гигіе-

Digitized by Google

нистъ Парксъ приводитъ чрезвычайно интересныя данныя относительно двухъ вѣнскихъ тюремъ, гдѣ сроки заключенія, образъ жизни и пр. были одинаковы, но въ одной—помѣщеніе тѣсное и скверное, а въ другой—просторное съ хорошей вентиляціей, и вотъ результаты: въ первой, переполненной, умирало 86 на тысячу заключенныхъ, а во второй, съ хорошей вентиляціей—лишь 14, т. е. менѣе одной шестой, и главное вліяніе въ этомъ принадлежитъ только разницѣ въ количествѣ и чистотѣ воздуха. Ужасы французскихъ галеръ, хотя-бы по наслышкѣ или изъ старыхъ романовъ, всѣмъ извѣстны; между тѣмъ знаменитый Касперъ съ цифрами въ рукахъ доказалъ, что заключенные въ нихъ не такъ вымираютъ, какъ въ гораздо лучше устроенныхъ, такъ называемыхъ смирительныхъ домахъ, что объясняется тѣмъ, что каторжники работали на свѣжемъ воздухѣ. Подобныхъ наблюденій не мало. У насъ въ Россіи, напр., въ Новобѣлгородской центральной тюрьмѣ умерло въ 1870 г. 420 изъ 1000 заключенныхъ, 42%, безъ малаго половина! Главная смертность приходилась на зимнее и отчасти весеннее время, когда арестанты почти не покидаютъ своихъ переполненныхъ и дурно вентилируемыхъ помѣщеній. Мѣстный врачъ, докторъ Леонтовичъ, приписываетъ такую чудовищную смертность и чрезвычайную частоту легочныхъ болѣзней, отвратительному воздуху переполненныхъ и дурно провѣтриваемыхъ арестантскихъ камеръ, зараженному выдѣленіями тѣла и пр.

Не менѣе ясно обнаруживается это вліяніе въ случаяхъ быстраго уменьшенія заболѣваемости и смертности среди войскъ при улучшеніи вентиляціи казармъ и при болѣе просторномъ размѣщеніи людей. Наоборотъ, увеличеніе скученности увеличиваетъ заболѣваемость и смертность, несмотря на то, что прочія условія жизни и содержанія остаются безъ измѣненія или даже улучшаются.

Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія пришлось, по политическимъ мотивамъ, держать въ казармахъ значительно болѣе войскъ, чѣмъ слѣдовало по кубическому содержанію воздуха. Послѣдствіемъ были постоянныя эпидеміи и дѣлу помогла только эвакуація части войскъ и болѣе просторное размѣщеніе остальныхъ.

Но, очевидно, подобные результаты можно получить и при улучшеніи вентиляціи, чему также существуютъ многочисленные примѣры. Приведу здѣсь одинъ изъ наиболѣе разительныхъ. Въ Дублинскомъ воспитательномъ домѣ за четыре года было новорожденныхъ 7650 и изъ нихъ умерло между первымъ и 15-мъ днемъ 2941 ребенокъ. Когда-же была измѣнена и радикально улучшена вентиляція, смертность за такой-же періодъ времени составила лишь 279. Слѣдовательно, вентиляція спасла около 2700 маленькихъ существъ одного только этого возраста и наоборотъ,—какъ справедливо замѣчаетъ Льюисъ—одна смерть на три рожденія обусловливалась дурной вентиляціей.

Digitized by Google

До чего эти маленькія существа чувствительны къ качеству воздуха иллюстрируется, между прочимъ, случаемъ въ такомъ-же учрежденіи въ Лейпцигѣ, гдѣ усиленная заболѣваемость среди питомцевъ прекратилась только тогда, когда директоръ дома профессоръ Бинцъ заставилъ прислугу прекратить просушку пеленокъ въ помѣщеніи дѣтей.

Съ другой стороны, въ Копенгагенѣ въ 50-хъ годахъ построены были хорошія жилища для 430 семейныхъ рабочихъ и смертность среди нихъ уменьшилась на $^4/_5$ сравнительно съ живущими въ дурныхъ помѣщеніяхъ.

Въ жилищахъ рабочихъ, построенныхъ въ 50-хъ годахъ двумя лондонскими обществами, смертность уменьшилась на $^1/_4$ и $^1/_5$ сравнительно съ общимъ ея коэффиціентомъ, что сплошь и рядомъ наблюдается въ хорошо построенныхъ домахъ для рабочихъ.

Къ сожалѣнію, ихъ только до ничтожества мало сравнительно со всеобщей потребностью. И до сихъ поръ остаются въ полной силѣ слова Льюиса [1]): «Задушеніе и удавленіе суть преступленія, приводящія публику въ негодованіе; но она смотритъ снисходительно на болѣе мягкую форму смертоубійства, которую называютъ «недостаткомъ вентиляціи». Несмотря на страшную извѣстность калькутской Черной Пещеры, наши тюрьмы, госпитали, театры, церкви и другія публичныя зданія ничѣмъ не были обезпечены въ этомъ отношеніи, пока, благодаря энергическимъ трудамъ нашихъ санитарныхъ реформеровъ, вниманіе общества не было возбуждено».

Гибельное вліяніе скученности, т. е. въ сущности порчи воздуха легочнымъ и кожнымъ дыханіемъ и другими выдѣленіями организма, наблюдается во всемъ животномъ мірѣ, и очень характерно, что первыя заботы въ этомъ отношеніи обнаружились въ военномъ вѣдомствѣ и притомъ по отношенію къ лошадямъ, которыхъ надо было покупать, а не къ людямъ, которыхъ можно было набирать. Именно, знаменитый маршалъ Франціи Voban, въ XVII столѣтіи, въ виду сильной болѣзненности лошадей во французской арміи, предписалъ размѣщать ихъ не ближе 1 метра одну отъ другой. О людяхъ стали заботиться гораздо позже.

Итакъ, изъ всѣхъ этихъ прямыхъ и косвенныхъ указаній, фактовъ и наблюденій, мы имѣемъ полное основаніе сказать, что хотя бѣдные люди, рабочіе классы подвергаются многочисленнымъ вреднымъ условіямъ существованія, но среди нихъ наиболѣе тяжкое вліяніе оказываетъ недостаточность жилья, что означаетъ въ сущности дурного качества воздухъ въ тѣсныхъ закрытыхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ, какъ я уже выше сказалъ, человѣкъ, и въ особенности рабочій, проводитъ почти весь свой день и всю свою жизнь.

---

[1]) l. c. p. 291.

Digitized by Google

Кромѣ скученности, которая является—главнымъ образомъ—другимъ названіемъ дурного, крайне вреднаго воздуха, необходимо обратить вниманіе на значеніе солнечнаго свѣта, котораго, къ сожалѣнію, почти также часто не достаетъ въ жильѣ бѣдняковъ, какъ и воздуха, и на вліяніе сырости, которой, къ несчастью, встрѣчается слишкомъ много въ ихъ подвалахъ и жилищахъ.

Давно и всѣмъ извѣстно, что люди, лишенные солнечнаго свѣта, какъ и растенія въ такихъ условіяхъ, блѣдны, чахлы и слабы. Затѣмъ, прямыми опытами доказано надъ людьми, какъ и др. животными, что свѣтъ усиливаетъ потребленіе кислорода и выдѣленіе углекислоты, т. е. увеличиваетъ обмѣнъ веществъ, живую энергію организма. Интересно при этомъ, что свѣтъ вліяетъ на всю и черезъ всю поверхность тѣла, а не черезъ одни только глаза, такъ-какъ такое-же вліяніе обнаруживается и надъ слѣпыми и ослѣпленными животными. У лягушекъ даже при вырѣзанныхъ легкихъ наблюдается увеличенное потребленіе кислорода и усиленное выдѣленіе углекислоты, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта. Изъ сказаннаго также вытекаетъ, что потребность въ солнечномъ свѣтѣ особенно сильна для той части населенія, которая живетъ мускульнымъ трудомъ и, слѣдовательно, наиболѣе нуждается въ претвореніи солнечной энергіи въ мышечную силу.

Вопросъ о вліяніи солнечнаго свѣта на питаніе обстоятельно разработанъ опытнымъ путемъ. Я не стану приводить здѣсь этихъ опытовъ, упомяну только о недавнихъ изслѣдованіяхъ профессора Meiske и доктора Graffenberger'а въ Бреславльскомъ университетѣ. Этими очень точно обставленными опытами опять подтверждено, что продолжительная недостаточность свѣта влечетъ за собой уменьшеніе общаго количества крови и въ частности числа красныхъ кровяныхъ шариковъ, т. е. значительное ослабленіе организма. Такія условія какъ разъ встрѣчаются опять-таки въ населеніи, которое особенно нуждается въ физической силѣ, но вынуждено жить въ подвалахъ и чердакахъ.

Кромѣ указаннаго, солнечный свѣтъ озонируетъ воздухъ и препятствуетъ размноженію бактерій, тогда какъ отсутствіе его способствуетъ ихъ развитію, поддерживаетъ гніеніе и сырость.

Эта послѣдняя, къ сожалѣнію, такъ часто составляющая принадлежность жилища бѣдняковъ, дѣйствуетъ очень вредно еще и тѣмъ, что, закупоривая поры стѣнъ, уничтожаетъ вентиляцію сквозь стѣны, имѣющую большое значеніе. Затѣмъ сырыя стѣны вредно отзываются на здоровьѣ вслѣдствіе большей ихъ теплопроводности. Всякому знакомо непріятное чувство холода отъ прикосновенія къ сырой стѣнѣ, хотя на самомъ дѣлѣ температура ея не ниже температуры окружающаго воздуха. Способствуя разростанію низшихъ организмовъ, сырость даетъ возможность развития и очень вредныхъ болѣзнетворныхъ бактерій; а въ

Digitized by Google

подвалахъ, гдѣ сырость обусловливается, главнымъ образомъ, проникновеніемъ почвенныхъ водъ, послѣднія приносятъ съ собой и растворенные въ нихъ почвенные газы и другія болѣзнетворныя вещества. Удивительно-ли послѣ этого, что населеніе сырыхъ жилищъ страдаетъ ревматизмомъ, головными болями, золотухой, инфекціонными болѣзнями до чахотки включительно?

Д. Герценштейнъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Трильби.

Романъ въ восьми частяхъ **Жоржъ дю-Морье.**

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

«Félicité passée
Qui ne peut revenir,
Tourment de ma pensée,
Que n'ay-je, en te perdant, perdu le souvenir!»

Былъ уже полдень, а ожидаемая посылка все еще не прибыла на Place St. Anatole des Arts.

Мадамъ Винаръ приготовила всю свою кухонную батарею, а Трильби и мадамъ Буасъ сидѣли въ студіи, съ засученными рукавами, готовыя приступить къ работѣ.

Въ двѣнадцать часовъ наши trois Angliches и обѣ красивыя blanchisseuses усѣлись завтракать въ очень безпокойномъ настроеніи духа. Безпокойство ихъ было такъ велико, что они впятеромъ съѣли цѣлый pâté de foie gras и выпили двѣ бутылки бургундскаго.

Гости были приглашены къ шести часамъ.

Они очень тщательно накрыли на столъ, раздобытый изъ Hôtel de Seine, и заранѣе распредѣлили мѣста, а затѣмъ отмѣнили всѣ свои постановленія, заспоривъ по поводу нѣкоторыхъ несогласій. Тогда Трильби, по обыкновенію, присвоила себѣ рѣшающій голосъ, который по праву вовсе не принадлежалъ ей, и, понятно, въ концѣ концовъ настояла на своемъ. Въ этомъ, какъ замѣтилъ Пѣтушій Король, состояла непріятная сторона характера Трильби.

Два часа, три, четыре, а посылки все нѣтъ! Почти совсѣмъ уже стемнѣло. Просто хоть съ ума сойти! Ставъ на колѣни на диванъ и

Digitized by Google

облокотившись на подоконникъ, они слѣдили, какъ на набережныхъ одинъ за другимъ зажигались фонари, и въ сгущающейся темнотѣ старались разглядѣть, не появится-ли фура съ Chemin de fer du Nord,—мрачно думая о Morgue, которая все еще обрисовывалась по ту сторону рѣки.

Наконецъ, Пѣтушій Король и Трильби взяли дрожки и поѣхали на вокзалъ; это была долгая поѣздка, но прежде чѣмъ они успѣли вернуться, ровно въ шесть часовъ, прибыла давно ожидаемая посылка. А вмѣстѣ съ ней появились Дюрьенъ, Винсанъ, Антоній, Лоримеръ, Корнеджи, Петроликовонозъ, Додоръ и l'Zouzou—оба послѣдніе, по обыкновенію, въ формѣ.

И вдругъ студія, гдѣ до сихъ поръ было такъ тихо, темно и мрачно и гдѣ Таффи съ Маленькимъ Билли такъ безнадежно и грустно сидѣли у печки, превратилась въ мѣсто, полное самаго громкаго и пріятнаго оживленія и работы, какія только можно себѣ представить. Зажгли три большія лампы и всѣ китайскіе фонари. Pièces de résistance праздника—столь запоздавшіе припасы, присланные изъ Лондона, были немедленно отправлены для приведенія въ надлежащій видъ въ ложу привратника и въ студію Дюрьена (которую онъ одолжилъ имъ для этой цѣли) и каждый долженъ былъ принять участіе въ приготовленіяхъ къ банкету. Тутъ была масса работы для незанятыхъ рукъ. Нужно было жарить сосиски, для индюшки приготовить начинку, соусъ, салатъ, пуншъ, украсить все это фестонами изъ остролиста—однимъ словомъ, нужно было сдѣлать тысячу вещей. И всѣ они были такъ ловки и въ такомъ хорошемъ настроеніи, что никто никому не мѣшалъ, даже Корнеджи, который былъ во фракѣ (къ восхищенію Пѣтушьяго Короля) и котораго они заставили дѣлать всю черную работу — чистить, мыть, скоблить и т. п.

Имъ было почти веселѣе варить обѣдъ, чѣмъ ѣсть его. И несмотря на то, что у нихъ было столько поваровъ, даже супъ не былъ испорченъ (cockaleekie—по рецепту Пѣтушьяго Короля).

Было уже десять часовъ, когда они усѣлись за этотъ столь памятный обѣдъ.

Зузу и Додоръ, которые оказались самыми полезными и энергичными изо всѣхъ поваровъ, очевидно совсѣмъ забыли, что они должны были вернуться въ свои казармы какъ разъ въ этотъ часъ: имъ дали только la permission de dix heures. Во всякомъ случаѣ, если они и помнили объ этомъ, то увѣренность, что на слѣдующій день Зузу будетъ разжалованъ въ рядовые въ пятый разъ, а Додоръ заключенъ въ казармѣ на мѣсяцъ—нисколько не безпокоила ихъ.

Прислуживали за столомъ такъ-же хорошо, какъ и готовили. Красивая, юркая, авторитетная мадамъ Винаръ оказывалась заразъ въ де-

Digitized by Google

сяти мѣстахъ и во всеуслышаніе понукала своего мужа къ дѣятельности, то и дѣло погоняя и браня его. Красивая, маленькая мадамъ Анжелика ловко и неслышно, словно мышь, сновала по комнатѣ, что, конечно, не мѣшало ей какъ и m-me Винаръ принимать живое участіе въ разговорѣ, какъ только онъ переходилъ на французскій языкъ.

Трильби, высокая, граціозная и стройная, и также полная дѣятельности, хотя болѣе похожая на Юнону или Діану, чѣмъ на Гебу, посвящала заботы главнымъ образомъ своимъ фаворитамъ: Дюрьену, Таффи, Санди, Маленькому Билли, а также Додору и Зузу, которыхъ она любила и «tutoyait en bonne camarade», подавая имъ самыя лучшія избранныя блюда.

Оба маленькіе Винара превзошли самихъ себя: они добросовѣстно уважили паштеты и разбили только двѣ бутылки съ масломъ да одну съ гарвейскимъ соусомъ, что, впрочемъ, привело ихъ мать въ ярость. Чтобы утѣшить ихъ, Пѣтушій Король взялъ ихъ къ себѣ на колѣни и подѣлился съ ними своей частью пуддинга и многими другими непривычными вещами, столь вредными для ихъ маленькихъ французскихъ желудковъ.

Любезный Корнеджи въ первый разъ въ жизни присутствовалъ при такой странной сценѣ. Онъ таращилъ глаза на эту непривычную обстановку, а Додоръ и Зузу, между которыми онъ сидѣлъ (Пѣтушій Король думалъ, что ему будетъ полезно посидѣть между простымъ солдатомъ и скромнымъ капраломъ), за одинъ этотъ вечеръ научили его французскому языку болѣе, чѣмъ онъ научился во всѣ три мѣсяца своего пребыванія въ Парижѣ. Это было ихъ спеціальностью. Это былъ болѣе разговорный языкъ, чѣмъ тотъ, который обыкновенно употребляется въ дипломатическихъ кружкахъ, и лучше запечатлѣвался въ памяти; но онъ не помѣшалъ его должности въ церкви.

Онъ совсѣмъ разошелся и первый совершенно непрошенно затянулъ пѣсню, когда закурили сигары и трубки и выпили обыкновенные тосты: за Ея Величество, за Тениссона, Теккерея и Диккенса, и, кажется, за Джона Лійча. Дребезжащимъ голосомъ и порядочно икая, онъ пропѣлъ свою единственную англійскую пѣсню съ французскимъ припѣвомъ, какъ онъ пояснилъ:

«Veeverler, veeverler, veeverler, vee
Veeverler companyee!»

А Зузу и Додоръ такъ щедро осыпали его комплиментами на счетъ его французскаго акцента, что съ трудомъ удалось помѣшать ему пропѣть ее еще разъ.

Затѣмъ они всѣ пѣли по-очередно.

Digitized by Google

Пѣтушій Король пропѣлъ великолѣпнымъ баритономъ:

«Hie diddle dee for the Lowlands low»,

которую онъ долженъ былъ повторить.

Маленькій Билли спѣлъ «Маленькаго Билли».

Винсонъ спѣлъ:

«Old Goe kicking up behind and afore,
And the yaller gal akicking up behind old Goe».

Чудесная это пѣсня, съ совершенно мастерскимъ стопосложеніемъ!

Антоній пропѣлъ «Le Sire de Framboisy». Раздалось восторженное encore.

Лоримеръ, безо всякаго сомнѣнія вдохновленный обстоятельствами, спѣлъ «Hallebyah Chorus», аккомпанируя себѣ на роялѣ; но ему не удалось вызвать encore.

Дюрьенъ спѣлъ:

«Plaisir d'amour ne dure qu'un moment;
Chagrin d'amour dure toute la vie...»

Это—одна изъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ въ мірѣ — была его любимая пѣсня, и онъ спѣлъ ее прекрасно—и съ тѣхъ поръ она навсегда сдѣлалась популярной въ Латинскомъ кварталѣ

Грекъ не умѣлъ пѣть и сдѣлалъ очень умно, что не пѣлъ.

Зузу превосходно спѣлъ пѣсню въ похвалу le vin à quat'sous!

Таффи спѣлъ голосомъ, подобнымъ усиленному дыханію (и очень хорошо подражая іоркширскому испорченному діалекту), охотничью сомерсетширскую пѣсенку, кончающуюся словами:

«Of this'ere song should I be axed the reason for to show,
J don't exactly know, I don't exactly know!»
But all my fancy dwells upon Nancy,
And I sing Yally—ho!»[1]).

Эта чудная пѣсня по-сегодняшній день преслѣдуетъ меня. Намъ казалось, что эта Нанси была дорогимъ и милымъ созданіемъ, гдѣ-бы и когда-бы она ни жила. Поэтому Таффи долженъ былъ пропѣть ее еще два раза—одинъ разъ ради нея самой, а другой—благодаря собственнымъ заслугамъ въ исполненіи.

И наконецъ, къ удивленію всѣхъ, храбрый драгунъ спѣлъ (по-англійски) «My Sister Dear», изъ Masaniello, съ такимъ паѳосомъ

[1]) «Если меня спросятъ о смыслѣ этой пѣсни, я не совсѣмъ знаю его, я не совсѣмъ знаю его! Но всѣ мои мысли обращены на Нанси, и я пою го-го-го!»

Digitized by Google

и такимъ пріятнымъ, высокимъ и благозвучнымъ голосомъ, что слушатели его чуть не расплакались среди веселья и пришли въ самое сантиментальное настроеніе, какъ это часто случается съ англичанами заграницей, когда они порядочно подвыпили и слышатъ красивую музыку, думая при этомъ о своихъ милыхъ сестрахъ за моремъ или о подругахъ своихъ милыхъ сестеръ.

Мадамъ Винаръ прервала свой рождественскій обѣдъ на подмосткахъ, чтобы слушать, и совершенно открыто плакала и утирала свои глаза, говоря мадамъ Буасъ, скромно стоявшей тутъ-же: «Il est gentil tout plein, ce dragon! Mon Dieu! comme il chante bien! Il est Angliche aussi, il paraît! Ils sont foliment bien élevés, tous ces Angliches—tous plus gentils les uns que les autres! et quant à Monsieur Litrebili, on lui donnerait le bon Dieu sans confession!», съ чѣмъ мадамъ Буасъ вполнѣ согласилась.

Потомъ пришли Свенгали и Гекко, и тогда снова пришлось накрыть на столъ и разукрасить его, потому-что настало время ужинать.

Ужинъ прошелъ даже веселѣе обѣда, такъ какъ никому не хотѣлось ѣсть и всѣ говорили за-разъ — самое лучшее доказательство удачнаго ужина. Антоній разсказывалъ нѣкоторыя изъ своихъ богемскихъ приключеній, вокругъ него воцарялась глухая тишина; онъ разсказалъ, напримѣръ, какъ однажды, послѣ мѣсячнаго заключенія въ стѣнахъ своей квартиры, которую онъ не рѣшался покинуть изъ боязни встрѣтить своихъ кредиторовъ, въ одно воскресное утро онъ впалъ въ безпечность и пошелъ въ Bains Deligny, гдѣ по ошибкѣ прыгнулъ въ очень глубокое мѣсто и сталъ тонуть, но былъ спасенъ отъ водяной могилы смѣлымъ пловцомъ. И о ужасъ! это былъ Сарторій, его сапожникъ, которому онъ долженъ былъ шестьдесятъ франковъ, — котораго онъ боялся больше всѣхъ своихъ другихъ сердитыхъ кредиторовъ, и который не очень-то поспѣшилъ отпустить его на свободу.

Тутъ Свенгали замѣтилъ, что онъ также долженъ былъ Сарторію шестьдесятъ франковъ—«Mais comme che ne me baigne chamais, che n'ai rien à craindre!»

При этомъ всѣ такъ расхохотались, что Свенгали почувствовалъ, что превзошелъ, наконецъ, Антонія своей остротой. И онъ льстилъ себя тѣмъ, что на этотъ разъ онъ заставилъ Антонія смѣяться.

А послѣ ужина Свенгали и Гекко стали исполнять такую чудную музыку, что она отрезвила ихъ всѣхъ и имъ снова захотѣлось пить, такъ что чашу съ пуншемъ, украшенную остролистомъ и омелой, поставили на средину стола, а вокругъ нея чистые стаканы.

Затѣмъ докторъ и l'Zouzou встали и пошли танцовать съ Трильби и мадамъ Анжеликой, и исполнили цѣлую серію различныхъ канкановъ, изъ которыхъ—хотя всѣ они и были такъ неподражаемо забавны, что

Digitized by Google

имъ пришлось снова повторить ихъ—ни одинъ, однако, не вызвалъ-бы краски стыда на щекахъ самой скромности.

Потомъ Пѣтушій Король протанцовалъ шпажный танецъ надъ двумя стеклами и разбилъ ихъ оба. А Таффи, обнаживъ, къ общему восторгу, до плечъ свои могучія руки, произвелъ разныя упражненія съ гирями, употребляя, какъ палицу, Маленькаго Билли, при чемъ чуть не уронилъ его въ чашу съ пуншемъ; потомъ онъ попробовалъ саблей Додора перерубить на-двое цинковую разливательную ложку, которая вылетѣла чрезъ окно; но это такъ разсердило его, что онъ сталъ ругать французскія сабли, говоря, что онѣ сдѣланы изъ худшаго цинка, чѣмъ даже французскія разливательныя ложки; а Пѣтушій Король сентенціозно замѣтилъ, что въ Англіи лучше понимали эти вещи, и подмигнулъ Маленькому Билли.

Затѣмъ они стали играть въ «бой пѣтуховъ», съ привязанными къ голенямъ руками, между которыми они втиснули метлу; сковавъ васъ такимъ образомъ, васъ помѣщали противъ вашего врага, и вы старались опрокинуть его ногами, точно такъ-же, какъ и онъ васъ. Это превосходная игра. Кирасиръ и зуавъ, играя въ нее, такъ воодушевились и представляли такой непреодолимо комичный видъ, что хохотъ былъ слышенъ по ту сторону рѣки,—такъ что пришелъ sergent de ville и вѣжливо попросилъ ихъ не производить такого шума. Онъ прибавилъ, что они всполошили весь кварталъ, и что на улицѣ цѣлый rassemblement. Тогда они напоили его, а также и другого полицейскаго, который пришелъ посмотрѣть, что сталось съ его товарищемъ, и еще одного; и этихъ «хранителей спокойствія Парижа» связали и заставили играть въ «бой пѣтуховъ», и они были еще потѣшнѣе обоихъ солдатъ, и смѣялись громче, и шумѣли больше всѣхъ другихъ, такъ-что мадамъ Винаръ должна была вступиться, пока они не напились до того, что не могли уже больше говорить и крѣпко заснули, и тогда ихъ положили за печку одного возлѣ другого.

Читатель fin de siècle, чувствующій отвращеніе при одной мысли о такой оргіи, какую я постарался описать, не долженъ забывать, что это происходило въ пятидесятыхъ годахъ, когда молодые люди, называвшіе себя джентльмэнами и которыхъ называли такъ другіе, еще отрывали стукальца отъ дверей и возвращались отъ Дерби пьяными и даже пили слишкомъ много послѣ обѣда, прежде чѣмъ присоединиться къ дамамъ, какъ все это въ точности описано Джономъ Лійчемъ.

Наконецъ, monsieur и m-me Vinard, Трильби и Анжелика Буасъ пожелали компаніи спокойной ночи, и такъ какъ Трильби уходила послѣдней, Маленькій Билли отвелъ ее на площадку лѣстницы и тамъ сказалъ ей:

— Трильби, я девятнадцать разъ дѣлалъ вамъ предложеніе и вы

Digitized by Google

отказали мнѣ. Трильби, еще одинъ разъ, въ ночь Рождества, въ двадцатый разъ — хотите-ли вы выйти за меня? Если нѣтъ, я завтра утромъ оставляю Парижъ и никогда не вернусь. Клянусь вамъ честью!

Трильби страшно поблѣднѣла и, прислонившись спиной къ стѣнѣ, закрыла лицо руками.

Маленькій Билли отнялъ ихъ.

— Отвѣтьте мнѣ, Трильби.

— Да проститъ мнѣ Богъ, да! — сказала Трильби и сбѣжала съ лѣстницы.

Было уже очень поздно.

Скоро стало очевидно, что маленькій Билли былъ въ необыкновенно веселомъ настроеніи, въ ненормальномъ состояніи волненія.

Онъ вызвалъ Свенгали на кулачный бой и разбилъ ему носъ до крови, такъ что тотъ отъ испуга позабылъ свои сардоническія остроты. Затѣмъ онъ сталъ продѣлывать разные удивительные фокусы, выказывая при этомъ такую силу, какой совсѣмъ не подозрѣвали въ немъ. Онъ клялся Додору и Зузу въ вѣчной дружбѣ и все сызнова наполнялъ ихъ стаканы, точно такъ-же, какъ и свой собственный, не подозрѣвая, что изъ этого выйдетъ, и много разъ сряду чокался съ ними. Они послѣдними оставили студію (за исключеніемъ трехъ безпомощныхъ полицейскихъ); и около пяти или шести часовъ утра онъ очутился къ своему удивленію между Додоромъ и Зузу, на Rue Vieille des Trois Mauvais Ladres, по которой они медленно подвигались, идя то по одной сторонѣ замерзшаго сточнаго желоба, то по другой, то посрединѣ его, и порою онъ останавливалъ ихъ, чтобы сказать имъ, какіе они веселые и какъ горячо онъ ихъ любитъ.

Вдругъ его шляпа слетѣла съ головы и, прыгая и скача, покатилась по узкой улицѣ, а когда они хотѣли побѣжать за ней и для этого отпустили другъ друга, они замѣтили, что всѣ трое присѣли на мѣстѣ.

И такъ, Додоръ и Маленькій Билли остались сидѣть, обнявъ другъ друга за шею и опустивъ ноги въ сточный желобъ, между тѣмъ какъ Зузу на четверенькахъ поползъ за шляпой и, поймавъ ее, вернулся назадъ, неся ее въ зубахъ. Маленькій Билли просто расплакался отъ любви и благодарности, называлъ его caryhatide [1]) (по-англійски), и громко хохоталъ надъ своей собственной остротой, которая оставляла Зузу совершенно равнодушнымъ. «Ни одинъ человѣкъ никогда не имѣлъ такихъ друзей, такихъ дорогихъ, милыхъ друзей! Ни одинъ человѣкъ никогда не былъ такъ счастливъ!»

Посидѣвъ нѣкоторое время въ любви и дружбѣ, они какъ-то ухитрились опять встать на ноги, помогая одинъ другому, и какимъ-то чудеснымъ образомъ добрались до Hôtel Corneille.

[1]) Caryatide—каріатида, hat—шляпа.

Тутъ они посадили Маленькаго Билли на ступени крыльца, позвонили и, видя, что кто-то приближается по Place de l'Odéon и боясь, что это, можетъ быть, sergent-de-ville, они очень любовно, но наскоро простились съ Маленькимъ Билли, поцѣловали его, согласно французскому обычаю, въ обѣ щеки, и ухитрились исчезнуть за угломъ.

Маленькій-же Билли затянулъ застольную пѣсню Зузу:

«Quoi de plus doux
Que les glougloux—
Les glougloux du vin á quat' sou...»

Прохожій приблизился. Къ счастью, это былъ не sergent-de-ville, а Рибо, возвращавшійся съ елки и маленькаго семейнаго вечера у своей тети, мадамъ Кольбъ (жены эльзасскаго банкира, на Rue de la Chaussée d'Antin).

На слѣдующее утро бѣдный Маленькій Билли былъ ужасно боленъ.

Онъ провелъ страшную ночь. Кровать его вздымалась подобно океану, съ океаническими результатами. Онъ забылъ потушить свою свѣчу, но, къ счастью, Рибо задулъ ее за него, уложивъ его въ кровать и укутавъ его, какъ это сдѣлалъ-бы настоящій добрый самаритянинъ.

А когда мадамъ Поль утромъ принесла ему чашку tisane de Chiendent она была ласкова, но очень строга въ разсужденіи объ опасностяхъ и стыдѣ пьянства, и говорила съ нимъ, какъ мать.

— Если-бы не добрый господинъ Рибо,—сказала она ему—крыльцо было-бы вашимъ удѣломъ на всю ночь; и кто могъ-бы сказать, что вы не заслужили этого? И потомъ, подумайте объ опасности пожара отъ пьянаго человѣка, одинокаго, въ маленькой спальнѣ съ ситцевыми занавѣсями и зажженной свѣчей!

— Рибо былъ такъ любезенъ, что задулъ мою свѣчу,—смиренно замѣтилъ Маленькій Билли.

— Ah, Dame! — возразила мадамъ Поль многозначительно, — au moins il a bon coeur, Monsieur Ribot!

Но самымъ жестокимъ уколомъ изо всѣхъ былъ визитъ добродушного и неизмѣнно веселаго Рибо, который зашелъ и усѣлся у его кровати, ласково и нѣжно выражая свою симпатію, и который досталъ (безъ вѣдома мадамъ Поль) ему отъ химика pick-me-up [1]).

— Credieu! vous vous êtes crânement bien amusé, hier soir! quelle bosse, hein! je parie que c'était plus drôle que chez ma tante Kolb!

Конечно, безполезно переводить это изреченіе, исключая, можетъ быть, слова bosse, подъ которымъ подразумѣвается слово noce, а подъ этимъ словомъ подразумѣвается «веселая, хорошая попойка».

[1]) Восстанови меня.

Digitized by Google

За всю его невинную маленькую жизнь Маленькому Билли никогда и не снилось такое униженіе, такія постыдныя глубины стыда, ничтожества и раскаянія! Ему не хотѣлось больше жить. У него было только одно желаніе, чтобы Трильби, дорогая Трильби, добрая Трильби— пришла и прижала его голову къ своей прекрасной, бѣлой, англійской груди; чтобы она положила свою мягкую, прохладную, нѣжную руку на его больной лобъ, и такъ оставила его уснуть, и во снѣ—умереть!

Онъ спалъ и спалъ, а его больной лобъ покоился на простой подушкѣ его постели въ Hôtel Corneille, и на этотъ разъ онъ не умеръ. А когда онъ, черезъ двое сутокъ, совершенно проспался послѣ этого памятнаго рождественскаго пира, то открылъ, что съ нимъ случилась грустная вещь—и очень странная!

Казалось, что грязное дыханіе прошло по духовному зеркалу его воспоминаній и оставило послѣ себя какъ-бы тонкую пленку, такъ-что ничто изъ его прошлаго уже не отражалось въ немъ съ тою прежнею ясностью, какъ въ былые дни. Словно быстрая, острая какъ лезвее бритвы, способность его постигать и послѣ вызывать въ воображеніи впечатлѣнія прелести, очарованія самой сути вещей — притупилась и огрубѣла. Какъ будто цвѣтъ этой особенной радости, безсознательно присущій ему даръ вновь съ прежней силой переживать прошлыя волненія, ощущенія и положенія, и дѣлать ихъ еще разъ какъ-бы дѣйствительными при помощи простого усилія воли,—исчезъ.

И онъ никогда болѣе не могъ вернуть вполнѣ этой драгоцѣннѣйшей способности—веселья юности и счастливаго дѣтства, которымъ онъ когда-то владѣлъ, самъ этого не зная, въ такомъ особенномъ и исключительномъ совершенствѣ. Ему суждено было утратить еще другія драгоцѣнныя способности своей слишкомъ богатой и сложной натуры— быть обрѣзаннымъ, подстриженнымъ и разрѣженнымъ—для того, чтобы одна его высшая способность къ живописи могла достигнуть своей вершины, и, можетъ быть, безъ этого вамъ никогда не удалось-бы увидѣть лѣса изъ-за деревьевъ.

Въ день Новаго года Таффи и Санди сидѣли въ студіи за своей работой, когда послышался стукъ въ двери, и г. Винаръ, съ шапкой въ рукѣ, почтительно ввелъ двухъ посѣтителей, англійскую даму и господина.

Господинъ этотъ былъ лицомъ духовнаго званія, небольшого роста, худой, съ круглыми плечами и длинной шеей, близорукій и сухо-вѣжливый. Дама была среднихъ лѣтъ, хотя имѣла еще моложавый видъ; очень красивая, съ сѣдыми волосами, очень хорошо одѣтая, очень маленькаго роста, полная энергіи, съ крошечными руками и ногами. Это была мать Маленькаго Билли, а духовная особа — преподобный Ѳома Бáготъ, былъ ея шуринъ.

Digitized by Google

Лица ихъ выражали сильное безпокойство—такое сильное, что оба художника даже не извинились за небрежность своихъ костюмовъ и за запахъ табаку, наполнявшій ихъ комнату. Мать Маленькаго Билли узнала обоихъ живописцевъ съ перваго взгляда, благодаря эскизамъ и описаніямъ, которыми были всегда полны письма ея сына.

Всѣ сѣли.

Послѣ минутнаго затруднительнаго молчанія, миссисъ Баготъ воскликнула, обращаясь къ Таффи:

— Мистеръ Винни, мы въ страшномъ безпокойствѣ. Я не знаю, сказалъ-ли вамъ мой сынъ, но въ день Рождества онъ обручился, онъ собирается жениться!

— Со-би-ра-ет-ся жениться!—воскликнули Таффи и Санди, для которыхъ, это, дѣйствительно, было новостью.

— Да, жениться на миссъ Трильби О'Ферраль, которая, какъ онъ даетъ понять, занимаетъ совершенно другое положеніе въ жизни, чѣмъ онъ. Знаете-ли вы эту даму, мистеръ Винни?

— О да! Я въ самомъ дѣлѣ знаю ее очень хорошо; мы всѣ знаемъ ее.

— Она англичанка?

— Я думаю, она англійская подданная.

— Она протестантка или католичка?—спросила духовная особа.

— П-п-право, я не знаю!

— Вы въ самомъ дѣлѣ знаете ее очень хорошо, и вы не знаете—этого, мистеръ Винни!—воскликнулъ мистеръ Баготъ.

— Лэди-ли она, мистеръ Винни?--немного нетерпѣливо спросила миссисъ Баготъ, какъ будто-бы этотъ вопросъ былъ гораздо важнѣе.

Въ это время Санди удалось самымъ низкимъ образомъ покинуть своего друга; онъ пробрался въ спальню, оттуда, чрезъ другую дверь, на улицу, и былъ таковъ.

— Лэди?—сказалъ Таффи,—э, это очень много зависитъ отъ того, что въ сущности это слово значитъ, видите-ли; вещи такъ, э, такъ различны здѣсь. Ея отецъ былъ джентльмэнъ, я думаю—членъ Троицы, въ Кэмбриджѣ—и духовная особа, если это значитъ что-нибудь!.. Ему не посчастливилось и все такое, э, онъ былъ невоздерженъ, я боюсь, и ему не повезло въ жизни. Онъ умеръ шесть или семь лѣтъ тому назадъ.

— А ея мать?

— Я, право, очень мало знаю о ея матери, исключая того, что она была очень хороша, я полагаю, и низшаго общественнаго сословія, чѣмъ ея мужъ. Она также умерла; она умерла скоро послѣ него.

— Что-же такое эта барышня, въ такомъ случаѣ? Англійская гувернантка или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Digitized by Google

— О, нѣтъ, нѣтъ, э, ничего подобнаго,—сказалъ Таффи (а про себя: «Ты трусъ,—ты мальчишка, шотландскій воръ, пролаза, Пѣтушій Король! оставить все это мнѣ!»).

— Что? Развѣ у нея независимыя собственныя средства?

— Э, нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно; я даже долженъ рѣшительно сказать, что нѣтъ!

— Такъ что-же она такое? По крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что она почтенная дѣвушка!

— Теперь она, э, blanchisseuse de fin—здѣсь это считается почтеннымъ.

— Да вѣдь это прачка, не правда-ли?

— Какъ вамъ сказать, скорѣе лучше этого,—de fin, видите-ли! Вещи такъ различны въ Парижѣ! Я не думаю, чтобы вы нашли ее очень похожей на прачку—по виду!

— Развѣ она такъ хороша?

— О да, чрезвычайно хороша. Вы вполнѣ въ правѣ сказать это—очень хороша, въ самомъ дѣлѣ. Что касается этого, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія!

— И она имѣетъ незапятнанное имя?

Таффи молчалъ, весь красный и въ поту, какъ будто-бы онъ продѣлывалъ свои упражненія индѣйскими палицами, а его лицо выражало страшное смущеніе. Но ничто не могло сравниться съ тоскливымъ безпокойствомъ этихъ двухъ материнскихъ глазъ, такъ задумчиво устремленныхъ на него.

Минуты черезъ двѣ чрезвычайно затруднительнаго молчанія, дама сказала:

— Развѣ вы не можете—о, развѣ вы не можете дать мнѣ отвѣтъ, мистеръ Винни?

— О, миссисъ Баготъ, вы поставили меня въ ужасное положеніе! Я, я люблю вашего сына такъ, какъ если-бы онъ былъ моимъ братомъ! Это обрученіе для меня настоящій сюрпризъ—въ высшей степени тяжелый сюрпризъ! Я-бы скорѣе подумалъ о всевозможныхъ другихъ вещахъ, но никогда объ этомъ. Я не могу, и дѣйствительно, я не долженъ скрывать отъ васъ, что это былъ-бы несчастный бракъ для вашего сына—съ... со свѣтской точки зрѣнія, видите-ли, хотя и я, и мистеръ Макъ-Алистеръ—мы оба питаемъ глубокое и теплое уваженіе къ бѣдной Трильби О'Ферраль—въ самомъ дѣлѣ, большое уваженіе, любовь и почтеніе! Она раньше была моделью.

— Моделью, мистеръ Винни? Какого рода моделью—понятно, есть модели и модели.

— Ну, моделью всякаго рода, во всевозможныхъ смыслахъ этого рода—для головы, рукъ, ногъ, всего!

Digitized by Google

— Моделью для всей фигуры?

— Ну—да!

— О, Боже! Боже! Боже! — воскликнула миссисъ Баготъ и, вскочи, она стала ходить взадъ и впередъ по студіи въ страшнѣйшемъ волненіи, а ея шуринъ слѣдовалъ за ней, прося ее овладѣть собой. Ея восклицанія, казалось, шокировали его, но она не обращала на это вниманія.

— О! мистеръ Винни! Мистеръ Винни! Если-бы вы только знали, что мой сынъ для меня—для насъ всѣхъ—чѣмъ онъ всегда былъ! Онъ всю свою жизнь провелъ съ нами, пока не пріѣхалъ въ этотъ развращенный, проклятый городъ! Мой бѣдный мужъ никогда и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы онъ посѣщалъ какую-нибудь школу, опасаясь всякаго рода зла, которому онъ могъ научиться тамъ. Мой сынъ былъ невиненъ и непороченъ, какъ дѣвушка, мистеръ Винни—я могла положиться на него, гдѣ угодно—и почему я уступила и позволила ему уѣхать сюда, въ самое опасное изъ всѣхъ мѣстъ въ мірѣ, совсѣмъ одному. О! я должна была поѣхать съ нимъ! Глупая, глупая, глупая я!.. О, мистеръ Винни, онъ не хочетъ видѣть ни своей матери, ни своего дяди! Я нашла въ отелѣ письмо отъ него, въ которомъ онъ пишетъ, что оставилъ Парижъ—и я даже не знаю, куда онъ отправился!.. Не можете-ли вы, не можетъ-ли мистеръ Макъ-Алистеръ сдѣлать что-нибудь, чтобы предотвратить это ужасное несчастіе? Вы не знаете, какъ онъ любитъ вась обоихъ—вы-бы посмотрѣли письма, которыя онъ писалъ мнѣ и своей сестрѣ! Они всегда полны вами!

— Въ самомъ дѣлѣ, миссисъ Баготъ, вы можете разсчитывать на то, что Макъ-Алистеръ и я—мы оба сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ! Но наше стараніе повліять на вашего сына будетъ безполезно—я совершенно увѣренъ въ этомъ! Вы должны обратиться къ ней.

— О, мистеръ Винни! Къ прачкѣ, къ натурщицѣ, и Господь вѣдаетъ что еще!

— Миссисъ Баготъ, вы не знаете ея! Она могла быть всѣмъ, чѣмъ угодно. Но какъ вамъ ни покажется страннымъ, и мнѣ также, что касается этого, она, она, честное слово, я въ самомъ дѣлѣ думаю, что она самая лучшая женщина, какую я когда-либо встрѣчалъ, самая самоотверженная, самая...

— А! Она красивая женщина, я очень хорошо вижу это!

— У нея прекрасный характеръ, миссисъ Баготъ, вы можете повѣрить мнѣ или нѣтъ, какъ вамъ угодно—и я обращусь къ ней, полагаясь на это, какъ другъ вашего сына, близко принимающій къ сердцу его интересы. И позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что какъ глубоко я ни сочувствую вашему настоящему горю, я еще больше огорченъ за нее и жалѣю ее!

Digitized by Google

— Что? жалѣете ее, если она выйдетъ за моего сына!

— Нѣтъ, конечно, но если она откажется выйти за него. Понятно, она можетъ и не сдѣлать этого, но мой инстинктъ говоритъ мнѣ, что она откажется!

— О! мистеръ Винни, можетъ-ли это быть?

— Я сдѣлаю для этого все, что зависитъ отъ меня, съ такимъ полнымъ довѣріемъ къ самоотверженной добротѣ ея сердца и ея страстной любви къ вашему сыну, какъ...

— Какъ вы знаете, что она такъ страстно любитъ его?

— О, Макъ-Алистеръ и я давно угадали это, хотя мы никогда не воображали, что это повлечетъ за собой такой результатъ. Я думаю, что прежде всего вамъ, можетъ-быть, лучше самой повидаться съ ней. Вы-бы получили совсѣмъ новое понятіе о томъ, что она такое на самомъ дѣлѣ, и увѣряю васъ, вы были-бы удивлены.

Миссисъ Баготъ нетерпѣливо пожала плечами, и наступило минутное молчаніе.

Вдругъ, точно на сценѣ, у дверей раздалось «молоко внизу!» и Трильби вошла въ переднюю, но, увидѣвъ чужихъ, хотѣла-было повернуть назадъ. Она была одѣта гризеткой, въ своемъ воскресномъ платьѣ и красивомъ, бѣломъ чепцѣ (потому-что это былъ Новый годъ), и она была очень хороша.

Таффи воскликнулъ:

— Зайдите, Трильби!

И Трильби вошла въ студію.

Какъ только она увидѣла лицо миссисъ Баготъ, она остановилась, выпрямившись и немного поднявъ плечи, полуоткрывъ ротъ, съ широко открытыми отъ испуга глазами, и поблѣднѣла до губъ, представляя патетическое, но величественнное, великолѣпное и въ высшей степени изящное явленіе, несмотря на свой скромный костюмъ.

Маленькая лэди встала и, прямо подойдя къ ней, посмотрѣла ей въ лицо, снизу вверхъ.

Трильби тяжело дышала.

Наконецъ, миссисъ Баготъ промолвила своимъ высокимъ акцентомъ:

— Вы миссъ Трильби О'Ферраль?

— О! да, да, я Трильби О'Ферраль, а вы миссисъ Баготъ; я могу догадаться объ этомъ!

Въ ея сильномъ, глубокомъ, мягкомъ голосѣ появился новый звукъ, такой трагическій, такой трогательный, такъ странно согласующійся со всѣмъ ея видомъ, что Таффи почувствовалъ, какъ его щеки и губы похолодѣли, и по большой его спинѣ забѣгали мурашки.

— О, да; вы очень, очень красивы—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! Вы хотите сдѣлаться женой моего сына?

Digitized by Google

— Я отказала ему девятнадцать разъ—ради него самого. Онъ вамъ самъ скажетъ это. Я не такая, на какой ему слѣдовало-бы жениться. Я знаю это. Въ рождественскій вечеръ онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе въ двадцатый разъ. Онъ поклялся, что на слѣдующій-же день оставитъ Парижъ навсегда, если я откажу ему. У меня не хватило духу. Я была слаба, видите-ли! Я сдѣлала страшную ошибку.

— Развѣ вы такъ любите его?

— Люблю-ли я его? Развѣ вы не любите его?

— Я его мать, моя добрая дѣвушка!

На это Трильби не нашлась что отвѣтить.

— Вы только-что сами сказали, что вы неподходящая жена ему. Если вы такъ любите его, неужели вы захотите сдѣлать его несчастнымъ, выйдя за него; потянуть его внизъ; помѣшать его карьерѣ; разлучить его съ его сестрой, семействомъ, друзьями?

Трильби повернула свои несчастные глаза къ несчастному лицу Таффи и сказала:

— Будетъ-ли это все такъ, въ самомъ дѣлѣ, Таффи?

— О, Трильби, все такъ, и это нельзя исправить! Я боюсь, что это такъ. Милая Трильби, я не умѣю выразить вамъ, что я чувствую, но вы знаете, я не могу лгать вамъ!

— О, нѣтъ, Таффи, вы не лжете!

Тутъ она вся начала дрожать и Таффи хотѣлъ заставить ее сѣсть, но она отказалась. Миссисъ Баготъ почти съ мольбой заглядывала ей въ лицо, сама еле дыша отъ томительнаго ожиданія и жестокой боязни.

Трильби ласково посмотрѣла на миссисъ Баготъ, протянула ей свою дрожащую руку и произнесла:

— Прощайте, миссисъ Баготъ. Я не выйду за вашего сына. Я обѣщаю вамъ. Я никогда болѣе не увижу его.

Миссисъ Баготъ схватила ея руку и, пожавъ ее, поцѣловала Трильби, говоря:

— Не уходите еще, моя милая, хорошая дѣвушка. Я хочу поговорить съ вами. Я хочу сказать вамъ, какъ глубоко я...

— Прощайте, миссисъ Баготъ, — еще разъ сказала Трильби; и, высвободивъ свою руку, она быстро вышла изъ комнаты.

Миссисъ Баготъ, казалось, была оглушена, и только на половину довольна своимъ быстрымъ тріумфомъ.

— Она не выйдетъ за вашего сына, миссисъ Баготъ. Я-бы только хотѣлъ, чтобы она пошла за меня!

— О, мистеръ Винни! — сказала миссисъ Баготъ и залилась слезами.

— А!—воскликнула духовная особа съ слегка сатирической улыбкой, сморкаясь и покашливая, что не выражало его сочувствія,—вотъ,

Digitized by Google

если-бы это можно было устроить! И я не сомнѣваюсь, что со стороны барышни не представится много препятствій (здѣсь онъ любезно поклонился), это было-бы очень желательно для всѣхъ!

— Вы чрезвычайно добры, безъ сомнѣнія, что интересуетесь моими скромными дѣлами,—сказалъ Таффи.—Послушайте, сэръ, я не великій геній, какъ вашъ племянникъ, и никому, кромѣ меня, нѣтъ дѣла, что я сдѣлаю изъ своей жизни, но могу увѣрить васъ, что если-бы сердце Трильби принадлежало мнѣ, какъ оно принадлежитъ ему, я-бы съ радостью раздѣлилъ свою судьбу съ ней. Она одна изъ тысячи. Она одна—грѣшница, которая раскаивается, видите-ли!

— А, да, конечно, конечно! Я знаю все это; все-же факты остаются фактами, а свѣтъ—свѣтомъ, и намъ приходится жить въ немъ,—возразилъ мистеръ Баготъ, сатирическая усмѣшка котораго исчезла подъ огнемъ холерическихъ голубыхъ глазъ Таффи.

Затѣмъ добрый Таффи, нахмурившись, посмотрѣлъ на священника (который имѣлъ глупый и униженный видъ, какъ это иногда случается съ людьми даже тогда, когда право на ихъ сторонѣ), и сказалъ:

— А теперь, мистеръ Баготъ, не могу не сказать вамъ, какъ сильно я страдалъ во время этого, э, этого въ высшей степени затруднительнаго свиданія—вслѣдствіе глубокаго уваженія, которое я питаю къ Трильби О'Ферраль. Я поздравляю васъ и вашу свояченицу съ полнымъ успѣхомъ. Я также глубоко сочувствую вашему племяннику. Я не увѣренъ, что его потеря не перевѣситъ то, что онъ выиграетъ этимъ, э, вслѣдствіе, э, удачнаго исхода этого, э, этого свиданія, однимъ словомъ!

Краснорѣчіе Таффи истощилось и его вспыльчивость начинала брать верхъ.

Тогда миссисъ Баготъ, отирая свои глаза, просто и самымъ очаровательнымъ образомъ подошла къ нему и, взявъ его за руку, сказала:

— Мистеръ Винни, я думаю, я знаю, что вы теперь испытываете. Вы должны постараться быть немного снисходительнѣе къ намъ. И я увѣрена, что это такъ и будетъ, когда мы уйдемъ и у васъ будетъ время подумать немного. Что касается этой благородной и прекрасной дѣвушки, я-бы только хотѣла, чтобы ея прошлая жизнь была такова, чтобы мой сынъ могъ жениться на ней. Ея скромное положеніе въ жизни не испугало-бы меня; я прошу васъ повѣрить, что я совершенно искренна въ этомъ—и не осуждайте слишкомъ мать вашего друга. Подумайте, что мнѣ еще предстоитъ съ моимъ бѣднымъ сыномъ—который страстно влюбленъ—и неудивительно! который пріобрѣлъ любовь такой женщины! и который теперь не можетъ видѣть на сколько этотъ бракъ былъ-бы фаталенъ для него. Я могу видѣть все ея очарованіе и вѣрить всей ея добротѣ, несмотря на все. И—о, какъ она хороша, и что за го-

Digitized by Google

лось! Все это имѣетъ такое значенье, не правда-ли? Не могу вамъ сказать, какъ мнѣ жаль ея. Но я не могу,—да и кто могъ-бы исправить такую вещь. Этого нельзя исправить, и я даже не попробую... Только я напишу ей и скажу все, что я думаю и чувствую. Вы простите насъ, не правда-ли?

И, говоря все это, миссисъ Баготъ, въ быстрой импульсивной теплотѣ, граціи и откровенности своихъ манеръ, была такъ абсурдно похожа на Маленькаго Билли, что это тронуло сердце большого Таффи, и онъ простилъ-бы ей все, что угодно, а тутъ и прощать было нечего.

— О, миссисъ Баготъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о прощеніи. Боже милосердный! Это все, видите-ли, такъ злополучно. Никто не виноватъ, насколько я вижу. Прощайте, миссисъ Баготъ; прощайте, сэръ,— и онъ проводилъ ихъ къ remise, въ которой сидѣла замѣчательно красивая молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати, блѣдная и взволнованная, которая была такъ похожа на Маленькаго Билли, что это было просто смѣшно, и опять тронуло сердце большого Таффи.

Выйдя на площадь St. Anatole des Arts. Трильби увидѣла миссъ Баготъ, выглядывавшую въ окно кареты, и на лицѣ этой молодой барышни, когда глаза ихъ встрѣтились, отразилось выраженіе такого сладостнаго удивленія и симпатичнаго восхищенія, съ поднятыми бровями и полуоткрытыми устами—точь въ точь такой взглядъ, которымъ часто смотрѣлъ на нее Маленькій Билли—что она немедленно узнала въ ней его сестру. Это причинило ей острую боль.

Она отвернулась, говоря самой себѣ:

— О нѣтъ, я не разлучу его съ его сестрой, семьей, друзьями! Я этого никогда не сдѣлаю. Это рѣшено, во всякомъ случаѣ!

Чувствуя себя немного оглушенной и желая отдаться своимъ мыслямъ, она повернула на Rue Vieille de Mauvais Ladres, которая всегда была пустынна въ этотъ часъ дня. И она, дѣйствительно, была пуста, за исключеніемъ одинокой фигуры, сидѣвшей на тумбѣ и мотавшей ногами, съ руками въ карманахъ брюкъ, съ перевернутой трубкой ко рту, разорванной соломенной шляпой на затылкѣ и въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ до пятокъ. Это былъ Санди.

Какъ только онъ увидалъ ее, онъ соскочилъ съ тумбы и подошелъ къ ней, говоря:

— О, Трильби, въ чемъ дѣло? Я не могъ вынести этого? Я убѣжалъ! Мать Маленькаго Билли тамъ!

— Да, милый, Санди, я только-что видѣла ее.

— Ну, и что-же?

— Я обѣщала ей никогда больше не видѣться съ Маленькимъ Билли. Вѣдь я была настолько глупа, что обѣщала выйти за него замужъ. Я отказала ему много разъ въ теченіе этихъ послѣднихъ трехъ

Digitized by Google

мѣсяцевъ, но потомъ онъ сказалъ, что оставитъ Парижъ и никогда не вернется, и я была настолько глупа, что уступила. Я предложила ему жить съ нимъ, ухаживать за нимъ, быть его служанкой—быть всѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ, только не его женой! Но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Милый, Маленькій Билли. Онъ ангелъ—и я приложу всѣ свои старанія, чтобы не причинить ему никакого вреда! Я оставлю это независимое мѣсто и отправлюсь жить въ деревню, я полагаю, мнѣ нужно какъ-нибудь постараться прожить свою жизнь... Дни такіе длинные—не правда-ли? И ихъ такая масса! Я знаю одну бѣдную семью, которая когда-то очень любила меня, и я могла-бы жить съ ними, помогать имъ и содержать себя. Только не знаю, какъ быть съ маленькимъ Жаномъ? Я все обдумала, прежде чѣмъ дошло до этого... Вы видите, я была приготовлена къ этому.

Она улыбнулась безпомощной улыбкой, крѣпко прижавъ верхнюю губу къ зубамъ, какъ-будто кто-нибудь тянулъ ее назадъ за уши.

— О! но, Трильби, что мы будемъ дѣлать безъ васъ? Таффи и я, знаете-ли! Вы сдѣлались совсѣмъ нашей!

— А, какъ вы хороши и добры, что говорите это!—воскликнула бѣдная Трильби, и глаза ея наполнились слезами.—Да вѣдь это все, для чего я жила, пока не случилось все это. Но теперь этого ужъ больше не можетъ быть, не такъ-ли? Все измѣнилось для меня—даже небо кажется другимъ. А! пѣсенка Дюрьена:—Plaisir d'amour—chagrin d'amour»! Это все правда, не такъ-ли? Я ѣду сейчасъ-же, и возьму Жана съ собой, я думаю.

— Но куда вы хотите ѣхать?

— А! Я-бы хотѣла скрыть отъ васъ это, Санди милый—на долгое время! Подумайте обо всѣхъ непріятностяхъ, которыя-бы это повлекло за собой. Но некогда терять времени. Я должна взять быка за рога!

Она постаралась засмѣяться и, взявъ его за большія бакенбарды, поцѣловала его въ глаза и губы, и ея слезы капали ему на лицо.

Затѣмъ, не въ силахъ больше говорить, она покачала на прощаніе головой, и быстрыми шагами пошла по узкой извилистой улицѣ. Дойдя до перваго угла, она повернулась, махнула рукой и, пославъ ему два или три воздушныхъ поцѣлуя, исчезла изъ виду.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Санди не отводилъ глазъ отъ пустого проѣзда — онъ былъ глубоко огорченъ, его сердце переполнилось состраданіемъ. Онъ былъ просто несчастенъ. Потомъ онъ снова набилъ трубку, закурилъ ее, сѣлъ на другую тумбу и мотая ногами и стукая каблуками, онъ сидѣлъ тамъ и ждалъ, пока не уѣдетъ карета Баготовъ, чтобы пойти наверхъ и, какъ подобаетъ мужчинѣ, предоставить себя справедливому гнѣву Таффи и снести его горькіе упреки въ трусости и бѣгствѣ предъ непріятелемъ.

Digitized by Google

На слѣдующее утро Таффи получилъ два письма: одно, очень длинное, было отъ миссисъ Баготъ. Онъ два раза прочелъ его и принужденъ былъ сознаться, что это очень хорошее письмо — письмо умной женщины, обладающей теплымъ сердцемъ, и при томъ женщины, для которой сынъ ея былъ зѣницей ока. Чувствовалась увѣренность, что она готова была содрать кожу съ своего самаго дорогого друга, чтобы сдѣлать изъ нея пару перчатокъ для Маленькаго Билли, если-бы ему захотѣлось имѣть ихъ; но въ то-же время чувствовалось, что ей было-бы искренно жаль друга. Мать Таффи была немного похожа на нее въ этомъ отношеніи, и онъ вспоминалъ о ней каждый день своей жизни.

Миссисъ Баготъ отдавала полную справедливость всѣмъ качествамъ ума, сердца и характера Трильби, но въ то-же самое время она указывала, со всѣмъ искусствомъ и настоящей казуистической логикой женщины, когда она берется отстаивать что-нибудь (даже когда право на ея сторонѣ) на неизбѣжные результаты такого брака, которые непремѣнно обнаружатся года черезъ два, даже раньше! Быстрое разочарованіе, сожалѣніе на всю жизнь съ обѣихъ сторонъ!

Онъ не нашелъ-бы ни одного слова въ опроверженіе ея аргументовъ, хотя все-же не могъ отказаться отъ невольнаго убѣжденія, что Трильби и Маленькій Билли оба были исключительными людьми. А между тѣмъ — какъ могъ онъ думать, что знаетъ натуру Маленькаго Билли лучше, чѣмъ родная мать мальчика!

Если-бы онъ былъ старшимъ братомъ юноши по крови, какъ онъ былъ его братомъ по искусству и симпатіямъ, далъ-ли-бы онъ, хотѣлъ-ли-бы онъ, могъ-ли-бы онъ дать свое братское благословеніе на такой бракъ? Какъ другъ и какъ братъ, онъ чувствовалъ, что объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Другое письмо было отъ Трильби, написанное ея смѣлымъ безпечнымъ почеркомъ, покрывавшимъ всю страницу, съ ея кое-гдѣ несовершенной орѳографіей. Содержаніе его было слѣдующее:

«Мой милый, дорогой Таффи—я пишу вамъ, чтобы проститься съ вами. Я уѣзжаю, чтобы положить конецъ всему этому горю, за которое некого винить, кромѣ меня.

«Какъ только я сказала «да» Маленькому Билли, я въ ту-же минуту прекрасно знала, что я была за глупая дура, и я все время съ тѣхъ поръ стыдилась самой себя. Я провела несчастную недѣлю, могу увѣрить васъ. Я знала, какъ все это кончится.

«Я страшно несчастна, но я была-бы еще вдвое несчастнѣе, если-бы я вышла за него, и онъ когда-нибудь раскаялся бы въ этомъ и стыдился-бы меня, и понятно, такъ-бы дѣйствительно кончилось, даже если-бы онъ не показывалъ этого, благодаря своей ангельской добротѣ! Кромѣ того, конечно, я никогда не могла-бы превратиться въ

Digitized by Google

lady—это было-бы невозможно. Хотя по праву я должна-бы была быть lady, я полагаю. Но у меня, кажется, все вышло превратно—и этого нельзя перемѣнить!

«Бѣдный папаша!

«Я уѣзжаю съ маленькимъ Жаномъ. Я постыдно пренебрегала имъ. Теперь я хочу исправить все это.

«Вы не должны стараться узнать, куда я отправляюсь. Я знаю, вы этого не сдѣлаете, если я васъ попрошу объ этомъ, также и другіе. Отъ этого мнѣ было-бы гораздо тяжелѣе.

«Анжелика знаетъ; она обѣщала мнѣ не говорить. Мнѣ-бы очень хотѣлось имѣть отъ васъ строчку. Если вы пошлете ее къ ней, она перешлетъ мнѣ.

«Милый Таффи, послѣ Маленькаго Билли я люблю васъ и Санди больше, чѣмъ кого-бы то ни было на цѣломъ свѣтѣ. Я никогда не знала настоящаго счастья, пока не встрѣтила васъ. Вы сдѣлали меня совсѣмъ другой, чѣмъ я была, вы и Санди и Маленькій Билли.

«О, это было прекрасное время, хотя оно продолжалось не долго. Для меня этого должно хватить на всю жизнь. Итакъ, прощайте. Я никогда, никогда не забуду васъ, и останусь съ самой преданной любовью вашимъ навсегда вѣрнымъ и любящимъ другомъ

Трильби О'Ферраль».

P. S.—Когда все это пронесется и опять уляжется, если это когда-нибудь будетъ возможно, я, можетъ быть, вернусь въ Парижъ и когда-нибудь увижу васъ опять».

Добрый Таффи глубоко задумался надъ этимъ письмомъ—онъ прочелъ его разъ шесть, по крайней мѣрѣ; потомъ онъ поцѣловалъ его, положилъ обратно въ конвертъ и заперъ его въ ящикъ.

Онъ зналъ, какая глубокая тоска скрывалась подъ этимъ немного тривіальнымъ выраженіемъ горя.

Онъ угадалъ, что Трильби, которая обыкновенно была такъ по-дѣтски импульсивна и демонстративна въ доказательствахъ своей дружбы, была гораздо сдержаннѣе, чѣмъ большая часть женщинъ въ подобныхъ случаяхъ.

Онъ написалъ ей очень длинное, очень сердечное письмо, полное любви, и отослалъ его согласно ея указанію.

Санди также написалъ длинное письмо, полное теплаго дружелюбія и искренняго уваженія. Оба выразили надежду и увѣренность въ томъ, что они скоро опять увидятъ ее; когда пройдетъ первая горечь ея горя, между ними возобновятся старыя, пріятныя отношенія.

Потомъ, чувствуя себя несчастными, они отправились въ Café de l'Odéon, гдѣ яичницы были такъ хороши, а вино не синее, и молча позавтракали тамъ.

Digitized by Google

Въ этотъ вечеръ они поздно сидѣли вмѣстѣ въ студіи и читали: они чувствовали, что не могутъ такъ свободно бесѣдовать между собой, когда тутъ нѣтъ Маленькаго Билли, чтобы слушать ихъ; иногда трое—составляютъ компанію, а двое—ничего!

Вдругъ они услышали, какъ кто-то съ шумомъ и страшно торопясь поднимался по лѣстницѣ, и въ комнату какъ вихрь влетѣлъ Маленькій Билли, смятенный, еле дыша и съ голосомъ пресѣкавшимся отъ волненія.

— Трильби! Гдѣ она?.. Что съ ней?.. Она убѣжала... о! Она написала мнѣ такое письмо!.. Мы должны были вѣнчаться... въ посольствѣ... моя мать... она вмѣшалась... и эта проклятая старая свинья... мой дядя!.. Они были здѣсь! Я все знаю... Отчего вы не заступились за нее?..

— Я заступился... на сколько могъ. Санди не вынесъ и улизнулъ.

— Вы вступились за нее... Вы, да вы согласились съ моей матерью, что она не должна быть моей женой, вы, вы фальшивый другъ, вы!.. Да вѣдь она ангелъ, слишкомъ хороша для такого какъ я... Вы знаете это. А что до... что касается ея соціальнаго положенія и всего этого, что за унизительная гниль! Ея отецъ былъ такой-же gentleman, какъ мой... впрочемъ .. какое мнѣ, чортъ побери, дѣло до ея отца?.. Я хочу имѣть ее, ее, ее, ее, говорю я вамъ... я не могу жить безъ нея... я долженъ вернуть ее, я долженъ вернуть ее... слышите-ли вы? Мы должны были жить въ Барбизонѣ... всю нашу жизнь, и я долженъ былъ писать великолѣпныя картины, какъ тѣ другіе, которые пишутъ тамъ... Кому какое дѣло до ихъ соціальнаго положенія, мнѣ-бы хотѣлось знать... или до положенія ихъ женъ? Да будетъ проклято соціальное положеніе!.. Мы часто говорили это—и повторяли это. Жизнь художника не должна имѣть ничего общаго съ свѣтомъ, должна быть выше всей этой мелочности и низости... вся въ его работѣ. Соціальное положеніе, въ самомъ дѣлѣ! Снова и снова мы повторяли, что это за скверная, скотская гниль, вещь, отъ которой тошнитъ и которая можетъ заставить человѣка удалиться отъ свѣта... Зачѣмъ говорить одно и дѣйствовать по другому?.. Любовь прежде всего, любовь уравниваетъ все, любовь и искусство... и красота, передъ такой красотой, какъ красота Трильби, сословіе не существуетъ... И еще такое сословіе, какъ мое! Боже милостивый! Я никогда не сдѣлаю ни одной черты, пока не верну ея... никогда, никогда, никогда, говорю я вамъ, я не могу, я не хочу!..

И такъ бѣдный юноша продолжалъ неистовствовать, въ бѣшенствѣ ломая все, что попадалось подъ руку, опрокидывая стулья и мольберты, заикаясь и крича, сходя съ ума отъ волненія.

Они старались урезонить его, заставить его выслушать ихъ, показать ему, что не одно только ея соціальное положеніе дѣлало ее неподходящей женой для него и матерью его дѣтей, и т. п.

Digitized by Google

Старанія ихъ были напрасны. Онъ становился все необузданнѣе и голосъ его такъ прерывался, что его трудно было понимать, жалко было видѣть и слышать его.

— О! о! Господи милостивый! развѣ вы такъ безгрѣшны, вы оба, что бросаете камнями въ бѣдную Трильби! Что за стыдъ, что за отвратительный стыдъ, что существуетъ одинъ законъ для женщинъ и другой—для мужчинъ!.. Бѣдныя, слабыя женщины! Бѣдныя, мягкія, привязчивыя созданія, за которыми вѣчно бѣгаютъ звѣри-мужчины, которые ихъ мучаютъ, дѣлаютъ несчастными и топчутъ ногами... О! о! меня тошнитъ отъ этого, тошнитъ!

Наконецъ, онъ тяжело вздохнулъ, закричалъ и въ обморокѣ упалъ на полъ.

Послали за докторомъ; Таффи взялъ фіакръ и поѣхалъ въ Hôtel de Lille et d'Albion за его матерью; а Санди и мадамъ Винаръ раздѣли бѣднаго Маленькаго Билли, къ которому все еще не возвращалось сознаніе, и уложили его въ постель Пѣтушьяго Короля.

Пришелъ докторъ, и вскорѣ послѣ него миссисъ Баготъ съ дочерью. Случай былъ серьезный. Позвали другого доктора. Для обоихъ убитыхъ горемъ дамъ достали кровати и поставили ихъ въ студіи, и такъ кончился вечеръ того дня, который, какъ кажется, долженъ былъ быть днемъ свадьбы Маленькаго Билли.

Припадокъ Маленькаго Билли, очевидно, былъ чѣмъ-то въ родѣ эпилептическаго припадка. Онъ кончился воспаленіемъ мозга и другими осложненіями, долгой и тяжелой болѣзнью. Много недѣль прошло прежде чѣмъ онъ былъ внѣ опасности, и его выздоровленіе шло медленно и продолжалось долго.

Натура его, казалось, перемѣнилась. Онъ лежалъ слабый и равнодушный ко всему, никогда даже не упоминая о Трильби, исключая одного раза, чтобы спросить, вернулась-ли она и зналъ-ли кто-нибудь, гдѣ она, и писали-ли ей. Какъ кажется, она не вернулась. Миссисъ Баготъ думала, что такъ будетъ лучше, и Таффи и Санди согласились съ ней, что изъ писемъ не можетъ выйти ничего хорошаго.

Миссисъ Баготъ испытывала горькое чувство противъ женщины, которая была причиной всего этого смятенія, и осуждала себя самое за свою несправедливость. Это было несчастнымъ временемъ для всѣхъ.

Но несчастье не приходитъ одно.

Разъ въ февралѣ мадамъ Анжелика Буасъ пришла къ Таффи и Санди во временную студію, гдѣ они работали. Она была въ страшномъ волненіи.

Маленькій братъ Трильби умеръ отъ скарлатины и его похоронили. Но на другой день послѣ похоронъ Трильби оставила мѣсто, гдѣ она скрывалась, и не вернулась туда, а съ тѣхъ поръ прошла недѣля. Она

и маленькій Жанъ жили въ деревнѣ, называемой Вибре, въ Ла-Сартѣ, у бѣдныхъ людей, которыхъ она знала—и она стирала и работала иглой, пока ея братъ не заболѣлъ.

Она ни на одну минуту не оставляла его изголовья, ни днемъ, ни ночью, а когда онъ умеръ, ея горе было такъ ужасно, что люди думали, она сойдетъ съ ума; а на другой день послѣ его похоронъ ея нигдѣ нельзя было найти—она исчезла, не взявъ съ собой ничего, даже лишней одежды про запасъ—исчезла, не оставивъ слѣда, не давъ никакого порученія.

Всѣ пруды были изслѣдованы, всѣ колодцы и маленькая рѣчка, протекающая по Вибре, и старый лѣсъ.

Таффи отправился въ Вибре, выслушалъ и допросилъ всѣхъ, кого только могъ, вступилъ въ сношенія съ парижской полиціей, но безъ результата, и каждое послѣ-обѣда онъ съ бьющимся сердцемъ отправлялся въ Morgue.

Понятно, извѣстіе это скрыли отъ Маленькаго Билли. Это было не трудно. Онъ никогда не задавалъ вопросовъ и почти никогда не говорилъ.

Когда онъ въ первый разъ всталъ и его повели въ студію, онъ попросилъ достать его картину «Кувшинъ идетъ въ колодезь», нѣкоторое время смотрѣлъ на нее, пожалъ плечами и засмѣялся—несчастнымъ смѣхомъ, который тяжело было слушать и видѣть—смѣхомъ холоднаго, стараго человѣка, смѣющагося такъ, чтобы не заплакать! Затѣмъ онъ поглядѣлъ на свою мать и сестру, и увидѣлъ въ нихъ печальныя перемѣны, причиненныя горемъ и боязнью.

Ему казалось, какъ въ дурномъ снѣ, что онъ былъ помѣшанъ въ теченіе многихъ лѣтъ — что онъ былъ причиной безконечнаго, страшнаго горя и ужаса, и что, наконецъ, его бѣдный, слабый, блуждающій умъ вернулся, принося съ собой жестокія угрызенія и воспоминанія о всей терпѣливой любви и добротѣ, которыя расточали ему въ теченіе многихъ лѣтъ! Его милая сестра,—его дорогая, долготерпѣливая мать! Что такое, въ самомъ дѣлѣ, случилось, отчего у нихъ былъ такой видъ?

И заключивъ ихъ обѣихъ въ свои слабыя объятія, онъ зарыдалъ и рыдалъ отчаянно и долго.

А когда этотъ припадокъ прошелъ, когда онъ выплакалъ все, что его взволновало, онъ уснулъ.

Когда-же онъ проснулся, онъ почувствовалъ, что съ нимъ случилась другая, грустная вещь, и что по какой-то таинственной причинѣ способность любить не вернулась къ нему вмѣстѣ съ его блуждающимъ сознаніемъ, а осталась гдѣ-то позади—и ему казалось, что она навсегда, навѣки оставила его, никогда не вернется къ нему, даже любовь къ

Digitized by Google

матери и сестрѣ, даже любовь къ Трильби; на мѣстѣ всего этого теперь была пустота, отверстіе, пустое пространство...

Правда, если Трильби много страдала, она была также невинной причиной ужасныхъ страданій.

Мнѣ сдается, что эта исторія становится совсѣмъ грустной, и что давно пора положить конецъ этой части ея.

Когда настала болѣе теплая погода и Маленькій Билли нѣсколько окрѣпъ, студія мало по малу оживилась. Кровати дамъ удалили въ другую студію, въ слѣдующемъ этажѣ, которая была не занята, и друзья стали навѣщать Маленькаго Билли, чтобы сдѣлать жизнь болѣе пріятной для него и для его матери и сестры.

Что касается Таффи и Пѣтушьяго Короля, то они уже давно сдѣлались для миссисъ Баготъ какъ-бы парой костылей, безцѣнная помощь которыхъ поддержала ее и помогала ей разобраться во всемъ этомъ лабиринтѣ треволненій.

Затѣмъ, г. Карель приходилъ каждый день поболтать со своимъ любимымъ ученикомъ и порадовать сердце миссисъ Баготъ. А также Дюрьенъ, Корнеджи, Петроликоконозъ, Винсанъ, Антоній, Лоримеръ, Додоръ и Зузу. Миссисъ Баготъ съ тревогой думала, что оба послѣдніе— irrésistibles, но ее разъ навсегда успокоили тѣмъ, что они «gentlemen», несмотря на свою солдатскую форму. И въ самомъ дѣлѣ, они выказывали себя съ самой выгодной стороны; и несмотря на то, что они во всемъ были такою рѣзкою противоположностью Маленькому Билли, она возымѣла почти материнскія чувства къ нимъ и давала имъ невинные, добрые материнскіе совѣты, которые они проглатывали avec attendrissement, даже не взглянувъ украдкой другъ на друга. Они держали шерсть миссисъ Баготъ и слушали церковную музыку миссисъ Баготъ съ набожно поднятыми кверху глазами и кроткими устами.

Хорошо быть солдатомъ и опаснымъ: вы трогаете сердца женщинъ и очаровываете ихъ—старыхъ и молодыхъ, знатныхъ и незнатныхъ (исключая, можетъ быть, пары свѣтскихъ матерей, у которыхъ дома невѣсты).

Въ самомъ дѣлѣ, добрыя женщины по всему свѣту, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ созданъ, любили, чтобы ихъ обманывали эти геніальные, чванливые хвастуны, не имѣющіе гроша за душой (что такъ трогательно), про которыхъ думаютъ, что они носятъ свою жизнь въ рукахъ, даже во время мира. Нѣтъ, отъ этого несвободны нѣкоторыя даже недобрыя женщины; такія женщины, за которыхъ самые лучшіе и мудрые изъ насъ часто готовы продать свои души!

„A lightsome eye, a soldier's mien,
A feather of the blue,

Digitized by Google

A doublet of the Lincoln green—
No more of me you knew,
My love!
No more of me you knew...“ [1])

Точно этого не довольно! Даже слишкомъ!

Маленькій Билли едва могъ представить себѣ, что оба эти вѣжливые, милые, симпатичные сыновья Марса были тѣ самыя веселыя птицы, которыя такъ старались добиться популярности и такими странными средствами, наверху омнибуса С.-Клу; и онъ любовался ими, видя, какъ ловко они соединяли лицемѣріе со всѣми своими другими преступленіями!

Свенгали, повидимому, вернулся въ Германію съ карманами набитыми наполеонами и большими гаванскими сигарами, и укутанный въ громадную шубу, которую онъ собирался носить все лѣто. Но маленькій Гекко часто приходилъ со своей скрипкой и исполнялъ чудесную музыку, и это, казалось, приносило маленькому Билли больше пользы, чѣмъ что либо другое.

Музыка заставляла его возстановлять въ воображеніи всю ту любовь, которой онъ не могъ больше чувствовать въ своемъ сердцѣ. Сладостная мелодичная фраза, передаваемая мастеромъ, была для него, пока она длилась, точно здоровымъ освѣжающимъ бальзамомъ—точно манной въ пустынѣ. Это было единственной прекрасной вещью, всегда доступной для него, которой никогда нельзя было отнять у него, пока у него оставались еще его ушные аппараты и онъ могъ слушать игру мастера.

Бѣдный Гекко обращался съ обѣими англійскими дамами de bas en haut, какъ будто онѣ были богини, даже когда онѣ аккомпанировали ему на роялѣ! Онъ извинялся предъ ними за каждую невѣрную ноту, которую онѣ брали, и усвоилъ ихъ «tempi»,—я думаю, это настоящее техническое выраженіе—и въ угоду имъ превращалъ scherzos и alegrettos въ жалобныя похоронныя пѣсни и соглашался съ ними, бѣдный, маленькій измѣнникъ, что въ такомъ видѣ все это звучитъ гораздо лучше.

О, Бетховенъ! О, Моцартъ! повернулись-ли вы въ вашихъ могилахъ.

Потомъ, въ хорошую погоду, мать и сестра Маленькаго Билли ѣздили вмѣстѣ съ нимъ въ послѣобѣденные часы кататься въ Булонскій лѣсъ, въ открытой коляскѣ, и Таффи обыкновенно былъ четвертымъ; или въ Пасси, Булонъ, С.-Клу, Медонъ—въ окрестностяхъ Парижа масса очаровательныхъ мѣстъ.

Иногда Таффи или Санди провожали миссисъ и миссъ Баготъ въ Люксембургскую галлерею, Лувръ, Palais Royal; разъ или два въ

[1]) „Веселый взглядъ, видъ солдата, перо голубыхъ, камзолъ изъ линкольнскаго зеленаго—больше ты ничего не знала обо мнѣ, моя любовь! Больше ты ничего не знала обо мнѣ...“

Digitized by Google

Comédie Française; а иногда, по воскресеньямъ, въ англійскую капеллу на улицѣ Marboeuf. Все это было очень пріятно, и миссъ Баготъ вспоминаетъ о дняхъ выздоровленія своего брата, какъ о самыхъ счастливыхъ дняхъ своей жизни.

Всѣ пятеро обѣдали вмѣстѣ въ студіи. Мадамъ Винаръ прислуживала имъ за столомъ, а ея мать исполняла обязанности кухарки, и весь видъ этой студіи измѣнился и сдѣлался душистымъ и очаровательнымъ, благодаря всему этому женскому вторженію.

А что можетъ быть пріятнѣе для наблюденія, чѣмъ заря и ростъ молодой мечты любви, когда сила и красота встрѣчаются у изголовья любимаго больного?

Конечно, сочувствующій читатель уже предвидитъ, какъ быстро мужественный Таффи палъ жертвою чаръ кроткой сестры своего друга, и какъ она отвѣтила на его болѣе чѣмъ братскую любовь! И какъ въ одинъ прекрасный вечеръ, какъ разъ въ исходѣ марта, который удалялся словно кроткій агнецъ, чтобы уступить мѣсто первому апрѣлю, Маленькій Билли соединилъ ихъ руки и далъ имъ свое братское благословеніе.

Но на самомъ дѣлѣ ничего такого не случилось. Ничего никогда не случается, кромѣ непредвидѣннаго. Pazienza!

Наконецъ,—это было въ одинъ прекрасный солнечный день, и большое окно студіи было открыто на верху и впускало пріятный сѣверо-западный вѣтерокъ, точь въ точь какъ въ началѣ нашей исторіи—желѣзнодорожный омнибусъ остановился у porte cochère на Place St. Anatole des Arts, и повезъ на вокзалъ Chemin de fer du Nord Маленькаго Билли, его мать и сестру, и всѣ ихъ пожитки (знаменитая картина отправилась впередъ); а Таффи и Пѣтушій Король съ очень вытянутыми лицами поѣхали съ ними, чтобы бросить послѣдній взглядъ на этихъ дорогихъ людей и на поѣздъ, который долженъ былъ увезти ихъ изъ Парижа, а Маленькій Билли бросалъ долгіе и задумчивые прощальные взгляды своихъ живыхъ, умныхъ глазъ на многіе французскіе предметы, которые онъ любилъ, начиная съ сѣрыхъ башенъ Notre Dame и такъ далѣе—Господь только вѣдаетъ, когда онъ опять увидитъ ихъ!—Поэтому онъ старался хорошенько запечатлѣть ихъ въ своей памяти, чтобы сохранить запасъ воспоминаній о любимыхъ формахъ и краскахъ, которыя послужатъ ему отрадой потомъ, когда вернутся его утраченныя способности любить и ясно вспоминать, и онъ будетъ лежать ночью и прислушиваться къ шуму Атлантическаго океана вдоль прелестнаго краснаго песчанаго берега у себя дома.

Онъ питалъ слабую надежду, что ему будетъ жаль разстаться съ Таффи и Пѣтушьимъ Королемъ. Но когда наступило время прощаться,

Digitized by Google

онъ не могъ вызвать въ себѣ ни малѣйшаго сожалѣнія, несмотря на всѣ свои напряженныя усилія и старанія!

Но онъ такъ серьезно и много благодарилъ ихъ за всю ихъ доброту, терпѣніе и симпатію (какъ сдѣлали и его мать, и сестра), что сердца ихъ переполнились чувствомъ слишкомъ сильнымъ для словъ и они приняли совсѣмъ суровый видъ, что случалось съ ними всегда, когда они бывали глубоко тронуты и не хотѣли показывать этого.

И когда онъ смотрѣлъ изъ окна вагона на ихъ безпомощныя фигуры, со взорами устремленными ему вслѣдъ, пока поѣздъ удалялся отъ станціи, сожалѣніе его о томъ, что ему не жаль ихъ, придало ему такой разстроенный и страдальческій видъ, что они едва могли вынести взглядъ своего друга, удалявшагося отъ нихъ, и имъ почти захотѣлось послѣдовать за нимъ въ Девонширъ со слѣдующимъ-же поѣздомъ, чтобы ободрить и его и себя.

Однако, они не уступили этой симпатичной слабости. Грустно, волоча за собой зонтики, они подъ-руку перешли рѣку и отправились въ Café de l'Odéon, гдѣ молча съѣли много яичницъ и уныло выпили лучшее вино, какое только могли получить, и дѣйствительно были очень печальны.

Почти пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы простились съ Таффи и Пѣтушьимъ Королемъ и сказали имъ au revoir на парижскомъ вокзалѣ Chemin de fer du Nord, и пожелали Маленькому Билли, его матери и сестрѣ счастливаго пути въ ихъ путешествіи до Девоншира, гдѣ бѣдный страдалецъ долженъ былъ отдохнуть и собраться съ силами, чтобы продолжать свою работу, начатую съ такимъ громкимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ, способствовавшимъ, быть можетъ, его выздоровленію.

Многіе изъ моихъ читателей помнятъ его первый блестящій début въ королевской академіи на Trafalgar Square, съ этой теперь столь знаменитой картиной «Кувшинъ идетъ въ колодезь», помнятъ, какъ она три раза была перепродана въ утро частнаго смотра, въ третій разъ за тысячу фунтовъ—ровно въ пять разъ дороже, чѣмъ онъ самъ получилъ за нее. А въ тѣ дни это считалось большой суммой для картины начинающаго, имѣвшей четыре фута въ длину и два въ вышину.

Я прекрасно понимаю, что эта вульгарная оцѣнка ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить признакомъ настоящаго достоинства картины. Но эта картина теперь хорошо извѣстна всему свѣту, и еще въ прошломъ году (больше чѣмъ чрезъ тридцать-шесть лѣтъ послѣ того, какъ ее написали) Кристи продалъ ее за три тысячи фунтовъ.

Тридцать шесть лѣтъ! Такая давность имѣетъ достаточную силу, чтобы отнять даже у трехъ тысячъ фунтовъ всю ихъ вульгарность.

Digitized by Google

«Кувшинъ» находится теперь въ Національной Галлереѣ съ другой картиной, той-же руки, «Лунный гномъ». Тамъ онѣ висятъ вмѣстѣ, доступныя для всѣхъ, кому интересно видѣть ихъ, первая и послѣдняя картина художника—цвѣтокъ и плодъ.

Ему не долго суждено было жить, и это было счастьемъ (столь рѣдкимъ для тѣхъ, чьимъ работамъ суждено сдѣлаться безсмертными), что онъ имѣлъ успѣхъ съ самаго начала.

Успѣхъ его былъ лучшаго и самаго лестнаго качества.

Онъ начался наверху, гдѣ онъ долженъ былъ начаться, между мастерами его собственной отрасли искусства. Но его слава скоро проникла внизъ и быстро распространилась въ публикѣ. А что касается оппозиціи, брани и грубаго поношенія, то всего этого было довольно, чтобы очистить его отъ всякаго подозрѣнія въ дешевомъ качествѣ или мимолетности этого успѣха. Ибо что можетъ лучше предохранить отъ гніенія, чѣмъ глубокая ненависть филистера? Какая музыка сладостнѣе, свѣжѣе, здоровѣе, чѣмъ звукъ его голоса, когда онъ такъ яростно бѣснуется?

И потомъ, за одобреніемъ толпы слѣдуютъ великіе торговцы и большіе чеки, поднимается печатный ревъ какого-нибудь «разочарованнаго» человѣка», который долженъ былъ-бы быть счастливымъ и удачнымъ человѣкомъ, который ради искусства отказался отъ всего, и въ концѣ-концовъ находитъ, что онъ не можетъ быть артистомъ и создать себѣ имя, и никогда не будетъ въ состояніи, а потому начинаетъ писать о тѣхъ, которые могутъ—и какъ писать!

Писать, чтобы освистывать и хулить своего счастливаго соперника и тѣхъ, которые удивляются ему — это некрасивое ремесло. Но, увы! оно кажется легкимъ и столь многимъ доставляетъ удовольствіе. Для этого даже не требуется хорошей грамматики. Но это оплачивается—достаточно хорошо даже для того, чтобы начать и продолжать издавать журналъ, пользуясь этими средствами, замѣняющими ученость, вкусъ и талантъ, юморъ, смыслъ, остроуміе и мудрость! Это нѣчто въ родѣ поставки порнографическихъ картинъ: нѣкоторые изъ насъ разсматриваютъ ихъ, смѣются и даже покупаютъ. Уже довольно плохо быть покупателемъ; но быть поставщикомъ ихъ—уфъ!

Все это краснорѣчіе значитъ, что Маленькаго Билли отдѣлывали на-право и на-лѣво точно такъ же, какъ и слишкомъ хвалили. Но все это стекало съ него, какъ съ гуся вода—и похвалы, и порицанія.

То было счастливое лѣто для миссисъ Баготъ, сладостное вознагражденіе за все безпокойство прошедшей зимы, между тѣмъ какъ ея возлюбленныя дѣти находились вмѣстѣ подъ ея крыломъ, и весь свѣтъ (для нея) гремѣлъ похвалой ея мальчику, зѣницѣ ея ока, такъ чудесно вырванному изъ самой пасти смерти и изъ другихъ опасностей, которыя были почти также страшны для ея ревниваго материнскаго сердца.

Digitized by Google

А его любовь къ ней, казалось, росла съ его возвращающимся здоровьемъ; но увы! ему никогда больше не было суждено быть тѣмъ веселымъ, невиннымъ, экспансивнымъ мальчикомъ, какимъ онъ былъ до рокового года, проведеннаго въ Парижѣ.

Одна глава его жизни была закончена навсегда, чтобы о ней никогда больше не говорили—ни онъ матери, ни мать ему. Она не могла ни простить, ни забыть. Она могла только молчать.

Но въ общемъ съ нимъ жилось пріятно и хорошо, и дома дѣлалось все, чтобы сдѣлать жизнь его пріятной и сладостной, все, что только могла изобрѣсти любящая мать, все, что только могла выдумать самая очаровательная сестра—и сестры другихъ, также очень очаровательныя и очень расположенныя боготворить эту молодую знаменитость, которая проснулась въ одно прекрасное утро въ маленькомъ имѣніи, чтобы прогремѣть по свѣту и которая такъ смиренно сносила свои алѣющія почести. И между ними была дочь викарія, подруга его сестры и соучительница по воскресной школѣ, «простая, чистая и набожная дѣвица изъ хорошей семьи» — обладавшая всѣмъ, что онъ когда-то считалъ необходимымъ для молодой барышни; называлась она Алисой, и она была кротка, и имѣла русые волосы—такіе пышные русые волосы!

Но онъ уже не находилъ больше простыя деревенскія удовольствія—увеселительныя поѣздки и пикники, собранія въ саду и невинныя музыкальныя вечеринки—вполнѣ веселыми, какъ въ былыя времена, хотя никогда не показывалъ этого. Было много вещей, которыхъ онъ не обнаруживалъ и которыя его мать и сестра тщетно старались угадать, много вещей!

И между ними одна вещь безустанно заботила и огорчала его—онѣмѣніе его привязанностей. Онъ могъ быть такимъ-же выразительно-нѣжнымъ по отношенію къ своей матери и сестрѣ, какъ будто съ нимъ никогда ничего не случилось, просто въ силу пріятной, старой привычки — даже больше, просто благодаря чувству благодарности и голосу совѣсти.

Но увы! онъ чувствовалъ, что въ глубинѣ души онъ относился къ нимъ совершенно равнодушно!—также и къ Таффи, и Санди, и къ себѣ самому; даже и къ Трильби, о которой онъ постоянно думалъ, хотя безъ волненія, о странномъ исчезновеніи которой ему разсказали, и исторія которой была подтверждена во всѣхъ подробностяхъ Анжеликой Буасъ, писавшей ему въ отвѣтъ на его письмо.

Казалось, будто та часть его мозга, которая была сѣдалищемъ привязанностей, была парализована, между тѣмъ какъ вся остальная часть оставалась такой-же усердной и дѣятельной, какъ прежде. Онъ чувствовалъ себя въ родѣ бѣдной живой птицы или звѣря, или пресмыкающагося,

Digitized by Google

часть мозга (или мозжечка, или чего-бы тамъ ни было) котораго была вынута вивисекторомъ для экспериментальныхъ цѣлей; самымъ сильнымъ душевнымъ чувствомъ, на которое онъ, казалось, еще былъ способенъ, было его безпокойство и волненіе по случаю этого любопытнаго симптома, и забота о томъ, слѣдуетъ-ли ему или нѣтъ сказать объ этомъ.

Онъ не сдѣлалъ этого изъ боязни причинить огорченіе и надѣясь, что это пройдетъ со временемъ, и удвоилъ свои ласки по отношенію къ матери и сестрѣ, словно привязавшись къ нимъ больше, чѣмъ когда-либо. Также и по отношенію къ другимъ въ манерахъ и мысляхъ, на словахъ и на дѣлѣ, онъ сдѣлался внимательнѣе, чѣмъ былъ когда-либо прежде, какъ-будто искусственно усвоивая качество, котораго у него больше не было, онъ хотѣлъ постепенно приманить его обратно. Для него не существовало безпокойства, передъ которымъ онъ остановился-бы, чтобы доставить удовольствіе самымъ скромнымъ личностямъ.

Также и его собственное тщеславіе превратилось словно въ ничто, и ему почти такъ-же недоставало его, какъ и способности любить.

И все-таки онъ постоянно повторялъ себѣ, что онъ великій художникъ, и что онъ не остановится ни предъ какими затрудненіями, чтобы сдѣлаться еще болѣе великимъ.

За всѣмъ этимъ скрывалось неопредѣленное, безпокойное недомоганіе, постоянное безпокойство.

И ему казалось, къ его великому огорченію, что это недомоганіе, какое онъ когда-либо будетъ въ состояніи чувствовать, и что оно никогда не оставитъ его, и что его моральное существованіе сдѣлается когда нибудь настояымъ страданіемъ, самымъ больщимъ страданіемъ, долгой, сѣрой, мрачной пустотой—мерцаніемъ сумерекъ, и никогда больше не настанетъ радостное утро!

Потомъ, въ одинъ прекрасный день поздней осенью, онъ взмахнулъ крыльями и улетѣлъ въ Лондонъ, который былъ вполнѣ готовъ съ открытыми объятіями привѣтствовать извѣстнаго художника Вильгельма Багота, alias Маленькаго Билли.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Вопросы самообразованія.

Ботаника.

Образованіе и ученость—два понятія вовсе не равнозначащія. Вполнѣ образованный человѣкъ долженъ имѣть *солидное* представленіе о всѣхъ главныхъ основныхъ наукахъ. Ученый можетъ ограничиться *исчерпывающимъ* знаніемъ одной своей науки. Если это исчерпывающее знаніе покоится на фундаментѣ солиднаго представленія о всѣхъ наукахъ, то дѣятельность его безъ сомнѣнія будетъ плодотворнѣе, но исторія показываетъ, что и *узкіе спеціалисты* приносили и приносятъ наукѣ большія услуги.

Я полагаю, что редакція «Сѣвернаго Вѣстника» имѣла въ виду достиженіе образованія, а не учености. Очевидно, однако-же, что человѣкъ, достигшій образованія въ томъ смыслѣ, какъ я его понимаю, можетъ достигнуть и учености. Это подтверждается практикою университетовъ всѣхъ странъ. Самое выраженіе университетъ (Universitas) означаетъ соединеніе преподаванія всѣхъ наукъ въ одномъ учрежденіи. Развитіе наукъ давно уже не позволяетъ учащемуся (студенту) единовременно слѣдовать за всѣми курсами, но удлинняя свое пребываніе въ университетѣ, студентъ и въ наше время можетъ получить универсальное образованіе, если у него хватаетъ на это способностей. На практикѣ мы отъ времени до времени видимъ такіе примѣры. Для достиженія такого общаго образованія имѣются или должны имѣться въ университетахъ *общіе* курсы. Они назначены для *средняго* студента, ищущаго образованія, а не учености. Вотъ такого-то образованія и должно достигать лицо, желающее имѣть *солидное*, но общее образованіе. Это даетъ опредѣленные предѣлы тому объему познаній, которымъ должно овладѣть лицо, стремящееся къ образованію по каждой изъ основныхъ

Digitized by Google

наукъ, а въ томъ числѣ и по ботаникѣ, если считать, что познаніе природы обязательно для каждаго дѣйствительно образованнаго человѣка [1]).

I. Основныя науки.

А. Главныя:

1) Физика со включеніемъ метеорологіи.

2) Химія.

3) Астрономія.

Безъ этихъ наукъ солидное знакомство съ послѣдующими невозможно.

Б. Второстепенныя, т. е. такія, безъ знанія которыхъ можно овладѣть каждою изъ главныхъ.

1) Геологія съ минералогіею.

2) Ботаника.

3) Зоологія.

4) Физическая географія или физика земного шара.

II. Науки неосновныя.

Сюда относятся собственно или смѣшанныя науки, составляющія отрасли нѣкоторыя изъ основныхъ, какова *палеонтологія*, входящая въ составъ геологіи, ботаники и зоологіи и немыслимая безъ ихъ знанія; съ другой—*отрасли* основныхъ наукъ, ученая разработка которыхъ можетъ происходить и происходитъ самостоятельно. Таковы: *физіологія растеній и животныхъ*, *эмбріологія*, *гистіологія*.

По мѣрѣ развитія естественныхъ наукъ каждая наука раздробляется на большее и большее число отдѣловъ, получающихъ по большей части особыя наименованія и возводимыя спеціалистами, особенно-же *любителями*, на степень какъ-бы особыхъ наукъ, таковы напр. *микологія*—ученіе о грибахъ, *альгологія*—ученіе о водоросляхъ, *птеридографія*—ученіе о папоротникахъ, *энтомологія*—ученіе о насѣкомыхъ, *маммологія*—ученіе о млекопитающихъ, *эрпетологія*—о пресмыкающихся и пр. и пр.

Прежде чѣмъ опредѣлить объемъ познаній по ботаникѣ, необходимый для ищущаго образованія тѣмъ или другимъ способомъ, необходимо вспомнить, что большинство русскаго общества находится касательно естествознанія въ несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ общества въ Западной Европѣ. Наши молодые люди, стремящіеся къ самообразованію, должны начинать съ азбуки. Вся масса молодежи, доходящая нерѣдко до 200 человѣкъ, поступающая изъ гимназій на естественный разрядъ одного петербургскаго университета, будучи весьма слабо обученною въ одной только физикѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго представ-

[1]) Для большей точности касательно послѣдующаго изложенія, я долженъ обратить вниманіе читателя на относительное значеніе различныхъ (естественныхъ) наукъ.

ленія объ остальныхъ естественныхъ наукахъ. Немногіе могутъ отличить сосну отъ ели, пшеницу отъ ржи... Словомъ сказать, они менѣе знакомы съ растеніями, чѣмъ любой крестьянинъ. Въ Германіи, напр., каждый школьникъ изъ низшихъ классовъ гимназіи или изъ первичнаго 4-класснаго училища знаетъ свою флору и значеніе частей растенія, у насъ-же этихъ элементарныхъ познаній лишенъ и гимназистъ, получившій аттестатъ зрѣлости. Содержаніе учениковъ въ такомъ невѣжествѣ по части элементовъ естествознанія крайне затрудняетъ не только самообразованіе, но даже и преподаваніе въ университетахъ.

Вѣдь это все равно, если-бы люди поступали на математическій разрядъ не зная ариѳметики, или на филологическій не зная грамматики.

Такое положеніе опредѣляетъ *сразу и безповоротно необходимость для желающаго ознакомиться съ ботаникою безъ руководителей, приняться за самыя элементарныя книги и прежде всего за терминологію и опредѣленіе растеній по какому-либо опредѣлителю.*

Не зная элементовъ и не умѣя различать, сравнивать и размѣщать по семействамъ нѣсколькихъ сотенъ видовъ хотя-бы мѣстной флоры, нечего приниматься ни за одну популярную книгу, даже самую лучшую. Этому препятствуютъ два обстоятельства. Во-первыхъ, безъ указанныхъ знаній начинающій будетъ встрѣчать на каждомъ шагу непонятные для него термины, а во-вторыхъ, онъ будетъ въ опасности схватить только верхушки и, оставшись на однихъ выводахъ, счесть что онъ уже достаточно знакомъ съ предметомъ, чтобы компетентно разсуждать о частныхъ и общихъ вопросахъ данной отрасли знанія.

Принимая все это во вниманіе, я полагаю, что начинающій свое самообразованіе долженъ по просту взять въ руки учебникъ, а также одну изъ флоръ на русскомъ языкѣ и заняться изученіемъ элементовъ, собираніемъ растеній, т. е. образованіемъ гербарія, опредѣляя собираемыя растенія, параллельно съ изученіемъ учебника.

Внимательный и трудолюбивый человѣкъ можетъ вполнѣ обойтись при этомъ безъ руководителя. Доказательствомъ тому служатъ тѣ рѣдкіе гимназисты, которые сами выучились элементамъ ботаники и зоологіи, ознакомившись притомъ и съ мѣстною флорою безъ всякихъ руководителей.

Безъ сомнѣнія, участіе руководителя сильно облегчаетъ дѣло, но и самообученіе имѣетъ свои преимущества: оно заставляетъ доискиваться до значенія каждаго термина, каждаго выраженія и тѣмъ принуждаетъ трудиться, пріучаетъ къ анализу, а главное—основательно вдумываться въ изучаемое. Неумѣлый руководитель можетъ даже повредить: называя растенія, онъ, правда, избавляетъ руководимаго отъ труда, но также и отъ необходимости анализа, расчлененія и сравненія изучаемаго.

Къ счастію, наша ботаническая литература значительно обогатилась

Digitized by Google

въ послѣднюю четверть столѣтія и я имѣю возможность указать на цѣлый рядъ сочиненій, которыя можетъ съ пользою изучать начинающій. Списокъ книгъ помѣщаю въ концѣ статьи.

Элементарное знакомство съ органографіею и терминологіею растеній должно сопровождаться, какъ сказано, собираніемъ растеній, ихъ опредѣленіемъ и составленіемъ гербарія. Этимъ способомъ расширяются и укрѣпляются элементарныя знанія и дается возможность вникнуть въ естественную систему растеній, уяснить себѣ разныя степени сродства между растительными формами, и тѣмъ самымъ подготовить себя къ правильной оцѣнкѣ главнѣйшей (морфологической) основы эволюціоннаго ученія о происхожденіи видовъ.

Такое подготовительное знакомство съ наукою можетъ совершиться въ одинъ годъ и даже въ одно лѣто лицами, пользующимися среднимъ образованіемъ [1]), но, повторяю, это будетъ только азбука.

Наши реальныя училища даютъ своимъ воспитанникамъ элементы ботаники. Поэтому для нихъ указанная выше задача сильно облегчается. Для нѣмецкихъ гимназистовъ подготовленіе, о которомъ идетъ рѣчь, излишне, такъ какъ оно имъ дано въ школѣ.

Обращаюсь теперь къ послѣдующему ознакомленію съ наукою. Изученіе живой природы должно вести къ одной опредѣленной цѣли, а именно—къ *механическому* объясненію жизненныхъ явленій, на сколько это допускаетъ умъ человѣческій, другими словами цѣль эта заключаетсся въ приложеніи механики (въ тѣсномъ смыслѣ), физики и химіи для объясненія тѣхъ явленій, которыя совершаются въ живомъ организмѣ.

Я полагаю, что естествознаніе не въ состояніи достигнуть полнаго объясненія жизненныхъ явленій, но держусь также и того мнѣнія, что научное изученіе природы можетъ происходить только на почвѣ механической. Вводить для объясненія жизненныхъ явленій гипотетическія, не подлежащія опытному изслѣдованію силы, въ родѣ «жизненной силы»,— вновь поднятой «неовиталитами»—естествознаніе не имѣетъ права. Хотя и возможно, что наука откроетъ новую или новыя силы, новыя проявленія энергіи, но они войдутъ тогда въ разрядъ механическихъ и будутъ подлежать опыту; объяснять-же неизвѣстное неизвѣстнымъ невозможно.

Въ началѣ за изслѣдованіе жизненныхъ явленій растеній принялись физики и химики: они, слѣдуя точнымъ пріемамъ своей доктрины, произвели рядъ знаменитыхъ опытовъ, результатомъ которыхъ явилось прочное основаніе *физіологіи питанія растеній*. Точность, водворенная ими въ науку съ самаго начала, осталась въ ней и до сихъ поръ: физіоло-

---

[1]) Я подразумѣваю подъ «среднимъ образованіемъ» ту степень знаній, которая получается въ размѣрѣ, приблизительно опредѣляемомъ программами нѣмецкой *гимназіи* или нѣмецкой «*высшей реальной школы*».

Digitized by Google

гія и до сихъ поръ есть единственная дѣйствительно экспериментальная отрасль ботаники.

Остальныя отрасли науки разрабатывались долгое время независимо или почти независимо отъ физіологіи, которая во времена царства Линнея и его школы даже не считалась ботаникою. Притомъ-же опытъ въ настоящемъ значеніи этого выраженія почти не примѣняемъ въ остальныхъ отрасляхъ нашей науки, мѣсто его заступаетъ *наблюденіе*, которое съ изобрѣтеніемъ микроскопа стало все болѣе и болѣе изощряться, такъ что *наблюдательная* ботаника достигла грандіозныхъ результатовъ и во многихъ случаяхъ точности, едва уступающей точности, достигаемой опытомъ.

Такимъ образомъ изученіе ботаники представляетъ громадный и разнообразный матеріалъ для приложенія двухъ основныхъ пріемовъ естествознанія: опыта и наблюденія. Съ другой стороны она вся состоитъ изъ безконечнаго ряда индукцій, логически слѣдующихъ и расширяющихся одна за другой, ибо опредѣленіе каждаго вида растенія есть уже индукція, основанная на точномъ анализѣ его органовъ, а нерѣдко и на подробномъ изслѣдованіи его развитія.

Привожу эти соображенія для того, чтобы выставить на видъ тѣ два типа ботаническихъ изслѣдованій и двѣ доктрины, которыя, вмѣстѣ взятыя, хотя и составляютъ одно цѣлое, но могутъ разрабатываться въ извѣстной степени отдѣльно. Для начинающаго, ищущаго самообразованія, такое раздѣленіе, однако-же, допускать не слѣдуетъ. Въ послѣднюю четверть нашего вѣка—оно и у спеціалистовъ-ботаниковъ мало-по-малу оставляется, ибо вопросы, подлежащіе рѣшенію, требуютъ всесторонняго изслѣдованія. Для примѣра достаточно указать на вопросъ первостепеннаго значенія—о происхожденіи видовъ. Дарвинъ основалъ и установилъ свою теорію эволюціи на чисто морфологическихъ началахъ. Систематика организмовъ (оцѣнка отличительныхъ признаковъ), эмбріологія, приспособленія къ окружающимъ условіямъ, палеонтологія, географическое распространеніе организмовъ въ связи со степенями ихъ родства,— вотъ тѣ отрасли науки, которыя почти исключительно доставили ему огромную массу фактовъ и частныхъ выводовъ, помощью которыхъ онъ воздвигъ свое зданіе. Физіологическія соображенія вовсе отсутствовали и въ этомъ заключалась слабость теоріи, а потому самъ Дарвинъ и его послѣдователи обратились вскорѣ къ опыту (опыты надъ направленіемъ корней, надъ вьющимися растеніями, перекрестное опыленіе), т. е. къ физіологическимъ пріемамъ.

Итакъ лицо, стремящееся посредствомъ самообразованія достигнуть солидныхъ, хотя и не спеціальныхъ ботаническихъ знаній, должно въ равной степени ознакомиться со всѣми отраслями науки.

Для этого популярныя сочиненія не достаточны, а иногда и вредны.

Въ большей части этихъ книгъ предметъ изложенъ догматически. Читателю преподносятся выводы безъ доказательствъ, безъ указанія на многотрудныя и предохранительныя изслѣдованія приведшія къ этимъ выводамъ, а если и приводятся, то въ самомъ краткомъ видѣ и безъ критики. Отсюда происходитъ очень часто совершенно ложное представленіе о природѣ и легкомысленное отношеніе къ дѣлу. Такъ, напр., мы постоянно встрѣчаемъ лицъ, или вполнѣ отрицающихъ теорію Дарвина, имѣя о самой теоріи лишь самое слабое и даже ошибочное понятіе, или, наоборотъ, такихъ, которые въ гораздо сильнѣйшей степени дарвинисты, чѣмъ былъ самъ Дарвинъ. Послѣднихъ особенно много. Виною этому въ значительной степени популярныя книги иныхъ лицъ, какъ напр., Гекель и покойный К. Фохтъ. Знаменитый Гекель безъ замѣшательства производитъ людей отъ полуобезьянъ (лемуровъ), онъ даже указалъ на страну, правда существующую только въ фантазіи, откуда взялись эти лемуры (Лемурія). Говоря о рыбахъ, онъ прямо ихъ называетъ нашими праотцами (unsere Voreltern)... и т. п. Будучи замѣчательнымъ спеціалистомъ по зоологіи, Гекель вмѣстѣ съ тѣмъ очень бойко писалъ популярныя книги, которыя многими нѣмецкими учеными считаются «зоологическими романами»... Въ популярныхъ книгахъ К. Фохта, тоже весьма талантливаго и дѣльнаго спеціалиста, мы находимъ также остроумные парадоксы, въ родѣ сравненія зубной системы человѣка съ тою-же системою у свиньи для доказательства всеядности человѣка, при чемъ выпускаются ближайшія къ человѣку обезьяны, питающіяся исключительно плодами и растеніями...

Даже въ прелестной популярной книгѣ Шлейдена (растеніе и его жизнь) [1]) мы находимъ красивые парадоксы, хотя на этотъ разъ и безвредные, напр. о томъ, что человѣкъ питается воздухомъ на томъ основаніи, что органическая матерія, коею питаются всѣ животныя, вырабатывается изъ воздуха. При этомъ, правда, о растворенныхъ въ водѣ минеральныхъ соляхъ какъ-то забывается.

Я уже не говорю объ отсутствіи точности, о полномъ смѣшеніи понятій, коими изобилуютъ многія популярныя сочиненія... Такъ въ одной книжкѣ, кажется Мантегацы, говорится о растительности Малайскихъ острововъ и при этомъ выставляются огромные размѣры тамошнихъ цвѣтовъ, при чемъ приводится одно ароидное растеніе, у котораго цвѣтокъ будто-бы въ ½ арш. Я указалъ издателю перевода этой книжки, попросившему меня пересмотрѣть переводъ, что это не цвѣтокъ, а соцвѣтіе, что у ароидныхъ цвѣты по большей части очень мелки. «Не все-ли равно, — отвѣчалъ мнѣ издатель,—для публики такой точности не нужно».—Но вѣдь это то-же, возразилъ я,—что принимать полкъ сол-

---

[1]) Къ сожалѣнію, все изданіе уже исчерпано.

дать за одного солдата, или лѣсъ за одно дерево.—Мое замѣчаніе не произвело, впрочемъ, на издателя ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Хорошія популярныя сочиненія могутъ, однако-же, приносить большую пользу, но для этого они должны удовлетворять многимъ условіямъ, которыя удовлетворяются рѣдкимъ изъ нихъ.

Во-первыхъ, самое выраженіе популярный, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, имѣетъ различное значеніе, ибо можно искать популярности съ различными цѣлями и различными способами. Въ приложеніи къ научной литературѣ *популярность* должна означать *общедоступность*, т. е. такое изложеніе, которое понятно каждому грамотному. Но такъ какъ степень грамотности весьма различна въ разныхъ слояхъ общества, то этимъ самымъ опредѣляется не только изложеніе, но и самый объемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются.

Популярныя книги пишутся обыкновено для «образованнаго общества»—«für gebildete Laien», какъ говорятъ въ Германіи, что означаетъ тамъ лицъ, спеціально не занимающихся науками, но пользующихся общимъ гимназическимъ образованіемъ, посѣщавшихъ или не посѣщавшихъ университетскія лекціи [1]). Эти профаны (Laien) относительно спеціальныхъ научныхъ знаній, однако-же, въ Германіи всѣ знакомы съ элементами естествознанія, особенно съ основными естественными науками. Для того, чтобы получить хотя нѣкоторое понятіе о громадномъ распространеніи ботаническихъ знаній, напр. въ Германіи, стоитъ только обратить вниманіе на списки лицъ изъ числа профановъ, которые тамъ помогаютъ ученымъ при разработкѣ мѣстныхъ флоръ. Такъ, напр., списокъ наблюдателей, помѣщенный при бранденбургской флорѣ Ашерсона (1864 г.), содержитъ 254 имени наблюдателей, не считая ученыхъ спеціалистовъ. Между ними имѣются пасторши, землевладѣльцы, фабриканты и пр.

Въ вакаціонное время можно повсюду встрѣтить молодыхъ собирателей растеній и цѣлыя школы, экскурсирующія подъ руководствомъ учителей съ цѣлью ознакомленія съ флорою и фауною страны.

Такихъ образованныхъ профановъ у насъ почти нѣтъ. Этимъ сильно затрудняется составленіе общедоступныхъ ботаническихъ (зоологическихъ и пр.) книгъ. Диккенсъ говаривалъ, что популярно-научное изложеніе должно состоять въ объясненіи каждаго выраженія, но это приложимо только къ книгамъ, назначеннымъ для грамотнаго простолюдина или для подростковъ, къ числу которыхъ съ точки зрѣнія естествознанія принадлежитъ большая часть нашего общества. Тѣмъ не менѣе, приходится при составленіи популярныхъ книгъ имѣть въ виду «профановъ» въ германскомъ смыслѣ.

[1]) Въ Германіи, какъ извѣстно, окончаніе курса въ университетѣ и даже докторская степень не даютъ правъ ни на „ученость“ ни на государственную службу.

Digitized by Google

По своей цѣли ботаническія книги весьма различны.

I. Одни задаются цѣлью ознакомить коротко и по возможности прямо съ основами своей науки. Такихъ немного. Къ числу ихъ относится сравнительно новое сочиненіе Кернера (См. № 8), не имѣющееся на русскомъ языкѣ. О достоинствахъ и недостаткахъ этого труда сказано дальше.

Въ прежнее время общедоступно писались и ученыя общія сочиненія. Таковы, наприм., знаменитая въ свое время органографія и физіологія старшаго Декандоля (Августа Пирама), котораго съ пользою можно читать и теперь. Этого рода труды были-бы наиболѣе полезны для ищущаго самообразованія, но вполнѣ достигающихъ выставленной цѣли по ботаникѣ нѣтъ. Даже названныя два не обнимаютъ всей цѣлости науки.

II. Другіе избираютъ какую-либо болѣе или менѣе обширную отрасль науки, стараясь изложить ее общедоступно. Этимъ самымъ облегчается и самое составленіе книги и, при удачномъ выполненіи, можетъ принести важную пользу. Тутъ возможны большая подробность и большая основательность. Къ этой категоріи относится нѣсколько хорошихъ книгъ не только на иностранныхъ, но и на русскомъ языкѣ (См. №№ 9, 10, 11, 12).

III. Наконецъ, къ числу общедоступныхъ книгъ по ботаникѣ причисляю я флористическія сочиненія, называемыя вообще опредѣлителями растеній. Они по большей части такъ составляются, что ими можетъ пользоваться и спеціалистъ и образованный профанъ. Такихъ флоръ у насъ теперь нѣсколько (См. №№ 4, 17, 18, 19), но сравнительно съ тѣмъ, чтоимѣется по этой части въ западной Европѣ—мы отстали по меньшей мѣрѣ на сто лѣтъ. Это полезнѣйшія книги. На западѣ каждая провинція имѣетъ нѣсколько флоръ, и все это расходится въ невѣроятномъ числѣ экземпляровъ. Опредѣленіемъ растеній и собираніемъ гербарія тамъ занимаются столько-же, сколько у насъ карточною игрою. Такъ, наприм., въ числѣ моихъ корреспондентовъ по обмѣну сухихъ растеній, былъ французскій полковой командиръ, который еще во времена крымской кампаніи собиралъ растенія, продолжалъ заниматься этимъ и потомъ, вѣроятно, дѣлаетъ то-же и теперь. На засѣданіяхъ ботаническихъ обществъ мы видимъ патеровъ, землевладѣльцевъ и т. д.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ у насъ, однако-же, весьма замѣтно пробудился вкусъ къ изученію русской флоры, а отчасти и другихъ отраслей науки, наприм., географіи растеній. Этому способствовали не только довольно многочисленные учебники по ботаникѣ, но въ особенности общества естествоиспытателей при университетахъ, снаряжающія на свои средства частыя экскурсіи для изслѣдованія разныхъ странъ нашего отечества, начиная отъ Архангельска до Кавказа и пріуральскихъ странъ. Появленіе нѣсколькихъ хорошихъ опредѣлителей также имѣло чрезвычайно важное вліяніе на распространеніе вкуса къ изученію у насъ растительности.

Digitized by Google

Все это указываетъ, что знакомство съ систематикой растеній самою силою вещей представляется и удобнымъ, и самымъ раціональнымъ основаніемъ для послѣдующаго солиднаго ознакомленія съ ботаникою. Оно представляется вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе удобнымъ, требующимъ меньше всего и затратъ, и самой простой технической обстановки: хорошая лупа, прессъ для сушенія растеній и нѣсколько стопъ пропускной бумаги—вотъ все, что нужно для этого рода занятій.

Лица, основательно ознакомившіяся съ элементами науки и съ флорою хотя-бы небольшого округа, напр. одного уѣзда, могутъ уже принести большую пользу сообщеніемъ своихъ наблюденій или коллекцій, но это далеко еще не соотвѣтствуетъ цѣлямъ образованія,—это только необходимая основа для послѣдующаго изученія.

Для лица, овладѣвшаго элементарными основами, если оно вмѣстѣ съ тѣмъ запаслось солидными химическими и физическими свѣдѣніями, открыта вся ботаническая ученая литература. Оно можетъ уже обратиться отъ популярныхъ сочиненій къ болѣе обширнымъ и точнымъ. При этомъ однако-же, не слѣдуетъ смѣшивать общія сочиненія со спеціальными изслѣдованіями. Ищущему образованія, а не учености, можно посовѣтовать прочесть и изучить только нѣсколько спеціальныхъ и точныхъ изслѣдованій знаменитыхъ ученыхъ для болѣе глубокаго пониманія методовъ и оцѣнки того, какого рода точность требуется наукою. Вообще-же достаточно держаться общихъ сочиненій по части разныхъ отраслей науки.

Кромѣ того, приходится обратиться къ микроскопу и къ опыту. При этомъ самообученіе значительно затрудняется. Микроскопическія наблюденія немыслимы безъ препарировки, а опыты—безъ умѣнья обращаться съ приборами, при нихъ необходимыми. Руководитель при этомъ сильно облегчаетъ дѣло. Я, однако-же, вполнѣ увѣренъ, что можно и безъ руководителя научиться и тому и другому, тѣмъ болѣе, что имѣются книги, въ которыхъ изложены подробно пріемы микроскопическаго наблюденія и физіологическаго опыта. На это потребуется болѣе времени безъ руководителя, но тѣмъ больше придется поработать и подумать, а это имѣетъ свои преимущества.

Приступая къ самообразованію въ указанномъ смыслѣ, всякій необходимо проявляетъ предпочтеніе къ той или другой отрасли ботаническихъ знаній. Этому влеченію нельзя не поддаться, оно соотвѣтствуетъ особенностямъ ума того или другого лица, но при этомъ нужно только посовѣтовать, при избраніи отрасли науки, не оставлять совершенно остальныя.

Физіологія и морфологія—вотъ двѣ главныя отрасли ботаники. Для изученія первой необходимъ не только микроскопъ, но еще и лабораторія, хотя-бы домашняя, снабженная не всѣми снарядами. Для второй

Digitized by Google

лупа, микроскопъ и небольшое число реактивовъ. Морфологія несравненно обширнѣе физіологіи и распадается на нѣсколько отраслей, спеціальное изученіе которыхъ не можетъ производиться однимъ лицомъ, таковы: *анатомія* растеній, *морфологія* въ тѣсномъ смыслѣ, *систематика*, *географія* и *палеонтологія*. Въ новѣйшее время отдѣляютъ еще *біологію*. Для ищущаго общаго образованія и тутъ можетъ представиться стремленіе заняться преимущественно тою или другою изъ этихъ подчиненныхъ отраслей. И тутъ слѣдуетъ повторить выше высказанный совѣтъ.

Вообще желательно, чтобы лицо, избравшее, главнымъ образомъ, физіологію, не гоняясь за накопленіемъ морфологическихъ фактовъ, усвоило-бы себѣ методы и пріемы, употребляемые въ разныхъ частяхъ морфологіи, на столько, чтобы могло вполнѣ понимать сочиненія, къ нимъ относящіяся.

Съ другой стороны, и еще въ большей степени, морфологъ долженъ быть знакомъ съ пріемами и методами физіологіи. При этомъ слѣдуетъ посовѣтовать, чтобы лицомъ, ищущимъ солиднаго знакомства съ ботаникою, было произведено хотя нѣсколько физіологическихъ опытовъ, причемъ можно избрать наиболѣе выработанные, напр. водяная культура растеній, опыты надъ поглощеніемъ углекислоты, надъ дыханіемъ растеній, надъ испареніемъ срѣзанныхъ частей растеній.

Затѣмъ предлагаю перечень нѣкоторыхъ сочиненій, которыя можно рекомендовать для изученія науки о растеніяхъ. Долженъ, однако-же, прибавить, что въ предложенныхъ выше строкахъ изложено только нѣсколько мыслей по поводу ботаническаго самообразованія, такъ сказать программа или каталогъ безъ достаточнаго развитія, на что, къ сожалѣнію, я не имѣю времени.

I. Книги для перваго знакомства съ ботаникою.

1. *И. Бородинъ.* Краткій учебникъ ботаники. 3 изданіе. Спб. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к. Всѣ части науки за исключеніемъ географіи и палеонтологіи растеній. Изложеніе сжатое и ясное, 310 рисунковъ въ текстѣ.

2. *А. Бекетовъ.* Учебникъ ботаники. Изданіе 2. Спб. 1896 г. Органографія съ терминологіею, морфологія и систематика.

3. *К. Тимирязевъ.* Жизнь растенія. Изданіе 3. Москва. 1894 г. Общедоступно и изящно изложены основы анатоміи, физіологіи и морфологіи растеній съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на физіологію.

4. *П. Маевскій.* Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ сѣменныхъ и сосудистыхъ споровыхъ растеній. Изданіе второе, исправленное и дополненное подъ редакціей С. Коржинскаго. Москва. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

5. *К. Гофманъ.* Ботаническій атласъ по системѣ Декандоля. Измѣненія и дополненія примѣнительно къ Россіи подъ редакціею А. Баталина.

Digitized by Google

Спб. 1896. Цѣна 10 рублей. 500 изображеній растеній въ краскахъ и 400 политипажей. Прекрасный атласъ.

Этихъ 5 книгъ достаточно, чтобы солидно подготовиться къ послѣдующему изученію науки. Я могъ-бы представить болѣе длинный списокъ, такъ какъ, кромѣ названныхъ, имѣется нѣсколько хорошихъ руководствъ, но ограничиваюсь тѣми, которыя мнѣ самому болѣе другихъ извѣстны въ педагогическомъ отношеніи.

II. Книги для послѣдующаго изученія.

6. *Ванъ-Тигемъ.* Общая Ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Переводъ съ французскаго. Редакція съ примѣчаніями и дополненіями Пр. Ростовцева. Предисловіе Проф. Тимирязева. 477 политипажей. Москва. 1895. Цѣна 3 р. 75 к.

7. Вармингъ. Систематика растеній. Переводъ съ датскаго С. Ростовцева и М. Голенкина. Предисловіе Проф. Тимирязева. 645 политипажей. Москва 1893. Ц. 5 р.

Эти 2 книги составляютъ одно цѣлое.

8. *A. Kerner von Marilaun.* Pflanzenleben. 2 Bände. Leipzig. 1888 — 1891. Вся ботаника за исключеніемъ палеонтологіи. Общедоступное изложеніе. 2,106 превосходно исполненныхъ ксилографій и 40 хромографій. Обращено главное вниманіе на біологію растеній, т. е. на приспособленіе ихъ къ окружающимъ условіямъ. На этотъ счетъ приведено огромное число интереснѣйшихъ фактовъ. Физіологія собственно изложена коротко и догматично. О методахъ изслѣдованія почти ничего.

9. *А. Фаминцынъ.* Учебникъ физіологіи растеній. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к.—Подробное описаніе и объясненіе опытовъ.

10. *И. Бородинъ.* Курсъ анатоміи растеній. 157 рисунковъ въ текстѣ. Спб. и Москва. 1888. Цѣна 2 р.

11. *De Saporta et Marion* Paris. 1881—1885. 3 т. Цѣна 18 франковъ. Общедоступное и изящное изложеніе палеонтологіи растеній.

12. *А. Гризебахъ.* Растительность земного шара. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями проф. А. Бекетова. 2 тома. Спб. 1874—1877.

13. *А. Бекетовъ.* Географія растеній. 9 фототипій и 2 географическія карты. Спб. 1896. Цѣна 2 р.

14. *E. Strasburger.* Das botanische Prakticum. Iena. 1887. 2 изданіе.

15. *W. Detmer.* Iena 1888. Das pflanzenphysiologische Prakticum.

Послѣднія два сочиненія, изъ которыхъ первое имѣется и въ русскомъ переводѣ [1]), содержатъ полныя наставленія къ приготовленію препаратовъ и физіологическихъ опытовъ. Тамъ же читатель найдетъ описаніе микроскоповъ и ихъ употребленія.

---

[1]) Краткій практическій курсъ растительной гистологіи для начинающихъ. Переводъ С. Навашина. Предисловіе Тимирязева. Москва. 1886.

Digitized by Google

16. Для занятій по анатоміи растеній, отчасти физіологіи, укажу на слѣдующій микроскопъ; фирма *Ernest Leitz in Wetzlar.* Stativ III. *Mittleres Mikroskop.* Objectiv 3,7 (лучше 4 и 7) Ocular I, III. Увеличеніе 60—525. Цѣна 110 марокъ, обходится при выпискѣ въ 100 руб.

Отъ той-же фирмы можно выписывать препаровочные микроскопы цѣною отъ 43 до 38 марокъ.

Предложенный списокъ составленъ въ томъ предположеніи, что въ книгахъ, заглавіе которыхъ приведено, читатель найдетъ указаніе на спеціальныя сочиненія и даже на многія общія. Здѣсь-же, по моему мнѣнію, необходимо было представить нѣчто опредѣленное и по возможности менѣе объемистое, чтобы не затруднять начинающаго выборомъ.

Въ дополненіе можно, однако-же, указать еще на слѣдующія флористическія сочиненія:

17) *Кауфманъ*—Московская флора, 2 изданіе. Подъ редакціею П. Мѣшаева. Москва. 1889.

18) *Шмальгаузенъ*—Флора юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886.

19) *Онъ-же*—Флора южной и средней Россіи. Кіевъ. 1895.

А. Бекетовъ.

ПОПРАВКА.

Въ моей замѣткѣ о самообразованіи по зоологіи указано «Полное собраніе сочиненій Дарвина переводъ подъ редакціей проф. Тимирязева, изд. Поповой». Къ сожалѣнію, означенное собраніе не будетъ полнымъ, а равно проф. Тимирязевъ не является редакторомъ всего перевода, а лишь нѣкоторой части его; ему-же принадлежитъ въ этомъ изданіи статья о Дарвинѣ.

В. Шимкевичъ.

Digitized by Google

Прерафаэлитское движеніе въ Англіи.

I.

Въ началѣ первой половины XIX-го столѣтія, художественная Англія переживала кризисъ—тяжелое, безотрадное время. Искусство не развивалось, не шло впередъ; оно не являлось естественнымъ выразителемъ жизни, истекающимъ изъ нея самой, изъ ея явленій, оно было лишь слѣпымъ подражаніемъ старымъ образцамъ. Сильное развитіе коммерческой жизни, финансовые вопросы, утилитаризмъ оттѣсняютъ искусство совершенно на задній планъ. Имъ интересуются ради моды, приличія, картины являются уже не выраженіемъ идей, не способомъ ихъ пропаганды въ обществѣ, а лишь традиціей, украшеніемъ богатыхъ гостиныхъ. Подражаніе классикамъ, пользованіе ихъ готовою формою, безъ углубленія въ сущность вещей, привело, въ концѣ концовъ, къ тому сильному застою въ искусствѣ, которымъ отличается конецъ XVIII и начало XIX столѣтій [1]).

Въ картинахъ поражала условность темъ, отсутствіе содержанія, академичность пріемовъ. Но подобное явленіе не могло продолжаться долго. Броженіе умовъ, требованіе новыхъ идеаловъ, новыхъ боговъ, вылившееся на материкѣ въ французской революціи, охватило всю Европу, не миновало и Англіи. Энциклопедисты и революція измѣнили направленіе умовъ; является новое отношеніе къ жизни. Отъ эпикурейскаго, самодовольнаго — міровоззрѣніе переходитъ въ анализирующее, критическое. Классики отходятъ на время назадъ. Въ явленіяхъ люди ищутъ не формы, а содержанія. Они безпокойно вглядываются во все окружающее, пытливо изучаютъ природу. Проснувшаяся душа, подкрѣпляемая наукою, стремится проникнуть въ божественную тайну жизни. То-же теченіе захватило и искусство. Среди художниковъ, поэтовъ по-

---

[1]) Пейзажъ еще процвѣталъ, но лучшіе таланты, Constable, Turner, стояли особнякомъ.

Digitized by Google

слышался горячій протестъ противъ авторитета устарѣлыхъ формъ, противъ традиціонныхъ условныхъ правилъ. Перемѣна направленія выразилась прежде всего въ выборѣ сюжета: художникъ начинаетъ изображать людей, проникая въ ихъ радости, печали, страсти, заблужденія, стремленіе къ идеалу и божеству. Не въ формѣ, а въ проявленіяхъ духа ищетъ онъ свой идеалъ, форма для него не болѣе какъ символъ. Подобно примитивамъ итальянскаго Возрожденія, стремится онъ въ картинѣ излить свой идеализмъ, свое преклоненіе передъ духовнымъ, высшимъ міромъ, старается заговорить тѣмъ-же чистымъ языкомъ, какимъ говорили Джіотто, Мемми, Фра Анджелико. Но выраженія его туманнѣе, непонятнѣе; недостаетъ ему ихъ наивной, твердой вѣры въ непостижимое. Дитя Руссо и Вольтера, знакомый съ новыми открытіями естественныхъ и математическихъ наукъ, онъ мучается сомнѣніями, не всегда находитъ отвѣты на тысячи вопросовъ, тѣснящихся у него въ головѣ. Невозможность приподнять завѣсу и познать вполнѣ духовный міръ придаетъ работѣ художника меланхоличный характеръ, оттѣнокъ грусти, отличающій ее отъ полныхъ восторженнаго экстаза произведеній примитивовъ. Съ перемѣною направленія мѣняется и техника. Художникъ внимательно изучаетъ природу, колоритъ его ярче, краски сочнѣе. Исканіе вездѣ духа, идеала, дѣлаетъ его формы чище, возвышеннѣе; онѣ воздушны, нѣжны, какъ видѣнія Фра Анджелико, но въ то же время естественны, человѣчны, хотя съ полнымъ отсутствіемъ чувственнаго характера.

Такой поворотъ искусства къ идеализму, начавшійся въ сороковыхъ годахъ, нашелъ своего вождя въ лицѣ Данте Габріэля Россети, который съ Millais и Holman Hunt, по справедливому опредѣленію знаменитаго эстетика Рёскина, является самымъ яркимъ выразителемъ этого движенія, получившаго, названіе Прерафаэлитскаго. (Pre-Raphaelite movement).

Посмотримъ-же, что за человѣкъ былъ Россети и какова была его жизнь и дѣятельность. Хотя Россети и является руководителемъ художественнаго движенія въ Англіи, но, по происхожденію, какъ это указываетъ и его имя, а главное по темпераменту и способу мышленія, это итальянецъ до мозга костей,—итальянецъ первой поры Возрожденія. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ поражалъ своими выдающимися способностями къ живописи и поэзіи, своею чуткостью и впечатлительностью. Среда, въ которой онъ выросъ, сильно способствовала развитію природныхъ дарованій въ мальчикѣ. Мать его, полу-тосканка, полу-англичанка—сестра д-ра Полидори, друга Байрона и его спутника въ путешествіяхъ, и дочь Гаэтана Полидори, пользовавшагося извѣстностью хорошаго литератора. Отецъ его, Габріэль Россети, неаполитанецъ, хорошо образованный, даровитый человѣкъ, немного поэтъ. Благодаря своимъ патріотическимъ пѣ-

Digitized by Google

снямъ, а главное, личной дѣятельности, онъ въ 1820 г. игралъ не малую роль въ возстанiи демократiи противъ Фердинанда Неаполитанскаго. Сильно скомпрометированный, онъ принужденъ былъ покинуть отечество и въ 1824 г. поселился въ Англiи. Но Неаполь не забылъ его заслугъ и четверть вѣка спустя выбилъ въ память его медаль и поставилъ памятникъ на Piazza del Vasto. Въ 1826 г. Габрiэль Россети былъ назначенъ въ Лондонѣ профессоромъ итальянскаго языка въ King's College; затѣмъ онъ вскорѣ женился, а 12-го мая 1828 г. на Charlotte Street, Portland Place, 38, родился Данте Габрiэль Россети.

Мальчикъ воспитывался въ протестантской религiи, но, благодаря унаслѣдованному отъ предковъ романскому складу ума, въ немъ рано начался внутреннiй душевный разладъ. Мистицизмъ, страстность католической вѣры боролись съ строгою одухотворенностью протестантскаго исповѣданiя. Въ этой рано начавшейся борьбѣ и лежитъ разгадка страннаго смѣшенiя рацiонализма съ суевѣрiемъ, такъ смущающее критиковъ въ нѣкоторыхъ произведенiяхъ Россети. Этимъ объясняется его постоянное исканiе символа, чуткость, доходящая до прозрѣнiя и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое наблюденiе и изученiе дѣйствительности. Всю жизнь Россети жилъ своей мыслью между идеаломъ и реальностью, стремясь согласовать духъ съ внѣшнимъ чувствомъ и формою, найти ихъ взаимное соотношенiе.

Но не одни только религiозные вопросы волновали мальчика. Горячiй, убѣжденный патрiотъ, отецъ Россети соединялъ вокругъ себя все лучшее, что было въ молодой демократiи того времени. Домъ его былъ убѣжищемъ единомышленниковъ патрiотовъ. Здѣсь, вокругъ камина, въ неприхотливой обстановкѣ, собирались юные мечтатели и горячо бесѣдовали объ общемъ благѣ, о великихъ дѣянiяхъ нацiи, о любимыхъ герояхъ. Неизгладимое впечатлѣнiе производило это на мальчика, жадно прислушивавшагося къ этимъ разговорамъ. Здѣсь-же онъ видѣлъ Мадзини, этого страстнаго проповѣдника свободы и любви къ родинѣ. Но политика не составляла единственнаго интереса кружка; толковалось много и о художественныхъ, литературныхъ влiянiяхъ, какъ выраженiяхъ общественной жизни. Габрiэль Россети, поклонникъ Данте и его комментаторъ, назвалъ даже въ его честь своего сына и внушилъ ему глубокое уваженiе и поклоненiе чудной аллегорiи Божественной Комедiи. Замѣтивъ въ мальчикѣ большiя наклонности къ живописи, отецъ изъ King's College School перевелъ его въ Cary's Art School. По воспоминанiямъ товарищей, онъ никогда не отличался прилежанiемъ и усидчивостью, былъ очень слабъ въ техникѣ рисунка, зато выдѣлялся оригинальностью и живостью воображенiя. Съ недостаткомъ техники Россети приходилось впослѣдствiи часто считаться; несмотря на все свое старанiе и усиленный трудъ въ зрѣлыхъ годахъ, онъ не овладѣлъ вполнѣ рисункомъ и никогда не могъ достичь того совершенства, котораго онъ достигъ, какъ коло-

Digitized by Google

ристъ. Отсутствіе выработанной техники—почти общій недостатокъ прерафаэлитовъ, развѣ за исключеніемъ Милле.

Товарищи любили Россети, несмотря на нѣкоторую рѣзкость манеръ. Подъ этою рѣзкостью скрывалось теплое, восторженное сердце и самое братское участіе. Все свободное время онъ посвящалъ любимому занятію, поэзіи: писалъ сонеты, поэмы, баллады, посвящая ихъ своимъ друзьямъ. Осенью 1845 г. Россети былъ посланъ съ другими товарищами въ Royal Academy School. Въ академіи Россети сблизился съ двумя студентами, Джономъ Милле и Гольманомъ Гентъ (Hunt), и, несмотря на различіе воспитанія, условій жизни, разность характеровъ, тѣсная дружба соединила въ одно этихъ трехъ главныхъ двигателей художественной реформы.

John Everett Millais — родился 8 іюня 1829 года, въ Соутгэмтонѣ. Первые годы дѣтства онъ провелъ въ родовомъ имѣніи отца, въ Джерсей, 9 лѣтъ онъ уже поступилъ въ Cary's School, гдѣ получилъ серебряную медаль, а 11 лѣтъ былъ переведенъ въ Academy School, гдѣ былъ самымъ молодымъ ученикомъ. Посѣщая часто Британскій музей, Милле встрѣтился тамъ и познакомился съ Гольманомъ Гентомъ Послѣдній отличался большою серьезностью, глубиною и еще раньше своихъ товарищей чувствовалъ настоятельную потребность реформы въ искусствѣ. Трудное матеріальное положеніе, борьба съ массою неудачъ мѣшали ему. Родился онъ въ Лондонѣ въ 1828 г. и предназначался отцомъ для торговли. Но, чувствуя сильное призваніе къ живописи, онъ пошелъ наперекоръ волѣ отца и, съ помощью случайныхъ знакомыхъ, выбрался на любимый путь. Поступить въ академію Генту было очень трудно. Безъ протекціи, плохо подготовленный, онъ дважды провалился на испытаніяхъ, такъ какъ, при занятіяхъ урывками у плохихъ учителей, у него не могла выработаться техника, и его неопытный, не твердый рисунокъ не удовлетворялъ требованіямъ строгихъ профессоровъ экзаменаторовъ. Только въ 1846 г. съ помощью Милле (поддерживавшаго его деньгами въ это трудное для него время) удалось ему поступить—и почти одновременно съ этимъ появляется на академической выставкѣ небольшая его картинка «Hark» (слушай!) — ребенокъ, прислушивающійся къ тиканью часовъ.

Направленіе академіи съ ея неизбѣжною рутиною, конечно, не могло дать обильной пищи воображенію молодыхъ талантовъ. Страстно хотѣлось имъ сбросить это мертвящее иго, хотѣлось проложить новые пути въ искусствѣ. Въ произведеніяхъ другихъ художниковъ, въ литературѣ, въ критикѣ ищутъ они родственнаго отзвука, ищутъ подкрѣпленія своимъ бродящимъ идеямъ. И ищутъ не напрасно. Судьба случайно наталкиваетъ ихъ на работы неизвѣстнаго еще тогда Мадокса Брауна—впослѣдствіи знаменитаго историческаго художника. Самостоятельная, свободная отъ всякаго вліянія, глубоко продуманная и полная самаго

Digitized by Google

страстнаго драматизма, живопись Брауна произвела сильное впечатлѣнiе на Россети. Увлеченный его талантомъ, онъ въ 1848 г. просилъ Брауна принять его ученикомъ, но послѣднiй, принципiально не желавшiй имѣть учениковъ, отнесся къ нему какъ къ другу и съ этой минуты сдѣлался его лучшимъ совѣтникомъ и руководителемъ, часто посѣщая студiю, гдѣ Россети работалъ вмѣстѣ съ Милле.

Въ это-же время появляются въ печати художественные критическiе этюды молодого эстетика Рескина (Ruskin), изданные впослѣдствiи подъ заглавiемъ «Modern Painters», въ которыхъ онъ, съ непосредственнымъ пониманiемъ природы, выступаетъ горячимъ защитникомъ пейзажиста Тернера. Молодые реформаторы тотчасъ обратили вниманiе на эти этюды. Они явились для нихъ какимъ-то откровенiемъ. Въ нихъ нашли они формулировку всего, что бродило въ душѣ, искало себѣ выхода, глухо протестовало. Въ этихъ этюдахъ Рёскинъ впервые осмѣлился громко коснуться традицiонной святыни классическихъ образцовъ и началъ безпощадную войну противъ мертваго подражанiя, сковывавшаго англiйское искусство. Онъ указывалъ на ту безсодержательность и пошлость, до которой пало искусство; но онъ не отчаивался: пророческимъ взоромъ убѣжденнаго человѣка онъ видѣлъ сквозь туманъ и мракъ настоящаго высокiй, но достижимый идеалъ, и указывалъ къ нему путь. Онъ проповѣдывалъ прежде всего *оригинальность* мысли и правду, призывая художниковъ обратиться къ изученiю первоисточника, т. е. къ природѣ, и черпать въ ней все вдохновенiе. При этомъ онъ предъявляетъ къ художнику самыя строгiя требованiя: ему необходима тонкая наблюдательность и естественно-научныя знанiя. Онъ смотритъ на искусство, какъ на служенiе идеѣ, видитъ въ немъ одну цѣль—нравственную. Этимъ опредѣляетъ онъ отношенiе между идеей и формой произведенiя. Возставая противъ рутины, Рёскинъ не отрицаетъ классиковъ. Съ глубокимъ пониманiемъ истинной красоты, указываетъ онъ на вѣчно прекрасныя произведенiя классическаго мiра, какъ на средства руководства и воспитанiя духа молодого художника. Не подражанiя хочетъ онъ, а яснаго пониманiя духа древнихъ. Но самою большою заслугою Рёскина для реформаторовъ искусства было то, что онъ исторически напомнилъ и указалъ имъ такой-же перiодъ броженiя, такое-же исканiе истины у другихъ людей, въ другiя времена. Онъ напомнилъ имъ, какъ искали новой правды въ искусствѣ въ первую пору Возрожденiя «примитивисты». Возрождается духъ человѣчества,—мысль, наука освобождаются отъ средневѣковой схоластики, чувства дѣлаются гуманнѣе. Поборники «Früh-Renaissance» ищутъ благородства въ красотѣ, стремятся, по выраженiю Гегеля, «помирить мысль (т. е. идеалъ) съ реальностью», излить духъ въ красотѣ. Первое они ищутъ въ философiи, наукахъ, тщательномъ изученiи природы, второе, форму—у антиковъ. Утонченный спири-

Digitized by Google

туализмъ, въ которомъ теоріи Платона смѣшиваются съ христіанскою проповѣдью милосердія, не мѣшаетъ существованію жизнерадостныхъ ученій Эпикура и натуралиста Лукреція.

Указывая на эту просыпающуюся жизнь, на эти порыванія, стремленія, такъ блестяще потомъ оправдавшіяся, Рёскинъ говоритъ, что нѣчто подобное должно произойти и въ англійскомъ современномъ искусствѣ. Въ это время въ руки Гёнта попадаетъ альбомъ фресокъ изъ Campo Santo въ Пизѣ. Онъ спѣшитъ подѣлиться съ товарищами своимъ пріобрѣтеніемъ, и, воодушевленные горячею проповѣдью Рёскина, они дѣйствительно убѣждаются, что именно въ нихъ, въ этихъ «précurseurs de la Renaissance» кроется родственный имъ духъ, и что, подобно имъ, должны они смѣло выступать противъ рутины.

Разница характеровъ и темпераментовъ тотчасъ опредѣляетъ взаимное отношеніе товарищей. Болѣе страстный, обладавшій способностью увлекать и очаровывать людей, Россети становится во главѣ движенія, привлекаетъ къ нему другихъ товарищей. Необходимость реформы очевидно назрѣвала уже давно, недовольство академіей все росло, такъ что на призывъ Россети къ протесту отозвались очень многіе не только изъ художественнаго, но и литературнаго міра. Первыми задачами кружка было иллюстрированіе лучшихъ произведеній англійскихъ писателей. Наиболѣе глубокое выраженіе своихъ идеаловъ видѣли они въ поэзіи Китса (Keats), этого эллина съ душою романтика. Въ его поэмахъ они не только въ первый періодъ развитія, но и позднѣе, въ зрѣлыхъ годахъ, черпали безконечное вдохновеніе для своихъ картинъ. Осенью 1848 г. члены кружка рѣшили дать ему болѣе прочное основаніе и образовали братство, получившее названіе «Pre-Raphaelite Brotherhood». Члены братства должны были исповѣдывать безконечную вѣрность правдѣ, природѣ и понимать физическій міръ, какъ способъ истолкованія и выраженія полнаго таинственности міра духовнаго. Кромѣ Россети, мягкаго, глубокомысленнаго Hunt'а, блестящаго Millais, къ братству примкнули: младшій братъ Россети, Вильямъ, Стефенсъ—интимный другъ Hunt'а (впослѣдствіи оба художественные критики), молодой скульпторъ Томасъ Вульнеръ (Thomas Woolner) и Дж. Коллинсонъ (James Collinson); послѣдній, впрочемъ, не долго оставался въ братствѣ. Не говоря уже о Россети, который извѣстенъ былъ своимъ поэтическимъ дарованіемъ, всѣ члены братства занимались литературою. Браунъ, хотя и горячо сочувствовалъ цѣлямъ братства, не примкнулъ къ нему. Какъ болѣе зрѣлый, онъ предвидѣлъ всѣ неудобства художественной партіи, въ особенности при томъ различіи характеровъ и воспитаній, какое у нихъ существовало.

Весною 1849 г. въ Лондонѣ появились на выставкахъ картины, помѣченныя таинственнымъ P. R. B. (Pre-Raphaelite Brotherhood): «Дѣв-

Digitized by Google

ственность» Россети, «Ріенци» Hunt'a и «Лоренцо и Изабелла» Millais. Въ сентябрѣ этого-же года Россети вмѣстѣ съ Hunt'омъ отправился путешествовать на материкъ, гдѣ посѣтилъ Францію и Бельгію. (Странно, что Россети, такъ пылко мечтавшій объ Италіи въ дѣтствѣ, никогда въ ней не былъ, да и не стремился въ нее особенно). Знакомство съ великими голландскими и итальянскими мастерами имѣло громадное значеніе для художественнаго развитія Россети. Въ нихъ нашелъ онъ новое вдохновеніе, новыя темы, какъ для живописи, такъ и для поэзіи. Въ Луврѣ чудная идиллія Джіорджіона «Венеціанская пастораль» вызвала у Россети сонетъ, рѣдкій по красотѣ стиха и силѣ изображенія.

Вернувшись въ Лондонъ, Россети предложилъ братству издавать иллюстрированный журналъ, какъ средство для пропаганды новыхъ принциповъ въ искусствѣ. Въ передовой статьѣ перваго нумера ихъ журнала «The Germ» указывалось, какъ на цѣль ихъ *искреннее* и *непосредственное* изображеніе природы и человѣка. Тамъ-же опредѣлялась и разность задачъ художника и поэта. Первый долженъ наблюдать и разбираться въ хаосѣ явленій, а затѣмъ стремиться на полотнѣ изобразить ихъ въ возможной примитивной простотѣ и гармоніи. Поэтъ-же, обратно, пророческимъ окомъ долженъ сразу уяснить себѣ духъ феномена, а затѣмъ уже по желанію придать ему ту или другую символическую форму. Примѣненіе этого принципа прерафаэлитами дало гораздо лучшіе результаты въ поэзіи, чѣмъ живописи, и дѣйствительно создало въ ней замѣчательную яркость и рельефность. Въ январской книжкѣ журнала были помѣщены статьи критическаго характера, поэмы Вульнера, сонеты Брауна; но самые лучшіе среди нихъ были, конечно, поэтическія произведенія Россети, а также его поэма въ прозѣ «Hand and Soul», носящая чисто автобіографическій характеръ. Молодой студентъ академіи въ Arezzo, Chiaro dell'Erma, съ другомъ своимъ (намекъ на Millais) преслѣдуетъ новые лучшіе идеалы въ искусствѣ. Въ талантливомъ, блестящемъ монологѣ, Россети вылилъ всю свою художественную profession de foi того времени. Въ послѣдующихъ №№ появляются «The blessed Damozel» Россети, его сонеты, баллады, статья Брауна «The structure of an historical Picture», діалоги объ искусствѣ Джона Орчарда (Orchard) и др.

Журналъ «Germ», переименованный впослѣдствіи въ «Art and Poetry», не получилъ большого распространенія и, за отсутствіемъ средствъ, прекратилъ свое существованіе. Но основатели его не унывали и бодро шли впередъ по разъ намѣченному пути.

Появившіяся въ 1850 г. на академической выставкѣ картины Millais «Христосъ въ домѣ родителей» и «Ferdinand lured by Ariel» вызвали полное недоумѣніе публики и цѣлую бурю ярыхъ нападеній въ литературѣ и критикѣ. Эти-же нападки коснулись и картины упавшаго нѣсколько духомъ Hunt'a «Христіанскій миссіонеръ». «Ecce Ancilla Do-

Digitized by Google

mini» (Благовѣщеніе) Россети совсѣмъ не была принята академическимъ жюри, а выставлена въ небольшой темной галлереѣ Portland. Появившаяся въ слѣдующемъ сезонѣ картина Hunt'a «Валентина» (изъ «двухъ веронцевъ Шекспира) подверглась чуть-ли не полной анаѳемѣ критики. Общій голосъ упрекалъ ихъ въ слишкомъ яркомъ реализмѣ, неестественности красокъ. Публика и критика не оцѣнили нѣсколько мрачнаго реализма картины съ одной стороны, и глубокаго символа обще-человѣческаго страданія и любви—съ другой.

Но среди общихъ нападеній раздался горячій голосъ защиты, поддержавшій въ минуты кризиса и сомнѣній крестовый походъ прерафаэлитовъ противъ англійской буржуазіи. Это безбоязненное, авторитетное признаніе глубокаго значенія новой живописи послышалось со стороны человѣка, знакомаго съ прерафаэлитами только по ихъ картинамъ, но который, невѣдомо для себя, пролилъ для нихъ новый свѣтъ. Это былъ Рёскинъ, напечатавшій весною 1851 г. въ защиту прерафаэлитовъ цѣлый рядъ писемъ въ «Times». Въ своемъ предисловіи къ позднѣйшему изданію этихъ писемъ, Рёскинъ говоритъ, что «задача художника проникать и изображать природу—*ничего не отбрасывая, ничего не выбирая, ничего не презирая*», при чемъ онъ прибавляетъ, что «правило это преслѣдовалось только небольшою группою художниковъ, вознагражденныхъ за свою искренность цѣлымъ потокомъ брани и насмѣшекъ».

Защита Рёскинымъ художниковъ Millais и Hunt'a, а затѣмъ большая дружба его съ Россети въ послѣдующіе года имѣли сильное вліяніе на поворотъ художественной критики въ сторону прерафаэлитскаго движенія, въ особенности-же художественнаго кружка города Ливерпуля—перваго англійскаго города, поддержавшаго возникающую школу. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ливерпульская академія вела полемику съ лондонскою по поводу прерафаэлитовъ. Черезъ 20 лѣтъ, въ Ливерпулѣ, на средства А. Уолькера (Walker), основана была богатая картинная галлерея, гдѣ одно изъ главныхъ мѣстъ занимала прерафаэлитская школа.

Въ то время какъ Millais и Hunt, поддерживаемые Рёскинымъ, борятся съ академическимъ направленіемъ, Россети переживаетъ внутреннюю душевную борьбу. Колебанія, сомнѣнія, разочарованія овладѣваютъ имъ и производятъ кризисъ въ его художественномъ развитіи. Масса обстоятельствъ наталкиваютъ его на мысль, что одностороннее увлеченіе религіозными сюжетами можетъ привести къ вреднымъ послѣдствіямъ, доводя религіозность до болѣзненнаго настроенія, примѣры чему онъ уже видѣлъ въ восторженныхъ, своеобразныхъ картинахъ Коллинсона («Отреченіе св. Елизаветы»). Здравый смыслъ Россети подсказываетъ ему, что нужно, кромѣ религіи, обратиться къ другому источнику—къ дѣйствительной жизни—и въ ней такъ-же, какъ въ литературѣ, ея выразителѣ, черпать новыя силы. Внутренній разладъ въ Россети происхо-

Digitized by Google

дитъ еще и отъ другихъ причинъ—главное, отъ неопредѣленности въ выборѣ дѣятельности. Въ немъ борется художникъ съ поэтомъ. Богатство его талантливой натуры, чрезмѣрная воспріимчивость чувствъ мѣшаютъ ему сконцентрировать свой геній. До 25-ти лѣтъ выборъ его все склоняется болѣе въ сторону поэзіи, и только въ 1853 г. онъ рѣшается признать живопись своею жизненною карьерою, отводя поэзіи уже второстепенное мѣсто (хотя часто и потомъ поэтическое творчество Россети беретъ верхъ и вполнѣ овладѣваетъ имъ).

Съ 1851 г. новыя вѣянія имѣютъ свое воздѣйствіе на Россети. Онъ знакомится съ лучшими поэтами того времени, Теннисономъ и Броунингомъ. Идиллическая поэзія Теннисона, свѣтлый идеализмъ Броунинга, его «théatre d'âmes» (по выраженію критика Саразена) открываетъ новый міръ для Россети. Броунингъ страстно вѣрилъ въ счастливую будущность человѣчества, въ его непрерывное стремленіе къ идеалу. Онъ являлся исключеніемъ среди индиферентовъ или разочарованныхъ того времени, считавшихъ страннымъ энтузіастомъ человѣка, смотрящаго на міръ, какъ на «a world as God has made it; all is beauty, and knowing this is love, and love is duty».

Не менѣе сильно овладѣваетъ умомъ Россети и Данте, волшебныя, величественыя видѣнія котораго изъ «Чистилища» и «Ада» такъ увлекали его въ дѣтствѣ. Трагичная жизнь автора, его трогательная любовь къ Беатриче въ особенности интересуютъ Россети и порождаютъ у него цѣлую массу набросковъ перомъ, виньетокъ, акварелей, почти всегда незаконченныхъ,—какъ и этюды къ лирической поэмѣ Броунинга «Kate the Queen», но и въ этомъ видѣ указывающихъ на глубину замысла и идеи. Къ этому-же времени относится знакомство Россети съ miss Сейдаль, впослѣдствіи его женой. Mis Сейдаль играла въ прерафаэлитскомъ братствѣ громадную роль, какъ модель, наиболѣе выражавшая идеи братства, т. е. соединеніе физической красоты съ духовной. Попала она туда совершенно случайно. Художникъ Деверель (Deverell), бродя по улицамъ въ поискахъ за моделью для картины «Viola», увидѣлъ ее черезъ окно магазина и пришелъ въ восторгъ отъ ея одухотворенной красоты, отъ ея правильнаго нѣжнаго овала лица, обрамленнаго чудными черными волосами. Онъ быстро съ ней познакомился, и появленіе ея въ студіи братства вызвало всеобщій восторгъ. Члены братства наперерывъ рисовали съ нея свои женскіе типы, а для Россети она сдѣлалась не только идеальной, но и дѣйствительной Беатриче. Ея изящество, тонкій умъ, доброта, темпераментъ—все очаровывало въ ней Россети и вызвало съ его стороны восторженное поклоненіе ей. Открывъ въ ней художественныя дарованія, онъ началъ съ ней заниматься, и вскорѣ появился цѣлый рядъ прелестныхъ прочувствованныхъ акварелей. Нѣкоторые критики находятъ, что полное преклоненіе Россети передъ красотою miss Сейдаль, взглядъ на нее,

Digitized by Google

какъ на воплощенный идеалъ, вредно отозвались на его живописи. Россети слишкомъ любилъ красоту этой женщины и вездѣ и всюду, во всѣхъ своихъ женскихъ моделяхъ (иногда очень удачныхъ) видѣлъ любимыя черты или ихъ варьяціи.

Подробное знакомство съ произведеніями Теннисона и Броунинга вызываетъ сильную перемѣну въ живописи Россети. Вдохновленный ихъ темами, онъ даетъ цѣлую серію картинъ, акварелей и этюдовъ blanc et noir, и въ періодъ 1851—58 года не создаетъ ни одной большой картины. Но акварели эти очень характерны, какъ указывающія на вступленіе Россети въ новый фазисъ дѣятельности — на путь чистаго идеализма. Кромѣ иллюстраціи поэмъ Броунинга и Теннисона, работаетъ онъ надъ сюжетами изъ Шекспира, Данте и даже надъ сѣверными легендами о «двойникѣ». Въ этихъ работахъ проявляется и взаимодѣйствіе талантовъ Россети, Hunt'а и Millais. Стефенсъ указываетъ на нѣкоторыя измѣненія въ техникѣ перваго, подъ вліяніемъ общихъ занятій съ товарищами. Отъ Millais онъ заимствовалъ особую легкость и нѣжность стиля, которой недостаетъ въ его первыхъ произведеніяхъ, отъ Hunt'а— тщательную обработку деталей и символизмъ. Также и Браунъ былъ не безъ вліянія на поворотъ Россети къ болѣе жизненнымъ, соціальнымъ вопросамъ. Его мощь и сила драматизма развивали и въ Россети стремленіе къ болѣе широкимъ замысламъ, къ болѣе глубокимъ темамъ. Особенно интересовалъ Россети вѣчный конфликтъ между нѣжнымъ самоотверженнымъ чувствомъ женщины и болѣе страстнымъ эгоистичнымъ чувствомъ мужчины, эта вѣчная борьба женственнаго съ мужественнымъ, развитіе ея и вліяніе на человѣчество. Эти задачи стремился онъ разрѣшить въ картинахъ «Hesterna Rosa» и «Found».

1853 годъ принесъ уже съ собою первые признаки распаденія братства. Томасъ Вульнеръ, къ большому сожалѣнію друзей, рѣшилъ эмигрировать и попробовать счастья въ Австраліи, такъ какъ въ Лондонѣ не могъ получить достаточнаго заработка. Его простыя, но добросовѣстно исполненныя картины, также какъ и скульптура, не имѣли особеннаго успѣха. Съ нимъ уѣхалъ молодой многообѣщающій скульпторъ Смитъ. Для того, чтобы порадовать чѣмъ-нибудь скучающаго далеко отъ родины друга, члены братства рѣшили послать ему свои портреты, писанные ими. Работа происходила въ студіи Millais, при чемъ исполненіе распредѣлили слѣдующимъ образомъ: портретъ Д. Россети рисовалъ Hunt, послѣдняго— Д. Россети; Millais рисовалъ портреты Стефенса и В. Россети, а его портретъ исполнилъ Hunt. Работы Россети въ портретной живописи, сравнительно съ другой, очень малочисленны. Принципъ прерафаэлитовъ — точно и вѣрно изображать природу, изображать ее такою, какою она представляется глазу художника—прямо противоположный академическому пріему. Изображая дѣйствительность, художникъ не передаетъ одну голую, сухую

Digitized by Google

внѣшность; его опытный, чувствительный глазъ видитъ больше и дальше, чѣмъ глазъ простого зрителя и поэтому его чистый реализмъ достигаетъ иногда высшей идеализацiи. Каждый хорошiй портретистъ—идеалистъ въ высшемъ значенiи слова, ибо долженъ настолько овладѣть формою, чтобы черезъ нее, посредствомъ ея, проникнуть въ духъ изображаемаго и изобразить его сокровенное «я». Для него внѣшность не болѣе какъ ключъ, разгадка внутренняго. Лицо не измѣнено по вкусу и желанiю художника, нѣтъ, оно лишь освѣщено извнутри тѣмъ свѣтомъ, который онъ сумѣлъ уловить, и чѣмъ вѣрнѣе прозрѣлъ художникъ, тѣмъ лучше портретъ. Каждый портретъ долженъ быть строго индивидуаленъ и въ то-же время общечеловѣченъ. Художникъ долженъ умѣть смотрѣть на личность сквозь призму человѣчества и опредѣлять ея роль и отношенiе въ немъ. Поддержку такому взгляду прерафаэлиты нашли у Рёскина въ его указанiяхъ на портреты Данте (Джiотто) и Саванаролы (Фра-Бартоломео).

Около 1854 г. вниманiе Рёскина было отвлечено отъ картинъ Millais и Hunt'а знакомствомъ съ Россети, перешедшимъ въ тѣсную дружбу. Во время первой защиты прерафаэлитовъ Рёскину мало были извѣстны работы Россети. Теперь онъ старался поправить этотъ пробѣлъ и послѣ личнаго знакомства съ нимъ и его картинами дѣлается его убѣжденнымъ и горячимъ покровителемъ до 1865 года, когда Россети вступаетъ въ свой третiй художественный перiодъ и развиваетъ не совсѣмъ согласныя съ принципами Рёскина теорiи. Этой дружбѣ съ Рёскинымъ обязаны мы большимъ развитiемъ Россети въ краскахъ и техникѣ. Къ этому времени относятся его лучшiе рисунки изъ цикла «Morte d'Arthur» Теннисона, а также и другiе, библейскаго содержанiя: «Праздникъ Пасхи въ Св. Семействѣ», «Матерь Божiя въ домѣ Iоанна» и первый набросокъ къ «Марiи Магдалинѣ у дверей фарисея Симона» и др.

Въ 1854 году братство совершенно распалось, отчасти благодаря чисто внѣшнимъ условiямъ—смерти любимаго художника Деввереля и отъѣзду одного изъ главныхъ руководителей, Hunt'а, на востокъ, гдѣ онъ, посвятивъ себя исключительно библейской живописи, хотѣлъ изучать и работать съ натуры. Но и не однѣ эти причины вызвали распаденiе, были и другiя, болѣе серьезныя, внутреннiя—начинающееся различiе въ стремленiяхъ и методахъ художниковъ.

Россети до нѣкоторой степени склоняется къ романтизму, Millais, избранный въ академiю, отходитъ отъ кружка. Одинъ Hunt остается до конца строго вѣренъ своимъ первымъ принципамъ, строго послѣдователенъ въ своемъ развитiи, только все мрачнѣе, все страстнѣе становится у него символизмъ христiанскихъ началъ. Онъ уѣзжаетъ въ Палестину и проводитъ тамъ одинокiе, долгiе 4 года, то въ Виѳлеемѣ, то Назаретѣ, Iерусалимѣ, чтобы здѣсь у первоисточника, въ окружающихъ людяхъ и природѣ, прочесть великую поэму христiанства.

Digitized by Google

Такимъ-же независимымъ и внѣ всякаго вліянія является и Мадоксъ Браунъ, который вмѣстѣ съ художникомъ Уотсомъ (Watts) внесъ въ прерафаэлитскую школу знакомство съ иностранными мастерами. Глубоко драматичный въ выборѣ моментовъ, сильный по выполненію, Браунъ никогда не увлекался неоромантизмомъ. Его лучшія картины—«Виклефъ, читающій свой переводъ Библіи» и «Чаусеръ при дворѣ Эдуарда III» (послѣдняя, проданная въ Австралію, была послана правительствомъ на парижскую выставку картинъ въ 1855 г.). Отъѣздъ Вульнера побудилъ Брауна нарисовать въ «The last of England» идиллію эмигрантской жизни, а появившаяся въ 1857 г. картина «Work» считается лучшею прерафаэлитскою картиною въ мірѣ. Браунъ умеръ недавно, въ октябрѣ 1893 г., и послѣдніе годы провелъ за работою фресокъ въ манчестерской Town Hall. По глубинѣ и серьезности Браунъ гораздо ближе изъ всѣхъ прерафаэлитовъ подходитъ къ Hunt'у.

За послѣдніе года, начиная съ 1860 года, Россети, какъ колористъ, достигаетъ замѣчательныхъ результатовъ. Онъ даетъ цѣлый рядъ женскихъ головокъ, одаренныхъ мистическою красотою и въ картинахъ преслѣдуетъ свой идеалъ: «Soul's beauty» въ «Body's beauty». Лучшая изъ его картинъ того времени «Beata Beatrix» (въ National gallery). Эта картина есть величайшее художественное выраженіе самаго глубокаго момента въ жизненной трагедіи Россети.

Итакъ, прерафаэлитское братство распалось, но вліяніе его слишкомъ сильно проникло въ общество, глубоко въ немъ вкоренилось; въ живописи, какъ и въ литературѣ, можно было встрѣтить впослѣдствіи много талантовъ, которые хотя и не принадлежали къ этому движенію, но были проникнуты его освѣжающимъ, будящимъ началомъ. Кромѣ прямыхъ послѣдователей его принциповъ въ родѣ Hugues, Collins, Windus, Martineau, можно назвать Cave Thomas, учителя живописи принца валлійскаго, напечатавшаго интересную монографію «Прерафаэлитизмъ на основаніи принциповъ христіанства» (1860), затѣмъ Wallis, съ его большою, трогательною картиною «Смерть Чаттертона» и Марка Антони—пейзажиста прерафаэлитовъ.

Прелесть прерафаэлитизма заключалась въ той свободѣ, въ томъ обширномъ полѣ дѣятельности, который онъ отводитъ *индивидуальному* методу, воспроизведенію *своихъ* идеаловъ, *своихъ* впечатлѣній. Лозунгъ его—«each for himself»—лозунгъ всякаго реформатора, который авторитетъ личной совѣсти ставитъ выше авторитета массы, системы. Пусть каждый самъ черпаетъ свое вдохновеніе, гдѣ онъ его находитъ. И каждый будетъ правъ, ибо, какъ говоритъ критикъ Hammerton: «искусство—такое обширное поле изученія, что никогда одинъ человѣкъ не можетъ исчерпать всей его правды».

Digitized by Google

II.

23-го мая 1860 г. Россети повѣнчался въ Гастингсѣ съ miss Сейдаль, въ продолженіе 10 лѣтъ горячо имъ любимой. Необезпеченное матеріальное положеніе художника, слабость здоровья miss Сейдаль—все заставляло откладывать свадьбу. Медовый мѣсяцъ провели они въ небольшомъ путешествіи по Бельгіи, а потомъ Россети привезъ свою давно желанную жену въ старый домъ въ Chatham Place, заново отдѣланный для этого радостнаго событія. Постоянная близость и общеніе съ дорогимъ существомъ глубоко отразились на работѣ Россети. Въ продолженіе двухъ лѣтъ безмятежнаго счастья онъ создалъ множество очаровательныхъ женскихъ головокъ. 2-го мая 61 года у Россети родился сынъ. Жена его долго не могла оправиться, однако къ августу того-же года здоровье ея значительно окрѣпло. Но несчастный случай—слишкомъ большой пріемъ лауданума послѣ сеанса — унесъ въ могилу въ февралѣ 1862 года эту чудную, высоко-одаренную женщину. Легко себѣ представить отчаяніе Россети. Онъ собралъ все написанное имъ за эти годы и положилъ въ могилу жены—символъ того, что все лучшее, чѣмъ онъ жилъ, ушло отъ него.

Когда Россети нѣсколько привыкъ къ своему горю, онъ сталъ рисовать въ память жены «Beata Beatrix». Начата была она въ студіи Брауна и окончена въ Шотландіи, куда Браунъ увезъ Россети для поправленія здоровья. По собственному выраженію Россети, ни одна картина не стоила ему столько труда, но и ни въ одной такъ блестяще не развернулись всѣ его способности.

Несчастье, постигшее Россети, сдѣлало положительно невозможнымъ пребываніе его въ домѣ, съ которымъ связывалось столько счастливыхъ и горкихъ воспоминаній. Поэтому онъ скоро переѣхалъ въ Chelsea, гдѣ чудный садъ доставлялъ ему большое развлеченіе. При устройствѣ новаго дома Россети выказываетъ громадный интересъ ко всевозможнаго рода коллекціямъ. Цѣлыми днями ждетъ онъ чего-нибудь замѣчательнаго въ темныхъ лавчонкахъ антикваріевъ. Въ этомъ домѣ его часто посѣщаютъ, даже одно время живутъ, его братъ, Свинбернъ, Мередитъ и другіе друзья, преимущественно изъ литературнаго міра, такъ какъ и самъ Россети все болѣе и болѣе склоняется къ поэзіи, какъ къ лучшему выразителю его душевной тоски; да и кромѣ того, потерявъ въ женѣ идеальную модель, Россети не хотѣлъ начинать рисовать, и только впослѣдствіи возможность имѣть моделями выдающихся по красотѣ и талантамъ женщинъ того времени опять вдохновляетъ его.

Въ 1866 г. Россети работаетъ надъ рисунками для оконъ въ церкви

Digitized by Google

Christchurch, и выбираетъ темою «Нагорную проповѣдь» [1]). Но здоровье его дѣлается все хуже; внутреннее горе подтачиваетъ его. Весь его темпераментъ способствуетъ этому самосгоранію. Онъ обладалъ фатальною способностью жить воображеніемъ, болѣе видѣніями, чѣмъ реальностью. Нервы работали слишкомъ напряженно, слишкомъ часто проводилъ онъ безсонныя ночи. Эти ночи, полныя горькихъ воспоминаній, нашли свое изображеніе въ сонетѣ «Sleeplessdreams». Пришлось прибѣгать къ дѣйствію хлорала, но, понимая весь вредъ этого средства, Россети нѣсколько разъ отвыкалъ отъ него, пока въ 1872 г. другая, не менѣе мучительная, нервная болѣзнь заставила его опять приняться за этотъ ядъ. Вмѣстѣ съ Вильямомъ Морисомъ онъ въ 69 г. посѣщаетъ Kelmscott, гдѣ вдохновленный воспоминаніемъ Шелли, пишетъ нѣсколько сонетовъ и картину «The bower maiden». Остальное время проводитъ опять въ Chelsea и въ 1871 г. оканчиваетъ картину «Dante's dream» (сонъ Данте), выставленную 10 лѣтъ спустя въ Ливерпулѣ и имѣвшую громадный успѣхъ.

Въ 1870 г., подъ вліяніемъ друзей, Россети впервые издаетъ сборникъ своихъ поэмъ и сонетовъ, между которыми находится его знаменитая «Blessed Damozel». Но результатъ появленія этой книги былъ совершенно неожиданнымъ и сильнымъ ударомъ для Россети. Незнакомый очевидно съ принципами Россети, съ его взглядами на физическую красоту, какъ на проявленіе Божества, критикъ обрушился на него, обвиняя въ желаніи дѣйствовать на низшіе инстинкты человѣка, на его чувственность и назвалъ его пророкомъ грубаго матеріальнаго движенія. Естественно, что для подобной религіозно-нравственной натуры, какою былъ Россети, этотъ приговоръ явился оскорбленіемъ. Онъ не искалъ популярности, славы, но горячо стоялъ за свою репутацію нравственно чистаго человѣка. Конечно, явились защитники, вступились друзья, появилась статья Свинберна «Under the Microscope», наконецъ самъ Россети выступилъ на столбцахъ журнала «Athenaeum». Но ударъ былъ нанесенъ. И безъ того плохое здоровье Россети не выдержало, нравственное горе, сознаніе непонятости привело къ сильному нервному разстройству, возобновилась безсонница, опять пришлось прибѣгать къ хлоралу. Онъ почти совсѣмъ удаляется изъ общества, избѣгаетъ новыхъ знакомствъ, изрѣдка только гоститъ у старыхъ друзей, но большую часть времени проводитъ въ своемъ домѣ, въ Chelsea, гдѣ кругомъ него собирается блестящее общество его послѣдователей и поклонниковъ. Окруженный вниманіемъ и любовью, онъ опять нѣсколько оправился, и занялся живописью. Въ 1875 году, Россети вмѣстѣ съ матерью и двумя, тремя друзьями, провелъ рождественскіе праздники въ Bagnor'ѣ. Это

---

[1]) Еще въ 1859 г. Россети пробовалъ свои силы въ этой отрасли декоративнаго искусства, исполнивъ для церковныхъ оконъ картины «Притча о виноградарѣ» и др.

Digitized by Google

пребываніе Россети вспоминалъ всегда съ большою любовью. Здѣсь впервые обратилъ онъ свое вниманіе на чарующее дѣйствіе моря. Странно, что этотъ чуткій человѣкъ раньше не придавалъ морю особеннаго значенія; объясненіе этого можно, пожалуй, видѣть въ томъ, что онъ не былъ пантеистомъ, а слишкомъ ушелъ въ человѣчность, въ личность. Теперь цѣлые дни проводилъ онъ на морскомъ берегу, наблюдая за бѣгущею волною, или любуясь безмятежнымъ просторомъ. Впервые углубился онъ въ созерцаніе моря и неба—этихъ двухъ символовъ безконечности. По своему міросозерцанію онъ не могъ быть спокойнымъ созерцателемъ, его слишкомъ интересовалъ вѣчный конфликтъ духа съ матеріей—человѣка съ природою. Въ Bagnor'ѣ Россети писалъ одну изъ своихъ символическихъ картинъ «Venus Astarta», въ которой стремился дать соединеніе таинственной, мистической чувственности Востока съ свѣтлымъ, научнымъ разумомъ Запада.

Несмотря на все ухудшающееся здоровье, Россети не покидаетъ работы и создаетъ въ свѣтлые промежутки замѣчательную романтическую балладу «The King's tragedy» и картину «Day-Dream», воспроизводящую портретъ Mrs. Моррисъ. Въ февралѣ 1882 года, почти разбитый параличемъ, Россети переѣхалъ къ другу своему, Седону, въ Birchington-on-Sea. Незадолго передъ смертью онъ сдѣлалъ маленькій этюдъ Іоанны д'Аркъ—трогательную аллегорію радостнаго состоянія его души, и безбоязненнаго ожиданія смерти, какъ избавленія. Дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, для которыхъ, какъ однажды сказала Джоржъ Элліотъ—смерть является спасеніемъ. 7 апрѣля ему стало хуже, и къ вечеру, за нѣсколько часовъ до смерти, Россети спокойно сказалъ окружавшимъ его постель: «Я думаю, я сегодня умру». Въ 9 ч. 20 м. того-же дня, онъ умеръ, съ радостью видя «въ темной бурѣ смерти радугу возрожденной души». Похоронили его въ Birchington'ѣ на маленькомъ сельскомъ кладбищѣ, и въ настоящее время много поклонниковъ и почитателей стекается поклониться его праху и посмотрѣть на домъ, въ которомъ онъ умеръ.

Такова была жизнь этого чуткаго до болѣзненности таланта. Эта чрезмѣрная чуткость и воспріимчивость была его радостью, и горемъ, она-же и свела его преждевременно въ могилу. Какъ эолова арфа, звучала его артистическая натура при малѣйшемъ вліяніи, малѣйшемъ впечатлѣніи и заставляла его иногда разбрасываться. Таковы-же были Шелли и Китсъ. Подобныя натуры слишкомъ глубоко видятъ реальность, проникая взоромъ въ самыя таинственныя нѣдра жизни и души, такъ что каждая счастливая минута отравлена у нихъ сознаніемъ будущаго возможнаго страданія.

* * *

Digitized by Google

Прерафаэлитское движеніе, вполнѣ своеобразное и оригинальное въ своемъ художественномъ выраженіи, вызвало въ Англіи, да и въ другихъ странахъ, безконечныя критическія статьи и толкованія. Стремились объяснить причину его появленія, характеръ, вліяніе. Одни видѣли въ руководидителяхъ движенія апостоловъ грубаго раціонализма въ религіозной живописи, другіе шли дальше, заподозрѣвая ихъ какъ орудій папизма, нѣкоторые считали ихъ картины подражаніемъ чувственному нео-язычеству поры Возрожденія. Въ 1857 году одинъ критикъ всѣми силами старался доказать полный атеизмъ произведеній прерафаэлитовъ, и критика эта является типическимъ выраженіемъ существующаго мнѣнія, что поклоненіе тѣлу непремѣнно влечетъ за собою профанацію души. Имѣя въ виду такое разнообразіе мнѣній, интересно прослѣдить, какія именно картины прерафаэлитовъ затрогиваютъ общіе всѣмъ религіямъ и культамъ вопросы, и какимъ образомъ это движеніе участвуетъ въ общемъ гуманитарномъ стремленіи слить всѣ частныя религіи въ одномъ всемірномъ, возвышенномъ и неустанно толкающемъ къ совершенству религіозномъ духѣ. Философія долга, такъ хорошо выраженная въ произведеніяхъ Элліотъ, примирилась въ поэзіи Теннисона и Броунинга съ идеей Бога и безсмертія. Какъ послѣдователи романтизма, прерафаэлиты находятъ Бога въ человѣчности, въ ея тріумфахъ и паденіяхъ, чувствуютъ его въ пробужденіи совѣсти и въ инстинктивныхъ порывахъ человѣческой любви. На Евангеліе они смотрятъ какъ на исторію борьбы, самотреченія человѣка въ его исканіи идеала. Христіанство въ глазахъ ихъ является толкованіемъ, результатомъ всемірнаго опыта человѣка, и поэтому они очеловѣчиваютъ легенду Христа, переносятъ ее въ реальный міръ. Millais видитъ Христа въ образѣ оборваннаго, худенькаго мальчика, ранившаго себѣ руку, Hunt—находитъ распятаго въ усталомъ отъ работы труженикѣ.

Россети воспроизводитъ возрожденное христіанство въ образѣ благороднаго поэта—Данте, вступающаго въ Vita Nuova, любовью побѣждающаго смерть.

Прерафаэлиты не отнимаютъ сіянія отъ Христа, но они окружаютъ сіяніемъ и каждаго страдающаго—больное дитя, вѣрнаго своей идеѣ мужа, полную любви и милосердія женщину, въ силу того, что сама человѣчность, ради которой Христосъ страдалъ и умеръ—божественна и всякое проявленіе ея носитъ на себѣ отпечатокъ Божества. Въ этомъ духѣ *мистическаго реализма*, гдѣ каждая внѣшность есть не болѣе какъ символъ проявленія духа, рисовалъ Россети свои картины «Благовѣщеніе», и «Дѣвственность».—(«Ecce Ancilla Domini» и «the Girlhood of Mary Virgin»).

Среди мирной семейной обстановки сидитъ молодая дѣвушка за пяльцами, рядомъ съ матерью, и вышиваетъ подъ ея наблюденіемъ бѣлыя лиліи по красному фону. Строгое, прелестное лицо ея дышитъ невинностью. Ваза съ цвѣткомъ лиліи—символъ ея чистоты — стоитъ на сло-

Digitized by Google

женныхъ книгахъ, на корешкахъ которыхъ виднѣются заглавія—названія добродѣтелей, главная между ними—состраданіе. Рядомъ—вѣтка терна, и семилистная пальма, со свиткомъ, на которомъ написано: tot dolores—tot gaudia. Красивый ангелъ—ребенокъ протягиваетъ ей лилію. Около балкона, у виноградной лозы работаетъ Іоакимъ, между листьевъ летаетъ голубь—обѣщаніе Духа Святого.

«Ecce Ancilla Domini» отличается отъ другихъ картинъ тѣмъ, что ангелъ является къ Дѣвѣ Маріи не въ моментъ молитвы, а во время сна. Въ бѣдной пустой комнатѣ, на плохой кровати сидитъ, какъ-бы еще въ полуснѣ, Марія и смотритъ на стоящаго передъ нею ангела, (на этотъ разъ уже не ребенка, а юношу), будто онъ продолженіе ея сна. Въ лицѣ ея выраженіе безсознательной еще радости, но въ то-же время прозрѣніе, предчувствіе будущаго горя заставляетъ немного склониться ея голову. Ангелъ протягиваетъ ей лилію. Въ открытое окно, черезъ которое виднѣется облитый мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ пейзажъ, влетаетъ голубь.

Какъ видно во всѣхъ картинахъ прерафаэлитовъ преобладаетъ символизмъ, въ особенности въ сюжетахъ изъ жизни Спасителя. Вездѣ и всюду видимъ мы пророчество крестныхъ страданій Христа. Картина Россети «The Passover in the Holy Family» (праздникъ Пасхи въ св. Семействѣ) изображаетъ мальчика Христа, бережно держащаго въ рукахъ чашу съ кровью агнца. Его грустный, странный взглядъ, устремленный на чашу, какъ-бы видитъ въ ней будущее страданіе. Въ глубинѣ Іосифъ съ Анною разводятъ огонь, а Марія отбираетъ горькія травы. Захарій мажетъ двери кровью агнца, а Іоаннъ Креститель на колѣняхъ завязываетъ Христу сандалію.

Но Россети, внося въ картины символизмъ, не переноситъ, какъ это дѣлаетъ Millais, исторіи Христа въ современную обстановку. Millais же, въ картинѣ «Христосъ въ домѣ родителей», (надѣлавшей столько шуму и такъ возмутившей всѣхъ въ 1850 году), даетъ намъ англійскіе типы и жизнь, руководствуясь мыслью произвести на зрителя впечатлѣніе страданія человѣка вообще во всѣ вѣка, а не отдѣльной личности. Воплотивъ исторію Христа въ современныхъ условіяхъ, Millais достигъ высшей точки реализма. Не менѣе интересенъ и символизмъ этой картины. Среди грязной мастерской плотника, гдѣ валяются щепки и инструменты, стоитъ оборванный мальчикъ, протягивая раненую руку Іосифу. Марія перевязываетъ ее кускомъ полотна, а Іоаннъ несетъ воды, чтобы облить рану, не вдалекѣ старуха убираетъ инструменты. Рана отъ гвоздя по серединѣ ладони Христа—прямое пророчество Его Распятія.

Но безъ сомнѣнія, наибольшаго впечатлѣнія достигъ Holman Hunt въ картинѣ «The shadow of death» (тѣнь смерти), соединившаго археологическую вѣрность съ символомъ Голгофской трагедіи (Hunt не даромъ

Digitized by Google

провелъ 4 года на мѣстѣ рожденія Христа). Мастерская плотника при солнечномъ закатѣ. Христосъ—усталый душою и тѣломъ труженикъ, стоя въ дверяхъ, протягиваетъ измученныя руки къ заходящему свѣтилу. Вся поза его говоритъ: «Я здѣсь передъ человѣчествомъ, лицомъ къ лицу съ трудомъ, горемъ, страданіемъ, но въ этомъ и залогъ радости». Тѣни отъ его протянутыхъ рукъ, падая на сложившіяся въ видѣ креста доски — производятъ впечатлѣніе Распятаго, а свѣтъ изъ небольшого окошечка сзади будто сіяніемъ окружаетъ голову Христа. Мать, не вдалекѣ разсматривавшая въ шкатулкѣ дары волхвовъ, съ удивленіемъ видитъ ужасное изображеніе. Это пророчество имѣетъ скорѣе общечеловѣческій смыслъ: символъ ежедневнаго распятія труженика, иногда не оцѣненнаго и работающаго впотьмахъ.

Но лучшею картиною Hunt'а считается «The light of world» (свѣтъ міра). Картина эта чисто идейная и не имѣетъ основаніемъ факта изъ дѣйствительной жизни Христа [1]). Здѣсь онъ представленъ въ видѣ странника, въ бѣлой одеждѣ пророка, на груди—священническій платокъ, на головѣ—царская корона, но въ нее вплетенъ тернъ. Христосъ держитъ фонарь и стучитъ въ дверь. Закрытая дверь съ грубыми гвоздями, вся обвитая плющемъ, и порогъ, заросшій терномъ и сорными травами — душа человѣческая Свѣтъ фонаря, по объясненію Рёскина—совѣсть, а свѣтъ, распространяемый терновымъ вѣнцомъ, — надежда на спасеніе. Фонарь освѣщаетъ тропинку, тоже заросшую сорной травой...

Но подобныя картины, полныя символа, требуютъ по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, цѣлыхъ объяснительныхъ статей, наименованіе не достаточно разъясняетъ ихъ, онѣ слишкомъ сложны по идеѣ. Россети говорилъ про одну изъ картинъ Hunt'а, что «великая душа человѣчества дрожитъ и вибрируетъ въ ней, какъ звукъ колокола въ лѣсу».

Россети въ своей религіозной живописи не пользуется въ такой мѣрѣ символистикою, но отводитъ ей мѣсто въ своихъ произведеніяхъ изъ царства романтической аллегоріи и классическаго миѳа. Его толкованіе глубокой душевной драмы искупленія, пробужденія совѣсти и возрожденія души нашло чудное выраженіе въ рисункѣ «Марія Магдалина у дверей Симона Фарисея». Улица въ шумный праздничный день. Марія, нарядная, весело спѣшитъ со своими друзьями на праздникъ. Вдругъ, проходя мимо дома Симона, она видитъ въ открытое окно кроткое лицо Спасителя. Подъ вліяніемъ неотразимой силы его грустнаго, всепрощающаго взгляда она вся перерождается. Сорвавъ съ головы вѣнокъ, спѣшитъ она къ дверямъ Симона. Возлюбленный старается ее удержать. Страстный

[1]) Тема ея—слова изъ Откровенія св. Іоанна, гл. 3, ст. 20. «Се стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною».

Digitized by Google

призывъ къ наслажденію и отвѣтъ кающейся женщины, красивой въ своемъ стыдѣ и побѣдѣ надъ собою, чудно выраженъ въ стихахъ Россети [1]). Лицо Магдалины было для Россети идеаломъ духовной красоты, какъ «Lilith»—образецъ физической красоты, а «Sibylla Palmifera»—интеллектуальной. Голова Христа въ картинѣ «Магдалина» (рисованная какъ говорятъ съ Burnes-Jones) замѣчательна, какъ единственное изображеніе Россети этой центральной фигуры христіанства. Христосъ Россети сильно отличается по концепціи отъ Христа Hunt'а. Послѣдній видитъ въ немъ мученика, вся жизнь котораго—распятіе. Россети-же представляетъ намъ скорѣе мечтателя поэта, галилеянина-идеалиста.

Есть еще картина Россети, на тему почти никогда не затрогиваемую другими членами братства. Это—«Распятіе». Онъ взялъ моментъ, послѣ возвращенія Божіей Матери въ домъ Іоанна Богослова. Въ окно виднѣется вдали Іерусалимъ, а оконная рама, пересѣкаясь, будто крестомъ легла на этомъ городѣ, и отдѣляетъ отъ него мирный пріютъ. Іоаннъ записываетъ евангеліе, а Матерь Божія привѣшиваетъ въ мѣстѣ пересѣченія рамъ, зажженный свѣтильникъ, изображающій какъ-бы свѣтъ истины и освобожденія, исходящій отъ головы распятаго на крестѣ Христа. Эта трогательная эмблема обѣщаетъ надежду и спасеніе черезъ страданіе и самоотреченіе. Въ этомъ примиреніи двухъ принциповъ, принципа Распятія, какъ элемента католической вѣры, и принципа воскресенія, возрожденія, какъ начала протестантскаго, высшая побѣда прерафаэлитовъ. Понятіе этихъ двухъ истинъ христіанства, необходимости страдать и увѣренность въ побѣдѣ, и въ побѣдѣ не *надъ* страданіями, какъ учитъ протестантское исповѣданіе, а *черезъ* страданіе—есть уже полное проникновеніе католической вѣры духомъ протестантизма и хорошо выражено у Россети и Гёнта.

Но для выраженія этой идеи прерафаэлиты черпаютъ свое вдохновеніе больше въ фактахъ изъ дѣтской жизни Христа. Примиряя, черезъ страданіе, человѣка съ Богомъ, художники стремятся найти также выраженіе его примиренія съ обществомъ. Россети, въ своей единственной церковной картинѣ «Поклоненіе Христу пастуха и царя», составляющій триптихъ въ Slandaff'скомъ соборѣ, изображаетъ ребенка Христа между Давидомъ пастыремъ и Давидомъ царемъ—какъ посредника между низшимъ и высшимъ.

Прекрасно выражена идея смерти, какъ переходнаго состоянія, какъ уничтоженія тѣла при безсмертіи духа въ картинѣ Брауна «The entombment» (положеніе во гробъ). Въ мрачныхъ, величественныхъ краскахъ видимъ мы все благородство человѣческаго тѣла, торжество надъ нимъ физиче-

---

[1]) При созданіи картины, Россети, какъ поэтъ, изливалъ свое настроеніе въ стихахъ, такъ что ко всѣмъ главнымъ его картинамъ есть соотвѣтствующіе сонеты.

ской смерти, тайну безсмертія, предчувствіе возрожденной жизни. Съ рѣдкимъ реализмомъ изображаетъ Браунъ смерть; женщины, наклонившіяся надъ тѣломъ, полны горя и отчаянія, но во всей атмосферѣ этого погребенія чувствуется легкое дуновеніе новой жизни, чувствуется побѣда и надежда, сознается, что тѣло еще не все, что оно только оболочка, «жилище жизни», а что истинная жизнь ушла куда-то...

Эти-же идеалы преслѣдовали прерафаэлиты и въ другихъ темахъ живописи. Великая драма человѣчества, разыгрывающаяся изъ вѣка въ вѣкъ, борьба страстей, исканіе идеала—все интересовало ихъ и заставляло искать проявленіе этого не только въ одной Галилеѣ, но и въ жизнерадостномъ язычествѣ грековъ, въ среднихъ вѣкахъ, въ ихъ восторженномъ, а затѣмъ мрачномъ мистицизмѣ, и въ жестокой прозѣ современныхъ условій. Картины Hunt'a «Awakening Conscience» и «Claudio and Isabella» не менѣе трогательны, чѣмъ «Марія Магдалина» Россети. «The Lady of Pity» и «Beata Beatrix» проникнуты тѣмъ-же глубокимъ набожнымъ чувствомъ, какъ и «Ecce Ancilla Domini».

Вездѣ художники ищутъ божественнаго происхожденія человѣка, вездѣ чувствуютъ существованіе нравственныхъ законовъ, сознанія отвѣтственности, вездѣ стараются найти проникновеніе физической природы человѣка его лучшимъ духовнымъ «я». Они видятъ, что жизнь человѣка не наслажденіе, а постоянная смѣна радостей и горестей, страстныхъ порывовъ и возвышеннаго просвѣтлѣнія.

Какимъ протестомъ противъ неумолимой судьбы, готовящей человѣку слезы и смерть, является на картинѣ Брауна горячій поцѣлуй Ромео и Джульетты при восходѣ солнца! Сколько трагизма въ картинѣ Millais «Офелія», гдѣ богатый спокойный пейзажъ является такимъ контрастомъ съ блѣднымъ лицомъ умирающей дѣвушки и какъ-бы смѣется надъ ея печальнымъ концомъ. Вообще, въ передачѣ одухотвореннаго пейзажа, въ умѣніи уловить безсиліе человѣка передъ непостижимыми ему, таинственными силами судьбы, Millais является лучшимъ среди прерафаэлитовъ художникомъ.

Въ иллюстраціяхъ поэзіи Теннисона, также какъ и въ изображеніи печальной исторіи Франчески изъ Римини—чувствуются у художниковъ требованія строгой нравственности, борьба долга и любви. Героическій образъ короля Артура, его жены Джиневры, преступная любовь къ Ланчелотту, легенда о чашѣ св. Граля—изображены со страстностью средневѣкового романтизма. Какой ужасъ, стыдъ, раскаяніе выражается на лицѣ Джиневры, въ картинѣ «King Arthur's Tomb» (Россети), когда она, всѣми уважаемая старая монахиня, на колѣняхъ передъ могилою Артура, видитъ духъ Ланчелота! Строгое сознаніе долга, предпочтеніе смерти измѣнѣ нравственнымъ началамъ находятъ свое прекрасное толкованіе въ картинахъ Millais «Гугенотъ» и Hunt'a «Claudio and Isabella».

Digitized by Google

рѣшимостью и убѣжденіемъ дышитъ лицо Изабеллы, когда на полное отчаянія замѣчаніе Клавдія, что смерть ужасна, отвѣчаетъ она: «да, братъ! Но жизнь безъ чести—ненавистна». Картина Millais «The Rescue» (спасеніе), изображающая отважнаго пожарнаго, среди дыма, огня, падающихъ балокъ, спасающаго трехъ дѣтей—цѣлая поэма героизма и долга.

Но не всегда человѣкъ силенъ, не всегда торжествуетъ. Бываютъ минуты слабости, онъ падаетъ и, если нѣтъ у него нравственной дисциплины, онъ не удерживается, падаетъ все ниже, погрязаетъ въ грѣхѣ. Тогда какая нибудь случайность, намекъ, пробуждаютъ проблески совѣсти и доставляютъ мучительныя минуты. Такая минута изображена въ неоконченной картинѣ Россети «Found» и «Awakening Conscience» Hunt'a. Первая изображаетъ несчастную дѣвушку, дошедшую до нищеты и позора, найденную умирающей на улицѣ Лондона, на разсвѣтѣ, деревенскимъ парнемъ, ея первою чистою любовью, который везетъ молоко на рынокъ. Вся гордость оскорбленнаго человѣка возмущается въ ней при его прикосновеніи, вспоминается все прошлое,—борьба, паденіе—и она, дрожа, отталкиваетъ его.

Но самымъ великимъ торжествомъ Россети въ преслѣдованіи идеала всепобѣждающей, торжествующей любви, любви, передъ которой и смерть безсильна, которая вся—страстное самоотреченіе и надежда, были картины его «Beata Beatrix» (Благословенная Беатриче) и «Our Lady of Pity». Въ первой картинѣ Россети изобразилъ не фактъ физической смерти Беатриче, а скорѣе ея предчувствіе. На балконѣ сидитъ Беатриче, полузакрытые глаза и все лицо выражаютъ глубокое спокойствіе, полное отрѣшеніе отъ всего мірского. Голова ея слегка приподнята, точно она чувствуетъ приближеніе таинственнаго вѣстника. На всей ея фигурѣ лежитъ отпечатокъ спокойствія, почти блаженнаго, только небольшія черточки у бровей и блѣдныя, раскрытыя губы указываютъ на физическую слабость. Въ сложенныя на колѣняхъ руки голубь кладетъ ей цвѣтокъ мака — символъ сна и успокоенія. Рядомъ солнечные часы указываютъ приближеніе рокового момента. На заднемъ планѣ, улица Флоренціи, гдѣ проходятъ Данте и Любовь. Послѣдняя держитъ въ рукахъ горящее сердце. Оба съ горемъ смотрятъ на восхищенную приближеніемъ смерти дѣвушку. Въ картинѣ на тему изъ «Vita Nuova», носящій названіе «Dante's Dream» и не безъ основанія считающейся лучшею картиною Россети—то-же содержаніе: смерть Беатриче, гдѣ Любовь, между лежащей мертвой Беатриче и любующимся ея красотою Данте—является какъ бы примиряющимъ началомъ жизни со смертью. «Our Lady of Pity» изображаетъ женщину, съ спокойнымъ состраданіемъ глядящую изъ окна на проходящаго въ слезахъ Данте тѣмъ божественно яснымъ взглядомъ, который можетъ успокоить горе человѣка, какъ взглядъ ма-

Digitized by Google

тери успокаиваетъ горе ребенка. Въ этомъ взглядѣ вылился высшій идеалъ любви, которая все переноситъ, все побѣждаетъ и является руководительнымъ принципомъ существованія.

Въ своихъ послѣднихъ картинахъ Россети даетъ намъ изображеніе лучшаго идеала женщины. Въ нихъ достигаетъ онъ той силы выраженія, въ примиреніи духовнаго міра съ физическимъ, которая сдѣлала его, по опредѣленію Рескина, «главнымъ интеллектуальнымъ основателемъ ново-романтической школы».

Можетъ быть, прерафаэлитовъ можно упрекнуть въ недостаткѣ техники, найти ихъ выраженія туманными, непонятными для массы. Но ихъ несомнѣнная заслуга—въ стремленіи примирить духъ съ матеріей, найти въ красотѣ жизни красоту духовную, въ проповѣди любви къ человѣку, хотя бы этотъ человѣкъ и падалъ на своемъ жизненномъ пути. Подобно Парацельзу въ поэмѣ Броунинга они видятъ законъ жизни въ прогрессѣ, совершенствованіе — въ стремленіи къ Божеству, которое помогаетъ «to trace love's paint beginnings in mankind, to know even hate is but a mask of love's, to see a grood in evil, and a hope in ill-success...

З. Вороновъ.

Digitized by Google

Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—1844 годахъ.

I.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ говорилъ, что въ Смирновой Гоголь видѣлъ кающуюся Магдалину и любилъ ее съ увлеченіемъ [1]). Мы имѣемъ теперь возможность провѣрить точнѣе это показаніе. Скажемъ, во-первыхъ, чтб какъ до нравственнаго перелома въ началѣ сороковыхъ годовъ Гоголь любилъ особенно Данилевскаго, такъ въ послѣдніе годы никто къ нему не былъ ближе Смирновой и ни о комъ онъ не отзывался съ такимъ пылкимъ восторгомъ. Языкову, не подозрѣвая о его неудачныхъ догадкахъ относительно своей будто-бы влюбленности въ Смирнову, онъ писалъ: «Это перлъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но, врядъ-ли, кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только *въ однѣ истинно страждущія минуты и ея, и мои узналъ ее.* Она являлась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ-ли чье-либо слово могло меня утѣшить, и подобно двумъ близнецамъ - братьямъ бывали сходны души наши между собою» [2]). Смирнову Гоголь хотѣлъ, какъ образецъ душевной красоты, изобразить передъ Языковымъ, Аксаковымъ и даже Шереметевой, своей «духовной матерью». Очевидно, онъ видѣлъ въ ней нѣчто больше кающейся Магдалины; хотя это опредѣленіе не лишено основанія, но оно недостаточно и односторонне: въ Смирновой Гоголь высоко цѣ-

---

[1]) «Русск. Архивъ», 1890, VIII, 115.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 192. Авторъ статьи о Гоголѣ въ «Русской Жизни» справедливо догадывается, что Гоголь имѣлъ въ виду Смирнову и въ приведенныхъ выше слѣдующихъ строкахъ одного письма къ Погодину: «Странное дѣло, не въ веселые часы, но въ минуты тяжкихъ душевныхъ страданій приходилось мнѣ сталкиваться съ людьми и проч. (см. «Русская Жизнь», 1892, № 78).

Digitized by Google

нилъ нравственныя стремленія, въ которыхъ *находилъ близкое отраженіе собственной духовной неудовлетворенности*. Въ Римѣ Гоголь засталъ Смирнову въ пыткахъ нравственнаго перелома, когда въ ней пробудилась жгучая потребность очистить себя отъ мутныхъ осадковъ многолѣтней безцѣльной великосвѣтской суеты и усвоенныхъ въ модномъ круговоротѣ привычекъ. Въ смыслѣ свѣтскихъ успѣховъ все возможное было давно достигнуто и извѣдано, все давно пріѣлось и возбуждало одно отвращеніе. Для натуры, болѣе поверхностной и мелкой, могла-бы служить немалымъ утѣшеніемъ торная колея внѣшняго представительства и почета, первенство въ тѣсной, окружающей сферѣ; но Смирнова не могла этимъ довольствоваться. Въ ея душѣ громко говорилъ благородный голосъ, настоятельно требовавшій исправленія и совершенствованія. Говоря о душевномъ состояніи Смирновой въ годы сближенія ея съ Гоголемъ, г-жа Черницкая дѣлаетъ ошибку [1]), главнымъ образомъ, въ томъ, что не видитъ разницы между отдѣльными эпохами жизни изображаемой личности и судитъ безъ всякой самостоятельной провѣрки, исключительно со словъ юнаго И. С. Аксакова, которому по самому его возрасту не могла еще быть понятна тогда сложная натура много пережившей женщины.

Объяснять увлеченіе Гоголя Смирновой побужденіями романтическаго характера, по нашему представленію, совершенно ошибочно; нравственная связь между ними основывалась исключительно на духовной почвѣ.

Такое впечатлѣніе неизбѣжно выносится изъ всей ихъ переписки. Притомъ если допустить такое упрощенное объясненіе отношеній Гоголя къ Смирновой, какое предлагаетъ г-жа Черницкая, являются необъяснимыми отношенія къ ней Самарина, котораго сильно плѣняла Смирнова и, конечно, не отцвѣтавшей, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, красотой. Обаяніе ея выдающейся рѣдкой природной красоты въ соединеніи съ блестящими дарованіями увлекало когда-то такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и кн. Вяземскій, не говоря о придворномъ мірѣ, но время красоты и блеска давно прошло, когда при первомъ свиданіи Смирнова, несмотря на несочувственныя Бѣлинскому убѣжденія, произвела впечатлѣніе на эту замѣчательную личность. Одинъ изъ современныхъ литераторовъ, вспоминая о Смирновой, выражается обыкновенно, что она была «очаровательна и умна, какъ бѣсъ» [2]).

Все это выносили изъ знакомства съ Смирновой люди не заурядные, и уже въ поздніе періоды ея жизни, да и самъ И. С. Аксаковъ не только въ позднѣйшемъ некрологѣ, но и въ юношескихъ письмахъ писалъ своему брату Константину: «Ради Бога, Константинъ, умѣрь твои выраженія

---

[1]) Въ своей статьѣ о Гоголѣ и Смирновой («Сѣверн. Вѣстн.», 1890, I).

[2]) П. И. Бартеневъ.—См. также, «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. I, стр. 226, 285, 299 и 333.

объ Александрѣ Осиповнѣ. Я никогда не позволю себѣ этихъ выраженій открыто и не перестану цѣнить хорошихъ сторонъ этой женщины» [1]).

II.

Не встрѣчая пониманія своего внутренняго міра въ большинствѣ друзей, Гоголь тѣмъ сильнѣе долженъ былъ привязаться къ тѣмъ изъ нихъ, которые почему-нибудь могли раздѣлять его взгляды. Приблизительно около времени начала сближенія Гоголя съ Смирновой онъ писалъ Данилевскому [2]): «Ты спрашиваешь, зачѣмъ я въ Ниццѣ, и выводишь догадки насчетъ сердечныхъ моихъ слабостей. Это, вѣрно, сказано тобой въ шутку, потому что ты знаешь меня довольно съ этой стороны: но съ недавняго времени узналъ я одну большую истину, именно—что знакомства и сближенія наши съ людьми вовсе не даны намъ для веселаго препровожденія, но для того, чтобы мы позаимствовались отъ нихъ чѣмъ-нибудь въ наше собственное воспитаніе». Вѣрный, высказанной въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ къ Данилевскому теоріи относительно внутренней и внѣшней жизни, Гоголь ставилъ теперь ему на видъ, что въ его переѣздахъ «климатическія красоты не участвуютъ» и что причина ихъ желаніе видѣться съ людьми, нужными душѣ» [3]). Къ такимъ людямъ онъ относилъ здѣсь преимущественно Смирновыхъ, Віельгорскихъ и, можетъ быть, Толстыхъ; но въ 1843 г. онъ могъ-бы отнести къ нимъ только первое изъ названныхъ семействъ. Свой взглядъ на отношенія къ Смирновой и другимъ друзьямъ Гоголь особенно ясно высказалъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ писемъ къ ней: «Въ послѣднее время, когда я ни бывалъ въ Петербургѣ или Москвѣ, я избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ. Мнѣ нуженъ былъ домашній монастырь. Вамъ это теперь понятно, потому что мы сошлись съ вами *вслѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи*, и потому имѣли случай, хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ, узнать другъ друга; но они этого не могли понять» [4]). Однако, Гоголь, все-таки не скоро могъ сойтись съ Смирновой и сближеніе подготовлялось имъ исподволь, хотя здѣсь могло и не быть расчитаннаго плана. Безъ сомнѣнія, при всей скрытности и самоуглубленіи, Гоголь не въ силахъ былъ таить про себя

[1]) «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. 1, стр. 398.

[2]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 66.

[3]) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, 66 и „Древн. и Нов. Россія“, 1879, 1, 60, 2 столб.

[4]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 103, см. также въ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди: «Если кто любилъ Гоголя до конца и не измѣнялся къ нему, такъ-то были люди, служившіе при дворѣ, люди такъ называемаго большого свѣта, а съ литераторами онъ постоянно былъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ». („Русск. Вѣст.“, 1862, 1, 83).

Digitized by Google

результаты происходившаго въ немъ душевнаго процесса и чувствовалъ потребность въ отзвукѣ родственной души. Сначала онъ завладѣлъ досугами Смирновой и увлекалъ ее картинами такъ сильно нравившейся ему итальянской природы, а затѣмъ сталъ ее посвящать въ таинства своего оригинальнаго міровоззрѣнія. Въ этомъ случаѣ онъ инстинктивно и вполнѣ естественно сталъ на ту дорогу, по которой во всѣ вѣка шли люди, выработавшіе свои религіозныя системы или этическія воззрѣнія и страстно ищущіе прозелитовъ, не по властолюбію даже, а просто въ силу непреодолимой душевной потребности подѣлиться найденными истинами. Свои взгляды Гоголь высказывалъ Языкову, Данилевкому, впослѣдствіи всему русскому обществу; нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ задумалъ посвятить въ нихъ и Смирнову и получилъ невольное притязаніе вторгаться въ ея интимный міръ. Сначала Смирнова была изумлена такимъ вторженіемъ и, отстраняя неумѣстное любопытство, выказывала досаду, сердилась, давала отпоръ [1]). Но привязанность ея къ Гоголю, довѣріе къ его искренней преданности и особенно собственное, душевное броженіе скоро взяли верхъ. Какъ это происходило, намъ поясняетъ самъ Гоголь слѣдующими строками письма къ Смирновой отъ 20-го апрѣля 1844 года: «Если я вамъ теперь могу сказать что-нибудь полезное»—говорилъ Гоголь,—«то вспомните, что для этого нуженъ былъ почти годъ пріуготовительнаго занятія, что мы прочли весьма многое, что̀ заставляетъ обнаруживаться душу: вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскали языкъ, на которомъ можемъ сколько-нибудь понимать другъ друга; вспомните также, что мнѣ нужно было много терпѣнія, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно въ этихъ отношеніяхъ, въ какихъ мы находимся съ вами, потому что на всякомъ шагу въ противопоставляли мнѣ безпрерывныя препятствія къ тому, и на вопросъ, относившійся сколько-нибудь до вашихъ сокровенныхъ душевныхъ обстоятельствъ и всѣхъ событій, съ ними связанныхъ, отвѣчали почти всегда словами: Зачѣмъ вамъ знать это? Вамъ этого не нужно знать» [2]). Но, добиваясь безусловной откровенности со стороны Смирновой, Гоголь платилъ ей, въ свою очередь, исключительнымъ довѣріемъ, доходившимъ до того, что ей только одной онъ былъ въ силахъ сдѣлать такое роковое признаніе: «Богъ, который лучше насъ знаетъ время всему, отнялъ на долгое время у меня способность творить. *Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ, и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и*

[1]) Внѣшнимъ поводомъ къ бесѣдамъ о религіи съ Смирновой послужили попытки княгини Зинаиды Волконской обратить ее въ католичество. («Русск. Стар.», 1888, VI, стр. 599).

[2]) Соч. и письма Гоголя, 11, стр. 67.

Digitized by Google

дурно. И много, много разъ тоска, и даже чуть-чуть не отчаяніе овладѣвали мною отъ этой причины» [1]). Правда онъ писалъ въ то-же время: «Слышу въ себѣ силу и слышу, что она не можетъ двинуться безъ воли Божіей» [2]). Вѣря Гоголю во всемъ, Смирнова вѣрила и его надеждамъ.

Когда Гоголь говорилъ, что лучшимъ средствомъ противъ душевныхъ невзгодъ считаетъ безкорыстную помощь ближнимъ, онъ нисколько не рисовался и говорилъ отъ души; это доказываютъ его отношенія къ Иванову, Шаповалову и др. Гоголь находилъ, что «эгоистовъ не было-бы вовсе, если-бы они были поумнѣе и догадались сами, что стоятъ только на нижней ступенькѣ, ступенькѣ своего эгоизма, и что только съ тѣхъ поръ, когда человѣкъ перестаетъ думать о себѣ, съ тѣхъ только однѣхъ поръ, онъ начинаетъ думать истинно о себѣ, и становится такимъ образомъ самымъ расчетливѣйшимъ изъ эгоистовъ».

Постепенно Гоголю удалось добиться отъ Смирновой почти полнаго довѣрія, а какъ происходилъ этотъ процессъ, можно приблизительно прослѣдить такимъ образомъ: прежде чѣмъ Смирнова стала ему свободно повѣрять сознаніе своихъ недостатковъ и дурныхъ поступковъ, она стала разсказывать Гоголю преимущественно то, что выставляло ее съ выгодной стороны. Гоголь напоминалъ ей [3]): «Самъ Богъ вложилъ въ душу мою прекрасное чутье *слышать душу:* источникъ многихъ моихъ радостей и наслажденій. Вотъ чему я обязанъ, если сколько-нибудь васъ знаю. А изъ вашихъ разсказовъ я узналъ, впрочемъ, одни только хорошія свойства вашей души. Вы распространялись передо мной только объ однихъ вашихъ хорошихъ поступкахъ, а о дурныхъ вы стали упоминать только въ послѣдніе дни вашего пребыванія въ Ниццѣ, и то вскользь, въ однихъ общихъ словахъ, безъ начала, безъ конца, безъ причинъ, безъ послѣдствій, въ загадочныхъ отрывкахъ, и сжимались въ ту-же минуту отъ всякаго моего запроса, такъ что нужно было перемѣнять разговоръ и обращаться къ другимъ предметамъ». Гоголь, разумѣется, оставался недоволенъ этимъ, но до времени ничего не показывалъ и, только убѣдившись въ силѣ и прочности своего вліянія, писалъ: «Нѣтъ, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякій день въ нихъ всматриваться, какъ въ зеркало; авось среди несправедливаго отыщется что-нибудь и справедливое» [4]). Такъ понемногу Гоголь увеличивалъ и расширялъ свое вліяніе на Смирнову и дошелъ, наконецъ, до задаванія ей наизусть псалмовъ, при чемъ въ случаѣ нетвердаго знанія говаривалъ тономъ укоризны: «не твердо!» и приказывалъ повторить. Въ скоромъ времени онъ сталъ руководить

[1]) Тамъ-же, стр. 174.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр, 79.

[4]) Тамъ-же, стр. 78.

Digitized by Google

ея помыслами и поступками, и когда степень его вліянія дошла до поразительныхъ размѣровъ, онъ, въ свою очередь, горячо привязался къ Смирновой. Но ошибочно было-бы думать, чтобы Гоголь не видѣлъ недостатковъ своего друга. Однажды онъ ей прямо сказалъ: «Мнѣ въ васъ не нравилось не то, что не нравилось многимъ, даже васъ любящимъ, то-есть, что вы слишкомъ строго судили другихъ и притомъ съ такими выраженіями, какъ можетъ говорить только святая, не сдѣлавшая сама ничего подобнаго. Не это мнѣ въ васъ не нравилось, но не нравилось то, что всегда почти выходило, что тотъ человѣкъ, о которомъ вы говорили дурно, или лично чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ самихъ, или оказалъ вамъ какое-нибудь пренебреженіе, неуваженіе, словомъ, что-нибудь примѣшивалось лично до васъ относящееся».

Заботясь о Смирновой, Гоголь принималъ въ ней всегда живѣйшее участіе. Отъ родственниковъ его я слышалъ, какъ однажды, гостя у своихъ въ Васильевкѣ въ 1848 г., Гоголь куда-то выѣхалъ изъ деревни и вдругъ, уже на половинѣ пути, что-то вспомнилъ и приказалъ вернуться домой. По возвращеніи, онъ тотчасъ отслужилъ въ церкви молебенъ о здравіи болящей рабы Божіей Александры и сейчасъ-же снова отправился въ путь.

Родственники догадались, что онъ молился за А. О. Смирнову.

III.

Чѣмъ больше Гоголь сближался въ Ниццѣ съ Смирновой и Віельгорскими, тѣмъ рѣзче выяснялся разладъ въ его отношеніяхъ къ остальнымъ друзьямъ. Не безъ основанія онъ отличалъ всегда въ числѣ близкихъ къ нему людей тѣхъ, которые высоко ставили его личныя нравственныя качества, отъ «литературныхъ друзей», преслѣдовавшихъ его своими навязчивыми притязаніями. Не имѣя возможности распутать гордіевъ узелъ своей наполовину вынужденной дружбы съ москвичами, Гоголь старался по крайней мѣрѣ внести въ нее долю искренности. Такія-же попытки дѣлались и съ другой стороны; но все это въ сущности ни къ чему не приводило. Потребности въ обмѣнѣ мыслей и чувствъ у Гоголя и его литературныхъ друзей почти вовсе не было, они писали другъ другу безконечные упреки и оправданія и, наконецъ, обмѣнивались соображеніями о денежныхъ дѣлахъ Гоголя, преимущественно въ виду практической необходимости, вслѣдствіе чего, напр. въ 1844 г., Гоголь почти вовсе не велъ съ ними переписки.

Если наши слова покажутся сомнительными или преувеличенными, то мы предлагаемъ убѣдиться въ ихъ справедливости при помощи свободнаго отъ предубѣжденій перечитыванія писемъ Гоголя, относящихся къ началу сороковыхъ годовъ, и особенно изъ письма къ Смирновой, напечатаннаго

Digitized by Google

въ VI томѣ сочиненій Гоголя, изданія г. Кулиша, на стр. 127—134. Гоголь говоритъ тамъ между прочимъ: «Всего, чтó произошло во мнѣ, не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіе странствованія, моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился съ другими родственнѣе и ближе, потому что уже душа слышала душу, и потому и знакомство завязывалось прочнѣе прежняго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мной прежде и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, но какая разница между тѣмъ знакомствомъ и вторичнымъ въ Ниццѣ! Не кажется-ли вамъ самимъ, что мы другъ друга какъ будто только теперь узнали» [1]).

Въ Ниццѣ Гоголь въ первый разъ вступилъ на ту стезю правственнаго руководительства, на которой оставался почти до конца жизни. Здѣсь онъ нашелъ аудиторію, готовую съ благоговѣніемъ прислушиваться къ его каждому слову и признавать его учителемъ жизни. Все это совершилось незамѣтно и постепенно. Сильное распространеніе обаянія Гоголя нельзя не приписать тому перерожденію, которое онъ произвелъ въ Смирновой. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, потому такъ беззавѣтно отдалась его вліянію, что ни въ комъ не встрѣтила такого глубокаго и безкорыстнаго участія, какъ въ Гоголѣ. Гоголь любилъ ее, зная всѣ ея недостатки [2]). Тщательно стараясь скрыть свои слабыя стороны, Смирнова вскорѣ имѣла случай убѣдиться, что дружба Гоголя сильнѣе, чѣмъ она могла думать. Такое участіе ее тронуло. Гоголь подалъ ей руку участія въ минуты недалекія отъ отчаянія, и этого она не могла потомъ забыть. Надо припомнить, что ея общество цѣнилось преимущественно за усвоенную долговременнымъ опытомъ придворной жизни, при богатомъ природномъ умѣ, свѣтскую обаятельность. И вотъ съ ней встрѣчается человѣкъ, въ задушевныхъ бесѣдахъ съ которымъ она могла отвести измученную душу! Впослѣдствіи она говорила Гоголю: «Вы мнѣ сдѣлали жизнь легкой: она у меня лежала тирольской фурой на плечахъ» [3]). Главная заслуга Гоголя въ ея глазахъ была въ томъ, что онъ показалъ ей цѣль въ жизни, и если она не могла идти твердымъ шагомъ по намѣченной дорогѣ, то все-таки получила нравственное успокоеніе въ сознаніи общей неподготовленности огромнаго большинства къ избранному ею великому пути. Отъ этого сознанія въ ея собственныхъ глазахъ поднялась ея личность и она нашла въ себѣ нѣкоторый запасъ бодрости, почти совершенно ее было оставившей. Гоголь уже въ Римѣ сдѣлался домашнимъ и необходимымъ человѣкомъ въ семьѣ Смирновыхъ, но еще сильнѣе они привязались къ нему въ Ниццѣ. Смирнова потомъ съ трудомъ переносила его отсутствіе и прямо гово-

---

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 130.

[2]) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, 104.

[3]) «Русск. Стар.», 1888, X, 137—138.

Digitized by Google

рила: «Мнѣ скучно и грустно! Скучно оттого, что нѣтъ ни одной души, съ которой-бы я могла вслухъ думать и чувствовать, какъ съ вами; скучно потому, что я привыкла имѣть при себѣ Николая Васильевича, и что здѣсь нѣтъ такого человѣка, да врядъ-ли и въ жизни найдешь другого Николая Васильевича»! [1]). Мы-бы желали, чтобы намъ привели такія прочувствованныя строки въ перепискѣ Гоголя съ московскими друзьями. О болѣе отрадномъ настроеніи Смирнова выражается такъ: «въ понедѣльникъ состояніе мое дошло до отчаянія, а вечеромъ солнце взошло, и съ тѣхъ поръ я счастлива, какъ въ лучшія счастливыя минуты, съ вами проведенныя въ Ниццѣ» [2]).

Относясь къ духовной жизни Смирновой съ величайшей симпатіей и необычайнымъ вниманіемъ, Гоголь неустанно производилъ наблюденія надъ ея личностью, привычками и наклонностями. Въ виду не вполнѣ согласныхъ характеристикъ Смирновой въ нашей литературѣ, не лишнее остановиться на анализѣ ея душевныхъ качествъ, сдѣланномъ такимъ великимъ знатокомъ человѣческаго сердца, какъ Гоголь. Мы не рискуемъ при этомъ впасть въ ошибку подъ вліяніемъ дружескаго пристрастія Гоголя, потому что онъ въ то же время высказываетъ Смирновой безпощадную правду. Гоголь зналъ хорошо ея впечатлительность и дѣйствіе на нее окружающей среды; ему случалось видѣть ее въ обществѣ такихъ прекрасныхъ и чистыхъ личностей, какъ С. М. Соллогубъ, и также въ пустыхъ разговорахъ съ ничтожными свѣтскими болтунами. Поэтому онъ съ большимъ знаніемъ дѣла совѣтовалъ ей: «Старайтесь, чтобы во всякомъ случаѣ вашъ разговоръ походилъ на тотъ вашъ разговоръ (sic), который вы ведете тогда, когда бываете окружены однѣми добрыми душами. Вы обыкновенно дѣлаетесь тогда совершенно другой, какой-то веселой и умной рѣзвушкой, говорливы неистощимо, и всѣмъ совершенно пріятно васъ слушать, хотя-бы рѣчь шла о совершенныхъ пустякахъ. Этотъ разговоръ вашъ ничуть не похожъ на то притворное любезничанье, которое иногда у васъ является тогда, когда вы бесѣдуете съ какимъ-нибудь истаскавшимся селадономъ, разсказывающимъ вамъ свои конфиденціи, куда онъ посадилъ весь умъ свой. Словомъ, случится-ли вамъ вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ, или изношеннымъ старичишкой, воображайте всякій разъ, что съ вами тутъ-же Софья Михайловна [3]), и все будетъ хорошо» [4]).

[1]) Тамъ-же, стр. 140. Маленькая дочь Смирновой. Надежда Николаевна, подмѣтила это и говорила потомъ о скукѣ жизни въ Калугѣ: «Quelle ville, mon Dieu! Maman est malade, parce qu'elle n'a personne pour causer avec elle; je sais, qu'a Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle était nerveuse». («Русск. Стар.“, 1888, IV, 67).

[2]) Тамъ-же, стр. 132.

[3]) Соллогубъ.

[4]) „Рус. Стар.“, 1888, X, стр. 95.

Digitized by Google

Наблюденія надъ Смирновой и размышленія по поводу ея поступковъ навели, наконецъ, Гоголя на тѣ мысли, которыя были имъ потомъ высказаны въ статьѣ: «Женщина въ свѣтѣ». По мнѣнію академика Тихонравова, письмо это было адресовано къ С. М. Соллогубъ. Въ настоящее время намъ извѣстно въ точности, что оно было написано сестрѣ ея, Аполлинаріи Михайловнѣ Веневитиновой [1]): такъ самому Гоголю, на основаніи, вѣроятно, словъ Плетнева, намекала другъ послѣдняго, А. О. Ишимова. Притомъ сама С. М. Соллогубъ въ одномъ изъ своихъ писемъ спрашивала у Гоголя, къ кому относится это письмо, изъ чего ясно видно, что оно было писано не къ ней [2]). Но высказанныя Тихонравовымъ соображенія остаются въ полной силѣ и являются лишнимъ подтвержденіемъ нашей мысли, что Гоголь сильно передѣлывалъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ» первоначальныя письма, соединяя иногда въ одномъ письмѣ мысли, когда-то выраженныя въ письмахъ разнымъ особамъ.

Начало замѣтнаго вліянія Гоголя на Віельгорскихъ можно отнести уже къ концу ихъ совмѣстной жизни въ Ниццѣ. Судя по перепискѣ, Гоголь сначала старался держаться въ сторонѣ отъ нихъ и заставилъ себя подозрѣвать въ недостаткѣ простоты и уже гораздо позднѣе сталъ считать ихъ близкими себѣ людьми. Зато онъ сталъ прямо считать Смирновыхъ и всѣхъ Віельгорскихъ и Соллогубовъ какъ бы за свою семью и, оправдываясь въ неисправной корреспонденціи, говорилъ: «моя семья становится, чѣмъ дальше, (тѣмъ) больше, и я не успѣваю даже отвѣчать на самыя нужныя письма» [3]); тѣмъ не менѣе вліяніе Гоголя на Віельгорскихъ было гораздо поверхностнѣе и слабѣе, чѣмъ на Толстыхъ и Смирнову. Въ мужской половинѣ семьи оно было очень ограниченно, и хотя, напримѣръ, Михаилъ Михайловичъ Віельгорскій также благодарилъ Гоголя за совѣты, оказавшіе ему «важную услугу» [4]), но никакого особаго тяготѣнія къ Гоголю не обнаруживалъ. Напротивъ, женскій персоналъ семьи придавалъ особенное значеніе всѣмъ его словамъ. Луиза Карловна Віельгорская находила, что Гоголь «много способствовалъ къ утѣшенію ея унынія» [5]), а Анна Михайловна съ чувствомъ гордости и свѣтлой надежды на будущее, приняла его предсказаніе о будущей своей полезной жизни и дѣятельности. Довѣріе къ словамъ Гоголя преодолѣло въ ней природную скромность и она не безъ самодовольства отвѣчала: «Вы говорите, что меня ожидаетъ жизнь полезная и возможность дѣлать много добра: дай Богъ, чтобы предсказанія ваши совершились. Всетаки,

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1890, VIII, 162.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 477—478.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 148.

[4]) «Вѣст. Европы», 1889, X, 477.

[5]) Тамъ-же, стр. 480.

Digitized by Google

Николай Васильевичъ, я не унываю: у меня очень много довѣренности къ вамъ, и хотя я думаю, что ваше обо мнѣ мнѣніе слишкомъ лестно, чтобы оно могло быть истиннымъ, но я утѣшаюсь мыслью, что съ вашимъ умомъ вы не могли совершенно ошибиться на мой счетъ» [1]).

Весною 1844 года Гоголю хотѣлось еще разъ видѣться съ Смирновой и о многомъ съ ней переговорить. Но судьба упорно мѣшала этому свиданію, въ которомъ Гоголь чувствовалъ настоятельную потребность. Сначала мѣстомъ встрѣчи назначался Франкфуртъ, имѣвшій то преимущество, что въ немъ пріятели могли видѣть также Жуковскаго [2]), а пока, въ ожиданіи этого счастливаго времени, они дѣятельно обмѣнивались письмами. Въ этотъ промежутокъ Смирнова получила отъ мужа письмо съ извѣстіемъ объ отчаяніи, которому предавался въ Петербургѣ ея другъ Перовскій, озабоченный дурными наклонностями, обнаруживавшимися въ его побочномъ сынѣ Алешѣ [3]). Къ тому-же Алеша былъ тяжело боленъ, и отецъ боялся его потерять. Не зная, какъ успокоить Перовскаго, Смирнова просила Гоголя написать ему и обратить его къ утѣшеніямъ религіи [4]), сама-же она старалась, по обѣщанію, послѣ каждой обѣдни, особенно въ праздничные дни, передавать ему свои впечатлѣнія. Она отдавала подробный отчетъ въ своихъ разговорахъ и встрѣчахъ и, въ свою очередь, получала упреки, совѣты и указанія. Поступки всѣхъ своихъ знакомыхъ она оцѣнивала теперь съ точки зрѣнія религіи и благочестія и большинствомъ оставалась недовольна. Напротивъ, съ увлеченіемъ недавней прозелитки она отзывалась съ восторгомъ о католическихъ и православныхъ проповѣдникахъ. Послѣдняя черта возбудила въ Гоголѣ безпокойство и онъ предостерегалъ ее: «Берегитесь даже въ божественное внести что-нибудь страстное» [5]). Предостереженіе было очень кстати, потому что Смирнова вдругъ стала придавать огромные размѣры происходившему въ ней перевороту и всему, что̀ было съ нимъ связано. Она думала уже о разставаніи съ земнымъ, какъ показываютъ слѣдующія слова: «Въ среду и сегодня была у обѣдни, и много плакала; это слезы не тѣ, которыхъ намъ надо желать, а еще земныя, слезы разставанія съ земнымъ и свѣтскимъ; все это должно перемѣниться» [6]). Но съ другой стороны въ душу Смирновой западали и сомнѣнія, напр., писала она, «состояніе моей души еще не ясное, по

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1889, X, 482.

[2]) См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 58, 64, 71 и „Русск. Стар." 1888 года, VI, 601.

[3]) См. «Русск. Стар.» 1888, VI, 604, откуда видно, что Перовскій былъ близокъ тогда къ самоубійству.

[4]) Тамъ-же, см. также письмо Гоголя къ Перовскому „Соч. и письма Гоголя", т. VI, 153—155.

[5]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 63

[6]) „Русск. Стар.," 1888, VI, 599.

Digitized by Google

минутамъ такая усталость, что кажется, будто мысль не долетитъ до Бога» [1]), или сравнивая себя съ Перовскимъ, она спрашивала Гоголя о своемъ душевномъ состояніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «У Перовскаго все чисто духовное, а не умственное: *совѣсть заговорила*, это его собственныя слова. У меня больше работаетъ умъ и страхъ; иногда меня пугаетъ то, что совѣсть меня не довольно мучитъ. Отчего это?» [2]). Приведенныя Смирновой строки изъ письма къ ней Перовскаго, въ которыхъ рѣчь идетъ именно объ угрызеніяхъ совѣсти, показываютъ ясно, что Смирнова, какъ умѣла, работала надъ своимъ совершенствованіемъ и что вопросы, касающіеся нравственности, въ самомъ дѣлѣ затрогивали ее. Замѣчая дѣйствіе своихъ словъ на нее, Гоголь приглашалъ ее пріѣхать, если не во Франкфуртъ, то въ Голландію. «Намъ—писалъ онъ—теперь придется много-много о чемъ поговорить; можетъ быть, теперь точно я буду вамъ, наконецъ, полезенъ» [3]). Оказывается, что въ своихъ обширныхъ письмахъ Гоголь не могъ высказаться вполнѣ передъ своимъ другомъ. Иногда онъ говорилъ въ нихъ знаменательными загадками, которыя раскрывалъ позднѣе; такъ въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1844 года онъ говорилъ въ первыхъ-же строкахъ: «любовь Божія безгранично-безмѣрна къ людямъ»; но къ чему относится это заключеніе, было имъ скрыто пока и объяснено уже въ письмѣ отъ 20 апрѣля, гдѣ снова повторены эти слова уже съ объясненіемъ ихъ [4]). Сказаны-же они были подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ полученныхъ Гоголемъ пріятныхъ писемъ, въ числѣ которыхъ было письмо отъ графини Віельгорской, настроеніе которой улучшилось послѣ извѣстія о рожденіи внука [5]), и кажется, отъ С. Т. Аксакова, котораго на основаніи второй половины письма, о которомъ мы говорили, Гоголь готовъ былъ считать близкимъ къ обращенію на путь истинный.

Продолжая свои поученія Смирновой, Гоголь усиленно налегалъ на неустойчивость ея характера. По мнѣнію Гоголя, Смирновой недостаетъ терпѣнія и выдержанности и она легко можетъ съ хорошей дороги склониться на иную. «Смотрите»—говорилъ онъ,—«вы все-бы хотѣли поворотить круто, все взять приступомъ, а не сдается—вы тотъ-же часъ назадъ, да и сами даже иногда давай подплясывать подъ дудку того, котораго вы прежде хотѣли заставить плясать. У васъ терпѣнія и въ маковое зернышко нѣтъ: все скачками да прыжками» [6]). Вотъ почему Го-

[1]) Тамъ-же, 601.

[2]) Стр. 606.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 71.

[4]) Ср. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 63 и 70. На первыхъ изъ этихъ писемъ г. Кулиша по ошибкѣ поставлена дата вмѣсто 7—17 апр. (См. «Русск. Стар.», 1888, VI, 598, 4 примѣчаніе).

[5]) См. «Вѣстн. Евр.» 1889, X, 479 и соч. и письма Гог., т. VI, стр. 64.

[6]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, 76.

Digitized by Google

голь, недавно вооружавшійся противъ увлеченія іезуитами, осуждаетъ теперь въ Смирновой рѣзкое порицаніе ихъ, вотъ почему онъ подвергаетъ анализу каждое ея слово и критикуетъ каждое выраженіе съ точки зрѣнія нравственно-религіозной. Тѣмъ болѣе необходимымъ ему кажется близкое свиданіе и онъ многаго ожидаетъ отъ него: «по крайней мѣрѣ»—говоритъ онъ—«страхи ваши насчетъ многаго пропадутъ» [1]). Но желанное свиданіе не состоялось, вслѣдствіе болѣзни няньки дѣтей Смирновой, задержавшей послѣднюю въ Парижѣ. «Въ Баденъ я не могу быть»—писала Смирнова на приглашеніе пріѣхать въ этотъ городъ для свиданія съ Гоголемъ и Віельгорскими:—«мы свидимся въ Голландіи» [2]). Но почему-то и это предположеніе не состоялось.

IV.

Заботясь о нравственномъ самовоспитаніи, Гоголь вовсе не устремлялъ своихъ попеченій о ближнемъ исключительно на личность Смирновой, но распространялъ ихъ по возможности и на многихъ другихъ, только его сношенія съ нею были дѣятельнѣе, постояннѣе, откровеннѣе и искреннѣе. Въ сущности главный принципъ всей нравственной науки Гоголя заключался въ поддержаніи въ близкихъ людяхъ душевной бодрости и благодарности Богу за самыя несчастья, которыя посылаются для блага самихъ страждущихъ. Всѣ остальные совѣты и наставленія Гоголя являются уже выводами изъ этого общаго положенія примѣнительно къ многочисленнымъ частнымъ случаямъ, встрѣчающимся въ жизни. Всего ярче высказывалась задушевная мысль Гоголя въ письмахъ къ тѣмъ выдающимся людямъ, которые были наиболѣе чѣмъ-нибудь удручены. Иванову, напр., онъ однажды прямо писалъ, что считаетъ его нервное раздраженіе спасительнымъ: «Прежде всего нужно благодарить за это Бога: оно не даромъ; оно посылается избранникамъ затѣмъ, чтобы умѣли они выше почувствовать многія вещи, чѣмъ онѣ есть,—затѣмъ, чтобы быть въ силахъ потомъ и другихъ возвести на высоту, высшую той, на которой пребываютъ люди» [3]). То-же самое повторяется въ каждомъ письмѣ къ Языкову.

Но аскетическая теорія Гоголя была особенно сурова для избранниковъ, къ числу которыхъ онъ относилъ, кромѣ подвижниковъ, поэтовъ и художниковъ. Эти люди должны были, по его мнѣнію, отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, пренебречь личнымъ счастьемъ и посвятить себя спасенію ближняго. Такъ Иванову Гоголь ставилъ на видъ, что для него непозволительны мечты о женитьбѣ. «Вы нищій»—говорилъ онъ, «и

---

[1]) Тамъ-же, 80.
[2]) «Русск. Стар.» 1888, VI. 603.
[3]) «Современникъ», 1858, XI, 146.

Digitized by Google

не имѣть вамъ такъ-же угла, гдѣ преклонить голову, какъ не имѣлъ его и Тотъ, Котораго пришествіе дерзаете вы изобразить кистью! А потому евангелистъ правъ, сказавши, что иные уже не свяжутся никакими земными узами» [1]).

Отъ людей обыкновенныхъ аскетическія требованія Гоголя были умѣреннѣе; имъ, напротивъ, предлагалось преимущественно успокоеніе. Такъ графинѣ Віельгорской, воспользовавшись рожденіемъ ея внука, Гоголь писалъ: «видите, какъ неожиданно посылаются намъ радости и даже съ такой стороны, откуда и не думали получить» [2]). Смыслъ утѣшенія заключался въ томъ, что женщинѣ, посвятившей себя семьѣ и болѣвшей ея невзгодами, указывалось противодѣйствіе горестямъ, за невозможностью отстранить ихъ, въ новомъ и неожиданномъ событіи изъ того-же круга семейныхъ интересовъ, почему Гоголь и заключаетъ свою рѣчь на данную тему словами: «Даяніе мы чувствуемъ слабо, а лишенія—сильно». Балабиной Гоголь также написалъ (не сохранившееся) письмо, въ которомъ утѣшалъ ее въ разлукѣ съ женихомъ. Все лѣто онъ находился въ сношеніяхъ съ гр. Толстымъ, съ Балабиной или, позднѣе г-жей Вагнеръ, такъ какъ въ этотъ промежутокъ состоялась ожидаемая свадьба. и посвящалъ имъ также свои заботы, о которыхъ мы можемъ пока судить только по отрывочнымъ даннымъ [3]).

В. Шенрокъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Тамъ-же. Хотя г-жа Некрасова, расходясь во мнѣніяхъ съ П. А. Кулишемъ, относитъ это письмо къ 1847 г., когда Гоголь былъ въ Остенде около начала августа („Вѣстн. Евр.“, 1883, XII, 630—631), но это не уничтожаетъ общаго значенія нашихъ словъ.

[2]) «Вѣстн. Европы», 1889, X, 480.

[3]) Объ отношеніяхъ Гоголя къ А. П. Толстому въ 1844, см. «Русск. Стар.», 1891, 3, 568—569 и сборникъ «Въ память С. А. Юрьева», 239—245. Письма къ Гоголю Балабиной въ 1844 г. пока неизвѣстны, но въ нашемъ распоряженіи находятся отвѣты на нихъ.

Новая французская школа въ музыкѣ.

Въ ноябрѣ прошлаго года французскій скрипачъ Исайе далъ чрезвычайно интересный квартетный вечеръ, посвященный произведеніямъ новой французской школы. Въ программу вошли имена Винцента д'Энди, Цезаря Франка и Габріэля Форе. Выборъ первыхъ двухъ композиторовъ былъ несомнѣнно чрезвычайно удачнымъ. Въ нихъ наиболѣе полно отразились всѣ выдающіяся черты новой французской музыкальной школы, ея лучшія desiderata и стремленія.

Ново-французы, въ лицѣ главнымъ образомъ д'Энди и Франка, поражаютъ наше вниманіе, помимо значительной талантливости, *оригинальной* концепціей своихъ сочиненій, *оригинальными* пріемами своего творчества.

Въ исторіи музыкальнаго искусства не было еще примѣра (исключая развѣ Вагнера) проникновенія тенденціи, преднамѣренности въ это «небесное» искусство. Нѣкоторыя произведенія д'Энди и Франка прямо удивляютъ своими рѣзкими контурами, своимъ суровымъ характеромъ, своимъ *грубымъ* выраженіемъ. Въ пользу того, что эти элементы не носятъ безсознательнаго характера у д'Энди и Франка, говоритъ величина ихъ таланта. Къ тому-же тенденціозность не является у разсматриваемыхъ композиторовъ насильственно привитымъ правиломъ, но какъ мы увидимъ далѣе, вполнѣ соотвѣтствуетъ всему складу ихъ душевной жизни, ихъ вкусамъ въ жизни, литературѣ и живописи.

Новая школа французской музыки стремится воскресить въ своихъ произведеніяхъ первобытный, замкнутый въ себѣ, суровый стиль музыки XVI и XVII вѣковъ, стиль тѣхъ primitifs, къ которымъ можно отнести Лассо, Жоскена де Пре, Габріэли, Шютца и др. Несомнѣнно, что этотъ духъ музыкальной старины, новые французскіе мастера облекаютъ въ совершенно новыя формы, вкладывая въ свои произведенія и всю экзотическую роскошь современной гармоніи, и богатство красокъ оркестро-

Digitized by Google

ваго колорита, прибѣгая, наконецъ, и къ пріемамъ программной музыки («Le chasseur maudit» и др. симфоническія поэмы Франка). Но намѣренная архаичность остается все-таки наиболѣе характернымъ моментомъ новой французской школы въ музыкѣ. Всѣ свои новшества, экзотическую гармонію и развитой симфоническій оркестръ, новые французскіе композиторы опять употребляютъ для одной главной цѣли: для болѣе рельефной передачи *духа*, родственнаго «примитивамъ», для болѣе рельефнаго выдѣленія музыкальной идеи. Они хотятъ воскресить *религіозный духъ въ новыхъ формахъ*.

Исторія музыки до сихъ поръ не знала примѣра, чтобы школа основывалась на возвращеніи къ старымъ образцамъ, какъ на самостоятельной цѣли. Во Флоренціи, въ концѣ XVI вѣка, дѣйствительно образовалось общество возрожденія античной греческой драмы. Но это общество—кружокъ Барди-Строцци—имѣло сначала чисто литературное происхожденіе и преслѣдовало болѣе литературныя и соціальныя цѣли хотя послѣдствія затѣянной имъ реставраціи были совершенно не въ его духѣ: выработалась опера съ преобладаніемъ музыкальнаго элемента, а не драма съ равноправіемъ всѣхъ элементовъ.

Въ одной лишь исторіи живописи, можно найти явленіе аналогичное съ новой французской школой въ музыкѣ: это англіиская школа живописи съ Росетти во главѣ, т. е. такъ наз. прерафаэлитская школа. Новые французскіе композиторы могутъ быть названы *прерафаэлитами въ музыкѣ*.

Школа эта могла явиться лишь результатомъ новыхъ теченій французской мысли конца XIX вѣка, теченій, давшихъ нео-романтиковъ Рода, Ростана, символистовъ Верлэна, Малармэ, Сара Пеледана и т. д. Въ нихъ сказались мистическія наклонности современныхъ французовъ. Въ музыкѣ этимъ литературнымъ произведеніямъ соотвѣтствуютъ напр. мистически-величественныя «Béatitudes», («Заповѣди блаженства», ораторія для соло, хора и оркестра) Ц. Франка, гдѣ чрезъ все произведеніе проходитъ идея Сатаны, побѣжденнаго Христомъ, и человѣчества, искупленнаго Спасителемъ. Сюжеты для своихъ произведеній новые французскіе композиторы выбираютъ или изъ области миѳологіи, или религіи, средневѣковой исторіи. Характерная черта ихъ также та, что для фактуры они ищутъ образцовъ въ Германіи, преимущественно у Вагнера, Брамса, Шумана, Баха. Прибавимъ наконецъ, что народно-національныя тенденціи остаются почти совершенно чуждыми разсматриваемымъ нами композиторамъ. Если кто изъ старыхъ французовъ можетъ считаться ихъ предшественникомъ, то это всего скорѣй Берліозъ, съ его угловатостью и грубостью гармоніи, бѣдностью формы, сравнительно съ содержаніемъ, съ величіемъ и чистотою идеи.

Digitized by Google

II.

Винцентъ д'Энди, родившійся въ Парижѣ въ 1852 г., происходитъ изъ интеллигентной и достаточной семьи. Отъ 1862 до 1865 онъ занимался на роялѣ у проф. Димера и изучалъ теорію музыки у Лавиньяка. Показавъ свои музыкальныя способности безупречнымъ интонированьемъ самыхъ трудныхъ мелодій, онъ доказалъ свой патріотизмъ, записавшись въ 1870 году въ ряды національной гвардіи и участвовавъ въ защитѣ Парижа отъ пруссаковъ. Но пушечная музыка не заставила его позабыть обыкновенную. Ободренный въ своихъ композиторскихъ начинаніяхъ авторитетнымъ уже тогда Цезаремъ Франкомъ, д'Энди серьезно работаетъ надъ композиціей, подъ руководствомъ послѣдняго. Отъ 1873 г. до 1875 г. мы застаемъ его въ парижской консерваторіи, въ органномъ классѣ. Проходитъ онъ этотъ курсъ блестяще, съ двумя наградами. Первое произведеніе д'Энди, которое услышала публика, была увертюра «Пикколомини» (Парижъ, 1876 г., оркестръ Паделу). Въ этой увертюрѣ, мало самостоятельной, господствуетъ еще сильное шумановское вліяніе; она впослѣдствіи передѣлана авторомъ. Лучшей вещью у д'Энди является «Trilogie de Wallenstein» (Op. 12) для оркестра. Начатая въ 1874 г. и оконченная въ 1880, она была исполнена въ Concerts Populaires у Паделу и въ другихъ мѣстахъ съ громаднымъ успѣхомъ. Необходимо констатировать въ этомъ произведеніи грандіозность общей концепціи и яркую индивидуальность. Болѣе родственными «Трилогіи» и близкими къ ней по достоинству явились: драматическая легенда «Chant de la Cloche» и симфонія въ sol для рояля и оркестра (ор. 25). Помимо творческой дѣятельности, д'Энди управляетъ хорами, за періодъ отъ 1873 — 1878, въ концертахъ Chatelet, а въ 1887 году ставитъ въ Эденѣ вагнеровскій «Лоэнгринъ». Многочисленныя путешествія въ Байретъ и Мюнхенъ на вагнеровскія представленія сильно повліяли на развитіе его эстетической личности, но тѣмъ не менѣе вагнеризмъ отразился лишь *внѣшне* на произведеніяхъ д'Энди, преимущественно на ихъ оркестровкѣ.

Любовь къ природѣ—доминирующая нота у д'Энди. Въ одномъ письмѣ (Іюнь 1887 г.) изъ Ardeche'а, (среди Севеннскихъ горъ), онъ говоритъ: «Я вижу, пока пишу, вдалекѣ снѣговыя вершины Большихъ Альпъ—и это немного освѣжаетъ, затѣмъ болѣе близко — горы Vercors'а, долину Роны... Чувствуется хорошо здѣсь, въ полномъ покоѣ и у *настоящаго источника всякаго искусства*». И природа отвѣтила д'Энди такою-же любовью. Она помогла ему возвыситься до сильнаго пантеизма въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Любовь къ ней создала, можно сказать, и симфонію въ sol (ор. 25), гдѣ всѣ контрапунктическія комбинаціи обвиваютъ лишь одну главную тему, тему простой горной пѣсенки, подслушанной въ Ardeche'ѣ.

Любя и читая болѣе всего художественную литературу, такихъ авторовъ, какъ Уландъ, Гофманъ, Поэ, Данте—д'Энди сильно увлекается и нашимъ Толстымъ, который, по его мнѣнію, олицетворяетъ столь любимый имъ типъ сѣверныхъ primitifs.

Въ живописи—если-бы онъ могъ, онъ вычеркнулъ-бы весь позднѣйшій Ренессансъ; напротивъ того, представители манеры до-рафаэлевской эпохи его привлекаютъ. Не менѣе онъ молится на старыхъ нѣмцевъ и фламандцевъ, какъ Бегамъ, Грюневальдъ, Гольбейнъ и др., и на возстановителей школы Боттичелли—англійскихъ прерафаэлитовъ.

III.

Цезарь Франкъ родился въ 1822 году въ Льежѣ (Бельгія). Сначала онъ занимался въ консерваторіи этого города; 15-ти лѣтъ, т. е. въ 1837 г., онъ вступилъ въ парижскую консерваторію. Здѣсь пробылъ онъ до 1842 года, занимаясь въ классахъ органа, фортепьяно и композиціи и получивъ нѣсколько премій на конкурсахъ и экзаменахъ. При конкурсѣ по роялю ему предложили разобрать à livre ouvert одну трудную вещь, онъ сразу транспонировалъ ее въ другую тональность. Такой tour de force поразилъ жюри и Франку досталась первая награда. Въ 1863 году, онъ получилъ мѣсто органиста въ церкви St. Clotilde (Парижъ); въ 1872-мъ же году—профессуру по органному классу въ парижской консерваторіи. Сохранился портретъ Франка, изображающій его сидящимъ предъ органомъ церкви St. Clotilde: руки на клавишахъ, глаза полузакрыты, кажется, какъ будто композиторъ слышитъ таинственные голоса съ неба. Ц. Франкъ умеръ въ 1890 г.

Будучи органистомъ, Ц. Франкъ культивировалъ болѣе всего церковную музыку. Произведенія его въ ораторіальномъ духѣ, какъ Ruth, Les Béatitudes и т. д.—заключаютъ въ себѣ лучшія страницы, написанныя имъ. Но и въ свѣтской музыкѣ имъ сдѣлано достаточно: симфоническія поэмы Les Eolides, Le Chasseur maudit и др., симфонія, квинтетъ и пр., и пр. принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ французскаго искусства. Франкомъ-же написаны двѣ неудачныя оперы: «Hulda» и «Ghisele». Лучшимъ произведеніемъ Франка является его «Béatitudes» (заповѣди блаженства)—ораторія для соло, хора и оркестра. Искупленіе Христомъ человѣчества — ея главная идея. Мы-бы прежде всего обратили вниманіе въ этомъ произведеніи на сильный образъ Сатаны, на высшій драматизмъ его гордыхъ протестовъ: (8-ième Beatitude) «A ma defaite mon pouvoir a survécu; je relève la tête. Non! Non! Je ne suis pas vaincu». Но мы-бы особенно подчеркнули «Troisième Béatitude», въ которой мать плачетъ надъ пустой колыбелью своего дитяти, сирота оплакиваетъ свое несчастье, супруги—разлуку, рабы требуютъ свободы! И все время звучитъ чарующій голосъ Христа, какъ-бы дрожащій въ

Digitized by Google

высшихъ сферахъ: «Heureux ceux, qui pleurent, car ils seront consolés». Грандіозное «Осанна» заканчиваетъ достойнымъ образомъ это въ высшей степени интересное произведеніе, въ которомъ музыка достигаетъ значительной образности и силы экспрессіи. Франкъ явился въ своихъ произведеніяхъ выразителемъ музыкальнаго прерафаэлитизма, хотя и не въ такой степени, какъ д'Энди: онъ раздѣлилъ свое увлеченіе между музыкальными primitifs и Бахомъ (церковныя композиціи Франка). Немалая его заслуга въ томъ, что, какъ сильный контрапунктистъ, онъ явился во Франціи разсадникомъ высшей музыкальной культуры, образовалъ цѣлую фалангу композиторовъ серьезной, высшей техники. Прибавимъ ко всему этому меланхолическій характеръ музы Франка и глубокую религіозную основу его творчества. Даже и въ области свѣтской музыки у него слышны тѣ-же «небесныя Осанны» и его стиль настраиваетъ на религіозный ладъ.

Мечтатель чистой воды, какъ-бы принадлежащій къ другому вѣку, Ц. Франкъ отличался удивительнымъ спокойствіемъ духа, симпатичностью, добротою. Ученики прямо боготворили его и называли le brave père Frank. Французскій маэстро не унывалъ, когда часто произведенія его не нравились большой публикѣ: ему достаточно было тѣснаго круга цѣнителей. Отсюда вытекало отсутствіе всякой зависти къ товарищамъ по искусству. По свидѣтельству Артура Кокара, написавшаго о Франкѣ интересный этюдъ, «одно изъ послѣднихъ его словъ передъ смертью относилось къ С. Сансу», «Самсонъ и Далила» котораго приводили его въ восторгъ. «Мы видимъ въ васъ одного изъ великихъ артистовъ этого вѣка» говорилъ Шабріэ на похоронахъ Цезаря Франка. «Въ васъ мы также теряемъ человѣка справедливаго и такого безкорыстнаго человѣка, который всегда давалъ лишь хорошій совѣтъ и говорилъ лишь добрыя слова.»

Такими рисуются намъ два выдающіеся композитора новой французской школы. При этомъ, если д'Энди можно назвать ея агитаторомъ, то Франкъ былъ ея направляющей силой въ теоретическомъ отношеніи. За его смертью главный нервъ школы порвался и съумѣетъ-ли д'Энди занять мѣсто автора «Béatitudes» — покажетъ время. Д'Энди смѣлѣе, его дѣятельность уже и теперь охватываетъ гораздо большій кругъ, чѣмъ у Франка; у послѣдняго-же больше консерватизма, менѣе разрыва съ недавнимъ музыкальнымъ прошлымъ. Но, какъ-бы то ни было, у нихъ все-таки одна общая цѣль, одно общее желаніе: какъ можно больше повысить значеніе музыкальной мысли.

А. Коптяевъ.

Digitized by Google

Златоцвѣтъ.

Петербургская новелла.

(Окончаніе).

XVII.

Если отъ храма Спасителя, мимо Пречистенскаго бульвара, который останется вправо, пойти прямо, то придется подыматься на гору. Улица съ подъемомъ не рѣдкость въ Москвѣ, гдѣ есть даже цѣлыя горы. Но петербургская извозчичья лошадка, считающая предѣломъ подвига взобраться на выгнутый мостъ Зимней канавки, вѣрно удивилась-бы и вознегодовала, если-бы ей пришлось тащиться по Остоженкѣ.

Налѣво булочная съ покачивающимся высоко на брандмауерѣ золоченымъ кренделемъ, направо какія-то захудалыя лавчонки, узкіе тротуары въ двѣ плиты. Въ самомъ началѣ улицы еще попадаются дома повыше; но послѣ бѣлой приходской церкви, налѣво, тянутся сѣрые, бурые, бѣловатые, розовые особнячки съ мезонинами, съ ватой въ потускшихъ окнахъ, съ покривившимся фундаментомъ, деревянной калиткой и купой деревьевъ съ другой стороны, надъ сѣрѣющимъ заборомъ. Никакой бѣдности не чувствуется въ этихъ старенькихъ особнякахъ. Да и живутъ въ нихъ не бѣдные люди. Тутъ вѣетъ довольствомъ, миромъ, тишиной, осѣдлостью, глубокой привычкой и закостенѣлымъ добродушіемъ.

Домъ Агриппины Ивановны Кирилловой, какъ значилось на почернѣвшей доскѣ, прибитой у воротъ, находился всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, по той-же сторонѣ. Напротивъ были мелочная лавка, посудная въ полусгнившемъ флигелѣ, правый бокъ котораго съ незапамятныхъ временъ какъ-то поднимался вверхъ, а наискосокъ, на вновь отстроенномъ кирпичномъ домѣ золотилась яркая вывѣска: «Бани».

Digitized by Google

Половину дома Агриппина Ивановна отдавала внаймы, уже давно, какому-то чиновнику, тихому, угрюмому вдовцу съ малолѣтней дочерью. Сданъ былъ и мезонинъ, тамъ поселилась пожилая портниха, тоже очень скромная,—безпокойныхъ жильцовъ Агриппина Ивановна не выносила.

На хозяйской половинѣ, состоявшей изъ пяти комнатъ и прихожей, все блестѣло, сверкало и лоснилось отъ чистоты: безпорядка, казалось, и случиться не могло. Геннадій Васильевичъ или Геничка, какъ называла его мать, занималъ двѣ комнаты. Одна, налѣво изъ прихожей, служила ему кабинетомъ и, главное, пріемной. Она, впрочемъ, была очень холодна, въ большіе морозы горю не помогала и желѣзная печка, спеціально устроенная. Другая комната, куда нужно было проходить черезъ довольно темную столовую и громадную, пустынную залу въ четыре окна, съ хвостатымъ роялемъ въ углу, исправляла должность спальни. Тамъ-же Геннадій Васильевичъ и занимался въ холодные дни.

Сама Агриппина Ивановна ютилась въ совершенно темной комнатѣ, за столовой. Напрасно сынъ уговаривалъ ее или прибавить одну комнату отъ жильцовской половины, или взять себѣ его спальню, Агриппина Ивановна увѣряла, что для спанья, чѣмъ темнѣе комната, тѣмъ лучше, а вязать и шить она можетъ отлично въ столовой, а то и въ залѣ, когда не дуетъ отъ оконъ.

По вѣнскимъ стульямъ, уставленнымъ вдоль зальныхъ стѣнъ, порою безшумно путешествовалъ громадный черный котъ, озираясь и сверкая желтыми глазами. У него былъ любимый стулъ у печки, дойдя до кооряго онъ останавливался, въ раздумьи пошевеливалъ хвостомъ, и, наконецъ, медленно устраивался и усаживался, поджималъ переднія лапы. Черезъ минуту отъ желтыхъ глазъ оставались однѣ щелки. Котъ мурлыкалъ такъ громко, что его можно было слышать изъ столовой, гдѣ Агриппина Ивановна большую часть утра проводила въ разговорахъ и спорахъ съ кухаркой Анной, которая имѣла фатальную наклонность все пережаривать и высушивать. Впрочемъ, благодаря неусыпной заботливости хозяйки, Анна понемногу излѣчивалась отъ этого недостатка.

Агриппина Ивановна была высокая, теперь слегка сгорбившаяся, женщина лѣтъ подъ шестьдесятъ, суховатая, дѣятельная, всегда въ темномъ шерстяномъ или ситцевомъ платьѣ, сшитомъ просторно. Бѣлые волосы, расчесанные на прямой рядъ, уходили подъ накрахмаленныя рюши совсѣмъ старушечьяго чепчика. Продолговатое лицо съ красивыми и добрыми морщинами и темные глаза, нѣжно и заботливо слѣдящіе за каждымъ движеніемъ Геннадія Васильевича—все въ ней казалось милымъ и располагало къ довѣрію. Геннадій Васильевичъ такъ привыкъ и къ этому лицу, и къ впалымъ глазамъ, всегда добрымъ для него, онъ и представить себѣ не могъ, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь нашелъ его маму несимпатичной, несовершенной. Они жили душа въ душу.

Digitized by Google

Зимнее солнце свѣтило теперь прямо въ окна залы, и блѣдные, желтые квадраты оконъ лежали на чисто-натертомъ полу, гдѣ отъ двери до двери тянулись суровые половики. Котъ, по обыкновенію, прикурнулъ у печки и неистово мурлыкалъ. Агриппина Ивановна только что была внизу, въ кухнѣ, и выдержала горячій споръ съ Анной по поводу перекипѣвшаго молока. Геничка не любилъ перекипѣвшее молоко. Агриппина Ивановна, немного успокоившись, вязала у окна въ столовой что-то длинное изъ толстой сосновой шерсти и прислушивалась къ заглушенному дверями говору въ холодномъ Геничкиномъ кабинетѣ.

Столъ давно накрытъ къ завтраку... И простудится еще Геничка, въ кабинетѣ сегодня не топили. Всѣхъ-бы этихъ студентовъ по-добру, по-здорову... И чего ходятъ? Вѣдь праздники, занятій въ университетѣ нѣтъ, всякому хочется отдохнуть, а они все равно покою не даютъ... Геннадій Васильевичъ, да Геннадій Васильевичъ... То да это... Добротой его безконечной пользуются...

Въ глубинѣ души Агриппинѣ Ивановнѣ льстила популярность сына среди студенческихъ кружковъ. Къ его занятіямъ, къ его уму и дѣятельности она относилась съ убѣжденнымъ благоговѣніемъ. Но когда студенты заставляли Геничку спорить въ холодной комнатѣ, что угрожало его здоровью, Агриппина Ивановна сердилась и сквозь гордое удовольствіе.

Послѣднее время она казалась слегка возбужденной и взволнованной. Между нею и Геничкой не было еще разговора, но она многое угадывала и многое предчувствовала.

Дверь изъ кабинета въ прихожую, наконецъ, отворилась и три молоденькихъ студента вышли, сопровождаемые Геннадіемъ Васильевичемъ.

— Такъ, пожалуйста, Геннадій Васильевичъ, не обманите насъ, просилъ самый тоненькій, съ блѣднымъ дѣвичьимъ личикомъ, надѣвая узкое пальто.—Ежели вы не придете, то что-же это? Преполовенскій и читать реферата своего не будетъ. Намъ, главнымъ образомъ, важны ваши возраженія, вы объясните намъ, почему, какъ вы сказали прошлый разъ, психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта...

— Позволь, позволь,—перебилъ другой, какъ видно очень горячій, уже успѣвшій надѣть пальто. Бѣлокурые, соломеннаго цвѣта волосы его растрепались, лицо было красно.—Ты совсѣмъ не о томъ. Это само собою, но у насъ должны быть, главнымъ образомъ, интересныя пренія по другому поводу. Рефератъ Преполовенскаго несомнѣнно затрогиваетъ дѣло. Основное положеніе Геннадія Васильевича какое? Какое? А вотъ какое: духъ, съ его формами воспріятія и познанія—есть то начало, изъ котораго объясняется внѣшній міръ, и на этомъ именно началѣ во всѣ времена стояла философія. Я-же имѣю на это возразить...

Digitized by Google

Осталось неизвѣстнымъ, что имѣлъ возразить пылкій студентъ, потому что громкій, какой-то неумѣлый звонокъ прервалъ его рѣчь. Звонила непривычная рука, не разсчитавшая усилія.

Студентъ остановился на полсловѣ, Агриппина Ивановна вздрогнула за своимъ вязаньемъ, хотя обрадовалась, что уйдутъ, наконецъ, несносные студенты.

Геннадій Васильевичъ, послѣ секунднаго испуга, снялъ крюкъ. На порогѣ стояла Валентина Муратова, немного смущенная, красная отъ мороза и ожиданія.

— Здравствуйте, Геннадій Васильевичъ,—проговорила она, протягивая руку молчавшему Кириллову.—Агриппина Ивановна дома?

Кирилловъ засуетился.

— Пожалуйте, пожалуйте, мама дома... Она будетъ такъ рада...

Студенты, увидавъ высокую даму, одѣтую пышно (чуть-ли даже не услыхавъ запахъ Grab-apple) сочли за лучшее, молча, ретироваться и, захвативъ шапки, тѣснясь въ дверяхъ, юркнули вонъ. Хозяину было не до нихъ.

Валентина Сергѣевна пріѣхала въ Москву недѣлю тому назадъ и остановилась въ гостинницѣ «Европа» на Театральной площади. Въ эту недѣлю она почти каждый день видѣла у себя Кириллова, они вмѣстѣ гуляли и ходили въ театръ. Но одинъ разъ Геннадій Васильевичъ пріѣхалъ къ Валентинѣ рано, послѣ двѣнадцати—и въ сопровожденіи своей матери. Валентина Сергѣевна была изумлена, поражена, даже удручена этимъ визитомъ. Она знала, что старуха никуда не выѣзжаетъ и не понимала, почему Агриппина Ивановна оказываетъ ей такую честь. Ее стала мучить мысль, что, можетъ быть, ей почему-нибудь слѣдовало первой поѣхать познакомиться съ m-me Кирилловой—и давно... Во всякомъ случаѣ, она на другой-же день рѣшила отдать визитъ, который чувствовала Валентина, мало удался. Агриппина Ивановна говорила о томъ, какъ неудобно и дорого жить въ гостинницахъ и оглядывала просторный нумеръ Валентины. А хозяйка, смущенная, молчала, не зная, какъ себя держать съ почтенной дамой, съ которой врядъ-ли у нихъ могло найтись хоть что-нибудь общее.

Одинъ Геннадій Васильевичъ, во время этого визита, былъ веселъ, доволенъ, естественъ и даже не замѣчалъ смущенья.

Какъ-бы то ни было—визитъ слѣдовало отдать, и Валентина отправилась на Остоженку, въ домъ Кирилловыхъ.

— Пожалуйте сюда, прошу васъ,—неловко и радостно суетился Геннадій Васильевичъ, помогая Валентинѣ снять кофточку.—Боже мой, какъ вы легко одѣты!—прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ заботливости.—Мама! гости! Валентина Сергѣевна къ намъ!

Digitized by Google

Хозяйка, неторопливо снявъ очки и положивъ вязанье, пошла навстрѣчу Валентинѣ Сергѣевнѣ.

— Здравствуйте, моя милая, очень вамъ рада. Милости просимъ, у насъ къ завтраку столъ накрытъ. Да что-же вы шляпочку-то не снимите? А кулебяку кушаете? Нѣтъ? Такъ я вамъ яишенку закажу...

Агриппина Ивановна дома была совсѣмъ иная, гостепріимство пересиливало всѣ ея симпатіи и антипатіи.

— Ради Бога, не безпокойтесь, я ужъ завтракала,—сказала опять смущенная Валентина, присаживаясь сбоку, на стулъ, и не вынимая рукъ изъ муфты. Положимъ, она не завтракала, но темная, непривычная столовая, какой-то особенный запахъ, который бываетъ только въ старыхъ деревянныхъ домахъ, немного холодныхъ, жирная кулебяка и кофе въ мѣдномъ кофейникѣ, даже сама хозяйка съ ея гостепріимствомъ, добрыми морщинами и бѣлымъ чепцомъ—все сразу оледенило ее и отняло, а не возбудило, аппетитъ.

— Ну, чайку? кофейку?—хлопотала Агриппина Ивановна.

— Выпейте чаю, Валентина Сергѣевна,—попросилъ Кирилловъ.— Мама все равно не отстанетъ. А вы согрѣетесь.

Валентина взяла чай. Чашки были бѣлыя, грубоватыя, чай очень крѣпкій и сладкій. Валентина не любила такой, но ничего не сказала.

Она смотрѣла сбоку на Геннадія Васильевича, съ аппетитомъ кушавшаго кулебяку, которую онъ запивалъ кофеемъ изъ стакана—и весь Геннадій Васильевичъ казался ей новымъ, другимъ, никогда раньше ею невиданнымъ. Онъ былъ въ сѣрой домашней курточкѣ и въ очкахъ— онъ занимался всегда въ очкахъ и теперь забылъ ихъ снять. Валентина въ первый разъ замѣтила, что у него не совсѣмъ красивыя руки, съ четырехугольными пальцами. Онъ ѣлъ такъ смачно и прихлебывалъ кофе такъ вкусно, что Агриппина Ивановна сказала:

— Вотъ, Геничка, я люблю, когда у тебя аппетитъ. Это тебѣ полезно. А то повѣрите-ли, дорогая моя Валентина Сергѣевна, займется онъ своими студентами, рефератами, философіями — и ничего не ѣстъ. Ровнехонько ничего. Я уже и такъ, и сякъ, Геничка, скушай! Нѣтъ, не ѣстъ, а все въ одну точку смотритъ. Да, тоже занятія-то, да умъ-то большой—ой, какъ опасны!

Валентина чуть замѣтно улыбнулась. Геннадій Васильевичъ не обратилъ особеннаго вниманія на слова матери. И она продолжала:

— А вы что-же, какъ своимъ помѣщеніемъ, довольны?

— Да... вѣдь это ненадолго...

— Ой, дорого, ой, дорого въ гостинницахъ жить! — проговорила Аграфена Ивановна, покачивая головой. — Мой Геничка, вотъ, напримѣръ, все въ Петербургѣ нынче ѣздилъ, такъ въ этихъ гостинницахъ— не дай Богъ!

Валентина, заподозривъ намекъ, вспыхнула, но Аграфена Ивановна съ простотой продолжала:

— Но, конечно, если вы ненадолго. Тутъ расчетъ небольшой.

— Все-таки еще недѣли двѣ пробудете?—вмѣшался Геннадій Васильевичъ, тревожными глазами посмотрѣвъ на Валентину.

— Право, ничего не знаю... Врядъ-ли двѣ недѣли... Дѣла мои понемножку устраиваются.

— А у васъ какія-же дѣла, ваши или братца вашего? Денежныя какія-нибудь?

— Нѣтъ... Лично мои... Жизнь свою хочу немножко измѣнить,— прибавила она вдругъ весело, взглянувъ прямо вь глаза Кириллову.— Такъ, можетъ быть, сложатся обстоятельства, что совсѣмъ въ Москву переѣду.

Кирилловъ покраснѣлъ. Онъ ее не понималъ, не могъ представить, какого рода у нея дѣла, и что она затѣваетъ. Теперешнія ея слова взволновали и испугали его. Спрашивать онъ не хотѣлъ и не смѣлъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ къ намъ, въ бѣлокаменную—подхватила Агриппина Ивановна.—Хорошее дѣло. А что жизнь мѣнять— тоже дѣло хорошее. Смотрю я на васъ, женщина вы молодая, красивая,—сколько лѣтъ во вдовствѣ, безъ дѣла, съ братомъ больнымъ... Какая это жизнь! И надо жизнь мѣнять, пока молодость.

— Вотъ и комплиментъ получили,—смѣясь сказалъ Кирилловъ.— О, мама у меня и наскажетъ! Она у насъ молодецъ!—И онъ шутливо и любовно поцѣловалъ старушку въ проборъ бѣлыхъ волосъ.

— Кушайте, кушайте еще чайку, — подхватила Агриппина Ивановна.—Вотъ сайка тепленькая—у насъ не купленная, домашняя. Геничка очень ихъ любитъ, домашнія сайки. Еще маленькимъ былъ, такъ любилъ. Охъ, Геня, Геня! Кто-то тебя успокоитъ, кто тебя согрѣетъ, присмотритъ за тобой, когда меня не станетъ! Вѣдь ты—какъ дитя малое.

— Ну, мама,—недовольнымъ тономъ возразилъ Геннадій Васильевичъ.—Что это вы? слава Богу, вы здоровы. Можетъ, я раньше васъ еще умру. И свѣтъ не безъ добрыхъ людей, авось, не пропаду.

— Эхъ, кабы видѣть мнѣ тебя пристроеннымъ, успокоеннымъ... Вѣрьте, Валентина Сергѣевна, сердце у меня болитъ за Геничку. У меня изъ восемнадцати человѣкъ дѣтей одинъ онъ остался, я его и выростила, выходила, а, вѣдь, какой слабенькій былъ—и на ноги поставила, и теперь на его таланты радуюсь! Безъ отца, при одной матери, а глядите—молодецъ вышелъ. Одно только—какъ я его покину!

— Да полноте, мама! Что это, какое у васъ сегодня настроеніе! Не хотите-ли мой кабинетъ посмотрѣть, Валентина Сергѣевна? Я покажу два очень интересныхъ изданія... Я говорилъ вамъ о нихъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь холодно въ кабинетѣ, Геничка, — вмѣшалась Агриппина Ивановна. Простудится еще гостьюшка дорогая. Я велѣла тамъ желѣзную печь затопить, да не знаю, нагрѣлось-ли.

— Я сейчасъ посмотрю,—поспѣшно проговорилъ Геннадій Васильевичъ и вышелъ.

Въ низкихъ комнатахъ онъ казался еще крупнѣе и костлявѣе, и привычка горбиться была замѣтнѣе.

— Вы все молчите, красавица моя, и ничего не кушаете,—начала Агриппина Ивановна, когда сынъ вышелъ.—А мнѣ Геничка разсказывалъ, что вы превеселая. Да обернитесь къ свѣту, дайте поглядѣть на себя. За этими вуалями ничего и не разглядишь. Охъ, ужъ барыни петербургскія, модницы! Ну, у насъ станете жить, къ нашимъ обычаямъ попривыкнете. У насъ все попросту. Я и сама простая старуха. И очень-бы мнѣ хотѣлось, милочка, чтобы вы меня немножко полюбили. Что Петербургъ, балы, да моды! У насъ такихъ модъ пустыхъ нѣтъ, за то у насъ сердце теплѣе, хоромы небольшіе—да не красна изба углами. Главное—любовь нужна, тишина, да миръ душевный, а пуще всего любовь. Безъ любви шагу не сдѣлать. А ужъ намъ, женщинамъ, сердце всего надобнѣе, безъ сердца, да безъ теплоты душевной—насъ и вовсе нѣтъ. Вотъ Геничка, напримѣръ, конечно у него занятія его, таланты... А у меня любовь къ нему, и не храни я Геничку—и таланты его, можетъ, пропали-бы... Онъ такой, ему помощница нужна, онъ къ семьѣ, къ ласкѣ привыкъ...

— Ай, ай! Что это такое?—вдругъ вскрикнула Валентина.

Кирилловъ входилъ въ комнату.

— Чего вы испугались, Валентина Сергѣевна?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

На колѣни къ Валентинѣ вспрыгнулъ громадный, мягкій, черный котъ и громко, настойчиво мурлыкалъ, требуя ласки.

— Ничего, это Васька, онъ не царапается,—сказала Агриппина Ивановна.—Какая-же вы нервная, голубушка моя! Даже поблѣднѣла вся. Это нехорошо такъ пугаться.

— Я не боюсь, но... ради Бога, возьмите его отъ меня. Я не люблю кошекъ.

Кирилловъ взялъ кота и осторожно посадилъ на стулъ.

Тѣмъ не менѣе котъ обидѣлся, поднялъ хвостъ вверхъ, какъ трубу, и мелкой рысцей, переставъ мурлыкать, отправился въ залу.

— Ай-ай-ай! Какъ-же вы тварь не любите? Тварь созданіе Божіе, тварь безсловесная, я ее жалѣю. Блаженъ, говорятъ, кто тварь милуетъ. У насъ на дворѣ сколько пришлыхъ собаченокъ живетъ. Не велю гнать, не могу. Пусть помои ѣдятъ. И удивительное дѣло, какая благодарность у твари...

Digitized by Google

— Я только кошекъ не люблю,—произнесла Валентина Сергѣевна, точно оправдываясь.—Собаки ничего, лучше. А кошки мнѣ съ дѣтства непріятны. Но я засидѣлась у васъ,—прибавила она, вставая.—Можетъ быть, я задержала васъ?

Агриппина Ивановна въ изумленіи даже руками замахала.

— Что вы, что вы! Куда вы? Да развѣ это можно! Останьтесь у насъ, снимите шляпочку, вотъ въ кабинетѣ у Генички книжки посмотрите, на роялѣ поиграете, потомъ и пообѣдаете у насъ.

— О, нѣтъ, я никакъ не могу,—съ испугомъ произнесла Валентина.—Въ другой разъ... Сегодня я очень занята, жду писемъ, кое-кто по дѣламъ придетъ... Сегодня я никакъ не могу у васъ дольше остаться.

Агриппина Ивановна долго уговаривала Валентину, Геннадій Васильевичъ тоже пытался просить, но тщетно.

Гостья стала прощаться.

— А книги что-же, Валентина Сергѣевна?—напомнилъ Кирилловъ.

— Въ другой разъ, простите, мой другъ. Теперь я очень тороплюсь.

— Вы взгляните, какая у насъ благодать, солнышко въ залѣ,—сказала Агриппина Ивановна.—Вы нашего домика совсѣмъ не видали. Просидѣли все время въ темной столовой.

Валентина заглянула въ залу. Солнце свѣтило сильнѣе и яркіе квадраты оконъ удлиннились. Котъ Васька уже сидѣлъ на своемъ привычномъ стулѣ и Валентинѣ показалось, что онъ злобно сверкнулъ желтыми глазами.

— Да,—сказала она тоскливо,—очень хорошо. Свѣтло, весело.

— И уютно, правда?—добавилъ Кирилловъ.

Каждая лишняя минута здѣсь увеличивала тяжесть въ груди. Эта тяжесть была почти физическая. Валентина задыхалась, низкіе потолки давили ее, отъ запаха остывающей кулебяки кружилась голова, широкое, шумящее платье задѣвало и сбивало половики—и подъ каждымъ стуломъ чудились Валентинѣ желтые глаза кота. Ей хотѣлось на воздухъ.

Мягкія старушечьи губы прильнули къ лицу Валентины. Аграфена Ивановна цѣловала ее отъ сердца, въ засосъ.

— Ну, Господь съ вами, идите, красавица моя, если нужно. Смотрите, буду ждать. Каждый день буду ждать. И если обманете, не скоро придете—сама я, старуха, явлюсь къ вамъ и заберу къ себѣ. Ужъ тогда совсѣмъ заберу, совсѣмъ...

И Агриппина Ивановна смѣялась добрымъ, тихимъ смѣхомъ, сама застегивая пуговицы на кофточкѣ Валентины.

— Смотрите-же, навѣщайте! Геничка мой все у васъ да у васъ, все на васъ смотритъ, а мнѣ завидно. А вы придите къ намъ—тутъ мы всѣ вмѣстѣ. Вмѣстѣ-то всегда лучше.

Digitized by Google

— Я провожу васъ, если позволите,—сказалъ Кирилловъ, торопливо надѣвая шубу.—Вы пѣшкомъ?

— Я пріѣхала на извозчикѣ, но теперь думаю пройтись. Зачѣмъ вы безпокоитесь, Геннадій Васильевичъ? Очень вамъ благодарна...

XVIII.

На морозѣ, на ясномъ солнцѣ, подъ скрипъ саней и людскихъ шаговъ—Валентинѣ стало легче. У нея голова шла кругомъ. Все такое неожиданное, непривычное, тяжелое. Чего хочетъ отъ нея эта пожилая, совершенно чужая женщина, которой она, Валентина, не можетъ нравиться, да и не нравится? Что ей нужно, зачѣмъ эти визиты, посѣщенія, угощенья, эта настойчивость? И Кирилловъ... Какой онъ другой! Какъ они сходятся съ матерью! Нѣтъ, нѣтъ, Валентина туда больше не пойдетъ, она рѣшила. Это тяжело—да и совершенно лишнее. Визитъ отдать слѣдовало, московскіе обычаи иногда странны; можетъ быть, m-me Кириллова считала себя обязанной познакомиться съ пріятельницей сына... Потомъ привычки гостепріимства...

Валентина успокаивала себя, но гдѣ-то глубоко въ душѣ у нея остались глухое безпокойство и вопросъ.

Она взглянула сбоку на идущаго съ ней рядомъ Кириллова. Внѣ домашнихъ стѣнъ онъ опять показался ей лучше, почти прежнимъ.

Они дошли почти до храма Спасителя, когда Кирилловъ сказалъ:

— Что-же вы молчите, Валентина Сергѣевна? Какъ вамъ понравилась мамуся? Въ первый разъ она себя не показала. Удивительный она человѣкъ! Какое благородство, истинное, какое самоотверженіе! Вы не знаете ея жизни.

— Да, хорошій человѣкъ...

— Святая!—съ одушевленіемъ подхватилъ Кирилловъ. — Я вамъ такъ говорю все это, Валентина Сергѣевна, потому-что... потому-что... вѣдь мы съ вами не чужіе...

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Валентины. Кирилловъ замѣтилъ это и поспѣшно прибавилъ:

— Повѣрьте, Валентина Сергѣевна, я, родной сынъ, смотрю на нее объективно порою—и удивляюсь ей, восхищаюсь! Это истинная женщина, идеальная, та, передъ которою мало стать на колѣни, та, которую въ молодости обожаютъ и передъ которой на склонѣ ея дней—благоговѣютъ. Мнѣ кажется, что многія женщины должны умереть отъ зависти, глядя на нее—тѣ, конечно, которыя понимаютъ, чѣмъ должна быть женщина, и стремятся къ достиженію идеала... Вы меня слушаете?

Валентина не слушала. Ей опять стало тоскливо и тошно. Она подумала, что это отъ усталости. На Волхонкѣ они взяли извозчика и поѣхали.

Digitized by Google

— Смотрите, Звягинъ!—сказала, на мгновеніе оживившись, Валентина, и поклонилась идущему навстрѣчу Звягину, который преувеличенно высоко снялъ шапку и проводилъ сани глазами.—Я не знала, что онъ въ Москвѣ.

— Какъ-же, я его встрѣтилъ на вокзалѣ,—отвѣтилъ Кирилловъ.

Онъ тоже вдругъ сдѣлался молчаливъ. Прощаясь съ Валентиной у подъѣзда Европейской гостинницы, онъ, неожиданно для себя, поцѣловалъ ея руку, въ ладонь, въ самый вырѣзъ перчатки, долгимъ и жаднымъ поцѣлуемъ. Валентина вспыхнула и отняла руку, хотя не очень рѣзко.

— До завтра,—сказала она.

Двери подъѣзда захлопнулись.

Кирилловъ постоялъ мгновенье въ раздумьи, потомъ повернулся и медленно пошелъ назадъ.

Едва повернувъ съ площади къ гостинницѣ Континенталь—онъ вдругъ опять увидалъ Звягина, который торопливо подошелъ къ нему.

— Вотъ какъ вы, вотъ какъ вы, Геннадій Васильевичъ,—съ нѣжной укоризной заговорилъ Звягинъ.—Сколько времени—ни разу не собрались ко мнѣ! Я у васъ два раза былъ, не заставалъ...

— Вы были? Мнѣ никто не говорилъ...

— Какъ-же, какъ-же... Тамъ ко мнѣ вышла такáя миленькая старушка въ чепчикѣ и сказала, что вы въ университетѣ...

— Это моя мать,—хмурясь, проговорилъ Кирилловъ.

— Ахъ, это ваша матушка? Извините, я не имѣлъ чести быть представленнымъ... Такъ вотъ ваша матушка и сказала... А когда-же вы ко мнѣ-то, Геннадій Васильевичъ? Право, даже обидно.

— Я непремѣнно какъ-нибудь.

— Да знаете что? Пойдемте сейчасъ. Это въ двухъ шагахъ. Въ Метрополѣ. Я вамъ кое-что покажу, поговоримъ...

— А вы съ вашей супругой?

— Нѣтъ, она еще не пріѣхала... Такъ идемъ, Геннадій Васильевичъ. Право, я чувствую потребность потолковать съ вами. Я всегда цѣнилъ вашъ ясный и точный умъ, вашу истинно тонкую логику. А сегодня въ особенности, мое настроеніе... Пойдемте!

— Пожалуй, пойдемте,—машинально согласился Кирилловъ.—Это, кажется, въ проѣздѣ?

Они повернули назадъ. Звягинъ спѣшилъ, Кирилловъ, длинный и мѣшковатый въ своемъ енотѣ, безъ торопливости слѣдовалъ за нимъ.

XIX.

Номеръ былъ большой, въ два окна, съ перегородкой, но темный, потому-что выходилъ не на улицу, а на какіе-то брандмауеры, и не

Digitized by Google

очень чистый. Занавѣси висѣли смятыми, кислыми складками, темносѣрый трипъ, цвѣта застарѣлой пыли, скрывалъ настоящую пыль. Сумрачный потолокъ напоминалъ географическую карту—такъ причудливо расположились чуть замѣтныя, извилистыя трещинки на древней штукатуркѣ. Солнце закатилось и сумерки, благодаря тусклымъ стекламъ, наступили ранѣе времени.

На столѣ у окна лежало нѣсколько книгъ и разсыпанный табакъ. Въ сторонѣ валялся коричневый чемоданчикъ съ развязанными ремнями. Изъ него небрежно торчало полотенце.

Кирилловъ медленно, даже методично, снялъ шубу, оставивъ на шеѣ сѣрый кашне, и, съ шапкой въ рукахъ, вошелъ въ комнату. Оглядѣвшись, онъ отодвинулъ кресло отъ овальнаго, преддиваннаго стола, покрытаго бѣлой вязанной салфеткой, и сѣлъ.

Звягинъ давно раздѣлся и теперь быстро, немного нервно ходилъ отъ угла до угла, волнуясь, пристукивая каблуками.

— Вотъ вы и у меня, дорогой Геннадій Васильевичъ!—воскликнулъ онъ преувеличенно весело, останавливаясь передъ Кирилловымъ.—Знаете что? Давайте, спросимъ обѣдать! Немножко рановато, но я сегодня не завтракалъ. И ѣсть-таки хочется.

— Нѣтъ, Левъ Львовичъ, я, извините меня, обѣдать никакъ не могу. Я недавно завтракалъ. Вы кушайте, я вамъ не мѣшаю. Только, я думаю, и дрянь вамъ здѣсь естественную подадутъ. Какой здѣсь столъ! Надо къ Тѣстову итти, вѣдь въ двухъ шагахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ здѣсь. Я думалъ, вы не откажетесь со мной... Ну, не бѣда, авось, что-нибудь и вы закусите, вина выпьемъ...

— Я рѣшительно ничего не пью.

— Неужели совсѣмъ ничего? Не вѣрю. Красное? Бѣлое? Шампанское, можетъ быть?

— Что вы, Левъ Львовичъ! Не безпокойтесь. Вотъ рейнвейнъ развѣ... Одинъ рейнвейнъ я еще ничего,—переношу...

Звягинъ позвонилъ и отдалъ черезъ долгое время вошедшему лакею съ салфеткой нужныя приказанія. Лакей казался засаленнымъ и тупымъ. Однако, приказанія понялъ и, опять черезъ очень долгій промежутокъ, во время котораго совсѣмъ стемнѣло и разговоръ не клеился, принесъ обѣдъ и вино.

На овальномъ столѣ горѣли теперь двѣ высокія свѣчи. Звягинъ сидѣлъ передъ приборомъ, на диванѣ, съ салфеткой на шеѣ. Кирилловъ смотрѣлъ на него и замѣтилъ, что онъ, хотя жаловался на голодъ, ѣлъ очень мало.

— Зачѣмъ вы велѣли три бутылки?—спросилъ Кирилловъ.—Ужъ слишкомъ много.

Digitized by Google

Звягинъ съ лихорадочной поспѣшностью схватилъ бутылку и сталъ наливать вино въ широкія, зеленоватыя рюмки. Желтое, блѣдное—вино отъ этого цвѣта стекла сдѣлалось еще блѣднѣе, нѣжнѣе и прозрачнѣе; только у краевъ, гдѣ падали лучи отъ свѣчей—загоралось жидкое, золотое пламя.

— Пейте, пейте,—говорилъ Звягинъ, поднося свою рюмку къ губамъ.—Что за много, три бутылки! И я люблю рейнвейнъ. Я думалъ, что мнѣ хочется ѣсть, а вижу теперь, что мнѣ хотѣлось вина. Ваше здоровье, Геннадій Васильевичъ! Всего хорошаго! Преуспѣвайте, процвѣтайте!

Кирилловъ выпилъ свой стаканъ и предложилъ здоровье Звягина. Кирилловъ пилъ рѣдко не потому, чтобы не любилъ вина, а просто какъ-то не приходилось. Товарищей у него почти не было, университетскіе разбрелись, остались все люди почтенные, серьезные... какъ, впрочемъ, и онъ самъ.

Теперь свѣтлый рейнвейнъ согрѣлъ его, отогналъ смутное, скучное настроеніе, которое грозило перейти въ тоску. И Звягинъ,—до этихъ поръ онъ былъ къ нему безучастенъ—сталъ больше интересовать его.

Обѣдъ кончился, теперь между ними стояли только зеленые бокалы, всегда полные. Звягинъ, положивъ локти на столъ, пристально смотрѣлъ на Кириллова ласковыми, потемнѣвшими глазами.

— Вы говорите, Геннадій Васильевичъ, что счастье зависитъ отъ насъ самихъ, что не можетъ быть несчастнымъ тотъ, кто этого не хочетъ и кто имѣетъ правильное воззрѣніе на міръ...

— Да, и повторяю: воззрѣніе, добытое путемъ твердыхъ и достовѣрныхъ научныхъ силлогизмовъ...

— Я радъ за васъ, дорогой Геннадій Васильевичъ. Я вижу изъ вашихъ словъ, что вы еще не были несчастны.

— И не могу, и не буду, если вы подъ этимъ словомъ подразумѣваете несчастіе внѣшнее, обусловленное внѣшними причинами. Свѣтъ и тьма—все идетъ извнутри. Остальное мы должны побѣдить.

— Увы, Геннадій Васильевичъ! Я не умѣю, подобно вамъ, рѣзко провести границу между внѣшнимъ и внутреннимъ. И многое, многое изъ того, что вы, быть можетъ, побѣдили-бы—заставляетъ меня страдать. Я не знаю васъ, иногда мнѣ кажется только, что я васъ угадываю... и я боюсь тогда, что вы ошибаетесь, что вы можете быть несчастнымъ... какъ я, потому что я очень несчастенъ. Мнѣ хочется быть откровеннымъ сегодня, простите меня. Я даже скажу вамъ, отчего я несчастенъ. Отъ красоты. Понимаете-ли вы, чувствуете-ли вы красоту такъ, какъ я? Имѣетъ-ли она надъ вами безпредѣльную силу, какъ надо мной? Во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ я живу—красота меня покоряетъ, я ея рабъ, я позволяю ей дѣлать

Digitized by Google

со мной все—я борюсь иногда, возстаю—и опять падаю, опять мучаюсь, и душа моя въ ранахъ.

— Вы говорите такъ образно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ обще, что я съ трудомъ улавливаю суть вашихъ словъ,—мягко возразилъ Кирилловъ.—Я не совсѣмъ понимаю, почему красота заставляетъ васъ страдать. Истинная красота гармонична, она можетъ только дать намъ вдохновеніе, поднять духъ на безконечную высоту, открыть пути къ познанію правды... Красота, какъ я ее понимаю, есть предтеча правды.

Звягинъ грустно усмѣхнулся.

— Красота гармонична?—повторилъ онъ.—Въ томъ-то и ужасъ, что красота можетъ быть не гармонична. Она можетъ противорѣчить себѣ въ самой себѣ, и все-таки это красота—только съ проклятіемъ, съ отчаяніемъ, со смертью.—Я чувствую глубокій разладъ міра, я хочу понять и побѣдить его... А вашъ міръ, Геннадій Васильевичъ, построенъ слишкомъ правильно, слишкомъ строго и ясно, линіи слишкомъ прямыя... Васъ красота ласкаетъ и вдохновляетъ къ стройнымъ и свѣжимъ мыслямъ... Меня она душитъ, ѣстъ мое сердце, возмущаетъ, изумляетъ широтой противорѣчій, соединеніемъ несоединимаго, вызываетъ на смертельную борьбу съ нею... И чувствуется, что та гармонія въ красотѣ, о которой вы говорите и которой жаждетъ душа—недостижима... И только потому такъ желанна... Недостижима для насъ, пока мы здѣсь, для міра, который мы видимъ... Въ здѣшней истинѣ— нѣтъ красоты, какъ въ здѣшней красотѣ—нѣтъ правды.

— Я положительно не согласенъ съ вами,—произнесъ Кирилловъ горячо—и всталъ съ мѣста.

Свѣчи дѣлались короче и освѣщали снизу его вдругъ покраснѣвшее лицо.

— Я не согласенъ,—повторилъ онъ.—Я почти не понимаю васъ, въ вашихъ мысляхъ нѣтъ послѣдовательности. Вы говорите о красотѣ, истинѣ, о понятіяхъ, уже обусловливающихъ гармонію—и вы ищете въ нихъ противорѣчій. Я вамъ сказалъ, что красоту считаю однимъ изъ путей къ правдѣ. Въ моемъ пониманіи красота и правда уже соединены. Одно безъ другого быть не можетъ. Вспомните великихъ дѣятелей литературы, науки: ихъ лучшія вдохновенія руководились лишь чувствомъ истины. Глубокому сердцу открывается міръ красоты и правды. Міръ, на который вы намекнули, сказавъ «не здѣсь»,—этотъ міръ и есть мой духъ. И въ этомъ мірѣ красота на вѣкъ соединена съ правдой въ полной гармоніи. Ничто жизненное не коснется этихъ отвлеченныхъ глубинъ. Я говорилъ вамъ, что всякія, могущія быть, внѣшнія воспріятія, въ обыденномъ смыслѣ слова, я не принимаю въ расчетъ. И когда мы затрогиваемъ вопросы столь важные для меня — смѣшно было-бы соединять ихъ съ жизненнымъ потокомъ.

Digitized by Google

Звягинъ опять улыбнулся печально.

— Мы просто говоримъ о различныхъ предметахъ, да и люди мы разные,—проговорилъ онъ.—Я, впрочемъ, васъ понимаю—только вы меня не хотите понять. У меня душа болитъ и плачетъ, Геннадій Васильевичъ. Простите, что я такъ говорю съ вами. Но я самъ, мнѣ кажется, только теперь понялъ, какъ я несчастенъ — и мнѣ хочется говорить объ этомъ. И еще мнѣ кажется, что я васъ очень люблю. Вы молоды... Вѣдь вы гораздо моложе меня? И я боюсь, что когда-нибудь теоріи ваши не выдержатъ напора жизни—и вы будете несчастны, какъ я. Вотъ, пью до послѣдней капли за то, чтобы этого не случилось. Мы—разные люди. Мы оба хотимъ справедливости, красоты, истины. Но я ищу съ борьбой, съ болью, со скрежетомъ зубовнымъ, съ проклятіями, не вѣря, что найду,—и кровь, и кости моего тѣла въ этой борьбѣ, и я уже порой не различаю, гдѣ духъ и гдѣ тѣло. А вы уходите искать Бога на вершины, гдѣ холодъ, ледъ и тишина. Вы его находите, не желая побѣды надъ нимъ... И если потокъ жизни становится слишкомъ своевольнымъ—вы сумѣете направить его теченіе. Хорошо, если это такъ. А если нѣтъ? Если между нами меньше различія, чѣмъ кажется? Если и васъ ждутъ мученія лжи, какъ ждали меня? Повѣрьте, если мы можемъ любить одну...

Онъ произнесъ послѣднія слова такъ тихо, какъ будто и совсѣмъ не произносилъ, потомъ вдругъ всталъ, прервавъ рѣчь почти на полусловѣ, и отошелъ къ стѣнѣ. Кирилловъ тоже стоялъ. Мгновенье они смотрѣли другъ другу въ глаза, молча. Кирилловъ, опираясь ладонью на столъ,—Звягинъ—плотно прижавшись къ сѣрой стѣнѣ, весь какъ-то съежившись.

И Звягинъ прервалъ молчанье первый.

— Это все оттого, что я васъ такъ полюбилъ, Геннадій Васильевичъ. Можетъ быть, я говорилъ вздоръ, забудьте его. Я самъ не знаю иногда, что я говорю, и мнѣ потомъ все сказанное—искренно кажется вздоромъ. Жизнь такъ разнообразна, что чѣмъ разнообразнѣе мысли о ней, разнообразнѣе и даже противорѣчивѣе—тѣмъ ближе мы къ отгадкѣ. Возможно, что и вы правы, возможно, что и я. Я все допускаю. Только, если мнѣ больно—я кричу и стараюсь избавиться отъ боли. Какъ избавиться—не все-ли равно? Вотъ вы сердитесь на меня теперь, Геннадій Васильевичъ. А вѣдь я скоро умру.

Кирилловъ вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ на собесѣдника. Онъ попрежнему плотно стоялъ у стѣны и почти сливался съ нею. Свѣчи мерцали, пламя прыгало —и останавливалось, и опять начинало прыгать, и неясныя очертанія таяли въ этомъ колеблющемся свѣтѣ.

— Вы умрете? Почему умрете?

— Такъ. Я знаю. Это рѣшено. Не помню, когда рѣшилось—даже

Digitized by Google

не представляю себѣ ясно, какъ это будетъ, но будетъ. Все въ туманѣ еще,—но знаю, будетъ. Я не хочу умирать, боюсь умирать... А между тѣмъ надо. Кольцо все уже, все тѣснѣе. Иногда я не думаю объ этомъ, но кольцо продолжаетъ сжиматься и, вспомнивъ о немъ, я вижу, что оно стало гораздо тѣснѣе. Что-нибудь надо сдѣлать, Геннадій Васильевичъ!

Кирилловъ вдругъ взялъ стулъ, поставилъ его прямо передъ Звягинымъ, близко,—сѣлъ и заговорилъ тихо, глядя прямо въ лицо собесѣдника блестящими глазами.

— Послушайте, я понимаю, о чемъ вы говорите, но это не должно имѣть мѣста. Мы различны въ нашихъ индивидуальныхъ особенностяхъ, но вы вѣрно замѣтили, что и точки соприкосновенія у насъ есть. Буду съ вами также откровененъ: я помню время, когда я самъ много думалъ о смерти, то-есть о... о самоубійствѣ. Какіе къ тому у меня имѣлись поводы—все равно, дѣло лишь въ томъ, что теперь, черезъ годы, я, исключительно путемъ логическимъ, дошелъ до убѣжденія, что подобныя мысли—плодъ несозрѣвшаго мозга. Я не могу съ вами въ нѣсколько минутъ пройти этотъ тяжелый и долгій путь. Но, повѣрьте, что у насъ есть защита отъ нашихъ мгновенныхъ слабостей, оружіе для борьбы съ ними. И эта защита — разумъ, умственное движеніе, философія. Философія сводитъ къ единству всю сферу человѣческихъ познаній, открываетъ новые горизонты для мышленія посредствомъ сочетанія тѣхъ истинъ, которыя добыты въ разныхъ областяхъ научнаго изслѣдованія. Философія закаляетъ нашъ духъ, какъ пламя закаляетъ сталь...

— Но, быть можетъ, не дѣлаетъ его гибкимъ, какъ сталь... замѣтилъ Звягинъ тихо.—Нѣтъ, Геннадій Васильевичъ, вы мнѣ теперь не поможете. Вы довольствуетесь высокими утѣшеніями, примиряясь, и даже мало думая о томъ, что волны жизненнаго потока мутны. А у меня каждая кость болитъ, мнѣ душно, тѣсно и страшно...

Онъ вдругъ отошелъ, точно оторвался, отъ стѣны, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, выпилъ залпомъ оставшееся въ бокалѣ вино и опустился въ кресло, гдѣ прежде сидѣлъ Кирилловъ.

Кирилловъ взглянулъ на него молча, поднялся, прошелъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, произнесъ онъ раздумчиво, какъ-бы говоря съ самимъ собою. — Нѣтъ. Все-таки вы, Левъ Львовичъ, такой человѣкъ... Вы себя никогда не убьете.

Глаза Звягина сверкнули злобой, какъ будто собесѣдникъ нанесъ ему оскорбленіе, котораго онъ давно боялся.

— Никогда? произнесъ онъ громче, измѣнившимся голосомъ, болѣе тонкимъ, срывающимся. — Почему вы это думаете? Какое право вы имѣете такъ думать?

Digitized by Google

Казалось, онъ отвѣчалъ не Кириллову, а себѣ, своимъ собственнымъ злораднымъ мыслямъ, знакомымъ и страшнымъ.

Кирилловъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Въ моихъ словахъ не было ничего оскорбительнаго для васъ, Левъ Львовичъ, проговорилъ онъ. Мое мнѣніе относительно самоубійства вы знаете. И мнѣ кажется, что вы никогда не рѣшитесь на такую вещь.

— А на что-же я рѣшусь? Что-же мнѣ сдѣлать, скажите, вы, счастливый человѣкъ?

Звягинъ вплотную подошелъ къ Кириллову и смотрѣлъ ему въ лицо темными, близко поставленными, глазами. Въ нихъ была и злоба, и отчаяніе, и какое-то истерическое любопытство.

— Вѣдь вы счастливый человѣкъ? продолжалъ онъ почти шепотомъ. Да? Вы ищете счастья на высотахъ духа, а жизненное счастье приходитъ къ вамъ само... Не правда-ли? Приходитъ? Скажите. Я хочу знать. О, есть области, гдѣ я тоньше, хитрѣе, сильнѣе васъ. Тамъ, гдѣ вы видите гармоничное сліяніе правды и красоты — я открою вамъ такія тайны противорѣчій, уродства, тьмы, лжи... Хотите? Или вы боитесь? Или вы слишкомъ увѣрены въ себѣ? Смотрите, идите осторожно. Что, если вы будете несчастны, какъ я? Я боюсь этого, потому что я чрезвычайно полюбилъ васъ, дорогой Геннадій Васильевичъ...

Кириллову сдѣлалось непріятно и жутко отъ этого безсвязнаго, задыхающагося шепота, такого вкрадчиваго въ послѣдней фразѣ. И возбужденное лицо около его лица, было ему непріятно. Онъ отшатнулся, смущенный, взволнованный, слегка вздрогнувъ.

— Я не понимаю васъ... пробормоталъ онъ.—И не хочу понять. Вы разгорячены, Левъ Львовичъ. Нашъ разговоръ слишкомъ затянулся. Да и я совсѣмъ увлекся. Вѣрно, ужъ очень поздно...

Онъ взглянулъ на часы.

— Ой-ой-ой, какъ я опоздалъ! Не выйдемъ-ли мы вмѣстѣ? Свѣжій воздухъ...

Звягинъ между тѣмъ отошелъ, сѣлъ опять въ кресло и положилъ темную, коротко остриженную голову на руку.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ глуховато, я не пойду. Я здѣсь останусь.

— Такъ до свиданья. Всего хорошаго.

Кирилловъ взялъ кашне и шапку.

— А право-бы прошлись. Что-жъ тутъ сидѣть. Воздухъ спертый.

— Нѣтъ. Прощайте. Можетъ, и не увидимся больше. Вы такъ мнѣ и не сказали...

— Чего?

— Что вы очень, очень счастливы... Тѣнь пробѣжала по лицу Кириллова. Онъ не отвѣтилъ.

Digitized by Google

— Да не надо. И не важно теперь. Потомъ узнаю.

Кирилловъ молча обернулся и вдругъ увидалъ на столѣ у окна, около папиросъ, маленькій, почти дамскій, револьверъ, довольно старый.

Кирилловъ невольно протянулъ руку и поднялъ револьверъ.

— Вотъ это... Вашъ? спросилъ онъ, какъ будто револьверъ могъ принадлежать кому-нибудь другому, кромѣ Звягина.

— Да,—мой. Онъ всегда со мной. Уже лѣтъ десять, двѣнадцать. Будьте осторожны, онъ заряженъ.

— Я не боюсь. И за васъ не боюсь, дорогой Левъ Львовичъ, прибавилъ онъ, кладя револьверъ на прежнее мѣсто.— Признаюсь, многія черты вашего характера для меня неясны—но одно вижу твердо: вы себя не убьете. Не умѣю вамъ детально объяснить, почему сложилось у меня это убѣжданіе, но вы ни за что себя не убьете. И я искренно радъ за васъ. Надо съ презрѣніемъ отбрасывать отъ себя жизненныя препятствія.

Звягинъ поднялъ голову, оперся подбородкомъ на руку и проговорилъ:

— Вы разсказываете и докладываете, пока я смѣюсь, плачу, ликую, умираю... И у васъ даже нѣтъ жалости ко мнѣ, вы не хотите сказать...

Кирилловъ торопливо подошелъ къ Звягину и протянулъ руку. Звягинъ не спѣша взялъ эту руку.

— Прощайте, Геннадій Васильевичъ, протянулъ онъ.—Благодарю за душевный разговоръ и добрые совѣты. Такъ вы думаете, что я ни за что не убью себя?

— Думаю, что нѣтъ, повторилъ Кирилловъ серьезно. Слишкомъ много у васъ жизнерадостности. Аппетитъ къ жизни еще не прошелъ. Вы скорѣе камень, какъ-бы онъ великъ ни былъ, съ дороги сбросите, а сами... нѣтъ, сами вы не умрете.

Звягинъ хотѣлъ отвѣтить что-то, встать—но ничего не отвѣтилъ и не всталъ. Кирилловъ вышелъ, повозился за перегородкой съ калошами, надѣлъ ихъ наконецъ, и дверь хлопнула. Звягинъ остался одинъ и сидѣлъ не двигаясь, въ прежней позѣ, опустивъ голову на руки.

Пламя свѣчей прыгало и останавливалось, и опять прыгало, и нѣжныя очертанія предметовъ таяли въ этомъ мерцающемъ свѣтѣ.

XX.

Январскіе дни стояли ясные, легко-морозные. Короткій мясоѣдъ придавалъ Петербургу особую оживленность. Неслись сани, спѣшили пѣшеходы, голоса раздавались звонко и весело.

Валентина вздумала пойти въ Эрмитажъ. Но она забыла, что эрмитажъ открытъ только до трехъ и, выйдя изъ дому въ половинѣ

Digitized by Google

третьяго — остановилась на тротуарѣ и задумалась. Стоитъ-ли итти? Успѣетъ-ли она? Все равно. День былъ такой розовый, бодрый и улыбающійся. Хотѣлось дышать, хотѣлось итти куда-нибудь. И Валентина пошла впередъ.

Она миновала нѣсколько улицъ, Лѣтній садъ, и вышла къ Марсову полю. Ее обрадовали просторъ и бѣлизна. Улицы слегка тѣснили ее. Она перешла на другую сторону, на снѣгъ, за протянутую веревку. Направо разстилалось поле, бѣлое, чистое... Вдали, на невинномъ небѣ, розовѣли дома. Снѣгъ, твердый и лоснящійся отъ мороза, поскрипывалъ подъ сапожками Валентины. Она шла быстро, легкая и молодая въ своей кофточкѣ изъ зеленаго сукна съ короткой юбкой, съ бѣлой вуалью на разрумянившемся лицѣ. Теперь никто не далъ-бы ей больше двадцати лѣтъ. И настроеніе у нея было веселое, радостное, безпричинно счастливое, дѣтское.

— Отчего мнѣ такъ хорошо сегодня?—думала Валентина.—Ну, что случилось? Письмо отъ Роговскаго, изъ театра, благопріятное... Ну да, это такъ. А еще что? Еще письмо отъ него... отъ Кириллова. Онъ пріѣдетъ въ пятницу. Сегодня вторникъ. Это тоже хорошо... Ну, а еще что? Какъ будто главнаго, отчего мнѣ сегодня такъ весело—я не знаю... И пусть не знаю. Это еще лучше.

Она шла бодро, прислушиваясь къ скрипу снѣга подъ ногами, и взглядывая на небо.

Тогда, послѣ визита къ матери Кириллова, Валентина скоро уѣхала изъ Москвы. По дѣламъ оставаться долѣе нужды не было—и ее потянуло домой, въ Петербургъ, подальше отъ кривыхъ переулковъ съ грязнымъ снѣгомъ, холодныхъ, неумолимыхъ извозчиковъ, неудобнаго номера въ гостинницѣ, запаха кулебяки, которой она не ѣла. Да и перспектива сдѣлать новый визитъ «почтенной старушкѣ», какъ она мысленно называла мать Кириллова—совсѣмъ не улыбалась ей. Послѣ этого визита она видѣла Кириллова на вокзалѣ. Онъ прежній—и не прежній. Что-то смутное, новое родилось въ душѣ Валентины. Но она не хотѣла на этомъ останавливаться, намѣренно не желала объ этомъ думать.

И мало по малу, за двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ они не видались, Кирилловъ превратился для Валентины во что-то отвлеченное, неопредѣленное, снова хорошее, дорогое—и не совсѣмъ понятное. Она думала о немъ уже не какъ о Кирилловѣ, а какъ вообще о человѣкѣ, который ее любитъ и котораго она... тоже любитъ. Къ этому послѣднему слову Валентина до сихъ поръ еще не совсѣмъ привыкла.

Конечно, все хорошо. Дѣла ея съ театромъ—она много хлопотала—устраиваются. Она чувствуетъ себя бодрой, достаточно сильной, чтобы сбросить, наконецъ, путы диллетантизма, чтобы работать, преодолѣвать,

Digitized by Google

достигать... Ей казалось, что она сдѣлала шагъ впередъ, большой, трудный, но необходимый, она бросилась въ море, береговъ не видно, доплыть будетъ трудно, но волны нѣжно качаютъ ее—и она чувствуетъ въ себѣ столько силы...

Исторія съ Кирилловымъ, его любовь, ея собственныя горячія и неожиданныя ощущенія—все точно разбудило ее, потрясло, подвинуло на рѣзкій и рѣшительный шагъ. Такъ дольше нельзя. Этотъ кислый диллетантизмъ недостоинъ ея. Надо перемѣнить жизнь въ корнѣ.

Теперь она шла, сильная и готовая на все, нѣжная при мысли о человѣкѣ, который ее любитъ и понимаетъ—и при мысли о любви. Онъ пріѣдетъ такъ скоро... Она скрывала отъ него свои планы, но теперь она все скажетъ. Что будетъ съ ними, какова будетъ ихъ любовь—она не представляла, да и не хотѣла представить. Важны не обстоятельства, не условія любви, а сама любовь. Условія всегда оскорбляютъ любовь. Та любовь, о которой мечтала и которую любила Валентина, была внѣ всего, не терпѣла прикосновеній жизни, облеченная туманомъ, какъ ядро кометы. Онъ, любящій человѣкъ, скоро пріѣдетъ... Она увидитъ любовь такъ близко...

Валентина смотрѣла въ небеса. Налѣво, за узкой канавкой, тянулся вдоль Марсова поля большой садъ съ гигантскими деревьями, густыми, какъ въ лѣсу. Этотъ садъ мало посѣщаютъ, а между тѣмъ онъ красивѣе, серьезнѣе и глубже Лѣтняго. Деревья протягивали вверхъ черные, прозрачные сучья—и они казались тонкими и безпомощными на блѣдно-зеленомъ небѣ. Это январское небо, чистое, какъ слеза, невинное и нѣжное—уже говорило о веснѣ. Морозный воздухъ былъ еще колючъ и звонокъ, а небо надъ толпой спящихъ деревьевъ улыбалось, обѣщало неисполнимое счастіе, блѣдныя зори, бѣлыя ночи, все томленіе кроткой весны. Сквозь каменную бесѣдку въ саду, у самой ограды, солнце бросало послѣдніе лучи, длинные, пыльные, желтые. Эти лучи между бѣлыми, прямыми колоннами что-то напомнили Валентинѣ, что-то такое, чего съ ней никогда не было—и давали ей приливъ радости, какъ небеса, говорящія о чудѣ весны. Вдали, совсѣмъ за садомъ, но все-таки высоко надъ купой деревьевъ, Валентина увидала лѣса недостроенной церкви. Очертанья были тонки, воздушны, прозрачны,—люди еще не успѣли наложить внутрь камней и устроить тяжелую колокольню; и теперь строеніе напоминало, въ свѣжемъ, зеленомъ небѣ, прозрачный замокъ, туманный и нѣжный. Казалось, эти тонкія линія ничѣмъ не придерживаются, висятъ въ воздухѣ — и при малѣйшемъ вѣтрѣ все улетитъ и разсѣется, какъ летаютъ узоры паутины осеннею порой.

Неожиданные далекіе звуки заставили Валентину обернуть голову вправо, туда, гдѣ за бѣлыми снѣгами свѣтили высокіе дома и угадывался мертвый просторъ спящей рѣки.

Digitized by Google

Это были звуки музыки. Хорошо-ли игралъ проходившій вдали полкъ, каковъ былъ мотивъ—разобрать казалось невозможнымъ—да и не все-ли равно? Валентина остановилась. Новая волна неясныхъ чувствъ прихлынула къ душѣ. Звуки открытые, дальніе, ясные въ рѣдкомъ и чистомъ воздухѣ, свободно уходили вверхъ, къ сіяющимъ небесамъ. И воздухъ, и солнце, и небо дали этой земной, почти грубой музыкѣ—божественную прелесть.

Валентина почувствовала въ горлѣ непонятныя слезы. Ей хотѣлось, какъ давно, въ дѣтствѣ, мысленно назвать Бога, не просить Его, не благодарить,—только назвать—и радоваться жизни, умиляться жизнью и чувствовать съ каждымъ ударомъ сердца ея красоту, полноту и силу...

Звуки музыки становились все тише, тише и, наконецъ, замолкли. Валентина очнулась, вздохнула глубоко, какъ дѣти вздыхаютъ послѣ долгаго плача—и медленно пошла впередъ.

Валентина не думала больше объ эрмитажѣ. Было уже поздно, да и не хотѣлось ей съ яркаго воздуха идти подъ сѣрые и сумрачные своды. Она шла прямо, дошла до конца Марсова поля, повернула налѣво, черезъ мостъ, потомъ на-право, мало соображая, почти не замѣчая, куда ведетъ ее дорога.

XXI.

Звуки знакомаго голоса заставили ее обратить вниманіе на идущихъ впереди.

И Валентина, даже не вглядываясь, узнала Звягина. Онъ былъ не въ своей широкой шубѣ, а въ пальто съ барашковымъ воротникомъ и казался гораздо изящнѣе, какъ-то аккуратнѣе. Онъ шелъ въ серединѣ, между двумя молоденькими дѣвушками, одѣтыми очень скромно и просто. Изъ-подъ коротенькихъ кофточекъ виднѣлись синія платья съ черными передниками, связки книгъ обличали пансіонерокъ. У одной изъ дѣвушекъ, повыше и постройнѣе, вдоль спины лежали двѣ толстыя, блѣдныя съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, косы.

Звягинъ что-то говорилъ своимъ спутницамъ горячо и громко, онѣ слушали его, не прерывая.

Валентина весело улыбнулась.

«Ай-да Левъ Львовичъ,—подумала она, слѣдуя въ нѣсколькихъ шагахъ за интересной группой.—Совсѣмъ по-профессорски, со слушательницами гуляетъ. И навѣрно хорошенькія, въ особенности эта, съ бѣлокурыми косами. И внимаетъ ему какъ благоговѣйно. А вѣдь онъ не глупъ, Звягинъ»...

Валентина вспомнила дни ихъ дружбы, минуты, когда она не чувствовала его непріятной любви, а только видѣла, что они многое понимаютъ почти одинаково, многія мысли ихъ сходятся.

А вѣдь онъ такъ любилъ ее, Звягинъ! Онъ столько страдалъ... Правда, онъ любитъ страдать, и страданія его всегда, думала Валентина, не очень глубоки... А можетъ быть, она просто не вглядѣлась въ этого человѣка, можетъ быть—онъ болѣе глубокъ, чѣмъ ей казалось, и страданья его были истинной болью.

Въ томъ радостномъ, счастливомъ настроеніи, въ которомъ она была—ей стало жаль Звягина, захотѣлось знать его не страдающимъ, счастливымъ... Но онъ, вѣроятно, и счастливъ... Нужно-ли заговорить съ нимъ? Не лучше-ли оставить его съ его ученицами продолжать живой разговоръ?

Пока Валентина раздумывала, они подошли къ углу. На поворотѣ Звягинъ вдругъ оглянулся, и сейчасъ-же остановился. Удивленныя дѣвочки тоже остановились.

Валентинѣ не было выбора. Она ускорила шагъ, приблизилась къ Звягину и, улыбаясь подала ему руку.

— А я давно иду за вами, Левъ Львовичъ,—сказала она весело и прибавила:—Ваши ученицы?

— Да... Позвольте васъ представить: m-lle Сѣрова, m-lle Геймъ,—madame Муратова...

Валентина пожала тоненькую ручку Лизы Геймъ и немного дольше остановила взоръ на узкомъ, блѣдномъ до прозрачности личикѣ съ большими, зеленоватыми глазами, которые взглянули на Муратову изъ-подъ рѣсницъ недовѣрчиво, почти угрюмо.

— Вы такъ оживленно разговаривали... Можно узнать о чемъ?—спросила Валентина. И, не дождавшись отвѣта, продолжала привѣтливо:

— Что вы никогда не зайдете ко мнѣ, Левъ Львовичъ? Приходите, я соскучилась. Приходите какъ-нибудь на-дняхъ...

Звягинъ съ перваго мгновенія замѣтилъ оживленіе, почти счастье на лицѣ Валентины, влажный блескъ потемнѣвшихъ золотыхъ глазъ, возбужденные и красивые переливы голоса.

«Что съ ней?»—подумалъ онъ—и не хотѣлъ, ни за что не хотѣлъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, и весь замеръ и сжался, какъ замираютъ, ожидая услышать вѣсть смерти.

Валентина смѣялась и шутила.

Звягинъ собрался о чемъ-то спросить ее, но вдругъ Лиза Геймъ, до тѣхъ поръ молчавшая, рѣзко и внезапно проговорила:

— Намъ некогда стоять, m-r Звягинъ, извините. Пойдемъ, Катя. До свиданья.

И сухо, почти невѣжливо подавъ руку Муратовой, она пошла прочь. Удивленная Сѣрова недоумѣло послѣдовала за нею. Валентина уловила на этотъ разъ взглядъ ненависти, брошенный на нее Лизой.

Digitized by Google

— Я васъ сейчасъ догоню, mesdames,—крикнулъ имъ вслѣдъ Звягинъ.—У васъ мои тетрадки.

— Я васъ задерживаю?—спросила Валентина, слегка сжавъ брови. Она хотѣла разсердиться на Лизу, но не могла, и черезъ секунду понявъ, что происходитъ, опять весело и широко улыбнулась.

— Какая хорошенькая дѣвочка,—произнесла она не безъ лукавства.

— Я хотѣлъ спросить васъ, Валентина Сергѣевна,—началъ Звягинъ, не обративъ вниманія на намекъ.

— О чемъ? Спрашивайте. Я сегодня въ отличномъ настроеніи и готова отвѣчать на всѣ вопросы, исполнить всѣ просьбы...

— Нѣтъ, ничего... Я такъ... Я вижу, что вы въ отличномъ настроеніи... А я вотъ долженъ спѣшить.

— Такъ до свиданья, Левъ Львовичъ, торопитесь, а то не догоните барышень... Приходите-же ко мнѣ вечеркомъ... Вѣдь мы старые друзья... Придете?

— Очень вамъ благодаренъ, можетъ быть... Я постараюсь. Не знаете-ли вы, гдѣ теперь Геннадій Васильевичъ? Въ Москвѣ?—прибавилъ онъ неожиданно.

— Кирилловъ? Да. Онъ въ пятницу пріѣдетъ сюда. Въ пятницу, черезъ два дня. Я только сегодня получила отъ него письмо.

Звягинъ почувствовалъ, что тяжелый, старый камень, который висѣлъ давно—вдругъ оторвался и сразу упалъ въ самую глубь души. Что-то измѣнилось безповоротно, что-то рѣшилось у него въ сердцѣ помимо его воли и мысли въ это короткое мгновеніе.

Должно быть, онъ поблѣднѣлъ, потому что Валентина сказала ему:

— Вы плохо выглядите.

И, повторивъ еще разъ, чтобы онъ пришелъ, она подала ему руку.

Онъ молча пожалъ эту руку и повернулся, намѣреваясь уйти.

— Левъ Львовичъ!—окликнула его Валентина.—О чемъ-же вы меня спросить хотѣли?

Звягинъ оглянулся и нѣсколько секундъ смотрѣлъ ей въ лицо тупо, не слыша ея словъ.

Потомъ опомнился, пробормоталъ что-то, приподнялъ шляпу и быстро пошелъ прочь.

Валентина взяла извозчика и поѣхала домой. На губахъ ея бродила разсѣянная улыбка, глаза слѣдили за сквозными бѣлыми облаками, которыя теперь тянулись по небу.

Валентина думала не о Звягинѣ.

Digitized by Google

XXII.

Въ пятницу, семнадцатаго января, Кирилловъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ.

Пріѣхалъ онъ утромъ, часу въ двѣнадцатомъ, и съ вокзала не велѣлъ себя везти въ Angleterre, гдѣ ранѣе всегда останавливался, а рѣшилъ на этотъ разъ взять номеръ въ Сѣверной гостинницѣ. Тутъ ближе, сейчасъ съ вокзала—да и не все-ли равно какая комната? Гостинница останется гостинницей, этому надо покориться.

Кирилловъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Въ вагонѣ онъ провелъ безсонную ночь. Дѣла складывались такъ, что дольше трехъ дней онъ никакъ не могъ остаться въ Петербургѣ, да и эти три дня урвать ему было трудно. Письма Валентины къ нему, за послѣднее время, несмотря на нѣжный, почти любовный тонъ—не нравились ему. Онъ не могъ-бы объяснить, что въ нихъ непріятнаго—но они ему не нравились.

Не нравился Кириллову и поспѣшный отъѣздъ Валентины изъ Москвы. Зачѣмъ было такъ торопиться? Агриппина Ивановна, когда сынъ сказалъ ей, что Муратова уѣхала—даже не повѣрила въ первую минуту.

— Какъ, уѣхала? Зачѣмъ уѣхала?—добивалась она.—Не могла уѣхать. Вѣдь она-же обѣщала у насъ побывать? И я къ ней собиралась... Какъ-же такъ уѣхать? Ни познакомились путемъ, ничего...

Геннадій Васильевичъ, запинаясь, пытался объяснить матери, что у Муратовой дѣла.

Агриппина Ивановна умолкла, только пристально посмотрѣла на сына и покачала головой.

Тутъ въ первый разъ Геннадію Васильевичу пришла мысль, что Валентина, можетъ быть, не очень понравилась матери. Но это укололо его такъ больно, что онъ сейчасъ-же сталъ вспоминать, какъ долго Валентина сидѣла у нихъ, и какъ сердечно и хорошо говорила съ ней Агриппина Ивановна.

Теперь, провожая сына въ Петербургъ, она сказала ему только: «поклонись-же Валентинѣ Сергѣевнѣ»,—крѣпче обыкновеннаго обняла его, благословила молча и опять долгимъ и нѣжнымъ взоромъ посмотрѣла ему въ глаза.

Геннадій Васильевичъ зналъ, что она хочетъ сказать этимъ взоромъ и чего не говоритъ. Онъ съ глубокой любовью, молча, поцѣловалъ руку матери и уѣхалъ.

Онъ понималъ ея душу. Онъ видѣлъ, чувствовалъ, какъ она,—не подчиняясь ей, а искренно и сознательно соединяя ея пониманіе жизни

Digitized by Google

со своимъ—и, какъ всегда, въ мысляхъ давалъ себѣ обѣщаніе не отступать отъ этихъ прямыхъ и ясныхъ взглядовъ.

Но все-таки что-то тревожило его. Торжественное, молчаливое и печальное благословеніе матери, дорожная усталость, ожидаемое свиданіе съ Валентиной...

Особенно это свиданіе. Раньше восьми или даже девяти часовъ пойти къ ней никакъ нельзя, она не ждетъ, ея, пожалуй, и дома нѣтъ.

Передъ тусклымъ зеркаломъ дешеваго номера Кирилловъ пригладилъ волосы. Они у него всегда лежали гладко, блѣдные и ровные. Онъ давно не стригъ ихъ и теперь они, раздѣляясь сбоку, падали прямыми прядками немного ниже ушей. Кирилловъ смотрѣлъ на свое отраженіе, не видя его.

Онъ закусилъ, прогулялся—только не по Невскому, ему почему-то не хотѣлось встрѣтить знакомыхъ—пообѣдалъ въ своемъ номерѣ, не спускаясь въ столовую, попытался читать какую-то книгу изъ любимыхъ, съ которыми не разставался никогда—но чтеніе не шло на умъ. Онъ тревожился, хотя тревожиться не было ни малѣйшаго повода. Все, напротивъ, складывалось недурно и дальнѣйшія его дѣйствія казались ему ясны.

Наконецъ, гдѣ-то на церкви глухо пробили часы восемь разъ. Кирилловъ всталъ. Можно было отправляться. Если пойти пѣшкомъ, то онъ явится какъ разъ во время.

На улицѣ было мягко, мокро и тихо. Начинало таять. Громадные, пухлые куски снѣга медленно и безпрерывно падали. Казалось—темное и влажное небо сползало на землю. Фонари безпомощно мигали за движущейся пеленой снѣга.

И это безшумное, неумолимое и однообразное движеніе давило сердце, какъ кошмаръ.

Кирилловъ, бѣлый и мокрый, сбросилъ своего енота внизу, гдѣ швейцаръ предупредительно сказалъ ему, что барыня дома и даже сегодня вовсе не выходили.

Кириллову на мгновенье мелькнула мысль, что Валентина ждала его. Потомъ ему просто сдѣлалось досадно, что онъ потерялъ день даромъ.

— Пожалуйте, сказала горничная, встрѣтивъ Кириллова въ передней.—Барыня немножко нездоровы, но отказывать не велѣли.

XXIII.

Кирилловъ миновалъ двѣ комнаты, слабо освѣщенныя лампами подъ длинными абажурами, у двери кабинета остановился на секунду, потомъ приподнялъ портьеру и вошелъ.

Digitized by Google

Сначала онъ не разглядѣлъ ясно ни Валентины, ни окружающихъ предметовъ, хотя сумракъ въ этой комнатѣ былъ легче и ярче, нежели въ другихъ, которыми онъ шелъ. Высокая лампа, съ полу, была прикрыта не темнымъ, а блѣднымъ, тонкимъ золотистымъ абажуромъ, и комнату наполняли янтарные лучи, туманные и горячіе. Лампа освѣщала снизу широкіе, зубчатые листы двухъ громадныхъ пальмъ, уходящихъ къ потолку. Воздухъ былъ душенъ, но не душистъ. Ни гіацинтовъ, ни лилій не замѣчалось. Только гибкіе, ломкіе и нѣжные златоцвѣты высоко подымали на столѣ свои головки; но они были слишкомъ невинны, чтобы благоухать.

— Это вы?—произнесла Валентина тихо.—Здравствуйте. Я васъ ждала. А я сегодня совсѣмъ больна.

Кирилловъ подошелъ ближе и увидалъ Валентину на низенькомъ турецкомъ диванѣ. Она даже велѣла принести изъ спальни двѣ бѣлыя подушки. Шелковыя и вышитыя жгли ей лицо.

— Вы больны?—съ тревогой сказалъ Кирилловъ, цѣлуя тонкую руку и заглядывая въ блестѣвшіе глаза.—Давно больны? Что съ вами? Что такое?

— Нѣтъ, ничего, пустяки... Маленькая лихорадка, завтра пройдетъ. Я простудилась немного, погода сырая, рѣзкія перемѣны... Завтра пройдетъ,—прибавила она опять, опускаясь на подушки.—Сегодня, конечно, не очень хорошо: шумъ, звонъ въ головѣ, сердце стучитъ, мысли такія рѣзкія, быстрыя, ясныя.

Кирилловъ положилъ шапку и осторожно присѣлъ на низенькій пуфъ около дивана.

— Можетъ быть, я вамъ мѣшаю? Можетъ быть, вамъ нуженъ покой, отдыхъ? Завтра...

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервала его Валентина нетерпѣливо.—Я говорю вамъ, что у меня такія ясныя, рѣзкія мысли. И одной мнѣ гораздо хуже, я прислушиваюсь, какъ стучитъ кровь въ вискахъ, какъ поднимается температура. Вы будьте со мной, точно со здоровой. Да я и почти здорова. Даже расположеніе духа мое не мѣняется отъ случайной лихорадки, и теперь не измѣнилось. Я всегда я... а въ болѣзни, мнѣ кажется, я даже больше я, чѣмъ всегда,—прибавила она съ раздумьемъ.

Кирилловъ, такъ-же, какъ смотрѣлъ утромъ въ тусклое зеркало на свое изображеніе, не видя его—смотрѣлъ теперь на Валентину, почти не замѣчая ее: онъ обдумывалъ слова, которыя сейчасъ скажетъ ей.

А между тѣмъ Валентина была странно-красива въ этотъ вечеръ. Лицо, широкое у висковъ, съ узкимъ и маленькимъ подбородкомъ,—казалось блѣднымъ, несмотря на жаръ. Черные волосы, слегка растрепанные, тонко вились на вискахъ. Глаза, огромные, окруженные тѣнью.

Digitized by Google

полуоткрытые, слабо мерцали. На ней было надѣто просторное, густо собранное, платье изъ тончайшаго китайскаго шелка, свѣтло-желтаго и обнявшаго ее, какъ нѣжная золотистая пѣна. Платье кончалось къ вороту прозрачнымъ, стариннымъ кружевомъ, тоже чуть желтоватымъ, но не блестящимъ, а матовымъ. Сквозь кружева бѣлѣла нѣжная, почти дѣвическая шея. Широкіе, мягкіе рукава доходили только до локтя. Изъ подъ безчисленныхъ складокъ платья виднѣлась небольшая нога въ черной лакированной туфлѣ безъ каблука, и въ черномъ, очень тонкомъ, чулкѣ съ вышитыми золотыми стрѣлками.

— Вы молчите?—сказала Валентина, опять приподнимаясь.—Мы такъ давно не видались, а вы не хотите мнѣ ничего разсказать? Васъ, вѣрно, смущаютъ подушки, весь этотъ больничный видъ. Знаете, я лучше сяду, вотъ хоть въ кресло рядомъ... Вы увидите, я и сама скоро забуду о своей болѣзни...

Она легко встала, собравъ складки нѣжнаго платья и, дѣйствительно, сѣла въ кресло, положивъ руки на колѣни.

Кирилловъ обернулся, посмотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ — и вдругъ, неожиданно склонившись, припалъ къ ея рукамъ.

Онъ цѣловалъ попеременно то одну, то другую, и повторялъ тихо:

— Дорогая, милая... Вѣдь вы мнѣ разрѣшаете говорить о любви... любить васъ? Вѣдь, прошелъ искусъ, да? Вѣдь, вы убѣдились, что у меня вѣрное, истинно вѣрное сердце?

Валентина не отнимала рукъ, но молчала. Она не знала, что отвѣтить на его слова.

— Радость моя,—продолжалъ Кирилловъ — скажите мнѣ все... Повторите то, что уже сказали одинъ разъ—и чему я безповоротно повѣрилъ, какъ свято вѣрю каждому вашему слову. Ну, скажите, вы меня любите? Какъ вы меня любите? Я такъ ждалъ, я—такъ вѣрилъ, я стóю теперь вашей рѣчи... Отчего вы молчите? Эта минута—серьезная, важная, измѣняющая нашу жизнь и внѣшнюю, и внутренюю...

— Я люблю васъ, я это сказала... Мнѣ кажется, что я васъ люблю,—проговорила Валентина тихо и смущенно.—Я теперь жалѣю, что мы... что я такъ долго избѣгала говорить объ этомъ... Много разныхъ мыслей, самыхъ неожиданныхъ и странныхъ, приходило въ голову за это время, много измѣненій... А мы... даже и дружбу нашу позабыли... Помните наши прежніе разговоры? А какъ давно мы не спорили!—Ну, погодите,—прибавила она весело, сразу оживляясь.—Вы не хотите мнѣ разсказывать, что думали и дѣлали за это время, такъ я вамъ поразскажу! У меня есть много новаго. Вотъ вы меня похвалите, какъ я сама себя хвалю. Теперь ужъ у насъ секретовъ не будетъ, да? Не будетъ?

Она заглядывала ему въ лицо, улыбаясь. Кирилловъ сидѣлъ на

Digitized by Google

низенькомъ пуфѣ, согнувъ колѣни и немного сгорбившись. Онъ по прежнему держалъ въ ладоняхъ руки Валентины, но не цѣловалъ ихъ и смотрѣлъ внизъ. Ему не понравились ея слова, хотя она и сказала, что любитъ. Но онъ ожидалъ другого. И теперь онъ не зналъ, какимъ образомъ продолжать, хотя то, что ему нужно сказать—было для него попрежнему неизмѣнно и ясно.

И о чемъ она хочетъ разсказать? Что случилось? Не начать-ли говорить раньше самому?

— Нашъ серьезный разговоръ впереди, Валентина Сергѣевна,— произнесъ Кирилловъ.—Но въ данную минуту меня живо интересуетъ то, о чемъ вы упомянули. Пожалуйста, говорите.

—Вы меня пугаете,—засмѣялась Валентина.—Серьезный разговоръ... Но и то, что я намѣрена вамъ разсказать—тоже очень серьезно. И все-таки я смѣюсь, мнѣ весело, я рада—потому что это хорошее, а не дурное. У васъ-же въ голосѣ какая-то важность, строгость, точно вы сердитесь на меня... Вы не сердитесь? И это не печальное, то, о чемъ вы хотите говорить со мной?

— О нѣтъ... Но ради Бога, не мучьте меня... Неизвѣстность мнѣ тяжела.

— Да, я виновата, что столько времени скрывала отъ васъ. Но я хотѣла сама, своей волей, своимъ желаніемъ. Это вы дали мнѣ силу, разбудили меня. Безъ васъ, безъ вашей... привязанности, безъ вашей дружбы я долго еще колебалась-бы, тянула прежнее, старое—можетъ быть всегда... Помните, я говорила вамъ въ Москвѣ, намекала, что хочу жизнь перемѣнить? Такъ вотъ—я мѣняю жизнь.

Кирилловъ вспыхнулъ. Онъ не понималъ. Въ лицѣ было напряженное вниманіе и жадность.

— Вы... мѣняете жизнь... То-есть, вы...

— То-есть, я рѣшила сдѣлаться актрисой,—докончила Валентина, спокойно и радостно улыбаясь.—Милый другъ, вы видѣли, такъ дольше жить, какъ я жила, мнѣ было слишкомъ тяжело. Бездѣлье, диллетантизмъ—не для меня. У меня въ характерѣ есть упорство и суровость. Я долго мучилась, колебалась... Думала—не поздно-ли... Талантъ у меня есть, хотя не скрываю отъ себя, что и сцена не дастъ полнаго утоленія сердцу. Драматическое искусство... почти не искусство. Актеръ—рабъ, коментаторъ, онъ говоритъ слова автора. Писатель можетъ остаться великимъ, если и дурно произносятъ его слова, но актеръ не можетъ быть великъ, если повторяетъ только ничтожныя рѣчи. Мнѣ придется покоряться, играть то, что не совсѣмъ согласно съ моей душой, что я, быть можетъ, иначе выразила-бы... Все равно! Иной дороги для меня нѣтъ, иного таланта у меня нѣтъ, и я чувствую, что дѣлала преступленіе передъ собой, передъ вами—теряя столько

Digitized by Google

дней, почти не живя, не дѣлая того, что могла. Нѣтъ, я не дилле-тантка, я вамъ говорила это, Геннадій Васильевичъ. Мнѣ нуженъ былъ какой-то толчекъ—и этотъ толчекъ вы мнѣ дали. Я поняла себя и многое. Пусть будетъ—что будетъ, а назадъ я не ворочусь. Да и не хочу назадъ. У меня впереди свѣтло. Вамъ спасибо, мой другъ, мой милый. Ваша любовь разбудила меня къ жизни. И какъ я въ нее вѣрю! И какъ я ее люблю! И васъ люблю. Подумайте: развѣ не теперь начинается жизнь по-настоящему? Развѣ мы не вѣчные, единственные друзья?

Она встала, забывъ свою болѣзнь. Глаза раскрылись широко, губы горѣли, она была взволнована. На темныхъ рѣсницахъ сверкнули слезы.

Кирилловъ тоже всталъ, не выпуская рукъ Валентины.

— Это когда рѣшилось?—произнесъ онъ глуховато.

— Что рѣшилось?

— Ваше поступленіе... на сцену?

— А вотъ, въ Москвѣ. Теперь и все лѣто я буду заниматься, брать частные уроки у Соловецкаго, а осенью—дебютъ. Могу имѣть и здѣсь, и въ Москвѣ—гдѣ хочу. Я еще не знаю...

— Это... совсѣмъ рѣшено?

— Дебютъ? О да, теперь мнѣ не откажутъ...

— Нѣтъ... Я хочу знать... Вы совсѣмъ рѣшились?

Валентина взглянула на него съ изумленіемъ.

— Конечно. Вѣдь я же вамъ и разсказываю...

— Это вы и разумѣли, когда говорили о перемѣнѣ жизни?

— Какой вы странный!—произнесла Валентина и освободила свои руки.—Ну да, это. Что-же иное?

Она глядѣла на него похолодѣвшими глазами.

Кирилловъ повернулся, заложилъ руки въ карманы и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру. Комната была заставлена, ходить оказалось тѣсно.

Валентина слѣдила взоромъ за высокой, мѣшковатой фигурой Кириллова, немного сутуловатаго въ плечахъ. И вдругъ онъ почему-то вспомнился ей домашній, въ очкахъ, въ сѣрой курточкѣ, запивающій кофеемъ кулебяку.

Валентинѣ стало холодно.

— Благодарю васъ за откровенность, Валентина Сергѣевна, началъ Кирилловъ.—Вы позволите мнѣ быть съ вами искреннимъ?

— Я васъ прошу объ этомъ.

— И я могу надѣяться, что мои слова вы примете и поймете не какъ нибудь превратно.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите...

— Идя сюда сегодня, Валентина Сергѣевна, я разсчитывалъ на

Digitized by Google

серьезный, рѣшительный разговоръ и, я думаю, имѣлъ на него внутреннее право. Я сказалъ вамъ, что люблю васъ—и вы знаете, какъ это неизмѣнно. Я имѣлъ счастіе услышать отъ васъ, что и вы любите меня. Вы сами хотѣли отъ меня любви полной, безпредѣльной, истинной—и я люблю васъ именно такъ. Но знаете-ли вы, что такая любовь требовательна? Да, говорю смѣло это слово, любовь моя требовательна. Я отдаю слишкомъ много—вы видите. И я не могу допустить, въ свою очередь, чтобы вы устроили жизнь свою помимо моего желанія, воли, разумѣнія. Я не могу согласиться на вашъ планъ.

— Я васъ не понимаю...

— Всѣ эти мѣсяцы, всѣ послѣдніе дни въ особенности, меня не покидала одна постоянная мысль, Валентина Сергѣевна. Она созрѣла постепенно, естественно, она мнѣ мила, близка, она кажется мнѣ единственно возможной—и я ласкалъ себя надеждой, что вы поймете меня безъ словъ. Но часто, несмотря на дружбу, даже на любовь—души человѣческія дальше одна отъ другой, чѣмъ это доступно первоначальному пониманію. Направляясь къ вамъ сегодня, Валентина Сергѣевна, послѣ мучительной ночи въ вагонѣ, послѣ дня ожиданія и томленья—я думалъ вести съ вами иныя рѣчи. Вы говорите, что я толкнулъ васъ на этотъ рѣшительный шагъ. Быть можетъ—безсознательно... Быть можетъ, вы не поняли ни меня, ни рода моей къ вамъ симпатіи... Я самъ хотѣлъ предложить вамъ перемѣну въ жизни, Валентина Сергѣевна. Какъ въ божественное начало—я вѣрилъ въ нашу любовь. И я хотѣлъ просить васъ раздѣлить жизнь со мною, слить навѣки вашу съ моею, идти со мной рядомъ, рука объ руку, быть связанной со мною исключительной привязанностью, исключительной любовью и дружбой... Я вѣрилъ, что вы согласитесь стать моей женой.

Валентина медленно и тихо опустилась въ кресло, не сводя съ Кириллова пристальныхъ и внимательныхъ глазъ. Кириллову показалось, что лицо ея стало блѣдно до прозрачности, на щекахъ легли сѣроватыя тѣни.

— Вы смотрите на меня и молчите,—продолжалъ Кирилловъ. Ему былъ непріятенъ, почти страшенъ этотъ неподвижный взоръ.—Вы слушаете меня, и я не могу и не хочу допустить, чтобы вы не проникали въ сокровенную глубь моей души, которую я для васъ открылъ. Съ вѣрой въ васъ, съ любовью и преданностью я шелъ сюда, я ждалъ вашихъ словъ... Я услышалъ изъ вашихъ собственныхъ устъ, что вы любите меня... Любите и говорите о несоединимомъ, о томъ, на что я не могу согласиться, чему не могу сочувствовать, какъ противорѣчащему всѣмъ моимъ представленіямъ о взаимной любви... Я люблю васъ безгранично, но я обладаю твердой душой, Валентина Сергѣевна. И повѣрьте, еслибъ я увидѣлъ въ этой любви нѣчто для себя несоотвѣт-

Digitized by Google

ствующее—я сумѣлъ-бы побѣдить себя. Теперь вы все знаете. Отъ слова вашего зависитъ все. Я кончилъ.

Прежде еще, чѣмъ онъ произнесъ послѣднюю фразу—онъ посмотрѣлъ въ сторону Валентины и на секунду замеръ. Холодная волна пробѣжала у него по спинѣ. Онъ увидалъ лицо Валентины, блѣдное, но не пораженное, не торжественное, не огорченное, даже не злое. Изъза розовыхъ губъ очень маленькаго рта виднѣлась сверкающая полоса зубовъ. Выраженіе прищуренныхъ глазъ было безконечно весело: Валентина смѣялась. Она смѣялась по-дѣтски, открыто, не очень громко, не очень добродушно, но искренно и долго.

Кирилловъ, даже не блѣдный, а зеленый, стоялъ передъ ея креслом, какъ нѣмой. Она тоже не говорила ни слова, продолжая смѣяться и не спуская съ него глазъ.

Говорятъ, что смѣхъ заразителенъ вопреки настроенію и волѣ. Можетъ быть, и Кирилловъ, глядя на Валентину, сталъ-бы смѣяться. Но она вдругъ перевела духъ и сдѣлалась немного серьезнѣе, хотя губы еще продолжали складываться въ улыбку.

— Милый мой Геннадій Васильевичъ,—произнесла она, наконецъ.— Не сердитесь за мою веселость. Это нечаянно. Еслибъ я была здорова, я вѣрно не дала-бы такой воли своимъ нервамъ. И спасибо вамъ за то, что вы такъ быстро, въ такихъ короткихъ словахъ заставили меня ясно понять наши отношенія, объяснили мнѣ и себя, и меня. Вы предлагаете мнѣ быть вашей женой, вашей подругой и помощницей. И вы, конечно, желаете (это естественно), чтобы жена ваша была жена, а не актриса. Отъ души благодарю васъ за честь, за любовь... Но отказаться отъ своей жизни, по своему разумѣнію—не откажусь, какъ вы отъ своей не отказались-бы. Вотъ наше горе: говорили о любви, а другъ къ другу совсѣмъ не присмотрѣлись. Подумайте сами: гожусь-ли я на Остоженку, къ вашей тихой жизни, въ домикъ, гдѣ солнце грѣетъ черную кошку и ваша мамаша вяжетъ вамъ фуфайки изъ сосновой шерсти? Гожусь-ли, чтобъ покоить и лелѣять васъ, какъ она? Вотъ въ чемъ была разгадка ея незаслуженныхъ ласкъ—она поняла, что вы меня любите! А я-то, глупая, терялась въ догадкахъ. Такъ вы хотѣли жениться на мнѣ, Геннадій Васильевичъ? Успокоить себя, свою любовь... Ну, это для васъ. А для меня что-же? У васъ дѣло—ваше дѣло, а у меня что-же? Ваше дѣло и ваша любовь? И черная кошка, и сосновая шерсть и, можетъ быть, ваши дѣти? Нѣтъ, Геннадій Васильевичъ, тутъ-то вы и не совсѣмъ правы, вы позабыли, что мнѣ тоже можетъ захотѣться моего... Не позаботились присмотрѣться, какая я.

— Вы надо мной смѣетесь, Валентина Сергѣевна. Этого я никому не позволю. Вы говорите, что любите меня...

— Если-бы я и любила васъ любовью, какъ понимаю любовь—то

Digitized by Google

не осквернила-бы чувства единой мыслью о прикосновеніи жизни... Любовь—цвѣтокъ божественный; листья увядаютъ и чернѣютъ отъ земного вѣтра. Такъ я думаю. Но я виновата, что не присмотрѣлась къ вамъ. Я мечтала о любви... Любила ту любовь, которую хотѣла видѣть въ васъ... Жалѣла любовь — и жалость приняла за любовь къ вамъ. Но вы меня и отъ жалости излѣчили. Вы сказали, что тверды и, если найдете въ нашихъ отношеніяхъ что-нибудь для васъ несоотвѣтствующее—вы побѣдите себя. Вотъ, несоотвѣтствующее нашлось. Все—несоотвѣтствующее. Вы простите меня за рѣзкость. Но сразу лучше Что обманывать себя? Намъ вмѣстѣ дѣлать нечего. А до конца все равно, ни я васъ, ни вы меня—никогда не поймемъ. Вы согласны съ этимъ?

— Согласенъ.

— Такъ пожелайте мнѣ здоровья, счастья, моего счастья—какъ я желаю вамъ вашего—и простимся.

Кирилловъ молча подошелъ къ ней и протянулъ руку, которую она пожала, вставъ.

Онъ приблизился къ двери. Потомъ, быстро обернувшись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Валентинѣ. Лицо его было иное, вдругъ измѣнившееся, точно подъ вліяніемъ внѣшняго и внезапнаго ужаса, почти вдохновенное.

— Валентина Сергѣевна... голубушка! произнесъ онъ горячимъ шепотомъ.—Не сошлись мы, не годимся другъ для друга—это такъ; я не о томъ. Мнѣ отчего-то страшно сдѣлалось. Еще разъ въ ваши глаза поглядѣть... Ну дай вамъ, дай вамъ Богъ, чего ваша душа хочетъ. Люблю васъ неизмѣнно, какъ умѣю. Живите долго, счастливо, долго...

Прежде чѣмъ Валентина успѣла опомниться — онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ горячій лобъ—и вышелъ.

Валентина осталась одна.

XXIV.

Лампа, сквозь блѣдный шелкъ, попрежнему наполняла комнату янтарнымъ, безпокойнымъ и туманнымъ свѣтомъ. Было очень тихо.

Валентина стояла нѣсколько секундъ неподвижно. Потомъ опустилась въ кресло. Но голова горѣла, было больно и тѣсно, передъ глазами ползли и расплывались дымныя пятна—ей захотѣлось лечь.

Она медленно и тяжело поднялась съ креселъ, устроила подушки и легла, оправивъ платье, которое легко и мягко упало вокругъ нея.

Валентина еще видѣла передъ собой лицо Кириллова въ послѣднюю минуту, полное непередаваемаго и необъяснимаго страха. Этотъ страхъ она невольно почувствовала тоже, въ то-же мгновенье, отъ Кириллова—

Digitized by Google

и теперь до сихъ поръ ей было тревожно, душа, всколыхнувшись, не могла успокоиться.

О томъ, что случилось, о главномъ, о ихъ внезапномъ и яркомъ разладѣ, о разрывѣ такомъ быстромъ — Валентина думала спокойно. Быть можетъ, здоровая, она затянула-бы исторію, объясненія — но болѣзнь дѣлала ея мысли острыми, ея поступки стремительными и непоправимыми, слова рѣзкими и точными. Она не раскаивалась. При одномъ воспоминаніи о томъ, что онъ не понялъ, не захотѣлъ или не смогъ понять ее въ глубинѣ, о томъ, что онъ предлагалъ ей, о томъ, какая жизнь ее ждала съ нимъ—Валентина вздрагивала—и, успокаиваясь, говорила себѣ съ облегченіемъ, что этого нѣтъ, что она свободна и ея жизнь не отнята у нея. Любить его? Нѣтъ, это было не то... И какъ она могла думать?

Она лежала съ полузакрытыми глазами. Туманныя, дымныя, длинныя пятна опять ползли передъ нею. Въ ушахъ стоялъ шумъ, стукъ, звонъ. Валентинѣ казалось, что она ѣдетъ, спѣшитъ, вагонъ летитъ быстро, еще быстрѣе, еще быстрѣе... Горячій вѣтеръ въ лицо—а колеса стучатъ, не переставая, часто, такъ-же часто, какъ ея сердце.

Вдругъ Валентинѣ почудилось, что кто-то вошелъ въ комнату. Она не разслышала шороха, но почувствовала, что кто-то есть.

Весь неразумный ужасъ, который она испытывала недавно, вернулся на одно мгновенье и сердце ударило съ перебоемъ. Но въ слѣдующее мгновенье Валентина уже думала. И она подумала безпокойно:

— Кто это? Неужели онъ вернулся?

— Тутъ есть кто-нибудь?—спросила она громко.

И голосъ, который она сначала не узнала, отвѣчалъ ей:

— Вы здѣсь, Валентина Сергѣевна? Вы нездоровы?

Валентина приподнялась на локтѣ.

— Это вы, Левъ Львовичъ,—произнесла она, немного изумленная.

Туманы разсѣялись. Она опять была ясна, даже не печальна.

— Вы нездоровы? — повторилъ Звягинъ, приближаясь.—Помня ваше любезное приглашеніе... я рѣшился... Хотя боялся помѣшать...

Валентина не замѣтила, что Звягинъ казался взволнованнымъ, говорилъ отрывисто.

— Помѣшать?—спросила она.—О, нѣтъ. Я очень рада вамъ. Мнѣ немножно нездоровится—но это не бѣда. Духомъ я не падаю, вотъ что главное. Душѣ моей легко, весело, свѣтло... Садитесь, поболтаемъ, какъ прежде.

Звягинъ подошелъ прямо къ дивану и сѣлъ на край, у ногъ Валентины. Ея платье, нѣжнѣе осенней паутины, касалось его слегка.

Звягинъ давно не былъ въ этой комнатѣ. Онъ пріѣзжалъ формально, съ визитомъ, вмѣстѣ съ Юліей Никифоровной—и тогда Валентина при-

Digitized by Google

няла ихъ въ салонѣ. А здѣсь онъ очень давно не былъ. И онъ жадно смотрѣлъ на всѣ роскошные предметы, ища, гдѣ перемѣна.

— Вы веселы?—спросилъ онъ Валентину.—Въ самомъ дѣлѣ? Вы счастливы?

— Да, очень. Я въ глубинѣ души счастлива. У меня есть, конечно, царапины, боль... И даже недавно... Но на днѣ души счастье, настоящее.

— Вы такъ откровенны со мною?

— Почему-же нѣтъ?—съ удивленіемъ сказала Валентина.—Знаете, Левъ Львовичъ, я думаю—между нами было много недостойнаго насъ, мелкаго. Что за вражда, что за ссоры, примиренья, разрывы... Къ чему это? Будемъ простыми друзьями...

— Вы такъ счастливы, что имѣете потребность быть великодушной, не правда-ли? Но жаль, что и счастье не сдѣлало васъ правдивой...

Онъ сидѣлъ противъ лампы и золотистые лучи дѣлали темнымъ его смуглое лицо. Глаза, сближенные у переносья, не смотрѣли прямо на Валентину, которая приподняла голову и съ невольнымъ безпокойствомъ вглядывалась теперь въ измѣнившіяся черты Звягина.

— Богъ съ вами, Левъ Львовичъ,—возразила она кротко.—За что вы сердитесь на меня? Я васъ искренно считаю другомъ и такъ обрадовалась сегодня, что вы пришли... У меня лихорадка и мнѣ хочется говорить, говорить... Право, я не заслуживаю вашего недоброжелательства. Я часто вспоминала о васъ, пока мы не видались. Я думаю, мы во многомъ сходны, больше, чѣмъ сами подозрѣваемъ. Помните-ли вы первые годы нашей дружбы—первый годъ? Помните, какъ всѣ вчетверомъ, мужъ—тогда уже больной, братъ Ваня, я и вы, поѣхали весной въ Неаполь? Помните, мы были, какъ безумные? Въ Неаполѣ горячее солнце, шумъ, крики, и тишина и холодъ музея... Когда мы ѣхали, вы сидѣли противъ меня въ коляскѣ, я смотрѣла на васъ и смѣялась—сама не знаю чему, и вы тоже засмѣялись. И когда я спросила, чему-же вы смѣетесь, вы сказали, что у меня такое забавное лицо, въ узорахъ, потому что на мнѣ была широкая соломенная шляпа и плетеныя сквозныя поля бросали тѣнь... А потомъ мы поѣхали по заливу... Вода яркая, сверкающая, зеленосиняя кипѣла около парохода, а я бросала внизъ темныя, пунцовыя розы, потому что онѣ были такъ красивы вмѣстѣ съ волнами... А помните вечеромъ, въ садикѣ отеля, запахъ апельсинныхъ цвѣтовъ? Помните, какъ они пахнутъ? Настойчиво, радостно до смѣха, до боли, до слезъ... Тогда вы не говорили, что я неправдива, неискренна, нехороша... Мы стояли у каменныхъ перилъ сада, ночью, высоко надъ моремъ. Море шелестѣло нѣжное, кроткое. А черезъ море—помните, мы смотрѣли на большую темную гору, гдѣ на вершинѣ иногда загорался багровый свѣтъ—та-

Digitized by Google

кой яркій, что отражался въ спокойной водѣ... И вода дѣлалась красною, какъ рубинъ, какъ жидкая кровь...

Волосы, круто завивающіеся, разсыпались по горячей подушкѣ. Щеки Валентины пылали, губы казались темными. Звягинъ слушалъ, смотрѣлъ. Онъ видѣлъ передъ собой то, что она говорила. Но онъ видѣлъ также и другое. Другое воспоминаніе схватило его, и чѣмъ дальше,—тѣмъ становилось властнѣе, неотступнѣе, живое, какъ видѣнье. И та мысль, съ которой онъ пришелъ сюда, соединилась, слилась съ этимъ злобнымъ и всесильнымъ воспоминаніемъ. Черные волосы, разметанные по согрѣтымъ подушкамъ, лицо, оживленное болѣзнью, розовое, красивое, быстрая рѣчь, похожая на бредъ... Онъ ѣдетъ и слушаетъ бредъ больной, ночью, въ вагонѣ... Это Валентина больна. Она умираетъ. Нѣтъ ни малѣйшей надежды. Онъ смотритъ на приближающуюся къ ней смерть уже безъ удивленія. Она должна умереть—это такъ просто. Съ ней умретъ все—и онъ, Звягинъ, будетъ свободенъ и отъ любви, и отъ ненависти, и отъ всѣхъ мыслей о ней. Умретъ возможность лжи, возможность быть несчастными, какъ онъ, другимъ, невиннымъ людямъ. Можетъ быть, еще не поздно. Надо быть только справедливымъ, чтобы убить ее. Смерть сильная и чистая. И Звягину будетъ легче дышать...

— Что вы молчите? Что вы думаете? — вдругъ почти вскрикнула Валентина, широко открывъ глаза.—О чемъ вы думаете? Ради Бога...

— Я думаю о васъ,—сказалъ Звягинъ тихо и отчетливо.—Знаете-ли, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ?

— Нѣтъ... Что такое...

— Я пришелъ, чтобы убить васъ,—произнесъ Звягинъ также тихо и отчетливо, побѣлѣвшими губами. Онъ медленно вынулъ свой старенькій револьверъ и положилъ на низкій круглый столъ у дивана.—Это такъ просто. Вы понимаете больше, чѣмъ я могу сказать. Когда я шелъ—двѣ мысли спорили въ головѣ. Я еще не зналъ, кого убью, себя или васъ. Но теперь знаю, что убью—васъ.

Валентина, было приподнявшаяся, даже сѣвшая опять, спокойно опустилась на подушки. Она взглянула на револьверъ и усмѣхнулась.

— Я увлеклась воспоминаніями,—сказала она, и не подумала,—благодаря лихорадкѣ, вѣрно, — что вы не прежній, что давно забыто благоуханье апельсинныхъ цвѣтовъ и жизнь сдѣлала васъ тяжелымъ, темнымъ, смутнымъ. Я боюсь, что смерть вамъ не по силамъ, мой бѣдный Левъ Львовичъ. Не знаю, какъ случилось, что вы судите и осуждаете меня. Я не вѣрю тому, что вы говорите, но если-бы... — Она опять усмѣхнулась—если-бы... вѣдь я никогда, понимая смерть, не боялась ея. Это не храбрость, не достоинство, не недостатокъ, это мое свойство. И даже если-бъ мнѣ пришлось умереть теперь, когда я такъ счастлива...

Digitized by Google

— Вы счастливы, я вижу, я знаю, и это счастье, въ немъ нѣтъ свѣта, опять ложь...

— Когда я такъ счастлива,—повторила Валентина, глядя на Звягина въ упоръ, близко, и отдѣляя каждый слогъ.—Счастлива и стою у самаго порога новой жизни...

Звягинъ схватилъ ее за руку и сжалъ со всей злобой, со всей силой, но Валентина не почувствовала боли. Она, усмѣхаясь, проговорила съ презрѣніемъ:

— Я читаю въ вашей душѣ, какъ въ раскрытой книгѣ. Вижу, что вы думаете. Понимаю, отчего вамъ хочется убить меня. Я лучше васъ понимаю, что именно теперь вы чувствуете. А полчаса тому назадъ, въ этой комнатѣ... Напрасно, не ждите, не скажу. Не хочу сказать. Но знайте — я не лгу: я счастлива оттого, что начинаю новую жизнь.

И она, откинувъ волосы со лба, смотрѣла на Звягина съ вызывающей, спокойной дерзостью. Можетъ быть, никогда лицо ея не было такъ красиво. Влажные зубы блестѣли, полуоткрытыя губы легко улыбались.

Звягинъ не думалъ ни о чемъ. Онъ только слушалъ звукъ ея голоса и рѣдкіе, тяжелые удары своего сердца.

— Не искушайте судьбу, Валентина,—пролепеталъ онъ, не понимая, что говоритъ.—Судьба безпощадна и справедлива...

— Я не боюсь ничего. Можетъ быть, я подумала-бы, что не стоитъ умереть отъ вашей руки—мнѣ... если-бъ я вѣрила... Но я почти не вѣрю. И я могла-бы однимъ словомъ... Но я не хочу. Смѣюсь надъ вами, надъ судомъ вашимъ, надъ вашимъ темнымъ, слабымъ сердцемъ... Убейте меня. О, я не буду защищаться... отъ васъ! Но помните: ничто не измѣнится, если вы и убьете меня.

Звягинъ взялъ револьверъ, съ рѣзкимъ звукомъ поднялъ курокъ и медленно съ осторожностью, приложилъ узкое дуло къ груди Валентины, немножко вбокъ, ниже начала кружевъ. Мягкая ткань уступила, ея не чувствовалось, Звягину казалось, что онъ дотрогивается до тѣла.

Эта минута, которую они провели лицомъ къ лицу, молча и близко глядя другъ другу въ глаза, казалась длиннѣе многихъ часовъ. Глаза Звягина были туманны, безъ мысли, какъ глаза звѣря. И Валентина поняла въ эту минуту, что стихійная, внѣшняя сила настигаетъ ее, что все кончено. Холодная волна послѣдняго ужаса пробѣжала по тѣлу. Но душа осталась спокойной. Тѣлесная болѣзнь, даже самая пустая, все-таки дѣлаетъ намъ смерть болѣе близкой, болѣе родной. И эта случайная слабость, соединившись съ мужествомъ передъ пониманіемъ смерти, сдѣлала Валентину спокойной, непобѣдимой, почти дерзкой въ послѣднюю минуту. И совершилось то, что случается чаще, чѣмъ иное: слабый убилъ сильнаго.

Digitized by Google

Звягинъ не помнилъ, когда онъ спустилъ курокъ. Дуло было слишкомъ прижато къ тѣлу, звукъ послышался не громкій, неожиданный. Звягинъ видѣлъ, какъ вздрогнуло тѣло, точно отъ толчка—и упала приподнятая рука. Онъ не слышалъ ни крика, ни стона. Ему даже казалось, что ничто не измѣнилось. Крови онъ не видѣлъ, только розовая пѣна окрасила губы. А сбоку, на желтомъ и нѣжномъ, какъ пѣна, шелкѣ дымилось темное, маленькое отверстіе съ опаленными краями.

И Звягинъ сидѣлъ, и все смотрѣлъ, все смотрѣлъ неотрывно, не отводя безумныхъ глазъ отъ мертваго лица. Лицо дѣлалось блѣднѣе, тоньше и строже. Смерть чистая и сильная, дала чертамъ послѣднее выраженіе правды, знанія и спокойствія.

Воздухъ былъ тихъ и душенъ. Гибкіе, ломкіе, невинные златоцвѣты подымали головки, не смѣя благоухать.

З. Гиппіусъ.

Digitized by Google

„QUO VADIS".

Романъ изъ временъ Нерона Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

Прежде чѣмъ Флавіи воздвигли Колизей, амфитеатры въ Римѣ строились преимущественно изъ дерева, а потому они почти всѣ сгорѣли во время пожара. Но Неронъ для устройства обѣщанныхъ имъ игръ повелѣлъ выстроить нѣсколько амфитеатровъ, а между ними одинъ громадныхъ размѣровъ, для постройки котораго тотчасъ послѣ прекращенія пожара по морю и Тибру стали привозить огромные стволы деревьевъ, вырубленные въ лѣсахъ Атласа. Такъ какъ игры великолѣпіемъ и обширностью должны были превзойти всѣ предыдущія, то пришлось прибавить болѣе обширныя помѣщенія для людей и звѣрей. Тысячи людей днемъ и ночью работали надъ постройками. Строили и украшали безъ устали. Въ народѣ разсказывали чудеса о колонахъ, выложенныхъ бронзой, янтаремъ, слоновой костью, перламутромъ и черепахой. Бѣгущіе вдоль сидѣній каналы, наполненные ледяной водой съ горъ, должны были поддерживать свѣжесть въ зданіи даже во время наибольшаго зноя. Огромные пурпурные «velarium'ы» ограждали отъ солнечныхъ лучей. Въ проходахъ между сидѣньями были поставлены кадильницы для куренья арабскихъ благовоній; на верху помѣщены были снаряды для окропленія зрителей шафранной водой и вервэной. Знаменитые архитектора Северъ и Целлеръ напрягли все свое искусство, чтобы воздвигнуть амфитеатръ ни съ чѣмъ несравнимый и вмѣстѣ съ тѣмъ могущій вмѣстить такое число любопытныхъ, которое до сихъ поръ ни одинъ амфитеатръ вмѣстить не могъ.

Digitized by Google

И въ тотъ день, когда должны были начаться «ludus matutinus», цѣлыя толпы черни съ разсвѣта ждали открытія воротъ, съ восторгомъ прислушиваясь къ рычанью львовъ, хриплому реву пантеръ и завыванью собакъ. Звѣрямъ два дня не давали ѣсть, и вмѣсто этого, мимо нихъ проносили кровавые куски мяса, чтобы этимъ самымъ еще больше возбудить въ нихъ голодъ и бѣшенство. И минутами подымалась такая буря дикихъ голосовъ, что народъ, стоящій передъ циркомъ, не могъ разговаривать, а болѣе впечатлительныя блѣднѣли отъ страха. Но съ восходомъ солнца внутри цирка задрожали пѣсни, громкія, но спокойныя, къ которымъ народъ прислушивался съ изумленіемъ, повторяя: «христіане, христіане!» Дѣйствительно, множество христіанъ было пригнано въ амфитеатръ еще ночью; и не только изъ одной темницы, какъ намѣревались раньше, но изъ всѣхъ темницъ понемногу. Народъ зналъ, что зрѣлища протянутся цѣлыя недѣли и мѣсяцы, но теперь возгорались споры о томъ, удастся-ли покончить за одинъ день съ тѣми христіанами, которые были предназначены на сегодня. Голоса мужскіе, женскіе и дѣтскіе, поющіе утреннюю пѣснь были такъ многочисленны, что знатоки утверждали, что если даже на арену будутъ высылать сразу по сто и двѣсти человѣкъ, то звѣри утомятся, насытятся и не смогутъ всѣхъ разорвать. Другіе говорили, что слишкомъ большое количество жертвъ, выступающихъ одновременно на аренѣ, развлекаетъ вниманье и не позволяетъ, какъ слѣдуетъ, любоваться зрѣлищемъ. По мѣрѣ того, какъ приближалась минута открытія коридоровъ, ведущихъ внутрь зданія и называемыхъ вомиторіями, народъ оживлялся, веселѣлъ и спорилъ о различныхъ вещахъ, касающихся зрѣлища. Начинали образовываться партіи: одни утверждали, что львы лучше разрываютъ людей, другіе стояли за тигровъ. Тамъ и сямъ начинали биться объ закладъ. Наконецъ третьи разговаривали о гладіаторахъ, которые должны были выступить на аренѣ раньше христіанъ—и снова образовывались партіи, стоящія одни за самнитовъ, другіе за галловъ, третьи за мирмиллоновъ, за ѳракійцевъ и за ретіаріевъ. Еще рано утромъ большіе и маленькіе отряды ихъ стали, подъ предводительствомъ ланистовъ, стекаться въ амфитеатръ. Не желая утомлять себя раньше времени, они шли безъ оружія, иногда совершенно нагіе, иногда съ зелеными вѣтками къ рукахъ, или украшенные цвѣтами, молодые, прекрасные, полные жизни. Тѣла ихъ, блестящія отъ масла, могучія, и какъ-бы высѣченныя изъ мрамора, приводили въ восторгъ людей, обожающихъ красоту формъ. Многіе изъ нихъ были хорошо знакомы толпѣ и каждую минуту раздавались возгласы: «Здравствуй Фурній! Здравствуй Лео! Здравствуй Максимъ! Здравствуй Діомидъ!» Молодыя дѣвушки обращали къ нимъ глаза свои, полные любви, а гладіаторы высматривали тѣхъ, что были красивѣе другихъ и обращались къ нимъ съ шутками, по-

Digitized by Google

сылали имъ поцѣлуи или кричали: «Обойми меня, прежде чѣмъ смерть обниметъ меня», какъ будто никакой бѣды не висѣло надъ ними. И послѣ этого они исчезали за воротами, изъ которыхъ большинству не суждено было ужъ выйти. Но все новыя поводы отвлекали вниманіе толпы. За гладіаторами шли мастиготіоры, т. е. люди, вооруженные бичемъ, обязанность которыхъ была стегать и возбуждать борющихся. Потомъ мулы тащили по направленію къ «споліаріуму» цѣлые обозы телѣгъ, на которыхъ сложены были цѣлыя кучи деревянныхъ гробовъ. Ихъ видъ радовалъ народъ, который по ихъ числу могъ заключить о размѣрахъ зрѣлища. Потомъ потянулись люди, переодѣтые Харономъ или Меркуріемъ, которые должны были добивать раненыхъ, потомъ люди, наблюдающіе за порядкомъ въ циркѣ, разводящіе по мѣстамъ, рабы, разносящіе явствія и холодные напитки и, наконецъ, преторіанцы, которыхъ каждый цезарь въ амфитеатрѣ всегда имѣлъ подъ рукой.

Наконецъ, открыли вомиторіи и толпа хлынула внутрь. Но собравшихся было такое множество, что они текли и текли въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Можно было удивляться, что амфитеатръ можетъ поглотить такое неисчислимое количество людей; ревъ звѣрей, чуящихъ испаренія человѣческихъ тѣлъ, еще усилился. Народъ шумѣлъ, занимая мѣста, какъ волна во время бури.

Наконецъ, прибылъ префектъ города, окруженный «вигиліями»,— а послѣ него непрерывною цѣпью потянулись, смѣняя одни другихъ, носилки консуловъ, сенаторовъ, преторовъ, эдиловъ, правительственныхъ и дворцовыхъ чиновниковъ, преторіанскихъ старшинъ, патриціевъ и нарядныхъ женщинъ. Нѣкоторыя носилки сопровождались ликторами, несущими сѣкиры и пучки розогъ, другія были окружены толпой рабовъ. На солнцѣ сверкала позолота носилокъ, бѣлыя и разноцвѣтныя платья, перья, серьги, драгоцѣнности и сталь топоровъ. Изъ цирка доносились возгласы, которыми народъ привѣтствовалъ могущественныхъ сановниковъ. И, кромѣ того, отъ времени до времени прибывали еще небольшіе отряды преторіанцевъ.

Но жрецы изъ различныхъ храмовъ прибыли нѣсколько позднѣе и только послѣ нихъ принесли свѣтлую дѣву Весты, которой предшествовали ликторы.—Для того, чтобы начать зрѣлище ждали только цезаря, который не желая слишкомъ долгимъ ожиданіемъ возбуждать противъ себя народъ,—и думая поспѣшностью привлечь его на свою сторону, прибылъ скоро, вмѣстѣ съ августой и своими приближенными.

Петроній прибылъ вмѣстѣ съ другими приближенными августа, въ однихъ носилкахъ съ Виниціемъ. Этотъ послѣдній зналъ, что Лигія больна и лежитъ въ безсознательномъ состояніи, но такъ какъ въ послѣдніе дни входъ въ темницу былъ строжайшимъ образомъ охраняемъ, прежняя стража замѣнена новой, которая не имѣла даже права разго-

Digitized by Google

варивать со сторожами, а также не могла ничего сообщить о заключенныхъ тѣмъ, кто приходилъ справляться о нихъ, то Виницій не былъ увѣренъ, не находится-ли она среди жертвъ, предназначенныхъ для перваго дня зрѣлищъ. На растерзанье львамъ могли прислать и больную, хотя-бы и безсознательную. Но такъ какъ жертвы должны были быть обшиты въ звѣриныя шкуры и цѣлыми толпами выгоняться на арену, то никто изъ зрителей не могъ знать, находится-ли среди этихъ жертвъ тотъ, кто ихъ интересуетъ. Сторожа и всѣ служители въ амфитеатрѣ были подкуплены, съ бестіаріями былъ заключенъ договоръ, что они скроютъ Лигію въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ амфитеатра, а ночью выдадутъ ее въ руки вѣрнаго слуги Виниція, который сейчасъ-же отвезетъ ее въ Альбанскія горы. — Петроній, посвященный въ эту тайну, совѣтовалъ Виницію, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ открыто отправился въ амфитеатръ и только при входѣ, во время толкотни спустился-бы внизъ и во избѣжаніе могущихъ быть ошибокъ отдѣльно указалъ-бы сторожамъ на Лигію.

Сторожа впустили его черезъ маленькія дверки, черезъ которыя они выходили сами. Одинъ изъ нихъ, по имени Сиръ, сейчасъ-же провелъ Виниція къ христіанамъ. Дорогой онъ сказалъ:

— Не знаю, господинъ, найдешь-ли ты то, что ищешь. Мы разспрашивали о дѣвушкѣ, именуемой Лигія, но никто не далъ намъ отвѣта, но, можетъ быть, нáмъ не вѣрятъ!

— Ихъ много? спросилъ Виницій.

— Многіе, господинъ, должны будутъ остаться на завтра.

— Есть-ли между ними больные?

— Такихъ, которые не могли-бы держаться на ногахъ, нѣтъ.

Сказавъ это, Сиръ отворилъ дверь и они вошли какъ-бы въ огромную залу, низкую и темную, такъ какъ свѣтъ достигалъ въ нее только сквозь рѣшетчатое отверстіе, отдѣляющее ее отъ арены. Виницій сначала не могъ ничего разглядѣть,—онъ слышалъ только шумъ голосовъ и крики людей, доносящіеся изъ амфитеатра, но черезъ минуту, когда глаза его освоились съ мракомъ, онъ увидалъ цѣлыя толпы странныхъ существъ, похожихъ на волковъ и на медвѣдей. То были, христіане, зашитые въ звѣриныя шкуры. Нѣкоторые изъ нихъ стояли, другіе молились на колѣняхъ. Тамъ и сямъ, по длиннымъ волосамъ, спускавшимся по шкурѣ, можно было отгадать, что то стоитъ женщина. Матери, похожія на волчицъ, носили на рукахъ такихъ-же косматыхъ дѣтей. Но изъ-подъ шкуръ виднѣлись свѣтлыя лица, глаза блестѣли въ темнотѣ радостно и лихорадочно.

Было ясно, что большей частью этихъ людей овладѣла одна мысль исключительная и неземная, которая еще при жизни сдѣлала ихъ нечувствительными ко всему тому, что творилось вокругъ нихъ и къ

Digitized by Google

тому, что могло съ ними случиться. Нѣкоторые изъ нихъ, къ которымъ Виницій обратился съ вопросомъ о Лигіи, смотрѣли на него глазами людей, только-что пробудившихся отъ сна, и не отвѣчали на вопросъ; другіе улыбались ему, прикладывая палецъ къ устамъ своимъ или указывали на желѣзную рѣшетку, черезъ которую проникали яркіе снопы лучей.

Только тамъ и сямъ плакали дѣти, испуганные рычаньемъ звѣрей, воемъ собакъ, шумомъ людскихъ голосовъ и звѣринымъ обликомъ собственныхъ родителей. Виницій, идя рядомъ со сторожемъ Сиромъ, вглядывался въ лица, искалъ, разспрашивалъ, иногда спотыкался о тѣла тѣхъ, которые лишились чувствъ отъ толкотни, духоты и жара,—и протискивался дальше въ темную глубину залы, которая, казалось, была такая-же обширная, какъ и амфитеатръ.

Онъ вдругъ остановился, такъ какъ ему показалось, что у рѣшетки раздался какой-то знакомый ему голосъ. Прислушавшись съ минуту, онъ повернулъ въ ту сторону, откуда голосъ послышался ему, протолкался черезъ толпу и сталъ поближе. Снопъ свѣта падалъ на голову говорившаго и при этомъ свѣтѣ, Виницій изъ-подъ волчьей шкуры узналъ похудѣвшее и неумолимое лицо Криспа.

— Сокрушайтесь въ грѣхахъ вашихъ, говорилъ Криспъ,—такъ какъ минута близка. Но тотъ, кто думаетъ, что смертью искупитъ вину свою, тотъ совершаетъ новый грѣхъ и будетъ ввергнутъ въ огнь вѣчный. Каждымъ грѣхомъ, который совершали вы при жизни вашей, вы возобновляли страданія Христа, а потому какъ смѣете вы думать, что тѣ страданія, которыя ждутъ васъ, могутъ искупить здѣшнюю жизнь? Одной смертью умрутъ нынѣ праведные и грѣшники, но Господь отличитъ своихъ праведниковъ. Горе вамъ, такъ какъ клыки львовъ разорвутъ тѣла ваши, но не разорвутъ грѣховъ вашихъ, ни счетовъ вашихъ съ Богомъ. Господь былъ столь милостивъ, что позволилъ къ кресту пригвоздить Себя, но теперь Онъ будетъ только судьей, который ни одной вины безъ наказанья не оставитъ! А потому, вы, которые мнили, что страданья искупятъ грѣхи ваши, вы грѣшите противъ справедливости Божьей и тѣмъ строже будете наказаны. Милосердіе кончилось и наступилъ часъ гнѣва Божія. И черезъ минуту вы предстанете предъ страшнымъ судомъ, передъ которымъ и добродѣтельный едва-ли устоитъ. Сокрушайтесь о грѣхахъ вашихъ, такъ какъ пасть адская разверста— и горе вамъ, мужья и жены, горе вамъ, родители и дѣти!

И протянувъ костлявыя руки, Криспъ потрясалъ ими надъ склонившимися головами, безстрашный и неумолимый даже предъ лицомъ смерти, на которую черезъ минуту должны были итти всѣ осужденные. Послѣ словъ его послышались голоса: «Мы сокрушаемся о грѣхахъ нашихъ!» и потомъ наступило молчаніе; и слышенъ былъ только плачъ дѣтскій и

Digitized by Google

удары рукъ въ груди. У Виниція кровь застыла въ жилахъ. Онъ, который всю надежду свою возлагалъ на милосердіе Христа, теперь услышалъ, что наступилъ день гнѣва, и что даже смерть на аренѣ не вымолитъ милосердія. Правда, въ головѣ его мелькнула быстрая, какъ молнія, мысль о томъ, что Петръ Апостолъ иначе говорилъ-бы съ этими людьми, идущими на смерть,—но тѣмъ не менѣе грозныя, полныя фанатизма слова Криспа и эта темная зала съ рѣшетками, за которыми находилась арена мученій и близость ея, и количество жертвъ, готовыхъ уже на смерть, наполнили душу его страхомъ и ужасомъ. Все это разомъ взятое, казалось ему страшнѣе и во сто разъ ужаснѣе, чѣмъ самыя кровавыя битвы, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе. Духота и жаръ начинали душить его. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Имъ овладѣлъ страхъ, что онъ лишится чувствъ, какъ тѣ, на тѣла которыхъ онъ спотыкался, когда разыскивалъ Лигію, онъ подумалъ еще, что каждую минуту могутъ отвориться рѣшетки и онъ сталъ громко звать Лигію и Урса, въ надеждѣ на то, что если не они, то кто-нибудь изъ знающихъ ихъ отвѣтитъ ему.

И дѣйствительно, въ ту-же минуту, какой-то человѣкъ, одѣтый медвѣдемъ, потянулъ его за тогу и сказалъ:

— Господинъ, они остались въ тюрьмѣ, меня взяли послѣдняго и я видѣлъ ее больную на ложѣ.

— Кто ты? спросилъ Виницій.

— Землекопъ, въ хижинѣ котораго Апостолъ крестилъ тебя, господинъ. Меня схватили три дня тому назадъ, а сегодня я ужъ умру!

Виницій свободно вздохнулъ. Входя сюда, онъ даже хотѣлъ найти Лигію, а теперь онъ готовъ былъ благодарить Христа за то, что ея нѣтъ здѣсь, и готовъ былъ видѣть въ этомъ знакъ Его милости.

А тѣмъ временемъ землекопъ еще разъ потянулъ его за тогу и сказалъ:

— Ты помнишь, господинъ, что я провелъ тебя въ виноградникъ Корнелія, въ сарай, гдѣ училъ Апостолъ.

— Помню!—отвѣтилъ Виницій.

— Я видѣлъ его позднѣе; за день до того, что меня схватили. Онъ благословилъ меня и сказалъ, что придетъ въ амфитеатръ, проститься съ осужденными. Мнѣ хотѣлось-бы смотрѣть на него въ минуту смерти и видѣть знакъ креста, такъ какъ тогда мнѣ легче будетъ умирать, а потому если ты знаешь, господинъ, гдѣ онъ находится, то скажи мнѣ!

Виницій понизилъ голосъ и отвѣчалъ:

— Онъ находится среди людей Петронія, переодѣтый рабомъ. Я не знаю, какое мѣсто они выбрали, но возвращусь въ циркъ и увижу.

Digitized by Google

Ты гляди на меня, когда выйдешь на арену, а я подымусь и поверну голову въ ихъ сторону. А тогда ты глазами отыщешь его.

— Благодарю тебя, господинъ, и миръ тебѣ.

— Да будетъ милостивъ къ тебѣ Спаситель.

— Аминь.

Виницій вышелъ изъ «куникула» и отправился въ амфитеатръ, гдѣ у него было мѣсто рядомъ съ Петроніемъ, среди другихъ приближенныхъ августа.

— Здѣсь она?—спросилъ его Петроній.

— Нѣтъ. Она осталась въ тюрьмѣ.

— Слушай, что мнѣ еще пришло въ голову, но слушая гляди, ну хоть-бы на Нигиду, чтобы казалось, что мы говоримъ о прическѣ ея... Тигеллинъ и Хилонъ глядятъ на насъ въ эту минуту... Слушай-же: пусть Лигію ночью положатъ въ гробъ и вынесутъ изъ тюрьмы, какъ мертвую,—остальное ты самъ догадаешься.

— Да!—отвѣчалъ Виницій.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ прервалъ Тулей Сенеціонъ, который, наклонившись къ нимъ, сказалъ:

— Не знаете-ли вы, дадутъ-ли христіанамъ оружіе?

— Не знаемъ!—отвѣчалъ Петроній.

— Я хотѣлъ-бы, чтобы дали,—сказалъ Тулій,—иначе арена слишкомъ скоро сдѣлается похожей на лавку мясника. Но что за роскошный амфитеатръ!

Дѣйствительно, видъ былъ превосходный. Низшія сидѣнія, переполненныя тогами, бѣлѣли, какъ снѣгъ. Въ позолоченномъ «подіумѣ» сидѣлъ цезарь, въ брилліантовомъ ожерельѣ, съ золотой короной на головѣ, а рядомъ съ нимъ прекрасная и угрюмая августа, кругомъ весталки, важные сановники, сенаторы, въ пурпуровыхъ плащахъ, старшины войска въ блестящихъ нарядахъ, однимъ словомъ—все, что въ Римѣ было могущественнаго, блестящаго и богатаго. Въ заднихъ рядахъ сидѣли воины, а выше кругомъ чернѣло море головъ людскихъ, надъ которыми отъ столба до столба свѣшивались гирлянды, свитыя изъ розъ, лилій, плюща и винограда.

Народъ разговаривалъ громко, перекликался, пѣлъ, иногда раздавался взрывъ хохота, вызванный какой-нибудь остротой, которая передавалась изъ одного ряда въ другой, и стучалъ ногами отъ нетерпѣнія, чтобы ускорить начало зрѣлища. Наконецъ, топотъ сталъ походить на громъ и уже не прекращался. Въ то время префектъ города, который появился ужъ раньше съ блестящей процессіей, объѣхалъ арену, далъ знакъ платкомъ, на который въ амфитеатрѣ отвѣчало общее: «ахъ!..» вырвавшееся изъ нѣсколькихъ тысячъ грудей.

Обыкновенно зрѣлище начиналось облавой на дикихъ звѣрей, въ

Digitized by Google

которой показывали свое искусство варвары съ сѣвера и юга, но теперь звѣрей должно было быть и безъ того много, а потому зрѣлище должно было начаться съ «андобаровъ», т. е. людей, носящихъ шлемы безъ отверстій для глазъ, а потому дерущихся на удачу. Нѣсколько андобаровъ вышло сразу на арену и стали размахивать мечами по воздуху, а мастигофоры, съ помощью длинныхъ вилъ, подвигали ихъ другъ къ другу, чтобы произвести столкновеніе. Болѣе избалованные зрители хладнокровно и съ презрѣніемъ глядѣли на это зрѣлище, но народъ забавлялся неловкими движеніями андобаровъ, а когда случалось, что они сталкивались спинами разражался громкимъ смѣхомъ и кричалъ: «вправо! влѣво! прямо!», часто умышленно, обманывая противниковъ. Однако, нѣсколько паръ уже сцѣпились и борьба начинала дѣлаться кровавой. Завзятые борцы бросали щиты и подавая другъ другу лѣвыя руки, чтобы не разлучаться больше—правыми дрались на смерть. Тотъ, кто падалъ, поднималъ вверхъ палецъ, этимъ знакомъ просилъ о жалости, но въ началѣ зрѣлищъ народъ обыкновенно требовалъ смерти раненыхъ, въ особенности когда дѣло шло объ андобарахъ, лица которыхъ народъ не могъ различить. Число борцовъ становилось все меньше и меньше, а когда подъ конецъ ихъ осталось только двое, ихъ пододвинули такъ, что столкнувшись они оба, упали на песокъ и на немъ закололи другъ друга. Сейчасъ-же среди криковъ: «кончено!» [1]), служителя убрали трупы, а мальчики заравняли кровавые слѣды и засыпали ихъ листьями шафрана.

Теперь должна была произойти болѣе серьезная борьба, возбуждающая любопытство не только толпы, но также и людей съ изящнымъ вкусомъ, при которой молодые патриціи бились не разъ объ закладъ на огромныя суммы и часто проигрывали все до послѣдней нитки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ рукъ въ руки стали ужъ передаваться таблички, на которыхъ были написаны имена любимцевъ, а также и количество состерцій, которое каждый ставилъ за своего избранника. «Spectaci», т. е. борцы, которые уже выступали на арену и одерживали на ней побѣды, находили больше сторонниковъ, но между бьющимися объ закладъ были и такіе, которые ставили крупныя суммы на новыхъ и совершенно неизвѣстныхъ гладіаторовъ, въ надеждѣ на то, что въ случаѣ ихъ побѣды получатъ огромный выигрышъ. Бился объ закладъ и самъ цезарь, и жрецы, и весталки, и сенаторы, и воины, и простой народъ. Когда у нихъ недоставало денегъ, часто ставили свою собственную свободу. Съ біеніемъ сердца и съ тревогой толпа ожидала появленія борцовъ и многіе громко давали обѣты богамъ, чтобы привлечь ихъ на сторону своего избранника.

[1]) «Peractum est!»

Digitized by Google

И когда раздался рѣзкій звукъ трубъ—въ амфитеатрѣ воцарилась тишина ожиданья. Тысячи глазъ обратились къ большимъ засовамъ, къ которымъ приблизился человѣкъ, одѣтый Харономъ,—и среди общаго молчанія онъ трижды ударилъ въ нихъ молотомъ, какъ-бы вызывая на смерть тѣхъ, которые были за ними скрыты. Послѣ этого медленно отворились обѣ половинки воротъ, показывая черную пасть, изъ которой начали появляться гладіаторы на ярко освѣщенной аренѣ цирка. Они шли отрядами, по двадцать пять человѣкъ въ каждомъ: ѳракійцы, мирмилоны, самниты, галлы—каждые отдѣльно, всѣ тяжело вооруженные; наконецъ появились ретіаріи, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой трезубецъ. При видѣ ихъ тамъ и сямъ послышались рукоплесканія, которыя вскорѣ обратились въ одну общую и продолжительную бурю. Съ верху до низу виднѣлись разгорѣвшіяся лица, хлопающія руки и открытыя уста, изъ которыхъ вырывались крики. А гладіаторы обошли всю арену ровнымъ, твердымъ шагомъ, сверкая оружіемъ и богатыми уборами, а потомъ остановились передъ «подіумомъ» цезаря, гордые, спокойные, блестящіе, рѣзкій звукъ рога прекратилъ рукоплесканія, и тогда гладіаторы, вытянувъ кверху правую руку и поднявъ глаза къ цезарю, стали кричать, или вѣрнѣе, запѣли протяжными голосами:

«Ave caesar imperator!
Morituri te salutant»!

Потомъ они быстро разошлись, занимая на аренѣ свои мѣста.— Они должны были нападать другъ на друга цѣлыми отрядами, но сначала знаменитостямъ изъ нихъ былъ разрѣшенъ рядъ состязаній въ единоборствѣ, въ которыхъ лучше всего выказывалась сила, ловкость и отвага противниковъ. И вотъ изъ отряда «галловъ» выдѣлился гладіаторъ, хорошо извѣстный любителямъ амфитеатра, подъ названіемъ «мясникъ» (lanio), бывшій побѣдителемъ на многихъ играхъ.

Съ большимъ шлемомъ на головѣ и въ панцырѣ, который обхватывалъ спереди и сзади его могучую грудь онъ въ яркомъ свѣтѣ на фонѣ желтой арены казался огромнымъ блестящимъ жукомъ. Не менѣе сильный ретіарій Календіонъ выступилъ противъ него.

Между зрителями началось битье объ закладъ.

— Пятьсотъ сестерцій за галла!

— Пятьсотъ за Календіона!

— Клянусь Геркулесомъ!—тысяча!

— Двѣ тысячи.

Тѣмъ временемъ галлъ, дойдя до середины арены, началъ отступать съ выставленнымъ мечомъ и, нагибая голову, сквозь отверстія шлема, внимательно присматривался къ движеніямъ противника, а ретіарій, легкій, съ прекрасными, пластичными формами, совершенно голый, за

Digitized by Google

исключеніямъ повязки вокругъ бедръ—быстро кружился вокругъ своего тяжелаго противника, красиво размахивая сѣтью и распѣвая обычную пѣснь ретіаріевъ:

«Не тебя ловлю, я ловлю рыбу.
Что ты бѣжишь отъ меня, галлъ? [1])

Но галлъ не бѣжалъ; а черезъ минуту остановился на одномъ мѣстѣ и только едва замѣтнымъ движеніемъ сталъ поворачиваться, чтобы имѣть всегда врага передъ собой. Въ его фигурѣ и уродливо огромной головѣ было нѣчто страшное. Зрители хорошо понимали, что это тяжелое, закованное въ мѣдь тѣло, подготовляется къ неожиданному прыжку, который положитъ конецъ борьбѣ. А тѣмъ временемъ ретіарій то подскакивалъ къ нему, то отскакивалъ, такъ быстро размахивая своими тройными вилами, что глазъ человѣческій съ трудомъ могъ услѣдить за нимъ. Звукъ зубцовъ о щитъ раздавался не разъ, но галлъ даже не сдвинулся, доказывая этимъ всю величину своей силы. Все вниманіе казалось было обращено не на трезубецъ, а на сѣть, которая кружилась непрестанно надъ головой его, какъ зловѣщая птица. Ланіонъ, улучивъ минуту, бросился, наконецъ, на противника, а этотъ послѣдній съ такой-же быстротой проскользнулъ подъ его мечомъ и, поднявши руку, выпрямившись, бросилъ сѣть.

Галлъ, повернувшись на мѣстѣ, удержалъ ее щитомъ, и они разошлись. Въ амфитеатрѣ загремѣли крики: «Macte!» и въ нижнихъ рядахъ устраивались новые заклады. Самъ цезарь, который сначала разговаривалъ съ весталкой Рубріей и до сихъ поръ не слишкомъ много обращалъ вниманіе на зрѣлище, теперь повернулъ голову къ аренѣ.

А гладіаторы снова стали бороться съ такой ловкостью въ движеніяхъ и съ такимъ знаніемъ дѣла, что минутами казалось, что дѣло идетъ не о жизни и смерти, а о томъ, какъ-бы лучше выказать свое искусство. Ланіонъ, еще дважды вывернувшійся изъ сѣти, сталъ снова пятиться къ краю арены. Тогда тѣ, кто поставили противъ него, не желая дать ему отдохнуть, стали кричать: «Нападай!» Галлъ послушался и напалъ. Плечо противника вдругъ обагрилось кровью—и сѣть повисла въ его рукѣ. Ланіонъ съежился и прыгнулъ, желая нанести послѣдній ударъ. Но въ эту минуту Календіонъ, который умышленно сдѣлалъ видъ, что не можетъ владѣть сѣтью, перегнулся на бокъ, уклонился отъ нападенія и всунувши трезубецъ между колѣнъ противника свалилъ его на землю.

Ланіонъ хотѣлъ встать, но въ одно мгновеніе ока его опутали роковые шнуры, въ которыхъ съ каждымъ движеніемъ его все сильнѣе

[1]) Non te peto, piscem peto,
Quid mi fugi, galle?

и сильнѣе запутывались его руки и ноги. А тѣмъ временемъ удары трезубца пригвождали его къ землѣ. Онъ еще разъ собралъ всѣ свои силы, оперся на руку и напрягся, чтобы встать,—напрасно! Онъ поднялъ къ головѣ онѣмѣвшую руку, которая уже не могла удержать меча и упалъ навзничь. А Календіонъ зубцами своихъ вилъ придавилъ шею его къ землѣ и опершись обѣими руками на древко ихъ,—повернулся къ ложѣ цезаря.

Весь циркъ задрожалъ отъ рукоплесканій и человѣческаго рева. Для тѣхъ, кто держалъ за Календіона, онъ въ эту минуту былъ выше цезаря,—но именно поэтому въ сердцѣ ихъ исчезла ненависть противъ Ланіона, который цѣною своей крови наполнилъ ихъ карманы. Желанія народа раздвоились. Одна половина требовала смерти Ланіона, другая желала помилованія его, но Календіонъ глядѣлъ только на ложу цезаря и весталокъ, ожидая, чѣмъ они рѣшатъ.

Къ несчастью, Неронъ не любилъ Ланіона, такъ какъ на послѣднихъ играхъ передъ пожаромъ онъ поставилъ на него крупную сумму и проигралъ ее Лицинію, а потому онъ высунулъ руку изъ подіума и обратилъ большой палецъ къ землѣ.

Весталки тотчасъ-же повторили этотъ знакъ. Календіонъ сейчасъ-же сталъ колѣномъ на грудь галла, вытащилъ короткій ножъ, который носилъ за поясомъ, и отстранивъ панцырь около шеи противника, всадилъ ему въ горло по рукоятку трехгранное остріе.

— Peractum est!—раздались возгласы въ амфитеатрѣ. Ланіонъ нѣсколько времени вздрагивалъ, какъ зарѣзанный быкъ, и копалъ ногами песокъ,—а потомъ выпрямился и остался недвижимъ.

Меркурію не пришлось прижигать раскаленнымъ желѣзомъ, для того, чтобы убѣдиться въ смерти его галла. Его вытащили и ихъ мѣсто заступили другія пары и только послѣ нихъ начались сраженія цѣлыхъ отрядовъ. Народъ принималъ въ нихъ участіе всей душой, всѣмъ сердцемъ, глазами: онъ вылъ, рычалъ, свисталъ, рукоплескалъ, хохоталъ, подбодрялъ борцовъ, безумствовалъ. На аренѣ гладіаторы, раздѣленные на два отряда, боролись съ яростью дикихъ звѣрей: грудь ударялась о грудь, тѣла сплетались въ смертельныхъ объятіяхъ, могучія кости трещали въ своихъ суставахъ, мечи исчезали въ груди, изъ поблѣвшихъ губъ потоками лилась на песокъ кровь. Нѣсколькихъ новичковъ подъ конецъ охватилъ такой ужасъ, что они, вырвавшись изъ свалки, хотѣли бѣжать, но мастигофоры палками съ оловянными наконечниками загнали ихъ снова въ битву. На пескѣ образовались огромныя черныя пятна; кучи нагихъ и одѣтыхъ въ панцырь тѣлъ, какъ снопы валявшихся на пескѣ, все увеличивались. Живые бились на трупахъ, спотыкались на панцыри, на щиты, разбивали въ кровь ноги о поломанное оружіе—и падали. Народъ былъ внѣ себя отъ восторга, упивался смертью, ды-

Digitized by Google

шалъ ею, насыщалъ глаза ея видомъ и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ легкія ея испаренія.

Побѣжденные полегли почти всѣ. Только нѣсколько раненыхъ пали на колѣна посреди арены и шатаясь простирали къ зрителямъ руки, прося о пощадѣ. Побѣдителямъ роздали награды, вѣнки, оливковыя вѣтви и наступила минута отдыха, которая, по приказанію всемогущаго цезаря, превратилась въ пиръ. Въ курильницахъ зажгли благовонія; одни рабы окропляли народъ шафрановой и фіалковой водой, другіе разносили прохладительные напитки, жареное мясо, пирожныя, вино, оливки и плоды. Народъ пожиралъ, разговаривалъ и издавалъ крики въ честь цезаря, чтобы этимъ склонить его къ еще большей щедрости. И дѣйствительно, когда голодъ и жажда были утолены, сотни рабовъ внесли корзины, наполненныя подарками, откуда мальчики, одѣтые амурами, вынимали различные предметы и обѣими руками разбрасывали ихъ зрителямъ. Когда же стали раздавать лоттерейные «тессеры», произошла драка: народъ тѣснился, перескакивалъ черезъ ряды скамеекъ, давилъ и душилъ другъ друга, молилъ о спасеніи въ страшной толкотнѣ; тотъ, кто получалъ счастливый билетъ, выигрывалъ даже домъ съ садомъ, раба, великолѣпную одежду или какого-нибудь рѣдкаго дикаго звѣря, котораго потомъ могъ продать въ амфитеатрѣ. Поэтому происходила такая давка, что часто преторіанцы должны были водворять спокойствіе; послѣ каждой раздачи тессеръ изъ зрительной залы выносили людей съ поломанными руками, ногами и даже затоптанныхъ на смерть.

Но болѣе зажиточные не принимали участія въ борьбѣ за «тессеры». На этотъ разъ приближенные августа забавлялись видомъ Хилона, насмѣшками надъ его напрасными усиліями показать людямъ, что на борьбу и на проливаніе крови онъ можетъ смотрѣть такъ-же спокойно, какъ всякій другой. Но напрасно несчастный грекъ хмурилъ брови, закусывалъ губы и сжималъ кулаки такъ, что даже ногти его впивались въ ладони. Его греческая натура и его трусость не выносили такихъ зрѣлищъ. Лицо его поблѣднѣло, лобъ покрылся каплями пота, губы посинѣли, глаза ввалились, зубы начали стучать, и все тѣло охватила дрожь. По окончаніи состязаній, онъ пришелъ въ себя, но когда надъ нимъ стали подсмѣиваться, его вдругъ охватила ярость и онъ сталъ отчаянно огрызаться.

— Ага! Грекъ! не можешь вынести вида разорванной человѣческой кожи!—говорилъ Ватиній, схвативъ его за бороду.

Хилонъ оскалилъ на него два своихъ послѣднихъ желтыхъ зуба и отвѣчалъ:

— Мой отецъ не былъ сапожникомъ, а потому я не умѣю зашивать ее.

— Macte! habet!—закричало нѣсколько голосовъ.

Digitized by Google

Но другіе продолжали дразнить:

— Не онъ виноватъ, что вмѣсто сердца у него кусокъ сыра!— закричалъ Сенеціонъ.

— Не ты виноватъ, что вмѣсто головы у тебя пузырь.

— Можетъ быть, ты сдѣлаешься гладіаторомъ; ты былъ-бы очень красивъ на аренѣ съ сѣтью.

— Если-бы я словилъ тебя сѣтью, то, значитъ, я поймалъ-бы дурака.

— А что будетъ съ христіанами?—спросилъ Фестій изъ Лигуріи.— Не хочешь-ли ты превратиться въ собаку и кусать ихъ?

— Я не хотѣлъ-бы быть твоимъ братомъ.

— Ахъ ты, трутень!

— Ахъ ты лигурійскій мулъ!

— Очевидно, у тебя кожа зудитъ! но я не совѣтую тебѣ просить меня почесать ее.

— Чеши свою собственную кожу. Если сорвешь свои прыщи, ты лишишься того, что въ тебѣ есть наилучшаго.

И они нападали на него, а онъ ядовито огрызался среди общаго смѣха. Цезарь хлопалъ въ ладоши и повторялъ: «Macte!» и поощрялъ ихъ. Но къ Хилону приблизился Петроній и, прикоснувшись къ плечу грека рѣзной палочкой изъ слоновой кости, холодно сказалъ:

— Все это хорошо, философъ, но ты ошибаешься только въ одномъ: боги сотворили тебя воришкой, а ты сдѣлался демономъ и потому ты не выдержишь!

Старикъ взглянулъ на него своими покраснѣвшими глазами, но на этотъ разъ не нашелъ дерзкаго отвѣта.

— Выдержу!..

Но тѣмъ временемъ трубы дали знать, что перерывъ окончился. Народъ сталъ выходить изъ проходовъ, въ которыхъ онъ собрался, чтобы размять ноги и поговорить. Снова произошло общее движеніе и снова возобновились ссоры изъ-за мѣстъ. Сенаторы и патриціи направлялись къ своимъ прежнимъ мѣстамъ. Понемногу шумъ сталъ утихать и амфитеатръ приходилъ въ порядокъ. На аренѣ появились люди, которые тамъ и сямъ разгребали песокъ, слѣпившійся въ кровяные комки.

Приближалась очередь христіанъ. Это было совершенно новое зрѣлище для народа и никто не зналъ, какъ они будутъ вести себя, всѣ ждали ихъ съ любопытствомъ. Настроеніе толпы было сосредоточенное, потому что ждали необыкновенныхъ сценъ, но непріязненное для христіанъ. Вѣдь какъ-бы-то ни было, а люди, которые должны были сейчасъ появиться, сожгли Римъ и его сокровища, собранныя вѣками. Вѣдь какъ-бы-то ни было, а эти люди питались кровью младенцевъ, отравляли воду источниковъ, проклинали цѣлый родъ людской и позво-

Digitized by Google

ляли себѣ самыя отвратительныя преступленія. Пробудившейся ненависти мало было самыхъ суровыхъ каръ, и если какое-нибудь опасеніе стѣсняло сердце народа, то только одно: будутъ-ли мученія преступныхъ осужденныхъ равны ихъ преступленіямъ?

Тѣмъ временемъ солнце высоко поднялось и его лучи, проникающіе сквозь пурпуровый «веларіумъ», наполнили амфитеатръ кровавымъ свѣтомъ. Песокъ принялъ огненную окраску,—и въ этомъ освѣщеніи, въ лицахъ людей, а также и въ пустой аренѣ, которая черезъ минуту должна была наполниться мученіями людей и животной яростью—было что-то страшное. Казалось, что въ воздухѣ носится гроза и смерть. Толпа обыкновенно веселая, подъ вліяніемъ ненависти, онѣмѣла. На лицахъ написана была ожесточенность.

И вотъ префектъ далъ знакъ, въ ту-же минуту появился старикъ, одѣтый Харономъ, который вызывалъ на смерть гладіаторовъ, медленными шагами прошелъ черезъ всю арену, и среди глухой тишины снова трижды стукнулъ въ двери.

Во всемъ театрѣ пронесся шепотъ:

— Христіане, христіане!

Скрипнули желѣзныя рѣшетки, изъ темныхъ отверстій послышались обыкновенные крики мастигофоровъ! «На песокъ!» И въ ту-же минуту арена наполнилась кучками какихъ-то сильвановъ, покрытыхъ шкурами. Всѣ бѣжали быстро, лихорадочно, и добѣжавъ до середины круга, становились другъ возлѣ друга на колѣни съ поднятыми вверхъ руками. Народъ думалъ, что это есть мольба о помилованіи и взбѣшенный такой трусостью, сталъ топать, свистать, бросать пустыми сосудами изъ подъ вина, обгрызанными костями и рычать: «Звѣрей, звѣрей!» Но вдругъ произошло нѣчто неожиданное. Изъ средины косматой кучки раздались поющіе голоса и въ ту-же минуту зазвенѣла пѣснь, которую еще въ первый разъ слышали въ римскомъ циркѣ:

«Christus regnat!»

. . . .

И тогда римлянъ охватило изумленіе. Осужденные пѣли съ глазами поднятыми къ веларіуму. Лица ихъ были блѣдны, но какъ-бы вдохновенны. Всѣ поняли, что эти люди не просятъ о помилованіи и что они не видятъ ни цирка, ни народа, ни сената, ни цезаря. «Christus regnat!» звенѣло все громче и громче, а на скамьяхъ, тамъ, на самомъ верху, между зрителями не одинъ человѣкъ задавалъ себѣ вопросъ: что такое происходитъ и что это за Христосъ, который царствуетъ въ устахъ этихъ людей, идущихъ на смерть? Но тѣмъ временемъ открылись новыя рѣшетки и на арену выскочило съ дикими прыжками и лаемъ цѣлое стадо собакъ: свѣтло-желтые огромные молосы изъ Пелопонеса, полосатыя собаки съ Пиренеевъ и похожія на вол-

Digitized by Google

ковъ овчарки изъ Гиберніи, умышленно истощенныя, съ провалившимися боками и налитыми кровью глазами. Вытье и визгъ наполнили весь амфитеатръ. Христіане окончивъ пѣснь, неподвижно стояли на колѣняхъ, какъ-бы окаменѣвшіе, и только съ вздохомъ повторяли: «Pro Christo! pro Christo!» Собаки, почуявшія людей подъ звѣриными шкурами и удивленныя ихъ неподвижностью не рѣшались сразу броситься на нихъ. Однѣ взбирались на стѣны ложъ, желая добраться до зрителей, другія бѣгали вокругъ, какъ-бы преслѣдуя какого-то невидимаго звѣря. Народъ разсердился. Загремѣли тысячи голосовъ; нѣкоторые изъ зрителей подражали рычанью звѣрей; другіе лаяли, какъ собаки, третьи натравливали ихъ на всѣ лады. Амфитеатръ задрожалъ отъ криковъ. Раздраженныя собаки то подбирались къ колѣнопреклоненнымъ, то отступали назадъ, ляская зубами; но вотъ, наконецъ одинъ изъ молосовъ вонзилъ клыки въ затылокъ колѣнопреклоненной женщины — и подмялъ ее подъ себя.

Тотчасъ-же десятки ихъ бросились въ середину, какъ черезъ проломъ. Толпа перестала рычать, чтобы съ большимъ вниманіемъ смотрѣть на зрѣлище. Среди воя и визга еще слышны были полные скорби женскіе и мужскіе голоса: «Pro Christo! pro Christo!» — на аренѣ образовались какъ-бы судорожно извивающіяся кучи тѣлъ людей и собакъ. Кровь лилась ручьями изъ разорванныхъ тѣлъ. Собаки вырывали другъ у друга кровавые куски человѣческаго мяса. Запахъ крови и порванныхъ внутренностей заглушилъ запахъ арабскихъ благовоній и наполнилъ весь циркъ. Вскорѣ только кое-гдѣ виднѣлись колѣнопреклоненныя фигуры, но и ихъ скоро покрывали воющія, движущіяся кучи.

Виницій, который въ ту минуту, когда выбѣжали христіане повернулся, чтобы согласно своему обѣщанію указать землекопу сторону, гдѣ между людьми Петронія сидѣлъ Петръ Апостолъ, — сѣлъ спиной къ сценѣ и сидѣлъ съ мертвымъ лицомъ и стеклянными глазами оглядывался на ужасное зрѣлище. Сначала страхъ, что землекопъ могъ ошибиться и что Лигія могла находиться среди жертвъ, совершенно притупилъ его, но когда онъ услыхалъ голоса: «pro Christo!» когда увидѣлъ муки стольких жертвъ, которыя, умирая, прославляли своего Бога и свою истину, — его охватило другое чувство, удручающее его, какъ самая ужасная боль, и тѣмъ не менѣе непреодолимое: если самъ Христосъ умеръ въ мученіяхъ, и если за него гибнутъ тысячи, если разливается море крови, то еще одна капля ничего не значитъ, и даже грѣхъ просить о милосердіи. Эта мысль шла къ нему съ арены, — проникала въ него вмѣстѣ съ криками умирающихъ, вмѣстѣ съ запахомъ ихъ крови. Однако, онъ молился и повторялъ запекшимися губами: «Христосъ! Христосъ! — и твой Апостолъ молится за нее!» Скоро онъ

Digitized by Google

перестал̂ъ понимать, гдѣ онъ, ему казалось только, что кровь на аренѣ все поднимается и поднимается и разольется изъ цирка по всему Риму.

Подъ конецъ онъ ничего не слыхалъ: ни вытья собакъ, ни шума людей, ни голосовъ приближенныхъ цезаря, которые вдругъ стали кричать:

— Съ Хилономъ обморокъ!

— Съ Хилономъ обморокъ!—повторилъ Петроній, повернувшись въ сторону грека.

А этотъ послѣдній дѣйствительно лишился чувствъ и сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, съ головой, откинувшейся назадъ, съ широко открытымъ ртомъ, похожій на трупъ. Въ эту самую минуту на арену вытолкнули новыя жертвы, также обшитыя шкурами.

Тѣ сейчасъ-же преклоняли колѣна, какъ и ихъ предшественники, но измученныя собаки не хотѣли ихъ трогать. Только нѣсколько штукъ ихъ бросилось на тѣхъ христіанъ, что стояли ближе, а другія улеглись и поднявъ кверху свои окровавленныя пасти, тяжело дышали и зѣвали. Но тогда, взволнованный въ душѣ и опьяненный кровью, народъ сталъ кричать пронзительными голосами:

— Львовъ, львовъ! выпустить львовъ!..

Львовъ намѣревались оставить до слѣдующаго дня, но въ амфитеатрахъ народъ навязывалъ свою волю всѣмъ, даже и цезарю. Одинъ только Калигула, дерзкій и измѣнчивый въ своихъ желаніяхъ рѣшался противиться ему и случалось даже, что онъ приказывалъ бить толпу палками,—но и онъ часто уступалъ. Неронъ, которому рукоплесканья были дороже всего на свѣтѣ, никогда не противился, а тѣмъ болѣе не воспротивился теперь, когда рѣчь шла объ успокоеніи раздраженной послѣ пожара толпы, и о христіанахъ, на которыхъ онъ хотѣлъ свалить всю вину бѣдствія. А потому онъ далъ знакъ, чтобы отворили «kunikulum», народъ, увидя это, тотчасъ-же успокоился. Послышался скрипъ рѣшетокъ, за которыми находились львы. Собаки при видѣ ихъ сбились въ одну кучу на противоположной сторонѣ круга, и тихонько завыли, а львы одинъ за другимъ стали выходить на арену,—огромные, желтые съ громадными лохматыми головами. Самъ цезарь обратилъ къ нимъ свое скучающее лицо и приложилъ изумрудъ къ глазу, чтобы лучше приглядѣться. Приближенные цезаря привѣтствовали ихъ рукоплесканіями; толпа считала ихъ по пальцамъ, внимательно слѣдя при этомъ, какое впечатлѣніе производитъ видъ ихъ на колѣнопреклоненныхъ христіанъ, которые стали снова повторять непонятныя для многихъ и раздражающія всѣхъ слова: «pro Christo! pro Christo!»

Но львы, хотя и голодные, не спѣшили къ жертвамъ. Красноватый свѣтъ на аренѣ пугалъ ихъ и они щурили глаза, какъ-бы ослѣпленные; нѣкоторые лѣниво вытягивали свои желтоватыя тѣла, другіе зѣвали, разѣвая пасть, какъ-бы желая показать зрителямъ свои страш-

Digitized by Google

ные клыки. Но понемногу запахъ крови и порванныхъ тѣлъ, которыя во множествѣ лежали на аренѣ, стали на нихъ дѣйствовать. Скоро движенія ихъ сдѣлались безпокойными, гривы стали подыматься, ноздри съ храпомъ втягивали воздухъ. Одинъ изъ нихъ вдругъ припалъ къ трупу женщины и улегшись передними лапами на тѣло, сталъ слизывать колючимъ языкомъ запекшуюся кровь, другой приблизился къ христіанину, держащему на рукахъ ребенка, зашитаго въ шкуру оленя.

Ребенокъ трясся отъ крика и слезъ, конвульсивно обнимая шею отца, который желая хоть на минуту продлить жизнь его, старался оторвать его отъ шеи, чтобы передать другимъ, стоящимъ дальше. Но крикъ и движенія раздразнили льва. Онъ вдругъ издалъ короткое, отрывистое рычаніе, смялъ ребенка однимъ ударомъ лапы и схвативши въ пасть голову отца, разгрызъ ее въ одно мгновенье.

При видѣ этого всѣ остальные львы бросились на кучку христіанъ. Нѣсколько женщинъ не могли удержаться отъ крика ужаса, но народъ заглушилъ ихъ рукоплесканіями, которыя, однако, скоро утихли, такъ-какъ желаніе все видѣть превозмогло. На сценѣ происходило нѣчто ужасное: головы совершенно исчезали между челюстями, груди разсѣкались однимъ ударомъ клыковъ. видны были вырванныя сердца и легкія, слышенъ былъ трескъ костей. Нѣкоторые львы, ухвативши жертву за спину или бока бѣшеными скачками летали по сценѣ, какъ-бы ища закрытое мѣсто, гдѣ они могли-бы пожрать ее; другіе боролись между собой, охватывали другъ-друга лапами, какъ борцы и наполняли амфитеатръ рычаніемъ. Народъ вставалъ съ мѣстъ. Нѣкоторые покидали мѣста, спускались ниже, чтобы лучше видѣть и давили другъ-друга на смерть. Казалось, что восторженная толпа въ концѣ-концовъ бросится на самую арену и вмѣстѣ со львами начнетъ раздирать людей. Минутами слышался нечеловѣческій шумъ, иногда раздавались рукоплесканья, рычанья, скрежетъ зубовъ, вой голосовъ, а минутами все смолкало и слышались только одни рыданья.

Цезарь держа изумрудъ у своего глаза, теперь внимательно глядѣлъ. Лицо Петронія приняло выраженіе отвращенія и презрѣнія. Хилона еще раньше вынесли изъ цирка.

Изъ куникуловъ выталкивали все новыя жертвы.

А съ самаго верхняго ряда глядѣлъ Петръ Апостолъ — никто не глядѣлъ на него, такъ какъ взоры всѣхъ обращены были къ аренѣ, и онъ всталъ и, какъ когда-то въ виноградникѣ Корнелія, благословлялъ на смерть и на вѣчность тѣхъ, кого должны были схватить, такъ теперь онъ осѣнялъ крестомъ людей, гибнущихъ подъ клыками звѣрей, — и ихъ кровь, и ихъ страданья, и мертвыя тѣла, обратившіяся въ безформенныя массы — и ихъ души, улетающія съ кроваваго песку. Нѣкоторые подымали къ нему глаза и у нихъ тотчасъ-же прояснялись

Digitized by Google

лица и они усмѣхались, видя надъ собой, тамъ, наверху знакъ креста. А у него сердце рвалось на части и онъ говорилъ: О! Господи! да будетъ воля Твоя! ибо для славы Твоей, свидѣтельствуя правду Твою гибнутъ овцы моя! Ты повелѣлъ мнѣ пасти ихъ, а потому я передаю ихъ Тебѣ,—а Ты сосчитай ихъ, возьми ихъ къ Себѣ, залѣчи раны ихъ, упокой ихъ страданья и дай имъ счастья больше, чѣмъ они здѣсь муки познали.

И онъ осѣнялъ однихъ за другими, одну кучку христіанъ за другой съ такой великой любовью, какъ будто то были его дѣти, которыхъ онъ прямо отдавалъ въ руки Христа.

А въ это время цезарь, обезумѣвъ-ли, или желая, чтобы игры превзошли все, что было видано до сихъ поръ въ Римѣ, — шепнулъ нѣсколько словъ префекту города, а этотъ послѣдній, покинувъ подіумъ, сейчасъ-же отправился въ куникулумъ; и даже народъ изумился, когда черезъ минуту увидѣлъ, что рѣшетки снова отворились. Теперь выпустили всякихъ звѣрей: тигровъ съ Евфрата, нумидійскихъ пантеръ, медвѣдей, волковъ, гіенъ и шакаловъ. Вся арена покрылась какъ-бы подвижной волной полосатыхъ, желтыхъ, темныхъ, черныхъ и пятнистыхъ шкуръ. Водворился хаосъ, въ которомъ глаза ужъ не могли ничего разглядѣть, кромѣ того, какъ крутились и вздымались звѣриныя спины, зрѣлище утратило подобіе дѣйствительности, а превратилось какъ-бы въ кровавую оргію, въ страшный сонъ, въ чудовищный бредъ помутившагося ума.

Мѣра была переполнена. Среди рычанья, воя и лая тамъ и сямъ на скамьяхъ для зрителей, послышался истерическій, испуганный смѣхъ женщинъ, силы которыхъ истощились наконецъ. Людямъ дѣлалось страшно. Лица поблекли. Послышались голоса: «довольно! довольно!»

Звѣрей легче было выпустить, чѣмъ вогнать назадъ. Но цезарь нашелъ способъ очистить отъ нихъ арену, который могъ въ то-же время послужить и новой забавой для народа. Во всѣхъ проходахъ, между скамьями появились отряды черныхъ, одѣтыхъ въ перья и съ серьгами въ ушахъ, нумидійцевъ съ луками въ рукахъ. Народъ понялъ, какое зрѣлище предстоитъ имъ и привѣтствовалъ нумидійцевъ криками радости. Они приблизились къ барьеру—и вложивъ стрѣлы въ тетивы, стали стрѣлять изъ луковъ въ дикихъ звѣрей.

Это было дѣйствительно новое зрѣлище. Смуглыя, какъ-бы высѣченныя изъ темнаго мрамора тѣла отгибались назадъ, напрягая гибкія луки и посылая стрѣлу за стрѣлой. Гулъ тетивы и свистъ, украшенныхъ перьями стрѣлъ, смѣшивался съ воемъ звѣрей и криками изумленія зрителей. Волки, медвѣди, пантеры и тѣ люди, которые еще остались въ живыхъ въ повалку падали одинъ за другимъ. Кое-гдѣ левъ, почувствовавъ боль, внезапно поворачивалъ свою искаженную бѣшен-

Digitized by Google

ствомъ пасть, чтобы охватить и изломать стрѣлу. Другіе стонали отъ боли. Мелкихъ звѣрей охватила паника и они бѣгали по аренѣ, бились головами о рѣшетки,—а тѣмъ временемъ, стрѣлы все свистали и свистали, пока все, что оставалось живого на аренѣ, не полегло въ предсмертныхъ судорогахъ.

Тогда на аренѣ появились сотни цирковыхъ рабовъ, вооруженныхъ заступами, лопатами, метлами, тачками, корзинами для выноса внутренностей, и мѣшками съ пескомъ. Одни рабы смѣняли другихъ и на всемъ кругѣ закипѣла работа. Арену въ одинъ мигъ очистили отъ труповъ и крови, — перекопали, сравняли и покрыли толстымъ слоемъ свѣжаго песку. Потомъ прибѣжали амуры, которые разбросали лепестки розъ, лилій и различныхъ цвѣтовъ. Курильницы вновь зажгли и сняли веларіумъ, такъ какъ солнце ужъ сильно опустилось. Толпа, поглядывая другъ на друга съ изумленіемъ, спрашивала одинъ другого, какое зрѣлище предстоитъ имъ сегодня еще.

И дѣйствительно, имъ предстояло такое зрѣлище, котораго никто не ожидалъ. Цезарь, который уже довольно давно вышелъ изъ подіума,— вдругъ показался на усыпанной цвѣтами аренѣ, одѣтый въ пурпуровый плащъ и золотой вѣнокъ. Двѣнадцать пѣвцовъ съ цитрами въ рукахъ шли за нимъ, а онъ, держа серебряную лютню, торжественнымъ шагомъ вышелъ на середину арены и, поклонившись нѣсколько разъ зрителямъ поднялъ глаза къ небу и нѣкоторое время стоялъ такъ, какъ-бы ожидая вдохновенія.

Потомъ онъ ударилъ въ струны и началъ пѣть:

О, лучезарной Леты сынъ,
Властитель Тенеда, Киллы и Фризы,
Какъ ты, охраняющій городъ святой Иліона,
Могъ предать его гнѣву ахейцевъ,
Могъ стерпѣть, чтобы святой алтарь,
Пылавшій вѣчно въ честь твою,
Могъ быть обрызганъ кровію троянцевъ?
Къ тебѣ старики простираютъ руки,
О сребролукій,
Къ тебѣ матери изъ глубины сердца
Возносили слезныя мольбы,
Чтобы сжалился ты надъ дѣтьми ихъ.
И камень тронулся бы этими мольбами.
А ты былъ менѣе камня чувствителенъ,
Сминтей, къ человѣческому горю!..

Пѣснь понемногу переходила въ жалобную, полную страданья элегію. Въ циркѣ воцарилась тишина. Черезъ минуту цезарь, взволнованный самъ, сталъ пѣть дальше:

Digitized by Google

«Ты могъ божественнымъ звономъ форминги,
Заглушить слезы и крикъ;
Глаза еще и нынѣ
Наполняются слезами, какъ цвѣты росою
При печальныхъ звукахъ пѣсни этой,
Что воскресила изъ праха и пепла,
Пожаръ, бѣдствіе, погибели день...
— Сментей, гдѣ былъ ты тогда?!»

Тутъ голосъ его задрожалъ и на глазахъ его заблестѣли слезы. Рѣсницы весталокъ также сдѣлались влажными,—народъ слушалъ молча, а потомъ разразилась буря рукоплесканій.

Тѣмъ временемъ черезъ отворенныя двери вомиторія доходилъ скрипъ телѣгъ, на которыхъ складывались кровавые остатки христіанъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы свезти ихъ въ страшныя ямы, которыя назывались «puticuli».

А Петръ Апостолъ, обѣими руками обхвативъ свою бѣлую дрожащую голову, восклицалъ въ душѣ:

— Господи, Господи! кому отдалъ ты власть надъ міромъ? И неужели ты хочешь въ этомъ городѣ заложить престолъ Свой?

II.

Тѣмъ временемъ солнце опустилось къ горизонту и казалось все растопилось въ вечернихъ зоряхъ. Зрѣлище было окончено. Народъ начиналъ покидать амфитеатръ и выходить черезъ вомиторіи на площадь, только приближенные августа медлили, ожидая пока отхлынетъ толпа народа. Цѣлая кучка ихъ, покинувъ свои мѣста, собралась у подіума, въ которомъ цезарь снова показался, чтобы выслушивать похвалы. Хотя зрители не щадили рукоплесканій въ честь его, для него это не было достаточнымъ, такъ какъ онъ ожидалъ восторга, доходящаго до безумія. Напрасно теперь гремѣли въ честь его хвалебные гимны, напрасно весталки цѣловали его «божественныя» руки, а Рубрія склонилась къ нему такъ, что рыжая голова его касалась груди ея. Неронъ былъ недоволенъ и не умѣлъ этого скрыть. Его удивляло и безпокоило также то, что Петроній хранилъ молчаніе. Какое-нибудь одобрительное и вмѣстѣ съ тѣмъ удачное слово изъ устъ его было-бы для Нерона большимъ утѣшеніемъ въ эту минуту. Наконецъ, не въ силахъ будучи вытерпѣть, онъ кивнулъ Петронію, и когда этотъ послѣдній вошелъ въ подіумъ, Неронъ сказалъ:

— Скажи...

А Петроній холодно отвѣтилъ:

— Я молчу, потому что не могу найти словъ. Ты превзошелъ самого себя.

Digitized by Google

— Мнѣ тоже это казалось, но, однако, этотъ народъ?..

— Развѣ ты можешь требовать отъ этихъ выродковъ, чтобы они понимали поэзію.

— Но значитъ и ты замѣтилъ, что меня отблагодарили не такъ, какъ я этого заслужилъ?

— Потому, что ты выбралъ неподходящую минуту.

— Почему?

— Потому, что люди, затуманенные испареніями крови, не могутъ внимательно слушать.

Неронъ сжалъ кулаки и сказалъ:

— Ахъ, эти христіане! Они сожгли Римъ, а теперь вредятъ и мнѣ. Какое-же наказаніе измыслить для нихъ еще?

Петроній замѣтилъ, что онъ пошелъ невѣрнымъ путемъ и что слова его производятъ впечатлѣніе обратное тому, которое онъ думалъ произвести, а потому, желая обратить вниманіе цезаря въ другую сторону онъ наклонился къ нему и шепнулъ:

— Пѣснь твоя—чудесна; но я сдѣлаю тебѣ только одно замѣчаніе: въ четвертомъ стихѣ третьей строфы метрика оставляетъ желать лучшаго.

А лицо Нерона залилъ румянецъ стыда, какъ будто его словили на постыдномъ дѣлѣ. Онъ съ испугомъ взглянулъ и также тихо отвѣчалъ:

— Ты все замѣтишь!.. Я знаю!.. Я передѣлаю!.. Но никто больше не замѣтилъ? правда?.. А ты, ради всѣхъ боговъ, не говори никому... если... тебѣ дорога жизнь...

А Петроній нахмурилъ брови и отвѣтилъ какъ-бы съ взрывомъ скуки и неудовольствія:

— Ты можешь, божественный, осудить меня на смерть, если я мѣшаю тебѣ, но ты не пугай меня ею, такъ какъ боги лучше всего знаютъ, боюсь-ли я ее.

И говоря это, онъ сталъ прямо глядѣть въ глаза цезаря:

— Не сердись... Ты знаешь вѣдь, что я люблю тебя...

«Плохой знакъ!» подумалъ Петроній.

— Я хотѣлъ пригласить васъ всѣхъ сегодня на пиръ,—продолжалъ Неронъ,—но теперь я запрусь и буду отдѣлывать этотъ проклятый стихъ третьей строфы. Кромѣ тебя, эту ошибку могъ замѣтить еще Сенека, а можетъ быть и Секундъ Каринатъ, но я отъ нихъ сейчасъ отдѣлаюсь.

Сказавъ это, онъ позвалъ Сенеку и сказалъ ему, что онъ высылаетъ его, вмѣстѣ съ Акратомъ и Секундомъ Каринатомъ, въ Италію и другія провинціи за деньгами, которыя онъ приказываетъ имъ собирать съ городовъ, съ деревень, съ храмовъ, словомъ, отовсюду, гдѣ ихъ можно будетъ найти или выжать. Но Сенека, который понялъ, что ему

Digitized by Google

повѣряютъ дѣло, достойное грабителя, святотатца и разбойника, отвѣчалъ отказомъ:

— Я долженъ ѣхать въ деревню, господинъ,—и тамъ ждать смерти, такъ какъ я старъ и нервы мои больны.

Гиберейскіе нервы Сенеки, болѣе сильные, чѣмъ нервы Хилона можетъ быть и не были больны, но здоровье его было вообще плохо, такъ какъ онъ походилъ на тѣнь и голова его за послѣднее время совершенно побѣлѣла.

А Неронъ, взглянувъ на него, подумалъ, что, можетъ быть, дѣйствительно ему ужъ не долго придется ждать смерти Сенеки,—и отвѣчалъ:

— Я не хочу вредить тебѣ, посылая въ дорогу, если ты боленъ, но изъ любви къ тебѣ я желаю тебя имѣть близко, а потому ты, вмѣсто того, чтобы уѣхать въ деревню, запрешься въ своемъ домѣ и не будешь покидать его.

А потомъ Неронъ разсмѣялся и продолжалъ:

— Если я пошлю только Акрата и Карината, то это будетъ тоже что напустить волковъ на овецъ. Кого я назначу надъ ними?

— Назначь меня!—сказалъ Домицей Афиръ.

— Нѣтъ! Я не хочу подвергать Римъ гнѣву Меркурія, котораго ты пристыдишь своими злодѣйствами. Мнѣ нуженъ какой-нибудь стоикъ, въ родѣ Сенеки, или въ родѣ моего новаго пріятеля Хилона.

Сказавъ это, онъ сталъ оглядываться и спросилъ:

— А гдѣ дѣлся Хилонъ?

А Хилонъ, который отрезвившись на свѣжемъ воздухѣ, возвратился въ амфитеатръ къ пѣснѣ цезаря, протиснулся и сказалъ:

— Я здѣсь, свѣтлый плодъ солнца и луны. Я былъ боленъ, но твое пѣніе излѣчило меня.

— Я пошлю тебя въ Ахайю,—сказалъ Неронъ.—Ты, должно быть, знаешь всякій послѣдній грошъ, который есть въ каждомъ храмѣ.

— Сдѣлай это, Зевсъ, а боги сложатъ тебѣ такую дань, какую никогда еще никому не слагали!

— Я-бы сдѣлалъ это, но я не хочу лишать тебя зрѣлища игръ.

— Ваалъ!..—сказалъ Хилонъ.

Но приближенные августа, довольные тѣмъ, что настроеніе цезаря улучшилось, стали смѣяться и кричать:

— Нѣтъ, господинъ! Не лишай этого мужественнаго грека вида игръ.

— Но избавь меня, господинъ, отъ вида этихъ крикливыхъ капитолійскихъ гусей, мозги которыхъ взятые вмѣстѣ не наполнили-бы одной желудиной скорлупы,—возразилъ Хилонъ.—Я пишу теперь, первородный сынъ Аполлона, гимнъ по-гречески въ честь твою, а потому я хотѣлъ-бы провести нѣсколько дней въ храмѣ музъ, чтобы молить ихъ о вдохновеніи.

— О, нѣтъ!—закричалъ Неронъ.—Ты хочешь открутиться отъ будущихъ зрѣлищъ. Этого не будетъ.

— Клянусь тебѣ, господинъ, что я пишу гимнъ.

— Тогда ты будешь писать его по ночамъ. Моли Діану о вдохновеніи,—вѣдь она сестра Аполлона.

Хилонъ опустилъ голову, со злостью поглядывалъ на присутствующихъ, а цезарь обратившись къ Сенеціону и къ Спилію Нерулину сказалъ:

— Представьте себѣ, что изъ христіанъ, предназначенныхъ на сегодня, мы едва успѣли покончить съ половиной.

На это старый Аквиликъ Регулъ, великій знатокъ всего того, что касалось амфитеатровъ, подумавъ минуту, отвѣтилъ:

— Эти зрѣлища, на которыхъ люди выступаютъ sine armiss et sine arte, продолжаются почти столько-же, но менѣе занимательны.

— Я велю давать имъ оружіе,—отвѣчалъ Неронъ.

Но суевѣрный Ватиній, вдругъ очнулся отъ задумчивости и таинственнымъ голосомъ спросилъ:

— Замѣтили-ли вы, что, умирая они видятъ что-то? глядятъ вверхъ и умираютъ, какъ-бы безъ страданій; я увѣренъ, что они что-то видятъ...

Сказавъ это, онъ поднялъ глаза къ верху амфитеатра, надъ которымъ ужъ ночь стала набрасывать свой «веларій», испещренный звѣздами. Остальные отвѣтили Ватинію смѣхомъ и шуточными предположеніями того, что могутъ видѣть христіане въ минуту смерти.

А тѣмъ временемъ цезарь далъ знакъ рабамъ, державшимъ факелы, и покинулъ циркъ, а за нимъ стали выходить весталки, сенаторы, сановники и приближенные его.

Ночь была свѣтлая и теплая. Передъ циркомъ сновала еще толпа, желавшая видѣть отъѣздъ цезаря,—но какая-то угрюмая и молчаливая. Тамъ и сямъ раздались одинокія рукоплесканья, но сейчасъ-же смолкли.

Изъ «споларія» скрипучія телѣги все еще вывозили кровавые останки христіанъ.

Петроній и Виницій шли молча. И только тогда, когда они ужъ были вблизи отъ виллы, Петроній спросилъ:

— Думалъ-ли ты о томъ, что я говорилъ тебѣ?

— Да,—отвѣчалъ Виницій.

— Вѣришь-ли ты, что это и для меня теперь очень важно. Я долженъ освободить ее наперекоръ цезарю и Тигеллину. Это состязаніе, въ которомъ я рѣшилъ побѣдить, какъ-бы игра, въ которой я хочу выиграть, хотя-бы цѣной собственной жизни... И сегодняшній день еще больше утвердилъ меня въ моемъ намѣреніи.

Digitized by Google

— Да заплатитъ тебѣ Христосъ!

— Увидишь!

Разговаривая такимъ образомъ, они очутились предъ дверями виллы и вышли изъ носилокъ. Въ эту минуту какая-то темная фигура приблизилась къ нимъ и спросила:

— Это ты, благородный Виницій?

— Да,—отвѣчалъ трибунъ:—Что тебѣ надо?

— Я Назарій, сынъ Миріамъ: я пришелъ изъ тюрьмы и принесъ тебѣ вѣсти о Лигіи.

Виницій оперся рукой на плечо его и при свѣтѣ факеловъ сталъ глядѣть ему въ глаза, не въ силахъ будучи выговорить ни единаго слова, но Назарій отгадалъ замирающій на губахъ его вопросъ и отвѣтилъ:

— Она еще жива, Урсъ прислалъ меня къ тебѣ, господинъ, чтобы я сказалъ тебѣ, что въ жару она молится и повторяетъ имя твое.

А Виницій отвѣчалъ:

— Хвала Христу, который можетъ возвратить мнѣ ее.

А потомъ, взявъ Назарія, онъ провелъ его въ библіотеку, куда черезъ минуту пришелъ и Петроній, чтобы слышать разговоръ ихъ.

— Болѣзнь спасла ее отъ поруганья, такъ какъ злодѣи боятся,—говорилъ молодой человѣкъ.—Урсъ и лѣкарь Главкъ день и ночь охраняютъ ее.

— Сторожа остались тѣ-же?

— Да, господинъ, и она находится въ ихъ комнатѣ. Тѣ заключенные, которые находились въ нижней тюрьмѣ, умерли отъ лихорадки, или задохлись отъ духоты.

— Кто ты?—спросилъ Петроній.

— Благородный Виницій знаетъ меня. Я сынъ вдовы, у которой жила Лигія.

— Ты христіанинъ?

Молодой человѣкъ вопрошающе взглянулъ на Виниція, но замѣтивъ, что этотъ послѣдній молится въ эту минуту, поднялъ голову и сказалъ!

— Да.

— Какимъ образомъ можешь ты входить въ темницу?

— Я, господинъ, нанялся выносить тѣла умершихъ, и сдѣлалъ это умышленно, чтобы приходить на помощь братьямъ моимъ и приносить имъ вѣсти изъ города.

Петроній сталъ внимательнѣе приглядываться къ красивому лицу молодого человѣка, къ его голубымъ глазамъ и чернымъ курчавымъ волосамъ, а потомъ спросилъ:

Digitized by Google

— Изъ какой ты страны!

— Я галилеянинъ, господинъ.

— Хотѣлъ-бы ты, чтобы Лигія была свободна?

Молодой человѣкъ поднялъ глаза къ небу:

— Да, если-бы даже я долженъ былъ самъ умереть потомъ.

Въ эту минуту Виницій пересталъ молиться и сказалъ:

— Скажи сторожамъ, чтобы они положили ее въ гробъ, какъ мертвую. Ты подберешь помощниковъ, которые вмѣстѣ съ тобой вынесутъ ее ночью. По близости Смрадныхъ долинъ вы найдете ожидающихъ съ носилками людей, которымъ вы передадите гробъ. Сторожамъ обѣщай отъ меня, что я дамъ имъ столько золота, сколько они могутъ унести въ плащахъ своихъ.

И въ то время, какъ онъ говорилъ это, лицо его потеряло свое обычное выраженіе мертвенности,—въ немъ пробудился солдатъ, которому надежда возвратила прежнюю энергію. А Назарій вспыхнулъ отъ радости и, поднявъ руки къ небу, закричалъ:

— Да пошлетъ ей Христосъ выздоровленіе, такъ какъ она будетъ свободной.

— Ты думаешь, что сторожа согласятся на это?—спросилъ Петроній.

— Они, господинъ? Только-бы они были увѣрены въ томъ, что ихъ не ждутъ наказанье и муки.

— Да!—сказалъ Виницій,—сторожа соглашались даже на ея побѣгъ, тѣмъ болѣе позволятъ они вынести ее, какъ умершую.

— Правда, есть человѣкъ, — сказалъ Назарій, — который съ помощью раскаленнаго желѣза удостовѣряется въ томъ, дѣйствительно-ли умерли тѣ, кого мы выносимъ. Но и тотъ беретъ по нѣсколько сестерцій за то, чтобы не трогать желѣзомъ лица умершихъ. А за одинъ аврей согласится притронуться не къ тѣлу, а къ гробу.

— Скажи ему, что онъ получитъ цѣлую капсу авреевъ, — сказалъ Петроній.—Но удастся-ли тебѣ набрать вѣрныхъ помощниковъ?

— Мнѣ удастся набрать такихъ, которые за деньги готовы будутъ продать собственныхъ жену и дѣтей.

— Гдѣ ты найдешь ихъ?

— Въ самой тюрьмѣ, или въ городѣ. Сторожа, разъ уже подкупленные, впустятъ кого угодно.

— Въ такомъ случаѣ введи меня, какъ наемника, — сказалъ Виницій.

Но Петроній сталъ очень рѣшительно отговаривать его отъ этого намѣренія. Преторіанцы могли-бы узнать его, даже и переодѣтаго и все могло быть потеряннымъ.—«Ни у тюрьмы, ни у Смрадныхъ долинъ!—говорилъ онъ. Надо, чтобы всѣ,—и цезарь, и Тигеллинъ—были убѣж-

Digitized by Google

дены, что она умерла, иначе они въ ту-же минуту начнутъ преслѣдованія. А подозрѣнія ихъ можно усыпить только тѣмъ, что тогда, когда ее увезутъ въ горы Албанскія, или дальше,— въ Сицилію, мы останемся въ Римѣ. Черезъ недѣлю или двѣ ты заболѣешь и позовешь лѣкаря самого Нерона, который повелитъ намъ ѣхать въ горы. Тогда вы встрѣтитесь, а потомъ...—Тутъ Петроній задумался на минуту и, махнувъ рукой, сказалъ:

— Потомъ наступятъ, можетъ быть, другія времена!

— Да смилуется надъ ней Христосъ,—сказалъ Виницій,—ты говоришь о Сициліи, а она больна и можетъ умереть...

— А тѣмъ временемъ, мы поскорѣе устроимъ ее. Ее вылѣчитъ воздухъ, если мы вырвемъ ее изъ темницы. Жалко, что у тебя нѣтъ въ горахъ какого-нибудь арендатора, которому-бы ты довѣрялъ.

— Нѣтъ, у меня есть! Есть!—поспѣшно отвѣчалъ Виницій. Около Коріола есть вѣрный человѣкъ, который носилъ меня на рукахъ, когда я былъ ребенкомъ и который любитъ меня и по-сейчасъ.

Петроній подалъ ему таблички.

— Напиши ему, чтобы онъ завтра пріѣхалъ сюда. Я пошлю сейчасъ-же гонца.

Сказавъ это, Петроній позвалъ завѣдывающаго атріемъ и далъ ему сотвѣтственныя приказанія. Черезъ нѣсколько минутъ верховой рабъ отправлялся на ночь въ Коріолъ.

— Я хотѣлъ-бы,—сказалъ Виницій, — чтобы Урсъ сопровождалъ ее въ дорогѣ... Я былъ-бы спокойнѣе.

— Господинъ,—сказалъ Назарій,—это человѣкъ нечеловѣческой силы, который выломаетъ рѣшетки и пойдетъ за ней. Надъ пропастью, въ высокой стѣнѣ, есть одно окно, подъ которымъ стража не стоитъ. Я принесу Урсу веревку, а остальное онъ сдѣлаетъ самъ.

— Клянусь Геркулесомъ,—сказалъ Петроній,—пусть освобождается какъ ему нравится, но только не вмѣстѣ съ ней и не черезъ два или три дня послѣ нея, такъ какъ пойдутъ за нимъ и откроютъ ея убѣжище. Клянусь Геркулесомъ! Вы хотите погубить ее и себя. Я запрещаю вамъ говорить ему что-нибудь о Коріолѣ,—или я умываю руки.

Они оба согласились съ справедливостью его замѣчаній и замолкли. Потомъ Назарій началъ прощаться, обѣщаясь придти завтра до разсвѣта.

Онъ надѣялся, что ему удастся уговориться со сторожами еще въ эту ночь, но передъ тѣмъ, онъ хотѣлъ еще навѣстить свою мать, которая въ это страшное, опасное время ни минуты не была спокойна на его счетъ.

Подумавъ, онъ рѣшилъ не искать помощниковъ въ городѣ, но выбрать и подкупить одного изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ выносили трупы изъ темницы.

Digitized by Google

Передъ самымъ отходомъ, онъ остановился еще разъ и, отозвавъ Виниція въ сторону, сталъ шептать ему:

— Господинъ, не говори никому о нашемъ предпріятіи, даже матери моей,—но Петръ Апостолъ обѣщалъ придти къ намъ въ амфитеатръ и ему я все скажу.

— Въ этомъ домѣ ты можешь говорить громко,—отвѣчалъ Виницій. Петръ апостолъ былъ въ амфитеатрѣ вмѣстѣ съ людьми Петронія. Но я самъ пойду вмѣстѣ съ тобой.

Онъ приказалъ подать себѣ плащъ раба, и они оба вышли.

Петроній глубоко вздохнулъ.

— Я хотѣлъ,—думалъ онъ, — чтобы она умерла отъ этой лихорадки, такъ какъ для Виниція это было-бы менѣе страшно. Но теперь я готовъ принести Эскулапу въ жертву золотой треножникъ, чтобы она только выздоровѣла... Ахъ! ты, Агенобарбъ, ты хочешь устроить себѣ зрѣлище изъ страданій возлюбленнаго. Ты, августа, прежде всего позавидовала красотѣ этой дѣвушки, а теперь ты готова была-бы пожрать ее за то, что погибъ твой Руфій... Ты, Тигеллинъ, хочешь погубить ее изъ злости ко мнѣ!.. Посмотримъ. Я говорю вамъ, что ваши глаза не увидятъ ее на аренѣ, такъ какъ или она умретъ собственной смертью, или я вырву ее у васъ, какъ у псовъ. И вырву ее такъ, что вы даже не узнаете этого, а потомъ: сколько-бы разъ я на васъ ни взглянулъ, столько разъ я буду думать: вотъ дураки, которыхъ хорошо провелъ Кай Петроній.

И размышляя такимъ образомъ, онъ вошелъ въ триклиній, гдѣ вмѣстѣ съ Эвникой сѣлъ ужинать. Лекторъ въ это время читалъ имъ идиліи Ѳеокрита.

На дворѣ вѣтеръ нагналъ тучи со стороны Соракты и неожиданная буря смѣнила тишину чудной лѣтней ночи. Отъ времени до времени, громъ гремѣлъ на семи холмахъ,—а Петроній и Эвника,—возлежа рядомъ за столомъ, слушали деревенскаго поэта, который на пѣвучемъ дарійскомъ нарѣчіи воспѣвалъ любовь пастуховъ, а потомъ, успокоенные, они стали приготовляться къ сладкому отдыху.

Но Виницій возвратился еще передъ этимъ. Петроній, узнавъ объ его возвращеніи, вышелъ къ нему и спросилъ:

— Ну что?.. Не уговорились-ли вы еще въ чемъ-нибудь? и пошелъ-ли Назарій въ темницу?

— Да,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, раздвигая волосы, смокшіе отъ дождя. — Назарій пошелъ уговориться со сторожами, а я видѣлъ Петра, который повелѣлъ мнѣ молиться и вѣрить.

— Это хорошо. Если все пойдетъ такъ, какъ мы думаемъ, то въ слѣдующую ночь ее можно будетъ вынести...

— Арендаторъ съ людьми своими долженъ быть здѣсь до-свѣта.

Digitized by Google

— Дорога не длинная. Отдохни теперь.

Но Виницій упалъ на колѣни въ своемъ кубикулѣ и сталъ молиться.

Арендаторъ Нигеръ прибылъ изъ-подъ Коріоля еще передъ восходомъ солнца, и привелъ съ собой, согласно желанію Виниція, муловъ, носилки и четырехъ вѣрныхъ людей, выбранныхъ среди Британскихъ рабовъ, которыхъ онъ предусмотрительно оставилъ на постояломъ дворѣ въ Субурѣ.

Виницій, который бодрствовалъ всю ночь, вышелъ къ нему на встрѣчу, а Нигеръ взволновался при видѣ молодого господина своего, и цѣлуя руки и глаза его сказалъ:

— Дорогой мой, ты вѣрно боленъ, или горести высосали кровь твою, потому что я едва могъ узнать тебя при первомъ взглядѣ!

Виницій вошелъ во внутреннюю колонаду, именуемую «ксистомъ» — и тамъ повѣдалъ ему тайну. Нигеръ внимательно слушалъ его и на его грубомъ, загорѣломъ лицѣ выразилось сильное волненіе, которымъ онъ даже не старался овладѣть.

— Итакъ, она христіанка?— воскликнулъ онъ.

И онъ сталъ пристально глядѣть въ лицо Виниція, а тотъ очевидно отгадалъ, о чемъ спрашиваетъ его взглядъ селянина, такъ-какъ отвѣчалъ:

— И я христіанинъ.

Тогда въ глазахъ Нигера блеснули слезы; онъ молчалъ минуту, а потомъ поднявъ кверху руки, сказалъ:

— О благодарю тебя, Христосъ, за то, что ты снялъ пелену съ самыхъ дорогихъ для меня на свѣтѣ глазъ.

И онъ обнялъ голову Виниція, и плача отъ счастья, сталъ цѣловать его чело.

Черезъ минуту пришелъ Петроній и привелъ съ собой Назарія.

— Хорошія вѣсти!—сказалъ онъ еще издалека.

И дѣйствительно, вѣсти были хорошія. Прежде всего лѣкарь Главкъ ручался за жизнь Лигіи, хотя у нея была та самая тюремная лихорадка, отъ которой въ Туліанѣ и въ другихъ тюрьмахъ ежедневно гибли сотни людей. Что касается сторожей и человѣка, который раскаленнымъ желѣзомъ свидѣтельствовалъ мертвыхъ, то это не представляло никакихъ затрудненій. Помощникъ, Аттисъ, былъ также ужъ подговоренъ.

— Мы сдѣлали отверстія въ гробѣ, чтобы больная могла дышать, — сказалъ Назарій. Вся опасность въ томъ, чтобы она не вздохнула или не отозвалась въ ту минуту, когда мы будемъ проходить мимо преторіанцевъ. Но она очень ослабѣла и съ утра лежитъ съ закрытыми глазами. Впрочемъ, Главкъ дастъ ей усыпительный напи-

Digitized by Google

токъ, который онъ составитъ самъ изъ принесенныхъ мною лѣкарствъ. Крышка гроба не будетъ прибита. Вы легко подымете и возьмете больную въ носилки, а мы положимъ въ гробъ мѣшокъ съ пескомъ, который вы должны имѣть наготовѣ.

Виницій, слушая эти слова, былъ блѣденъ, какъ полотно, но слушалъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что, казалось, отгадывалъ напередъ, что Назарій долженъ былъ разсказать.

— Не будутъ-ли уносить другія тѣла изъ тюрьмы?—спросилъ Петроній.

— Сегодня ночью умерло около двадцати человѣкъ, а до вечера умретъ еще нѣсколько, отвѣчалъ Назарій;—мы должны будемъ идти съ цѣлой процессіей, но мы будемъ медлить, чтобы остаться позади. На первомъ перекресткѣ мой товарищъ нарочно захромаетъ. Такимъ образомъ мы значительно отстанемъ отъ другихъ. А вы ждите насъ около маленькаго храма Либитины. Хоть-бы Богъ послалъ темную ночь.

— Богъ пошлетъ,—сказалъ Нигеръ.—Вчера вечеръ былъ свѣтлый, а потомъ вдругъ поднялась буря. Сегодня снова погода хорошая, но съ самаго утра было парно. Теперь каждую ночь будутъ дожди и грозы.

— Вы идете безъ свѣта?—спросилъ Виницій.

— Факелы несутъ только впереди. А вы на всякій случай будьте у храма Либитины, какъ только стемнѣетъ; хотя мы обыкновенно выносимъ трупы только передъ самой полночью.

И они смолкли, слышалось только учащенное дыханіе Виниція.

Петроній обратился къ нему:

— Мы говорили вчера, что будетъ лучше, если мы оба останемся дома. Но теперь я вижу, что мнѣ самому трудно будетъ высидѣть дома... Въ концѣ концовъ, если-бы рѣчь шла о побѣгѣ, надо было-бы наблюдать большую осторожность, но какъ скоро ее вынесутъ въ видѣ мертвой, мнѣ кажется, что подозрѣніе никому не придетъ въ голову.

— Да! да!—отвѣчалъ Виницій,—я долженъ тамъ быть. Я самъ выну ее изъ гроба...

— Когда разъ она будетъ въ моемъ домѣ подъ Коріоломъ, — я отвѣчаю за нее,—сказалъ Нигеръ.

Разговоръ кончился на этомъ.

Нигеръ отправился на постоялый дворъ, къ своимъ людямъ. Назарій, захвативши подъ туникой кошелекъ съ золотомъ, возвратился въ темницу. Для Виниція начался день, полный безпокойства, тревоги, ожиданія и лихорадочнаго состоянія.

— Это дѣло должно удаться, такъ-какъ оно хорошо задумано,— говорилъ ему Петроній.—Лучше нельзя было-бы всего этого устроить.

Digitized by Google

Ты долженъ принять видъ огорченнаго и ходить въ темной тогѣ. Но цирка ты не долженъ покидать. Пусть тебя всѣ видятъ... Все такъ обдумано, что ошибки произойти не можетъ. Но! Ты вполнѣ увѣренъ въ своемъ арендаторѣ?

— Онъ христіанинъ!—отвѣчалъ Виницій.

Петроній взглянулъ на него съ изумленіемъ, а потомъ пожимая плечами, заговорилъ какъ-бы самъ съ собой:

— Клянусь Поллуксомъ! какъ это распространяется!.. И какъ обхватываетъ души людскія!.. Подъ страхомъ этого, люди отрекутся отъ всѣхъ боговъ римскихъ, греческихъ и египетскихъ. Какъ это странно... Клянусь Поллуксомъ!.. Если-бы я вѣрилъ, что хоть что-нибудь еще на свѣтѣ зависитъ отъ боговъ нашихъ, я каждому изъ нихъ обѣщалъ-бы принести въ жертву по шести быковъ, а капитолійскому Юпитеру—двѣнадцать... Но и ты не щади обѣщаній Христу своему...

— Я отдалъ ему душу свою,—возразилъ Виницій.

И они разошлись. Петроній возвратился въ кубикулъ. Виницій отправился глядѣть на темницу, а оттуда пошелъ на склонъ Ватиканскаго холма, къ той хижинѣ землекопа, въ которой Апостолъ крестилъ его. Ему казалось, что въ этой хижинѣ Христосъ выслушаетъ его скорѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и отыскавъ ее и бросившись на землю, онъ вылилъ всѣ муки своей наболѣвшей души въ мольбѣ о жалости и такъ отдался молитвѣ, что забылъ, гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается.

Ужъ послѣ полудня его разбудилъ звукъ трубъ, доходившій изъ цирка Нерона. Тогда онъ вышелъ изъ хижины и сталъ глядѣть вокругъ себя глазами, какъ-будто только-что пробудившимися отъ сна. Было жарко и тишина только изрѣдка прерывалась звукомъ трубъ и неистовымъ трескомъ полевыхъ кузнечиковъ. Въ воздухѣ парило. Небо надъ городомъ было еще голубое, но надъ Сабинскими горами и надъ берегомъ сбирались темныя тучи.

Виницій возвратился домой. Въ атріи его ожидалъ Петроній.

— Я былъ на Палатинскомъ холмѣ,—сказалъ онъ.—Я нарочно показался тамъ и даже сѣлъ играть въ кости. У Аниція будетъ вечеромъ пиръ; я обѣщалъ ему, что приду, но только послѣ полуночи, такъ-какъ я долженъ выспаться; а хорошо было-бы если-бы и ты пошелъ!

— Не было никакихъ извѣстій отъ Нигера или отъ Назарія?—спросилъ Виницій.

— Нѣтъ, мы увидимъ ихъ только въ полночь. Ты замѣтилъ, что начинается буря.

— Да!

— Завтра должно быть представленіе изъ распятыхъ христіанъ; но, можетъ быть, дождь помѣшаетъ.

Сказавъ это, Петроній приблизился къ Виницію и, прикоснувшись къ его плечу, сказалъ:

— Но ее ты не увидишь на крестѣ, а увидишь въ Коріолѣ. Клянусь Касторомъ! за всѣ геммы Рима я не отдамъ той минуты, въ которую мы освободимъ ее. Ужъ близокъ вечеръ...

И, дѣйствительно, вечеръ надвигался, и темнота стала окутывать городъ раньше, чѣмъ обыкновенно, такъ-какъ тучи закрыли все небо. Съ наступленіемъ ночи пошелъ сильный дождь, который, падая на раскаленные за день камни, наполнилъ мглой всѣ улицы города. А потомъ то вдругъ наступала тишина, то снова шли короткіе ливни.

— Спѣшимъ!—сказалъ, наконецъ, Виницій.—Можетъ быть, изъ-за бури тѣла мертвыхъ вывезутъ раньше, чѣмъ обыкновенно.

И, взявъ галльскіе плащи съ капюшонами, они вышли черезъ садовую дверь на улицу.

Петроній вооружился короткимъ римскимъ ножомъ, именуемымъ «sica», который онъ всегда бралъ съ собой въ ночныя путешествія.

Улицы по случаю грозы были пусты. Отъ времени до времени молнія разрывала тучи, освѣщая на минуту свѣжія стѣны вновь выстроенныхъ или еще строющихся домовъ и мокрыя каменныя плиты, которыми вымощены были улицы. При этомъ свѣтѣ, послѣ довольно длинной дороги, они увидѣли, наконецъ, горку, на которой стоялъ маленькій храмъ Либитиніи, и подъ горкой группу, состоящую изъ лошадей и мулъ.

— Нигеръ!—тихо позвалъ Виницій.

— Я здѣсь, господинъ!—сквозь шумъ дождя откликнулся голосъ.

— Все готово?

— Да, дорогой! Мы были на мѣстѣ, какъ только стемнѣло. Но спрячьтесь отъ дождя, такъ какъ вы промокните насквозь. Какая гроза! Мнѣ кажется, что долженъ пойти градъ.

И дѣйствительно, опасенія Нигера оправдались, такъ какъ скоро сталъ сыпать градъ, сначала мелкій, а потомъ все болѣе и болѣе крупный. Въ воздухѣ тотчасъ-же похолоднѣло.

А они, стоя подъ горкой, закрытые отъ вѣтра и отъ ледяныхъ ударовъ градинъ, разговаривали пониженными голосами.

— Если даже насъ кто-нибудь увидитъ, — сказалъ Нигеръ, — то мы не возбудимъ ничьихъ подозрѣній, потому что мы похожи на людей, которые хотятъ переждать бурю. Но я боюсь, чтобы выносъ тѣлъ не отложили до завтра.

— Градъ не будетъ долго падать,—сказалъ Петроній.—Мы должны ждать, хотя-бы до самаго разсвѣта.

И они, дѣйствительно, ждали, прислушиваясь, не долетитъ-ли до нихъ хоть отдаленный звукъ шаговъ.

Градъ прекратился совершенно, но скоро потомъ снова сталъ шу-

Digitized by Google

мѣть ливень. Минутами подымался вѣтеръ и несъ со стороны Смрадныхъ долинъ страшный запахъ разлагающихся тѣлъ, которыхъ погребали не глубоко и очень небрежно.

Вдругъ Нигеръ сказалъ:

— Я вижу сквозь мглу, огонь... одинъ, два, три... это факелы!

И онъ обратился къ людямъ:

— Присмотрите, чтобы мулы не испугались.

— Идутъ!—сказалъ Петроній.

И дѣйствительно, огни становились все ярче. Черезъ минуту можно было ужъ отличить колеблющіеся отъ вѣтра факелы.

Нигеръ сталъ креститься и молиться. А тѣмъ временемъ мрачная процессія все приближалась и, наконецъ, поровнявшись съ храмомъ Либитиніи, остановилась.

Петроній, Виницій и Нигеръ добрались до горки, не понимая, что это значитъ. Но тѣ остановились только за тѣмъ, чтобы завязать себѣ ротъ и уши тряпками, для защиты отъ удушливаго смрада, который у самыхъ «puticuli» былъ прямо невыносимъ, а потомъ подняли носилки съ гробами и пошли дальше.

Только одинъ гробъ остановился у храма.

Виницій подскочилъ къ нему, а за нимъ Петроній, Нигеръ и два британскихъ раба съ носилками. Но они еще не успѣли добѣжать, когда изъ темноты послышался голосъ Назарія, полный страданья:

— Господинъ, ее вмѣстѣ съ Урсомъ перевели въ Эсквилинскую темницу... Мы несемъ другое тѣло, а ее схватили передъ полуночью!..

Петроній, возвращаясь домой, былъ мраченъ. какъ буря, и даже не пробовалъ развлекать Виниція. Онъ понималъ, что о спасеніи Лигіи изъ Эсквилинской тюрьмы и рѣчи быть не могло. Онъ догадывался, что, вѣроятно, ее перевели изъ Туліана для того, чтобы она не умерла отъ лихорадки и не избѣгла-бы предназначеннаго ей амфитеатра. Но это значило также, что за ней смотрѣли и сторожили ее внимательнѣе, чѣмъ другихъ. Петронію до глубины души жаль было и ее, и Виниція, но кромѣ того его точила и та мысль, что первый разъ въ жизни ему что-то не удавалось и что первый разъ онъ остался побѣжденнымъ въ борьбѣ.

— Фортуна, кажется, покинула меня,—говорилъ онъ себѣ,—но боги ошибаются, если думаютъ, что я соглашусь на такую, напримѣръ, жизнь, какъ его!

И онъ взглянулъ на Виниція, который глядѣлъ на него расширенными зрачками.

— Что съ тобой? У тебя лихорадка?—спросилъ Петроній.

Digitized by Google

А Виниций отвѣчалъ какимъ-то страннымъ, надломленнымъ и медленнымъ голосомъ больного ребенка:

— А я вѣрю, что Онъ можетъ возвратить мнѣ ее.

Надъ городомъ утихали послѣдніе раскаты грозы.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

I.

Трехдневный дождь, явленіе рѣдкое въ Римѣ, не повторяющееся иногда цѣлыми годами, и градъ, падающій не только днемъ и вечеромъ, но и ночью—прервали зрѣлища. Народъ начиналъ безпокоиться. Предвидѣлся неурожай на виноградъ, а когда въ одинъ прекрасный день гроза ударила въ Капитолій въ бронзовую статую Цереры, народъ сталъ приносить жертвы въ храмѣ Юпитера. Жрецы Цереры распространили слухъ, что гнѣвъ боговъ обратился на городъ за слишкомъ небрежный судъ надъ христіанами, и народъ сталъ требовать, чтобы несмотря на погоду поспѣшили-бы съ продолженіемъ игръ, и радость охватила цѣлый Римъ, когда, наконецъ, было объявлено, что черезъ три дня прерванныя «ludus» начнутся сызнова.

А тѣмъ временемъ и хорошая погода снова наступила. Амфитеатръ еще при разсвѣтѣ наполнился тысячами людей, и цезарь прибылъ во время, вмѣстѣ съ весталками и дворомъ. Зрѣлище должно было начаться борьбой христіанъ другъ съ другомъ; съ этой цѣлью ихъ одѣли гладіаторами и дали имъ всевозможное оружіе, которое служило борцамъ для нападенія и обороны. Но тутъ зрителей ожидало разочарованіе: христіане побросали на песокъ свои сѣти, вилы, копья и мечи и вмѣсто того стали обниматься и ободрять другъ друга къ перенесенію смертельныхъ мукъ. Тогда глубокій гнѣвъ и обида овладѣли сердцами толпы. Одни упрекали ихъ въ малодушіи и трусости, другіе утверждали, что христіане нарочно не хотятъ драться, изъ ненависти къ людямъ и за тѣмъ, чтобы лишить ихъ удовольствія, которое обыкновенно возбуждалось доблестью. Наконецъ, по приказанію цезаря, на нихъ выпустили настоящихъ гладіаторовъ, которые въ одно мгновенье ока уложили всѣхъ безоружныхъ и колѣнопреклоненныхъ людей.

Но послѣ того, что трупы были убраны, зрѣлище превратилось въ рядъ миѳологическихъ картинъ, изобрѣтенныхъ самимъ цезаремъ. Зрители увидали Геркулеса, пылающаго настоящимъ огнемъ на горѣ Эта. Виниций задрожалъ при мысли, что можетъ быть на роль

Digitized by Google

Геркулеса предназначили Урса,—но, очевидно, чередъ вѣрнаго слуги Лигіи не пришелъ еще, такъ какъ на столбѣ пылалъ какой-то другой, совершенно неизвѣстный Виницію христіанинъ. Вмѣсто этого, въ слѣдующей картинѣ Хилонъ, котораго цезарь не захотѣлъ освободить отъ присутствія на представленіи, увидалъ знакомыхъ ему людей. Представлялась смерть Дедала [1]) и Икара. Въ роли Дедала выступилъ Эврицій, тотъ самый старецъ, который когда-то познакомилъ Хилона съ знакомъ рыбы, а въ роли Икара сынъ его Квартъ. Обоихъ съ помощью особенной машины подняли вверхъ, а потомъ внезапно, съ огромной высоты, бросили на арену, при чемъ молодой Квартъ упалъ такъ близко къ подіуму цезаря, что забрызгалъ кровью не только внѣшнія украшенія, но и барьеръ, высланный пурпуромъ. Хилонъ не видалъ паденья, такъ какъ закрылъ глаза и слышалъ только глухое паденье тѣла, а когда черезъ минуту увидалъ кровь, тутъ-же рядомъ съ собой, то чуть было во второй разъ не упалъ въ обморокъ. Но картины быстро смѣнялись. Позорныя муки дѣвушекъ, которыхъ передъ смертью подвергали поруганію гладіаторовъ, одѣтыхъ звѣрями, развеселили сердца народа. Тутъ предстали жрицы Кибелы и Цереры, тутъ были и Данаиды, и Дирка, и Пасифея, тутъ предстала, наконецъ, молоденькая дѣвочка, разрываемая дикими лошадьми. Народъ рукоплескалъ все новымъ вымысламъ цезаря, который, гордый ими и осчастливленный рукоплесканьями, ни на минуту теперь не отнималъ изумруда отъ глаза, любуясь бѣлыми тѣлами, разрываемыми желѣзомъ и судорожными движеньями жертвъ. Но были также картины, касающіяся историческихъ событій. Послѣ дѣвушекъ на сценѣ появился Муцій Сцевола, рука котораго привязанная къ горящему треножнику наполнила смрадомъ горѣлаго мяса весь амфитеатръ, который, какъ настоящій Сцевола, стоялъ безъ единаго вздоха, съ глазами, поднятыми къ небу и съ шепотомъ молитвы на почернѣвшихъ губахъ. Послѣ того какъ его добили и тѣло его выволокли въ споларіумъ, въ представленіи наступилъ обычный полуденный перерывъ. Цезарь, вмѣстѣ съ весталками и своими приближенными, оставилъ театръ и отправился въ нарочно выстроенный огромный шатеръ, въ которомъ былъ приготовленъ для него и гостей великолѣпный «prandium». Народъ по большей части послѣдовалъ его примѣру и спѣшилъ выходить изъ амфитеатра, чтобы дать отдыхъ членамъ утомленнымъ долгимъ сидѣньемъ и испробовать кушаній, которыя по милости цезаря разносились рабами. Только самые любознательныя, покинувъ мѣста свои, отправились на самую арену и трогая пальцемъ липкій отъ крови песокъ, разсуждали, какъ знатоки и любители

[1]) Дедалъ, которому, согласно другимъ преданіямъ, удалось перелетѣть изъ Крита въ Сицилію, въ римскихъ амфитеатрахъ погибалъ тою-же смертью, какъ и Икаръ.

Digitized by Google

о томъ, что уже прошло, и о томъ, что должно было наступить. Но скоро и они разошлись, чтобы не опоздать на пиръ; осталось только нѣсколько людей, которыхъ удерживало не любопытство, но сочувствіе къ будущимъ жертвамъ. Эти немногіе люди скрывались въ проходахъ или на низшихъ мѣстахъ, а тѣмъ временемъ рабы ровняли арену и, покончивъ съ этимъ, стали копать въ ней ямы одну около другой, рядами, по всему кругу, отъ одного конца до другого, такъ что послѣдній рядъ ихъ оканчивался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подіума цезаря. Съ улицы въ циркъ доносились звуки человѣческихъ голосовъ и рукоплесканія, а здѣсь работали съ лихорадочной поспѣшностью и дѣлали приготовленія къ новымъ мученіямъ. И вотъ открылись куникулы и изъ всѣхъ дверей ведущихъ на арену стали выгонять нагихъ христіанъ несущихъ на плечахъ кресты. Весь амфитеатръ переполнился ими. Старцы бѣжали согнувшись подъ тяжестью деревянныхъ бревенъ, а рядомъ съ ними мужчины во цвѣтѣ лѣтъ, женщины съ распущенными волосами, которыми онѣ старались прикрыть свою наготу, подростки и совсѣмъ маленькія дѣти.—Кресты по большей части были украшены цвѣтами, также какъ и жертвы. Служителя цирка, стегая несчастныхъ палками, заставляли ихъ складывать кресты рядомъ съ готовыми уже ямами и сами становились рядомъ съ ними. Такъ должны были погибнуть тѣ, которыхъ не удалось отдать на съѣденье собакамъ и дикимъ звѣрямъ, въ первый день игръ. Теперь ихъ хватали черные рабы, клали навзничь на деревѣ и прибивали руки жертвъ къ перекладинамъ усердно и быстро, чтобы народъ, возвратившись послѣ перерыва въ амфитеатръ, засталъ всѣ кресты поставленными. Во всемъ амфитеатрѣ раздавался теперь стукъ молотковъ, эхо котораго отдавалось во всѣхъ рядахъ и дошло даже до площади, окружающей амфитеатръ, и подъ шатеръ, въ которомъ цезарь принималъ весталокъ и пріятелей. Тамъ пили вино, шутили надъ Хилономъ и шептали странныя слова на ухо жрицамъ Весты,—а на аренѣ кипѣла работа, гвозди вонзались въ ноги и руки христіанъ, стучали лопаты, засыпая пескомъ ямы, въ которыя были вставлены кресты.

Но между жертвами, очередь которыхъ наступила, былъ и Криспъ. У львовъ не было времени разорвать его, а потому ему предназначался крестъ, а онъ, всегда готовый къ смерти, радовался при мысли, что его часъ приближается. Сегодня онъ выглядывалъ иначе, такъ какъ высохшее тѣло его было совершенно обнажено, только опояска изъ плюща покрывала его бедра, а на головѣ у него былъ вѣнокъ изъ розъ.—Но въ глазахъ его блестѣла та-же неистощимая энергія и изъ подъ вѣнка виднѣлось то же суровое и фанатичное лицо. Не измѣнилось также и сердце его, потому что, какъ раньше въ куникулѣ онъ гнѣвомъ божьимъ грозилъ братьямъ своимъ, обшитымъ въ звѣриныя шкуры, такъ и сегодня громилъ ихъ вмѣсто того, чтобы утѣшать.

Digitized by Google

— Благодарите Спасителя за то, что онъ позволяетъ вамъ умереть тою-же смертью, какою умеръ Онъ самъ, говорилъ Криспъ.— Можетъ быть, часть грѣховъ вашихъ будетъ вамъ прощена за это,— но трепещите, такъ какъ справедливость должна быть удовлетворена и не можетъ быть одинаковой награды для злыхъ и добрыхъ.

А голосу его вторилъ стукъ молотковъ, которыми прибивались руки и ноги жертвъ. Все больше и больше крестовъ появлялось на аренѣ, а Криспъ, обратившись къ тѣмъ, что стояли еще у креста своего, продолжалъ:

— Я вижу отверстое небо, но я вижу также и отверстый адъ... Я самъ не знаю, какъ оправдаю передъ Господомъ жизнь мою, хотя я вѣрилъ и ненавидѣлъ зло,—и не смерти боюсь я, а воскрешенія изъ мертвыхъ, не мученій, а суда, такъ какъ настаетъ день гнѣва...

Но тутъ изъ ближайшихъ рядовъ послышался какой-то голосъ, спокойный и торжественный:

— Нѣтъ, настаетъ не день гнѣва, но день милосердія, день спасенія и счастья, потому что я говорю вамъ, Христосъ приметъ васъ, утѣшитъ и посадитъ одесную себя. — Вѣруй, ибо небо открывается предъ вами.

При этихъ словахъ глаза всѣхъ обратились къ скамьямъ; даже тѣ, что висѣли ужъ на крестахъ, подняли свои блѣдныя, измученныя головы и стали глядѣть въ сторону говорившаго.

Криспъ протянулъ къ нему руку, какъ-бы желая угрожать ему, но увидавъ лицо его,—онъ опустилъ поднятую руку, колѣна его согнулись, а губы прошептали:

— Апостолъ Павелъ!..

Къ большому изумленію служителей цирка—всѣ христіане, которыхъ еще не удалось пригвоздить, пали на колѣна, а Павелъ изъ Тарса обратился къ Криспу, и сказалъ:

— Криспъ, не угрожай имъ, ибо они еще сегодня будутъ съ тобой въ раю. Ты думаешь, что среди нихъ будутъ осужденные? Но кто-же осудитъ ихъ? Развѣ Богъ сдѣлаетъ это, Богъ, который отдалъ за нихъ Сына своего? Развѣ Христосъ, который умеръ ради спасенія ихъ, какъ они умираютъ ради имени Его? Кто будетъ жаловаться на избранниковъ Господа? Кто скажетъ про эту кровь,—«она проклята!»

— Господинъ, я ненавидѣлъ зло,—отвѣчалъ старый священникъ.

— Христосъ повелѣлъ любить людей больше, чѣмъ ненавидѣть зло, ибо ученіе Его есть любовь, а не ненависть...

— Я согрѣшилъ въ смертный часъ свой, — отвѣчалъ Криспъ. И онъ сталъ ударять себя въ грудь.

Тутъ завѣдующій скамьями приблизился къ Апостолу и спросилъ его:

Digitized by Google

— Кто ты, ты, который разговариваешь съ осужденными?

— Римскій гражданинъ,—спокойно возразилъ Павелъ.

А потомъ, обратившись къ Криспу сказалъ:

— Вѣруй, ибо сегодня день любви, и умри спокойно, служитель Господа.

Въ эту минуту два мурина приблизились къ Криспу, чтобы положить его на крестъ, а онъ еще разъ оглянулся кругомъ и воскликнулъ:

— Братья, молитесь за меня.

И лицо его утратило обычную суровость; каменныя черты приняли выраженіе покоя и сладости. Онъ самъ простеръ руки вдоль перекладины креста, чтобы облегчить работу, и глядя прямо на небо, сталъ жарко молиться. Казалось, онъ ничего не чувствовалъ, потому что ни малѣйшей дрожи не пробѣгало по тѣлу его, когда гвозди вонзались въ тѣло его и на лицѣ его не появилось ни единой морщины страданья. Онъ молился въ то время, когда ему прибивали ноги, онъ молился, когда подымали крестъ и кругомъ его утаптывали землю. И только когда народъ со смѣхомъ и криками сталъ наполнять амфитеатръ, брови старца какъ-будто сжались, онъ гнѣвался на то, что языческій народъ нарушаетъ тишину и покой сладостной смерти.

Но еще передъ тѣмъ всѣ кресты были вбиты,—такъ что на аренѣ стоялъ какъ-бы лѣсъ съ висящими на деревьяхъ людьми. На перекладины крестовъ и на головы мучениковъ падалъ свѣтъ солнца, а на аренѣ образовались рѣзкія тѣни, образующія черную сплетенную рѣшетку, въ которой просвѣчивалъ желтый песокъ. То было зрѣлище, въ которомъ народъ съ восторгомъ присматривался къ медленному умиранію. Никогда еще не видано было столькихъ крестовъ. Арена была такъ густо набита ими, что служителя только съ трудомъ могли проталкиваться между ними. У барьера висѣли большей частью женщины, но Криспа, какъ предводителя, помѣстили почти передъ самымъ подіумомъ цезаря, на огромномъ крестѣ. Никто изъ жертвъ еще не скончался, но нѣкоторые изъ тѣхъ, кого пригвоздили первыми, лишились чувствъ. Никто не стоналъ и не просилъ о милосердіи. Нѣкоторые склонили голову на грудь, или на плечо, казалось заснули, одни какъ-бы задумались, другіе, глядя на небо, тихо двигали губами. Въ этомъ страшномъ лѣсу крестовъ, въ этихъ распятыхъ тѣлахъ, въ молчаніи жертвъ было, тѣмъ не менѣе, что-то зловѣщее. Народъ, который послѣ пира, сытый и веселый, съ крикомъ входилъ въ амфитеатръ, смолкъ, не зная на которомъ крестѣ остановить глаза и что думать. Нагота вытянутыхъ женскихъ фигуръ перестала дразнить его мысли. Нигдѣ ужъ не устраивались заклады о томъ, кто умретъ раньше, тогда какъ обыкновенно, при меньшей численности жертвъ, эти заклады устраивались всегда; казалось, что и цезарь скучаетъ, потому что, повернувъ голову,

Digitized by Google

онъ лѣнивымъ движеніемъ поправлялъ ожерелье, съ соннымъ и заспаннымъ лицомъ.

Но тутъ, висящій напротивъ него Криспъ, у котораго только что глаза были закрыты, какъ у человѣка лишившагося чувствъ, или умирающаго, открылъ ихъ и сталъ глядѣть на цезаря.

Лицо его снова приняло прежнее неумолимое выраженіе, а взоръ запылалъ такимъ огнемъ, что приближенные августа стали перешептываться, указывая на него пальцами и, наконецъ, самъ цезарь обратилъ на него вниманіе и лѣниво приложилъ изумрудъ къ глазу.

Наступила полнѣйшая тишина. Глаза зрителей обращены были на Криспа, который попробовалъ двинуть правой рукой, какъ-бы желая оторвать ее отъ дерева.

Черезъ минуту грудь его поднялась, ребра обозначились рѣзче и онъ воскликнулъ:

— Матереубійца! горе тебѣ!

Приближенные августа, услыхавъ предсмертныя обвиненія, брошенныя владыкѣ міра въ присутствіи тысячной толпы, не смѣли вздохнуть. Хилонъ потерялъ сознаніе. Цезарь вздрогнулъ и выпустилъ изумрудъ.

Народъ тоже удерживалъ дыханье въ грудяхъ. Могучій голосъ Криспа раздавался во всемъ амфитеатрѣ:

— Горе тебѣ убійца жены и брата, горе тебѣ, антихристъ. Преисподняя разверзнется предъ тобой, смерть протягиваетъ къ тебѣ руки— и могила ждетъ тебя. Горе тебѣ, живой мертвецъ, ибо ты умрешь въ ужасѣ и погибнешь на вѣки!

И не въ силахъ будучи оторвать прибитую руку отъ дерева, вытянувшійся, страшный, еще при жизни походившій на скелетъ, неумолимый—какъ предопредѣленіе, онъ трясъ бѣлой бородой надъ подіумомъ Нерона, движеніемъ головы разбрасывая лепестки розъ вѣнка, которыми украсили его волосы.

— Горе тебѣ убійца! мѣра твоя преполнена и часъ твой близокъ!..

Онъ вытянулся весь: одну минуту казалось, что онъ оторветъ руку отъ креста и грозно протянетъ ее надъ цезаремъ,—но вдругъ его исхудалыя руки вытянулись еще больше, тѣло опустилось внизъ, голова упала на грудь,—и онъ скончался.

Среди лѣса крестовъ болѣе слабые стали засыпать сномъ вѣчнымъ.

II.

— Господинъ! — говорилъ Хилонъ. Теперь — море гладко, какъ масло, и волны кажутся блестящими... Пойдемъ въ Ахайю. Тамъ ждетъ тебя слова Аполлона, тамъ ждутъ тебя вѣнки, тріумфы, тамъ люди будутъ боготворить тебя, а боги примутъ какъ равнаго себѣ,—а тутъ,

господинъ... И онъ остановился, такъ какъ длинная губа его начала такъ сильно трястись, что слова перешли въ непонятные звуки.

— Мы пойдемъ туда послѣ окончанія игръ, отвѣчалъ Неронъ.— Я знаю, что многіе и такъ называютъ христіанъ «innoxia corpora». А если-бы я уѣхалъ, всѣ стали-бы повторять это. Чего ты боишься, старый грибъ?

Говоря это, Неронъ насупилъ брови и пытливымъ взглядомъ сталъ глядѣть на Хилона, какъ-бы ожидая отъ него объясненія, такъ какъ онъ только притворялся хладнокровнымъ. На послѣднемъ представленіи онъ самъ испугался словъ Криспа, и, возвратившись домой, не могъ заснуть отъ бѣшенства, стыда, и вмѣстѣ съ тѣмъ страха.

Тогда суевѣрный Вестиній, который молча слушалъ разговоръ Нерона и Хилона, оглянулся кругомъ и сказалъ таинственнымъ голосомъ:

— Господинъ, послушай этого старика. Въ этихъ христіанахъ есть что-то странное... Ихъ божество посылаетъ имъ легкую смерть, но оно можетъ быть мстительно.

Неронъ быстро отвѣтилъ:

— Не я устроилъ игры, а Тигеллинъ.

— Да! это я, — отвѣчалъ Тигеллинъ, который услышалъ отвѣтъ цезаря.—Это я,—и я смѣюсь надъ всѣми христіанскими богами. Господинъ, Вестиній—это пузырь, надутый всякими предразсудками, а этотъ мужественный грекъ готовъ умереть отъ страха при видѣ курицы, защищающей своихъ цыплятъ.

— Хорошо, сказалъ Неронъ,— но отнынѣ прикажи, чтобы всѣмъ христіанамъ вырывали языки или затыкали ротъ.

— Имъ огонь заткнетъ ихъ, божественный!

— Горе мнѣ!—вздохнулъ Хилонъ.

Но Цезарь, которому наглая увѣренность Тигеллина придала бодрости, сталъ смѣяться и сказалъ, указывая на стараго Хилона:

— Взгляните, на что похожъ потомокъ Ахиллеса.

Дѣйствительно, Хилонъ имѣлъ ужасный видъ. Остатки волосъ на его головѣ побѣлѣли совершенно, на лицѣ остановилось выраженіе какого-то страшнаго безпокойства, тревоги и угнетенности.—Минутами онъ казался больнымъ и полубезсознательнымъ. Онъ не отвѣчалъ на вопросы, или попрежнему начиналъ сердиться и становился такимъ смѣлымъ, что приближенные августа предпочитали его не трогать.

Такая минута наступила и теперь.

— Дѣлайте со мной, что хотите, а на игры я больше не пойду!— закричалъ онъ отчаянно, щелкая пальцами.

Неронъ съ минуту глядѣлъ на него и, обратившись къ Тигеллину, сказалъ:

— Ты присмотришь за тѣмъ, чтобы въ саду этотъ стоикъ былъ

Digitized by Google

поближе ко мнѣ! Я хочу видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на него наши факелы.

Но Хилонъ испугался угрозы, которая слышалась въ голосѣ цезаря.

— Господинъ,—сказалъ онъ,—я ничего не увижу, такъ какъ ночью я не вижу.

А цезарь отвѣчалъ съ страшной усмѣшкой:

— Ночь будетъ свѣтла, какъ день!

И потомъ онъ обратился къ другимъ приближеннымъ, съ которыми онъ сталъ разговаривать о ристалищахъ, которыя онъ намѣревался устроить послѣ окончанія игръ.

А къ Хилону приблизился Петроній и, положивъ къ нему на плечо руку, сказалъ:

— Развѣ я не говорилъ тебѣ? Не выдержишь.

А Хилонъ отвѣчалъ:

— Я хочу напиться!..

И онъ протянулъ дрожащую руку къ кратеру съ виномъ, но не могъ донести его до губъ, а Вестиній, увидя это, отнялъ у него сосудъ и пододвинувшись къ нему, спросилъ его съ испугомъ и любопытствомъ:

— Тебя преслѣдуютъ фуріи?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Хилонъ,—но передо мной ночь.

— Какъ ночь?.. Да сжалятся надъ тобой боги! Какъ ночь?

— Ночь ужасная, въ которой что-то движется, что-то надвигается на меня. Но я не знаю что это и боюсь.

— Я всегда былъ увѣренъ, что они колдуны. Не снится-ли тебѣ все это?

— Нѣтъ, такъ какъ я не сплю. Я не думалъ, что ихъ такъ покажутъ.

— Тебѣ жаль ихъ?

— Зачѣмъ проливаете вы столько крови? Ты слышалъ, что тотъ человѣкъ говорилъ съ креста? Горе намъ.

— Слышалъ,—тихо отвѣчалъ Весиній.—Но они подожгли Римъ!

— Неправда!

— Они отравляли источники!

— Неправда!

— Они убивали дѣтей!

— Неправда!

— Какъ-же?—съ удивленіемъ спросилъ Вестиній.—Ты самъ говорилъ это и предалъ ихъ въ руки Тигеллина!

— Тогда также ночь была передо мной и теперь смерть приближается ко мнѣ... Иногда мнѣ кажется, что я ужъ умеръ—и вы тоже.

— Нѣтъ! умираютъ они, а мы живы! Но скажи мнѣ; что они видятъ передъ смертью?

Digitized by Google

— Христа.

— Это богъ ихъ? Могущественный-ли это богъ?

Но Хилонъ отвѣчалъ также вопросомъ:

— Что за факелы должны горѣть въ садахъ? Ты слышалъ, что говорилъ цезарь?

— Слышалъ и знаю. Такъ называемые «sarmentitii и semaxii»... Ихъ облекутъ въ скорбные туники, пропитанные смолой, привяжутъ къ столбамъ и подожгутъ... Ахъ, если-бы только Богъ ихъ не послалъ на городъ какихъ-нибудь бѣдствій... Semaxii! — это страшная казнь.

— Это лучше, потому что не будетъ крови,—отвѣчалъ Хилонъ.— Скажи рабу, чтобы онъ поднесъ кратеръ къ губамъ моимъ. Я хочу пить, но разливаю вино, потому что у меня рука дрожитъ отъ старости.

Остальные также разговаривали о христіанахъ. Старый Домицій Аферъ глумился надъ ними.

— Ихъ такое множество,—говорилъ онъ,—что они могли-бы произвести междоусобную войну, и замѣтьте, что были опасенья, не захотятъ-ли они защищаться. А они умираютъ, какъ овцы.

— Пусть-бы попробовали умирать иначе!—сказалъ Тигеллинъ.

На это отозвался Петроній:

— Вы ошибаетесь. Они защищаются.

— Какимъ это образомъ?

— Терпѣніемъ.

— Это новый способъ!

— Несомнѣнно. Но вы вѣдь не можете сказать, что они умираютъ, какъ обыкновенные преступники.

— Нѣтъ! Они умираютъ такъ, какъ будто преступниками были тѣ, которые осуждаютъ ихъ на смерть, то есть мы и весь народъ римскій.

— Какая чепуха!—воскликнулъ Тигеллинъ.

— Hic Abdera! [1])—отвѣчалъ Петроній.

Но другіе, пораженные мѣткостью его замѣчаній, стали съ изумленіемъ глядѣть другъ на друга и повторять:

— Правда! Въ ихъ смерти есть что-то необыкновенное.

— Я говорю вамъ, что они видятъ свое божество!—закричалъ со стороны Вестиній.

Сейчасъ-же нѣсколько приближенныхъ августа обратились въ сторону Хилона:

— Эй, старикъ, ты ихъ хорошо знаешь: скажи намъ, что они видятъ?

---

[1]) Выраженіе, которое значитъ: «вотъ дуракъ изъ дураковъ!»

Digitized by Google

А грекъ пролилъ вино на тунику и отвѣчалъ:

— Воскрешеніе изъ мертвыхъ!

И онъ затрясся такъ, что гости, сидѣвшіе близко отъ него, громко захохотали.

III.

Нѣсколько дней Виницій проводилъ ночи внѣ дома. Петронію приходило въ голову, что онъ, можетъ быть, составилъ какой-нибудь новый планъ и работаетъ надъ освобожденіемъ Лигіи изъ эквилинской темницы, но онъ не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать его, чтобы не принести несчастье его работѣ. Этотъ изящный скептикъ сталъ теперь также суевѣренъ, или лучше сказать, съ тѣхъ поръ, какъ ему не удалось вырвать дѣвушку изъ мамеритинскаго подземелья, онъ переcталъ вѣрить въ свою звѣзду.

Онъ и теперь не разсчитывалъ на удачный результатъ попытокъ Виниція. Эсквилинская тюрьма, наскоро устроенная изъ погребовъ домовъ, разрушенныхъ для прекращенія пожара, не была правда такой ужасной, какъ старый Туліанъ, стоящій рядомъ съ Капитоліемъ, но зато была во сто разъ лучше охраняема. Петроній хорошо понималъ, что Лигію перевели туда только для того, чтобы она не умерла и не избѣжала амфитеатра, а потому ему не трудно было сообразить, что именно потому ее охраняютъ, какъ зеницу ока.

— Очевидно,—говорилъ онъ себѣ,—цезарь вмѣстѣ съ Тигеллиномъ предназначаетъ ее для какого-то особеннаго зрѣлища, болѣе страшнаго, чѣмъ всѣ предыдущія—и Виницій погибнетъ скорѣе самъ, чѣмъ сможетъ спасти ее.

Однако, и Виницій потерялъ надежду спасти Лигію. Теперь это могъ сдѣлать только Христосъ. Молодой трибунъ хотѣлъ только видѣть ее въ темницѣ.

Съ нѣкоторыхъ поръ мысль, что Назарію удалось пробраться въ Мамеритинскую тюрьму, въ видѣ наемника для выноса труповъ, не давала ему покоя,—и онъ рѣшилъ испытать этотъ путь.

Подкупленный за огромную сумму сторожъ «Смрадныхъ ямъ», наконецъ, принялъ его въ число своихъ слугъ, которыхъ онъ каждую ночь посылалъ въ темницу за трупами. Опасность, что Виницій могъ быть узнанъ, была очень небольшая, отъ нея спасали его: ночь, одежда раба и плохое освѣщеніе темницъ и, наконецъ, кому могло прійти въ голову, чтобы патрицій, внукъ и сынъ консуловъ, могъ оказаться среди гробовщиковъ, назначенныхъ для вывоза труповъ въ «Смрадныя ямы», и взялся за работу, къ которой принуждали людей неволя или послѣдняя нужда.

Digitized by Google

Но, когда пришелъ желанный вечеръ, онъ съ радостью перевязалъ бедра и окрутилъ голову тряпками, пропитанными терпентиномъ—и съ бьющимся сердцемъ отправился съ другими въ Эсквилинъ.

Стража преторіанцевъ не дѣлала имъ никакихъ затрудненій, впрочемъ они всѣ снабжены были соотвѣтственными билетами, которые центуріонъ осматривалъ при свѣтѣ фонаря. Черезъ минуту огромныя желѣзныя двери отворились и они вошли.

Виницій увидѣлъ передъ собой обширный сводчатый погребъ, который велъ къ цѣлому ряду другихъ погребовъ. Тусклые свѣтильники освѣщали этотъ погребъ, наполненный людьми. Нѣкоторые изъ нихъ лежали подъ стѣнами, погруженные въ сонъ, а можетъ быть и умершіе. Другіе окружали большой сосудъ съ водой, стоящій посрединѣ, и пили изъ него, третьи сидѣли на землѣ, опершись локтемъ на колѣни и опустивъ головы на руки. Кое-гдѣ спали дѣти, прижавшись къ матерямъ. Кругомъ слышны были то вздохи да громкое ускоренное дыханье больныхъ, то плачъ, то шепотъ молитвы, то пѣсни, напѣваемыя вполголоса, то проклятія сторожей. Въ подземельи господствовали трупный запахъ и толкотня. Подъ мрачными сводами двигались темныя фигуры, а ближе, при мерцающемъ свѣтѣ, виднѣлись поблѣднѣвшія, испуганныя, похудѣвшія и голодныя лица, съ глазами потухшими или горящими отъ лихорадки, съ поблѣднѣвшими губами, съ струйками пота на лбу и слипшимися волосами. По угламъ громко бредили больные, другіе просили воды, третьи молили о томъ, чтобы ихъ повели на смерть. А тѣмъ не менѣе эта темница была менѣе страшная, чѣмъ старый Туліанъ. У Виниція при видѣ всего этого ноги подкосились и въ груди не хватило дыханья. При мысли о томъ, что Лигія находится среди этой нужды и этихъ несчастій, волосы встали дыбомъ на головѣ его, а въ груди замеръ крикъ отчаянія. Амфитеатръ, клыки дикихъ звѣрей, кресты—все было лучше этихъ страшныхъ, полныхъ трупнаго запаха подземелій, въ которыхъ умоляющіе человѣческіе голоса во всѣхъ углахъ повторяли:

— Ведите насъ на смерть!

Виницій вонзилъ ногти въ руки, такъ какъ чувствовалъ, что теряетъ силы и сознанье. Все то, черезъ что онъ прошелъ до тѣхъ поръ, вся любовь и страданье, превратилось теперь въ одну жажду смерти.

Въ эту минуту рядомъ съ нимъ послышался голосъ надсмотрщика «Смрадныхъ ямъ».

— А сколько у васъ сегодня труповъ?

— Съ дюжину будетъ,—отвѣчалъ тюремный сторожъ,—но до утра еще прибавится, потому что тамъ подъ стѣнами нѣкоторые ужъ кончаются.

И онъ сталъ жаловаться на женщинъ, что онѣ скрываютъ смерть дѣтей для того, чтобы дольше имѣть ихъ при себѣ и пока возможно не отдавать ихъ въ «Смрадныя ямы». Трупы приходится узнавать по запаху, а потому воздухъ, и безъ того страшный, портится еще больше. «Я хотѣлъ-бы лучше быть рабомъ въ деревенскомъ «ergastulum», чѣмъ смотрѣть за этими собаками, гніющими при жизни». Надсмотрщикъ надъ «ямами» утѣшалъ его и говорилъ, что его служба еще не самая скверная.

А тѣмъ временемъ къ Виницію вернулось сознаніе дѣйствительности и онъ сталъ оглядываться въ подземельѣ, въ которомъ, однако, напрасно искалъ глазами Лигію, думая при томъ, что можетъ быть онъ при жизни совсѣмъ не увидитъ ее. Погребовъ было много, соединенныхъ между собою свѣже-вырытыми проходами, но могильщики входили только въ тѣ, въ которыхъ надо было забирать мертвыя тѣла, а потому Виниція охватилъ страхъ, что то, что стоило стольких трудовъ, можетъ быть ни къ чему не послужитъ.

Къ счастью, его начальникъ пришелъ къ нему на помощь.

— Тѣла надо выносить сейчасъ-же, — сказалъ онъ, — такъ какъ зараза распространяется главнымъ образомъ черезъ трупы. Иначе помрете и вы, и заключенные.

— Насъ десять человѣкъ на всѣ погреба,—отвѣчалъ сторожъ,— а вѣдь должны-же мы спать.

— Такъ я оставлю тебѣ четверыхъ изъ людей моихъ, которые по ночамъ будутъ ходить по погребамъ и смотрѣть, не умеръ-ли кто?

— Мы выпьемъ завтра, если ты сдѣлаешь это. Пусть они каждый трупъ принесутъ для изслѣдованія, такъ какъ вышли приказы, что-бы мертвымъ прокалывать горло, а потомъ прямо съ ними въ Ямы.

— Хорошо, выпьемъ!—отвѣчалъ надсмотрщикъ.

Послѣ того, онъ выбралъ четверыхъ людей, а между ними и Виниція, а съ остальными отправился складывать трупы на носилки.

Виницій свободно вздохнулъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ Лигію.

И онъ прежде всего старательно сталъ осматривать первое подземелье. Онъ заглядывалъ во всѣ темные углы, до которыхъ почти не достигалъ свѣтъ свѣтильника, оглядывалъ фигуры спящихъ подъ стѣнами, подъ покрывалами, обходилъ болѣе тяжелыхъ больныхъ, которыхъ сволокли въ отдѣльный уголъ, однако Лигіи онъ нигдѣ не могъ найти. Розыски его во второмъ и третьемъ погребѣ остались также безъ результата.

А тѣмъ временемъ время шло; тѣла были уже вынесены. Сторожа улеглись въ коридорахъ, примыкающихъ къ погребамъ, и заснули; дѣти, утомленные отъ слезъ, смолкли, и въ подземельяхъ только слышны были дыханья измученныхъ грудей и кое-гдѣ еще шепотъ молитвы.

Digitized by Google

Виницій съ свѣтильникомъ вошелъ въ четвертый погребъ, значительно меньшій и, поднявъ свѣтъ надъ головой, сталъ въ немъ оглядываться.

И вдругъ онъ вздрогнулъ, потому что ему показалось, что подъ рѣшетчатымъ отверстіемъ въ стѣнѣ онъ видитъ огромную фигуру Урса.

Онъ потушилъ свѣтъ и, приблизившись къ этой фигурѣ, спросилъ:

— Урсъ, ты-ли это?

Исполинъ повернулъ голову.

— Кто ты?

— Ты не узнаешь меня?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Ты потушилъ свѣтъ, какъ-же я могу узнать тебя?

Но въ эту минуту Виницій увидѣлъ Лигію, лежащую на плащѣ у самой стѣны, а потому, не говоря больше ни слова, онъ упалъ передъ ней на колѣни.

Урсъ узналъ его и сказалъ:

— Слава Христу, но не буди ее господинъ.

Виницій, стоя на колѣняхъ, сквозь слезы вглядывался въ нее. Не смотря на полумракъ, онъ разглядѣлъ ея исхудалыя руки, ея лицо, которое показалось ему блѣднымъ, какъ мраморъ. И при видѣ этого его охватила любовь, похожая на раздирающія душу страданія, потрясающая все существо его и преисполненная жалостью, почитанія и уваженія, такъ что, упавъ ницъ, онъ сталъ прижимать къ губамъ своимъ край плаща, на которомъ спало это дорогое для него созданье.

Урсъ долго и молча глядѣлъ на него, наконецъ онъ потянулъ его за тунику.

— Господинъ,—спросилъ онъ,—какъ ты пробрался сюда, ты пришелъ освободить ее?

Виницій приподнялся, но еще нѣкоторое время боролся со своимъ волненіемъ.

— Укажи мнѣ способъ!—сказалъ онъ.

— Я думалъ, что ты найдешь его. Мнѣ только одинъ приходилъ въ голову...

И онъ обратилъ взоръ свой къ рѣшетчатому окну, а потомъ, какъ-бы отвѣчая самому себѣ, сказалъ:

— Да!.. но тамъ солдаты!..

— Сотня преторіанцевъ,—отвѣчалъ Виницій.

— А значитъ мы не пройдемъ!

— Нѣтъ.

Лигіецъ оперъ голову на руку и вторично спросилъ:

— Какъ ты вошелъ?

— У меня есть «тессеръ» отъ надсмотрщика «Смрадныхъ ямъ»...

И онъ вдругъ остановился, какъ будто какая-то мысль блеснула у него.

Digitized by Google

— Клянусь страданіями Спасителя! — заговорилъ онъ быстро. — Я останусь здѣсь, а она пусть возьметъ мой тессеръ, пусть обовьетъ голову тряпками, обернетъ плечи плащомъ и уйдетъ отсюда. Среди рабовщиковъ есть нѣсколько подростковъ, а потому преторіанцы не узнаютъ ее, и когда разъ она доберется до дома Петронія, тотъ спасетъ ее.

Но лигіецъ опустилъ голову на грудь и отвѣчалъ:

— Она-бы не согласилась на это, такъ какъ любитъ тебя, а кромѣ того она больна и не можетъ встать безъ чужой помощи.

И черезъ минуту Урсъ прибавилъ:

— Если ты, господинъ, и благородный Петроній не могли освободить ее изъ тюрьмы, такъ кому-же удастся спасти ее?

— Одному Христу!..

И они оба смолкли. Лигіецъ по простотѣ своей думалъ: «Онъ, конечно, могъ-бы всѣхъ спасти, но если Онъ не дѣлаетъ этого, то значитъ наступилъ часъ смерти». И онъ соглашался на нее для себя, но ему до глубины души жаль было этого ребенка, который выросъ на его рукахъ и котораго онъ любилъ больше жизни.

Виницій снова сталъ на колѣни передъ Лигіей. Черезъ рѣшетчатое окно въ подземелье проникли лучи мѣсяца и освѣтили его лучше, чѣмъ единственный свѣтильникъ, мерцавшій еще надъ дверьми.

Но вотъ Лигія открыла глаза и, положивъ свою горячую руку на руки Виниція, сказала:

— Видите, — я знала, что ты придешь.

А онъ бросился на ея руки и сталъ прижимать ихъ къ своему лбу и сердцу, а потомъ поднялъ ее съ ея ложа и прижалъ къ груди.

— Я пришелъ, дорогая, — сказалъ онъ. — Да сохранитъ и да спасетъ тебя Христосъ! О, Лигія, возлюбленная!..

И онъ не могъ говорить больше, такъ-какъ сердце стало трепетать въ его груди отъ любви и страданія, а ей онъ не хотѣлъ выдать свои страданія.

— Я больна, Маркъ, — отвѣчала Лигія, — и все равно, здѣсь или на аренѣ, но я должна умереть... Но я молилась, чтобы я передъ этимъ увидалась съ тобой, и ты пришелъ: Христосъ услыхалъ меня!

А такъ-какъ Виницій еще не могъ найти словъ и только прижималъ ее къ груди, она продолжала:

— Я видѣла тебя въ Туліанѣ черезъ окно, и я знала, что ты хочешь придти. А теперь Спаситель послалъ мнѣ минуту сознанія, чтобы мы могли проститься. Я ужъ иду къ Нему, Маркъ, но я люблю тебя и всегда буду любить.

А Виницій пересилился, заглушилъ въ себѣ боль и заговорилъ голосомъ, который онъ старался сдѣлать спокойнымъ:

Digitized by Google

— Нѣтъ, дорогая. Ты не умрешь. Апостолъ повелѣлъ мнѣ вѣрить и обѣщалъ молиться за тебя, а онъ зналъ Христа, Христосъ любилъ его и ни въ чемъ не откажетъ ему. Если-бы ты должна была умереть, Петръ не повелѣлъ-бы мнѣ надѣяться, а онъ сказалъ: «Надѣйся!» Нѣтъ. Лигія! Христосъ сжалится надо мной, Онъ не хочетъ твоей смерти, Онъ не допуститъ ея... Клянусь тебѣ именемъ Спасителя, что Петръ молится за тебя!

Наступила тишина. Единственный свѣтильникъ, висѣвшій надъ дверями, погасъ, но зато мѣсяцъ свѣтилъ черезъ окно. Въ противоположномъ углу запищалъ ребенокъ и умолкъ. Только снаружи доходили голоса преторіанцевъ, которые послѣ окончанія играли подъ стѣной въ «scriptae duodecim».

— О Маркъ!—отвѣчала Лигія.—Самъ Христосъ взывалъ къ Отцу: «да минетъ меня чаша сія», а всетаки Онъ испилъ ее. Христосъ самъ умеръ на крестѣ, а теперь тысячи гибнутъ за Него. и почему Онъ долженъ былъ-бы спасти меня одну? Что я такое, Маркъ? Ты слышалъ, какъ Петръ говорилъ, что и онъ умретъ замученный, что-же такое я сравнительно съ нимъ? Когда къ намъ пришли преторіанцы, я боялась смерти и мукъ, но теперь я ужъ не боюсь больше. Взгляни, какая страшная тюрьма, а я иду на небо. Подумай, что здѣсь есть цезарь, а тамъ Спаситель, добрый, милосердный. И нѣтъ смерти. Ты любишь меня, а потому подумай, какъ я буду счастлива. О! Маркъ, дорогой, подумай, что ты тамъ придешь ко мнѣ.

И она замолчала, чтобы набрать воздуху въ свою больную грудь, а потомъ поднесла къ своимъ губамъ руку его:

— Маркъ!

— Что, дорогая!

— Не плачь по мнѣ, и помни, что тамъ ты придешь ко мнѣ. Я не долго жила, но Богъ отдалъ мнѣ душу твою. Я хочу сказать Христу, что хоть я и умерла, и хоть ты видѣлъ смерть мою, хоть остался ты въ горести, но ты не грѣшишь противъ воли Его и любишь Его несравненно. А ты будешь любить его и вынесешь терпѣливо смерть мою?.. Потому что иначе Онъ разлучитъ насъ, а я люблю тебя и хочу быть съ тобой....

Ей снова не хватило дыханія и она едва слышнымъ голосомъ докончила:

— Поклянись мнѣ въ этомъ Маркъ!..

Виницій обнялъ ее дрожащими руками и сказалъ:

— Клянусь твоей святой головой!

И тогда при неясномъ свѣтѣ мѣсяца лицо ее просвѣтлѣло. Она еще разъ поднесла къ устамъ своимъ его руку и прошептала:

— Я жена твоя!..

Digitized by Google

За стѣной преторіанцы, играющіе въ «scriptae duodecim», громче заспорили, но Лигія и Виницій забыли о тюрьмѣ, о сторожахъ, о всей землѣ—и, чувствуя другъ въ другѣ души ангельскія, стали молиться.

IV.

Три дня, или лучше сказать три ночи, ничто не нарушало ихъ спокойствія. Когда обычныя тюремныя дѣла, состоящія въ отдѣленіи мертвыхъ отъ живыхъ и тяжко больныхъ отъ болѣе здоровыхъ, были окончены и когда измученные сторожа ложились спать по коридорамъ, Виницій входилъ въ подземелье, въ которомъ находилась Лигія, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не проникалъ черезъ рѣшетку окна. Она клала къ нему голову на грудь и они разговаривали о любви и смерти. Оба невольно, въ мысляхъ и на словахъ, все больше удалялись отъ жизни и теряли сознаніе ея. Оба походили на людей, которые, отчаливъ отъ берега, не видятъ ужъ его и медленно погружаются въ безконечность. Оба постепенно измѣнялись въ печальныхъ духовъ, влюбленныхъ другъ въ друга, въ Христа и готовыхъ отлетѣть. Иногда въ его сердце врывалось страданіе, какъ вѣтеръ, иногда какъ молнія сверкала надежда, сложившаяся изъ любви и вѣры въ милосердіе распятаго Бога,—но съ каждымъ днемъ и онъ все больше отрывался отъ земли и отдавался смерти. Рано утромъ, когда онъ выходилъ изъ тюрьмы, онъ глядѣлъ на свѣтъ, на городъ, на знакомыхъ и на житейскія дѣла, какъ сквозь сонъ. Ему все казалось чуждымъ, отдаленнымъ, тщетнымъ и преходящимъ. Его перестала пугать угроза страданій, такъ какъ онъ понималъ теперь, что черезъ это можно пройти какъ-бы задумавшись, съ глазами, направленными на нѣчто другое. Имъ обоимъ казалось, что ихъ начинаетъ окружать вѣчность. Они разговаривали о любви, о томъ, какъ будутъ любить другъ друга, какъ будутъ жить вмѣстѣ, но ужъ по ту сторону гроба, и если еще иногда они возвращались къ земнымъ дѣламъ, то только какъ люди, готовящіеся въ длинную дорогу, разговариваютъ о дорожныхъ приготовленіяхъ. И въ концѣ концовъ ихъ окружала такая тишина, какая окружаетъ двѣ колонны, стоящія гдѣ-нибудь на пустырѣ и забытыя всѣми. Имъ было важно только то, чтобы Христосъ не раздѣлилъ ихъ, а когда каждая минута прибавляла въ нихъ увѣренности въ этомъ, они полюбили Его, какъ то звено, которое должно было ихъ соединить, въ безконечномъ счастьи и въ безконечномъ покоѣ. Еще будучи на землѣ они отряхали прахъ земной. Души ихъ стали чистыя, какъ слеза. Подъ угрозой смерти, среди нужды и терзаній, на тюремной соломѣ началось для нихъ небо; такъ какъ она брала его за руку и проводила, какъ-бы ужъ избавившаяся и святая,—къ вѣчному источнику жизни.

Digitized by Google

А Петроній изумлялся, видя на лицѣ Виниція все большій и большій покой и какой-то странный блескъ, котораго онъ не видалъ раньше. Иногда въ его душѣ зарождались даже подозрѣнія, что Виницій нашелъ какой-нибудь путь спасти Лигію и Петронію было грустно, что онъ не посвящаетъ его въ свои надежды.

Наконецъ, не въ силахъ будучи выдержать, Петроній спросилъ:

— Теперь ты выглядываешь иначе, не скрывай отъ меня, потому что я хочу и могу помочь тебѣ: ты что-нибудь рѣшилъ?

— Рѣшилъ — отвѣчалъ Виницій, но ты ужъ не можешь помочь мнѣ. Послѣ смерти ея я признаюсь въ томъ, что я христіанинъ, и пойду за ней.

— Значитъ у тебя нѣтъ надежды?

— Напротивъ, есть. Христосъ отдаетъ мнѣ ее, и мы съ ней никогда ужъ не будемъ разлучаться.

Петроній сталъ ходить по атрію съ выраженіемъ нетерпѣнія и недовольства на лицѣ, а потомъ сказалъ:

— На это не нуженъ вамъ, Христосъ, ту-же самую услугу можетъ оказать тебѣ нашъ Таматъ [1]).

А Виницій улыбнулся грустно и сказалъ:

— Нѣтъ, дорогой, ты не хочешь этого понять.

— Не хочу и не могу, — отвѣчалъ Петроній. Теперь не время спорить, но ты помнишь, что ты говорилъ, когда намъ не удалось вырвать ее изъ Туліана? Я утратилъ всякую надежду, а ты, когда мы возвратились домой, сказалъ: «А я вѣрю, что Христосъ можетъ возвратить мнѣ ее». Пусть онъ возвратитъ тебѣ ее. Если я брошу дорогую чашу въ море, ни одинъ изъ нашихъ боговъ не сумѣетъ возвратить мнѣ ее,—но если и вашъ богъ не лучше ихъ, то я не знаю, почему я долженъ былъ-бы почитать его, больше прежнихъ.

— Онъ отдаетъ мнѣ ее,—отвѣчалъ Виницій.

Петроній пожалъ плечами.

— Знаешь-ли ты,—спросилъ онъ,—что завтра христіанами должны освѣтить сады цезаря?

— Завтра?—повторилъ Виницій.

И въ виду близости страшной дѣйствительности сердце его задрожало отъ боли и страха. Онъ подумалъ, что, можетъ быть, это будетъ послѣдняя ночь, которую онъ проведетъ съ Лигіей, а потому, простившись съ Петроніемъ, онъ поспѣшилъ пойти къ надсмотрщику «puticuli» за своимъ «тессеромъ».

Но здѣсь его ожидало разочарованіе, такъ какъ надсмотрщикъ не хотѣлъ отдать ему знакъ.

---

[1]) Геній смерти.

Digitized by Google

— Прости, господинъ,—сказалъ онъ.—Я сдѣлалъ для тебя, что могъ, но я не могу подвергать опасности жизнь свою. Сегодня ночью христіанъ должны отправлять въ сады цезаря. Въ тюрьмѣ будетъ много солдатъ и сановниковъ. Если тебя узнаютъ, я пропаду,—я и мои дѣти.

Виницій понялъ, что настаивать было-бы напрасно. Но у него мелькнула надежда, что солдаты, которые раньше видѣли его, можетъ быть пропустятъ его и безъ билета, а потому съ наступленіемъ ночи, одѣвшись по обыкновенію въ простую тунику и обвязавъ голову трапьемъ, онъ отправился къ воротамъ тюрьмы.

Но въ этотъ день еще внимательнѣе осматривали билеты, а кромѣ того сотникъ Сцевинъ, всей душой и всѣмъ тѣломъ преданный цезарю солдатъ, узналъ Виниція.

Но, очевидно, въ его закованной въ желѣзо груди, тлѣли какія-то искры жалости къ несчастью человѣческому, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы ударить копьемъ въ щитъ, въ знакъ тревоги, онъ отвелъ Виниція въ сторону и сказалъ:

— Господинъ, иди къ себѣ. Я узналъ тебя, но я буду молчать, такъ какъ не желаю губить тебя. Но пустить я не могу тебя, иди къ себѣ и да пошлютъ тебѣ боги успокоеніе.

— Пустить ты меня не можешь,—сказалъ Виницій,—но позволь мнѣ остаться здѣсь и видѣть тѣхъ, кого будутъ отправлять.

— Приказанія, данныя мнѣ, не запрещаютъ этого,—отвѣчалъ Сцевинъ.

Виницій остановился передъ воротами и ждалъ, пока начнутъ отправлять осужденныхъ. Наконецъ, около полуночи широко открыли ворота тюрьмы и показалась цѣлая вереница заключенныхъ: мущинъ, женщинъ и дѣтей, окруженныхъ вооруженными отрядами преторіанцевъ. Ночь была свѣтлая, было полнолуніе, такъ что можно было не только различить фигуры, но даже и лица несчастныхъ. Они шли парами, длинной мрачной вереницей, и среди полнѣйшей тишины, прерываемой только звономъ солдатскаго оружія. Ихъ отправляли столько, что казалось всѣ погреба останутся пустыми.

Въ концѣ процессіи Виницій увидѣлъ ясно Главка-лѣкаря, но ни Лигіи, ни Урса не было между осужденными.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Призракъ любви.

Fernand Vaudérem. Le Chemin de Velours. 1896. *La Cendre.* Roman. 1894. *Charlie.* Roman. 1895.

I.

За послѣднее десятилѣтіе въ европейской романической литературѣ замѣчается весьма знаменательное стремленіе обновить не только внѣшніе способы выраженія искусства, но и самое его содержаніе. Выдающіеся писатели стараются избѣгать узко-романической фабулы, стараются придавать интересъ картинамъ общественной жизни, внося въ нихъ изученіе философскихъ, бытовыхъ, историческихъ или экономическихъ вопросовъ. Сама по себѣ «любовь» представляется какъ-бы недостаточно содержательной или — уже исчерпанной минувшими поколѣніями. Насколько неосновательно подобное мнѣніе, доказала «Крейцерова Соната» графа Л. Н. Толстого. Очевидно, суть не въ томъ, насколько ново воспроизводимое явленіе, а насколько своеобразна точка зрѣнія художника-бытописателя. Чувство любви столь-же многосложно, какъ природа. Каждое изъ явленій внѣшняго міра представляетъ для познающаго духа поприще въ равной степени безграничное. Въ каплѣ воды зарождаются и гибнутъ такіе-же міры, какъ и въ необозримыхъ пространствахъ млечнаго пути. Растительное волокно, кажущееся невооруженному глазу простымъ и однороднымъ, подъ микроскопомъ обнаруживаетъ поразительную сложность строенія; въ мѣловыхъ наслоеніяхъ увеличительное стекло открываетъ краснорѣчивую лѣтопись исчезнувшихъ живыхъ формъ, слѣды чуждой нашему воображенію эпохи. Человѣческій разумъ, по мѣрѣ своего развитія, сосредоточиваетъ въ себѣ все большее количество внѣшнихъ воспріятій и, въ свою очередь, все разностороннѣе и могущественнѣе вліяетъ на окружающую природу. Наше сознаніе, постепенно совершенствуясь, отражаетъ наружу свой духовный свѣтъ, придаетъ явленіямъ иной смыслъ,

Digitized by Google

нную окраску. Отношеніе къ любви у человѣка, проникнутаго матеріалистическими взглядами, не таково, какъ у послѣдователя идеалистическихъ воззрѣній; вслѣдствіе этого, и самая любовь перваго, какъ внѣшнее проявленіе его духовной личности, существенно отлична отъ любви второго. Выражаясь короче, мы въ правѣ сказать, что для каждаго человѣка въ отдѣльности — внѣшній міръ коренньмъ образомъ измѣняется вмѣстѣ съ переломомъ въ его воззрѣніяхъ на мірозданіе. Съ этой точки зрѣнія, каждый шагъ впередъ по пути самосовершенствованія вноситъ облагораживающій элементъ и въ условный распорядокъ окружающей дѣйствительности.

Выпукло-яркое, неотразимое въ своей непритязательной силѣ изобличеніе нравственной несостоятельности любви, какъ физіологическаго влеченія, создало «Крейцеровой Сонатѣ» равно-восторженныхъ послѣдователей и противниковъ. Для будущаго историка европейской литературы вліяніе, оказанное замѣчательнымъ произведеніемъ графа Толстого на искусство послѣдней четверти XIX вѣка, выяснится съ полнотою, недоступною современникамъ. Но и для насъ съ достаточною очевидностью опредѣлилось, что послѣ «Крейцеровой Сонаты» всякая идеализація, всякое прикрашиваніе непригладной сущности физіологическаго влеченія сдѣлались невозможными; безпощадная рѣзкость, съ которою великій писатель сдернулъ лицемѣрный покровъ съ чувственной любви, обнажила струпья и язвы, на которыя искусство долго старалось набрасывать цвѣты и красивыя драпировки... Съ другой стороны, развѣнчаніе необузданной страсти, почему-то считавшейся не только простительной, но и достойной восхваленія, помогло поставить на должную высоту *идеальную сущность любви*, какъ стремленія проявлять духъ въ благостныхъ и гармоническихъ формахъ. Истинная любовь не имѣетъ ничего общаго съ чувственностью, хотя можетъ совпадать во времени съ физіологическими отношеніями. Истинная любовь проявляется съ равною силой по отношенію къ людямъ, къ природѣ, къ идеямъ; она, какъ солнечный свѣтъ, озаряетъ своими лучами добрыхъ и злыхъ, красивыхъ и безобразныхъ, потому что источникъ ея не *внѣ*, а в*нутри* человѣка...

Идеалистическія воззрѣнія Толстого на чувственную любовь наложили особенно замѣтный отпечатокъ на произведенія молодыхъ, эстетически-отзывчивыхъ авторовъ. Съ однимъ изъ послѣднихъ, недавно издавшимъ сборникъ разсказовъ подъ символическимъ заголовкомъ «Бархатная дорога» («Le Chemin de Velours»), мы считаемъ небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей. Фернанъ Вандеремъ въ теченіе двухъ лѣтъ, кромѣ упомянутаго сборника разсказовъ, выпустилъ въ свѣтъ два романа «La Cendre» и «Charlie», встрѣченные публикой и французскою печатью весьма сочувственно.

Вліяніе Толстого странно сочеталось съ впечатлѣніями, навѣянными

Digitized by Google

Эдгаромъ Поэ, въ наброскѣ Вандерема *«Пригвожденные глаза»* («Les yeux cloués»). Архитекторъ Совэнъ убилъ свою жену, вколотилъ молоткомъ два большихъ гвоздя въ ея глаза и, затѣмъ, застрѣлился. Причины, побудившія его поступить такимъ образомъ, выяснены въ дневникѣ, изъ котораго мы приведемъ наиболѣе существенныя выдержки.

«*24 апрѣля.* Меня мучитъ существо, любимое мною больше всего на свѣтѣ: моя жена, моя милая Луиза.

«Она замѣтила, что я смотрю на всѣхъ женщинъ, и со слезами стала упрекать меня. Она мнѣ сказала: «Я уже давно убѣдилась въ этомъ... Но я не осмѣливалась сказать тебѣ. Ты смотришь на всѣхъ женщинъ,— на проходящихъ возлѣ и на тѣхъ, которыя виднѣются вдали... Ты не можешь пропустить ни одной, чтобы не разсмотрѣть... Онѣ нужны твоимъ глазамъ, подчиняющимся потребности отражать женскій образъ въ глубинѣ зрачковъ... Я слѣжу за твоими глазами... Они смотрятъ машинально, нервнымъ порывомъ устремляются къ своей цѣли... Они бросаются на приманку, какъ пауки на мухъ... Я чувствую, что они смотрятъ на женщинъ совершенно такъ-же, какъ твои легкія дышутъ... У нихъ тѣ-же опредѣленныя, быстрыя и безсознательныя движенія... И это мучитъ меня невыносимо»!

«Луиза сообщила мнѣ объ этомъ недѣлю тому назадъ. Я, конечно, отпирался. Я утѣшалъ ее. Я клялся, что равнодушенъ ко всѣмъ женщинамъ, что люблю лишь ее, — люблю исключительно, слѣпо, люблю до того, что даже не замѣчаю женщинъ, въ разсматриваніи которыхъ она меня обвиняетъ; и я говорилъ правду.

«Но затѣмъ я сталъ наблюдать за собой. И оказалось, что *она права!* Да, я разсматриваю всѣхъ женщинъ, я не могу удержаться, чтобы не глядѣть на нихъ... Мои глаза приковываются къ женскому образу, какъ только одна изъ нихъ появится въ моемъ кругозорѣ. Я пытался бороться. Нѣтъ возможности. Мои взоры устремляются помимо моей воли, сатанинскимъ порывомъ переносятся въ *ихъ* взоры. Чтобы не разсматривать *ихъ*, я долженъ не видѣть *ихъ*, держать голову или вѣки опущенными. Мнѣ слѣдовало-бы, какъ лошади, надѣть наглазники, и, притомъ, закрытые спереди. Когда я одинъ, я страдаю отъ моего нелѣпаго недуга, мнѣ стыдно, что я перестаю владѣть своими глазами, нервы и мускулы которыхъ все-же подчинены мнѣ; если-же уступаю инстинктивному влеченію, меня удручаютъ угрызенія совѣсти.

«Но, когда я гуляю съ Луизой, бываетъ еще хуже. Я угадываю, что она слѣдитъ за мной, улавливаетъ всѣ мои взгляды, переживаетъ пытку ужаса до того, какъ я взгляну, — и муку отчаянія послѣ брошеннаго мною взгляда. И часто я вижу, какъ дрожатъ слезы на ея шелковистыхъ рѣсницахъ...

«*3 мая.* Сегодня вечеромъ, по возвращеніи изъ Булонскаго лѣса, Луиза

Digitized by Google

залилась горячими слезами. Она сказала мнѣ: «Ты неисправимъ... Я не хотѣла лишить тебя удовольствія во время прогулки... Но ты опять разсматривалъ женщинъ... Подъ конецъ ты даже пересталъ стѣсняться, ты погружалъ въ нихъ свой взоръ спокойно, съ полнымъ цинизмомъ... Неужели это доставляетъ тебѣ такое наслажденіе?..»

«Бѣдная, обожаемая Луиза!.. Другой сталъ-бы на моемъ мѣстѣ смѣяться или разсердился-бы. Мнѣ-же ея жалобы раздираютъ сердце. И я предчувствую, что мы оба обречены страдать все мучительнѣе.

«*6 мая.* Вчера Луиза встрѣтила мужчину съ дамой, ѣхавшихъ въ экипажѣ. Мужчина бросилъ въ нее пламенный, любострастный взоръ; затѣмъ, изъ-за шеи своей дамы, онъ снова украдкой окинулъ Луизу другимъ такимъ-же быстрымъ, пронзительнымъ взглядомъ. «Я сначала почувствовала,—сказала Луиза,—что это мнѣ инстинктивно польстило; потомъ я тотчасъ-же подумала, что, бывая со мной, ты, конечно, часто смотришь на женщинъ такимъ-же образомъ, изъ-за моей головы... Эта мысль обожгла мнѣ сердце, точно каленымъ желѣзомъ... Это—самая жестокая обида, какую можно нанести женщинѣ, существу, которое любишь... Я поняла это по гадкому мимолетному удовлетворенію, которое доставилъ мнѣ этотъ взглядъ... О, это ужасно, я не могу вынести такихъ страданій!..»

«И мнѣ-же пришлось утѣшать Луизу, разразившуюся рыданіями.

«*4 мая.* Меня удручаетъ, меня раздражаетъ случай, разсказанный вчера Луизой. Если она такъ хорошо подмѣтила взоръ этого господина, значитъ, она сама смотрѣла, сама впивалась въ его глаза. Кромѣ того, она созналась, что это «инстинктивно польстило ей», доставило ей «гадкое мимолетное удовлетвореніе»!.. Луиза, несомнѣнно, обожаетъ меня, моя досада нелѣпа; но мнѣ все-таки стало легче, когда я записалъ это въ дневникъ.

11 мая. Мое раздраженіе не было столь неосновательнымъ, какъ я думалъ. Луиза страдаетъ такою-же болѣзнью, какъ я. Она всматривается въ глаза всѣхъ мужчинъ, подобно тому, какъ я погружаю свой взоръ въ глаза всѣхъ женщинъ.

«Я убѣдился въ этомъ въ теченіе недѣли, во время которой не переставалъ наблюдать за нею; завтра я сообщу ей итогъ моихъ горестныхъ наблюденій. Ахъ, какъ я страдаю!

«*12 мая.* Въ отвѣтъ на мои упреки, Луиза засмѣялась—такъ-же, какъ сдѣлалъ я, когда она обратилась ко мнѣ со своими обвиненіями; она воскликнула, что обожаетъ меня — какъ воскликнулъ и я, въ томъ-же случаѣ, точно такъ-же стала отпираться... И это повтореніе всѣхъ моихъ словъ, всѣхъ моихъ обмановъ причинило мнѣ больше огорченія, чѣмъ если-бы она отвѣтила признаніями. Притомъ-же у меня не осталось ни-

какихъ сомнѣній. Не далѣе, какъ нынче вечеромъ, я уловилъ пару безстыдныхъ взглядовъ, брошенныхъ Луизой на двухъ молодыхъ щеголей.

«*18 мая.* Наша жизнь стала невыносимой. Мы невольно мучимъ другъ друга съ утра до вечера. Мы то рѣшаемся не выходить вмѣстѣ, чтобы обоюдно *не видѣть больше* нашихъ взглядовъ, — то подозрѣнія одолѣваютъ насъ. И мы снова выходимъ вмѣстѣ. Тогда мы почти не разговариваемъ. Мы идемъ, опустивъ глаза, — *кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они невольно поднимаются* — ея глаза, чтобы посмотрѣть на мужчину, мои — на женщину. Мы дали слово щипать другъ друга за руку при каждой оплошности, чтобы исправиться. Изъ этого вышло лишь то, что мы испещрили свои руки татуировкой, желтыми и темными синяками. Какъ мы несчастны!

«*24 мая.* Я изучаю нашу болѣзнь. Бѣда не въ томъ, что мы смотримъ. Бѣда въ томъ, что мы *переглядываемся*, обмѣниваемся взорами съ людьми совершенно намъ чуждыми...

«*28 мая.* Я все еще обращаюсь съ моими глазами, какъ безстыдникъ, а Луиза продолжаетъ смотрѣть глазами негодницы. Наши взоры отвратительны. Наши зрачки ежедневно совершаютъ гнусности, впиваются въ глаза другихъ женщинъ или мужчинъ.

«*30 мая.* Есть способъ все уладить. Надо лишь выколоть глаза Луизѣ. Какъ мнѣ жаль ея!

«*2 іюня.* Я раздумалъ. Выколотые глаза все еще какъ будто смотрятъ. Поэтому я лучше опущу ей вѣки и приколочу ихъ гвоздями. Тогда мы будемъ страдать меньше. Это временно причинитъ сильную боль,—но развѣ мы не выиграемъ отъ этого? Поступивъ такимъ образомъ, я обезпечу намъ будущее, исполню лишь долгъ любящаго мужа.

«*5 іюня.* Все улажено. Я поступилъ нѣсколько иначе. Я сначала убилъ мою Луизу, потому что опасался причинить ей, живой, чрезмѣрную боль. Затѣмъ я пригвоздилъ ея постыдные, бѣдные глаза. Теперь, справедливость требуетъ, чтобы я расправился съ собой точно такъ-же. Сначала, я убью себя, затѣмъ я заколочу гвоздями свои глаза. А потомъ мы вмѣстѣ вознесемся на небеса, гдѣ взираютъ лишь на существъ безъ пола, на ангеловъ и серафимовъ»...

Мы остановились подробнѣе на этомъ наброскѣ, такъ какъ онъ, несмотря на подражаніе во внѣшней формѣ разсказу Эдгара Поэ «Береника» и очевидное сродство съ основнымъ мотивомъ «Крейцеровой Сонаты», ярче другихъ разсказовъ отражаетъ особенности дарованія Вандерема: цѣльность замысла, сжатость изложенія, прозрачную ясность слога, впадающую иногда въ сухость. Убѣжденный, повидимому, въ неотразимости грубыхъ инстинктовъ, молодой писатель не останавливается на полупути въ осужденіи ихъ, пессимистически указываетъ на смерть, какъ на единственный способъ отрѣшенія отъ призраковъ земного су-

Digitized by Google

ществованія. Смерть, фигурирующая, какъ развязка, въ большей части его разсказовъ, внушила ему символическое названіе всего сборника: дорога къ желанному избавленію и есть тотъ «бархатный путь», о которомъ ни однимъ словомъ не упоминается почему-то въ самой книгѣ.

По настроенію весьма сходенъ съ пересказаннымъ нами наброскомъ очеркъ подъ заглавіемъ «*Онъ*», въ которомъ выведена молодая красивая женщина, сочиняющая и сама себѣ посылающая сантиментальныя признанія отъ лица воображаемаго любовника. Когда мечта объ измѣнѣ воплотилась, послѣдовалъ разрывъ съ мужемъ. Послѣ развода, героиня, возлѣ втораго мужа, попрежнему стремится разнузданнымъ воображеніемъ къ новому «избраннику сердца». Въ художественномъ отношеніи удались Вандерему «*Признанія*» трехъ старушекъ; одна изъ нихъ безумно боится грязи, другая — одиночества, третья видитъ во всемъ гибельныя предзнаменованія. Онѣ не подозрѣваютъ, что въ основѣ ихъ ощущеній лежитъ совершенно однородное чувство: постоянный страхъ смерти.

II.

Фернанъ Вандеремъ не имѣетъ ничего общаго ни съ символизмомъ, ни съ декадентствомъ. Онъ просто вдумчивый наблюдатель жизни и, — главнымъ образомъ,—жизни парижской. Крайнія вѣянія времени отразились исключительно на заглавіяхъ его сочиненій: весь символизмъ ихъ сводится къ тому, что въ сборникѣ разсказовъ «Бархатная дорога», нѣтъ никакой дороги, ни бархатной, ни какой-либо другой, а въ романѣ «Пепелъ» («La Cendre») не упоминается о пеплѣ даже въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда главное дѣйствующее лицо повѣствованія, Жильберъ Марейль, куритъ. Тѣмъ не менѣе, и тутъ нетрудно разгадать безхитростный смыслъ, вложенный авторомъ въ заглавіе книги. Его «Пепелъ» — это тотъ холодный осадокъ, который остается на сердцѣ, когда оно перегорѣло въ горнилѣ призрачной любви, сводящейся къ удовлетворенію чувственности. Любовь, основанная на чисто внѣшнихъ побужденіяхъ, на стремленіи приблизиться къ мнимому воплощенію красоты, неизбѣжно приводитъ къ разочарованію. Разочарованіе коренится въ невозможности полнаго «обладанія», даже въ самомъ узкомъ, матеріальномъ смыслѣ. Какъ-бы ни было тѣсно сближеніе на этой почвѣ, двѣ различныхъ индивидуальности не сольются, каждая останется сама по себѣ, съ обособленною духовною жизнью, которая, при самыхъ умѣренныхъ запросахъ, всегда направлена къ сохраненію хотя тѣни самостоятельности. Единство стремленій, взаимное пониманіе, обоюдное содѣйствіе въ достиженіи цѣлей духовнаго совершенствованія, таковы условія, внѣ которыхъ любовь не способна возвыситься до истиннаго восторга, о истиннаго счастія, не зависящаго отъ случайностей внѣшней жизни.

Digitized by Google

Любовь, направленная въ сторону нравственнаго, умственнаго и эстетическаго единенія, неизсякаема: родникъ ея неистощимъ, потому что истинно любящій духъ, расточая свои сокровища, съ каждымъ самопожертвованіемъ становится любвеобильнѣе,—подобно тому, какъ и злоба все наростаетъ, по мѣрѣ своего проявленія, сама себя какъ-бы откармливаетъ. Духовная любовь не только не требуетъ подчиненія и приниженія личности, но, напротивъ, будучи присуща именно сознательному духу, изощряетъ его въ самосовершенствованіи. Другими словами, всякая любовь располагаетъ тѣмъ большими задатками жизненности, чѣмъ *совершеннѣе* обѣ стороны, чѣмъ *менѣе привержены онѣ къ преходящему*, *чѣмъ чище*, *духовнѣе ихъ стремленія.*

Жильберъ Марейль, герой романа Вандерема, въ продолженіе двухъ лѣтъ сосредоточиваетъ всѣ свои помыслы на связи съ испорченною свѣтскою женщиной, Жакелиной Гардуэнъ: онъ живетъ въ постоянной тревогѣ, въ постоянномъ страхѣ за свое призрачное счастье, подавляющими все его существо; любовь производитъ на него «впечатлѣніе медленнаго яда, бороться съ вліяніемъ котораго онъ безсиленъ». Сблизившись съ увлекшей его женщиной, Марейль отвыкъ отъ работы, пересталъ посѣщать мастерскую, хотя нѣкоторые изъ его рисунковъ и акварелей уже обратили на себя вниманіе. Время его проходило въ перепискѣ съ Жакелиной, въ ожиданіи по цѣлымъ недѣлямъ ея тайнаго посѣщенія, въ терзаніяхъ ревности, въ жгучихъ воспоминаніяхъ. За послѣдній годъ Жакелина все чаще заставляетъ его ожидать понапрасну, все рѣже приходитъ на свиданія, ссылаясь на выдуманныя препятствія.

Вандеремъ считаетъ излишнимъ ознакомить читателя съ причинами, сблизившими Марейля съ Жакелиной. Ни о какомъ сродствѣ душъ, ни о какихъ общихъ стремленіяхъ нѣтъ и рѣчи. Очевидно, герой романа, способный настолько увлечься чувственною страстью, что она заполняетъ его жизнь въ самые цвѣтущіе годы, не только не возвышается надъ среднимъ уровнемъ, но стоитъ даже нѣсколькими ступенями ниже, такъ какъ не сознаетъ, насколько дрябло, ничтожно и безнравственно такое существованіе. Онъ гордится «силой» своего чувства, съ пренебреженіемъ смотритъ на окружающихъ развратниковъ, коснѣющихъ въ откровенномъ цинизмѣ, дѣлающихъ то-же самое, но не прикрывающихся романтическими декораціями. Послѣ одного изъ несостоявшихся свиданій съ Жакелиной, Марейль рѣшается на безусловную низость: онъ разсказываетъ своему пріятелю, Бреванну, пожилому журналисту, о злополучной связи съ Жакелиной и даже называетъ ея имя, прося навести «справки объ ея нравственности» среди завсегдатаевъ клуба, въ которомъ бываетъ мужъ г-жи Гардуэнъ. Запоздалая предосторожность, показывающая, какъ въ сущности безразлична героямъ подобныхъ романовъ внутренняя жизнь ихъ сообщницъ.

Digitized by Google

Недѣлю спустя Бреваннъ, привыкшій вращаться среди общедоступныхъ женщинъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ сообщилъ Марейлю:

— Ваша возлюбленная не пользуется хорошею репутаціей...

— У нея есть любовникъ?.. Вы знаете его имя?

— Нѣтъ, я знаю не *его* имя, а *ихъ* профессіи,—возразилъ Бреваннъ, умышленно подчеркивая мѣстоименія,—Да, ихъ много, не считая васъ... Или, если вы предпочитаете, ей приписываютъ многихъ: упоминаютъ объ адвокатѣ, купцѣ, музыкантѣ, кавалерійскомъ офицерѣ; но одновременно или послѣдовательно,—этого я не знаю!.. Все зависитъ отъ того, давно-ли она замужемъ.

— Она замужемъ около шести лѣтъ,—сказалъ Марейль.

— Въ такомъ случаѣ, вѣроятнѣе, что въ теченіе двухъ лѣтъ вы не одни пользовались ея расположеніемъ... Эта особа, любезный другъ, одна изъ тѣхъ, которыхъ мы зовемъ женщинами съ обширнымъ спросомъ...

Марейлю вскорѣ удалось изобличить измѣнницу. Во время объясненія съ нею, передъ окончательнымъ разрывомъ, ему доставляло удовольствіе, что «она лжетъ, искусно лжетъ, не перестаетъ лгать; онъ слушалъ съ наслажденіемъ, упивался сознаніемъ, что всѣ ея слова звучатъ неправдой, подобно тому, какъ нѣкоторыя мелодіи съ начала до конца выдержаны въ одной тональности, напр. въ *соль* или *до-діэзъ*».

На слѣдующій-же день послѣ разрыва Марейль почувствовалъ, что жизнь утратила для него весь интересъ. «Всматриваясь въ зіяющее передъ нимъ широкое пространство времени, безцвѣтное и пустое, онъ не могъ удержаться отъ скорбнаго восклицанія: «что-же я теперь буду дѣлать? что я буду дѣлать?» Онъ сталъ сожалѣть о недавнихъ треволненіяхъ, помогавшихъ ему незамѣтно заполнять дни и недѣли, создававшихъ иллюзію страданій и борьбы. Послѣ безплодныхъ попытокъ приняться за живопись, Марейль не придумалъ ничего лучшаго, какъ отправиться на скачки, въ тайной надеждѣ найти замѣстительницу Жакелинѣ. Здѣсь, среди множества красивыхъ и легкомысленныхъ женщинъ, прожигающихъ жизнь въ пустыхъ и шумныхъ развлеченіяхъ, онъ встрѣтилъ подругу дѣтства, Люси Лозьеръ, вышедшую лѣтъ за семь до того замужъ за довольно виднаго чиновника. Убѣдившись, что Люси очень похорошѣла, Марейль поспѣшилъ возобновить знакомство съ ней; провожая ее со скачекъ, онъ рисовался своею чувствительностью, сердечной отзывчивостью и постоянствомъ. И онъ тогда искренно былъ убѣжденъ, что его призваніе—любовь. «Я пробовалъ работать,—признался онъ на другой день Бреванну,—но карандашъ вываливался у меня изъ рукъ... Зависитъ-ли это отъ темперамента или отъ привычки? не знаю, но я чувствую, что годенъ лишь для любви, что только любовь можетъ интересовать меня... Я сталъ человѣкомъ чувства, подобно тому, какъ другіе отдаются лошадиному спорту, наживѣ, научнымъ занятіямъ»...

Исписавшійся журналистъ оказался достойнымъ своего друга; онъ сочувственно откликнулся на откровенное признаніе Марейля въ неодолимой наклонности къ любовному спорту:

— Вы, кажется, богаты? или, во всякомъ случаѣ, не нуждаетесь въ работѣ для того, чтобы поддерживать свое существованіе... Вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему разумѣнію, вы не обременены душой миссіонера или героя... При такихъ условіяхъ, конечно, не я стану совѣтовать вамъ выбиваться изъ силъ ради славы, ради того, чтобы признали вашъ талантъ... И, какъ знать, быть можетъ, его все-таки не признаютъ... Быть можетъ, даже признаютъ обратное, прославятъ васъ бездарнымъ... Нѣтъ, мой милый Марейль, когда жизнь, какъ у васъ, не отягчена ни обязанностями, ни отвѣтственными заботами, въ сущности лучше всего, во время мимолетнаго пребыванія въ этомъ міру, заниматься тѣмъ, къ чему есть охота!»...

Бреваннъ, очевидно, полагаетъ, что надо обладать «душой миссіонера или героя» для того, чтобы стараться внести въ свою жизнь какое-либо содержаніе,—для того, чтобы гнушаться безцѣльнымъ убиваніемъ времени и силъ на спортъ любовный или лошадиный. На подвигъ, быть можетъ, способенъ не каждый человѣкъ, но отъ сознанія ограниченности силъ неизмѣримо далеко до отрицанія самой возможности подвига. Выполнять великія задачи дано немногимъ, но *стремиться* къ великому, къ возвышенному и прекрасному могутъ и должны всѣ. И такое стремленіе никогда не останется безплоднымъ, оно само по себѣ представляетъ истинно жизненное начало, источникъ чистыхъ радостей,—душевнаго покаянія и умиленія... Идеальное, вообще, недостижимо, но значеніе его тѣмъ именно и животворно, что идеалъ *зоветъ*, заставляетъ приближаться—и, по мѣрѣ приближенія къ нему, отступаетъ, раскрывая все болѣе и болѣе широкіе кругозоры. Въ этомъ смыслѣ, самый ограниченный человѣкъ способенъ возвыситься надъ самимъ собою—и, въ дѣйствительности, возвышается каждый разъ, когда прислушивается къ голосу совѣсти, призывающей въ область непреходящихъ, духовныхъ стремленій. Когда-же люди вносятъ ихъ въ любовь, ничтожные признаки внѣшнихъ проявленій страсти сразу утрачиваютъ все свое призрачное обаяніе, уступая мѣсто проникновенію въ таинственную сущность влеченія, заставляющаго насъ искать созвучія и сочувственныхъ откликовъ въ родственной душѣ.

Вандеремъ, разоблачая духовную несостоятельность своего типичнаго героя, заставляетъ его постепенно убѣждаться, что циническое отношеніе къ чувственнымъ вожделѣніямъ ближе къ истинѣ, чѣмъ пошло-сантиментальное и до тошноты лицемѣрное стараніе придать побужденіямъ этого порядка мнимо-поэтическую красивость. *Любовь* въ истинномъ смыслѣ этого слова и тѣлесная страсть, сплошь и рядомъ называемая тѣмъ-же

Digitized by Google

именемъ,—явленія въ самой основѣ своей разнородныя; общепринятое сбивчивое смѣшеніе этихъ коренным образомъ противоположныхъ явленій больше всего препятствуетъ разобраться въ первостепенной важности вопросахъ, возбуждая безконечные споры и недоумѣнія. Если-бы возможно было замѣнить слово «любовь» надлежащимъ наименованіемъ чувственной страсти,—сколько романовъ, повѣстей, драмъ съ запутанною, сложною завязкой упростились-бы до неузнаваемости! И сколько ихъ осталось-бы ненаписанными—съ несомнѣнною пользой не только для читателей, но и для самихъ авторовъ!..

Марейль, пытаясь придать своей погонѣ «за ощущеніями» призрачной любви внѣшній видъ настоящаго чувства, съ начальныхъ-же шаговъ на пути къ сближенію съ первой замѣстительницей Жакелины испытываетъ странное смущеніе. Говоря о своемъ постоянствѣ, онъ тутъ-же замѣчаетъ, что произноситъ избитыя слова, повторяетъ заученный урокъ, утратившій для него всякій внутренній смыслъ. Отправляясь на свиданіе съ Люси, онъ незамѣтно для самого себя мѣняетъ сантиментальную точку зрѣнія на циническую: «онъ не позволитъ Люси чрезмѣрно длить сопротивленіе, оттягивать, издѣваться. Онъ предоставитъ ей лишь обычный срокъ, время, достаточное для того, чтобы отдаться; если-же, когда наступитъ моментъ, она не сдастся, онъ выберетъ другую, такъ какъ Люси, въ сущности, вовсе не такъ обаятельна, чтобы нельзя было найти равныхъ ей или даже лучшихъ».

Посредственно-обаятельная Люси какъ-бы подслушала тайныя думы Марейля: она сопротивлялась не долѣе предназначеннаго ей срока. Свиданіе на парижскихъ улицахъ завершилось обѣдомъ въ загородномъ ресторанѣ; затѣмъ однообразно потянулась обычная канитель — точное повтореніе перваго романа съ Жакелиной, съ тою только разницей, что Марейль сыгралъ роль послѣдней, предоставивъ наслаждаться «призракомъ любви» уступчивой чиновницѣ. «Онъ отправлялся на свиданія въ нанятое для этой цѣли помѣщеніе на улицѣ Fortuny совершенно спокойною, неспѣшною, ровною походкой, точно идя за покупками или съ намѣреніемъ сдѣлать свѣтскій визитъ. Затѣмъ, когда Люси уходила, ему казалось, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, что образъ ея заволакивается густой дымкой равнодушія и забвенія. Въ немъ не оставалось и слѣда отъ свиданія съ нею, его не трогала мысль, что она вернется; покончивъ съ часами, отданными любви, онъ выходилъ на улицу, какъ чиновникъ изъ канцеляріи...» Скоро свиданія стали тяготить его, онъ придумывалъ предлоги отдалить ихъ и, понемногу, дошелъ до поползновеній измѣнить Люси, провѣрить, не возродитъ-ли другая женщина въ его остывшемъ сердцѣ тѣхъ «волненій страсти», которыя доставляли ему столько наслажденія во время связи съ Жакелиной. Третій опытъ,—на этотъ разъ не съ замужнею женщиной, а съ вдовой,—привелъ къ еще

Digitized by Google

болѣе прискорбному результату: Марейль на первомъ-же свиданіи предпочелъ откровенно сознаться въ своемъ сердечномъ безсиліи, чѣмъ безполезно длить утомительную пародію на искреннее чувство. Этотъ эпизодъ, несмотря на чрезмѣрный реализмъ нѣкоторыхъ подробностей, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ книгѣ. Злополучная Люси, тѣмъ не менѣе, не избѣгла роковой участи: вдовушку скоро смѣнила представительница парижскаго полусвѣта, Нинетта Рабастанъ. Нинетта и Люси стали чередоваться въ помѣщеніи на улицѣ Fortuny.

«Марейля это не смущало, не внушало ему никакихъ угрызеній, такъ какъ, по его мнѣнію, эти свиданія сводились къ дѣйствіямъ вульгарнымъ и лишеннымъ значенія, чуждымъ страсти и любви». Придя къ такому убѣжденію, герой романа Вандерема воспользовался случайною встрѣчей соперницъ, чтобы порвать связь съ надоѣвшею ему чиновницей, а Нинетта Рабастанъ сама сошла со сцены, обидѣвшись на то, что Марейль принялъ другую женщину «въ ея очередной день».

Книга заканчивается свиданіемъ Марейля съ Жакелиной Гардуэнъ. Разочаровавшись въ своей способности пламенѣть романическими чувствами къ первой встрѣчной красивой женщинѣ, Марейль попробовалъ раздуть огонекъ прежней страсти. Но никакого огня не оказалось,— слой мертвеннаго пепла даже не согрѣлся. Циническое признаніе Жакелины, что она увлекалась Марейлемъ всего шесть недѣль, хотя связь ихъ длилась почти два года, возмутило его до такой степени, что онъ съ безобразною грубостью выгналъ ее изъ своей квартиры... Онъ возмутился, косвеннымъ образомъ, и противъ себя, постигнувъ, что эта любострастная женщина, беззастѣнчиво обманывающая не только мужа, но и любовниковъ, отражаетъ его собственныя чувства и вожделѣнія. Если смотрѣть на любовь, какъ на «соприкосновеніе двухъ эпидермовъ», — нѣтъ никакого основанія не разнообразить этихъ «соприкосновеній» добезконечности.

Нравственный банкротъ, съ художественною выпуклостью обрисованный Вандеремомъ, завершаетъ свою плачевную эпопею бракомъ на молодой дѣвушкѣ, приводя въ письмѣ къ Бреванну рядъ соображеній, побудившихъ его рѣшиться на такой поступокъ. Соображенія эти проникнуты грубо-животными, унизительными для человѣческаго достоинства стремленіями. И чувствуется, что авторъ не досказалъ всей своей мысли. Невольно представляется, какая жизнь ожидаетъ несчастную молодую дѣвушку, связанную навсегда съ такимъ безнадежнымъ, тупымъ пошлякомъ, какъ Марейль... Неудивительно, если изъ нея, въ свою очередь, выйдетъ Жакелина, Люси или Нинетта Рабастанъ,—достойныя подруги Марейлей.

Digitized by Google

III.

Во второмъ романѣ, «Charlie», Вандеремъ затрогиваетъ вопросъ о вмѣшательствѣ «третьихъ лицъ» въ интимныя отношенія, возникшія на такъ называемой нелегальной почвѣ. Первая часть романа, посвященная образному изложенію основныхъ данныхъ романа, не представляетъ особеннаго интереса. Это обычная исторія молодой дѣвушки, вступившей въ бракъ, не имѣя представленія ни о жизни, ни о своихъ духовныхъ запросахъ, ни о томъ человѣкѣ, рука объ руку съ которымъ ей предстоитъ пройти житейскій путь... Елена Лагонсъ, охладѣвъ къ мужу, оказавшемуся зауряднымъ представителемъ богатой буржуазіи, сблизилась съ талантливымъ композиторомъ Фавьеромъ, женатымъ на любящей его, но неразвитой и необразованной женщинѣ. Сынъ Елены, десятилѣтній Шарли, привыкъ къ Фавьеру, любитъ его, безсознательно способствуетъ встрѣчамъ матери съ близкимъ ей человѣкомъ. Мужъ случайно перехватилъ письмо Елены къ Фавьеру. Семейная драма разрѣшилась компромиссомъ, благодаря вмѣшательству тестя Лагонса, устранившаго обычную въ этихъ случаяхъ развязку, т. е. дуэль. Авторъ старательно оттѣняетъ ничтожность побужденій, способствовавшихъ миролюбивому исходу столкновенія: и отецъ Елены, и самъ Лагонсъ больше всего заботятся объ устраненіи огласки, о соблюденіи внѣшней семейной обстановки, хотя семья въ данномъ случаѣ уже распалась. Остался одинъ призракъ семьи,—пестро расписанная мумія, которую только младенчески-наивное или предвзято-настроенное воображеніе можетъ принять за живое существо. Фавьеръ рѣзко изгоняется изъ дома Лагонса тестемъ послѣдняго, Елена остается подъ одною кровлей съ болѣе чѣмъ когда-либо чуждымъ ей мужемъ, Шарли, какъ и мать его, продолжаютъ тайно видѣться съ опальнымъ другомъ. Гниль и разложеніе, таящіяся внутри, тщательно прикрашены, занавѣшены отъ взоровъ злораднаго «свѣта». Насильственная развязка устранена не въ силу убѣжденнаго протеста противъ дикаго и безцѣльнаго мщенія, а исключительно изъ пошлой боязни лишиться безмятежнаго, самодовольно обезпеченнаго существованія.

Прошло около двѣнадцати лѣтъ. Шарли выросъ мечтательнымъ, любящимъ искусство, литературу и философію юношей. Никакая карьера, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, не привлекала его. Устыдившись, по выходѣ изъ колледжа, своего невѣжества, Шарли сталъ изучать философовъ и, при помощи ихъ, пріобрѣлъ нѣкоторую увѣренность въ мышленіи. «Онъ изучалъ также историковъ, поэтовъ, священныя книги, старинные сборники легендъ, все, что можно узнать изъ книгъ о зыбкомъ и смутномъ человѣчествѣ, по отношенію къ которому окружающая дѣйствительность внушала ему ужасъ и отвращеніе. Внѣ своей

Digitized by Google

привязанности къ матери и Фавьеру, онъ жилъ нѣсколько искусственною, сосредоточенною жизнью, презрительно спокойнымъ существованіемъ среди воображаемаго міра поэтическихъ образовъ и отвлеченныхъ системъ...» Увлекаясь литературнымъ творчествомъ, тяготѣя къ созерцательнымъ восторгамъ и наслажденіямъ, Шарли относился къ проявленіямъ собственныхъ инстинктовъ съ затаеннымъ недовольствомъ, испытывалъ послѣ каждаго изъ мимолетныхъ свиданій глубокія угрызенія совѣсти. Весьма естественно, что юноша съ такими настроеніями сохранилъ полное невѣдѣніе касательно истиннаго свойства отношеній своей матери къ Фавьеру. Внезапное разоблаченіе долго скрываемой правды не могло, при такихъ условіяхъ, не произвести на Шарля ошеломляющаго впечатлѣнія. Возвращаясь съ любовнаго свиданія, онъ случайно замѣтилъ г-жу Лагонсъ въ фіакрѣ съ опущенными занавѣсками; рядомъ съ нею сидѣлъ Фавьеръ. Подъ вліяніемъ усталости и горечи послѣ недавняго удовлетворенія собственной чувственности, юноша живо представилъ себѣ сцену, быть можетъ, за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ происходившую въ фіакрѣ. «Онъ мысленно пересмотрѣлъ все прошлое, всѣ двѣнадцать лѣтъ лжи и тайнаго позора; вспомнилъ, какъ коварно пользовались для низкаго сообщничества его невинною пріязнью къ Фавьеру». Въ его воображеніи мгновенно преобразились многіе неясные эпизоды дѣтства, казавшіеся ему ранѣе трогательными и нѣжными; озаренныя новымъ, обличительнымъ свѣтомъ, картины минувшаго переполнили его душу ужасомъ и отвращеніемъ... Весьма знаменательны слѣдующія слова въ этой блестящей по психологической правдивости сценѣ: «Въ душѣ Шарли, въ этомъ столь подготовленномъ, хорошо вооруженномъ, гордомъ сознаніи, водворились безпорядокъ, опустошеніе, смятеніе обезсиленныхъ идей. Ни одна изъ нихъ не уцѣлѣла. При первомъ ударѣ, въ первомъ-же сраженіи съ жизнью, всѣ предварительные оплоты, неустойчивыя философскія воззрѣнія, доктрины и системы, повидимому, сразу подались, дрогнули, уничтожились. И на мѣстѣ ихъ Шарли нашелъ лишь буржуазную скорбь, вульгарное огорченіе, одно торжествующее, неотразимое, какъ природа, ощущеніе: стыдъ за прегрѣшеніе матери».

Подвергнувъ своего героя столь тяжкому, рѣшительному испытанію, Вандеремъ въ разрѣшеніи этого кризиса возвысился до истинно человѣчнаго, проникновеннаго пониманія чистой души, не отравленной тлетворнымъ дыханіемъ фарисейской, мѣщански-косной морали. Четвертая глава второй части романа, посвященная описанію коренного перелома въ душѣ Шарли, производитъ отрадное и облагораживающее впечатлѣніе.

Шарли въ тотъ-же день подавилъ въ себѣ недовольство по отношенію къ матери. «Онъ далъ себѣ слово никогда не напоминать ей о томъ,

Digitized by Google

что, увы, ему привелось увидѣть,—никогда не мучить ее варварскою сценой объясненія... Несчастная женщина! она и безъ того изстрадалась,—неужели онъ усилитъ ея тоску, ея стыдъ и угрызенія унизительными вопросами или ненужными упреками?.. Онъ рѣшился, напротивъ, ласкать ее больше, чѣмъ прежде, удвоить по отношенію къ ней нѣжную предупредительность, заставить ее позабыть, что ему извѣстна завѣтная тайна ея сердца». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Шарли рѣшилъ порвать всѣ сношенія съ Фавьеромъ. Разрывъ съ композиторомъ необходимъ, неизбѣженъ. Написавъ Фавьеру письмо, Шарли перечелъ его вслухъ. Прощальныя выраженія, частью какъ-будто слишкомъ холодныя, частью-же чрезмѣрно дружескія, смутили юношу. Взволнованный и огорченный, онъ представилъ себѣ Фавьера читающимъ обидное посланіе. «И изъ глубины самыхъ темныхъ, самыхъ сокровенныхъ тайниковъ его сознанія стали подниматься неясные вопросы, едва внятные, чуть мерцающіе «почему?», зыбкіе и смутные лучи которыхъ постепенно опредѣлялись все замѣтнѣе..». Почему онъ дѣлаетъ это? Почему написалъ онъ строки, извѣщающія о разрывѣ? По какому праву отрекается онъ отъ своего друга?.. Разсудокъ мгновенно подсказалъ ему банальный отвѣтъ. Онъ поступаетъ «какъ слѣдуетъ». Потому, что это обязательно. Потому, что мораль, долгъ, приличія, все предписываетъ поступить такимъ образомъ. Очевидно, очевидно... нѣтъ возможности найти иной исходъ!.. Однако, въ глубинѣ его души давнишняя привязанность къ Фавьеру возмущалась, отвергала эти доводы, упрямо и все настойчивѣе повторяла «почему?» Онъ всталъ. Онъ не могъ оставаться неподвижнымъ. Наплывъ странныхъ и возбужденныхъ мыслей заставлялъ его ходить, двигаться. Онъ старался возстановить въ себѣ отвращеніе и негодованіе, овладѣвшія имъ въ первыя мгновенія. Но удручавшія его представленія и картины расплывались точно въ туманѣ. Другіе образы, отрадные и трогательные, постепенно вытѣсняли ихъ. И Шарли пересталъ противиться, постепенно погружался все глубже въ живыя воспоминанія о былой дружбѣ».

Дѣтство, отрочество, юность,—всѣ періоды его жизни протекли на глазахъ Фавьера, и въ какое-бы время онъ ни представлялъ себѣ композитора, всегда другъ матери рисовался ему любящимъ, радующимся каждому его приходу, привѣтливымъ, разностороннимъ... «Бѣдный Фавъ!.. Бѣдный Фавъ!—шепталъ Шарли, точно поминая умершаго.—Бѣдный Фавъ! что онъ сдѣлалъ мнѣ?..» Шарли пересталъ ходить, остановился, пораженный, озадаченный дерзостью этого невольнаго размышленія. «Внезапная зарница блеснула въ сумракѣ его сознанія. Сквозь хаосъ борющихся предразсудковъ и желаній пробился, наконецъ, восторжествовавшій проблескъ свѣта. Онъ повторилъ громко, вызывающимъ и рѣшительнымъ голосомъ: «Да что-же онъ сдѣлалъ мнѣ?.. мнѣ?..»—И тутъ-

Digitized by Google

же почувствовалъ, что разумъ бодро и окончательно выбрался изъ-подъ угнетавшихъ его развалинъ. «Мнѣ, мнѣ? Онъ ничего не сдѣлалъ!.. Онъ не дѣлалъ мнѣ ничего, кромѣ добра.. онъ только любилъ меня!» Шарли не забылъ, въ чемъ виноватъ Фавьеръ. Но развѣ *его касаются* эти дѣла, эта связь? Развѣ онъ имѣетъ право, развѣ на немъ лежитъ долгъ и обязанность мстить за супружескую честь, за честь своего отца, какъ мужа? Развѣ его оскорбили? Развѣ онъ обманутъ? И слѣдуетъ-ли ему открыто принять во всемъ этомъ свою долю наслѣдственнаго позора и ревнивой злопамятности? Неужели онъ неизбѣжно вынужденъ дѣлать выборъ между отцомъ и матерью? Неужели онъ обязанъ возненавидѣть любимѣйшаго изъ друзей, потому что его мать отдалась этому другу, или потому, что этотъ другъ любилъ его мать? И какой законъ, какая власть можетъ заставить его измѣнить свое сердце, ненавидѣть кого-либо, кто не внушаетъ ему этого чувства?.. Весь вопросъ въ томъ,—слѣдуетъ-ли поступать, сообразуясь съ приличіями, предразсудками, обычаемъ, или-же дѣйствовать человѣчно, просто, искренно, какъ существу сознательному и свободному?.. Итакъ,—да или нѣтъ, ненавижу-ли я Фавьера? Сержусь-ли я на него? Могу-ли я хоть упрекать его за все произошедшее?.. Онъ не рѣшался отвѣтить, выразить однимъ словомъ которой сторонѣ отдаетъ преимущество. Онъ не осмѣливался этимъ словомъ измѣнить своему отцу, всегда старавшемуся овладѣть его расположеніемъ, пріобрѣсти его любовь, также сдѣлаться его другомъ»...

Шарли, не подводя никакихъ итоговъ, ничего не предрѣшая, предчувствовалъ, что пойдетъ къ Фавьеру, былъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ машинально приблизился къ письму, взялъ его, перечелъ и хотѣлъ уже разорвать, но остановился, подъ вліяніемъ послѣднихъ сомнѣній. Ему представилось, какъ онъ явится на слѣдующій день къ Фавьеру, станетъ, зная все, жать его руку, смотрѣть въ его глаза; онъ спрашивалъ себя. что подумаетъ о немъ Фавьеръ, и снова имъ овладѣло невольное колебаніе. Ему хотѣлось посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, найти въ комъ-нибудь поддержку; онъ соображалъ, что можно изложить дѣло, не называя именъ, обобщить въ видѣ психологической задачи, и получить, такимъ путемъ, безпристрастныя мнѣнія. Перебравъ мысленно всѣхъ лицъ, къ которымъ онъ могъ-бы обратиться, Шарли пришелъ къ заключенію, что «всѣ отвѣтятъ, какъ самолюбцы, всѣ несомнѣнно станутъ говорить, думая лишь о себѣ».

Тогда окончательный выводъ обрисовался въ его сознаніи самъ собою:

«Да я просто обезумѣлъ!—взволнованно воскликнулъ онъ.—Какъ это глупо! развѣ я нуждаюсь въ комъ-либо?.. Развѣ я не знаю, что мнѣ дѣлать во сто разъ лучше, чѣмъ они?.. Кто-же можетъ знать это лучше меня, кто обдумалъ это глубже, чѣмъ я? Полно!.. Что за слабость, что за ребячество! Я рѣшилъ пойти къ Фавьеру, *моя совѣсть* позволяетъ

Digitized by Google

мнѣ, мое сердце желаетъ... Этого достаточно. Я пойду, вотъ и все. Это совершенно просто!..»

Онъ нервно разорвалъ письмо на мелкіе клочки и, открывъ окно, выбросилъ на темную улицу летучую горсть бумажныхъ лепестковъ. Шарли почувствовалъ утомленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его охватило ощущеніе покоя: борьба кончена, онъ можетъ размышлять спокойно, не разлагая противорѣчивыхъ побужденій. Ему вспомнилось прошлое, онъ мысленно перенесся въ душевный міръ своей матери и ея несчастнаго друга, понялъ, сколько горечи и незаслуженныхъ обидъ перенесли они за пятнадцать лѣтъ тайной, скрываемой и преслѣдуемой связи, постигъ тоску разъединявшаго ихъ внѣшняго отчужденія и пожалѣлъ ихъ. «Такъ вотъ въ чемъ все ихъ преступленіе!—думалось ему.—И это будто-бы обязываетъ меня отнестись съ презрѣніемъ къ моей матери, смотрѣть на нее свысока, порвать сношенія съ Фавьеромъ, какъ съ негодяемъ!.. Да, этого будто-бы требуютъ долгъ, истинный духъ семьи, обязанности хорошаго сына,—таково было-бы «вполнѣ приличное» поведеніе. Такъ нѣтъ-же, я не могу поступать такимъ образомъ, я не способенъ на это!.. Замашки судьи, неумолимаго обвинителя не по мнѣ!.. Пусть они любятъ другъ-друга, если они полюбили и успѣли невредимо сохранить свою любовь въ теченіе пятнадцати лѣтъ, несмотря на всѣ препятствія!»

Шарли усмѣхнулся, сравнивъ эти соображенія съ первоначальнымъ настроеніемъ, почувствовалъ глубокую отраду, охватывающую душу послѣ побѣды надъ самимъ собою, надъ своими сознанными и разоблаченными заблужденіями. «Онъ не испытывалъ больше тревоги. Онъ постигъ свою роль, знаетъ, какъ выполнить ее. Сочувствіе его не будетъ имѣть ничего общаго съ холоднымъ, педантическимъ снисхожденіемъ, съ доктриною, будто нѣтъ никакого зла и все позволительно; оно будетъ чуждо и дряблой сантиментальности, являющейся сплошь и рядомъ при житейскихъ столкновеніяхъ слѣдствіемъ развинченныхъ нервовъ. Нѣтъ,—это будетъ твердое, мужественное и проницательное сочувствіе «любящаго и понимающаго сердца»».

Изъ сжатаго пересказа этой главы основная мысль романа выступаетъ съ достаточною ясностью. Человѣкъ, подобно Шарли, перенесшій такую борьбу съ самимъ собою, съ воспринятыми безсознательно извнѣ предразсудками и грубыми заблужденіями, закаляется навсегда, неспособенъ затемнить въ своей душѣ лучей истиннаго, немеркнущаго свѣта. И, дѣйствительно, Шарли до конца остается вѣренъ своему кроткому, «жалостливому» отношенію къ окружающимъ, не измѣняетъ ни любви къ матери, ни дружбѣ къ Фавьеру и, наряду съ этимъ, старается утѣшить отца, облегчить бремя, которое выпало на его долю... Вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, ему не удается смягчить сердце своего отца, но и скоропостижная смерть послѣдняго не поколе-

Digitized by Google

бала добрыхъ чувствъ, укоренившихся въ молодой душѣ. Въ завершительной сценѣ Вандеремъ приводитъ своего героя, въ траурѣ по отцу, къ Фавьеру. Шарли прощается съ другомъ, но бесѣда ихъ, очевидно, клонится къ еще большему сближенію: авторъ даетъ понять читателю, что Шарли разстается съ Фавьеромъ не надолго; вмѣстѣ съ траурными одеждами, онъ сниметъ съ себя и эту послѣднюю уступку обычному строю, основанному на началахъ не любви, а животнаго себялюбія...

Сопоставивъ образы Марейля, изъ «La Cendre», и Шарли, изъ второго романа Вандерема, мы получили разительный контрастъ. Марейль съ начала до конца романа стремится къ *любви*, мечтаетъ о *любви*, спрягаетъ глаголъ «*любить*» на всевозможные лады, а между тѣмъ во всѣхъ его похожденіяхъ нѣтъ и тѣни того, что достойно назваться любовью. Это—искаженный *призракъ любви*, опереточная пародія на великое и вдохновенное, чувственный миражъ, возбуждающій брезгливое недоумѣніе. Въ «Charlie», драма, напротивъ, разыгрывается въ душѣ, совершенно чуждой треволненіямъ низменнаго свойства. Шарли лишь *созерцаетъ* осложненія, возникшія на чувственной почвѣ, домогается духовной правды въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, которыхъ онъ дѣйствительно *любитъ*. Передъ нами сложная борьба между противорѣчивыми влеченіями Шарли къ матери, къ другу и къ отцу,—*женщина* совсѣмъ не фигурируетъ въ его соображеніяхъ, а между тѣмъ, кто-же поколеблется назвать каждое изъ этихъ влеченій наименованіемъ *истинной любви*, великаго благостнаго начала, которое «сильнѣе смерти», потому-что оно по существу своему духовно, т. е. вѣчно, неподвластно законамъ матеріальнаго разрушенія?.. И какъ безгранично справедливы великія слова о томъ, что высшая любовь побуждаетъ человѣка отдавать жизнь свою за ближнихъ! И не представляется-ли, послѣ этого, кощунственнымъ упоминаніе о *любви* тамъ, гдѣ нѣтъ и слѣда ея, гдѣ колеблется лишь смутный, ужасающій и обманывающій душу, безобразный *призракъ*?..

К. Льдовъ.

Digitized by Google

Прежніе.

Ихъ нѣтъ ужъ давно подъ землею,—
Они испарились въ туманъ,
И въ небѣ—весенней порою—
Ихъ облачный плылъ караванъ.

Они упадали дождями,
Зарницей мигали въ ночи;
Ихъ вздохи дышали цвѣтами,
Восторгъ ихъ свивался въ лучи.

И въ тихой, безсмертной печали
Незримо въ вечерней тѣни,—
Загробныя думы шептали
И съ нами молились они...

К. Фофановъ.

Digitized by Google

Фридрихъ Ницше въ своихъ произведеніяхъ.

Очеркъ Лу-Андреасъ-Саломэ.

II.

Темный инстинктъ, который въ первый разъ заставилъ Ницше порвать съ духовной сферой, въ которой онъ выросъ, проснулся въ немъ очень рано. Чтобы достигнуть могущественнаго развитія своего самосознанія, духъ его нуждался въ борьбѣ, страданіяхъ и потрясеніяхъ. Нужно было, чтобы душа его оторвалась отъ того мирнаго состоянія, въ которомъ онъ естественно находился, проводя время въ пасторскомъ домѣ своихъ родителей,—потому что его творческая сила зависѣла отъ волненія и экстаза всего его существа. Тутъ впервые въ жизни Ницше проявляется *жажда страданія*, свойственная «декадентской натурѣ».

«Среди мирныхъ обстоятельствъ, воинственный человѣкъ нападаетъ на самого себя» (Jenseits von Gut und Böse, 75), заставляетъ себя уйти въ новый, чуждый, идейный міръ, осуждаетъ себя на вѣчное скитаніе въ немъ безъ отдыха и пріюта. Но среди этихъ скитаній въ Ницше живетъ непреодолимое влеченіе обратно, въ утраченный рай наивныхъ вѣрованій, между тѣмъ, какъ прогрессирующая мысль заставляетъ его уходить отъ него все дальше въ противоположную сторону.

Въ разговорѣ о перемѣнахъ, уже свершившихся въ его духовной жизни, Ницше замѣтилъ однажды полушутливо:

«Да, такъ начинается скитаніе и оно продолжается—до какихъ поръ? Когда все пройдено, куда тогда стремиться? Когда всѣ комбинаціи, какія только возможны, исчерпаны, что тогда? Не пришлось-ли бы опять вернуться къ вѣрѣ? Быть можетъ, даже придти къ католической церкви?»

И мысль, таившаяся за этими словами, ясно выразилась въ томъ, что онъ прибавилъ уже въ серьезномъ тонѣ:

Digitized by Google

— «Во всякомъ случаѣ, круговое движеніе правдоподобнѣе остановки».

Постоянное движеніе, возвращающееся иногда къ своей исходной точкѣ, но никогда не останавливающееся—такова, въ сущности, основа натуры Ницше. Комбинаціи колебаній при этомъ далеко не безконечны, напротивъ того, онѣ очень ограничены, потому что импульсъ, влекущій впередъ, нанося раны и не давая мыслямъ возможности успокоиться, исходитъ изъ внутренней организаціи самой личности: какъ-бы далеко ни уносилось теченіе мыслей, онѣ все-таки связаны съ тѣми-же душевными процессами, которые всегда заставляютъ ихъ снова вернуться обратно къ доминирующимъ потребностямъ души. Мы увидимъ, что философія Ницше въ самомъ дѣлѣ описываетъ кругъ и возмужалый мыслитель возвращается въ одномъ изъ своихъ самыхъ глубокихъ позднѣйшихъ произведеній къ тому, что онъ переживалъ въ ранней юности. Такимъ образомъ къ развитію его философскихъ идей примѣнимы его слова: «посмотри на рѣку, которая извиваясь течетъ обратно къ источнику!» (Also sprach Zorathustra, III, 23). Не случайнымъ является то обстоятельство, что Ницше въ своемъ послѣднемъ творческомъ періодѣ пришелъ къ мистическому ученію о вѣчномъ повтореніи одного и того же въ мірѣ: образъ *круга—вѣчныхъ измѣненій среди вѣчнаго повторенія*—является загадочнымъ символомъ, таинственнымъ знакомъ надъ входной дверью къ его творчеству.

Своей первой «литературной игрушкой» (Zur Genealogie der Moral, Vorrede, VI) Ницше называетъ сочиненіе, написанное имъ въ дѣтствѣ «о происхожденіи зла». Онъ упоминалъ объ этой работѣ въ разговорахъ, въ доказательство того, что онъ предавался философскимъ мечтамъ еще среди филологической дисциплины школьныхъ лѣтъ.

Слѣдя за Ницше при переходѣ его изъ дѣтства къ школьнымъ годамъ и потомъ къ долгому періоду его филологической дѣятельности, мы ясно видимъ, какъ развитіе его протекало съ самаго начала подъ вліяніемъ нѣкотораго насилія надъ самимъ собой. Уже строгая филологическая школа должна была оказаться тисками для молодой пламенной натуры, творческія силы которой не получали при этомъ никакой пищи. Но еще въ большей степени это можно сказать о направленіи его учителя Ричля. Для послѣдняго главное значеніе, какъ относительно метода, такъ и относительно поставленныхъ задачъ, имѣли вопросы формы и внѣшнія совпаденія; внутреннее-же значеніе литературныхъ памятниковъ отступало на второй планъ. Ницше-же впослѣдствіи черпалъ всѣ свои проблемы изъ міра внутренняго и готовъ былъ подчинить логику психологическимъ мотивамъ.

И все-таки именно тутъ, среди этой строгой дисциплины и на этой каменистой почвѣ, его духъ такъ рано созрѣлъ и создалъ значительныя

Digitized by Google

вещи. Рядъ прекрасныхъ филологическихъ работъ [1]) знаменуетъ собой промежутокъ времени между его студенческими годами и началомъ базельской профессуры. Весьма возможно, что слишкомъ раннее проявленіе всего умственнаго богатства Ницше, среди его занятій философіей и искусствомъ, привело-бы его съ самаго начала къ той необузданности, къ которой приближаются нѣкоторыя его послѣднія произведенія. Холодная-же строгость филологической науки въ теченіе нѣкотораго времени связывала и объединяла «расколотость его стремленій», налагая въ то-же время оковы на многое, что въ немъ дремало.

Но въ то время, какъ онъ всецѣло предавался изученію своей спеціальности, оставленныя безъ вниманія другія способности терзали его, доставляя ему глубокія страданія. Особенно неотразимымъ было у него влеченіе къ музыкѣ, и онъ часто невольно внималъ звукамъ въ то время, когда хотѣлъ внимать мыслямъ. Жалобной пѣсней эти звуки сопровождали его въ теченіе долгихъ лѣтъ, пока его головныя боли не сдѣлали невозможнымъ всякое занятіе музыкой.

Но какъ ни великъ контрастъ между филологическими занятіями Ницше и его позднѣйшей философіей, есть много посредствующихъ чертъ, ведущихъ отъ одного періода къ другому.

Научный методъ Ричля, который дѣлаетъ этотъ контрастъ столь рѣзкимъ, содѣйствовалъ, однако, въ одномъ опредѣленномъ отношеніи проявленію натуры Ницше, увеличивая и развивая его творческія наклонности. У Ричля было стремленіе къ какой-то художественной законченности и виртуозной разработкѣ научныхъ вопросовъ, и возможность ея получалась путемъ строгаго ограниченія задачи изслѣдованія и концентрированія на одномъ данномъ пунктѣ. У Ницше-же потребность вносить художественную законченность въ работу путемъ добровольнаго ограниченія задачи была одной изъ основныхъ чертъ его натуры; она была тѣсно связана у него съ влеченіемъ переступать постоянно за предѣлы созданнаго имъ и отталкивать отъ себя достигнутое, какъ нѣчто законченное и потому прошедшее. Для филолога такая смѣна задачъ и вопросовъ кажется вполнѣ естественной. Характерное выраженіе Ницше:

[1]) Филологическія работы Ницше слѣдующія: «Zur Geschichte der Theognideischen Spruchsammlung» въ «Rheinisches Museum», т. 22; «Beiträge zur Kritik der griechischen Lyriker, I. Der Danae Klage von Simonides» въ Rhein. Mus., т. 23; «De Laertii Diogenis Fontibus въ «Rhein. Mus.». т. 23 я 24; «Analecta Laertiana». въ «Rhein. Mus.», т. 25; «Beiträge zur Quellenkunde und Kritik des Laertius Diogenes», Базель, 1870; «Certamen quod dicitur Homeri et Hesiodie codice Florentino post H. Stephanum denuo ed. F. N, въ «Acta societatis philologae Lipsiensis ed. Fr. Ritschl, vol. I. Кромѣ того, флорентійскій трактатъ о Гомерѣ и Гезіодѣ, ихъ родѣ и ихъ состязаніи въ «Rhein. Mus.» т. 25 и 27. Ему-же принадлежитъ составленный подъ руководствомъ Ричля «Registerheft» къ первымъ 24 томамъ «Rhein. Mus.» (1842—1869).

Digitized by Google

«то, что выяснено, перестаетъ насъ интересовать» (Jenseits von Gut und Böse, 80) могло-бы принадлежать филологу; для послѣдняго въ самомъ дѣлѣ разъясненный вопросъ становится исчерпаннымъ, не представляющимъ никакого дальнѣйшаго интереса. Но внутреннія причины частыхъ перемѣнъ въ идеяхъ Ницше совсѣмъ иныя, и потому въ высшей степени интересно видѣть, какъ противоположности филологическаго и философскаго образа мыслей здѣсь какъ будто соприкасаются и какъ Ницше и въ этой чуждой ему маскѣ трезвой филологіи,—въ этомъ крайнемъ духовномъ самоподчиненіи, проявилъ свою внутреннюю личность.

Филологъ вообще не вкладываетъ въ разрѣшеніе представляющейся ему задачи своего внутренняго міра, не чувствуетъ къ ней душевной близости, не ассимилируется съ ней и лишь до тѣхъ поръ соприкасается съ ней, покуда это нужно для того, чтобы найти рѣшеніе. Для Ницше же заняться задачей, познать нѣчто—значило прежде всего быть потрясеннымъ; проникнуться какой-нибудь истиной значило для него быть побѣжденнымъ чѣмъ-то пережитымъ, «быть уничтоженнымъ», какъ онъ это называлъ. Онъ принималъ мысль, какъ покоряются судьбѣ, которая захватываетъ всего человѣка и заключаетъ его въ оковы: онъ *переживалъ* мысль, а не только передумывалъ ее и дѣлалъ это съ такой пламенной страстью, съ такимъ безграничнымъ проникновеніемъ, что истощалъ всего себя въ ней—и подобно моменту судьбы, который отжилъ, мысль опять отпадала отъ него. Только послѣ отрезвленія, которое естественно должно было слѣдовать за каждымъ такимъ возбужденіемъ, онъ позволялъ уже осиленной идеѣ дѣйствовать на себя интеллектуально, только тогда онъ могъ тихо и ясно провѣрить ее пытливымъ разумомъ. Его неудержимое влеченіе къ перемѣнамъ въ области философскаго познанія обусловливалось постоянной жаждой новыхъ духовныхъ ощущеній, и поэтому полная ясность всегда была у него сопутствующимъ явленіемъ пресыщенія и истощенія.

Но даже и въ этомъ истощеніи его не оставляютъ самыя *проблемы* духа, тяготятъ его лишь *рѣшенія,* которыя въ данный моментъ закрываютъ источникъ новыхъ потрясеній. Найденный исходъ былъ поэтому для Ницше каждый разъ сигналомъ для *перемѣны идейнаго строя,* потому что только этимъ путемъ могли сохраняться проблемы и можно было искать новыхъ рѣшеній. Съ истинной *ненавистью* преслѣдовалъ онъ послѣ того все, что его влекло къ прежнему рѣшенію, что помогало ему найти его. Такъ какъ «то, что выяснилось, утрачиваетъ для насъ всякое значеніе», — Ницше въ сущности не хочетъ найти окончательнаго рѣшенія какой-нибудь задачи; то слово, которое, казалось-бы, должно было выразить полное удовлетвореніе достигнувшей своей цѣли мысли, обозначало для него трагедію его жизни. Онъ не хотѣлъ, чтобы волновавшія его проблемы духа когда-либо перестали ка-

Digitized by Google

саться его, онъ хотѣлъ, чтобы онѣ продолжали потрясать его до глубины души, и поэтому онъ до нѣкоторой степени не радъ былъ рѣшенію, отнимавшему у него самую проблему: онъ набрасывался каждый разъ на рѣшеніе со всей тонкостью и преувеличенной утонченностью своего скептицизма и съ злорадствомъ заставлялъ его, радуясь собственнымъ страданіямъ и вреду, наносимому самому себѣ—возвратить ему его проблемы. Поэтому одно становится съ самаго начала несомнѣннымъ относительно Ницше—то, что среди какого-нибудь міросозерцанія, среди какой-нибудь идейной системы могло-бы прочно увлечь эту пламенную натуру, что сдѣлало-бы невозможной новую метаморфозу, то должно до конца остаться *необъяснимымъ* для него, должно противостоять энергіи всѣхъ попытокъ къ разрѣшенію, должно истощать его умъ убійственными загадками, какъ-бы распинать его загадками. Когда-же, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, на этомъ пути вѣчныхъ исканій потрясеніе его внутренняго міра стало болѣе ощутительнымъ, чѣмъ возбужденная такими насильственными мѣрами сила разума, тогда уже сдѣлалось поздно для всякаго отступленія: но конечный результатъ затерялся тогда среди тьмы, страданія и тайны, въ разгромѣ мыслей подъ напоромъ эмоцій, сомкнувшихся надъ ними подобно бурнымъ морскимъ волнамъ.

Слѣдя до конца за извилистыми путями духовной жизни Ницше, мы подходимъ къ моменту, когда онъ, въ ужасѣ передъ послѣднимъ разрѣшеніемъ, навсегда погружается въ вѣчную мистическую загадку.

Умственное дарованіе Ницше отличается еще, кромѣ того, двумя качествами, которыя въ одинаковой степени были пригодны и филологу, и позднѣйшему философу. Это была во-первыхъ его геніальность въ обращеніи съ тончайшими оттѣнками мыслей и чувствъ, требующими чрезвычайно нѣжной и вмѣстѣ съ тѣмъ твердой руки, чтобы не быть стертыми или искаженными. Это то-же самое, по моему мнѣнію, что впослѣдствіи дѣлало его скорѣе очень *тонкимъ*, чѣмъ великимъ психологомъ,—или, вѣрнѣе, великимъ въ схватываніи и отраженіи тонкостей. Характерно въ этомъ отношеніи выраженіе, которое онъ однажды (Der Fall Wagner, 3) употребляетъ, говоря о предметахъ, какъ они представляются взору познающаго: онъ называетъ ихъ «филигранью внѣшнихъ предметовъ».

Въ связи съ этой чертой стоитъ влеченіе къ изслѣдованію скрытаго и тайнаго, стремленіе вывести на свѣтъ затаенное—умѣніе видѣть во мракѣ, и инстинктивный даръ дополнять интуиціей, чутьемъ, пробѣлы, недоступные знанію. Значительная часть геніальности Ницше въ этомъ именно и заключается. Это тѣсно связано съ его высокимъ художественнымъ даромъ, въ которомъ пониманіе тонкаго и обособленнаго какимъ-то таинственнымъ образомъ расширяется въ большое, свободное пониманіе отношеній цѣлаго, общей картины. Служа задачамъ строгой фило-

Digitized by Google

логической критики, онъ развивалъ этотъ талантъ, добросовѣстно вычитывая изъ древнихъ текстовъ забытое и стертое временемъ. Но этимъ стремленіемъ онъ уже выступалъ изъ области чисто научной. Путь-же, на которомъ онъ очутился такимъ образомъ, привелъ его къ самой замѣчательной изъ его филологическихъ работъ, къ труду *«Объ источникахъ Діогена Лаерція»*.

Чтеніе этого стариннаго произведенія было для Ницше поводомъ къ изученію жизни древнихъ греческихъ философовъ и ихъ отношеній къ общей греческой жизни.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній (Menschliches, Allzumenschliches I, 261) ему приходится однажды упоминать объ этомъ. Изъ его словъ видно, какъ онъ сидѣлъ надъ уцѣлѣвшими развалинами прошлаго, глубоко вдумываясь въ читаемое, возсоздавая воображеніемъ исчезнувшіе образы въ пробѣлахъ и искаженныхъ частяхъ оригинала. вставляя угаданное имъ въ исправляемый текстъ и съ восторгомъ созерцая созданія могущественнаго и чистаго типа. Онъ всматривается въ сумракъ тѣхъ временъ, какъ въ «мастерскую ваятеля извѣстныхъ типовъ». И онъ охваченъ страннымъ обаяніемъ, представляя себѣ, что тамъ могли сохраниться задатки еще болѣе высокаго философскаго типа,—такого, какой могъ создать Платонъ, если-бы онъ остался свободнымъ отъ Сократовскихъ чаръ. Но все это болѣе чѣмъ простой переходъ отъ филологіи къ философіи. Пламенная жажда творчества, сказывающаяся уже тогда, когда онъ заставлялъ себя заниматься сухой критикой, обнаруживала послѣдній и высшій пунктъ его честолюбивыхъ замысловъ. Большое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что Ницше пришелъ къ философіи не изученіемъ отвлеченныхъ спеціальныхъ теорій, а проникновеніемъ въ философскій смыслъ жизни во всей ея глубинѣ. И если-бы мы хотѣли обозначить цѣль, къ которой стремился этотъ ненасытный умъ въ своихъ нескончаемыхъ колебаніяхъ, то мы не могли-бы найти болѣе характернаго опредѣленія для нея, чѣмъ «открытіе новой, еще неоткрытой до сихъ поръ возможности философской жизни». (Menschliches, Allzumenschliches I, 261).

Такимъ образомъ, этотъ чисто-филологическій, небольшой трактатъ непосредственно предшествуетъ ряду его позднѣйшихъ произведеній—подобно маленькой, на половину скрытой дверцѣ, ведущей въ обширное зданіе. Когда мы открываемъ ее, нашъ взглядъ скользитъ вдоль длинной амфилады внутреннихъ покоевъ, вплоть до самой послѣдней, темной комнаты. И кто остановится здѣсь на порогѣ и всмотрится вглубь, тотъ не сможетъ безъ изумленія подумать о великой силѣ, которая сложилась здѣсь, камень за камнемъ, въ одно стройное цѣлое. Эта сила съ безграничной расточительностью разукрасила каждую отдѣльную часть, расширила ее, забавляясь, безчисленными побочными ходами и скрытыми

закоулками, какъ-бы готовясь строить лабиринтъ—и все-таки продолжая съ желѣзной послѣдовательностью идти по прямой линіи, совершая свое дѣло.

Занятія греческой древностью не только пробудили въ Ницше сознаніе своего внутренняго стремленія и первую мысль о цѣли своихъ сокровенныхъ влеченій, но они указали ему также дорогу, по которой онъ могъ-бы приблизиться къ этой цѣли. Изученіе классической древности раскрыло передъ нимъ всю картину древне-эллинской культуры, и тѣ образы забытаго искусства и религіи, изъ которой оно черпало свѣжую полную жизнь. Такимъ образомъ, филологическая ученость лишается своего крайняго формализма и ведетъ его къ изслѣдованіямъ историческаго, эстетическаго и философскаго характера.

Это измѣняетъ и углубляетъ въ его глазахъ значеніе филологіи, «которая хотя не муза, и не грація, но во всякомъ случаѣ посланница боговъ; и подобно тому, какъ музы спускались къ печальнымъ, измученнымъ беотійскимъ крестьянамъ, и она приходитъ въ міръ, полный мрачныхъ картинъ и красокъ, полный глубокихъ неизлѣчимыхъ страданій и утѣшаетъ разсказами о свѣтлыхъ божественныхъ образахъ, живущихъ далеко, въ голубой, счастливой странѣ чудесъ».

Эти слова находятся въ вступительной лекціи, произнесенной Ницше въ Базельскомъ университетѣ, озаглавленной «Homer und die Klassische Philologie» и напечатанной только въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (Базель, 1869), для друзей. Два года спустя, появилась другая небольшая работа такого-же характера «Socrates und die griechische Tragödie», вошедшая почти цѣликомъ, только съ внѣшними измѣненіями въ изложеніи, въ большой философскій трудъ Ницше: «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste dez Musik» (1892, Leipzig, изд. E. B. Фрича [1]).

[1]) Эта книга возбудила при своемъ появленіи сильное неодобреніе въ кругу филологовъ, такъ какъ авторъ осмѣлился въ ней не только слѣдовать ученію ненавистнаго философа, Артура Шопенгауера, но и раздѣлять эстетическіе взгляды столь-же еще непризнаннаго въ то время «музыканта грядущихъ временъ», Рихарда Вагнера. Молодой энтузіастъ, филологъ Ульрихъ фонъ Вилямовицъ-Мелендорфъ, который принадлежитъ теперь къ самымъ выдающимся представителямъ классической филологіи въ Германіи, выступилъ не особенно, впрочемъ, счастливымъ образомъ глашатаемъ сектантской односторонности. Не отдавая ни въ какомъ отношеніи справедливости книгѣ Ницше, онъ напалъ на нее въ брошюрѣ „Философія будущаго„ „Zukunftsphilosophie! Eine Erwiedrung auf F. N's „Geburt der Tragödie». Berlin, 1872) съ очень узкой, чисто-филологической точки зрѣнія. За Ницше вступились— во-первыхъ тотъ, къ кому его книга болѣе всего относилась, Рихардъ Вагнеръ, напечатавшій въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» отъ 23 іюня 1872 г. открытое письмо Фридриху Ницше, и затѣмъ Эрвинъ Роде, который уже успѣлъ дать блестящее доказательство своего знанія греческой древности. Въ прекрасно написанномъ полемическомъ сочиненіи „Afterphilologie. Sendschreiben eines Philologen an Richard Wagner“, Leipzig 2872, онъ становится на почву, избранную противникомъ Ницше

Digitized by Google

Въ этихъ обѣихъ работахъ, Ницше исходитъ въ своихъ философскихъ выводахъ изъ филологическихъ основаній; и работы эти значительно содѣйствовали популярности его имени, среди его товарищей филологовъ. Но все-таки онѣ уже знаменуютъ собой путь, по которому, оставивъ за собой свою первоначальную спеціальность и пройдя черезъ исторію и искусство, онъ дошелъ, наконецъ, до замкнутаго міросозерцанія опредѣленной философской системы. Это было міросозерцаніе Рихарда Вагнера, соединеніе его эстетическихъ идей съ метафизикой Шопенгауера. Открывая книгу Ницше, мы сразу чувствуемъ вліяніе байрейтскаго пророка.

При его посредствѣ осуществилось для Ницше полное сліяніе филологическихъ и философскихъ пріемовъ и оправдались слова, которыми онъ заключаетъ свою работу «Homer und die Klassische Philologie», измѣняя выраженіе Сенеки «philosophia facta est quae philologia fuit»; онъ хочетъ сказать этимъ, что «всякая филологическая дѣятельность должна быть введена въ философское міросозерцаніе, въ которомъ все одиночное и обособленное исчезаетъ, какъ нѣчто недостойное, и только цѣльное и объединенное становится постояннымъ».

Обаяніе, которое дѣлало Ницше въ теченіе многихъ лѣтъ послѣдователемъ Вагнера, объясняется тѣмъ, что Вагнеръ хотѣлъ воплотить въ нѣмецкой жизни тотъ-же идеалъ художественной культуры, какой онъ находилъ осуществленнымъ въ греческой жизни. Метафизика Шопенгауера въ сущности ничего къ этому не прибавляла, а только возвышала этотъ идеалъ до мистицизма, до высоты, недоступной пониманію, придавая своеобразный отпечатокъ метафизическимъ объясненіемъ всякаго художественнаго явленія и художественнаго познаванія. Этотъ особый отпечатокъ чувствуется яснѣе всего при сравненіи первой работы «Сократъ и греческая трагедія», съ тѣмъ какъ она развита и дополнена въ капитальномъ сочиненіи «Происхожденіе трагедіи изъ духа музыки». Въ этой книгѣ Ницше стремится свести все развитіе искусства на взаимодѣйствіе двухъ противоположныхъ «художественныхъ импульсовъ природы»; онъ называетъ ихъ по имени главныхъ греческихъ боговъ, покровителей искусства, вакхическимъ и аполлоническимъ. Подъ первымъ онъ понимаетъ оргіальное начало, какъ оно выражалось въ восторженныхъ тѣлодвиженіяхъ, въ смѣшеніи восторга и страданія, радости и ужаса, въ забывающемъ весь міръ упоеніи вакхическихъ празднествъ. Въ нихъ уничтожены всѣ обычныя границы существованія, и отдѣльная личность какъ-бы сливается со всей природой; нарушенъ «principium

---

и отражаетъ всѣ его нападки и обвиненія. На это Вилямовицъ отвѣтилъ вторичнымъ возраженіемъ: «Zukunftsphilologie! Zweites Stück. eine Erwiedrung auf die Rettungsversuche für F. N's Geburt der Tragödie». Berlin, 1873.

Digitized by Google

individuationis», «путь къ прародительницамъ бытія, къ внутреннему существу вещей лежитъ открытымъ» (86). Характеръ вакхическаго начала выясняется отчасти физіологическимъ явленіемъ опьяненія... Искусство, въ которомъ оно воплотилось, есть музыка. Противоположнымъ ему является стремленіе къ созиданію формъ, воплощенное въ Аполлонѣ, богѣ пластическаго искусства. Въ немъ сходится все гармонично ограниченное, свободное отъ дикихъ порывовъ, полное мудраго спокойствія. Его нужно понимать какъ высшее проявленіе, какъ божественное воплощеніе «principii individuationis» (16), «основу котораго составляетъ личность, т. е. сохраненіе границъ личности, которая и есть въ греческомъ смыслѣ мѣрило вещей» (17). Аполлоническому началу соотвѣтствуетъ пластическое искусство.

Въ примиреніи и соединеніи этихъ двухъ, прежде враждовавшихъ между собою началъ, Ницше видитъ происхожденіе и сущность аттической трагедіи, которая, будучи результатомъ этого примиренія, соединяетъ въ себѣ черты какъ вакхическаго, такъ и аполлоническаго искусства. Развившаяся изъ диѳирамбическаго хора, славящаго страданія божества, она въ первоначальномъ видѣ вся сводилась къ хору, пѣвцы котораго такъ преображались и проникались вакхическимъ упоеніемъ, что начинали чувствовать себя служителями божества, сатирами, и относились какъ таковые къ своему властителю и повелителю Вакху. Въ этомъ представленіи, выработавшемся въ самомъ хорѣ, онъ достигаетъ аполлонической законченности. Драма, какъ «аполлоническое воплощеніе вакхическихъ ощущеній и дѣйствій», создана. «Тѣ хоровыя части, которыя вплетены въ трагедію, являются такимъ образомъ первоисточникомъ настоящей драмы» (41); въ нихъ—ея вакхическое начало, между тѣмъ какъ діалогъ составляетъ аполлоническій элементъ. Герои драмы говорятъ со сцены, какъ образы аполлоническаго типа (въ которыхъ объективируется первоначальный трагическій герой Вакхъ), какъ маски, за которыми скрыто божество.

Много времени спустя, уже въ концѣ своей дѣятельности, Ницше еще разъ вернулся къ этой мысли: всѣ различные моменты своего развитія и перемѣны міросозерцанія онъ сталъ объяснять не какъ непосредственныя проявленія его духа, а нѣкоторымъ образомъ какъ добровольно надѣтыя на себя маски, «аполлоническіе образы», за которыми его вакхическая сущность въ своемъ божественномъ превосходствѣ оставалась вѣчно одной и той-же. Мы увидимъ, дойдя до этого момента въ духовной жизни Ницше, какія причины создали этотъ самообманъ.

Значеніе, которое Ницше придаетъ вакхическому началу, очень характерно для всего его духовнаго склада: какъ филологъ онъ искалъ своимъ толкованіемъ вакхическаго культа новый путь къ пониманію

Digitized by Google

древности; какъ философъ онъ положилъ это толкованіе въ основу своего перваго цѣльнаго міросозерцанія; и послѣ всѣхъ его позднѣйшихъ исканій эта первая идея снова воскресаетъ въ послѣднемъ періодѣ его творчества; она, правда, измѣнилась, поскольку порвана связь съ метафизикой Шопенгауера и Вагнера, но осталась вѣрной себѣ въ томъ, въ чемъ уже тогда воплощались его самыя сокровенныя побужденія души; измѣнилась-же она постольку, поскольку отразила особенности его послѣдняго, самаго одинокаго и самаго глубокаго фазиса его духовной жизни. Причина его возвращенія къ этой первоначальной идеѣ въ томъ, что Ницше усматривалъ въ вакхическомъ началѣ нѣчто родственное себѣ: таинственное сліяніе скорби и восторга, нанесеніе себѣ ранъ и поклоненіе себѣ какъ божеству—ту высочайшую напряженность чувствъ, въ которой всѣ контрасты взаимно обусловливаются и взаимно поглощаются.

Самую рѣзкую противоположность вакхическому началу и порожденнаго имъ искусства представляетъ чисто интеллектуальное, лишенное всякой интуиціи направленіе, называемое Ницше сократовскимъ. Въ «Geburt der Tragödie» Ницше стремится обрисовать въ общихъ чертахъ развитіе этого направленія, начиная отъ Сократа и черезъ философію и науку всѣхъ вѣковъ до нашего времени. Начиная отъ Сократа, раціонализмъ котораго направленъ былъ противъ коренныхъ греческихъ инстинктовъ, стремясь обуздать ихъ, «греческій эстетическій вкусъ мѣняется въ пользу діалектики», и начинается побѣдное шествіе теоретическаго начала, стремящагося проникнуть путемъ разума въ смыслъ бытія и даже внести въ него нужныя поправки. Этому оптимизму положила конецъ только критика Канта, указавшая на границы познавательной способности человѣка; она, по остроумному выраженію Ницше, свела философію къ «ученію о воздержаніи», «которое не идетъ дальше порога и добросовѣстно отнимаетъ у себя право входа» (Jenseits von Gut und Böse 204). Этимъ, по убѣжденію Ницше, открыта была дорога къ возрожденію философіи въ ученіи Шопенгауера; послѣдній сталъ искать проникновенія въ неразгаданную сущность вещей и ея видоизмѣненія по пути интуитивнаго познаванія.

Въ промежутокъ между 1873—1876 г. Ницше издалъ четыре небольшія работы, проникнутыя тѣмъ-же духомъ и объединенныя подъ общимъ заглавіемъ «Несвоевременныя размышленія» (Unzeitgemässe Betrachtungen). Ихъ назначеніемъ было дѣйствовать «противъ духа современности, и тѣмъ самымъ на современность» и, какъ надѣялся авторъ, «въ пользу грядущаго времени». Первая изъ четырехъ книжекъ носила заглавіе «Давидъ Штраусъ, какъ учитель и писатель», и заключалась въ уничтожительной критикѣ прославившейся въ то время книги «Der alte und der neue Glaube» (старая и новая вѣра), и въ энергическихъ нападкахъ на одностороннюю разсудочность современнаго воспитанія. Менѣе вре-

Digitized by Google

менный и болѣе общій интересъ представляетъ вторая очень цѣнная работа: «о пользѣ и вредѣ исторіи (Historie) для жизни»; основная идея этого сочиненія вновь проявляется въ послѣднихъ произведеніяхъ Ницше, въ его пониманіи вакхическаго начала. Слово «Historie» обозначаетъ здѣсь понятіе интеллектуальной жизни въ противоположность инстинктивной; познаваніе прошлаго, знаніе бывшаго въ противоположность живой силѣ настоящаго и новообразующагося. Въ сочиненіи разсматривается вопросъ: «какъ подчинить знаніе жизни?» и точка зрѣнія автора опредѣляется фразой: «только посколько исторія служитъ жизни, постолько она и нужна». Она служитъ жизни пока наряду съ разлагающимъ, давящимъ и проникающимъ всюду вліяніямъ разсудочности остается еще неприкосновенной главнѣйшая душевная функція — *пластическая сила* человѣка, народа, культурной эпохи; такъ называетъ Ницше «силу своеобразно развиваться изъ своей сущности, перерабатывать прошлое и чужое, возстановлять изъ своей сущности разбитыя формы» (10). Безъ этой способности, въ насъ можетъ образоваться хаосъ чуждыхъ, доставшихся намъ извнѣ богатствъ, которыхъ мы не въ состояніи ни осилить, ни усвоить себѣ и разнообразіе которыхъ уже пагубно для единства и органической цѣльности нашей личности. Мы становимся какъ-бы театромъ постоянныхъ битвъ, среди которыхъ враждуютъ самыя разнообразныя мысли, настроенія, сужденія; мы страдаемъ отъ побѣды однихъ, какъ и отъ пораженія другихъ, не будучи въ состояніи сдѣлать наше «я» властелиномъ всѣхъ ихъ.

Здѣсь впервые виденъ намекъ на знаменитое ученіе Ницше о *декадансѣ*, играющее такую большую роль въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. И не безъ основанія это первое указаніе на опасности декаданса—напоминаетъ описанную нами раньше картину его собственнаго душевнаго состоянія. Уже здѣсь мы видимъ психологическую основу его теоріи: она заключается въ тайной мукѣ, которую испытывалъ этотъ страстный духъ подъ напоромъ осаждающихъ его идей и новыхъ теченій мысли, — въ силѣ, съ которой всѣ его мысли и всѣ познанія дѣйствовали на его внутренній міръ, такъ что обиліе внутреннихъ борющихся между собой душевныхъ явленій грозило сломать замкнутыя границы его душевнаго міра. Онъ говоритъ самъ въ предисловіи одной своей книги: «Также не слѣдуетъ забывать, что факты, возбуждавшіе во мнѣ тѣ мучительныя ощущенія, я черпалъ большей частью изъ своей внутренней жизни, и только для сравненія бралъ у другихъ». То, что онъ находилъ въ самомъ себѣ, превращалось въ его глазахъ въ общую опасность для всей современной эпохи—и впослѣдствіи даже возведено было имъ въ смертельную опасность для всего человѣчества, взывающаго къ нему, какъ къ своему избавителю. Слѣдствіемъ этого обстоятельства является странная двойственность смысла, проникающая всю

Digitized by Google

работу и сразу обращающая на себя вниманіе всякаго, кто хорошо знаетъ Ницше: то, что вызываетъ его опасенія въ современномъ настроеніи умовъ, существенно отличается отъ его собственной душевной проблемы, онъ-же возстаетъ совершенно одинаково противъ двухъ вполнѣ противоположныхъ явленій. Въ одномъ случаѣ онъ возстаетъ противъ оскудѣнія полной, богатой душевной жизни подъ расхолаживающимъ и парализующимъ вліяніемъ односторонняго развитія ума: «современный человѣкъ тащитъ на себѣ громадную массу неперевариныхъ камней познанія, которые при случаѣ болтаются у него въ желудкѣ, какъ говорится въ сказкѣ» (36). «Внутри является при этомъ, конечно, такое чувство, какъ у змѣи, которая проглотила цѣлаго кролика и укладывается покорно на солнцѣ, избѣгая всякихъ движеній, кромѣ самыхъ необходимыхъ... Каждый, кто проходитъ мимо, выражаетъ лишь одно желаніе—чтобы подобное «образованіе», т. е. «переполненіе знаніемъ» не сдѣлалось-бы гибельнымъ вслѣдствіе своей неудобоваримости» (37). Въ другомъ случаѣ онъ возстаетъ какъ разъ противъ слишкомъ сильнаго, волнующаго и мятежнаго вліянія теоретическаго элемента на психическую жизнь, противъ вызванной этимъ борьбы разрозненныхъ дикихъ влеченій.

А между тѣмъ эти два явленія такъ-же различны, какъ душевное притупленіе и безуміе. У самого Ницше наиболѣе отвлеченныя мысли превращаются иногда въ эмоціональныя побужденія, которыя увлекаютъ его съ непосредственной и неожиданной силой. Въ представленной имъ картинѣ нашего вѣка должны были поэтому слиться для него оба противоположныя проявленія интеллектуальнаго начала, и по отношеніи къ одному изъ нихъ — къ хаотической необузданности душевной жизни — слились для него подобнымъ-же образомъ двѣ различныя причины. Онъ имѣлъ въ виду не только чисто-интеллектуальныя вліянія, не только опасность разсудочнаго элемента для инстинктивнаго, но и унаслѣдованныя нами вліянія давно прошедшихъ временъ, нѣкогда вышедшія изъ интеллектуальнаго источника, но продолжающія жить въ насъ въ видѣ влеченій и чувствъ.

Замкнутому душевному міру человѣка грозитъ такимъ образомъ не только опасность, приходящая извнѣ, но и та, которую онъ носитъ въ себѣ, которая родилась вмѣстѣ съ нимъ,—та «противорѣчивость инстинктовъ, которая является наслѣдіемъ всѣхъ поздно родившихся, потому что родиться поздно значитъ—быть продуктомъ смѣшанныхъ элементовъ».

Бороться противъ вреда, который можетъ принести «исторія, понимаемая въ такомъ смыслѣ, можно только при помощи «внѣисторическаго». Подъ внѣисторическимъ Ницше понимаетъ возвратъ къ безсознательному, къ волѣ невѣдѣнія, къ тому что замыкаетъ горизонтъ, и внѣ чего жизнь невозможна. «Все живое можетъ быть здоровымъ, сильнымъ и произ-

Digitized by Google

водительнымъ только въ предѣлахъ какого-нибудь горизонта. Внѣисторическое подобно атмосферѣ, которая, окружая собой пространство, дѣлаетъ возможной жизнь... Правда, что только тѣмъ человѣкъ и заявляетъ себя человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова, что разсуждаетъ, сравниваетъ, различаетъ, объединяетъ, т. е. именно ограничиваетъ внѣисторическій элементъ среди всеохватывающей облачной атмосферы прорывается свѣтлый лучъ, т. е. проявляется сила пользоваться прошлымъ для настоящаго, обращая минувшее въ исторію; но отъ избытка историческаго элемента человѣкъ перестаетъ быть самимъ собой». Сила человѣка измѣряется по степени его способности справляться съ исторіей и побѣждать ее,—т. е. по силѣ присущаго ему внѣисторическаго начала. «Чѣмъ сильнѣе въ своихъ основахъ внутренній міръ человѣка, тѣмъ больше можетъ онъ усвоить или воспринять изъ прошлаго. Если представить себѣ самаго могущественнаго великаго по духовной силѣ человѣка, то отличительной чертой его будетъ то, что никакія границы историческаго не остановятъ его, не нанесутъ вреда ему; все прошедшее, свое и чужое онъ можетъ привлечь къ себѣ, вдохнуть въ себя и какъ-бы переработать въ собственную плоть и кровь. То, что нельзя осилить, онъ сумѣетъ забыть; оно не существуетъ, горизонтъ замкнутъ, и ничего уже не напоминаетъ о томъ, что за его предѣломъ существуютъ еще люди, страсти, ученія, цѣли» (11). Подобный человѣкъ занимается исторіей всѣми тремя способами, какими ею вообще можно заниматься, но ни въ одномъ изъ этихъ трехъ направленій не подчиняется ей: онъ разсматриваетъ ее какъ исторію *памятниковъ прошлаго*, останавливаетъ взоръ на великихъ фигурахъ прошлыхъ временъ, усматриваетъ ихъ отношеніе къ своему дѣлу и своей волѣ, но не теряетъ себя въ нихъ — они для него лишь вдохновляющіе предшественники и товарищи. Онъ погружается также въ *археологическую исторію*, изслѣдуя прошедшее какъ сферу своего собственнаго бытія въ минувшемъ—какъ нѣкто, посѣщающій мѣста, гдѣ протекла его юность, и гдѣ для него всякая подробность кажется цѣнной и значительной:—каждую стѣну, ворота, съ возвышающейся надъ ними башней, городской совѣтъ, народный праздникъ—все это онъ понимаетъ какъ разрисованный дневникъ своей юности и находитъ во всемъ этомъ самаго себя, свою силу, свое трудолюбіе, свои восторги, свой вкусъ, свои заблужденія и свои капризы. «Здѣсь можно было жить прежде, говоритъ онъ себѣ, «потому что мы гибки и насъ нельзя уничтожить за одну ночь». Такъ взираетъ онъ при помощи этого «мы» на бренное, прихотливое существованіе отдѣльныхъ индивидуальностей и чувствуетъ себя въ роли духа домовъ, поколѣній и городовъ» (28). Наконецъ, онъ еще изучаетъ исторію *критически*, чтобы разбивать прошедшее для созиданія будущаго, и для этого ему нужна большая жизненная сила, ибо

Digitized by Google

если опасно сдѣлаться мечтателемъ или собирателемъ, то еще опаснѣе остаться отрицателемъ. «Этотъ процессъ всегда представляетъ опасность для самой жизни. Мы вѣдь все-таки результатъ прежнихъ существованій. и невозможно совершенно оторвать себя отъ цѣпи... Въ лучшемъ случаѣ мы достигаемъ противорѣчія между унаслѣдованной и свойственной намъ отъ рожденія натурой и нашей познавательной способностью. Мы создаемъ новыя привычки, новый инстинктъ, новую натуру, подъ вліяніемъ которой отмираетъ старая. Это какъ-бы попытка создать себѣ aposteriori прошедшее, изъ котораго человѣку хотѣлось-бы происходить въ противоположность тому, изъ котораго онъ происходитъ на самомъ дѣлѣ. Иногда побѣда удается и тогда получается странное утѣшеніе—знать, что и первая натура была когда-то второй, и что, одерживая побѣду, вторая натура становится тѣмъ самымъ первой» (33 f.) Эти три манеры изученія исторіи можно до нѣкоторой степени примѣнить къ тремъ періодамъ развитія самаго Ницше, начиная съ археологическаго, который относится къ его филологической дѣятельносли; затѣмъ идетъ изученіе памятниковъ прежняго—Ницше становится тогда ученикомъ великихъ людей; наконецъ наступаетъ послѣдній позитивный періодъ, который можно назвать критическимъ. Когда-же Ницше прошелъ и черезъ этотъ послѣдній періодъ, всѣ три точки зрѣнія слились для него въ одну, и къ ней сводятся всѣ заключенныя въ этомъ произведеніи мысли, рѣзко и парадоксально выразившіяся въ слѣдующей его фразѣ: «историческое должно быть подчинено индивидуальной жизни, непремѣннымъ условіемъ которой является внѣисторическое начало». По характеристикѣ Ницше сильная натура вмѣщаетъ въ себѣ и историческое и внѣисторическое начало; она восприняла наслѣдіе прошлаго и потому полнота ея опыта безконечна; но, наслѣдовавъ несмѣтное богатство, она умѣетъ сдѣлать его плодотворнымъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ владѣетъ имъ и властвуетъ надъ нимъ, а не покоряется ему, какъ властителю. Такого рода наслѣдникъ и потомокъ минувшаго является въ то-же время начинателемъ новой культуры и, будучи носителемъ прошлаго, онъ и созидатель будущаго: богатство, которое онъ расходуетъ щедрой рукой, принесетъ еще плоды будущимъ временамъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ великихъ людей «не своего времени», которые погружаются въ самое далекое прошлое, предвосхищаютъ отдаленнѣйшее будущее, въ своемъ-же времени всегда остаются чужими, хотя чрезъ посредство ихъ современность собираетъ и даетъ свои лучшія силы.

Въ этомъ заключается первый намекъ на мысли, выраженныя Ницше въ послѣднемъ періодѣ его творчества: отдѣльная личность является здѣсь духомъ всего человѣчества, и одна въ состояніи объяснить изъ центра современности смыслъ и назначеніе всего прошлаго въ его цѣлости и тѣмъ самымъ и будущаго, какъ отдаленнѣйшаго цѣлаго.

Digitized by Google

Внѣшнимъ образомъ корни этихъ воззрѣній заключаются уже въ филологическомъ періодѣ Ницше, когда, изучая разныя культуры, онъ пріобщалъ ихъ себѣ. Знаніе и переживаніе чего нибудь было всегда для Ницше однимъ и тѣмъ-же, такъ что изучать классическую филологію значило для Ницше быть грекомъ. Конечно, это должно было еще обострить мучившую его противорѣчивость инстинктовъ, обратившуюся теперь въ противорѣчіе античнаго и современнаго; но въ то-же время это давало средства для борьбы съ внутренними противорѣчіями, давало возможность созидать будущее изъ прошедшаго, минуя настоящее: изъ человѣка своего времени становиться потомкомъ минувшихъ культуръ и провозвѣстникомъ новой [1]).

Двумъ такимъ людямъ «не своего времени», т. е. представителямъ минувшаго и грядущаго, посвящены два послѣднихъ этюда въ «Unzeitgemässe Betrachtungen» Ницше: «Шопенгауеръ какъ воспитатель» и «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ». Въ обоихъ этихъ памятникахъ, воздвигнутыхъ съ величайшимъ воодушевленіемъ двумъ свѣточамъ человѣчества, становится яснымъ, до какой степени создаваемый Ницше культъ несвоевременнаго приходилъ въ своемъ конечномъ развитіи къ культу геніальности. Въ геніи человѣчество имѣетъ не только своего воспитателя, вождя и глашатая, но и свою истинную, исключительную цѣль. Представленіе о «великихъ отдѣльныхъ личностяхъ», ради которыхъ существуетъ прочее «фабричное производство» природы, составляетъ одну изъ основныхъ идей Шопенгауера, и отъ нея Ницше не отступаетъ. Въ самой глубинѣ его души было неустанное стремленіе поднять эгоистическое начало человѣческой натуры до высоты таящагося въ ней эгоистическаго идеала, и въ то-же время его привлекала оборотная сторона этой высшей цѣли человѣка—«уединенность» и «героизмъ». Въ средней порѣ своего творчества Ницше отошелъ отъ этого пониманія геніальности, потому что оно утратило для него свой метафизическій фонъ; а только на немъ «отдѣльная личность» могла выдѣлиться въ сверхчеловѣческомъ величіи, какъ образъ изъ высшаго и настоящаго міра. Но въ культѣ генія скрывалось начало того, что Ницше создалъ въ концѣ своего развитія порывомъ геніальнаго безумія. Въ замѣну метафизическаго объясненія *позитивное*, *жизненное* значеніе генія возвысилось для него такъ высоко надъ шопенгауеровскимъ объясненіемъ, что послѣднее сдѣлалось только слабымъ соотвѣтствіемъ его собственнымъ понятіямъ.

До тѣхъ поръ пока культъ генія оставался культомъ метафизическаго въ человѣческой натурѣ, онъ обнималъ собой непрерывную цѣпь такихъ

[1]) Предисловіе V: «и не нужно забывать, что я воспитанникъ болѣе древнихъ эпохъ, и главнымъ образомъ греческой, и потому прихожу къ такимъ несвоевременнымъ понятіямъ о себѣ, сынѣ современности.

Digitized by Google

«отдѣльныхъ личностей», равныхъ между собой и равноцѣнныхъ по своему значенію. Они не составляютъ элементовъ развитія человѣчества, они «не продолжаютъ собой какого-нибудь процесса, а живутъ безъ времени и одновременно», они образуютъ нѣкоторымъ образомъ «мостъ черезъ бурный потокъ бытія»—«одинъ великанъ перекликается съ другимъ черезъ пустынные промежутки времени и, не взирая на своевольныхъ, шумящихъ карликовъ, которые копошатся у ногъ ихъ, продолжаютъ свою величавую бесѣду». (Nutzen u Nachtheil der Historie 91). А такъ-какъ именно это племя карликовъ опредѣляетъ собой ходъ исторіи, какъ въ ея событіяхъ, такъ и законахъ, то несомнѣнно одно: «цѣль человѣчества не въ конечныхъ результатахъ, а только въ высшихъ индивидуальностяхъ, которыхъ оно создаетъ изъ своей среды».

Но и эти высшія индивидуальности выражаютъ лишь то, что таится въ глубинѣ человѣческой натуры, какъ ея метафизическая основа, поэтому они отдѣляются отъ всей массы людей не столько *различіемъ* своей сущности, какъ *обнаженіемъ* ея, своей божественной наготой; въ противоположность ей человѣкъ толпы носитъ тысячу покрововъ поверхъ своей истинной сущности, и всѣ эти покровы принадлежатъ внѣшней жизни и твердѣютъ иногда до полной непроницаемости. «Если великій мыслитель презираетъ людей, то только за ихъ лѣность: она превращаетъ ихъ въ фабричный товаръ... Человѣкъ, который не хочетъ принадлежать къ толпѣ, долженъ только перестать быть небрежнымъ въ отношеніи самого себя» (Schopenhauer als Erzieher 4). Поэтому преисполненное любви воспитаніе и участливое отношеніе ко всѣмъ является результатомъ этой философіи, для которой въ глубокомъ смыслѣ всѣ люди равны, потому что въ каждомъ она чтитъ метафизическое ядро. Такимъ образомъ эта первоначальная теорія безконечно далека отъ позднѣйшаго ученія Ницше, возводящаго въ принципъ рабство и тиранію.

Но въ своихъ позднѣйшихъ теоріяхъ Ницше разорвалъ этотъ метафизическій фонъ, и сверхчувственное бытіе смѣнилось въ его ученіи постояннымъ новообразованіемъ дѣйствительнаго; соотвѣтственно съ этимъ, отдѣльная личность поднимается надъ массой только различіемъ своей сущности; это сводится къ высочайшему различію степеней развитія; представляя собой квинтъ-эссенцію процесса развитія, она обнимаетъ его по возможности во всей цѣлости, между тѣмъ, какъ человѣкъ толпы можетъ только слѣпо и по обрывкамъ переживать это развитіе и понимать его.

Только эта отдѣльная личность и придастъ смыслъ длинному развитію, которое называется исторіей; сама-же она не создана изъ сверхчувственнаго вещества, какъ шопенгауеровскій человѣкъ, но зато проникнута вся творческой силой, и можетъ замѣнить въ мірозданіи тотъ высшій смыслъ вещей, въ который вѣритъ метафизикъ. Вмѣсто многихъ

Digitized by Google

равныхъ одна другой, отдѣльныхъ личностей, которыя высятся надъ человѣчествомъ, какъ равномѣрно высокій горный хребетъ, въ послѣднихъ философскихъ сочиненіяхъ Ницше появляется величественный образъ уединяющагося человѣка, который представляетъ собой вершину міроздания; выше его ничего нѣтъ и поэтому онъ болѣе одинокъ, чѣмъ великаны, о которыхъ Ницше говорилъ раньше; у него нѣтъ равныхъ—онъ одинокая вершина. По отношенію-же къ тому, что ниже, онъ гораздо суровѣе и властнѣе, потому что толпа и жизнь сами по себѣ въ метафизическомъ смыслѣ ничего не значатъ. Только онъ, одинокій человѣкъ, дастъ имъ опредѣленное мѣсто въ лѣстницѣ, на вершинѣ которой онъ самъ находится. Легко понятно, почему въ этой системѣ культъ геніальности доходитъ до высочайшаго развитія: не допуская метафизическаго объясненія, которое съ самаго начала поднимаетъ шопенгауэровскаго человѣка въ высшій распорядокъ вещей, Ницше позднѣйшей поры можетъ доказать высокое назначеніе человѣчества лишь посредствомъ существа, превышающаго человѣческіе размѣры.

Все ученіе Ницше въ первый періодъ его философскаго творчества, сводится къ четыремъ основнымъ идеямъ, неуклонно занимавшимъ его, хотя пониманіе ихъ и мѣнялось у него очень часто: это идея вакхическаго, декадансъ, несвоевременность и культъ генія. Мы всегда заново находимъ эти идеи, какъ и отражающагося въ нихъ автора, и чѣмъ сильнѣе отражаетъ онъ самого себя въ своей философіи, тѣмъ болѣе опредѣленно и характерно выступаетъ его философія. Если разсматривать его идеи въ ихъ постоянной смѣнѣ и въ ихъ разнообразіи, онѣ покажутся почти необозримыми и слишкомъ сложными; если-же попытаться извлечь ихъ нихъ то, что остается неизмѣннымъ среди всѣхъ колебаній, простота и цѣнность его основныхъ задачъ окажется поразительной. «Всегда иной и всегда одинъ и тотъ-же!» могъ-бы сказать про себя Ницше.

Вагнеровско-Шопенгауэровское міровоззрѣніе такъ глубоко отозвалось на Ницше, что впослѣдствіи, послѣ долгихъ исканій и уже исходя изъ совершенно противоположныхъ направленій мысли, онъ опять приблизился къ ихъ основнымъ идеямъ—и этотъ фактъ показываетъ, какъ эти идеи шли навстрѣчу всей его натурѣ, какъ въ нихъ воплощалось то, что дремало въ его душѣ. Перейдя отъ филологіи къ философіи, онъ, конечно, почувствовалъ себя какъ узникъ, освобожденный отъ цѣпей. До того всѣ его лучшія силы были скованы, теперь онъ могъ вздохнуть, теперь все въ немъ стало свободнымъ. Его художественные инстинкты блаженствовали въ откровеніяхъ Вагнеровской музыки; его сильная склонность къ религіозной и нравственной экзальтаціи находила въ метафизическомъ толкованіи этого искусства постоянную пищу. Его обширныя, основательныя знанія принесли пользу его новому міровоззрѣнію,

Digitized by Google

которое отразилось на его пониманіи греческой древности. Такъ какъ въ Вагнерѣ воплотился художественный геній, и онъ сталъ «искупающимъ спасителемъ», то на долю Ницше выпала роль познающаго, роль научнаго посредника: этимъ онъ оставался въ предѣлахъ философіи. Но проникновеніе этими идеями послужило само поводомъ къ полному развитію его художественныхъ и религіозныхъ склонностей, и въ этомъ главное ихъ значеніе для Ницше. То, къ чему онъ уже стремился во время своихъ филологическихъ занятій, изучая жизнь древнихъ философовъ, то теперь осуществилось: мысль стала жизнью, познаваніе соучастіемъ въ созиданіи новой культуры. Въ мышленіи могли сосредоточиться всѣ душевныя силы: оно требовало всего человѣка. Ницше изливаетъ охватившій его восторгъ освобожденія въ конечныхъ словахъ книги «Socrates und die Klassische Philologie». «Чары этой борьбы»,—восклицаетъ онъ,— «въ томъ, что, кто наблюдаетъ ее, тотъ долженъ въ ней принять участіе!»

И вмѣстѣ съ болѣе свободнымъ развитіемъ каждаго изъ его душевныхъ влеченій, этотъ періодъ жизни Ницше далъ полное удовлетвореніе глубокой, нѣсколько женственной склонности Ницше къ личному поклоненію, къ обожанію,—впослѣдствіи онъ съ горечью проявлялъ эту склонность только по отношеніи къ самому себѣ. Вагнеро-шопенгауеровская философія доставляла ему глубокое удовлетвореніе своимъ внутреннимъ содержаніемъ, но самымъ цѣннымъ для Ницше было все-таки личное отношеніе къ Вагнеру, непосредственное преклоненіе предъ нимъ. Его энтузіазмъ относился къ личности, стоявшей внѣ его и въ которой онъ все-таки видѣлъ воплощеннымъ идеалъ своей собственной натуры. Счастье въ обладаніи подобной вѣрой накладываетъ на первыя философскія произведенія Ницше отпечатокъ чего-то здороваго, почти наивнаго и рѣзко отличающагося отъ характера его позднѣйшихъ произведеній. Личность Вагнера и философія Шопенгауера, изъ которой Вагнеръ исходилъ, какъ будто-бы помогаютъ Ницше понять самого себя.

Съ инстинктивной робостью онъ еще не поддается искусству сознательно обращать свое «я» въ «объектъ и предметъ экспериментовъ для познающаго», тому искусству, которое впослѣдствіи сдѣлало его столь великимъ и столь больнымъ. «Какъ можетъ человѣкъ знать себя? Онъ нѣчто весьма темное и скрытое, и если заяцъ имѣетъ семь шкуръ, то человѣкъ можетъ семь разъ по семидесяти покрововъ снимать съ себя и все-таки не сможетъ сказать «это уже ты, а не скорлупа твоя». Къ тому-же опасно и мучительно подкапываться такимъ образомъ подъ самого себя и насильственно пробивать себѣ кратчайшій путь въ рудники своей души. Какъ легко можно при этомъ повредить себѣ такъ, что никакой врачъ уже не сможетъ потомъ помочь». (Schopenhauer als Erzieher 7). И поэтому онъ обращается къ молодежи, которая ищетъ проникновенія въ собственную душу, съ слѣдующими словами: «что привлекало твою

Digitized by Google

душу, что властвовало надъ ней и приносило вмѣстѣ съ тѣмъ счастье? Представивъ себѣ этотъ рядъ предметовъ, которымъ ты поклонялся, и, быть можетъ, ты усмотришь въ нихъ законъ, основной законъ твоего существа. Сравни эти предметы, и ты увидишь, что они образуютъ лѣстницу, по которой ты поднялся на высоту твоего собственнаго «я», ибо твоя истинная сущность не лежитъ глубоко въ тебѣ, а недосягаемо высоко надъ тобой...»

Съ откровенностью, совершенно исчезнувшей у него впослѣдствіи, въ періодъ мучительнаго самоанализа, онъ излагаетъ мотивы, которые съ самаго начала возбуждали въ немъ страстное стремленіе къ подобному апостольству, желаніе имѣть «руководителя и учителя» (Schopenhauer als Erzieher 14): «мнѣ хочется остановиться нѣсколько на желаніи, которое въ молодости часто и сильно являлось у меня. Я надѣялся въ минуты радостныхъ мечтаній, что судьба оградитъ меня отъ ужасной необходимости воспитывать себя самого и что въ свое время я найду воспитателя въ какомъ-нибудь философѣ, истинномъ философѣ, которому можно вѣрить не задумываясь, потому что ему можно довѣрять больше, чѣмъ самому себѣ». (Schopenhauer als Erzieher). Интересно наблюдать какъ онъ съ этой цѣлью стремится за мыслителемъ Шопенгауеромъ угадать идеальнаго человѣка и какъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ Вагнеру исходитъ изъ глубокаго родства ихъ душъ между собой. Въ самомъ дѣлѣ, описываемая имъ духовная природа Вагнера поражаетъ почти полнымъ тождествомъ съ «многострунностью» его собственнаго душевнаго міра. Такъ напр., онъ говоритъ въ «Richard Wagner in Bayreuth» (13): «Каждая его черта уходитъ въ безграничное, всѣ стремящіяся проявить себя наклонности хотятъ каждая отдѣлиться и найти удовлетвореніе для себя отдѣльно; и чѣмъ полнѣе ихъ содержаніе, тѣмъ болѣе онѣ бушуютъ, тѣмъ враждебнѣе ихъ столкновенія».

Потомъ, когда Вагнеръ достигаетъ «духовной и нравственной зрѣлости», эта «многострунность» сливается въ единое и въ то-же время какимъ-то страннымъ образомъ «раскалывается въ самой себѣ». «Природа его страшнымъ образомъ упрощается и вся разбивается на два влеченія или сферы. Внизу бушуетъ дикая воля въ бурномъ потокѣ, и повсюду, на всѣхъ дорогахъ, во всѣхъ лощинахъ и пещерахъ стремится къ свѣту, рвется проявить силу (10). Весь потокъ устремляется то въ одну, то въ другую долину и пробивается въ самыя темныя лощины: во мракѣ этого подземнаго ученія появляется въ высотѣ звѣзда» (12). «Мы бросаемъ взоръ въ другую сферу Вагнера. Это то настоящее и самое глубокое, что Вагнеръ переживаетъ въ самомъ себѣ и чтитъ, какъ тайну, т. е. пониманіе тождественности обѣихъ сферъ своего существованія— творческой, свѣтлой невинной сферы такъ-же, какъ и темной, неукротимой, деспотической» (13).

Digitized by Google

«Въ отношеніи обѣихъ глубочайшихъ силъ одна къ другой, въ ихъ покорности одна другой, лежало непремѣнное условіе, дѣлавшее его самимъ собой и вполнѣ цѣльной личностью» (13).

Въ концѣ работы Ницше старался постигнуть музыку Вагнера изъ особенностей столь родственной ему натуры и разсматривалъ музыкальный геній Вагнера, какъ отраженіе его душевной жизни:

«Музыка его съ какой-то жестокой рѣшимостью подчиняется ходу драмы, неумолимому какъ судьба, между тѣмъ какъ пламенная душа этого искусства мечтаетъ о томъ, чтобы хоть разъ побродить безъ всякихъ узъ на свободѣ, среди пустыни» (82).

«Надъ всѣми звучащими индивидуумами и борьбой ихъ страстей, надъ всѣмъ хаосомъ противорѣчій несется могущественный симфоническій умъ, который постоянно проповѣдуетъ миръ изъ нѣдръ войны» (79).

«Вагнеръ никогда не бываетъ болѣе Вагнеромъ, чѣмъ тогда, когда трудности удесятеряются и онъ можетъ, среди грандіозныхъ условій, дѣйствовать, какъ повелитель—заставить бурныя протестующія массы смириться въ простыя ритмы, провести одну волю среди ошеломляющей массы требованій и притязаній».

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Снѣга.

I.

Созерцайте паденіе снѣга,
Созерцайте паденіе!
Въ немъ мечты умирающей нѣга,
Въ немъ покой и забвеніе.

Лепестками цвѣтовъ ледовитыхъ
Сыплетъ небо усталое...
Въ этихъ блесткахъ міровъ позабытыхъ
Отцвѣло небывалое!

Рѣютъ замыслы—слово за словомъ—
Мотыльками воздушными
И ложатся на землю покровомъ,—
Какъ земля, равнодушными.

II.

Небо смѣется... Полуденнымъ блескомъ
Солнце играетъ на яркомъ снѣгу.
Лѣсъ улыбнулся тѣней арабескамъ,
Рѣзвыя тѣни дрожатъ на снѣгу.

Воздухъ морозный, какъ майскій напитокъ,
Искрится золотомъ зыбкихъ лучей,
Силы надоблачной льется избытокъ,
Льется потокомъ веселыхъ лучей.

Digitized by Google

Въ сердцѣ моемъ—тотъ-же полдень холодный,
Блескъ и мерцаніе снѣжной парчи,
Призракъ любви, и въ тревогѣ безплодной—
Тѣ-же улыбки и тѣ-же лучи.

III.

Померкло облако сквозное,
Дитя пустыни снѣговой...
О чемъ грустишь? Зачѣмъ, земное,
Съ небесной споришь синевой?
Она не внемлетъ укоризнѣ,
Ты для небесъ—залетный дымъ...
Утѣшься: къ низменной отчизнѣ
Вернешься прахомъ снѣговымъ!

IV.

Неподвижна, необъятна,
Умерла дневная высь...
Облаковъ сѣдыя пятна
Съ синимъ сумракомъ слились

Мѣсяцъ мертвенно-прекрасный
Вѣки блѣдныя смежилъ.
Воздухъ замеръ. Лѣсъ безгласный
Самъ себя заворожилъ.

Тихій сумракъ, саванъ снѣга,
Вѣтокъ призрачная сѣть,—
И оленьяго пробѣга
Выжидающій медвѣдь...

V.

Молчитъ раздолье снѣжное,
Смутился хмурый лѣсъ,
Стемнѣло зарубежное
Святилище небесъ.

Задумалась вселенная,
Затихъ ея полетъ...
Одна душа смятенная
И плачетъ, и поетъ.

Digitized by Google

Земное вдохновеніе!
Когда постигнешь ты
Святое откровеніе
Безмолвной красоты?..

VI.

Легко шаги твои ступаютъ
По бѣлоснѣжной пеленѣ,
Едва звучатъ и замираютъ
Въ невозмутимой тишинѣ.

А я все жду... чего? не знаю
И не узнаю, можетъ быть...
Себя-ли смутно забываю?
Тебя-ль стараюсь позабыть?

Что промелькнуло въ нашихъ взорахъ,
Прощальный трепетъ леденя?..
Твоихъ шаговъ пугливый шорохъ
Ушелъ навѣки отъ меня.

VII.

Мѣсяцъ сердцу говоритъ:
«О минувшемъ позабудь!
Предъ тобою снѣжный путь
Блеститъ.
Вѣчный путь тебя зоветъ,
Ждутъ безбрежныя мечты,
Вьюга снѣгомъ замететъ
Слѣды».

VIII.

Тучекъ дымныя кочевья
Ворожатъ въ степи безбрежной...
Лѣсъ колдуетъ. Сѣтью снѣжной
Разстилаются деревья.

Надъ вѣтвями свѣтлый кто-то,
Весь—восторгъ и созерцанье,
Сыплетъ звѣздное мерцанье
Въ бѣлоснѣжныя тенета.

Digitized by Google

IX.

Въ блескѣ луннаго сіянья
Содрогнулись очертанья
Чащи, снѣгомъ опушенной.
Лѣсъ колеблется такъ зыбко...
Въ небѣ свѣтится улыбка
Ночи блѣдной и влюбленной.

На землѣ—уборъ вѣнчальный,
Міръ созвучій ожидаетъ,—
Только ангелъ безпечальный
Не глядитъ и не внимаетъ.

Онъ, какъ смерть, грозитъ движенью,
Прекословитъ грезамъ слуха,
Красотѣ и наслажденью
Созерцающаго духа.

X.

Чей разумъ, звѣзды, васъ возвысилъ,
Нетлѣннымъ пламенемъ зажогъ?
Кто превозмогъ предѣлы чиселъ,
Пространства мнимость превозмогъ?

Пушинки огненнаго снѣга,
Кружатъ и вихрятся міры;
Пути ихъ горняго пробѣга—
Чертежъ невѣдомой игры.

И что я самъ: мое сознанье,
Мои стремленья, мой восторгъ?
Кто распахнулъ мнѣ мірозданье,
Изъ довременности исторгъ?

Моя-ли греза—эти краски,
Живыя грани и черты?
Иль самъ я призракъ чьей-то сказки,
Видѣнье призрачной мечты?...

К. Льдовъ.

Digitized by Google

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Знаменательная годовщина.—Весеннее прекраснодушіе.—Хозяева безъ хозяйства.—«Одесскія Новости» о крестьянскомъ пролетаріатѣ.—Бродячая Русь.—Весенніе и праздничные разговоры въ газетахъ.—Драки между провинціальными «интеллигентами».—Печать и судебные скорпіоны.—Дѣло редактора «Новаго Обозрѣнія» съ содержательницей подозрительной конторы.

Во второй половинѣ февраля лучшія провинціальныя газеты много говорили о годовщинѣ 19-го февраля и о наступленіи весны. Въ данномъ случаѣ такой переходъ отъ 19-го февраля къ веснѣ объясняется чисто случайнымъ совпаденіемъ: раннее наступленіе весны приблизило ее къ этому дню. Однако, между вопросомъ о праздновaніи 19-го февраля и весною есть связь менѣе случайная, болѣе глубокая. Наступленіе весны въ деревнѣ даетъ рядъ картинъ, весьма живо иллюстрирующихъ значеніе 19-го февраля. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ съ наступленіемъ весны начинался несвободный трудъ, трудъ рабовъ, сгоняемыхъ старостой на барское поле. Послѣ «19-го февраля», съ наступленіемъ весны домохозяинъ-земледѣлецъ начинаетъ свободный трудъ на своей нивѣ—«себѣ на радость и для собственнаго благоденствія»... Такъ говорили съ полнымъ энтузіазмомъ въ первые годы послѣ реформы, такъ говорятъ нерѣдко и теперь, хотя картины деревенской весны заставляютъ вносить очень серьезныя поправки въ эти добромысленныя разсужденія. Мы вполнѣ понимаемъ энтузіазмъ, который широкой волной разливался на страницахъ газетъ и журналовъ, современныхъ великой реформѣ. Но мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что эти первые мечтательные восторги не умѣрились въ первые же годы и не уступили мѣсто сознанію горькой дѣйствительности, далеко не оправдавшей всѣхъ розовыхъ надеждъ и превращающей даже эту великую общественную реформу въ одно изъ явленій исторіи благихъ порывовъ. Но отказываться отъ иллюзій, умалять значеніе того, что казалось героическимъ общественнымъ подвигомъ, неотъемлемымъ историческимъ пріобрѣтеніемъ,—дѣло нелегкое.

Вопросъ о малоземельѣ крестьянъ до такой степени ясенъ и открытъ взорамъ всѣхъ зрячихъ, что останавливаться на немъ почти не стоитъ. Во многихъ мѣстностяхъ на нищенскомъ надѣлѣ въ 1—1½ десятины (приходившихся когда-то на одну ревизскую душу) сидятъ по 2—4, а

Digitized by Google

иногда по 5—7 хозяевъ. Очевидно, что у такихъ «хозяевъ», являющихся, конечно, полноправными гражданами по отношенію къ платежу податей и повинностямъ, расходъ не можетъ быть сведенъ съ приходомъ какимъ-либо обычнымъ и естественнымъ способомъ. И вотъ возникаетъ необходимость искать работы, наниматься къ болѣе счастливымъ землевладѣльцамъ—помѣщикамъ. Большинство крестьянъ является въ дѣйствительности не землевладѣльцами, а сельскохозяйственными рабочими. Одни изъ нихъ работаютъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, другіе, при наступленіи весны, идутъ искать работъ на сторонѣ, вдали отъ своихъ семей и земельныхъ участковъ. Бросимъ сначала бѣглый взглядъ на состояніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ перваго разряда. Земская статистика даетъ для этого достаточно живыхъ и неопровержимо-вѣрныхъ матеріаловъ. Вотъ какъ рисуетъ положеніе крестьянъ-рабочихъ статистика курской губерніи:

«Распространенный въ курской губерніи обычай сдавать крестьянамъ землю на различные отработки и необходимость, во что-бы то ни стало снимать эти земли, обусловили крайне неудовлетворительную обработку крестьянскихъ полей. Занятые въ сентябрѣ посѣвомъ своихъ и помѣщичьихъ земель, уборкою гречихи, молотьбою и пахатою для помѣщиковъ подъ овесъ и ячмень, крестьяне никогда не успѣваютъ съ осени подготовить почву для весенняго посѣва своего овса. Весною у нихъ также незначительный промежутокъ времени между оттепелью и посѣвомъ овса уходитъ на обязательныя работы для помѣщиковъ, а потому большинство крестьянъ принуждено сѣять овесъ по непаханному полю, закрывая сѣмена сохою; какъ ни дурно это отзывается на будущемъ урожаѣ, но крестьяне предпочитаютъ этотъ способъ, боясь пропустить тотъ моментъ, когда земля заключаетъ въ себѣ избытокъ влаги. Послѣ овса начинается хлопотливый періодъ пахаты подъ свеклу, гречу и т. п. и посѣвъ этихъ растеній; здѣсь крестьянинъ опять-таки урывками можетъ заняться своимъ полемъ, а потому о тщательной обработкѣ своихъ полей не можетъ быть и рѣчи. Періодъ этотъ тянется вплоть до сѣнокоса,—слѣдовательно, единственное удобное время для вывозки навоза потеряно; впрочемъ, вывозить его на паровое поле крестьяне не могутъ еще потому, что на этомъ полѣ пасется скотъ вплоть до уборки хлѣба съ озимаго клина, на который и перегоняется скотъ. Если у крестьянъ и остаются свободные промежутки времени между пахатою и посѣвомъ яровыхъ хлѣбовъ и сѣнокосомъ, то всѣ они употребляются на вывозку экономическаго навоза. Послѣ 1-го іюля начинается уборка озимыхъ хлѣбовъ и взметъ экономическаго пара, а потому не всѣ крестьяне успѣваютъ вспахать свой паровой клинъ — наиболѣе заваленные отработками домохозяева принуждены разсѣвать рожь по непаханному полю подъ соху [1])».

---

[1]) **Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія. Курскъ. 1887.**

Digitized by Google

Такую-же картинку рисуютъ намъ и другія изслѣдованія народной жизни. Вотъ, напр., краснорѣчивыя строки изъ «Сборника стат. свѣдѣній по полтавской губ.»: «Сплошь и рядомъ весь сезонъ жатвы посвящается на обязательныя отработки, такъ что собственный хлѣбъ приходится убирать урывками или когда успѣютъ *отпроситься* на день-другой».

Таково положеніе крестьянъ, нанимающихся на работу къ сосѣдямъ-помѣщикамъ. Но есть другая категорія крестьянъ-земледѣльцевъ: это *бродячіе* рабочіе, ищущіе заработка на сторонѣ. «Одесскія Новости» помѣстили на дняхъ рядъ очерковъ, написанныхъ на основаніи серьезныхъ, офиціальныхъ и земскихъ статистическихъ изслѣдованій и посвященныхъ именно «бродячей Руси». Очерки эти трактуютъ вопросъ первостепенной важности и притомъ съ такою серьезностью, какую не всегда можно встрѣтить на столбцахъ «лучшихъ» столичныхъ изданій. Вотъ какъ начинаетъ авторъ очерковъ свое краткое, но содержательное изслѣдованіе

«Если люди, имѣя даже собственность, бросаютъ ее изъ года въ годъ на произволъ судьбы и вступаютъ въ ряды *искателей* работы, безъ которой ихъ существованіе немыслимо, то они безусловно заслуживаютъ названія пролетаріевъ. А значительная часть русскаго крестьянства, которое, по смыслу манифеста 19 февраля, не только должно жить на собственной землѣ, но должно и существовать отъ собственной земли, относится именно къ этой категоріи. Точной цифры пролетаріатствующаго крестьянства нѣтъ, но въ общихъ чертахъ ее не трудно вычислить на основаніи данныхъ, собранныхъ земско-подворными переписями. Изъ 123 уѣздовъ, обслѣдованныхъ до конца 80 годовъ, данныя объ отхожихъ промыслахъ собраны для 86 уѣздовъ, на которыхъ имѣется $12^1/_2$ милліоновъ населенія обоего пола, т. е. пятая часть всего сельскаго населенія Европейской Россіи. По такой значительной части дозволительно судить о положеніи дѣла въ цѣлой странѣ. Взрослаго мужского населенія, изъ коего по преимуществу вербуется сельско-хозяйственный пролетаріатъ, въ упомянутыхъ 86 уѣздахъ переписями насчитано 3,290 тысячъ. Изъ этого числа отхожими промыслами занимается 614,899 мужчинъ. Слѣдовательно, по этимъ даннымъ около девятнадцати (18,7) процентовъ нашего крестьянства фактически — пролетаріи. Но въ такомъ видѣ положеніе дѣлъ было лѣтъ 10 тому назадъ, такъ какъ въ 57 уѣздахъ изъ 86-ти переписи были произведены въ первую половину 80-хъ годовъ (въ 1881—85 гг.), а переписи остальныхъ 29 уѣздовъ относятся къ періоду 1886—1888 гг. До какой цифры выросло число пролетаріатствующаго крестьянства теперь—трудно сказать, но что оно должно было увеличиться и увеличиться замѣтно, показываетъ паспортная статистика».

Вотъ эта-то многомилліонная масса «искателей» работы и поднимается съ мѣстъ при наступленіи весны. Изслѣдованіе земскаго санитарнаго врача Тезякова, подъ названіемъ «Сельскохозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ херсонской губ.», даетъ

Digitized by Google

точныя данныя, изъ которыхъ въ воображеніи читателя сама собою слагается живая картина, широкая и грустная. Нищета, при безземельѣ недоимки, приближеніе новыхъ обязательныхъ платежей, невозможность отыскать подходящую работу на мѣстѣ, полное невѣдѣніе, куда именно всего легче и полезнѣе приложить свои рабочія руки, все это гонитъ крестьянина куда-то вдаль, на югъ, гдѣ земля плодороднѣе и населеніе менѣе густо. Передвиженіе совершается обыкновенно партіями. Мужчины, женщины, подростки (сельскохозяйственныя машины съ каждымъ годомъ уменьшаютъ спросъ на взрослыхъ рабочихъ, такъ что % такъ называемыхъ «полурабочихъ» почти вездѣ равняется 50, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе) пускаются въ путь—чаще всего пѣшкомъ, таща котомки со скарбомъ на плечахъ или сваливъ ихъ въ общую, медленно двигающуюся подводу. Они идутъ помногу дней сряду, ночуя подъ открытымъ небомъ, которое сѣетъ иногда мелкимъ, еще холоднымъ дождемъ. Иногда, если путь лежитъ по рѣкѣ, рабочіе отправляются на плотахъ или дубахъ, т. е. въ наскоро сколоченныхъ большихъ, непрочныхъ лодкахъ. На одинъ дубъ набирается человѣкъ 50—80 народу, и не проходитъ года безъ того, чтобы одинъ, два, а то и больше переполненныхъ дуба не пошли ко дну вмѣстѣ съ пассажирами. Иногда переѣзды совершаются на пароходахъ, гдѣ пассажировъ грузятъ почти такъ-же плотно, какъ товаръ, или на такъ называемыхъ рабочихъ поѣздахъ. Само собою разумѣется, что всѣ указанные виды переѣздовъ не выдерживаютъ критики въ гигіеническомъ отношеніи и что ночи, проведенныя подъ открытымъ небомъ, и дни—въ духотѣ и давкѣ закрытаго вагона или парохода, оставляютъ весьма чувствительные слѣды на здоровьѣ рабочихъ.

Выходя съ мѣста, партія рабочихъ отправляется къ одному изъ тѣхъ сборныхъ пунктовъ, рынковъ для найма, о которыхъ донесла до нихъ вѣсть какая-нибудь рабочая партія прошлаго года. Очевидно, что здѣсь и рѣчи быть не можетъ о сколько-нибудь цѣлесообразномъ распредѣленіи рабочихъ по мѣстностямъ. Темные, преслѣдуемые нуждою люди не имѣютъ никакой возможности издали измѣрить спросъ на рабочихъ въ той или другой мѣстности. Да кромѣ того, и по прибытіи ихъ на мѣсто найма, даже послѣ найма, условія спроса могутъ измѣниться: неблагопріятныя обстоятельства могутъ разрушить виды хозяина на урожай и тогда онъ старается сдѣлать все, чтобы отдѣлаться отъ нанятыхъ уже рабочихъ. Такъ какъ всѣ договоры производятся словесно, то рабочій, отдавъ свой паспортъ хозяину, оказывается совершенно въ его власти и безъ всякихъ гарантій касательно выполненія условій найма. Случается, что, желая отдѣлаться отъ лишнихъ рабочихъ, хозяинъ прибѣгаетъ къ разнымъ прижимкамъ, къ дурному обращенію, даже побоямъ, которые могли-бы вывести изъ терпѣнія рабочаго и склонить его къ уходу. Въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ изслѣдователей вопроса о сельскохозяйственныхъ рабочихъ, послѣд-

Digitized by Google

ніе находятся въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другіе рабочіе. Наконецъ, неравномѣрное распредѣленіе пришлыхъ рабочихъ по рынкамъ найма, чисто случайное скопленіе ихъ въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ не только ставитъ ихъ въ очень неблагопріятныя условія при торгѣ съ нанимателемъ, но очень часто оставляетъ и совсѣмъ ни при чемъ. И вотъ многіе изъ рабочихъ, пришедшихъ искать дѣла за сотни верстъ, либо совсѣмъ не нанятые, либо отпущенные нанимателемъ среди лѣта въ виду измѣнившихся условій урожая, прошатавшись напрасно по нѣсколькимъ рынкамъ и истративъ послѣдніе гроши, должны возвращаться домой, кормясь въ большинствѣ случаевъ подаяніемъ.

Представьте-же себѣ условія жизни всей этой милліонной массы пролетаріевъ— мужчинъ, женщинъ, по преимуществу дѣвушекъ—подростковъ,—скитанія по едва оттаявшимъ дорогамъ, ночевки подъ открытымъ небомъ во всякую погоду, скверное питаніе чѣмъ придется, или давку и духоту въ почти темныхъ товарныхъ вагонахъ, далѣе выжиданіе найма на рынкахъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ для нихъ отводится иногда въ очень нездоровой мѣстности, какой-нибудь каменный сарай, вмѣщающій только часть этого странствующаго люда; потомъ необезпеченная жизнь у нанимателя въ полной зависимости отъ его доброй хозяйской воли, иногда тоже съ ночевками въ степи; наконецъ, возвращеніе домой при осенней непогодѣ, по осклизшимъ или промерзшимъ дорогамъ. Всѣ эти условія, описанныя, напримѣръ, въ книгѣ доктора Тезякова въ точныхъ и убѣдительныхъ показаніяхъ, въ безпристрастной формѣ статистическаго изслѣдованія, вполнѣ объясняютъ тотъ выводъ, къ которому авторъ приходитъ относительно значенія отхожихъ сельскохозяйственныхъ промысловъ: «Вредное вліяніе отхожихъ промысловъ, говоритъ онъ, при настоящихъ условіяхъ не только отражается на здоровьѣ лицъ, принимающихъ личное участіе въ отходѣ, но и на здоровьѣ всего того населенія, изъ котораго выходятъ и въ среду котораго опять возвращаются рабочіе; вредное вліяніе отхожихъ промысловъ отражается на здоровьѣ населенія и тѣхъ мѣстностей, которыя пользуются трудомъ пришлыхъ рабочихъ. Систематически усиливая болѣзненность населенія, сельскохозяйственные отхожіе промыслы, по законамъ наслѣдственности, не могутъ не отражаться и на физической организаціи будущихъ поколѣній».

Неужели-же мы ошибемся, если скажемъ, что оптимизмъ несовмѣстимъ съ правдивостью во всемъ, что касается вопроса о свободѣ, о какой-бы то ни было свободѣ крестьянина?

Наступленіе весны составляетъ предметъ повсемѣстныхъ газетныхъ разговоровъ. Въ большихъ, столичныхъ газетахъ печатаются бюллетени весны, въ провинціальныхъ идутъ такъ-называемые «маленькіе фельетоны», т. е. столбцы коротенькихъ строчекъ на злободневныя темы, наполненныя болтовнею о веснѣ и о праздновании Пасхи. Болтовня большею частью пустая, дрянная, ничтожная, какъ болтовня о погодѣ про-

Digitized by Google

винціальныхъ дамъ, встрѣтившихся въ гостинномъ дворѣ или на базарѣ при покупкѣ провизіи. Въ разговорахъ о веснѣ не чувствуется никакого весенняго вѣянія, въ разговорахъ о праздникѣ нѣтъ ничего праздничнаго... Въ газетной сутолокѣ отражается шумливая безтолочь городской жизни, съ ея мелкими страстями и ничтожными интерессами. Утомительное, тоскливое однообразіе ея нарушается скандалами, вызывающими въ сонномъ обществѣ подобіе какого-то оживленія.

Въ Саратовѣ былъ побитъ присяжнымъ повѣреннымъ мѣстный журналистъ. Въ вятской губерніи до свѣдѣнія суда доведены кулачныя подвиги юриста, разъѣзжавшаго по обязанностямъ службы и ставшаго грозою ямщиковъ. Въ елисаветградскомъ и остерскомъ клубахъ произошли ожесточенныя драки, при чемъ въ первомъ одинъ изъ пострадавшихъ принялся стрѣлять изъ револьвера въ толпу и ранилъ-ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Въ Ялтѣ публично оскорбленъ въ театрѣ городской голова. Въ Кіевѣ паціентъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ профессору-врачу. Тамъ-же военный врачъ нанесъ случайно встрѣтившемуся съ нимъ человѣку сильный ударъ въ грудь, имѣвшій роковыя послѣдствія для пострадавшаго. Въ Одессѣ помощникъ присяжнаго повѣреннаго жестоко избитъ отвѣтчикомъ по дѣлу, которое онъ выигралъ.

Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловоротъ...

Вотъ о чемъ стосковался, видно, русскій человѣкъ, отводившій прежде душу въ поркѣ своихъ лакеевъ и кучеровъ! Кромѣ перечисленныхъ случаевъ кулачной расправы, въ газетахъ можно вычитать и еще не мало разныхъ типичныхъ, иногда курьезныхъ разновидностей того-же явленія. Вотъ, напр., что произошло недавно въ городѣ Глуховѣ:

Въ общественномъ дворянскомъ собраніи играли въ карты, въ стуколку. Изъ-за какого-то недоразумѣнія одинъ изъ играющихъ, врачъ, обвинилъ другого, педагога въ неправильной игрѣ; повторивъ обвиненіе нѣсколько разъ, онъ получилъ оскорбленіе весьма ощутительнаго свойства; сверхъ того, педагогъ бросилъ въ голову врача пепельницу, которая пострадала. Послѣ такого непредвидѣннаго перерыва въ игрѣ, ее возобновили и благополучно закончили, при чемъ продолжали играть и обидчикъ, и потерпѣвшій. Здѣсь дѣло, какъ видитъ читатель, ограничилось, такъ сказать, мимолетной потасовкой. Вѣроятно, интересъ къ азартной игрѣ, временно разъединившій партнеровъ, опять соединилъ ихъ, не давъ разыграться тому чувству «чести», которое могло-бы повести къ очень серьезнымъ осложненіямъ и превратить водевильную ссору въ прозаическую и грубую, но весьма опасную драму. Отъ водевильнаго до трагическаго и обратно—одинъ шагъ. Слѣдующая корреспонденція изъ г. Задонска весьма характерна въ этомъ отношеніи:

«Такое событіе, какъ готовящаяся дуэль въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, дѣйствительно, является чрезвычайнымъ, невѣроятнымъ проис-

Digitized by Google

шествіемъ. Понятно, что исполненіе этого событія ожидается всѣми цѣлый уже мѣсяцъ съ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ», такъ начинаетъ свое сообщеніе задонскій корреспондентъ одной газеты. Возникла эта дуэль по такому случаю. Дѣлопроизводитель воинскаго начальника, капитанъ N. привезъ на одно изъ собраній городского общественнаго клуба квартирную свою хозяйку, вдову содержателя почты. Одинъ изъ членовъ клуба, задонскій дворянинъ, вспомнивши, что пріѣхавшая съ капитаномъ дама нѣкогда, до своего замужества, была горничной въ домѣ мѣстнаго священника, почему-то счелъ неприличнымъ пребываніе такой особы въ клубѣ и распорядился удалить ее. Капитанъ вступился за честь привезенной имъ гостьи и потребовалъ отъ оскорбителя удовлетворенія. Дворянинъ принялъ вызовъ на дуэль. Но такъ какъ дуэль допускается только между военными, а здѣсь одинъ изъ противниковъ—лицо гражданское, то дѣло о разрѣшеніи этой дуэли пошло на разсмотрѣніе начальства. Погорячившійся дворянинъ скоро опомнился, смирился и идетъ на мировую, но задорный капитанъ предъявляетъ весьма суровыя условія для примиренія. Онъ заявилъ, что сочтетъ себя удовлетвореннымъ только тогда, когда его противникъ согласится въ томъже собраніи клуба просить прощенія у оскорбленной имъ дамы и *приметъ пощечину* отъ капитана. Оскорбитель охотно соглашается на первое условіе, но отъ второго категорически отказывается.

Чѣмъ кончится это громкое въ Задонскѣ дѣло, пока неизвѣстно. И къ чему могутъ приводить людей вообще такого рода «примирительныя» условія, какъ условіе «*принять пощечину*»—тоже неизвѣстно. Спертая, затхлая атмосфера, игра мелкихъ страстей и самолюбій, скверныя дѣла, лицемѣрно скрываемыя за кулисами приличій.

На ряду съ происшествіями отчасти увеселительнаго свойства, выступаютъ наружу факты, наводящіе на болѣе серьезное размышленіе. Такъ, недавно съ однимъ изъ провинціальныхъ редакторовъ—г. Тумановымъ, редакторомъ тифлисской газеты «Новое Обозрѣніе» произошелъ случай, характеризующій невозможное положеніе провинціальнаго и всякаго иного русскаго журналиста, смотрящаго на газету, какъ на орудіе безкорыстной гласности. Г. Тумановъ судился надняхъ за диффамацію и былъ приговоренъ судомъ къ штрафу въ 300 рублей. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: изъ судебнаго отчета, напечатаннаго въ мѣстныхъ газетахъ, мы узнаемъ, что поводомъ къ обвиненію г. Туманова послужила помѣщенная имъ корреспонденція изъ Батума, въ которой описывались порядки, заведенные нѣкою г-жею Б. въ ея «конторѣ по найму прислуги», превращенной ею въ пріютъ, гдѣ молодыя дѣвицы могли обрѣтать заработокъ совсѣмъ иного типа. Уже изъ объявленія объ открытіи конторы г-жи Б. опытные люди могли-бы заключить о томъ, что истинное назначеніе этого учрежденія довольно подозрительно. Случай съ двумя дѣвушками, которыхъ «пріютила» у себя г-жа Б. и которыя должны были бѣжать отъ нея и обратиться за содѣйствіемъ

Digitized by Google

къ представительницѣ мѣстнаго благотворительнаго общества, давалъ всякимъ подозрѣніямъ весьма убѣдительное подтвержденіе. Корреспонденція, напечатанная въ «Новомъ Обозрѣніи», разоблачая истинныя задачи г-жи Б., имѣла несомнѣнное значеніе, предостерегая общество отъ подобныхъ предпріятій. Тѣмъ не менѣе г-жа Б. привлекла г. Туманова къ суду по статьѣ 1039 улож. о наказ., которая, какъ извѣстно, за всякое «оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени» предписываетъ подвергнуть виновнаго денежному взысканію не свыше 500 руб. и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Обсуждая приговоръ надъ г. Тумановымъ, «Юридическая газета» высказываетъ по этому поводу слѣдующія очень вѣскія соображенія: [1])

«За «опозореніе въ печати», репрессія рѣдко достигаетъ такого, сравнительно, высокаго уровня; обыкновенно, издатели и редакторы газетъ, привлекаемые къ отвѣтственности за диффамацію, подвергаются наказанію только для виду. Причина такого снисходительнаго отношенія со стороны суда къ проступкамъ, караемымъ по ст. 1039 улож., вполнѣ понятна; законъ о диффамаціи принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу тѣхъ, которые заслуживаютъ наименьшаго сочувствія, — этотъ законъ нельзя даже назвать отжившимъ или устарѣлымъ, такъ какъ не было того времени, когда-бы онъ отвѣчалъ какой-либо законной потребности общежитія. Ст. 1039 была введена въ нашъ уголовный кодексъ въ качествѣ противовѣса такъ называемой свободѣ прессы, которая, согласно показаніямъ всѣхъ элементарныхъ учебниковъ русской исторіи, существуетъ въ Россіи съ 6 апрѣля 1865 года. Изъ правилъ закона 6 апрѣля 1865 года немногія имѣютъ теперь дѣйствительное, активное значеніе, но то правило, которое изложено въ ст. 1309 улож., проявляетъ упорную живучесть ко вреду тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя преслѣдуются повременною печатью, и къ вящшему удовольствію многихъ господъ, ищущихъ безопаснаго прикрытія для своихъ темныхъ дѣлъ. Ст. 1309 даруетъ имъ такое прикрытіе въ формѣ по-истинѣ несокрушимой; можно подумать, что изъ всѣхъ правъ личности право сомнительныхъ субъектовъ на сомнительную честь — единственное, которое было признано достойнымъ безусловной неприкосновенности. Идетъ-ли рѣчь о частномъ или должностномъ лицѣ, о частномъ обществѣ или правительственномъ установленіи,—обвиняемому въ диффамаціи запрещается доказывать достовѣрность оглашеннаго имъ факта; не проводится различія между вторженіемъ въ сферу частной, интимной жизни и разоблаченіями, касающимися общественной, публичной дѣятельности лица. Только въ отношеніи сообщеній, касающихся служебной или обще-

---

[1]) См. «Юрид. газ.» 1896 г., № 17.

Digitized by Google

ственной дѣятельности лицъ, занимающихъ должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, допускается возражать противъ обвиненія въ диффамаціи предъявленіемъ *письменныхъ* доказательствъ справедливости позорящаго обстоятельства,—и только въ этомъ случаѣ принимается во вниманіе субъективная сторона дѣянія — наличность умысла при опозореніи. Но если даже обвиняемому удастся доказать документами справедливость оглашеннаго факта, онъ все таки подлежитъ наказанію, разъ судъ «въ формѣ преслѣдуемаго сочиненія или въ способѣ его распространенія и другихъ обстоятельствахъ усмотритъ явный умыселъ нанести оскорбленіе должностному лицу или установленію». Указанный грубо-матеріальный характеръ закона о диффамаціи, преслѣдующаго одно внѣшнее дѣйствіе совершенно независимо отъ цѣли и побужденій, коими оно было вызвано, возлагаетъ на судъ недостойную его роль слѣпого орудія частной мести, обвиняемый приводится со связанными руками и ногами только затѣмъ, чтобы судъ, повинуясь мстительному указанію частнаго лица, произвелъ надъ нимъ экзекуцію. Вполнѣ понятно, поэтому, то внутреннее противодѣйствіе, почти что отвращеніе, которое судъ, живой органъ права, обнаруживаетъ къ примѣненію закона о диффамаціи; вотъ почему рѣдко пускаются въ ходъ, по отношенію къ обвиняемымъ въ диффамаціи, тѣ острые «скорпіоны», которые предоставлены закономъ въ распоряженіе обвинителя».

Судъ и на этотъ разъ назначилъ г. Туманову не высшее наказаніе. Но какъ-бы то ни было, наказаніе это весьма значительно, особенно если принять во вниманіе, что оно положено за совершенно правдивое сообщеніе, сдѣланное съ самыми чистыми намѣреніями... Неудивительно, что большинство провинціальныхъ газетъ, вмѣсто того, чтобы разоблачать жизненныя язвы и «будить общественное мнѣніе»—по двѣ недѣли сряду лепечутъ какой-то вздоръ о праздничныхъ визитахъ и пасхальныхъ яйцахъ.

Digitized by Google

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Новая женщина и ея отношеніе къ браку.

I.

Общее женское недовольство и порожденные имъ новые женскіе типы отозвались самымъ существеннымъ образомъ и въ нашей литературѣ. Публицистика вопроса разрослась до огромныхъ размѣровъ—не только нѣтъ ни одной книжки ежемѣсячныхъ журналовъ безъ одной или нѣсколькихъ статей о немъ, но и не проходитъ недѣли, чтобы не вышло нѣсколькихъ трактатовъ, а то и цѣлыхъ объемистыхъ книгъ, посвященныхъ той или другой сторонѣ женскаго вопроса. О газетахъ ужъ и говорить нечего. Есть и нѣсколько спеціальныхъ періодическихъ изданій—число ихъ увеличивается постоянно, и нѣкоторыя изъ нихъ пользуются значительнымъ успѣхомъ. Новое теченіе откликнулось и въ современной беллетристикѣ. Изъ пользующихся у насъ извѣстностью беллетристовъ почти всѣ уже попытались оформить эти новые типы,—но ни одинъ еще не далъ ничего положительнаго, никакого хоть сколько-нибудь опредѣленнаго идеала; если нѣкоторые изъ нихъ и отнеслись къ новымъ типамъ съ извѣстной долей симпатіи, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ указаны ими только слабыя, не желательныя стороны движенія, и героини новаго типа все еще обыкновенно кончаютъ у нихъ или полнымъ фіаско, или зауряднымъ замужествомъ. Самыми талантливыми попытками,—притомъ, очень симпатичными, и, до извѣстной степени, симпатизирующими новой женщинѣ, я считаю разсказъ Ричарда Хардинга Дэвиса «Eleonor Schyler», и, въ особенности романъ миссисъ Бюртонъ Харрисонъ «A Bachelor Maid», въ буквальномъ переводѣ—«Холостякъ-дѣва». Героиня Дэвиса, молодая, очень привлекательная дѣвушка изъ свѣтскаго общества города Нью-Іорка, обуреваемая современнымъ женскимъ недовольствомъ и сомнѣніями, отказывается отъ любимаго ею человѣка, чтобы посвятить себя служенію страждущему человѣчеству въ slums, т. е. бѣдныхъ кварталахъ этого современнаго Вавилона. Нравственный образъ

Digitized by Google

этой дѣвушки очерченъ весьма ярко, съ большимъ художественнымъ талантомъ,—но умственный далеко неудовлетворителенъ, натянутъ до извѣстной степени и совсѣмъ не выясненъ. Авторъ заставляетъ читателя думать, что его героиня дѣйствуетъ больше сердцемъ, чѣмъ головой, и потому, очевидно, не вполнѣ и самъ освоился съ дѣйствительными мотивами современнаго женскаго движенія, которое, въ главныхъ своихъ чертахъ, конечно,—продуктъ головы, а не сердца. Именно это головное эмансипаторское настроеніе и заставляетъ новую женщину прежде всего и выше всего ставить именно свою судьбу, свою жизнь, свои стремленія. не личныя, конечно, а общія всему женскому полу. Дэвисъ оставилъ эту черту «новой женщины» почти совершенно въ сторонѣ, а потому его героиня и не вполнѣ удалась ему. Романъ миссисъ Харрисонъ, напротивъ, весь построенъ именно на этой чертѣ, она выводитъ не одну, а нѣсколькихъ дѣвушекъ и женщинъ того-же новаго типа, оттѣняющихъ и дополняющихъ головную героиню. Миссисъ Харрисонъ очень талантливая писательница, чутко отзывающаяся на всякое новое современное движеніе, обладающая большой наблюдательностью и умѣющая точно и ясно воспроизводить ихъ въ своихъ романахъ; она очень плодовита, написала въ теченіи послѣдняго десятилѣтія нѣсколько большихъ романовъ, играетъ одну изъ самыхъ выдающихся ролей въ современной американской беллетристикѣ. Ея романъ произвелъ большое впечатлѣніе, а потому я передамъ вкратцѣ его содержаніе и остановлюсь на немъ болѣе или менѣе подробно.

Романъ «A Bachelor Maid» начинается тѣмъ, что Маріонъ Ирвингъ, двадцатипятилѣтняя, чрезвычайно привлекательная дѣвушка, дочь уважаемаго, богатаго нью-іоркскаго судьи, оставшаяся ребенкомъ на его рукахъ послѣ смерти рано умершей матери, отказываетъ своему жениху и другу дѣтства, дѣловому партнеру и любимцу ея отца, выдающемуся адвокату Гордону. Она его любитъ, но не можетъ рѣшиться разстаться съ своей «независимостью». Маріонъ получила образованіе въ одномъ изъ высшихъ женскихъ коллэджей Востока, и, рѣшивъ не выходить замужъ, выписываетъ къ себѣ въ гости свою бывшую учительницу, въ данное время занимающуюся публичными лекціями и пропагандой «женскихъ правъ». Эта особа оказывается хитрой, пронырливой авантюристкой; всячески подкрѣпляя Маріонъ въ ея сомнѣніяхъ, она въ то-же время закидываетъ сѣти и на ея бывшаго жениха, и на отца, тщеславнаго эгоиста, совсѣмъ не понимающаго дочери. Въ тотъ моментъ, когда Гордонъ, подозрѣвающій корыстные замыслы гостьи своей бывшей невѣсты, уже готовъ сорвать съ нея маску, она увлекаетъ судью и тотъ женится на ней потихоньку и отъ свѣта, и отъ дочери. Уязвленная, оскорбленная, ошеломленная неожиданностью, Маріонъ посылаетъ за Гордономъ, тотъ является въ сопровожденіи своей тетки, старой дѣвы, посвятившей себя благотворительности; она чрезвычайно симпатично очерчена авторомъ, какъ-бы въ противовѣсъ «новой женщинѣ». Гордонъ, страстно любящій

Digitized by Google

свою бывшую невѣсту, тѣмъ не менѣе оказывается безсильнымъ перемѣнить ея рѣшимость, даже несмотря на всю тяжесть постигшаго ее удара, и, главное, горечь разочарованія въ одной изъ выдающихся проповѣдницъ новаго умственнаго теченія. На сцену появляется миссисъ Ромэнъ, замужняя женщина, когда-то страстно любившая своего мужа, но, подъ гнетомъ жизненныхъ условій, нравственно совершенно съ нимъ разошедшаяся и наполняющая пустоту своей жизни платоническимъ увлеченіемъ соціализмомъ и тѣмъ-же женскимъ вопросомъ. Она устраиваетъ Маріонъ съ миссъ Коксъ, молодой дѣвушкой, тоже отказавшей своему жениху по тѣмъ-же соображеніямъ; и вотъ рѣшившаяся на безбрачіе пара поселяется вмѣстѣ на «холостой» квартирѣ и начинаетъ независимую жизнь для пропаганды «женскихъ правъ». У Маріонъ есть свои собственныя средства, независимое состояніе, оставленное ей матерью, у миссъ Коксъ тоже, родные оставили ихъ совершенно въ покоѣ, предоставили ихъ самимъ себѣ, онѣ обѣ ведутъ именно ту жизнь, которая имъ казалась идеальной, тѣмъ не менѣе недовольство ихъ не оставляетъ,—чего-то не хватаетъ, чего-то существеннаго нѣтъ. Молодой русскій аристократъ-путешественникъ увлекается чрезвычайно привлекательной личностью Маріонъ, осторожно ведетъ на нее осаду, и, пользуясь ея настроеніемъ и рисуя ей ту массу добра, которую она могла-бы принести народу въ его русскихъ имѣніяхъ, почти вырываетъ у ней согласіе выйти за него замужъ. Но въ самую рѣшительную минуту мачиха бросаетъ ея отца, который приходитъ къ дочери измученный, усталый, въ конецъ разбитый своей эксцентричной выходкой, а миссъ Коксъ, возившаяся съ однимъ бѣднымъ семействомъ, вдругъ постигаетъ всѣ сладости любви и материнства, посылаетъ за своимъ бывшимъ женихомъ и за Гордономъ, и устраивается всеобщее примиреніе и двѣ свадьбы. Кстати и миссисъ Ромэнъ, мужъ которой между тѣмъ разоряется, спасаетъ его отъ самоубійства и въ самоотверженной супружеской любви, послѣ многолѣтняго отчужденія, находитъ именно то, что было ей необходимо для пополненія чувствовавшейся ею пустоты жизни. Въ концѣ концовъ всѣ довольны и счастливы, заботы о женскихъ правахъ брошены, и только покинувшая мужа мачиха-авантюристка вноситъ извѣстный диссонансъ въ общее благополучіе, объявивъ во всѣхъ газетахъ рядъ публичныхъ лекцій по женскому вопросу во всѣхъ большихъ городахъ при участіи миссисъ Ирвингъ, «супруги извѣстнаго судьи города Нью-Іорка», да молодой русскій, оставшійся не при чемъ, стращаетъ публику имѣющей появиться книгой съ полнымъ разоблаченіемъ новой американской дамской ереси. Словомъ, традиціи торжествуютъ, и новшество посрамлено.

Чрезвычайно богатый характеристичными, художественными деталями и мѣткими, блестящими частными опредѣленіями, романъ миссисъ Харрисонъ, тѣмъ не менѣе, совсѣмъ не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію вещей. Она и начинаетъ, и ведетъ, и заканчиваетъ его, твердо на-

Digitized by Google

мятуя общепринятую въ Америкѣ мораль, и хотя и невольно, иногда очень ярко затрогиваетъ многія существенныя ея несообразности, однако не рѣшается даже намекнуть на то, что новое движеніе способно устранить ихъ, и очевидно думаетъ, что выходъ заключается всетаки въ концѣ концовъ въ замужествѣ и материнствѣ. Мало того, она пытается объяснить это движеніе исключительными случаями, не хочетъ придавать ему общаго значенія, и, невольно симпатизируя чистымъ стремленіямъ своихъ собственныхъ героинь, говоритъ читателю, что, какъ только неблагопріятныя обстоятельства были устранены, такъ онѣ немедленно отреклись отъ своей пропаганды и обратились на путь истинный. И миссисъ Харрисонъ съ своимъ романомъ въ этомъ случаѣ далеко не одна. Другой выдающійся американскій беллетристъ, писатель очень серьезный и добросовѣстный, Робертъ Грантъ, въ своихъ «Разсужденіяхъ философа», описывая мирную жизнь буржуазной семьи и выводя молодую дѣвушку новаго типа, вдругъ совершенно, казалось-бы, нелогично ударившуюся въ современныя странности, объясняетъ это тоже вліяніемъ бездомной авантюристки, избравшей «новыя идеи» средствомъ къ существованію. Онъ не утрируетъ, не дѣлаетъ изъ своей «совратительницы» Іуды предателя, напротивъ — относится къ ней съ спокойствіемъ философа и признаетъ ее, какъ неотразимый фактъ, какъ силу, которая невольно обращаетъ на себя вниманіе. Однако читатель остается не только неудовлетвореннымъ, но и пуще прежняго сбитъ съ толку, и чувствуетъ, что трудная проблема несомнѣнно существуетъ и стоитъ на очереди, но не только не рѣшена, а еще больше запутана.

Миссисъ Харрисонъ, подобно многимъ другимъ романистамъ, заставляетъ придти къ тому заключенію, что любовь и материнство настолько существеннѣе и важнѣе всего остального, вмѣстѣ взятаго, что безъ нихъ женская жизнь, несмотря ни на что, будетъ пуста и несовершенна, что замужество все-таки лучшій и наиболѣе разумный выходъ. Едва-ли нужно было доказывать первую часть этого положенія: и сама «новая женщина» никогда не отрицала первостепеннаго значенія любви и материнства въ женской жизни, никогда не пыталась утверждать, что ея цѣль—безбрачіе; наоборотъ, она всегда сознавала всю тяжесть вынужденнаго безбрачія, и борется не за него, конечно, а за устраненіе всего того, что заставляетъ ее прибѣгать къ нему вслѣдствіе современнаго устройства семьи и отношеній между полами. Если она отказывается отъ замужества, то, конечно, не потому, что желаетъ добровольно отречься отъ любви и материнства, а только потому, что находитъ налагаемыя на нее за право ими воспользоваться цѣпи слишкомъ невыносимыми. Ей кажется, что предоставляемое ей право любить и быть матерью сопряжено съ абсолютнымъ обезличеніемъ. Вопросъ, конечно, не въ томъ, нужны-ли и дороги-ли ей любовь и материнство, а въ томъ, имѣетъ-ли она на нихъ право безъ уничтоженія своей личности бракомъ. Новая женщина думаетъ, что современныя требованія отъ жены и матери та-

Digitized by Google

ковы, что такое право у ней отнято, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, встрѣчающихся все чаще и чаще случаяхъ.

Что отдѣльныя, детальныя исправленія тѣхъ или другихъ несообразностей и несправедливостей относительно современной женской участи не достигаютъ главной цѣли—едва-ли станетъ спорить съ миссисъ Харрисонъ и сама новая женщина. Равноправность имущественная, напримѣръ, практикуется уже многими штатами, кажется даже большинствомъ, безусловное право голоса во всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ, право выбираться и выбирать куда-бы то ни было даровано женщинѣ штатами Вайомингъ и Колорадо, и стоитъ на очереди въ нѣсколькихъ другихъ, право принимать прямое участіе во всѣхъ общественныхъ мѣстныхъ дѣлахъ—многими другими, а въ дѣлѣ народнаго образованія — почти всѣми. Не мало есть женщинъ адвокатовъ, архитекторовъ, священниковъ; я не говорю ужъ о женщинахъ-докторахъ, учителяхъ (по послѣднему цензу 1890 года женщины занимаютъ около 90% всѣхъ учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ Америки), бухгалтерахъ, клеркахъ, стенографисткахъ, телеграфисткахъ и т. д. Если женщина и вынуждена еще вести борьбу по всѣмъ этимъ частнымъ вопросамъ, то это ужъ только борьба мѣстная, приноровленіе установившихся формъ жизни къ новымъ и соотвѣтственное ихъ измѣненіе; принципіальная борьба уже въ сущности ею выиграна, и остается только проведеніе результатовъ этой побѣды въ дѣйствительную жизнь—вопросъ времени въ особенно консервативныхъ, неподатливыхъ мѣстностяхъ. Но сами новыя женщины отлично знаютъ, что даже достигни женщина полнаго легальнаго равенства во всѣхъ этихъ отношеніяхъ повсюду и заразъ, это тѣмъ не менѣе совсѣмъ не устранитъ главнаго пункта ея недовольства, того именно, что составляетъ всю сущность ея стремленій—достиженія равенства въ семьѣ, въ домашней жизни, въ вопросѣ о дѣтяхъ и всемъ, съ нимъ связанномъ и изъ него вытекающемъ. Абсолютное, коренное исправленіе всѣхъ другихъ частныхъ несправедливостей, въ родѣ отказа въ равенствѣ образованія или въ правѣ голоса, хотя и имѣютъ прямое огромное значеніе въ извѣстныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ женщинъ, все-таки ничто въ сравненіи съ сущностью общаго женскаго недовольства, вытекающей именно изъ вышеизложеннаго главнаго пункта. И этого-то именно пункта и не исправить законодательствомъ; только постепенная эволюція нравовъ, способовъ мышленія, всѣхъ жизненныхъ условій всей націи можетъ выработать такое переустройство общества, которое сдѣлало-бы возможнымъ уравненіе обязанностей мужчины и женщины въ дѣлѣ семьи, въ вопросѣ о дѣтяхъ, при ихъ естественныхъ физическихъ и физіологическихъ различіяхъ.

Женскій вопросъ въ Америкѣ обострился и началъ назойливо, ежедневно напоминать о своей неотложности только за самое послѣднее время, въ теченіе послѣднихъ трехъ-пяти лѣтъ, хотя онъ, конечно, зародился и оформился гораздо раньше. Его самые выдающіеся апостолы

Digitized by Google

между женщинами—дряхлыя старухи, посвятившія ему всю свою жизнь, въ родѣ миссисъ Стантонъ, миссъ Антони и миссъ Шау. Ихъ неукротимой энергіи и долгимъ годамъ борьбы за равноправность «новая женщина» обязана тѣмъ, что общественное мнѣніе было, наконецъ вынуждено обратить на нее должное вниманіе. Первыя серьезныя послѣдствія агитаціи—уменьшеніе отношенія числа браковъ и увеличеніе числа разводовъ къ общему числу населенія были замѣчены еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Общественное мнѣніе того времени, замѣтивъ это угрожающее явленіе и приписывая его, между прочимъ, разнообразію и распущенности законовъ по вопросамъ о бракѣ и разводѣ въ разныхъ штатахъ, особенно на западѣ, проявило свои, возникшія по этому поводу опасенія цѣлымъ рядомъ петицій въ конгрессъ и организаціей «противу-разводныхъ» обществъ, съ теченіемъ времени—въ январѣ 1885 года—сплотившихся въ одну общую національную лигу (National Divorce Reform League). Въ теченіе одного 1884 года въ конгрессъ были внесены петиціи отъ семи, преимущественно восточныхъ, штатовъ, подписанныхъ самыми ихъ выдающимися людьми на всѣхъ поприщахъ жизни—губернаторами, судьями, президентами и профессорами ученыхъ учрежденій и университетовъ; петиціи эти были подкрѣплены многочисленными меморіалами отъ различныхъ религіозныхъ собраній и конференцій, и единодушно требовали серьезнаго изученія вопроса посредствомъ органовъ федеральнаго правительства. Конгрессъ союза—законодательная его власть—всегда отличался крайнимъ консерватизмомъ, традиціонной осторожностью и разсудительностью. Прошло три года, прежде чѣмъ онъ, наконецъ, рѣшился приступить къ дѣлу, три года, въ теченіе которыхъ петиціи и меморіалы на ту-же тему дѣлались все настоятельнѣе. Только въ мартѣ 1887 года прошелъ наконецъ законъ, уполномочившій департаментъ труда (Department of Labor), самостоятельное, независимое отъ министерствъ статистическое учрежденіе, заняться немедленно изысканіемъ по вопросамъ о бракѣ и разводѣ, и результатъ этого изысканія, заключающій въ себѣ возможно полную статистику обоихъ вопросовъ за двадцатилѣтіе 1867—1886 гг.—огромный томъ in quarto въ 1,074 страницы, подъ общимъ заглавіемъ «Бракъ и разводъ», былъ доложенъ конгрессу въ 1889 году.

Мнѣ сдается, что и сами петиціонеры, и конгрессъ во всемъ этомъ дѣлѣ не были вполнѣ искренни и что объ одномъ изъ самыхъ главныхъ, если не самомъ существенномъ,—основаній къ изысканію относительно уменьшенія числа браковъ и увеличенія числа разводовъ—во всемъ производствѣ умышленно не было даже упомянуто. Само собой разумѣется, что это только мое личное мнѣніе, можетъ быть—ошибочное, основанное отчасти на тонѣ петицій и постановленій конгресса, отчасти на изученіи преній и обычномъ ханжествѣ американскихъ офиціальныхъ документовъ по всѣмъ подобнымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе, если мои подозрѣнія и справедливы, въ данномъ случаѣ эта неискренность не

Digitized by Google

испортила самаго дѣла, такъ какъ департаментъ труда, составляя программу заданной ему работы, невольно расширилъ первоначальныя границы, и, въ концѣ концовъ, доказалъ совсѣмъ не то, къ чему стремились петиціонеры и самъ конгрессъ, то есть, несовершенство существующихъ законодательствъ о разводѣ, а то, наоборотъ, что число браковъ и разводовъ вовсе не зависитъ отъ этихъ законодательствъ, но отъ какихъ-то другихъ неизвѣстныхъ причинъ, оставшихся совершенно невыясненными. Докладъ этотъ настолько поучителенъ во многихъ отношеніяхъ, что, хотя онъ уже и устарѣлъ до извѣстной степени (его цифры и выводы совсѣмъ не касаются послѣдняго десятилѣтія) и далеко не представляетъ собою положенія дѣла въ настоящій моментъ, я все-таки, прежде чѣмъ перейду къ тѣмъ отрывочнымъ новѣйшимъ офиціальнымъ даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать, остановлюсь на немъ болѣе или менѣе подробно, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ собою единственное законченное изслѣдованіе по этимъ вопросамъ за послужившій какъ-бы подготовительнымъ періодомъ къ настоящему положенію, сравнительно длинный промежутокъ времени.

Карроль Райтъ (Carroll D. Wright), начальникъ федеральнаго департамента труда съ самаго его основанія и главный редакторъ доклада о бракѣ и разводѣ [1]), справедливо считается у насъ опытнымъ, энергичнымъ, чрезвычайно добросовѣстнымъ статистикомъ и безспорнымъ ученымъ авторитетомъ по всѣмъ вопросамъ соціальной статистики. Въ такой странѣ, какъ Сѣверо-Американскій Союзъ, гдѣ политическія страсти часто разыгрываются до точки кипѣнія и гдѣ безмолвно признается принципъ, что «въ политикѣ все дозволительно», строго-безпристрастное отношеніе и вѣрное освѣщеніе этихъ вопросовъ являются особенно важными, такъ какъ нерѣдко только авторитетный голосъ науки и оказывается въ состояніи сдержать въ извѣстныхъ границахъ себялюбивыя увлеченія безпринципныхъ политикановъ. Райтъ уже не разъ оказалъ всей странѣ огромныя услуги именно въ этомъ отношеніи, несмотря на иногда грозившія ему серьезныя личныя опасности. Одной изъ такихъ услугъ было именно то безстрастіе, съ которымъ онъ поставилъ вопросъ о бракѣ и разводѣ въ этомъ докладѣ; несмотря на страшное давленіе всѣхъ ультраконсервативныхъ элементовъ, и, въ особенности, всего духовенства страны, желавшихъ получить оружіе для вмѣшательства въ законодательства отдѣльныхъ Штатовъ, и надѣявшихся, что этотъ докладъ именно и дастъ имъ такое оружіе, онъ съ неумолимой логикой лишилъ ихъ и тѣхъ фиктивныхъ основаній къ такому вмѣшательству, которыми они пользовались до появленія этого доклада. Докладъ этотъ заставилъ всѣхъ мыслящихъ людей обратиться къ изученію современнаго ненормальнаго поло-

[1]) A Report on Marriage and divorce in the United States, 1867 to 1886; including an appendix relating to marriage and divorce in certain Countries in Europe, by Carroll D. Wright, commissioner of labor. Washington, D. C. 1889. Revised edition, 1896.

Digitized by Google

женія женщины, хотя и не указалъ на него прямо, будучи до извѣстной степени стѣсненъ предѣлами, поставленными ему ханжествомъ и предвзятыми взглядами.

Я, къ сожалѣнію, недостаточно знакомъ съ научнымъ положеніемъ въ Европѣ вопросовъ о бракѣ и разводѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи только нѣкоторыя, уже значительно устарѣвшія работы Кетле, офиціальное изслѣдованіе итальянца Бодіо [1]) и капитальный трудъ француза Бертильона [2]), чтобы сравнить съ чѣмъ нибудь замѣчательно обстоятельный трудъ Райта. Насколько я могу судить, онъ единственный въ своемъ родѣ; и та официальная спеціальная цѣль, съ которой онъ былъ предпринятъ, и тѣ недопускающіе невѣжественныхъ ошибокъ методы изслѣдованія (особые агенты департамента перерыли лично всѣ судебные архивы) особенно по вопросу о разводѣ, и та осторожность и ясность обработки добытыхъ данныхъ—все это вмѣстѣ взятое дѣлаютъ его особенно цѣннымъ и заслуживающимъ всякаго довѣрія трудомъ. Въ особомъ приложеніи онъ даетъ какъ существующія законодательства, такъ и офиціальныя статистическія данныя о разводѣ въ Австріи, Венгріи, Бельгіи, Канадѣ, Даніи, Франціи, Великобританіи, Германіи, Италіи, Россіи, Швейцаріи, Скандинавскихъ и нѣкоторыхъ при-Дунайскихъ государствахъ—все это, конечно, въ довольно сжатомъ видѣ, но достаточно подробно для того, чтобы особенно оттѣнить какъ ненормальное развитіе, въ соотвѣтственные періоды, разводовъ по сю сторону Атлантическаго океана, такъ и сравнительную независимость ихъ числа отъ законодательства въ Европѣ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что сравнительный методъ, обыкновенно такъ сильно дѣйствующій на общественное мнѣніе, на распространеніе и укорененіе извѣстныхъ понятій въ массахъ, особенно удобенъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, такъ-какъ всѣ 50 составляющихъ Союзъ политическихъ единицъ совершенно самостоятельны, и, при одинаковости методовъ изслѣдованія, даютъ превосходный безспорный матеріалъ для сравненій и выводовъ. Два смежные штата, населенные совершенно однороднымъ населеніемъ, совершенно одинаковые по своимъ политическимъ, экономическимъ и всякимъ другимъ жизненнымъ условіямъ, и обладающіе существенно различными законодательствами именно по вопросамъ о бракѣ и разводѣ, конечно, даютъ лучшій и болѣе надежный матеріалъ для сравненія, чѣмъ два различныхъ государства, въ которыхъ національныя, религіозныя, политическія и всякія другія условія могутъ настолько существенно влiять на вопросы о бракѣ и разводѣ, что дѣйствительныя вліянія на нихъ законодательствъ этихъ странъ могутъ быть затемнены и истолкованы

[1]) Luigi Bodio. Separazioni personali di conjugi e i divorzi in Italia e in alcuni altri paesi. 1882.

[2]) Jacques Bertillon, D. M. P. Etude démographique du divorce et de la separation de corps, dans les différents pays de l'Europe, 1883.

настолько невѣрно, что сравнительный методъ утрачиваетъ всякую цѣну. Въ своемъ трудѣ Райтъ постоянно къ нему прибѣгаетъ, и самые наглядные, самые существенные выводы достигнуты именно сравненіемъ отвлеченныхъ отношеній одинаковыхъ данныхъ въ различныхъ штатахъ и районахъ.

Первая глава доклада занята изложеніемъ дѣйствующихъ законодательствъ по вопросу о бракѣ во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ союза. Законы эти довольно разнообразны. Различно даже самое опредѣленіе существа брака въ тѣхъ законодательствахъ, которыя пытаются дать такое опредѣленіе (23 изъ 50). Четыре штата опредѣляютъ его просто гражданскимъ договоромъ; два прибавляютъ къ этому опредѣленію необходимость добровольнаго согласія обѣихъ сторонъ; двѣнадцать, кромѣ того,—обладанія правомъ на заключеніе такого договора по закону; три опредѣляютъ бракъ просто личными отношеніями, возникающими вслѣдствіе гражданскаго договора, и только два, Джорджіа и Луизіана, подъ вліяніемъ кодекса Наполеона I, приняли очень пространное опредѣленіе, съ значительнымъ числомъ неизбѣжныхъ для узаконенія брака, требованій. Четыре штата прямо поощряютъ бракъ, воспрещая всякое ему противодѣйствіе; почти всѣ остальные поощряютъ его косвенно, или въ формѣ узаконенія безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей прижитыхъ брачущимися до брака дѣтей, или прекращеніемъ возбужденныхъ уже дѣлъ за обольщеніе. Въ шестнадцати штатахъ для законности брака не установлено возраста—въ остальныхъ онъ установленъ не ниже 14 до 18 лѣтъ для мужчинъ и не ниже 12 до 16 лѣтъ для женщины. Всѣ штаты требуютъ согласія родителей на бракъ несовершеннолѣтнихъ—отъ 18 до 21 для мужчинъ и отъ 16 до 21 для женщины. Всѣ штаты воспрещаютъ браки въ извѣстныхъ степеняхъ родства, между сумасшедшими, идіотами; большинство—между бѣлыми и цвѣтными. Сорокъ штатовъ для законности брака требуютъ выправки отъ извѣстныхъ властей, обыкновенно отъ секретаря окружного суда графства, особаго свидѣтельства, называемаго license, за которое установлена плата отъ пятидесяти центовъ до трехъ долларовъ. Всѣ штаты, кромѣ Пенсильваніи и Южной Каролины, перечисляютъ тѣхъ лицъ, которыя уполномочиваются закономъ заключать браки, предоставляя это право всѣмъ священникамъ всѣхъ сектъ и почти всѣмъ судебнымъ и административнымъ чинамъ. Только нѣкоторые штаты устанавливаютъ форму брака, требуя отъ брачущихся публичнаго признанія согласія вступить въ бракъ. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти прямыя требованія, законы почти всѣхъ штатовъ упоминаютъ, что ихъ несоблюденіе не уничтожаетъ законности брака; напротивъ, нѣкоторые, какъ напр. Нью-Гемпшайръ прямо говорятъ, что публичное совмѣстное сожительство, и безъ всякихъ предварительныхъ формальностей, достаточно для признанія брака законнымъ. Вообще преобладаетъ тотъ принципъ, что сущность дѣла важнѣе формы, и законодательства всѣхъ штатовъ мало-по-малу освобождаются отъ законовъ, когда-то установившихъ раз-

Digitized by Google

личныя формы для узаконенія брака. Законы эти постепенно или упрощаются или уничтожаются совсѣмъ, предоставляя всѣ эти вопросы усмотрѣнію самихъ брачущихся. Законъ все больше и больше, все быстрѣе и быстрѣе отстраняется отъ какого-бы то ни было контроля въ этомъ направленіи, и нѣкоторые, правда еще немногіе штаты, въ дѣйствительности уже не имѣютъ никакихъ законовъ по этому предмету. Въ нихъ вопросъ о бракѣ поддерживается исключительно традиціями и обычаями. Нужны исключительныя обстоятельства, чтобъ законъ могъ вмѣшаться въ дѣло и чтобъ возможно было судебное рѣшеніе, на немъ основанное.

Вторая глава доклада посвящена законодательству о разводѣ. Американское законодательство допускаетъ два рода развода: абсолютный (a vinculo matrimonii) и ограниченный (a mensa et thoro) въ 20 штатахъ, при чемъ три допускаютъ его только въ пользу жены. Достигается разводъ тремя способами: 1) безъ всякаго процесса—въ случаѣ осужденія одного изъ супруговъ на пожизненное заключеніе или безвѣстнаго отсутствія въ теченіе извѣстнаго срока—въ восьми штатахъ; 2) посредствомъ спеціальнаго законодательнаго акта легислатуры для каждаго отдѣльнаго случая, и 3) судебнымъ порядкомъ. Первый способъ собственно не разводъ, а уничтоженіе брака вслѣдствіе постороннихъ ему причинъ, и только немногіе штаты допускаютъ его какъ нѣчто само собой подразумѣвающееся и безъ особаго судебнаго постановленія. Второй способъ запрещенъ особымъ актомъ конгресса отъ 30 іюля 1886 года въ территоріяхъ, и конституціями всѣхъ штатовъ, кромѣ десяти. Разводы, даруемые легислатурами, вообще очень рѣдкое, исключительное явленіе, за послѣднее время практикуются очень мало, и ихъ нечего принимать въ соображеніе. Судебные разводы допускаются всѣми штатами и территоріями, исключая Южной Каролины, въ которой до 1872 года разводъ совсѣмъ не допускался; въ этомъ году былъ принятъ законъ, допускавшій судебный разводъ за прелюбодѣяніе и умышленное оставленіе, но въ 1878 г. законъ этотъ былъ отмѣненъ, и съ тѣхъ поръ разводъ опять совсѣмъ не допускается, ни при какихъ обстоятельствахъ.

Американскія законодательства допускаютъ 42 причины для абсолютнаго и 32 для ограниченнаго развода. Главныя изъ нихъ: 1) прелюбодѣяніе—во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ; 2) умышленное оставленіе—во всѣхъ, кромѣ двухъ; 3) жестокое обращеніе—во всѣхъ, кромѣ шести; 4) осужденіе по суду въ felony, и тюремное заключеніе—во всѣхъ, кромѣ восьми; 5) пьянство—во всѣхъ, кромѣ девяти; 6) физическая неспособность—во всѣхъ, кромѣ одиннадцати; 7) отказъ мужа содержать жену—во всѣхъ, кромѣ 21. Помимо этихъ главныхъ, болѣе или менѣе общихъ причинъ, каждый штатъ имѣетъ еще и особыя, отъ пяти въ штатѣ Нью-Джерсэй, до пятнадцати въ штатѣ Кентуки. Штатъ Тенесси даруетъ женѣ разводъ, если мужъ приказалъ ей уйти изъ его дома, мужу—если жена отказалась переселиться съ нимъ въ предѣлы этого штата. Штаты

Digitized by Google

Кентуки и Висконсинъ считаютъ достаточной причиной для развода добровольное разлученіе (voluntary separation).

Всѣ штаты предоставляютъ женѣ и дѣтямъ право на полученіе содержанія отъ мужа во время производства дѣла о разводѣ, восемь—предоставляютъ такое-же право и мужу. Всѣ штаты, кромѣ трехъ, признаютъ законными разводы, дарованные ихъ жителямъ другими штатами. Въ восемнадцати штатахъ судамъ даровано право перемѣнить фамилію жены: въ пяти это право предоставлено имъ даже, если развода искалъ мужъ. Въ двухъ судъ можетъ перемѣнить фамиліи обѣихъ сторонъ; въ одномъ—фамилію малолѣтнихъ дѣтей по желанію сторонъ.

Глава третья посвящена «движенію развода», т. е. анализу статистическихъ таблицъ, ее сопровождающихъ и составляющихъ четыре пятыхъ всего доклада. Въ ней-же дано сравненіе движенія браковъ и разводовъ. Къ сожалѣнію, тогда какъ данныя о разводахъ безусловно достовѣрны и полны (за исключеніемъ немногихъ графствъ, около 2%, въ которыхъ судебные архивы за изслѣдованное двадцатилѣтіе были или отчасти, или совсѣмъ истреблены пожарами) данныя о бракахъ только отрывочны и далеко не вполнѣ достовѣрны. Впрочемъ, и полныя, и неполныя данныя даютъ одинъ и тотъ-же результатъ—значительное пониженіе числа браковъ на одинъ разводъ, т. е. увеличеніе числа разводовъ.

Безусловное число разводовъ во всемъ Союзѣ увеличилось съ 9,937 въ 1867 г. до 25,535 въ 1886, давая огромную цифру въ 328,716 разводовъ за весь періодъ. Число ихъ увеличилось безусловно во всѣхъ штатахъ, исключая четырехъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ, гдѣ населеніе или увеличилось очень немного, или даже уменьшилось. Объясняется это тѣмъ, что въ этихъ старыхъ штатахъ значительный процентъ мужской молодежи выселяется на западъ до достиженія обычнаго брачнаго возраста. Хотя число разводовъ безусловно увеличилось на 157%, населеніе Союза за этотъ періодъ увеличилось только на 60%, слѣдовательно, разводы растутъ слишкомъ въ 2½ раза больше населенія.

Переходя затѣмъ къ числу разводовъ въ сравненіи съ числомъ живущихъ вмѣстѣ паръ, находимъ, что тогда какъ въ 1870 г. приходилось во всемъ Союзѣ 664 пары на одинъ разводъ, въ 1880 г. ихъ уже было только 481, при чемъ опять-таки въ штатахъ запада число это было гораздо ниже средняго, въ Колорадо 136 паръ на одинъ разводъ, въ Невадѣ 170, въ Вайомингѣ—173, въ Орегонѣ 176, тогда какъ въ Сѣверной Каролинѣ 3,149, а въ Делаварѣ 5,542.

Установивъ безспорные тезисы относительно всѣхъ этихъ данныхъ, докладъ переходитъ къ самой существенной своей части—къ разсмотрѣнію того вопроса, можно-ли отнести измѣненія въ этихъ данныхъ въ теченіе двадцатилѣтняго періода къ измѣненіямъ въ законодательствахъ различныхъ штатовъ и, такъ сказать, установить связь увеличенія или уменьшенія числа разводовъ съ расширеніемъ или суженіемъ

Digitized by Google

касающихся до нихъ законовъ въ различныхъ штатахъ. Оказывается, что только въ пяти случаяхъ изъ пятидесяти можно найти нѣкоторое соотношеніе, и то очень отдаленное, которое могло зависѣть и отъ другихъ причинъ, и, въ дѣйствительности, было только случайнымъ совпаденіемъ. Что это послѣднее предположеніе наиболѣе вѣроятно, ясно слѣдуетъ изъ того, что, во многихъ случаяхъ, самыя существенныя измѣненія, которыя, казалось, неизбѣжно должны-бы были вліять на число разводовъ, если законодательство вообще способно на такое вліяніе, очевидно не произвели ни малѣйшаго измѣненія въ общей тенденціи къ увеличенію, а въ трехъ штатахъ, которые даютъ чрезвычайно послѣдовательное, ровное возвышеніе числа разводовъ за весь періодъ, въ теченіе его всего не было положительно никакихъ измѣненій во всемъ касавшемся до развода законодательствѣ этихъ штатовъ. Въ то-же время въ другихъ, смежныхъ съ ними штатахъ, въ которыхъ тоже не было никакихъ измѣненій въ законодательствѣ, произошли значительные пертурбаціи въ числѣ разводовъ въ ту или другую сторону; въ третьихъ, несмотря на значительное расширеніе и упрощеніе законодательствъ, число разводовъ возрастало или съ меньшей, или съ одинаковой силой; наконецъ, въ четвертыхъ, несмотря на введеніе въ ихъ законодательство серьезныхъ препонъ къ разводу, число ихъ увеличилось съ большой силой.

Докладъ Райта даетъ тотъ неизбѣжный выводъ, что серьезно угрожающее основаніямъ современнаго устройства человѣческаго общества увеличеніе числа разводовъ является результатомъ не послабленій законодательства, а другихъ причинъ, и что страна, прибѣгающая къ сокращенію и суженію судебныхъ способовъ къ разводу, совсѣмъ не достигаетъ цѣли, и лѣчитъ ноги, когда у ней болитъ голова.

Что женскій вопросъ, а не законодательство, лежитъ въ основаніи увеличенія числа разводовъ, лучше всего доказывается тѣмъ, что увеличеніе это гораздо сильнѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ. Въ таблицѣ по этому поводу приведены данныя относительно 30 большихъ городовъ, сравнительно съ ихъ штатами. Жизнь замужней женщины въ городѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ деревнѣ; требованій отъ нея больше, а потому она и чаще вынуждена прибѣгать къ разводу.

Глава четвертая доклада трактуетъ о «причинахъ къ разводу». Прежде всего оказывается, что 65,8% всего числа разводовъ были дарованы судами по искамъ женъ, и только 34,2% по искамъ мужей. Только около 15% всѣхъ разводовъ были дарованы по причинѣ прелюбодѣянія; около 38%—за умышленное оставленіе, около 12% за жестокое обращеніе, около 5% за пьянство. Мужья искали разводовъ почти исключительно по графамъ умышленнаго оставленія и прелюбодѣянія, и почти всѣ разводы на основаніи жестокости были дарованы женамъ.

И въ этой главѣ докладъ даетъ невольное, чрезвычайно существенное подтвержденіе того вывода, что законодательство не вліяетъ на число

разводовъ. Оказывается, что расширеніе законодательства введеніемъ въ него новыхъ, болѣе легкихъ, чѣмъ прелюбодѣяніе, основаній къ разводу вліяетъ не на число разводовъ, которое увеличивается въ извѣстной, опредѣленной пропорціи, несмотря ни на что, а на предъявляемыя судомъ истцами причины къ разводу. Лица, рѣшившіяся на разводъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы получить его, и всегда согласны даже на позоръ обвиненія въ прелюбодѣяніи; но разъ законодательство облегчено, они, конечно, охотнѣе прибѣгаютъ къ этимъ болѣе легкимъ, менѣе позорнымъ основаніямъ. Значитъ, облегченіе законодательства въ этомъ отношеніи является не стимуломъ къ разводу, а только избавленіемъ разводящихся отъ никому не нужнаго позора, и общество отъ сенсаціонныхъ, развращающихъ процессовъ, то есть, болѣе гуманнымъ, болѣе цивилизованнымъ способомъ къ достиженію той-же цѣли.

Остальныя главы доклада касаются деталей—возраста разводящихся, сроковъ супружеской жизни до развода, статистики мѣстъ рожденія, заключенія браковъ и разводовъ, и т. д. и не имѣютъ прямого отношенія къ предмету этихъ писемъ, а потому я на нихъ и не буду останавливаться.

П. Тверской.

4 февраля 1896.
Soamosa, San Bernardino Conty California.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства.—Запросы и нужды университетской жизни.—Законъ 1879 г.—Однообразіе, разнообразіе и требовательность аудиторіи.—Приватъ-доценты, отношеніе къ нимъ новаго устава и профессоровъ.—Чтеніе лекцій на сушѣ и на морѣ, на землѣ и подъ землею. — Задачи печати по отношенію къ университетской жизни.—Денежная реформа.

Въ Петербургъ вызваны губернскіе предводители дворянства «для совѣщаній и коллегіальнаго обсужденія»... Близость коронаціи подала поводъ къ предположенію, что губернскіе предводители дворянства обсуждали вопросъ о тѣхъ милостяхъ, которыхъ достойно «первое сословіе» и которыя ему оказались-бы наиболѣе полезными. По поводу этой предполагаемой темы совѣщаній произошелъ расколъ въ реакціонной печати. Кн. Мещерскій признаетъ, что «первое сословіе» достойно всѣхъ исключительныхъ милостей и что всѣ эти милости для него не вредны. Новыя «С.-Пет. Вѣд.» наоборотъ полагаютъ, что разныя исключительныя льготы разслабляютъ дворянство, жизненная энергія котораго, несмотря на всѣ льготы или вѣрнѣе, благодаря этимъ льготамъ, понизилась до послѣдней степени.

Повидимому, и губернскіе предводители на своихъ совѣщаніяхъ придерживались болѣе широкихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ кн. Мещерскій. Если не всѣ, то многіе изъ нихъ находили, что спасать и укрѣплять дворянство въ Россіи, не укрѣпляя эту самую Россію, весьма затруднительно. Нѣкоторыя изъ нихъ привезли съ собою обширныя записки о современномъ экономическомъ положеніи Россіи и современной русской финансовой политикѣ. Повидимому, эти темы такъ нравились предводителямъ и они обсуждали ихъ въ такомъ освѣщеніи и направленіи, что министръ финансовъ счелъ нужнымъ пригласить ихъ къ себѣ на одно вечернее совѣщаніе о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать для облегченія участи заемщиковъ дворянскаго банка.

* * *

Въ настоящемъ обозрѣніи мы намѣрены болѣе обыкновеннаго остановиться на положеніи русскихъ университетовъ.

Мы не станемъ подробно говорить о значеніи университетовъ для подготовленія общественныхъ силъ, но имѣемъ полное основаніе обра-

Digitized by Google

тить вниманіе читателей на тѣ условія современной университетской жизни, которыя, по меньшей мѣрѣ, не содѣйствуютъ ея процвѣтанію. Еще въ концѣ царствованія Александра II было почему-то признано необходимымъ придать университетской аудиторіи однообразный характеръ по предшествовавшей подготовкѣ слушателей. Какъ извѣстно, въ университеты поступали окончившіе курсъ въ классическихъ гимназіяхъ и воспитанники духовныхъ семинарій, прошедшіе первые четыре общеобразовательныхъ курса. До поступленія въ семинаріи ихъ воспитанники проходили четырехлѣтній курсъ духовнаго училища, такъ что въ результатѣ и гимназисты и семинаристы попадали въ университетъ послѣ восьмилѣтней подготовки. Закономъ 1879 г. доступъ въ университеты семинаристамъ былъ закрытъ. Они, на ряду со всѣми прочими молодыми людьми, были обязаны запасаться гимназическимъ аттестатомъ зрѣлости. Недавно обсужденію «запретительнаго закона» были посвящены особыя статьи въ «Орловскомъ Вѣстникѣ», «Нижегородскомъ Листкѣ» и «Церковномъ Вѣстникѣ», который энергично настаивалъ на отмѣнѣ наказанія, несправедливо наложеннаго на семинаристовъ. Но самую справедливую критику закона 1879 г. мы неожиданно встрѣтили на столбцахъ газеты «Свѣтъ» (№ 66). Останавливаясь на тѣхъ мотивахъ, которыми былъ вызванъ законъ 1879 г., «Свѣтъ» заявляетъ, что этотъ «законъ долженъ быть отмѣненъ, тѣмъ болѣе, что и тѣ туманныя политическія соображенія, которыя имѣлись въ виду при его введеніи, въ настоящее время неприложимы, равно и надежда удержать этимъ способомъ способныхъ людей на служеніи церкви не оправдалась». Разныя «туманныя» соображенія всегда приводятъ къ туманнымъ послѣдствіямъ. Принудительно задерживая лучшія молодыя силы въ духовныхъ семинаріяхъ, предполагали повысить культурный уровень этихъ учебныхъ заведеній. На самомъ-же дѣлѣ получились иные результаты. «Нынѣшніе семинаристы,—говоритъ «Свѣтъ»,—въ виду ожидающей ихъ участи, слишкомъ узкихъ границъ ихъ дѣятельности, уже не отличаются тѣмъ рвеніемъ къ преподаваемыхъ въ семинаріи наукамъ, какимъ отличались прежніе семинаристы,—тою любовью къ занятіямъ, подогрѣваемой мечтами о высшемъ святилищѣ науки, которая побуждала ихъ дорожить временемъ пребыванія въ учебномъ заведеніи, служащемъ подготовленіемъ къ болѣе широкому образованію». Однако, и въ данное время, по мнѣнію газеты, семинаристы подготовлены къ слушанію лекцій не менѣе гимназистовъ. Этотъ фактъ офиціально признается. «Въ нѣкоторые университеты и институты семинаристы принимаются, благополучно оканчиваютъ въ нихъ курсъ, поступаютъ учителями въ гимназіи и сами потомъ раздаютъ аттестаты зрѣлости. Семинаристы, такимъ образомъ, играютъ роль мебели, которая переносится изъ одного заведенія въ другое, смотря по тому, гдѣ откроется надобность. Не желали гимназисты поступать въ ярославскій юридическій лицей, семинаристовъ принимали туда; стали гимназисты поступать,—семинаристамъ закрыли доступъ въ

Digitized by Google

лицей. На историко-филологическій и физико-математическій факультеты варшавскаго университета, въ томскій университетъ и въ нѣжинскій историко-филологическій институтъ гимназисты идутъ не охотно, поэтому сюда, послѣ повѣрочнаго испытанія, допускаются и семинаристы. Иначе томскій университетъ пришлось-бы, пожалуй, закрыть: туда поступаютъ главнымъ образомъ семинаристы и только тѣ гимназисты, которые не успѣли попасть въ московскій, казанскій и др. университеты. Въ петербургскій историко-филологическій институтъ и въ варшавскій ветеринарный институтъ de jure семинаристы допускаются, но de facto нѣтъ, потому что въ первомъ всегда отдается предпочтеніе гимназистамъ, а во второмъ гимназистамъ и реалистамъ, а затѣмъ уже и семинаристы принимаются, если только есть свободныя мѣста».

Въ концѣ концовъ газета «Свѣтъ» приходитъ къ тому заключенію, что «законъ о семинаристахъ несправедливъ самъ по себѣ, безцѣленъ, вредно отражается на самихъ университетахъ, вредитъ и семинаріямъ». «Свѣтъ» забылъ добавить, что допущеніе семинаристовъ въ университетъ имѣло и важное соціальное значеніе, разрушая тѣ кастовыя и сословныя перегородки, которыя всегда и вездѣ служатъ тормазомъ для нормальнаго развитія общественной жизни. Къ чести духовенства слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что оно, насколько могло, протестовало противъ закона, отрѣзавшаго дорогу его дѣтямъ къ другимъ свѣтскимъ областямъ дѣятельности и къ переходу въ другіе классы общества.

Отмѣна запретительнаго закона 1879 г. прежде всего увеличила-бы число университетскихъ слушателей. Это одно обстоятельство имѣло-бы весьма важное значеніе для поднятія пульса въ нашей университетской жизни. Нѣкоторые провинціальные университеты и нѣкоторые факультеты во всѣхъ университетахъ слабѣютъ отъ безлюдья, т. е. недостатка слушателей, являющагося прямымъ результатомъ ограниченій доступа въ университетъ. Можно думать, что семинаристы поступали въ университетъ съ прекрасной подготовкой, возбуждавшей въ нихъ рѣдкую любознательность. Вѣдь только этими условіями и можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что изъ семинаристовъ, прослушавшихъ университетскій курсъ, вышло не мало прекрасныхъ общественныхъ дѣятелей, изъ нихъ главнымъ образомъ сталъ пополняться профессорскій персоналъ, они-же дали не мало настоящихъ литературныхъ дѣятелей и доставляли едва-ли не главную массу сотрудниковъ въ періодической печати. Не задолго до изданія закона 1879 г. раздавались крики о томъ, что «семинаристъ всѣхъ загналъ и всюду всѣхъ оттѣсняетъ». Эти жалобы шли со стороны привеллегированныхъ классовъ и въ нихъ есть много правды, и правды весьма лестной для семинаристовъ. Изъ нихъ выходили общественные элементы, сильные своей культурой и стремленіемъ къ широкой идейной общественной дѣятельности. Отсюда мы уже въ правѣ сдѣлать весьма важный выводъ для интересующаго насъ вопроса о поднятіи пульса въ университетской жизни. Отмѣна закона 1879 г. содѣйствовала-бы этому под-

Digitized by Google

нятію не однимъ увеличеніемъ числа слушателей; она содѣйствовала-бы возрожденію требовательной университетской аудиторіи.

Являясь вполнѣ подготовленными для слушанія университескихъ лекцій, семинаристы внесли-бы новый элементъ въ составъ университетской аудиторіи. Если мы такъ долго именно остановились на воспитанникахъ семинарій, то только потому, что семинаріи могутъ дать главную массу новыхъ элементовъ для университетской аудиторіи. Но мы, конечно, ничего не имѣемъ и противъ допущенія въ аудиторію другихъ элементовъ, съ иной подготовкой. Однообразіе университетской аудиторіи, вызываемое предшествавшей однообразной подготовкой слушателей, есть одно изъ важныхъ условій, понизившихъ жизнь и требовательность въ аудиторіи. Жизнь и требовательность университеской аудиторіи идутъ неразрывно рука объ руку, а жизнь мыслима лишь тамъ, гдѣ сталкиваются элементы разнообразные по своимъ вкусамъ, привычкамъ, занятіямъ, влеченіямъ и т. д. Въ интересахъ созданія этой разнообразной и въ силу этого весьма отзывчивой и весьма требовательной аудиторіи, необходимо устранить всѣ тѣ препятствія, которые ограничиваютъ число студентовъ въ аудиторіяхъ, недопуская въ университетъ вполнѣ подготовленныхъ слушателей. Для университета нужны подготовленные слушатели, масса подготовленныхъ слушателей, и совершенно безразличнымъ является вопросъ о томъ, какую школу они проходили и къ какому полу они принадлежатъ. Къ сожалѣнію, исключеніе женщинъ изъ университетской аудиторіи доходитъ до комизма. Недавно двумъ женщинамъ, прошедшимъ университскій курсъ заграницей, разрѣшено держать окончательный экзаменъ при Казанскомъ университетѣ. Если теперь допустили двухъ женщинъ, то было-бы несправедливо отказывать въ такой-же «милости» десяткамъ другихъ женщинъ, прошедшихъ университетскій курсъ за границей и желающихъ держать окончательный экзаменъ въ Россіи.

* * *

Преподавательская дѣятельность приватъ-доцентовъ поставлена по новому уставу подъ особое наблюденіе декана, ректора и попечителя округа. Въ циркулярѣ отъ 8 дек. 1885 г. выяснялся смыслъ этого особаго наблюденія. «Такое наблюденіе, гласитъ циркуляръ, имѣетъ цѣлью не только охраненіе слушателей отъ преподаванія, несоотвѣтствующаго достоинству науки или вреднаго по направленію, но и благожелательную заботу о преподавателяхъ, начинающихъ свое поприще». Эта «благожелательная» забота, при неопредѣленности такихъ выраженій, какъ «преподаваніе, несоотвѣтствующее достоинству науки или вредное по своему направленію», могла принести весьма вредныя послѣдствія для института приватъ-доцентовъ. Къ счастью, съ этой стороны даже благожелательная заботливость попечителей проявлялась весьма умѣренно. Навѣрно, этому содѣйствовала первая половина цитируемаго циркуляра, въ которой выяснялось призваніе и назначеніе приватъ-доцентовъ по новому уставу.

Digitized by Google

Новый уставъ, сказано въ этой половинѣ циркуляра, предполагалъ дать приватъ-доцентамъ «чрезъ открытіе на свой страхъ курсовъ, предоставляемыхъ свободному выбору студентовъ и оплачиваемыхъ гонораромъ, возможность, не нуждаясь въ особыхъ ходатайствахъ и не ожидая открытія вакансій, обнаружить свои научныя познанія и преподавательскія способности. Приватъ-доцентъ, не получающій вознагражденія, кромѣ гонорара, а о таковыхъ идетъ здѣсь рѣчь и таковые возможны нынѣ, какъ на медицинскомъ, такъ и на другихъ факультетахъ, подвергается весьма трудному искусу тѣмъ, что долженъ собрать аудиторію слушателей, *безъ принужденія пришедшихъ и платящихъ*. Успѣхъ въ этомъ случаѣ есть уже, нѣкоторымъ образомъ, довольно надежная рекомендація достоинства лектора. Поставленіе открытію такихъ курсовъ какихъ-либо преградъ, не требуемыхъ успѣхомъ, было-бы противно духу его. Чрезъ развитіе института приватъ-доцентовъ, издавна желаемаго правительствомъ, возможно, между прочимъ, устраненіе на медицинскихъ факультетахъ огромныхъ неудобствъ, проистекающихъ отъ многолюдства и поведшихъ въ недавнее время къ установленію въ нѣкоторыхъ университетахъ комплекта слушателей».

Изъ этихъ словъ циркуляра вы видите, какія неудобства имѣлось въ виду устранить при помощи приватъ-доцентовъ и въ какія условія имѣлось въ виду поставить ихъ дѣятельность для оживленія университетскаго преподаванія. При помощи института приватъ-доцентовъ имѣлось въ виду вызвать конкуренцію и тѣмъ побудить господъ профессоровъ къ болѣе внимательному отношенію къ своимъ обязанностямъ. Въ самомъ началѣ конкурсная дѣятельность приватъ-доцентовъ пошла весьма успѣшно. Одни приватъ-доценты стали открывать спеціальные курсы по какому-либо отдѣлу той науки, общій курсъ которой читается профессоромъ. Другіе стали открывать общіе параллельные курсы на конкурсъ съ курсами, читаемыми профессорами. Въ приватъ-доценты стали поступать люди съ пріобрѣтенной уже репутаціей. Въ числѣ приватъ-доцентовъ оказались люди, стоящіе по своему авторитету выше профессора, занимающаго каѳедру. Для примѣра укажемъ на нашего почтеннаго сотрудника А. А. Исаева, состоящаго приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ политической экономіи въ Петербургскомъ университетѣ. Словомъ, ряды приватъ-доцентовъ стали крѣпнуть и пополняться людьми способными и уже заявившими себя въ наукѣ и въ литературѣ. Повидимому, институту приватъ-доцентовъ предстояла счастливая будущность, но судьбѣ угодно было судить иначе.

Профессора (конечно, не всѣ) почувствовали, что приватъ-доценты ихъ «оттѣсняютъ и затемняютъ ихъ славу и престижъ». Студенты стали охотно поступать на частные курсы приватъ-доцентовъ, оставляя профессоровъ предъ опустѣвшими скамьями. Приватъ-доценты, читающіе съ профессорами параллельный конкурсный курсъ, затрогиваютъ уже не одну «славу» и не одинъ престижъ, а прямо отбиваютъ извѣстную болѣе или менѣе

Digitized by Google

значительную часть гонорара. Студентъ имѣетъ полное право записаться на общій курсъ профессора или на такой-же общій курсъ приватъ-доцента, читающаго параллельно на конкурсъ съ профессорамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково считается прослушавшимъ обязательный курсъ науки. Многіе профессора, мнимо преданные началамъ устава 1863 года (безспорно, хорошаго устава), въ дѣятельности приватъ-доцентовъ увидѣли самую вредную для нихъ сторону новаго устава. Изъ всѣхъ университетовъ только одинъ московскій пока остается въ сторонѣ отъ похода противъ приватъ-доцентовъ. Въ остальныхъ-же университетахъ не рѣдко министерству и попечителямъ приходится сдерживать «товарищеское» отношеніе профессоровъ къ приватъ-доцентамъ. Избранные профессорами косвенные пути для ослабленія конкуренціи приватъ-доцентовъ направлены къ принудительному возвращенію студентовъ въ аудиторію профессора и къ централизированію гонорара въ рукахъ профессоровъ. Студенты, не посѣщавшіе аудиторію профессора, а посѣщавшіе курсы читающихъ съ нимъ въ одинъ и тотъ-же часъ приватъ-доцентовъ, стали испытывать на окончательныхъ экзаменахъ отъ нѣкоторыхъ профессоровъ такія «неудобства», которыя не имѣютъ ничего общаго съ традиціями стараго устава. Къ счастью, такихъ оригинальныхъ поклонниковъ стараго устава нашлось не много, и они въ указанномъ направленіи могли дѣйствовать только на собственный страхъ. Гораздо большее значеніе для ослабленія дѣятельности приватъ-доцентовъ имѣютъ коллегіальныя рѣшенія факультетовъ, въ засѣданіяхъ которыхъ принимаютъ участіе одни профессора [1]). Факультетъ, въ «пополненіе пробѣловъ новаго устава и для исправленія его недостатковъ», рѣшаетъ, что зачетныя сочиненія могутъ подаваться только профессорамъ, о чемъ и вывѣшивается соотвѣтствующее объявленіе для свѣдѣнія гг. студентовъ. Спрашивается, почему зачетныя сочиненія могутъ подаваться только профессорамъ? Приватъ-доцентъ, думаемъ, во всякомъ случаѣ обладаетъ такой подготовкой, которая позволяетъ ему оцѣнить студенческое сочиненіе. Если приватъ-доценты признаются весьма пригодными для оживленія университетскаго преподаванія, то гг. профессора публично предъ всѣми студентами объявляютъ приватъ-доцентовъ непригодными оцѣнить студенческое сочиненіе. Вѣдь студенты все это поймутъ такъ, какъ и должно понять. Студенты, обязанные подавать зачетное сочиненіе профессору,

---

[1]) Въ циркулярѣ отъ 8 дек. 1885 г. сказано: «обозрѣніе (росписаніе лекцій) составляется на основаніи заявленій преподавателей о предполагаемыхъ ими чтеніяхъ и практическихъ упражненіяхъ. Заявленія какъ штатными преподавателями, такъ и приватъ-доцентами, должны подаваться письменно и обсуждаться въ засѣданіи факультета, въ которое приглашаются и приватъ-доценты». Это требованіе, насколько намъ извѣстно, не исполняется и ни въ одномъ университетѣ: приватъ-доценты не приглашаются въ факультетское засѣданіе, посвящаемое обсужденію росписанія лекцій на предстоящій семестръ.

подумаютъ, что профессоръ при оцѣнкѣ сочиненія по имѣющемуся у него списку наведетъ справки, о томъ, у кого авторъ слушаетъ курсъ, т. е. кому онъ внесъ гонораръ: ему или приватъ-доценту?.. Необходимо записываться на курсы профессоровъ и вносить имъ гонораръ, а слушать лекціи можно и у приватъ-доцентовъ, которые будутъ оставаться безъ гонорара, такъ какъ студенты, при скудости ихъ рессурсовъ, не могутъ вносить гонораръ за одинъ и тотъ-же курсъ и профессору и приватъ-доценту.

Въ результатѣ институтъ приватъ-доцентовъ, вызванный къ жизни въ интересахъ оживленія университетскаго преподаванія путемъ конкурренціи, замираетъ въ самомъ началѣ своей довольно интересной исторіи. Число приватъ-доцентовъ въ нѣкоторыхъ университетахъ теперь уже ничего не говоритъ объ ихъ дѣятельности, такъ какъ большая часть ихъ только числятся при университетѣ, а лекцій они не читаютъ. Такъ неудачно закончилась попытка побудить господъ профессоровъ къ такому чтенію лекцій и такому занятію наукой, которыя отвѣчали-бы ихъ высокому званію служителей въ «храмѣ науки».

Такимъ-же слабымъ успѣхомъ закончилась и борьба противъ совмѣстительства, къ которому проявляли большую охоту господа профессора и которое такъ вредно отражается на достоинствѣ ихъ лекцій. Столичные университеты особенно страдали отъ совмѣстительства, такъ какъ столичные города открывали профессорамъ полную возможность служить одновременно въ десяти мѣстахъ и заниматься разными приватными дѣлами. До введенія новаго устава это совмѣстительство оправдывалось тѣмъ скуднымъ вознагражденіемъ, которое получали профессора, и дороговизной жизни въ столицахъ. Однако, съ введеніемъ новаго устава профессора, кромѣ жалованья, стали получать гонорары за слушаніе лекцій. Въ многолюдныхъ столичныхъ университетахъ гонораръ равняется жалованью или даже его превышаетъ. Это удвоеніе содержанія все-таки не мѣшаетъ университетскимъ профессорамъ стремиться къ службѣ въ десяти мѣстахъ. Университетскій профессоръ стремиться читать лекціи въ университетѣ и въ лицеѣ, и въ военной юридической академіи, и въ училищѣ правовѣдѣнія, въ археологическомъ институтѣ, лѣсномъ институтѣ и т. д. Вѣдь въ столицѣ много высшихъ учебныхъ заведеній и нѣкоторые профессора читаютъ лекціи въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ двухъ—это въ видѣ нормы. Читая въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, приходится читать въ недѣлю отъ 7 до 9 лекцій. При чтеніи въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ приходится цѣлый день ѣздить изъ одного учебнаго заведенія въ другое, изъ другого въ третье и все читать и читать. Это чтеніе лекцій на сушѣ и на морѣ, на землѣ и подъ землею не можетъ не отражаться на качествѣ лекцій. Оно до крайности утомительно, оставляетъ очень мало времени для подготовки къ лекціямъ и едва-ли позволяетъ слѣдить за литературой предмета.

Digitized by Google

Такое захватываніе мѣстъ не вмѣняется въ обязанность новымъ уставомъ. Это добровольное страданіе жрецовъ науки приноситъ существенный вредъ обществу, понижая уровень университетскаго преподаванія. Но мы пока говоримъ о фактахъ старыхъ, общеизвѣстныхъ и ставшихъ достояніемъ гласности. Слѣдуетъ надѣяться, что наша повседневная печать, не обращающая почти никакого вниманія на университетскую жизнь, обратитъ на нее, наконецъ, серьезное вниманіе и обогатитъ общество новыми данными, характеризующими университетскіе порядки.

* * *

Окончательный результатъ денежной реформы обнаружится послѣ, а пока въ повседневной печати и въ ученыхъ обществахъ происходитъ скромный обмѣнъ мыслей о новомъ фазисѣ денежной реформы, т. е. о предстоящемъ введеніи довольно своеобразнаго золотого обращенія. Быть можетъ и этотъ скромный обмѣнъ мыслей не имѣлъ-бы мѣста. если-бы тому не помогло одно случайное обстоятельство. Еще въ прошломъ году заграничная печать заявляла, что свободное обсужденіе вопроса о предстоящей денежной реформѣ недоступно для русской печати. Министерство финансовъ признало такіе слухи неудобными и заявило въ «Journal de St. Pétersbourg», что оно не стѣсняло и не будетъ стѣснять печать при обсужденіи вопроса о предстоящей денежной реформѣ. Потомъ это заявленіе было перепечатано и въ «Правит. Вѣстн.», очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы оно стало доступнымъ и для всей русской читающей публикѣ въ качествѣ офиціальнаго опроверженія, могущаго вызвать рядъ весьма опредѣленныхъ представленій объ отношеніи къ печати. На самомъ-же дѣлѣ указанное опроверженіе въ сущности ничего не измѣняло и могло принести лишь нѣкоторую пользу для нѣкотораго освѣщенія вопроса, такъ какъ оно, само собою понятно, не могло распространяться на всю массу вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ денежной реформой и съ установившимся положеніемъ печати. Поэтому, жалобу одной газеты на то, будто-бы печати позволяютъ слишкомъ разнузданно трактовать вопросъ о предстоящей денежной реформѣ, можно отнести къ категоріи превратныхъ нареканій.

Газета въ своей жалобѣ, быть можетъ, разумѣетъ не особенно радостное отношеніе къ предстоящему окончанію денежной реформы путемъ введенія своеобразнаго золотого обращенія. Если наше предположеніе отвѣчаетъ дѣйствительности, то въ такомъ случаѣ газету нельзя упрекнуть въ невнимательномъ отношеніи къ мнѣнію общества. «Новое Время» (отъ 24 марта) довольно точно передало господствующее настроеніе и пожеланія мыслящей части русскаго общества. «Самая слабая сторона въ планахъ нашего министерства финансовъ,— говоритъ «Новое Время»,—это та поспѣшность, съ которою они проводятся... Намъ кажется, что никто насъ не торопитъ. Между тѣмъ, и въ ученыхъ собраніяхъ, и въ печати, и среди профессоровъ финансоваго права новое денежное обращеніе встрѣчается съ явнымъ недовѣріемъ

Digitized by Google

и боязнью. Въ этомъ недовѣріи и въ этой боязни не капризъ какой-нибудь, не игра въ оппозицію во что-бы то ни стало, а нѣчто сознательное и тревожное, потому что дѣло это въ самомъ дѣлѣ—дѣло огромной важности, между тѣмъ какъ ни существо дѣла, ни самыя близкія его послѣдствія никѣмъ и никому не выяснены. Слѣдовало-бы дать время и возможность ознакомиться всѣмъ съ вопросомъ и съ его критикою». Мы остановимся на высказанныхъ здѣсь пожеланіяхъ общества. Въ приведенныхъ словахъ «Новаго Времени» выражены два пожеланія: 1) чтобы разныя мѣропріятія не проводились съ той поспѣшностью, съ какой они проводятся, 2) чтобы предоставлялось время и возможность всѣмъ ознакомиться съ вопросами и съ ихъ критикой. Послѣднее пожеланіе, само собою понятно, можетъ имѣть какое-либо реальное значеніе только при допущеніи критики Тутъ событія изъ самой недавней исторіи нашего денежнаго обращенія имѣютъ свое весьма поучительное значеніе для общества. «Вѣстн Фин.» оффиціально констатировалъ недовѣрчивое отношеніе общества къ пускаемымъ въ обращеніе золотымъ деньгамъ. Общество, недовѣрчиво относящееся къ золотымъ деньгамъ, было заподозрѣно въ излишнемъ довѣріи и въ излишней привязанности къ бумажнымъ рублямъ. За нѣсколько мѣсяцевъ и даже за нѣсколько дней до плановъ о денежной реформѣ, наоборотъ, подозрительнымъ и нежелательнымъ являлось недовѣріе къ бумажнымъ рублямъ. «Вѣстн. Фин.» въ теченіе всего своего существованія и даже за недѣлю до оффиціально объявленныхъ плановъ о денежной реформѣ говорилъ о силѣ бумажныхъ рублей. Спустя недѣлю и по данное время на столбцахъ каждаго номера «Вѣстн. Фин.» въ той или иной статьѣ, бумажные рубли, выражаясь языкомъ «Моск. Вѣд.», предаются всяческому поношенію. Раньше же, напр. въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, о недостаткахъ бумажныхъ рублей печать могла говорить только съ большой осторожностью. Всякое недовѣріе къ силѣ бумажнаго рубля признавалось недовѣріемъ къ силѣ и достоинству отечества, о чемъ «патріотическія» изданія немедленно-же докладывали на своихъ столбцахъ съ указаніемъ на враговъ отечества и хулителей наилучшихъ въ свѣтѣ денегъ—русскихъ бумажныхъ рублей.

Всѣ эти сопоставленія даютъ матеріалъ для разныхъ поучительныхъ заключеній, а въ томъ числѣ и для того безспорнаго заключенія, что финансовому вѣдомству приходится бороться съ тѣмъ самымъ довѣріемъ къ бумажнымъ рублямъ, которое раньше положительно требовалось, какъ отъ обывателя, такъ и отъ печати. Тутъ необходимо вспомнить самые недавніе опыты съ временными выпусками бумажныхъ рублей подъ обезпеченіе ихъ золотомъ рубль за рубль Въ печати по поводу этихъ временныхъ выпусковъ проскользнули-было заявленія о томъ, что у насъ и «постоянныхъ» бумажныхъ рублей весьма достаточно и что временные выпуски рублей лишь затруднятъ потомъ изъятіе изъ обращенія лишнихъ кредитныхъ билетовъ. Эти робкія сужденія проскользнули въ 1891 г. и затѣмъ едва-ли часто встрѣчались, и конечно, не потому, чтобы печать

Digitized by Google

потеряла интересъ къ «временнымъ» рублямъ. Теперь-же на страницахъ «Вѣстника Финансовъ» появляются тѣ-же самыя «зловредныя» сужденія. Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» отъ 8 октября 1895 г. была помѣщена статья «Безденежье и спекуляція», въ которой энергично доказывается вредъ временно выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ въ добавленіе къ имѣющемуся постоянному запасу бумажныхъ рублей. Указывая на то, что временно выпускаемые рубли даютъ матеріалъ для спекуляціи, «Вѣстникъ Финансовъ» заявляетъ: «если къ этому прибавить, что обратное изъятіе изъ обращенія временно выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ представляетъ обыкновенно серьезныя трудности, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что донынѣ не могли быть сожжены, дабы не произвести потрясенія на денежномъ рынкѣ, временно выпущенные подъ обезпеченіе золотомъ 75 милл. рублей, то станутъ *очевидными вся нецѣлесообразность и вредныя послѣдствія временныхъ выпусковъ*». Столь смѣлыя сужденія «Вѣстника Финансовъ» о временныхъ выпускахъ бумажныхъ рублей достойны вниманія не только потому, что въ 1891 г. «Вѣстникъ Финансовъ» доказывалъ и цѣлесообразность и пользу тѣхъ-же «временно» выпускаемыхъ рублей, а и потому, что свободныя сужденія печати въ 1891 г. могли-бы своевременно (т. е. въ томъ-же 1891 г.) содѣйствовать должному освѣщенію нецѣлесообразнаго и вреднаго по своимъ послѣдствіямъ мѣропріятія.

Думаемъ, что эти справки съ недавней исторіей подтверждаютъ справедливость пожеланій общества насчетъ критики Другое пожеланіе общества насчетъ торопливости тоже имѣетъ свое основаніе. При особой торопливости первые шаги въ сферѣ денежной реформы не представлялись особенно ясными или, быть можетъ, признавалась вредной ихъ ясность для всѣхъ. Первыя-же попытки къ водворенію золотого обращенія носили характеръ девальваціи, но подведеніе ихъ подъ девальвацію вызывало рѣзкія опроверженія.

Первымъ шагомъ по пути къ водворенію золотого обращенія явилось разрѣшеніе (по закону 8 мая 1895 г.) сдѣлокъ на золотую монету и на взносъ акцизныхъ платежей золотомъ по курсу, назначенному министерствомъ финансовъ. Въ ожиданіи этой мѣры, повседневная печать обсуждала ея характеръ и значеніе — хотя безъ особыхъ восторговъ, и съ обычной «выдержанностью». «Новое Время», съ обычной для этой газеты шаткостью, признавало, что тутъ дѣло ясно сводится къ девальваціи. Такой взглядъ былъ высказанъ и другими періодическими изданіями. По поводу такихъ сужденій печати въ «Торгово-промышленной Газетѣ» (№ отъ 28 марта 1895 г.) появилась особая статья подъ заглавіемъ: «По поводу превратныхъ толковъ о *скрытой* девальваціи». Эта статья отличается довольно нелюбезнымъ обвиненіемъ русской печати въ невѣжествѣ, доходящемъ до полнаго непониманія операцій и характера денежнаго обращенія. «За послѣднее время, говоритъ Торгово-промышленная Газета, въ нашихъ газетахъ стали появляться статьи, касающіяся

Digitized by Google

вопроса коренной важности, а именно мѣръ къ упорядоченію нашего денежнаго обращенія. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ трактуется безъ надлежащей подготовки и не только не уясняется въ общественномъ сознаніи, но скорѣе даже затемняется. Этотъ крупный и сложный государственный вопросъ, къ рѣшенію котораго вообще можно подходить только съ величайшей осторожностью и постепенно, рядомъ подготовительныхъ мѣръ, необходимо долженъ быть, ради успѣшнаго его разрѣшенія, усвоенъ общественнымъ сознаніемъ и въ теоріи и на практикѣ... Говоря о возможности допущенія сдѣлокъ на золото, нѣкоторыя газеты полагаютъ, что въ этомъ яко-бы заключается скрытая девальвація, признаніе государствомъ, что рубль кредитный, равный 100 копѣйкамъ, сводится, по утверждаемой, напр. нынѣшней курсовой цѣнѣ, къ 67 коп. Русское правительство, несмотря на полное право и несомнѣнную возможность обмѣнить кредитные рубли на рубли серебромъ, не пользуется этимъ правомъ и тѣмъ самымъ предоставляетъ въ пользу каждаго держателя кредитныхъ билетовъ всю разницу между курсовою стоимостью кредитнаго и серебрянаго рублей, что составляетъ нынѣ около 20 к. на 1 рубль. Очевидно, что въ этихъ условіяхъ разрѣшеніе въ странѣ сдѣлокъ на золото, если-бы оно и послѣдовало, не только ничего общаго съ скрытою девальваціею не имѣетъ, но даже представляетъ прямую льготу держателямъ русскихъ кредитныхъ билетовъ по отношенію къ основной нашей серебряной единицѣ, обезцѣнившейся вслѣдствіе причинъ міроваго характера».

«Новое Время» на другой-же день (т. е. 29 марта) отвѣчало «Торгово-Промышленной Газетѣ» съ рѣдкимъ для него достоинствомъ. «Торгово-Промышленная Газета», говоритъ «Новое Время», называетъ статьи о девальваціи почему-то превратными толками. Въ серьезныхъ вопросахъ такія полемическія названія нисколько не убѣдительны, а только претенціозны, и потому мы совѣтуемъ «Торгово-Промышленной Газетѣ» разъ навсегда снять это заглавіе». Дѣйствительно нельзя согласиться съ тѣмъ, что оперированіе терминомъ «превратные толки» свидѣтельствуютъ о богатствѣ аргументаціи противника. «Новое Время» категорически заявляетъ, что эти «превратные толки» могутъ быть признаны превратными развѣ лишь потому, что нѣкоторыя изданія говорили о началѣ «скрытой» девальваціи. «Съ своей стороны, продолжаетъ «Новое Время», мы не видимъ въ разрѣшеніи сдѣлокъ на золото никакой скрытой девальваціи, а признаемъ эту мѣру началомъ открытой девальваціи, девальваціи среди бѣлаго дня, и не потому, что частныя лица будутъ совершать сдѣлки на золото—такія сдѣлки совершаются ежедневно,—а потому, что формальное разрѣшеніе правительствомъ этихъ сдѣлокъ узаконяетъ пониженную цѣну кредитныхъ билетовъ и должно повести за собою другую мѣру—разрѣшеніе сборщикамъ податей принимать золото въ уплату податей на 67 к. зол. за 100 к. кред.» «Новое Время» въ своемъ предположеніи ошиблось лишь относительно этихъ 67 к. зол. за 100 к. кред.

Digitized by Google

Курсъ бумажнаго рубля въ переводѣ на рубль золотой былъ установленъ другой, но насчетъ сборщиковъ податей оно не ошиблась. Въ законѣ 8 мая 1895 г., разрѣшившемъ сдѣлки на золото, допускалось и принятіе акцизныхъ платежей золотомъ по курсу, устанавливаемому министерствомъ финансовъ. Министерство финансовъ разрѣшило взносъ золотой монеты съ 1 іюня по 31 августа въ уплату нѣкоторыхъ акцизовъ въ губернскія казначейства, а съ 1 сентября во всѣ казначейства и по всѣмъ акцизнымъ сборамъ. Наконецъ, по закону 6 ноября 1895 г. было предоставлено всѣмъ кассамъ правительственныхъ учрежденій и желѣзныхъ дорогъ принимать въ платежи золотую монету по курсу 7 р. 40 к. за полуимперіалъ, 14 р. 80 к. за имперіалъ. Этотъ курсъ и былъ фиксированъ на срокъ до 31 декабря 1895 г. Съ 1 января 1896 г. курсъ золотой монеты въ переводѣ на бумажные рубли установленъ *впредь на цѣлый годъ* до 1 января 1897 г. Въ теченіе цѣлаго года предполагается удержать такой курсъ: полуимперіалъ будетъ стоить 7 р. 50 к., а имперіалъ—15 р. кредитныхъ.

Эта фиксація курса бумажныхъ рублей при переводѣ ихъ на золото впередъ на цѣлый годъ уже представляла собою офиціально объявленную девальвацію. Но и эта одна девальвація теперь уже признана недостаточной для счастливаго окончанія денежной реформы. Фиксація настоящаго пониженнаго курса бумажныхъ рублей (противъ номинальной ихъ стоимости) не устанавливала должной гармоніи между золотыми и бумажными деньгами. Въ виду этого, признано необходимымъ золото понизить до фиксированной цѣны бумажнаго рубля. Для достиженія этой цѣли предполагается выпустить золотую монету *пониженной пробы*, такъ чтобы по фиксированному курсу бумажнаго рубля 5 р. или 10 р. бумажками имѣли соотвѣтствующую по своему достоинству равноцѣнную золотую монету въ 5 р. или 10 р. На ряду съ обращеніемъ этой низкопробной золотой монеты будутъ сохранены въ обращеніи и бумажные рубли на сумму до 1 милліарда.. Право на выпускъ такой суммы рублей, предполагается предоставить только государственному банку (а не государственному казначейству) и притомъ только для коммерческихъ цѣлей (а не для нуждъ государственнаго казначейства).

Для такой сложной операціи трудно подыскать соотвѣтствующее названіе. Такъ какъ мы занимаемся не столько критикой, сколько поучительной исторіей денежной реформы, то намъ остается констатировать факты. Прежде всего, что касается первой девальваціи, т. е. фиксированія существующей пониженной цѣны бумажнаго рубля, то о ней въ печати высказывались самыя разнорѣчивыя сужденія. На столбцахъ одного и того-же «Новаго Времени», издатель этой газеты писалъ противъ девальваціи и полемизировалъ со своимъ сотрудникомъ г. Гурьевымъ. Въ этой полемикѣ г. Суворинъ обнаружилъ плохое знакомство съ тѣмъ, что печатается въ его газетѣ. Онъ забылъ напомнить г. Гурьеву то, что онъ самъ писалъ о девальваціи въ 1893 г. на столбцахъ того-же «Но-

Digitized by Google

ваго Времени». Въ 1893 г. на столбцахъ «Новаго Времени» печатались статьи г. Гурьева о реформѣ государственнаго банка. Въ томъ-же 1893 г. эти статьи вышли особой брошюрой подъ заглавіемъ «Къ реформѣ государственнаго банка». На стр. 55—56 этой брошюры г. Гурьевъ воспроизводитъ со столбцовъ «Новаго Времени» слѣдующія свои слова: «Какъ ни различны мнѣнія о способахъ возстановленія у насъ металлическаго обращенія, но, кажется, можно признать за communis opinio dactorum мнѣніе, что лучшимъ способомъ было бы *поднятіе* существующей стоимости рубля до номинальной, *а не девальвація, т. е. фиксація существующей его стоимости*». Напоминая объ этихъ словахъ г. Гурьева г. Суворину, мы предлагаемъ и самому г. Гурьеву довести ихъ до свѣдѣнія г. Г. Н. А., который на этихъ дняхъ, на столбцахъ все того же «Новаго Времени», доказываетъ, что наилучшимъ способомъ возстановленія металлическаго обращенія является не поднятіе существующей стоимости рубля до номинальной, а девальвація, т. е. фиксація существующей его стоимости...

Читателямъ «Новаго Времени» не мѣшало-бы задуматься надъ этой поучительной игрой на столбцахъ просматриваемой ими газеты. Она имѣетъ общественный интересъ. Имѣетъ свое значеніе и тотъ послѣдній доводъ, на который откровенно ссылаются сторонники девальваціи путемъ фиксаціи курса. Они говорятъ, что объ естественномъ появленіи золота при поднятіи курса бумажнаго рубля до его номинальной стоимости (àla pari съ золотомъ) можно только мечтать. Когда-то ростъ общественнаго хозяйства догонитъ рубль бумажный до рубля золотого, и этого поднятія «когда-то» пришлось-бы ждать до второго пришествія. Значитъ нужно обойти общественное хозяйство или придумать что-либо подходящее для такого обхода. Это откровенное заявленіе нельзя не признать приговоромъ, собственноручно подписаннымъ. И нужно сказать правду, что «Вѣстн Фин.» въ своихъ статьяхъ о денежной реформѣ не раздѣляетъ оптимизма нѣкоторыхъ газетъ. «Вѣстн. Фин.» признаетъ затруднительность предпринятой реформы и не отрицаетъ возможность разныхъ послѣдствій. «Вѣстн. Фин.» признаетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ долго дѣйствовало бумажно-денежное обращеніе, тамъ многія мѣры, направленныя къ водворенію золотого обращенія, могутъ сопровождаться весьма неблагопріятными послѣдствіями. По поводу разрѣшенія сдѣлокъ на золото въ «Вѣстн. Фин.» (№ 21-мъ 1895 г.) была помѣщена статья, въ которой подробно выяснялось значеніе этой мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалась необходимость введенія золотого обращенія въ Россіи, несмотря ни на какія жертвы. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано: «если потрясеніе (отъ введенія бумажныхъ денегъ) было непродолжительно, вся монета не успѣла уйти за предѣлы страны и лажъ на монету установился не высокій, народное хозяйство страны само стремится возстановить нарушенное равновѣсіе. Правительству остается идти навстрѣчу этому теченію и, съ небольшими сравнительно жертвами

Digitized by Google

изъявъ лишнія орудія обращенія, узаконить то, что при такомъ параллельномъ дѣйствіи создается почти само собою, т. е. возстановить размѣнъ. Дѣло гораздо сложнѣе, если кризисъ оказывается затяжнымъ, періодъ дѣйствія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ былъ продолжителенъ, выпуски значительны и лажъ сравнительно высокъ. Здѣсь неизбѣжны гораздо болѣе значительныя жертвы, сложнѣе подготовительныя мѣры и чрезвычайно опасна неудача, такъ какъ онѣ вызываютъ новыя и еще болѣе тяжкія потрясенія». Перспектива, безспорно, мало утѣшительная, и условія не особенно благопріятныя. «Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ «Вѣстн. Фин.», и въ этихъ условіяхъ возвратъ къ здоровому состоянію денежнаго обращенія, безусловно, необходимъ, и забота о немъ должна быть одною изъ самыхъ главныхъ задачъ правительства». Мало того, переходъ къ металлическому денежному обращенію признается необходимымъ, хотя-бы его пришлось окупить «цѣною крупныхъ государственныхъ и народно-хозяйственныхъ жертвъ».

Такимъ образомъ, по мнѣнію «Вѣстн. Фин.», одна фиксація курса бумажныхъ рублей можетъ потребовать крупныхъ жертвъ. Въ понятіе о фиксаціи курса не входитъ, какъ необходимый элементъ, поддержаніе курса на фиксированной высотѣ силами самого общественнаго хозяйства. Наоборотъ, фиксація всегда вызываетъ представленіе о курсѣ, который рѣшено удерживать независимо отъ возможныхъ колебаній въ положеніи общественнаго хозяйства. Для всякаго понятно, что застраховать стаціонарное положеніе хозяйства страны даже на одинъ годъ невозможно. Быть можетъ именно въ силу этого соображенія въ офиціальномъ объявленіи о фиксаціи курса финансовое вѣдомство и заявило, что оно *само* будетъ энергично защищать курсъ отъ колебаній, на что, конечно, потребовались-бы опредѣленныя средства. Можно въ теченіе многихъ лѣтъ производить крупные и весьма обременительные расходы въ интересахъ поддержанія фиксированнаго курса. На покрытіе этихъ расходовъ могутъ уйти всѣ накопленные запасы золота, но «Вѣстн. Фин.», какъ мы видѣли, полагаетъ, что ради предпринятой денежной реформы не слѣдуетъ останавливаться ни предъ какими крупными жертвами...

Digitized by Google

КРИТИКА.

М. И. Кулишеръ. Разводъ и положеніе женщины. Спб. 1896 г.

Заманчивость заглавія, навѣрно, содѣйствовала распространенію книги г. Кулишера. Мыслящая часть русскаго общества, по понятнымъ причинамъ, съ особымъ вниманіемъ относится къ тѣмъ книгамъ, которыя знакомятъ ее съ неизвѣстными въ Россіи культурными условіями общественной и политической жизни. Такое любопытство заслуживаетъ полнаго уваженія со стороны авторовъ, пишущихъ на заманчивыя темы. Къ сожалѣнію, г. Кулишеръ не посчитался съ этой обязанностью авторовъ, украшающихъ свои книги заманчивыми заглавіями. Мы склонны думать, что г. Кулишеръ искренно желалъ plaider la cause въ Россіи, но не подготовился къ осуществленію своего желанія и къ исполненію обѣщанія, даннаго имъ на обложкѣ.

Книга «О разводѣ и положеніи женщины», выходящая въ Россіи и не дающая никакого отвѣта на вопросъ, почему разводъ является необходимымъ,—можетъ вызвать лишь одно недоумѣніе. Выясненіе этого основного вопроса открываетъ дорогу къ богатой захватывающей темѣ о безвыходномъ противорѣчіи между тѣми тенденціями, которыя и до сихъ поръ господствуютъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ разныхъ странъ. Недопущеніе развода или его затруднительность въ законодательствахъ разныхъ странъ вызваны почти одними и тѣми-же соображеніями, въ числѣ которыхъ стремленіе къ упроченію и охраненію семейныхъ «устоевъ» играло далеко не послѣднюю роль. Въ виду этого, само собою возникаетъ вопросъ о томъ, насколько избранное средство соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли и содѣйствуетъ ея достиженію. Отсутствіе и затруднительность развода содѣйствуютъ или мѣшаютъ упроченію «устоевъ» семейной жизни и такъ называемой семейной нравственности? Желая охранять «устои» семейной жизни и затрудняя разводъ, дѣйствующее законодательство въ разныхъ странахъ лѣвой рукой разрушаетъ то, что желаетъ упрочить правой. Мало того, затрудняя разводъ въ инте-

Digitized by Google

ресахъ якобы упроченія «устоевъ» семейной жизни, дѣйствующее законодательство мѣшаетъ желательной нормальной трансформаціи семейныхъ отношеній, вызывая разные законоподобные суррогаты брачныхъ отношеній. Эти законоподобные суррогаты, вытѣсняя настоящіе законные браки, въ свою очередь, не ускользаютъ отъ той-же самой судьбы: адюльтеръ почти въ равной степени разъѣдаетъ и законоподобные суррогаты брачныхъ отношеній и настоящіе законные браки.

Къ адюльтеру съ особымъ вниманіемъ отнесся и г. Кулишеръ, посвятивъ ему болѣе 60 страницъ своей книги. Къ сожалѣнію, эти страницы представляютъ собою пустые разговоры. Всякій пишущій объ адюльтерѣ, въ связи съ вопросомъ о разводѣ, долженъ подробно остановиться на слѣдующихъ двухъ темахъ: 1) на значеніи уголовной борьбы съ адюльтеромъ, 2) на вліяніи того или иного бракоразводнаго процесса на развитіе адюльтера. Г. Кулишеръ ведетъ разные разговоры по первому вопросу и совершенно забываетъ о второмъ. Изъ его разговоровъ по первому вопросу трудно понять, слѣдуетъ-ли признавать адюльтеръ дѣяніемъ уголовно наказуемымъ или не слѣдуетъ. Во многихъ законодательствахъ и до сихъ поръ ведется уголовная борьба съ адюльтеромъ. По дѣйствующимъ законодательствамъ чуть-ли не всѣхъ странъ адюльтеръ признается уголовно наказуемымъ дѣяніемъ, при чемъ большинство законодательствъ такую заботливость проявляетъ только по отношенію къ женѣ, забывая о мужѣ, а меньшинство караетъ обоихъ супруговъ. За адюльтеръ когда-то и не такъ давно назначались тяжелыя наказанія (особенно для жены), а въ дѣйствующихъ законодательствахъ эти наказанія, постепенно понижаясь, сведены къ самымъ слабымъ ихъ формамъ. Эта деградація наказаній въ дѣйствующихъ уголовныхъ кодексахъ, очевидно, вызвана сознаніемъ безполезности уголовныхъ наказаній за адюльтеръ и признаніемъ уголовной борьбы противъ адюльтера несоотвѣтствующей современнымъ взглядамъ общества и современнымъ условіямъ общественной жизни. Современное общество относится весьма снисходительно къ адюльтеру, который, конечно, является страшной грозой для поддерживаемыхъ законодательствомъ устоевъ семейной жизни. Безпристрастный историкъ въ развитіи этого «снисходительнаго» отношенія прослѣдитъ и отмѣтитъ важную роль бракоразводнаго процесса: суровый бракоразводный процессъ, устанавливаемый въ интересахъ поддержанія устоевъ семейной жизни, служитъ одной изъ главныхъ причинъ развитія снисходительнаго отношенія къ тому самому адюльтеру, который разъѣдаетъ устои семейной жизни. Это второй конфликтъ, изъ котораго не найдетъ выхода дѣйствующее семейственное право вообще и суровый бракоразводный процессъ въ частности.

Конечно, мы не станемъ отрицать того факта, что и въ Россіи признаніе этихъ конфликтовъ вызывало въ законодательныхъ сферахъ соотвѣтствующія начинанія по улучшенію дѣйствующаго бракоразводнаго процесса. Къ сожалѣнію, г. Кулишеръ почему-то игнорируетъ исто-

Digitized by Google

рію попытокъ, направленныхъ къ реформированію русскаго бракоразводнаго процесса. Правда, исторія этихъ попытокъ еще не выяснена во всѣхъ деталяхъ и многіе документы ждутъ въ архивахъ благосклоннаго вниманія изслѣдователей. Въ обширномъ изслѣдованіи проф. Загоровскаго, премированномъ академіей наукъ, исторія реформаціонныхъ попытокъ заключаетъ всего лишь 10 страницъ и оканчивается началомъ текущаго столѣтія. Однако, г. Кулишеръ и въ 10 страницахъ проф. Загоровскаго нашелъ-бы много поучительнаго для себя и для публики. Какъ извѣстно, русскій бракоразводный процессъ характеризуется: 1) допущеніемъ развода почти исключительно по прелюбодѣянію и 2) сосредоточіемъ бракоразводнаго процесса въ рукахъ духовнаго вѣдомства. Отсталость такихъ порядковъ была признана еще въ прошломъ столѣтіи именно *самимъ св. синодомъ.* Въ наказѣ своему депутату въ извѣстную екатерининскую коммиссію по составленію проектовъ новаго уложенія св. синодъ проектировалъ передать производство бракоразводныхъ дѣлъ «свѣтскимъ командамъ» и умножить число поводовъ къ разводу, признавъ таковыми: 1) прелюбодѣяніе, 2) умыселъ одного супруга на жизнь другого, 3) своевольную отлучку жены, 4) отнятіе мужемъ у жены имѣнія и 5) причиненіе ей побоевъ и мученій со стороны мужа [1]). Такимъ образомъ, еще въ прошломъ столѣтіи самъ св. синодъ считалъ необходимымъ передать бракоразводный процессъ судамъ свѣтскимъ. Въ то-же самое время св. синодъ признавалъ необходимымъ допустить разводъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ до сихъ поръ не допускается.

Г. Кулишеръ почему-то игнорировалъ рядъ изслѣдованій въ области русскаго каноническаго права, появившихся за послѣднее время и въ значительной степени облегчающихъ благопріятное разрѣшеніе вопроса о реформѣ отжившаго бракоразводнаго процесса. Для всего русскаго семейственнаго права и бракоразводнаго законодательства первенствующее значеніе имѣетъ 50 гл. кормчей. Въ 1880 г. появилось изслѣдованіе петербургскаго профессора, протоіерея Горчакова, «О тайнѣ супружества», посвященное именно 50 (51) ст. кормчей. Протоіерей Горчаковъ поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить происхожденіе этой статьи и выяснить ея историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство. Въ результатѣ прот. Горчаковъ пришелъ къ тому заключенію, что ст. 50 кормчей, лежащая въ основѣ русскаго семейственнаго права, по своему происхожденію и по своему достоинству, не можетъ служить препятствіемъ къ реформѣ дѣйствующаго законодательства. Это изслѣдованіе протоіерея Горчакова нанесло существенный ударъ всѣмъ охотникамъ до ссылокъ на каноническій характеръ разныхъ постановленій въ дѣйствующемъ семейственномъ правѣ и бракоразводномъ процессѣ. Профессоръ Суворовъ пошелъ дальше по этому пути и разобралъ «каноническій» характеръ тѣхъ поводовъ къ разводу, по которымъ онъ допускается

---

[1]) Загоровскій. О разводѣ по русскому праву. Харьковъ. 1884 г., стр. 383 и слѣд.

Digitized by Google

дѣйствующимъ уставомъ духовныхъ консисторій. Разобравъ тексты Евангелія, отнисящіеся къ разводу, въ связи съ толкованіями отцовъ церкви и древней церковной практикой, проф. Суворовъ пришелъ къ тому заключенію, «что поводы къ разводу, допускаемые дѣйствующимъ уставомъ духовныхъ консисторій, не совпадаютъ ни съ требованіями Евангелія, ни съ дисциплинарной практикой первыхъ вѣковъ христіанства, ни съ византійскимъ каноническимъ правомъ» [1]).

Все это движеніе въ спеціальной литературѣ, расчищающее дорогу реформѣ бракоразводнаго процесса, пропущено г. Кулишеромъ къ крайнему вреду и для трактуемаго имъ вопроса, и для его книги. Ему слѣдовало-бы обратить вниманіе и на тѣ единичныя попытки, которыя являются рѣзкимъ диссонансомъ среди указаннаго вполнѣ научнаго и чисто гуманнаго движенія въ спеціальной литературѣ. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести статью г. Голубковскаго, который настаиваетъ на разводѣ по прелюбодѣянію и доказываетъ, что увеличеніе числа поводовъ къ разводу противорѣчило-бы церковнымъ правиламъ [2]).

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ отмѣтить, что г. Кулишеръ не подвергъ сколько-нибудь обстоятельной разработкѣ и вопросъ о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождается разводъ для «виновной» стороны. Виновная сторона у насъ обрекается на безбрачіе. Это наказаніе попало въ уставъ духовныхъ консисторій 27 марта 1841 г. и оттуда было занесено въ т. X св. зак. изд. 1842 г. Г. Соловьевъ, разобравъ соотвѣтствующіе параграфы устава духовныхъ консисторій, пришелъ къ тому заключенію, что каноническое происхожденіе имъ приписано по ошибкѣ [3]). Еще болѣе обстоятельной разработкѣ подвергъ этотъ вопросъ проф. Суворовъ и, въ свою очередь, пришелъ къ тому заключенію, что «содержащееся въ 256 ст. уст. дух. кон. 27 марта 1841 г. осужденіе на безбрачіе лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по причинѣ прелюбодѣянія, можетъ быть отмѣнено безъ противорѣчія священному писанію, безъ нарушенія каноновъ, безъ подрыва духовной дисциплины и безъ опасности для гражданскаго порядка» [4]). Не лишне обратить вниманіе и на то обстоятельство, что осужденіе на безбрачіе виновнаго супруга перешло изъ устава духовныхъ консисторій 1841 г. въ т. X св. зак. изд. 1842 г. и что оно отсутствовало въ т. X изд. 1832 г., а слѣдовательно и впредь можетъ отсутствовать въ X т. св. зак. Путаница, внесенная въ дѣйствующее законодательство уст. духов. консисторій 1841 г., этимъ не оканчивается. По дѣйствующему законодательству, одинъ изъ супруговъ, оскорбленный прелюбодѣяніемъ другого, не возбуждая процесса о разво-

---

[1]) Суворовъ. О безбрачіи, какъ послѣдствіи расторженія брака по прелюбодѣянію. „Юрид. Вѣстникъ“ 1889 г., августъ.

[2]) Голубковскій. О разводѣ по прелюбодѣянію. Хрис. Чтеніе № 1. 1895 г.

[3]) М. Соловьевъ. О вѣчномъ безбрачіи виновнаго супруга. Юрид. Вѣстникъ. 1881 г., февраль.

[4]) Ibid.

Digitized by Google

дѣ, можетъ просить судъ свѣтскій о наказаніи виновнаго по законамъ свѣтскимъ, согласно ст. 1585 улож. о нак. и 1016 уст. уг. суд. Въ тоже самое время обиженная сторона можетъ возбудить процессъ о разводѣ предъ судомъ духовнымъ. Возбужденіе перваго процесса не лишаетъ права возбудить процессъ о разводѣ. Тотъ и другой процессъ могутъ идти параллельно и возбужденіе и окончаніе дѣла предъ судомъ свѣтскимъ о наказаніи по 1585 ст. улож. о нак. можетъ предшествовать возбужденію и окончанію дѣла о разводѣ предъ судомъ духовнымъ. Вполнѣ возможно, что судъ свѣтскій, при возбужденіи дѣла о наказаніи по 1585 ст. улож. о нак. супруга, обвиняемаго въ прелюбодѣяніи,—признаетъ его въ томъ невиновнымъ. Такое постановленіе свѣтскаго суда не мѣшаетъ возбужденію дѣла о разводѣ передъ судомъ духовнымъ, который можетъ признать виновнымъ въ прелюбодѣяніи лицо, оправданное судомъ свѣтскимъ. Возможно и обратное теченіе событій, т. е. возможно, что лицо, обвиненное судомъ свѣтскимъ, будетъ признано невиновнымъ судомъ духовнымъ. Возникающая отсюда путаница до извѣстной степени выяснена въ статьѣ г. Волжина «Подсудность дѣлъ о прелюбодѣяніи» [1]).

---

[1]) „Юридическій Вѣстникъ“, 1892 г., ноябрь.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. БЕЛЛЕТРИСТИКА И ПОЭЗІЯ.

В. Дѣдловъ. **Варваръ. Эллинъ. Еврей.** Современныя характеристики. Съ рисункомъ на обложкѣ проф. В. М. Васнецова Изданіе М. М. Ледерле. 895. 378 стр. Ц. 2 р.

Обложкѣ этой книги приданъ почему то символическій характеръ Профессоръ Васнецовъ съ присущимъ ему талантомъ набросалъ своеобразную сцену: у подножія крылатаго сфинкса съ прекраснымъ женскимъ лицомъ расположились варваръ, эллинъ и еврей; первый, какъ и подобаетъ варвару, изображенъ всклокоченнымъ, лежащимъ, повидимому, въ опьяненіи, не взирая на олицетвореніе загадочной красоты; эллинъ пристально всматривается въ ликъ божества, а еврей полуотвернулся съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ...Рисунокъ напечатанъ на цвѣтной бумагѣ, - символическій намекъ на то, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію книги. Обложка съ громкимъ, бьющимъ на эфектъ заглавіемъ, сама по себѣ, а книга—сама по себѣ. Она состоитъ изъ трехъ анекдотическихъ, бойко написанныхъ повѣствованій въ обычномъ фельетонномъ стилѣ. Служащій въ провинціи писатель командированъ закупить хлѣба для голодающихъ; встрѣтивъ свою жену, оперетачную примадонну, съ которою давно разошелся, онъ закутилъ, сталъ брать взятки и, наконецъ, застрѣлился. Во второмъ разсказѣ представленъ жизнерадостный художникъ, которому едва не измѣнила еще болѣе жизнерадостная жена, а въ третьемъ — выведены типы бюрократическаго міра Повѣствованія читаются легко, — съ тою особенною легкостью, которая близко граничитъ съ ощущеніемъ пустоты. Авторъ «мимоходомъ» касается всевозможныхъ злободневныхъ вопросовъ, сыплетъ блестками поверхностнаго остроумія, съ очевиднымъ пристрастіемъ останавливается на подробностяхъ натуралистически - чувственнаго свойства. Символическое заглавіе пристегнуто, повидимому, съ расчетомъ на новѣйшіе запросы читающей публики. Книга производитъ поистинѣ прискорбное впечатлѣніе: писательская умѣлость съ проблесками несомнѣнной талантливости могла-бы быть употреблена г. Дѣдловымъ на болѣе почтенное и полезное дѣло. Истинное творчество несовмѣстимо съ потаканьемъ вкусамъ читателей, ищущихъ въ книгѣ мимолетнаго развлеченія.

Вл. Гиляровскій. **Забытая тетрадь.** (Стихотворенія). Изданіе 2-е. Москва. 1896. 182 стр Ц 1 р.

Г. Гиляровскій вполнѣ основательно назвалъ свой сборникъ стихотвореній „*Забытою* тетрадью“: настроенія, которыя онъ передавалъ въ довольно гладкихъ, не чуждыхъ одушевленія стихахъ, давно уже перестали служить источникомъ истиннаго вдохновенія. Г. Гиляровскій самъ сознаетъ это и выразилъ съ полною чистосердечностью (127): «Вотъ старая тетрадь лежитъ передо мною, какъ памятникъ давно прошедшихъ лѣтъ, но то, къ чему когда-то рвался я душою, теперь не дорого, и *прелести* въ немъ нѣтъ...» А такъ какъ именно «прелесть», т. е красота, очарованіе, является исключительною цѣлью искусства, каково-бы ни было его фактическое содержаніе и какъ-бы ни были сами по себѣ почтенны воспѣваемыя чувства, то стихи, не производящіе обаятельнаго впечатлѣнія, неизбѣжно обречены на забвеніе. Мелкія пьесы, въ которыхъ г Гиляровскій чувствовалъ себя почти свободнымъ отъ путъ тенденціозной предвзятости („Каменный городъ,“ „Послѣ бурныхъ водопадовъ,“ „Ночью,“ „Ночь и утро.“ „Замолкъ вулканъ,“ „Зима въ деревнѣ,“ Забыты рѣчи“) не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ; небезынтересны и поэмы, посвященныя историческому прошлому казачества. Г. Гиляровскій принадлежитъ къ числу поэтовъ, всецѣло примыкающихъ къ Некрасовской группѣ.

Digitized by Google

Первые шаги. Стихотвореніе *Р. М. Амирова.* Баку. 1896. 83 стр. Ц. 50 к.

Г. Амировъ не увѣренъ въ твердости своихъ «первыхъ шаговъ» на тернистомъ пути къ поэтической славѣ. Онъ, какъ будто, увѣренъ даже въ обратномъ. Предчувствуя безпощадный приговоръ критики, онъ идетъ къ ней навстрѣчу съ чистосердечнымъ признаніемъ: «*не суди* ты меня, коль ты въ пѣсняхъ моихъ не найдешь ни огня, ни созвучій живыхъ. *За то* стоны души выражаю я въ нихъ, мои пѣсни безъ лжи, неподдѣленъ мой стихъ». Правдивость и чуткость души качества сами по себѣ почтенныя, но авторъ напрасно ссылается на нихъ, какъ на «смягчающія вину обстоятельства»—стихи *безъ огня, безъ созвучій живыхъ* все таки не избѣгнуть строгаго и вполнѣ справедливаго осужденія.

Ю Елецъ. **Изъ жизни.** Очерки и разсказы. Съ 37 рисунками. Спб. 1896. 207 стр. Ц. 1 р.

Двадцать небольшихъ разсказовъ. Въ первомъ изъ нихъ герою является во снѣ отравленная мужемъ въ прошломъ столѣтіи графиня и приказываетъ сжечь хронику, содержащую въ себѣ ея исторію. Въ знакъ благодарности за эту странную услугу, она посылаетъ ему встрѣчу со своимъ живымъ воплощеніемъ Герой разсказа женится на обновленномъ оригиналѣ портрета загадочной графини Во второмъ разсказѣ выведена свѣтская красавица, засидѣвшаяся въ «старыхъ дѣвахъ», вслѣдствіе поцалуя, которымъ она обмѣнялась съ молодымъ учителемъ и о которомъ узналъ «свѣтъ» отъ заставшей ее «на мѣстѣ преступленія» матери. Третій разсказъ, «Свѣтскій шантажъ», повѣствуетъ о злополучной судьбѣ бывшаго гвардейскаго офицера, исключеннаго изъ полка и академіи в лѣдствіе ничтожной интриги. Остальные семнадцать разсказовъ также не блещутъ ни своеобразностью замысла, ни содержательностью. Заурядные сюжеты обработаны совершенно заурядно; книга украшена недурными рисунками.

Иванъ Стамезкинъ. Вырвавшееся признаніе. Извозчикъ. *А. Д. Мясоѣдова.* Спб. 1896. 167 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Большую часть книги г. Мясоѣдова занимаетъ «правдивая повѣсть», озаглавленная по имени героя «Иванъ Стамезкинъ». Стамезкинъ — столяръ, любящій свое мастерство. Сначала ему все удавалось,—онъ женился на красивой и состоятельной дѣвушкѣ, завелъ свою мастерскую, затѣмъ его разорилъ ловкій мошенникъ, жена умерла, находка облигацій привела на скамью подсудимыхъ. Исторія эта разсказана слащаво-неряшливымъ языкомъ, безъ малѣйшаго поползновенія на литературность. Впрочемъ, на 74-й стр. г. Мясоѣдовъ обмолвился претенціознымъ изреченіемъ: «*Бѣдняга* (Стамезкинъ) *не зналъ*, что одинъ человѣкъ никогда не рѣшится на то, на что легко рѣшаются многіе, что *всѣ великія намѣренія исходили не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ мнѣній*, что *всѣ подвиги совершались не единицами, а толпою.*» Наряду съ этою нелѣпостью, обличающею въ авторѣ графомана, впечатлѣніе болѣзненнаго симптома производитъ и завершающія повѣсть три строки точекъ и высокопарное послѣсловіе: «С.-Петербургъ. Окончено 1 августа, 1893 года, въ 3 часа пополудни».

Леонидъ Денисовъ. **Цѣною вѣры.** Романъ изъ жизни современныхъ раскольниковъ. Москва. 1896. 208 стр. Ц 1 р.

Разгонисто напечатанная книжка полемическаго содержанія, выдаваемая авторомъ за романъ. Г. Денисовъ повѣствуетъ о совращеніи староверами въ расколъ, какого-то небывалаго у ченаго и писателя причемъ особенно напираетъ на нечестную *расплату* раскольниковъ за отступничество. Не отличаясь никакими литературными достоинствами, книга не представляетъ интереса и въ бытовомъ отношеніи, вслѣдствіе грубо-тенденціознаго сгущенія красокъ и очевидной предвзятости аляповатыхъ характеристикъ.

В. П. Соколовъ. **Новая мама.** Повѣсть. Москва. 1896. 187 стр. Ц. 75 к

Безхитростный разсказъ отъ лица чувствительнаго. мальчика, сдружившагося съ мачихой, измѣнившей впослѣдствіи своему мужу. Эта дѣтская любовь, какъ и первая любовь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, описаны г. Соколовымъ въ нѣсколько сантиментальномъ тонѣ.

Novus ego въ колизеумѣ вандаловъ). **Снѣжинки.** Изъ литературнаго увража—нѣчто мемуарное. Исторія одной зимней ночи въ сценахъ. картинахъ, аккордахъ и звукахъ Спб. 1896. 108 стр Ц. 50 к.

Заглавіе этой книги говоритъ само за себя; намъ остается лишь добавить, что текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію. Не желая оставаться голословными, приводимъ выдержку изъ раскрытой наудачу книжки: «Теперь отдыхаю, ранѣе все писалъ, я кое-что кропаю (мараю . но спосно-ли—не знаю и не зналъ..· Настряпалъ эпопею о своемъ бытьѣ и жду зрѣть ее въ печати, какъ розана въ кутьѣ» (стр. 74).

Тайны двухъ клубовъ. Романъ въ двухъ частяхъ, съ эпилогомъ. *Розоваго Домино.* Спб 1895. 383 стр. Ц. 2 р.

Фельетонно-обличительный романъ «рыночнаго производства», съ прозрачными намеками на завсегдатаевъ двухъ петербургскихъ клубовъ и игорныхъ притоновъ. Авторъ, повидимому, ознакомленъ съ пріемами шулеровъ, обирающихъ довѣрчивыхъ любителей азарта; нѣсколько страницъ, посвященныхъ изобличенію различныхъ способовъ карточнаго плутовства, не лишены нѣкоторой поучительности. Все остальное—достойно сюжета: сцены одна пошлѣе и циничнѣе другой нанизываются на фабулу, сводящуюся къ организаціи, процвѣ-

Digitized by Google

танію и распаденію грандіознаго игорнаго притона. Книга, очевидно, разсчитана на самые низменные и неприхотливые вкусы, написана съ полнымъ пренебреженіемъ къ элементарнымъ литературнымъ требованіямъ. Первая же страница (описаніе карточной комнаты) испещрена стилистическими курьезами: «Вокругъ *всякаго* стола *сидятъ по восьми и двѣнадцати* (!) человѣкъ и за спиной *каждаго* (?) стоитъ по нѣсколько наблюдающихъ»; «всѣ *погружены въ очки* (?) мастей»; «кромѣ высокихъ грудъ кредитокъ, на столѣ *вращаются* (!?) банковые билеты, выигрышные займы и серіи». Объ этой неряшливой, безграмотной пачкотнѣ не стоило-бы и упоминать, если-бы романъ, подписанный псевдонимомъ «Розовое домино», не печатался, до появленія отдѣльнымъ изданіемъ, въ распространенной газетѣ. Систематическое, производимое изо дня въ день развращеніе вкуса у читающей массы, не говоря уже о потаканіи грубымъ, разнузданнымъ инстинктамъ, составляетъ явленіе глубоко возмутительное.

II. ДѢТСКІЯ КНИГИ.

За Дунаемъ. Очерки и разсказы изъ сочиненій *В. И. Немировича-Данченко*. Изданіе пятое, библіотеки «Дѣтскаго Чтенія». Выпускъ I. Москва 1896. Стр. 144. Ц. 30 к.

Недавно вышло въ свѣтъ пятое изданіе извѣстной книжки г. Немировича-Данченко «За Дунаемъ». Книжка заключаетъ въ себѣ шесть художественно изложенныхъ разсказовъ, заимствованныхъ изъ событій войны съ турками 1877—78 г., а именно: «Сестра милосердія», «Бой за знамя», «Опасная ночь», «Какъ спасли Шипку», «Третья Плевна», «Богданъ Шипкинъ». Разсказамъ предшествуетъ довольно подробный очеркъ положенія славянъ Балканскаго полуострова, съ объясненіемъ причинъ, побудившихъ ихъ къ возстанію. Пріятно было-бы видѣть эту хорошую книжечку изданной болѣе изящно и аккуратно; но этому, вѣроятно, препятствуетъ незначительная цѣна изданія.

Кавказскіе разсказы. *В. Ц. Желиховской*. Съ 33 иллюстраціями по оригинальнымъ рисункамъ проф. А. Шарлеманя. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1895 г. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.

Природа Кавказа и бытъ его обитателей горцевъ, очевидно, очень хорошо знакомые нашей писательницѣ, служатъ неисчерпаемымъ источникомъ для ея произведеній. Новая ея книга заключаетъ въ себѣ пять отдѣльныхъ разсказовъ „Кунакъ Рагимъ“, „Лѣто на Сунжѣ“, „Въ обители св. Шіо“, „Мамедъ Селимъ“ и „Взрывъ“. Содержаніе сборника переноситъ читателя въ ту эпоху, когда Кавказъ былъ только-что покоренъ русскими войсками. Удачно схваченные и живо очерченные типы горцевъ, симпатичныя стороны ихъ характера, часто скрывающіяся подъ природною внѣшнею грубостью, любопытныя подробности быта — все это привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только юнаго, но и взрослаго читателя.— Книга украшена достаточнымъ количествомъ иллюстрацій по рисункамъ профессора А. Шарлеманя, но жаль, что исполненіе этихъ иллюстрацій далеко неудовлетворительно.

Мамины сказки и разсказы маленькимъ дѣткамъ *И. Бѣлоусова*. Изданіе М. М. Ледерле. Спб. 1896 г. Стр. 61. Ц. 50 к.

Маленькія дѣтки, которымъ г. Бѣлоусовъ предназначаетъ свою новую книжку, навѣрно не безъ удовольствія прослушаютъ или сами прочтутъ заключающіеся въ ней семнадцать крошечныхъ разсказовъ. Эти послѣдніе, хотя и не представляютъ изъ себя ничего выдающагося, тѣмъ не менѣе симпатичны по любовному отношенію автора къ маленькимъ читателямъ, которое проглядываетъ въ каждой строчкѣ. Изложеніе не достаточно образное, но отличается простотою.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. **Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста.** Изданіе книжнаго склада Дм. Ив. Тихомирова. Москва 1895 г. Стр. 143. Ц. 60 к. Неподдѣльный юморъ, задушевность и теплота чувства, которымъ проникнуто это произведеніе, сильный и образный языкъ въ связи съ оригинальностью и крайней простотой фабулы съ первыхъ-же страницъ овладѣваютъ воображеніемъ ребенка.

Разсказы снабжены достаточнымъ количествомъ хорошо исполненныхъ рисунковъ.

Анна. Романъ для дѣтей *А. Н. Анненской*. Изданіе второе. Спб. 1896 г. Стр. 169. Ц. 60 к.

Прекрасный, едва-ли не единственный во всей нашей дѣтской литературѣ романъ для дѣтей „Анна“ вышелъ, наконецъ, послѣ долгаго промежутка времени (первое его появленіе относится къ 1881 г.) вторымъ изданіемъ. Мы особенно рекомендуемъ юнымъ читателямъ это произведеніе г-жи Анненской, имя которой пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ одной изъ лучшихъ и дѣльнѣйшихъ дѣтскихъ писательницъ. Доступное и близкое дѣтямъ по интересамъ и положеніямъ содержаніе этого романа, его прекрасныя, полныя интереса описанія городской и деревенской жизни дѣлаютъ его увлекательнымъ; а здравая мораль, что счастье не въ праздной свѣтской жизни, а въ скромной, но полезной дѣятельности не навязана извнѣ, а естественно вытекаетъ изъ хода дѣйствія.

III. ПЕДАГОГИКА.

Учебникъ всеобщей исторіи. Сост. *П. Виноградовымъ*, проф. московскаго университета. Часть III. Новое время. Москва. 1896 г., у П. Дейбнера.

Digitized by Google

Мы прочли эту книгу съ большимъ удовольствіемъ. Авторъ не загромоздилъ своего учебника цифрами и мелочами, къ перечисленію которыхъ обыкновенно сводится въ нашихъ гимназіяхъ преподаваніе такъ называемой «батальной» исторіи, но зато онъ передаетъ въ своей книгѣ *духъ* времени и опредѣляетъ значеніе событій для культуры данной эпохи. «Предлагаемый сжатый очеркъ, говоритъ онъ, не долженъ замѣнить живого и подробнаго разсказа о тѣхъ или иныхъ событіяхъ и дѣятеляхъ: авторъ будетъ считать свою цѣль достигнутой, если окажется, что преподавателямъ удобно отправляться отъ этого очерка въ своихъ разсказахъ, а ученикамъ важно возвращаться къ нему, чтобы свести слышанное къ общему порядку и единству». Больше, чѣмъ обыкновенно это дѣлается, авторъ обращаетъ вниманіе на политическія событія XIX столѣтія, и это очень важно. У насъ часто можно встрѣтить молодыхъ людей, знающихъ про персидскія войны, но о событіяхъ первой половины настоящаго вѣка имѣющихъ лишь очень смутное понятіе.

Г. Преображенскій. **Краткая исторія Россійскаго государства для православнаго русскаго народа и народной школы.** Москва. 1896 г. Изданіе К. И. Тихомирова.

До сихъ поръ мы думали, что сочиненія и руководства по исторіи составляются соразмѣрно со степенью умственнаго развитія ихъ предполагаемыхъ читателей и съ удивленіемъ узнаемъ изъ заглавія книги, что *вѣроисповѣданіе* читателей имѣетъ въ этомъ отношеніи тоже какое-нибудь значеніе. Тамъ, гдѣ авторъ пускается по поводу историческихъ событій въ «собственныя разсужденія» и пытается дѣлать какіе-либо выводы, становится страшно за его «православныхъ» читателей. „Жилища славянъ ставились, говоритъ авторъ, по большей части въ *уютныхъ* мѣстахъ: въ лѣсахъ, при озерахъ, рѣкахъ и болотахъ“. Нечего сказать, хороша „уютность“ на болотѣ! «Легко и просто,—заявляетъ между прочимъ авторъ—добродушнымъ нашимъ предкамъ достался порядокъ». Это хорошо сказано, и его-бы устами да медъ пить!

С. И. Шохоръ-Троцкій. **Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики въ школѣ и дома?** Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Эта книжка заслуживаетъ полнаго вниманія. Ея назначеніе—служить пособіемъ при классномъ и домашнемъ преподаваніи ариѳметики съ помощью первой части методическаго сборника задачъ того-же автора. Объ этомъ сборникѣ мы дали отзывъ въ іюньской кн. «Сѣв. В.» за 1895 г.

Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія. Составилъ *Д. И. Тихомировъ.* Ц. 30 к.—То-же. Вторая книга. Ц. 35 к.—То-же. Руководство для учителя. Ц. 30 к. Москва. 1896 г. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе».

Эти книги, назначенныя для перваго и второго года обученія въ народной школѣ, обращаютъ на себя вниманіе обдуманнымъ подборомъ статей, въ достаточной степени новымъ и разнообразнымъ, хотя и не очень строгимъ: слишкомъ много слащаваго и манернаго, особенно въ первой книгѣ. Едва-ли полезно держать дѣтей въ напряженной атмосферѣ постоянной чувствительности и поучительности.

Наблюденія и замѣтки учителя рисованія. (Матеріалы для преподаванія съ пояснительными чертежами). *Я. Бѣлоусова,* препод. севастопольскаго Константиновскаго реальн. училища. Севастополь. 1896. Цѣна 1 р. Стр. 52

Авторъ этой брошюры поставилъ себѣ задачей «шагъ за шагомъ изложить свой способъ веденія дѣла, начиная съ первыхъ до послѣднихъ уроковъ курса рисованія въ реальн. училищѣ». Для учителей рисованія книжка г. Бѣлоусова представляетъ несомнѣнный интересъ: въ ней изложены результаты почти 30-лѣтней педагогической дѣятельности, увѣнчавшейся настолько солиднымъ успѣхомъ, что академія художествъ на девятомъ конкурсѣ отвела работамъ учениковъ севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища первое мѣсто. Г. Бѣлоусовъ настаиваетъ на необходимости уяснять при преподаваніи теоретическія основы рисованія, не ограничиваясь одними практическими занятіями, сводящимися къ пріобрѣтенію учениками поверхностнаго навыка. Къ брошюрѣ приложено 25 небольшихъ пояснительныхъ чертежей. Методъ, выработанный г. Бѣлоусовымъ, представляется наиболѣе примѣнимымъ къ преподаванію въ весьма многочисленныхъ классахъ. Само собой разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ о развитіи въ учащихся индивидуальнаго элемента, единственно цѣннаго въ искусствѣ, не можетъ быть и рѣчи; вся задача учителя, поневолѣ, сводится къ изложенію простой «графической грамотности». Г. Бѣлоусовъ, сознавая неудовлетворительность постановки преподаванія этого предмета въ нашихъ училищахъ, высказываетъ пожеланіе, чтобы учителямъ рисованія оказывали содѣйствіе помощники, какъ принято заграницей; положеніе преподавателя, обреченнаго имѣть дѣло съ классомъ въ 40—70 учениковъ, при чемъ необходимо удѣлять нѣкоторое вниманіе каждому рисующему въ отдѣльности, *по меньшей мѣрѣ ненормально.*

IV. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

И. Я. Фойницкій. **Курсъ уголовнаго судопроизводства.** Т. 1-й изд. 2-е Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Книга проф. Фойницкаго представляетъ рѣдкое исключеніе среди современныхъ

Digitized by Google

профессорскихъ произведеній. Въ ней, какъ и во всякой книгѣ, имѣются недочеты, но въ ней все чисто. Содержаніе и изложеніе курса незапятнаны посторонними соображеніями и той «научной сноровитостью», о которой говоритъ Щедринъ («За рубежемъ») и которая теперь снова вошла въ моду. Эта чистота и есть лучшее достоинство книги проф. Фойницкаго, а глава о судѣ присяжныхъ является мужественнымъ протестомъ противъ тѣхъ тенденцій, которыя по тому-же вопросу г. г. Дейтрихи проводятъ на страницахъ „Журнала Министерства Юстиціи». Книгу проф. Фойницкаго вообще можно признать однимъ изъ самыхъ полезныхъ изданій для само образованія.

И. Н. Стрижовъ. **Объ уральскихъ горныхъ заводахъ.** Екатеринбургъ. 1896 г.

Всѣ трактующіе о несмѣтныхъ богатствахъ, лежащихъ въ нѣдрахъ русской территоріи, должны остановить свое благосклонное вниманіе на брошюркѣ г. Стрижова. Въ этой маленькой брошюркѣ представлено не мало горькой правды на тему о бѣдности среди несмѣтныхъ богатствъ природы. На Уралѣ въ нѣдрахъ земли скрыты несмѣтныя богатства, но онѣ въ руки почему-то не даются. На Уралѣ горно-заводское дѣло падаетъ, а не развивается. Вотъ результатъ тѣхъ громадныхъ затратъ, которыя были сдѣланы въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій въ интересахъ развитія горнаго дѣла на Уралѣ. Г. Стрижовъ полагаетъ, что горному дѣлу на Уралѣ можно помочь и что ему можетъ предстоять блестящая будущность. Конечно, все это можетъ случиться не при настоящихъ условіяхъ, когда мужикъ въ среднемъ можетъ употреблять на свои нужды около 20 ф. чугуна. Въ Англіи и С.-А. С. Штатахъ въ среднемъ на одного человѣка приходится 10 п. чугуна. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ можетъ предъявлять спросъ на продукты горной промышленности, тамъ она можетъ развиваться и развивается безъ содѣйствія запретительныхъ таможенныхъ ставокъ на иностранные продукты горной промышленности. У насъ-же на эти ставки возлагались и возлагаются всѣ надежды. Все сказанное, конечно' не отрицаетъ того факта, что въ нѣдрахъ территоріи, занимаемой Россіей, дѣйствительно скрыты несмѣтныя богатства природы, что не мѣшаетъ на той-же самой территоріи бѣдствовать народамъ, ее населяющимъ.

А. Штофъ. **Горное право.** Сравнительное изложеніе горныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Россіи и въ главнѣйшихъ горнопромышленныхъ государствахъ западной Европы. Сп. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Горное право—въ странѣ несмѣтныхъ горныхъ богатствъ—наука почти неизвѣстная. Авторъ, давъ весьма скромное заглавіе своей книгѣ, пополнилъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ пробѣловъ въ нашей спеціальной литературѣ. Нѣкоторые изъ главныхъ вопросовъ (о горной свободѣ и горной регаліи) освѣщены слабо, но въ общемъ было-бы весьма отрадно, если-бы книга эта получила самое широкое распространеніе среди русской читающей публики. Она съ большой охотой теперь слѣдитъ за вопросами изъ области зачахшаго сельскаго хозяйства и ей слѣдуетъ ознакомиться съ вопросами горнаго хозяйства, также зачахшаго при всѣхъ природныхъ данныхъ для блестящаго развитія.

В. Г. Щегловъ. **Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I.** Выпускъ 1-й. Ярославль. 1895 г. Ц. 3 р.

Г. Щегловъ уже дебютировалъ (1892 г.) большимъ томомъ о государственномъ совѣтѣ безъ всякаго успѣха. Теперь онъ выступаетъ во второй разъ—съ тѣмъ же государственнымъ совѣтомъ и обѣщаетъ изложить его исторію въ царствованіе Александра I. Вышедшій пока первый выпускъ представляетъ не то передѣлку, не то сокращеніе первой неудачной работы г. Щеглова съ разными добавленіями и разъясненіями. Въ этомъ выпускѣ г. Щегловъ едва дошелъ до государственнаго совѣта въ царствованіе Александра I, а потому его можно признать неудачнымъ введеніемъ къ слѣдующему выпуску. Подождемъ, что дастъ второй выпускъ, а пока второй дебютъ г. Щеглова, видимо, не сулитъ ему особыхъ радостей.

Максимовъ. **Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія.** Сп. 1895 г.

Въ наше время крайне необходимо напоминать о весьма плодотворной дѣятельности въ разныхъ областяхъ мѣстной жизни. Г. Максимовъ въ небольшой брошюрѣ представилъ намъ очеркъ земской дѣятельности въ той области, которая до земской реформы находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Мѣстная медицина—созданіе земства. Больницы, пріемные покои, психіатрическія клиники, пріюты для незаконнорожденныхъ, неизлѣчимо-больныхъ—все это создано земствомъ. Но главная заслуга земства въ этой области — это созданіе земскаго персонала, преданнаго своему дѣлу. Мы, конечно, не станемъ доказывать, что земская дѣятельность по призрѣнію „несчастныхъ" и въ санитарномъ медицинскомъ отношеніи дала громадные результаты. Опытъ земской дѣятельности тѣмъ и дорогъ для всей мыслящей части общества, что онъ во-очію свидѣтельствуетъ о томъ, что могли-бы сдѣлать общественныя силы въ Россіи, при иномъ къ нимъ отношеніи и при нахожденіи въ ихъ рукахъ значительной части тѣхъ средствъ, которыя теперь расходуются «казеннымъ порядкомъ». Подтвержденіе этой мысли можно найти въ той главѣ бро-

Digitized by Google

шюры г. Максимова, въ которой приводятся свѣдѣнія объ общественномъ призрѣніи въ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій. Въ этихъ губерніяхъ почти ничего не сдѣлано и нѣтъ той организованной среды, которая стремилась-бы что-либо сдѣлать.

Я. Косторовичъ. **Законы.** Дешевое изданіе для народа.

Г. Косторовичу пришла въ голову счастливая мысль довести до свѣдѣнія народа тѣ законы, по которымъ онъ, предполагается, живетъ и жить обязанъ. Каждый выпускъ «законовъ для народа» г. Косторовичъ украсилъ внушительной выпиской изъ ст. 62 ос. зак., гласящей. что «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона». Не знаемъ, побудитъ-ли эта выписка народъ покупать законы въ изданіи г. Косторовича. Беретъ онъ за законы очень дорого: отъ 5 до 10 коп. за главу. Напр., выпуститъ г. Косторовичъ изъ улож. о наказ. главу о преступленіяхъ противъ жизни, здоровья, свободы и чести частныхъ лицъ и пишетъ на обложкѣ, что сей выпускъ стоитъ 10 коп. За выпускъ меньшей главы г. Косторовичъ беретъ 5 к. Спрашивается, сколько народу пришлось-бы заплатить по такому расчету г. Косторовича за цѣлый томъ св. зак.? Очень дорого, дороже чѣмъ беретъ государственная канцелярія. За дорогую цѣну г. Косторовичъ преподноситъ народу небрежно издаваемые выпуски.

Г. П. Каменскій. **Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія тори $18^{84}/_{86}$—$18^{92}/_{93}$ гг.** Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Недавно одна «патріотическая» газета, одолѣваемая умопомрачительной страстью къ славѣ отечества, категорически заявила, что наши «отечественные финансы стоятъ выше англійскихъ финансовъ». Тѣмъ, кто увлекся опаснымъ фанатизмомъ газеты, не мѣшаетъ прочесть книгу нашего финансоваго агента въ Лондонѣ, г. Каменскаго. Эта книга раскроетъ предъ нимъ тѣ условія, благодаря которымъ финансы ведутся правильно, если вообще страна не бѣдствуетъ. Г. Каменскій рѣшилъ написать довольно подробное дополненіе къ книгѣ покойнаго Бунге, «Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи». Поставивъ себѣ такую задачу, г. Каменскій избралъ удачную форму для ея осуществленія. Онъ рѣшилъ изобразить весь механизмъ англійскихъ финансовъ въ его движеніи за извѣстный періодъ весьма близкій къ нашему времени. Такимъ законченнымъ періодомъ въ то время, когда и Каменскій писалъ свою книгу, являлось то шестилѣтіе въ исторіи англійскихъ финансовъ, въ теченіе котораго ими завѣдывалъ Гошель ($18^{87}/_{88}$ — $18^{92}/_{93}$ гг.). Въ книгѣ г. Каменскаго представлена масса сырого матеріала, весьма поучительнаго для образованныхъ читателей. Спеціалисты не найдутъ въ ней никакихъ новыхъ данныхъ, ни новаго освѣщенія извѣстныхъ имъ порядковъ. Изложеніе не отличается систематичностью и иногда останавливаетъ на себѣ вниманіе по своей безсвязности при выясненіи самыхъ простыхъ вопросовъ въ строѣ англійскихъ финансовъ.

П. Н. Никольскій. **Основные вопросы страхованія.** Казань. 1896 г. Ц. 3 р.

Книга проф. Никольскаго посвящена теоріи страхованія и эта теорія въ спеціальной монографіи изложена такъ, какъ ее излагаютъ по шаблону въ учебникахъ политической экономіи. Всѣ вопросы по теоріи страхованія, уже разжеванные въ учебникахъ, всѣмъ надоѣли, если ихъ трактуютъ чисто учебническимъ порядкомъ. Г. Никольскій много мѣста посвящаетъ довольно затрепанному вопросу о сосредоточеніи страхованія въ рукахъ государства. Г. Никольскій говоритъ слегка и о страхованіи рабочихъ и, повидимому, увѣренъ, что въ столь сложномъ вопросѣ, какъ страхованіе рабочихъ, послѣ выхода книги «Основные вопросы», ничего не осталось спорнаго и невыясненнаго. Не мѣшаетъ отмѣтить, что почтенный авторъ «Основныхъ вопросовъ страхованія» доказываетъ, что «взносы со стороны самого государства части премій вмѣсто рабочихъ» не могутъ быть оправданы... Вагнеръ и другіе сторонники такихъ взносовъ государства заблуждаются!.. Видите, свѣтъ идетъ изъ Казани.

Іосифъ Флавій. его жизнь, литературная и общественная дѣятельность Соч. *В. М. Дубнова.* Одесса. 1896. 59 стр. Ц. 20 к.

Монографія г Дубнова составляетъ выпуски 16 и 17-й изданія «Наша старина», посвященнаго очеркамъ изъ исторіи еврейскаго народа. Г. Дубновъ довольно подробно обрисовываетъ условія, при которыхъ протекла политическая и литературная дѣятельность Іосифа Флавія; впечатлѣнію, производимому очеркомъ, вредитъ, главнымъ образомъ, напыщенность слога, которымъ онъ написанъ, и пристрастіе біографа къ нравственнымъ свойствамъ Іосифа Флавія. Г. Дубновъ нерѣдко впадаетъ въ панегирическій тонъ въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣе умѣстными представляются безпристрастная критика или отрицательное отношеніе къ компромиссамъ, оправдываемымъ лишь духомъ эпохи.

V. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МЕДИЦЫНА.

Камиллъ Фламмаріонъ. **Міры дѣйствительные и воображаемые.** Пер. Ив. Святскаго. Изд. П. П. Сойкина („Полезная библіотека"). Спб. 1896 г. 190 стр. Ц. 50 к.

Довольно трудно сдѣлать справедливую оцѣнку книжекъ Фламмаріона. Всѣ онѣ написаны талантливо, научно и доступно, но

Digitized by Google

ихъ такъ много, каждая въ отдѣльности до такой степени похожа на остальныя, что читатель съ тоскою спрашиваетъ себя: зачѣмъ понадобилось автору еще разъ излагать то-же самое, въ той-же формѣ, тѣми-же пріемами, а во многихъ мѣстахъ буквально тѣми-же словами? Вотъ, повидимому, разгадка: Фламмаріонъ хочетъ уловить въ сѣти своей науки людей всѣхъ сортовъ, даже тѣхъ, кто не хочетъ и слышать о ней. Одному онъ даетъ легкое руководство для самообразованія, другому—популярно-научную книгу, третьему преподноситъ астрономію подъ видомъ философской книжки, четвертаго интригуетъ разрѣшеніемъ вопросовъ о загробной жизни, телепатіей, оккультизмомъ, пятаго прельщаетъ романомъ, діалогомъ, фантастическимъ путешествіемъ, историко литературно-анекдотическимъ изслѣдованіемъ и т. д. Настоящій трудъ—просто научно-популярная книга по астрономіи съ историко-литературнымъ добавленіемъ. Жаль, что переводчикъ, для сокращенія, замѣнилъ дословный переводъ приводимыхъ авторомъ цитатъ пересказомъ: читатель теряетъ довѣріе къ такой цитатѣ.

Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ проф. Демме. Перев. съ нѣм. врача *А. Коровина*. Москва 1895. Ц. 50 к.

Въ обстоятельной рѣчи проф. Демме приводитъ цѣлый рядъ вѣскихъ и неоспоримыхъ научныхъ данныхъ противъ употребленія алкоголя дѣтьми. Авторъ краснорѣчиво доказываетъ, что алкоголь прямо вреденъ для ребенка, въ какой-бы формѣ его ни принимали, что онъ задерживаетъ ростъ и развитіе организма, физическое и нравственное. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы вѣковые предразсудки, до сихъ поръ еще запутывающіе вопросъ объ алкоголѣ, скорѣе разсѣялись и чтобы пьющіе родители, желая какъ-бы оправдаться передъ дѣтьми, не пріучали ихъ съ колыбели къ тому-же самому яду, безъ котораго сами не могутъ жить.

Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ. Д-ра *Н. І. Рачинскаго*. Спб. 1895. Ц. 1 р. 40 к.

Работа д-ра Рачинскаго касается сравнительно еще новаго метода лѣченія, который сперва вызвалъ громадное увлеченіе однихъ, и, благодаря этому, недовѣріе другихъ, но теперь начинаетъ пріобрѣтать право гражданства, хотя область его примѣненія значительно сужена.

Названное сочиненіе, толковое и краткое, можетъ служить хорошимъ руководствомъ для изученія даннаго вопроса. Недостатокъ книги—слишкомъ дорогая цѣна. Нельзя вообще не пожелать, чтобы и спеціальныя книги издавались болѣе дешево.

Значеніе велосипеда съ точки зрѣнія врача невропатолога. Проф. И. М. Догеля. Казань 1895. Ц. 30 к.

Велосипедная ѣзда и ея вліяніе на организмъ. Д-ра Л. П. Боголѣпова. Москва 1895. Ц. 60 к.

Брошюра проф. Догеля имѣетъ болѣе спеціальный характеръ и написана скорѣе для врачей, чѣмъ для публики. Разсмотрѣвъ вліяніе усиленной работы ногъ на дыханіе, кровообращеніе и общее состояніе здоровья, авторъ приходитъ къ заключенію, что велосипедная ѣзда, укрѣпляя нижнія конечности, не можетъ быть безразлична для другихъ частей организма, особенно для головного и спинного мозга и для тазовыхъ органовъ; въ раннемъ-же возрастѣ, пока организмъ еще не вполнѣ развился, она даже неблагопріятно вліяетъ на формировку скелета. Въ виду этого проф. Догель полагаетъ, что чрезмѣрное увлеченіе велосипедомъ не можетъ быть оправдано наукой, и что правильнѣе искать, хотя менѣе пріятной, но болѣе полезной гимнастики.

Д-ръ Боголѣповъ—самъ велосипедистъ и притомъ такой, которому „приходилось дѣлать болѣе 120 верстъ въ ночь". Судитъ о велосипедѣ онъ скорѣе по собственнымъ ощущеніямъ, въ общемъ очень пріятнымъ, чѣмъ на основаніи строго научныхъ положеній. Д-ръ Боголѣповъ считаетъ, что велосипедъ полезенъ не только для здоровыхъ, но и для больныхъ, какъ лѣчебное средство при многихъ болѣзняхъ Конечно, къ его словамъ слѣдуетъ относиться осторожно, какъ къ словамъ человѣка, грѣшнаго въ томъ самомъ увлеченіи, которое онъ защищаетъ.

Съ этой оговоркой брошюру д-ра Боголѣпова можно рекомендовать вниманію читателей.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Составилъ *Алекс. Альмедингенъ*. Ч. I. 2-е изд. Ф. Павленкова.

Эта небольшая аккуратно изданная книга содержитъ 175 краткихъ совѣтовъ и указаній научно-практическаго характера по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, начиная съ мѣръ противъ вредныхъ насѣкомыхъ до приготовленія ваксы, клея и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія, какъ заявляетъ въ предисловіи составитель, взяты изъ газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ. Совѣты разбросаны въ безпорядкѣ, безъ всякой опредѣленной системы. Объ одномъ и томъ-же предметѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, на 49 стр. говорится объ истребленіи сусликовъ при помощи сѣрнистаго углерода, а на стр. 873-й послѣ замѣтокъ о ночной температурѣ, о бобахъ, о культурѣ хлопчатника, риса, аниса, объ оврагахъ, пасѣкахъ, американскихъ лозахъ и т. п. разнообразныхъ вещахъ—встрѣчаемъ снова «практическій способъ пользованія сѣрнистымъ углеродомъ для борьбы съ сусликами».

Digitized by Google

Попадаются мѣстами ошибки и неточности. Въ замѣткѣ о запасѣ хлѣбовъ личинка перепончатокрылаго насѣкомаго хлѣбнаго пильщика называется «гусеницей одной мухи». На 70 стр. сказано: «овечій клещъ яицъ не кладетъ, а производитъ прямо гусеницъ». Не говоря уже о неправильномъ употребленіи послѣдняго названія, примѣнимаго только по отношенію къ личинкамъ бабочекъ, нужно замѣтить, что всѣ клещи, за исключеніемъ небольшой группы растительно-ядныхъ Oribatidae, принадлежатъ къ яйцекладущимъ животнымъ.

Несмотря на указанные недостатки, книга эта вполнѣ достойна вниманія: въ ней— масса матеріала, среди котораго есть много очень полезныхъ и необходимыхъ въ домашнемъ быту свѣдѣній.

Здоровье. Книжка первая. Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Составилъ для школъ и грамотнаго народа врачъ *А. Латышевъ*. Цѣна 25 к. Изданіе 2-ое. Жиркова. М. 1895 г.

Авторъ задается цѣлью описать строеніе и главнѣйшія функціи человѣческаго организма, показать, что нужно для правильнаго его развитія и сохраненія здоровья. Онъ описываетъ скелетъ, мышцы, кровообращеніе и пищевареніе. Изложена книга понятно, живо, нѣтъ излишнихъ подробностей, снабжена рисунками, такъ что при чтеніи получается довольно ясное представленіе. Для разъясненія авторъ беретъ обыкновенно явленія, которыя всякій замѣчалъ, даетъ при случаѣ и медицинскіе совѣты. Особенно подробно изложенъ отдѣлъ «пищевареніе», гдѣ авторъ разбираетъ самый процессъ пищеваренія, сколько и какой именно пищи нужно здоровому человѣку, тутъ-же разсказываетъ о составѣ различныхъ съѣстныхъ продуктовъ, о дѣйствіи напитковъ, въ особенности спиртныхъ, на организмъ человѣка. Очень мало сказано о нервной системѣ и ни слова объ органахъ внѣшнихъ чувствъ. А нужно-бы было хотя кратко описать ихъ, указать на громадное значеніе правильнаго ихъ развитія и на то, какія условія въ особенности дурно дѣйствуютъ на нихъ. Умалчиваетъ также авторъ и о половыхъ органахъ. Почему? Это необходимо знать, хотя-бы въ виду сохраненія здоровья.

Сергѣй Соколовъ. **Астрономическія изслѣдованія**. М. 1896 г. 296 стр. Ц. 1 р.

Авторъ лѣтъ двадцать тому назадъ началъ заниматься астрономіею «для собственнаго удовольствія» и при этомъ поставилъ себѣ немудреную задачу «разгадать порядокъ разстояній планетъ отъ солнца». Плоды своего досуга онъ сперва сообщилъ нѣкоторымъ „астрономамъ"... но затѣмъ предпочелъ обратиться къ „любителямъ астрономіи", которымъ и посвящается книга. Вотъ образчикъ его умозаключеній (стр. 272). «Мы сказали выше, что кометы состоятъ изъ скопленія малыхъ метеоровъ. Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія, что кончина міра послѣдуетъ отъ кометы». Предоставимъ астрономамъ отыскивать среди соображеній г. Соколова зерно новыхъ законовъ міросозданія.

Digitized by Google

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Переписка Бѣлинскаго съ невѣстой.—Страница изъ исторіи духоборцевъ.

Переписка Бѣлинскаго съ невѣстой.

Въ изданномъ недавно сборникѣ общества любителей Россійской словесности на 1896 годъ, подъ заглавіемъ «Починъ», помѣщенъ рядъ писемъ В. Г. Бѣлинскаго къ его невѣстѣ, М. В. Орловой, ярко обрисовывающихъ отношеніе извѣстнаго критика къ условнымъ требованіямъ общественной морали. Приводимъ наиболѣе характерныя выдержки изъ этой интересной переписки, существенно дополняющей біографическій матеріалъ, относящійся къ послѣднему періоду дѣятельности Бѣлинскаго.

Г. А. Джаншіевъ, снабдившій примѣчаніями эти письма, сообщаетъ со словъ А. В. Орловой нѣкоторыя біографическія данныя объ ея сестрѣ Марьѣ Васильевнѣ Орловой, которой Бѣлинскій сдѣлалъ предложеніе лѣтомъ 1843 г. и съ которой обвѣнчался въ ноябрѣ того же года. М. В. Орлова родилась 1812 г. Воспитаніе она получила въ московскомъ Александровскомъ институтѣ, гдѣ кончила курсъ съ первою медалью Выдаваясь среди сверстницъ по своимъ умственнымъ способностямъ, М. В. отличалась замѣчательною красотою, и на ней остановилъ вниманіе Николай I во время коронаціонныхъ празднествъ 1826. По окончаніи курса М. В. оставлена была пепиньеркою при институтѣ, затѣмъ она была гувернанткой въ семьѣ племянницы извѣстнаго писателя Лажечникова, а въ 1835 г. поступила классной дамою въ Екатерининскій институтъ. Знакомство ея съ Бѣлинскимъ относится къ тому-же году. Раньше она читала и зачитывалась Бѣлинскимъ, причемъ особенное впечатлѣніе произвела на нее появившаяся въ 1834 г. извѣстная статья Бѣлинскаго «Литературныя мечтанія». Познакомилась М. В. съ Бѣлинскимъ въ домѣ П. Я. Петрова, впослѣдствіи ученаго оріенталиста. Бѣлинскій посѣщалъ М. В. въ институтѣ и приносилъ ей книги для чтенія. Такъ продолжалось до переѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ въ 1839 г.—М. В. Бѣлинская умерла въ 1890 г.

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 7 сентября 1843 г.

«Погода въ Пб. чудесная, весенняя. Она прибыла сюда вмѣстѣ со мною, потому что до моего пріѣзда здѣсь были дождь и холодъ. А теперь на небѣ ни облачка, все облито блескомъ солнца, тепло, какъ въ ясный апрѣльскій день. Вчера было туманно, и я думалъ, что погода перемѣнится; но сегодня снова блещетъ солнце, и мои окна отворены. А ночи? Если-бы вы знали, какія теперь ночи! Цвѣтъ неба густо-теменъ и въ то-же время ярко блестящъ усыпавшими

Digitized by Google

его звѣздами. Не думайте, что я не берегусь, обрадовавшись такой погодѣ Напротивъ: я и днемъ, какъ и вечеромъ, хожу въ моемъ тепломъ пальто, чему, между прочимъ, причиною и то, что еще не пришелъ въ П. посланный по транспорту ящикъ съ моими вещами, гдѣ обрѣтается и мое лѣтнее пальто. Впрочемъ, днемъ нѣтъ никакой опасности ходить въ одномъ сюртукѣ, безъ всякаго пальто, но вечеромъ это довольно опасно, и вотъ ради чего я и днемъ жарюсь... (въ) зимнемъ пальто. Мнѣ кажется, что въ Москвѣ теперь должна быть хорошая погода Не забудьте увѣдомить меня объ этомъ: московская погода очень интересуетъ меня. Не повѣрите, какъ жарко: окна отворены, а я задыхаюсь отъ жару. На небѣ такъ (ярко) и свѣтло, а на душѣ, такъ легко и весело!..

... Прощайте. Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастія, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я,—я хотѣлъ-бы теперь хоть на минуту увидать васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза. обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза; въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастія въ грусти этого воспоминанія!..»

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 14 сентября того-же года.

«Боже мой! сколько мученій прекратило ваше письмо! Сколько разъ думалъ я: если это отъ болѣзни, то сохрани и помилуй меня Богъ (это чуть-ли не первая была моя молитва въ жизни); если-же это такъ—нынче да завтра, то прости ее, Господи! Я сталъ робокъ и всего боюсь, но больше всего въ мірѣ—вашей болѣзни. Мнѣ кажется. что я такъ крѣпокъ что смѣшно и думать и заботиться обо мнѣ; но вы—о Боже мой, Боже мой, сколько тяжелыхъ грезъ, сколько мрачныхъ опасеній!..

«Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое письмо. Оно такъ просто, такъ чуждо всякой изысканности и между тѣмъ такъ много говоритъ. Особенно восхитило оно меня тѣмъ, что въ немъ вашъ характеръ, какъ живой, мечется у меня передъ глазами,—вашъ характеръ, весь составленный изъ благородной простоты, твердости и достоинства. Ваши выговоры мнѣ за то и другое — я перечитывалъ ихъ слово по слову, буква по буквѣ, медленно, какъ гастрономъ. наслаждающійся лакомымъ кушаньемъ. Я далъ себѣ слово какъ можно больше провиняться передъ вами, чтобы вы какъ можно больше бранили меня. Впрочемъ, вы въ одномъ вашемъ упрекѣ мнѣ рѣшительно неправы. Какъ вы мало меня знаете, говорите вы мнѣ, и говорите неправду. Я васъ знаю хорошо, и самая ваша безтребовательность могла уже меня заставить немножко зафантазироваться. Притомъ-же, какъ русскій человѣкъ, я какъ-то привыкъ думать, что, женюсь, надо жить *шире*. Это, конечно, глупо. Я васъ знаю,—знаю, что васъ нельзя ни удивить, ни обрадовать мелочами и вздорами; но не отнимайте-же совсѣмъ у меня права думать больше о васъ, чѣмъ о себѣ. Я знаю, что для васъ все равно, тотъ или этотъ стулъ, лишь-бы можно было сидѣть на немъ; но чтожъ мнѣ дѣлать; если я счастливъ мыслью, что лучшій стулъ будетъ у васъ, а не у меня. Глупо, глупо и глупо—вижу самъ; да развѣ я претендую теперь хоть на капельку ума? Развѣ я не знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ началъ посѣщать Сок., [1])—сдѣлался такимъ дуракомъ, какимъ еще не бывалъ. Теперь я понялъ

[1]) Сокольники.

Digitized by Google

ту великую истину, что на свѣтѣ только дураки счастливы. Я было отчаялся въ возможности быть сколько-нибудь счастливымъ, не понимая того, что не велика бѣда, если родился не дуракомъ—стоитъ сойти съ ума... Зарапортовался!»

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 20 сентября того-же года.

«...Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не расчетъ. а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все—быть человѣчески достойными счастія, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, по-человѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Всякое важное обстоятельство въ жизни есть лотерея, особенно бракъ; нельзя, чтобы рука не дрожала, опускаясь въ таинственную урну за страшнымъ билетомъ, но неужели-же слѣдуетъ отдергивать руку потому, что она дрожитъ?—Вы больны,—это правда; но вѣдь и я боленъ; я былъ-бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала-бы по себѣ, что такое страданіе. Намъ-же не въ чемъ будетъ завидовать другъ другу, и мы будемъ понимать одинъ другого во всемъ—даже и въ болѣзняхъ»...

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 1 октября того-же года.

«...Ваше письмо доконало меня во всѣхъ отношеніяхъ. Вы ждете моего отвѣта, чтобы сообразно съ нимъ распорядиться. Само собою разумѣется, что я поступлю такъ, какъ вы хотите, какъ ни страшно тяжело это для меня. Vous êtes esclave и прекрасная россіянка — не въ обиду вамъ будь сказано. И это мнѣ горше всего. Конечно, сбереженіе денегъ вещь важная, и что̀ я истрачу на проѣздъ, все это могло бы быть употреблено съ большею пользою; но деньги на могутъ быть крайнимъ препятствіемъ. Гораздо важнѣе для меня потеря времени, ибо я нуженъ Краевскому, и онъ довольно уже терпѣлъ отлучки и помѣху работѣ. Но что̀ всего хуже, всего ужаснѣе, это—покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующихъ святость отношеній, въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей. У дядюшки обѣдъ! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ дядюшки, всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями. Если-бы вы пріѣхали въ Петербургъ,—тихо, просто, *человѣчески* обвѣнчались бы мы съ вами въ церкви какого-нибудь учебнаго заведенія, и присутствовало бы тутъ человѣкъ пять (никакъ не болѣе) моихъ друзей, да одна изъ женъ моихъ друзей, съ которою могли бы вы пріѣхать въ церковь, если-бы, въ качествѣ прекрасной россіянки, нашли неловкимъ пріѣхать туда со мной. Я смотрю на этотъ обрядъ, какъ на необходимый *юридическій* актъ, и чѣмъ проще онъ совершится, тѣмъ лучше. Б. взялъ Агт. подъ руку, да и пошелъ съ нею по Невскому въ Казанскій соборъ, въ сопровожденіи пяти пріятелей—такъ и воротился словно съ прогулки. Вы могли бы остановиться у меня, ибо что̀ вамъ за дѣло до того, что̀ объ васъ станутъ говорить люди, которыхъ вы не знаете и никогда не узнаете, а тѣ, которыхъ вы будете знать, будутъ на это смотрѣть, какъ я. Знаете-ли что? Я долженъ теперь лгать передъ моими друзьями, ибо я никогда не рѣшусь сказать имъ о вашихъ мотивахъ и о той шутовской процедурѣ, которую долженъ я буду пройти въ Москвѣ. Они не повѣрятъ, что слышатъ это отъ Бѣлинскаго. Причины ваши всѣ недостаточны и ложны. Кстати замѣчу, что въ Питерѣ ни одинъ человѣкъ не пойметъ, въ чемъ тутъ неприличіе, ибо въ Петербургѣ нравы ближе къ Европѣ и человѣчности,—не то, что въ Москвѣ, этомъ égout, наполненномъ дядюшками и тетушками, этими подонками, этимъ отстоемъ, этою изгарью татарской цивилизаціи. При вѣнчаніи будутъ—пишете вы—всего человѣкъ *двадцать*, да съ моей стороны человѣкъ 10 или 15: да зачѣмъ и гдѣ наберу я такую орду? У меня

Digitized by Google

все такіе знакомые, для которыхъ подобное зрѣлище нисколько не интересно. Будутъ, можетъ быть, человѣка три. Вы даже убѣждены, что если-бы мы, обвѣнчавшись, не уѣхали въ тотъ же день, то были-бы должны дѣлать и отдавать визиты, *иначе подпадемъ анаѳемѣ*: ахъ Marie, Marie, да что же вамъ за дѣло до всѣхъ этихъ анаѳемъ? Неужели вамъ мало любви и уваженія человѣка, котораго вы избрали въ спутники вашей жизни, уваженія и пріязни всѣхъ тѣхъ, коихъ *онъ* уважаетъ и любитъ,—и вы хотите еще знать, что объ васъ говорятъ люди, съ которыми у васъ нѣтъ ничего общаго, которымъ до васъ, такъ же, какъ и вамъ до нихъ, нѣтъ дѣла?..»

«Что касается до моей статьи, то взгляды мои въ ней вы раздѣляете только *теоретически*; ваше письмо доказываетъ, что на *практикѣ* мы розно понимаемъ вещи. Прощайте. Не сердитесь на меня за сердитыя фразы: надо же мнѣ дать волю высказать тяжесть души,—послѣ этого я буду смиренъ, какъ теленокъ, и буду мычать у вашихъ дядюшекъ и тетушекъ.»

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 2 октября того-же года.

...Знаете ли что!—мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но то, что вы обнаруживаете столько resignation въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина. Во мнѣ такъ много недостатковъ, что уже ради одной ихъ многочисленности не слѣдуетъ мнѣ приписывать несуществующихъ во мнѣ».

...И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Для меня противны слова: *невѣста*, *жена*, *женихъ*, *мужъ*. Я хотѣлъ бы видѣть въ васъ ma bien aimée, amie de ma vie, ma Eugenie... По моему *кровному* убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло касается только двоихъ—больше никого...

«У меня есть фракъ, который сшитъ назадъ тому *три* года и давно уже страшно вышелъ изъ моды (вы видѣли меня въ немъ въ мою зимнюю поѣздку въ М.), и что-же? несмотря на свою старость, онъ новехонекъ, какъ-будто вчера сшитъ, ибо я не надѣвалъ его и 10 разъ. Въ П. я и его надѣлъ-бы, на случай церемоніи, только для того, чтобы не смутить вашего взгляда на эти вещи. Что-же касается до меня собственно, я зналъ-бы, что нашъ бракъ былъ-бы равно дѣйствителенъ передъ гражданскимъ закономъ—во фракѣ или сюртукѣ вѣнчался я. Если мы будемъ вѣнчаться въ Пет., на мнѣ, сверхъ обыкновеннаго ежедневнаго моего костюма, будетъ только одинъ фракъ, и тотъ старомодный, галстухъ черный, а жилетъ пестрый; не куплю даже бѣлыхъ перчатокъ—не изъ экономіи, а такъ, по нѣкоторому, мнѣ извѣстному, чувству. Да и передъ кѣмъ-же мнѣ было-бы рядиться? вѣдь родственника ни одного — все друзья, все люди, одинаково со мною думающіе и чувствующіе, и, однако-жъ, живущіе совсѣмъ не въ эмпиреѣ, а на бѣдной нашей землѣ, подъ сѣрымъ и дождливымъ небомъ Петербурга».

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 4 октября того-же года.

«Любовь есть религія женщины, и нѣтъ для женщины высшаго и болѣе святого наслажденія, какъ всѣмъ жертвовать своей религіи. Для нея свято всякое законное и справедливое требованіе того, кого она любитъ. Съ моей стороны, я тоже имѣю право предложить вамъ вопросъ: «Неужели же ваше чувство ко мнѣ такъ слабо, что вы не можете принести мнѣ жертвы (необходимость какой внутренно признаете сами) и не можете выполнить самаго справедливаго и законнаго—не требованія—я не требую,—а прошу, умоляю васъ!»

Digitized by Google

«Я увѣренъ, что вы хорошо поймете что я хочу сказать... Но великій Боже!—какая ужасная идея входитъ мнѣ въ голову: неужели это возможно, что дѣло наше, изъ такой причины, отложится, и мы не будемъ обвѣнчаны до поста? Нѣтъ, М., если не изъ любви ко мнѣ, то хоть изъ сожалѣнія пощадите и спасите меня. Я, конечно, «не окончу смертью живота моего» — этого не бойтесь, но меня можетъ постигнуть праведная смерть—мною овладѣваетъ апатія, уныніе, лѣность, преферансъ—я опущусь до послѣдней степени. Это неизбѣжно и вѣрно, какъ и то, что я буду гордъ и счастливъ вами, если вы побѣдите своего внутренняго врага — боязнь *княгини Марьи Алексѣевны*. Ахъ, Марія, Марія, только теперь почувствовалъ я, какъ сильно, какъ глубоко люблю я васъ. То, что считаю я въ васъ недостаткомъ, заставляетъ меня не сердиться на васъ, не охладѣвать къ вамъ, но болѣзненно страдать. Со времени полученія вашего письма, я самъ не свой».

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 10 октября того же года.

«Не могу, не въ силахъ писать вамъ, какъ обрадовало меня ваше рѣшеніе ѣхать въ Москву (въ Спб.). Это рѣшеніе достойно васъ и доказываетъ мнѣ ясно, что я не ошибся въ васъ. Сперва вы думали объ этомъ предметѣ иначе,—что-жъ за бѣда! Зато теперь вы думаете о немъ какъ слѣдуетъ. Ошибки извинительны человѣку, особливо если онѣ выходятъ не изъ его натуры, а изъ воспитанія, изъ общественнаго мнѣнія и т. д. Дѣло не въ томъ, чтобы никогда не дѣлать ошибокъ, а въ томъ, чтобы умѣть сознавать ихъ и великодушно, смѣло слѣдовать своему сознанію. Я больше всего цѣню въ людяхъ эластичность души, способность ея движенія впередъ. Вотъ бѣда, когда эта божественная способность утрачена! Въ васъ она жива—это для меня слишкомъ довольно, чтобы быть счастливымъ черезъ васъ и за вами».

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 12 октября того-же года.

«Сегодня получилъ я отъ васъ второе письмо, которое вы написали, побывавъ у своего дражайшаго дядюшки, и въ которомъ *поэтому* я уже не узналъ васъ. Въ немъ ничего нѣтъ вашего,—особенно вашей благородной откровенности: вы хитрите и лукавите со мною. а, можетъ быть, прежде всего съ самой-собою. «*Я пріѣду, непремѣнно пріѣду*», говорите вы, но къ этому прибавляете: «*если вы такъ этого хотите*». А развѣ вы не знаете, что *я такъ этого хочу*? Развѣ вы не знаете, *что я такъ этого хочу потому, что иначе и нѣтъ возможности соединиться намъ, ибо ѣхать въ М. я рѣшительно не могу*? Кажется, я объ этомъ писалъ подробно и ясно? Потомъ, какъ вы обѣщаетесь пріѣхать? — съ оговорками, что, можетъ быть, дурно сдѣлаете, пожертвовавъ одному чувству другими хотя и не столь сильными, но все же святыми; что, можетъ быть, убьете сестру и отца, и что, можетъ быть, пріѣдете въ бѣлой горячкѣ... Marie, Marie! да кто-жъ этакъ соглашается? этакъ только отказываютъ начисто...»

«Наконецъ, Marie, я долженъ выразиться откровеннѣе: у меня нѣтъ въ головѣ органа, какимъ-бы я могъ понять, почему вы дѣлаете такой важный вопросъ изъ такого пустого дѣла, какъ переѣздъ вашъ изъ М. въ П? Я вѣрю вамъ, что вы много и тяжело страдаете, да только я не понимаю, какъ-же это и отчего, и потому не чувствую никакой симпатіи къ вашимъ страданіямъ, — хотя мысль о нихъ тѣмъ болѣе усиливаетъ мои собственныя...»

«Письмо ваше, Marie, заставило меня перегорѣть въ жгучемъ жупельномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія какихъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Задыхаясь и стоная, валялся я по дивану. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если-бы я не послалъ къ нему въ четвергъ, я или-бы умеръ къ утру отъ удара въ голову, или сошелъ-бы съ ума...»

Digitized by Google

«Горько мнѣ, что мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ такъ мало понимаемъ другъ друга. Мнѣ мало того, что вы пріѣдете въ П.: меня все-таки будетъ убивать мысль, что вы этимъ принесли мнѣ жертву. Я хотѣлъ-бы, чтобъ эта поѣздка ничего вамъ не стоила, кромѣ обыкновенныхъ безпокойствъ дороги. Меня убиваетъ мысль, что вы, кого считалъ, я лучшею изъ женщинъ, что вы, въ рукахъ которой теперь счастіе и бѣдствіе всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы,—раба мнѣній московскихъ кумушекъ, салопницъ и тетушекъ. Вотъ чѣмъ Богъ-то наказалъ меня за грѣхи, а не тѣмъ, что вамъ 32 года и что вы больны!.. И тяжка наказующая меня десница!..»

«Получивъ письмо, я долго былъ въ страшной нерѣшимости—отложить окликъ или нѣтъ. Не знаю, худо или хорошо я сдѣлалъ, но рѣшился не откладывать. Marie, моя добрая, моя милая Marie, у вашихъ ногъ, рыдая, обнимая ваши колѣна, цѣлуя край вашего платья, умоляю васъ, спасите меня отъ горя и отчаянія, сдѣлайте меня вполнѣ счастливымъ—пріѣзжайте; но рѣшитесь на это твердо, мужественно, проникнувшись чувствомъ обязанностей, которыя налагаетъ на васъ любовь, если вы любите меня...

Изъ письма Бѣлинскаго отъ 15 октября того-же года.

...Пріѣзжайте вы въ Петербургъ, и къ посту мы обвѣнчаны, а къ празднику мы уже привыкли-бы къ нашему новому положенію, рѣка вошла-бы въ свои берега и потекла-бы ровною, чистою и свѣтлою волною, отражая въ себѣ далекія небеса, если-бы то угодно было Богу. А вы думаете, *привычка* дѣло легкое и скорое? Я отъ брака съ вами никогда не ожидалъ восторговъ, да и Богъ съ ними, съ этими восторгами, не стоятъ они того, чтобы гнаться за ними; я ожидалъ отъ жизни вдвоемъ съ вами существованія мирнаго, яснаго, теплаго, охоты къ труду и любви къ своему углу, или, какъ французы говорятъ, къ своему очагу. И это бы пришло и этимъ-бы мы наслаждались уже вполнѣ мѣсяца черезъ два (еслибы мы обвѣнчались въ началѣ ноября); а теперь этого надо ожидать *мѣсяцевъ* черезъ *восемь*...

Святители! Вы ли это, Марья Васильевна! Нѣтъ, это Марфа Васильевна!.. Я не знаю, какъ мнѣ благодарить Бога, что я получилъ отъ васъ письмо отъ 5 окт. Если умру скоро, велю положить съ собою въ гробъ это письмо, какъ лучшее и прекраснѣйшее, чѣмъ порадовали меня судьба и жизнь. Это письмо еще дорого для меня и съ другой стороны: оно для меня—вашъ духовный портретъ. Безъ него вашъ свѣтлый образъ затмился-бы въ душѣ моей, и я, какъ сумасшедшій, помучилъ-бы себя тщетнымъ усиліемъ вспомнить, кого-же и что-же любилъ я въ васъ... Но теперь мнѣ только стоитъ прочесть его,—и передо мною снова возстаетъ прекрасный и свѣтлый образъ лучшей женщины, какую только встрѣтилъ я въ жизни, женщины, которая много любила и много страдала, женщины, которую полюбилъ я за ея любовь и ея страданье, и за ея возвышенный и простой умъ, за ея горячее сердце и благородную душу...

«Да, Marie, мы съ вами во многомъ расходимся. Вы, за отсутствіемъ какихъ-либо внутреннихъ убѣжденій, обожествили деревяннаго болвана общественнаго мнѣнія и преусердно ставите свѣчи своему идолу, чтобъ не разсердить его. Я съ дѣтства моего считалъ за пріятнѣйшую жертву для Бога истины и разума—плевать въ рожу общественному мнѣнію тамъ, гдѣ оно глупо или подло, или то и другое вмѣстѣ. Поступить наперекоръ ему, когда есть возможность достигнуть той же цѣли тихо и скромно, для меня божественное наслажденіе. Зачѣмъ пишу я это вамъ? Затѣмъ, что въ ваши свѣтлыя минуты, когда вы будете самой-собою, вы поймете это и скажите: еслибъ онъ былъ не таковъ, я-бы, можетъ быть, больше любила его, но меньше уважала...

Впрочемъ, насъ раздѣлило воспитаніе, а не природа. Я люблю и уважаю вашу натуру, люблю и уважаю васъ, какъ прекрасную возможность чего-то пре-

Digitized by Google

краснаго. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-же виноваты вы, что родились и воспитались въ «дистанціи огромнаго размѣра», въ городѣ княгини Марьи Алексѣевны?

«А между тѣмъ въ этомъ городѣ есть и хорошіе, даже очень хорошіе люди. Я отдыхалъ душою въ семействѣ Корша, чуждомъ всякихъ предразсудковъ. Ахъ, еслибы знали вы, Marie, что за существо—жена Герцена! Она. дѣвушкою бѣжала отъ своей воспитательницы и благодѣтельницы—гнусной старухи, которая попрекала ее каждымъ кускомъ,—бѣжала отъ нея, чтобы обвѣнчаться съ теперешнимъ мужемъ своимъ,—и повѣрите-ли—не умерла, не впала въ бѣлую горячку, не сошла съ ума отъ этого. Это женщина, подобно вамъ, больная—низкаго роста, худая, прекрасная, тихая, кроткая, съ тоненькимъ голоскомъ, но страшно энергичная: скажетъ тихо,—и быкъ остановится и съ почтеніемъ упрется рогами въ землю передъ этимъ кроткимъ взглядомъ и тихимъ голосомъ. Наталья Александровна не побоялась бы познакомиться съ Eugénie. Когда я былъ у Герцена въ деревнѣ,—даже меня поразила царствующая тамъ европейская свобода. Всѣ мужчины въ блузахъ (родъ рубашки, опоясанный кожанымъ ремнемъ); гуляя, разъ я пожаловался на усталость и жаръ, и ко мнѣ всѣ пристали (и она), чтобы я снялъ съ себя сюртукъ и понесъ его на плечѣ. Разъ я сконфузился даже, когда она подшутила надъ моею чиновническою (все глупое и подлое есть чиновническое) вѣжливостью, что я поклонился ей, выходя изъ обѣда. Какъ жаль, что вы съ нею незнакомы: она вывела-бы васъ изъ затруднительнаго положенія и указала-бы вашей совѣсти большую дорогу. Боткинъ возилъ къ ней знакомиться Armance, и та была очень довольна этимъ знакомствомъ. Порядочный человѣкъ также и Грановскій. Когда шли толки о томъ, надо-ли обвѣнчаться Б. съ Arm., или остаться имъ безъ вѣнца въ интимныхъ отношеніяхъ,—я сказалъ, что это невозможно въ нашемъ обществѣ, ибо прежде всего, кто-же захочетъ быть знакомымъ съ Arm.?—«Жена Герцена и *моя* жена прежде всѣхъ»,—сказалъ Грановскій...

«Меня ужасаетъ мысль, что, можетъ быть, звѣрскія письма мои сильно подѣйствуютъ на ваше здоровье. О, я звѣрь, родился звѣремъ—имъ и умру. Но мое звѣрство скоро смѣняется человѣческимъ расположеніемъ, и тогда я изъ одного мученія перехожу въ другое. Marie, другъ мой, о, простите меня, если я огорчилъ васъ, забудьте это, изорвите мои несчастныя письма, и помните только одно, вѣрьте только одному, что я люблю, глубоко и сильно люблю васъ. Одумавшись, я понялъ, что требовалъ отъ васъ слишкомъ много, былъ къ вамъ несправедливо строгъ. Ваша слабость теперь понятна мнѣ, и я отъ всей души извиняю васъ въ ней. Поживя со мною, вы на многое будете смотрѣть иначе и во многомъ будете поступать иначе; но теперь—какъ винить васъ за то, что дышите тѣмъ воздухомъ, который окружаетъ васъ, а не тѣмъ, который далекъ отъ васъ...

«Прощайте. Отвѣчайте мнѣ немедленно на это письмо. Будьте свободны въ вашемъ рѣшеніи, и вѣрьте, что ваше спокойствіе и здоровье, въ моихъ глазахъ, стоютъ моего счастія, и что я постараюсь, какъ могу и умѣю, me résigner.

[*Послѣ этого письма М. В. Орлова рѣшилась пріѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ и обвѣнчалась съ Бѣлинскимъ*].

Страница изъ исторіи духоборцевъ.

Преслѣдованія секты духоборцевъ началось въ XVIII в. «Русск. Вѣд.» собрали весьма интересныя данныя изъ исторіи этой борьбы съ духоборцами.

Въ 1799 году, императоръ Павелъ издалъ строгій указъ противъ духоборцевъ Новороссійскаго края, въ которомъ говорилось: «По случаю открывшейся нынѣ въ Новороссійской губерніи духоборской ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей и противъ коей при началѣ царства нашего, слѣдуя человѣколюбію, употребили мы наикротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта восчувствуетъ наше отеческое къ ней снисхожденіе и на путь истинный разсудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей пощады недостойны, повелѣваемъ»—сослать на каторгу 31 человѣка духоборцевъ изъ Новороссіи (П. С. З. № 19,097). Преслѣдованіе духоборцевъ, за существованіе секты, продолжалось до конца царствованія. Только въ началѣ 1802 года Александръ I издалъ указъ, установившій иное отношеніе властей къ этой сектѣ. Духоборцы, жившіе въ Слободско-Украинской и Новороссійской губерніяхъ, обратились съ прошеніями на Высочайшее имя, въ которыхъ излагались притѣсненія, претерпѣваемыя ими, и испрашивалось переселеніе ихъ въ отдѣльное мѣсто. Въ отвѣтъ на это прошеніе послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя губернаторовъ обѣихъ губерній (П. С. З. № 20,123). Въ указѣ говорилось, что признано за благо, «сколько по уваженію претерпѣннаго сими людьми разоренія, столько и по тому предположенію, что такое отдѣленіе считается надежнѣйшимъ средствомъ къ погашенію ихъ ереси, переселить всѣхъ духоборцевъ въ Маріупольскій уѣздъ». Для наблюденія за этимъ переселеніемъ повелѣвалось избрать «надежнаго, благонравнаго и скромныхъ правилъ чиновника». Духоборцы должны были составить особыя поселенія. На каждую душу назначалось земли по 15 десятинъ, каждый переселявшійся дворъ получалъ на подъемъ по 100 рублей въ ссуду, которая должна взыскиваться черезъ десять лѣтъ, съ разсрочкой ея еще на двадцать лѣтъ; предлагалось духоборцамъ отправить ходоковъ для осмотра удобныхъ земель. За послѣдующіе годы мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указовъ, въ которыхъ выказывается забота оградить духоборцевъ отъ притѣсненій, желаніе поставить ихъ въ возможно благопріятныя условія. Въ 1803 г. повелѣно было поселить достойныхъ священниковъ въ селенія, гдѣ живутъ духоборцы, но обращать отъ ереси они должны только «кротостью примѣра и святостью жизни», но отнюдь не «истязаніями и принужденіемъ» (П. С. З. № 20,629). Когда духоборцы оказались среди жителей Тамбовской губерніи, состоялся Высочайшій указъ на имя губернатора о мягкомъ обращеніи съ сектантами, которые затѣмъ были переселены въ Мелитопольскій-же уѣздъ по собственному желанію, съ надѣленіемъ землею по 15 десятинъ на душу и съ освобожденіемъ отъ платежа повинностей на пять лѣтъ. Духоборцы, сосланные въ предшествующее царствованіе на каторгу, были освобождены отъ нея и поселены въ Сибири въ удобныхъ мѣстахъ, съ надѣленіемъ землей по 15 десятинъ на душу и съ другими льготами (П. С. З. № 21,845).

Духоборцы, оказавшіеся въ Финляндіи, были также переселяемы въ Мелитопольскій уѣздъ съ тѣми-же льготами, при чемъ въ указѣ объ этомъ (1816 г.) мы встрѣчаемъ такое предписаніе министру внутреннихъ дѣлъ: «Вы не оставите употребить всевозможныя попеченія къ устроенію и сохраненію сей колоніи на такомъ основаніи, чтобы составляющіе оную поселенцы, исправляя должныя повинности, пользовались покровительствомъ законовъ, подобно прочимъ въ Новороссійскомъ краѣ находящимся колонистамъ». Такимъ образомъ духоборцы были сравнены въ правахъ со всѣми колонистами Новороссійскаго края. Позднѣе, уже

Digitized by Google

въ двадцатыхъ годахъ, правительствомъ былъ предпринятъ дополнительный отводъ земель къ духоборческимъ селеніямъ, «дабы не могло стѣсниться обширное ихъ хлѣбопашество и скотоводстто» (П. С. З. № 28,254).

Правда, что наряду съ приведенными распоряженіями встрѣчались такіе указы, въ которыхъ приписываются и карательныя мѣры противъ духоборцевъ. Такъ, за соблазнъ православныхъ въ духоборческую секту полагалась сначала отдача въ солдаты въ сибирскіе баталіоны, позднѣе же была опредѣлена ссылка. Новообращенные переселялись въ духоборческія поселенія, но отъ нихъ отбирались маленькія дѣти, для воспитанія ихъ при школахъ и при монастыряхъ въ правилахъ православной вѣры. Встрѣчается также немало постановленій, относящихся до отбыванія духоборцами рекрутской повинности. За отказъ отъ военной службы полагалась для духоборцевъ каторга. Позднѣе было установлено, что присяги при поступленіи на службу съ духоборцевъ можно не требовать, но за отказъ отъ солдатчины предавать ихъ суду. Вопросъ объ отношеніи духоборцевъ къ военной службѣ признавался очень важнымъ, и еще въ 1825 г. императоръ Александръ I подтвердилъ особымъ указомъ, что духоборцы не избавлены отъ рекрутской повинности. Въ послѣдующее время правительство не разъ опредѣляло спеціальными постановленіями отношеніе духоборцевъ къ военной службѣ. Такъ, указами установлены были права духоборцевъ относительно найма охотниковъ и покупки рекрутскихъ квитанцій. Послѣ переселенія на Кавказъ духоборцамъ было сначала дозволено нанимать вмѣсто себя рекрутъ изъ магометанъ, но потомъ это было отмѣнено, и имъ было предоставлено нанимать охотниковъ только въ своей средѣ (2-е П. С. З. № 7,535, № 12,316). Въ сороковыхъ годахъ было установлено, что духоборцы не могутъ покупать рекрутскихъ квитанцій, если таковая первоначально выдана не духоборцу. Это было отмѣнено только въ 1863 г. (2-е П. С. З. № 39,799).

Въ одномъ изъ синодскихъ указовъ временъ Александра I встрѣчается такое опредѣленіе секты духоборцевъ: «Духоборческая секта находится внѣ всякаго установленнаго исповѣданія христіанской религіи; она есть ни что иное, какъ только невѣжественное уклоненіе отъ правовѣрія и правилъ, утвержденныхъ святою православною нашею церковью; заблуждающіе въ семъ расколѣ не принадлежатъ къ сословію истинныхъ ея чадъ» (П. С. З., № 25,610). Но, несмотря на такое опредѣленіе секты, относительно ея дѣйствовало такое постановленіе закона: «Доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно по единому смыслу ихъ ереси судить и обвинять ихъ въ семъ преступленіи, но должно, оставляя ихъ спокойными во внутреннемъ ихъ исповѣданіи, воспрещать только явные соблазны» (П. С. З., № 20,123).

Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторыя мѣры къ ограниченію секты духоборцевъ, въ общемъ законодательство Александра I было къ нимъ благосклонно: принципы, имъ установленные, кромѣ отдѣльныхъ исключительныхъ случаевъ, держались и потомъ, опредѣляя положеніе духоборцевъ. При Александрѣ I эти начала были не разъ подтверждаемы. Когда въ 1816 г. херсонскій военный губернаторъ выступилъ съ предложеніемъ мѣръ, враждебныхъ духоборцамъ, на его имя состоялся именной указъ, въ которомъ подробно установлены общія положенія относительно духоборцевъ. Военный губернаторъ хотѣлъ переселить духоборцевъ на другое мѣсто, донося «о развратной будто-бы ихъ жизни, зловредныхъ для общества правилахъ и желаніи разсѣвать оныя между

Digitized by Google

другими». Высочайшій указъ объяснялъ ложность такой постановки вопроса. Въ немъ прежде всего говорится, что въ Мелитопольскій уѣздъ духоборцы были переселены «частью во уваженіе претерпѣннаго ими прежде разоренія, частью-же въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи». Несомнѣнно отдаленіе сектантовъ отъ истинъ православія, но «сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному-ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ?.. Истинная вѣра порождается благодатью Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостью, а больше всего добрыми примѣрами. Жестокость-же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами въ продолженіе 30 лѣтъ до 1801 г., не токмо не истребили сей секты, но паче и паче примножили число послѣдователей ея». Многочисленныя донесенія мѣстныхъ начальниковъ и сенаторовъ-ревизоровъ свидѣтельствовали о духоборцахъ весьма выгоднымъ образомъ, отдавали во многомъ имъ справедливость, хотя и не защищали ихъ заблужденія, относились къ нимъ безпристрастно и съ христіанскою любовью. «Всѣ сіи обстоятельства показываютъ ясно, что не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь лежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему принужденіе и стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Переселеніемъ таковыхъ судьба ихъ отяготится снова, и они наказаны уже будутъ по одному доносу, безъ изслѣдованія истины, обвиненія и доказательства. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ; а церковь православная, сколь ни желала-бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ-ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу Главы ея, Христа Спасителя?» Далѣе указъ предписываетъ херсонскому военному губернатору «взирать на духоборцевъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользъ правительства во благѣ частномъ ввѣренныхъ ему людей. Участь сихъ поселенцевъ должна устроена быть безопасно. Надобно, чтобъ они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежнѣе можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его, кои столь для нихъ благотворны» (П. С. З. № 26,550).

Слѣдуетъ отмѣтить, что, по распоряженію Александра I, одно время духоборцамъ было запрещено именоваться духоборцами, а повелѣно называться мелитопольскими поселенцами. Однако, «мелитопольскіе поселенцы» вскорѣ подали на Высочайшее имя ходатайство о снятіи этого запрещенія, о возстановленіи прежняго названія, и это было имъ разрѣшено: такъ секта и осталась подъ прежнимъ своимъ названіемъ духоборцевъ.

Digitized by Google

Италія и Меникъ.

I.

Современное положеніе дѣлъ въ Эритреѣ служитъ какъ-бы предостереженіемъ другимъ державамъ по отношенію къ ихъ колоніальнымъ интересамъ. Поэтому не безъинтересно прослѣдить возникновеніе итальянскихъ колоній въ восточномъ углу Африки, а также и политику, приведшую къ такимъ печальнымъ результатамъ.

Едва достигнувъ объединенія, Италія начала уже мечтать о колоніальномъ расширеніи. Она не владѣла еще ни Венеціей, ни Римомъ, когда взоры ея устремились къ отдаленнымъ горизонтамъ, за предѣлы полуострова, который она находила уже тѣснымъ. Итальянскіе государственные дѣятели и поэты охотно говорили о primato, преобладаніи на Средиземномъ морѣ. Если вѣрить нѣкоторымъ изъ официіальныхъ рѣчей, произнесенныхъ по ту сторону горъ, занятіе Туниса итальянцами было уже рѣшено въ принципѣ съ 1864 года. Позднѣе, завершивъ свое объединеніе и достигнувъ лучшаго финансоваго положенія, Италія захотѣла осуществить лелѣянную въ 1864 году идею, но она нашла путь прегражденнымъ,—въ Тунисѣ утвердилась Франція.

Но иное поле дѣйствія, не на берегахъ Средиземнаго моря, готовила судьба честолюбивымъ колоніальнымъ стремленіямъ Италіи. Изучая исторію политическаго раздѣла Африки, приходится отмѣтить то любопытное явленіе, что масса фактовъ, которымъ съ самаго начала придавалось весьма маловажное значеніе, имѣла, съ точки зрѣнія колоніальнаго расширенія европейскихъ державъ въ этой части свѣта, очень серьезныя послѣдствія. Занятіе Габунской бухты съ цѣлью устройства въ ней стоянокъ французскихъ судовъ, назначенныхъ для преслѣдованія торговли неграми, послужило для Франціи началомъ владычества, распространившагося до озера Чадъ и бассейна Нила. Учрежденіе угольной станціи на почти пустынномъ пунктѣ берега Краснаго моря—мореходною компаніей дало итальянцамъ около 3,000 километровъ побережья Краснаго

Digitized by Google

моря и Индѣйскаго океана, сдѣлало ихъ обладателями части абиссинскаго плоскогорія, а со временемъ можетъ быть сдѣлаетъ ихъ хозяевами Эѳіопіи. По открытіи Суэцкаго канала, итальянская компанія Рубатино искала на берегу Краснаго моря пунктъ, который могъ-бы служить для остановокъ и возобновленія запасовъ провіанта ея судамъ, отправляющимся въ Индѣйскій океанъ. Портъ Ассабъ пришелся имъ по вкусу и былъ купленъ въ концѣ 1869 года. Это владѣніе не замедлило разростись, въ силу договоровъ, заключенныхъ съ туземными начальниками, и понемногу компанія сдѣлалась собственницею всего прибрежья ассабской бухты, равно какъ и острововъ, расположенныхъ въ ней. Пріобрѣтеніе компаніи Рубатино прошло сначала незамѣченнымъ и его не считали офиціальной колоніей. За это время Франція прочно обосновалась въ Тунисѣ. Итальянское министерство было обвинено въ томъ, что не сумѣло проявить необходимой ловкости и энергіи, чтобы этому помѣшать. Необходимо было дать удовлетвореніе слишкомъ раздраженному общественному мнѣнію и тогда очень кстати вспомнили о пріобрѣтеніи компаніи Рубатино. Въ 1882 году ассабская бухта была выкуплена итальянскимъ правительствомъ, принявшимъ на себя устройство правильной администраціи въ этой колоніи. Это былъ превосходный наблюдательный пунктъ, позволявшій слѣдить за югомъ Эѳіопіи. Обстоятельства не замедлили доставить случай утвердиться на сѣверѣ этой страны.

Въ серединѣ того-же 1882 года, Англія задумала учредить новый порядокъ вещей на берегахъ Нила. Англійскія войска, которымъ Франція предоставила дѣйствовать однимъ, оказались побѣдителями и водворились въ Александріи и Каирѣ. Англійскій кабинетъ потребовалъ отъ только что утвердившейся въ Ассабѣ Италіи содѣйствія, котораго Франція не хотѣла ему оказать. Сначала итальянское правительство отвѣтило отказомъ. Между тѣмъ, царство, основанное Мехметомъ-Али и его преемниками въ Суданѣ, кусокъ за кускомъ, отпадало отъ Египта. Могущество махди росло; только нѣсколько мѣстностей, да и то строго наблюдаемыя махдистами, представляли авторитетъ хедива въ долинѣ верхняго Нила. Чувствуя себя не въ силахъ остановить распространеніе и успѣхъ махдизма, Англія рѣшила очистить отъ войскъ Нубію и Суданъ. Генералъ Гордонъ былъ посланъ въ Хартумъ. На берегахъ Нила и побережьѣ Краснаго моря организовалась англійская экспедиція на помощь Гордону. Въ Италіи обнаружилось тогда сильное движеніе въ пользу союза съ Англіей для совмѣстныхъ дѣйствій въ Африкѣ. Чтобы доказать необходимость такого содѣйствія итальянскихъ войскъ въ Суданѣ, приводили массу сентиментальныхъ соображеній. Италія, говорили, должна упрочить за собою положеніе великой державы; она должна принять участіе въ миссіи, цѣль которой одинаково благородна и полезна. Подавая помощь войскамъ Гордона, стѣсненнымъ полчищами махдистовъ, Италія въ то-же время явилась-бы поборницею цивилизаціи и гуманности. Эта помощь, оказываемая величайшей морской державѣ, доставитъ Италіи

Digitized by Google

честь, славу и выгоду. Въ парламентѣ раздался авторитетный голосъ, возвѣстившій въ характерной, полной чисто-итальянской образности, рѣчи, о наступленіи времени «великихъ подвиговъ». Было даже сказано, что съ помощю Англіи, Италія найдетъ въ Красномъ морѣ ключъ къ Средиземному.

Итальянское правительство удовлетворило общественное мнѣніе. 5-го февраля 1885 года адмиралъ Калми высадился въ Массовѣ и объявилъ жителямъ, что «итальянское правительство, другъ Англіи, Турціи и Египта, приказало ему занять городъ». Въ городѣ находился египетскій гарнизонъ; его терпѣли нѣсколько мѣсяцевъ, но затѣмъ, 22-го ноября 1885 года, египетскому правителю было предписано итальянскими военными властями удалиться со своими войсками. Всякое сопротивленіе было невозможно и правитель долженъ былъ покориться.

Городъ Массова былъ хорошо избранъ, какъ операціонная база въ виду дѣйствій во внутрь страны противъ махдистовъ. Этотъ городъ былъ естественнымъ портомъ Эѳіопіи на сѣверѣ, центромъ всей торговли, идущей чрезъ Хартумъ и Кассалу изъ Судана, главнымъ этапомъ торговаго пути, ведущаго въ эти два города. Но, въ это время, выступилъ противникъ, съ которымъ итальянцы никогда не предполагали имѣть дѣло, и сразу воспрепятствовалъ ихъ проектамъ.

Король Іоаннъ, негусъ Эѳіопіи, соединившій подъ своею властью отдѣльныя части этой страны, страстно стремился къ овладѣнію побережьемъ Краснаго моря, что открыло-бы ему доступъ къ морю. Пока передъ нимъ были лишь египтяне, не разъ имъ побѣжденные и оставившіе ему на поляхъ битвы при Гунде и Гура, и въ другихъ отдѣльныхъ стычкахъ, массу боевыхъ запасовъ, провіанта и 20,000 своихъ солдатъ, Іоаннъ надѣялся достигнуть желаемаго, и въ 1884 году почти въ этомъ успѣлъ. Имъ были начаты съ Египтомъ переговоры съ цѣлью добиться очистки Массовы или по крайней мѣрѣ обѣщанія, что этотъ городъ не будетъ отданъ въ руки посторонней державы. И вотъ, съ высоты своихъ горъ, негусъ видитъ, что добыча ускользаетъ отъ него: Массову занимаетъ европейская держава и торговые рынки его страны оказываются закрытыми отъ моря! Сильное раздраженіе овладѣло имъ. Но не рѣшаясь на продолжительную, дорого стоющую войну, не будучи увѣренъ въ вѣрности своихъ вассаловъ и въ особенности вынужденный отражать нападеніе махдисскихъ войскъ, могущихъ съ минуты на минуту наводнить его владѣнія, онъ согласился отказаться отъ всякихъ претензій на Массову, —подъ условіемъ, что итальянцы не выйдутъ за черту города.

Эти послѣдніе, однако, хотя и приняли его условія, но не придали имъ никакого значенія. Массова была для нихъ закоулкомъ, въ которомъ они чувствовали себя запертыми. Нужно было, хотя-бы для здоровья солдатъ, становившихся малокровными отъ пребываніи на побережьѣ, подняться на плоскогоріе. Поэтому гарнизонъ Массовы былъ увеличенъ,

Digitized by Google

большая часть башибузуковъ, составлявшихъ часть египетскихъ войскъ, была присоединена къ гарнизону. Понемногу итальянскія войска заняли всѣ мѣстности, расположенныя въ равнинѣ между скатами плоскогорія и моремъ, двигаясь такимъ образомъ во внутрь страны.

Итальянская пресса изображала негуса Іоанна далеко въ непривлекательномъ свѣтѣ. Она представляла его человѣкомъ фальшивымъ, жестокимъ, полнымъ самохвальства и хроническимъ алкоголикомъ. Но о она не могли не признать за нимъ личнаго мужества и рѣшительности. Озлобленный несоблюденіемъ итальянцами заключенныхъ съ нимъ условій, негусъ удержалъ въ плѣну миссію, которую ему прислали итальянцы, и потребовалъ, чтобы итальянскія войска очистили всѣ занятые ими пункты внѣ Массовы. Отвѣтъ былъ отрицательный, тогда Алула, правитель Тигре, отъ лица негуса, занялъ позицію на югъ отъ Саати, занятой итальянцами.

25-го января 1887 года, Алула былъ сбитъ съ этой позиціи. На другой день колонна, подъ начальствомъ полковника Христофори, двигалась на помощь саатскому гарнизону. Приблизительно на полпути между Массовою и Саати, въ мѣстности, называемой Догали, отрядъ этотъ подвергся внезапному нападенію войскъ Алулы. Черезъ полчаса митральезы не могли болѣе дѣйствовать. Христофори потребовалъ подкрѣпленія изъ Массовы. Скоро не хватило и снарядовъ, бой происходилъ рукопашный. Окруженные безчисленнымъ врагомъ, итальянцы пали. Когда на слѣдующій день, подкрѣпленія, потребованныя несчастнымъ Христофори, прибыли на мѣсто дѣйствій, то глазамъ итальянцевъ представилась страшная картина. Абиссинцы убрали трупы своихъ, на мѣстѣ остались лишь трупы итальянцевъ; ни одинъ не отступилъ, всѣ пали на своихъ мѣстахъ. Изъ этой груды мертвыхъ тѣлъ едва удалось извлечь одного офицера и 90 еле-живыхъ солдатъ. Сами абиссинцы были совершенно удивлены своею побѣдою. Алула не посмѣлъ воспользоваться своимъ успѣхомъ и, вмѣсто того, чтобы идти на Массову, возвратился во внутрь Тигре. Испуганный потерями, причиненными его войскамъ итальянскою доблестью, негусъ Іоаннъ просилъ мира. Но волненіе, возбужденное въ Италіи всѣмъ случившимся, было настолько сильно, что едва-ли можно было ожидать, что мирныя предложенія негуса будутъ приняты. Извѣстіе о битвѣ при Догали вызвало на полуостровѣ взрывъ энтузіазма. Это былъ первый случай, въ которомъ новая реорганизованная итальянская армія проявила себя въ бою, и вездѣ въ королевствѣ съ гордостью говорили, что геройскій бой, выдержанный молодыми итальянскими войсками, сдѣлалъ бы честь самой испытанной въ бояхъ арміи. «Исторія сохранитъ незабвенную память о боѣ при Догали», говорилъ король Гумбертъ войскамъ, отправлявшимся на помощь своимъ братьямъ по оружію на абиссинской землѣ. Немедленно потребовалось 5 милліоновъ франковъ. Изъ полковъ на полуостровѣ была выдѣлена часть людей въ экспедиціонный корпусъ; такимъ образомъ въ 1 годъ съ 30-го іюня 1887 года по 30-ое іюня

Digitized by Google

1888 г., на абиссинскую армію было истрачено 60 милліоновъ и 20000 итальянскихъ солдатъ были посланы въ Массову.

II.

7-го января 1888 года, экспедиціонная армія, силою въ 30000 человѣкъ, выступила въ походъ и вновь заняла Саати, куда подошелъ и негусъ со своими войсками. Въ этомъ пунктѣ итальянцы сосредоточили всѣ средства защиты, построивъ хорошо укрѣпленный лагерь, снабженный всѣми приспособленіями современной военной науки. Обезпеченные провіантомъ со стороны моря, они не боялись 100 тысячной арміи негуса Іоанна. Этотъ послѣдній тщетно старался вызвать итальянцевъ въ открытое поле. Скоро въ лагерѣ негуса почувствовался недостатокъ воды и припасовъ, среди войскъ распространились болѣзни, и онъ принужденъ былъ быстро отступить.

На лѣтнее время военныя дѣйствія были пріостановлены и часть экспедиціоннаго корпуса вернулась въ Италію. Но нѣсколько времени спустя, итальянскія войска, оставленныя въ Африкѣ, потерпѣли новое пораженіе. Значительный отрядъ, большую часть котораго составляли туземныя войска, въ особенности башибузуки, былъ застигнутъ абиссинцами при Саганеити. Почти половина солдатъ и всѣ офицеры, за исключеніемъ одного, были убиты на мѣстѣ. Въ дѣйствительности, причиною пораженія была измѣна туземцевъ, которые въ самомъ началѣ дѣйствія перешли на сторону врага и начали стрѣлять въ итальянскихъ солдатъ. Такимъ образомъ, несмотря на громадныя усилія, предпринятыя Италіей, пораженіе при Догали не было отомщено. Ограничились лишь болѣе сильнымъ занятіемъ страны, на разстояніи 30 километровъ во внутрь ея. А кампанія въ сущности окончилась новымъ пораженіемъ. Потребовались новыя жертвы, и борьба, казалось, должна была продолжаться къ великому ущербу итальянскихъ финансовъ. Но, со времени своего объединенія, Италіи, какъ извѣстно, судьба весьма сильно благопріятствуетъ и каждое пораженіе въ Европѣ влекло за собою увеличеніе ея территоріи. То-же самое должно было случиться и въ Африкѣ. 10-го марта 1889 года, негусъ Іоаннъ былъ убитъ въ битвѣ съ дервишами при Метамне. Эта смерть совершенно измѣнила обстоятельства дѣла въ пользу Италіи.

Итальянцы, которые давно уже одновременно вели военныя экспедиціи и политическія интриги, предвидѣли случай смерти Іоанна и измышляли, какимъ образомъ извлечь изъ нея наибольшую выгоду. Еще со времени ихъ утвержденія въ Ассабѣ, они вошли въ переговоры съ Мененикомъ II, царемъ шоанскимъ и вассаломъ негуса, предполагая сдѣлать его царемъ Эѳіопіи, которую они взяли-бы подъ свой протекторатъ. Съ этою цѣлью они аккредитовали при немъ весьма опытнаго въ абиссинскихъ дѣлахъ человѣка—графа Антонелли. Послѣдній, сумѣвъ

Digitized by Google

расположить къ себѣ царя шоанскаго, внушилъ ему мысль начать войну съ Іоанномъ, съ цѣлью стать властелиномъ всей Эѳіопіи. Подъ вліяніемъ этихъ совѣтовъ, Менеликъ всталъ въ самыя двусмысленныя отношенія съ негусомъ. Послѣ битвы при Догали, Менеликъ, подъ разными предлогами, уклонялся отъ присоединенія своихъ силъ къ арміи негуса подъ Саати. Наконецъ, 20-го февраля 1889 года, онъ окончательно отложился отъ своего сюзерена и занялъ позицію на Голубомъ Нилѣ, на границѣ владѣній негуса. Іоаннъ увидѣлъ, что ему приходится имѣть дѣло одновременно съ тремя противниками: съ итальянцами, съ Менеликомъ и съ махдистами. Первоначально онъ пошелъ противъ Менелика. Произошла кровопролитная битва при Метамне, въ которой Іоаннъ и нашелъ смерть. Умирая, Іоаннъ назначилъ преемникомъ себѣ своего побочнаго сына, Мангасія.

Ожидаемый Менеликомъ и итальянцами моментъ наступилъ. 2-го мая 1889 года, спустя шесть недѣль послѣ смерти Іоанна, былъ заключенъ союзный договоръ между Менеликомъ и Италіей. Вопреки последней волѣ Іоанна, Менеликъ объявилъ себя негусомъ. По признаніи за нимъ этого сана главою эѳіопскаго духовенства, Менелику подчинялось большинство абиссинскихъ предводителей, Мангасія-же принужденъ былъ удалиться въ Тигре. Въ то-же время итальянцы, подъ предлогомъ помощи Менелику, перешли равнину, находящуюся у подножія абиссинскаго плоскогорія, и подошли къ Тигре. 2-го іюня 1889 года они безъ боя вошли въ Керенъ. 26-го января 1890 года, ровно три года спустя послѣ пораженія при Догали, итальянцы заняли Адую. Окруженный итальянскими и шоанскими войсками, Мангасія покорился Менелику, призналъ его негусомъ и получилъ отъ него вице-королевство Тигре. Итакъ, итальянская дипломатія могла радоваться результатамъ своей политики: Менеликъ II былъ признанъ «царемъ царей», негусомъ Эѳіопіи, а итальянцы подошли къ абиссинскому плоскогорію и заняли Асмару и Керенъ. Италія была связана съ новымъ негусомъ договоромъ, который, какъ казалось, былъ заключенъ къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. Чтобы придать болѣе блеска этому акту, Менеликъ отправилъ въ Италію посольство, во главѣ котораго стоялъ его двоюродный братъ, Маконенъ,—просить итальянскаго короля ратификовать договоръ 2-го мая 1889 года; что и было сдѣлано 29 сентября 1889 года. По этому договору, каждая договаривающаяся сторона могла назначить при другой дипломатическаго агента и консула. Часть абиссинскаго плоскогорія, а также Керенъ и Асмара были предоставлены въ полную власть Италіи. Съ своей стороны Италія обязывалась обезпечить эѳіопскую границу со стороны моря, а взамѣнъ этого, Менеликъ соглашался на посредничество Италіи во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ иностранными державами.

Благодаря субсидіямъ, итальянское правительство обезпечивало себѣ большія льготы для своей торговли, организовало таможенную службу, опредѣлило составъ и стоимость обмѣнной монеты. Въ то-же время,

Digitized by Google

итальянскій національный банкъ, подъ гарантіей правительства, ссудилъ Менелику 4 милліона франковъ, подлежащихъ ежегодной уплатѣ въ теченіе 20 лѣтъ, по 5½ процентовъ.

Статья эѳіопско-итальянской конвенціи, установляющая протекторатъ, была 12-го октября объявлена державамъ, подписавшимъ актъ берлинской конференціи.

Всѣ державы, за исключеніемъ Россіи, которая одна хранила молчаніе, признали эту статью.

Итакъ, итальянцамъ, высадившимся въ Массовѣ въ 1885 году, удалось въ 1889 году утвердиться на абиссинскомъ плоскогоріи и въ особенности упрочить свое вліяніе на Эѳіопію. Этотъ результатъ не ограничивалъ всей колоніальной дѣятельности итальянцевъ за эти 4 года. Подвигаясь впередъ по плоскогорію, итальянцы не переставали распространять свои владѣнія на сѣверъ и на югъ вдоль побережья Краснаго моря. Въ мартѣ 1890 года, королевскимъ декретомъ итальянскія владѣнія на Красномъ морѣ были соединены подъ общимъ офиціальнымъ названіемъ Эритрейской колоніи.

Съ этого момента, длинная полоса итальянскихъ владѣній отдѣлила Эѳіопію отъ Краснаго моря, и царство негуса не могло имѣть къ нему доступа. На востокѣ Эритреей, на сѣверѣ взятіемъ Асмары и Керена,— царство негуса оказалось окруженнымъ полукругомъ укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ итальянцами. Съ другой стороны, имѣя на западѣ владѣнія махди, негусъ имѣлъ открытой лишь южную границу. Но итальянцы поторопились закрыть и этотъ доступъ Эѳіопіи къ внѣшнему міру.

Южная граница Эѳіопіи обращена къ Индѣйскому океану. Одною частью этого берега завладѣли англичане; остальною-же завладѣла восточно-африканская нѣмецкая компанія. Германское правительство, однако, оставивъ за собою только султанство Виту, отказалось отъ остальной части берега. Тогда на смѣну Германіи, выступила Италія. Занявъ этотъ берегъ, итальянцы оставались вѣрны своему плану изолировать Эѳіопію отъ моря и окружить ее такимъ образомъ, чтобы она могла сообщаться съ внѣшнимъ міромъ только черезъ ихъ посредство. Въ концѣ 1888 года и въ началѣ 1889 года, султаны опійскій и меджуртинскій приняли протекторатъ Италіи, о чемъ было объявлено европейскимъ державамъ, согласно 34-ой статьѣ акта Берлинской конференціи. Такимъ образомъ, однимъ взмахомъ пера, все побережье отъ Варшейка до мыса Бедуина, подпало подъ вліяніе Италіи.

Утвержденіе итальянцевъ на сомальскомъ берегу сдѣлало ихъ близкими сосѣдями англичанъ, которые, воспользовавшись раздѣломъ занзибарскихъ владѣній, съ 1886 года водворились на побережьѣ Индѣйскаго океана. Утвердившись на восточномъ берегу, англичане и итальянцы благоразумно сознали необходимость для ихъ интересовъ дѣйствовать согласно. Ихъ цѣль была одна: проникновеніе во внутрь Африки. Ре-

Digitized by Google

зультатомъ этой солидарности интересовъ явились послѣдніе англо-итальянскіе договоры.

III.

Если-бы Италія была болѣе осторожна и благоразумна, она должна-бы была ограничиться преимуществами, пріобрѣтенными по этимъ договорамъ. Заботы о своемъ военномъ положеніи въ Европѣ, непрочные финансы, далеко не блестящее экономическое положеніе,—все это должно было подсказать Италіи, какъ себя держать въ Африкѣ. Крѣпко утвердившись въ Асмарѣ, Керенѣ и Массовѣ, снабженная договорами, обезпечивающими ей въ будущемъ обширныя владѣнія внутри страны, Италія могла-бы держаться выжидательной политики и на время отложить всякую мысль о дальнѣйшемъ расширеніи до момента, когда, окрѣпнувъ въ экономическомъ отношеніи, она могла-бы согласовать свои стремленія со своими средствами. Но даже и въ этомъ случаѣ ея колоніальная политика не осталась-бы въ бездѣйствіи. Италія могла-бы сдѣлать хорошее дѣло колонизаціи, направивъ эмигрантовъ, ежегодно уходящихъ въ Америку безъ пользы для метрополіи, на эритрейское плоскогоріе и привлекая въ Массову часть ѳеіопской торговли. Послѣ занятія Асмары, въ Монте-Читоріо было объявляемо, что Италія не переступитъ за предѣлы треугольника Массова-Асмара-Керенъ. Но были-ли обстоятельства сильнѣе воли правителей, или-же, эти послѣдніе, увлеченные примѣрами Франціи и Англіи, захотѣли «широко дѣйствовать» въ дѣлѣ колонизаціи и не остановились передъ перспективою человѣческихъ жертвъ и громадныхъ денежныхъ затратъ? Во всякомъ случаѣ, Италія покинула свой первый планъ и за періодомъ дипломатіи послѣдовала эра побѣдъ и завоеваній.

Первымъ результатомъ этой активной политики было вступленіе итальянскихъ войскъ въ Кассалу, расположенную въ 180 километрахъ къ западу отъ Керена. Попавъ въ іюлѣ 1885 года въ руки махдистовъ, этотъ городъ сдѣлался съ тѣхъ поръ центромъ ихъ операцій противъ Суакима и Керена. Желая освободиться отъ такихъ безпокойныхъ и неудобныхъ сосѣдей, итальянцы соединили въ Керенѣ всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи военныя силы, затѣмъ построили фортъ Агордатъ и фортъ Магалло. Это прогрессивное покореніе махдистской страны не обошлось безъ битвъ. Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ фортъ Агордатъ подвергался сильнымъ нападеніямъ дервишей, которыхъ, послѣ отчаянной борьбы, всегда удавалось отбить. При одномъ изъ такихъ нападеній, въ іюнѣ 1894 года, генералъ Баратіери, прибывшій изъ Керена на защиту форта Агордата, преслѣдуя дервишей, неожиданно очутился передъ Кассалою. Застигнутый врасплохъ, гарнизонъ все-таки оказалъ сопротивленіе, но послѣ пѣхотной и кавалерійской атаки, дервиши должны были уступить.

Оставивъ въ Кассалѣ сильный гарнизонъ, Италія перенесла все свое вниманіе на ѳеіопскія дѣла. Уже съ 1890 года, чувствуя себя стѣснен-

Digitized by Google

нoю въ границахъ треугольника Асмары-Массовы-Керена, Италія старалась распространиться на западъ и на югъ отъ этой линіи и въ силу соглашенія съ Мангасіей, вице-королемъ Тигре, отодвинула свои границы до Мареба. Но и это расширеніе не удовлетворило аппетита итальянцевъ. Генералъ Баратіери, въ декабрѣ 1894 года, переправился черезъ рѣку Маребъ, вошелъ въ Адую и покорилъ Агамею, а затѣмъ въ продолженіе 1895 года вся Тигре до шоанской границы подчинилась Италіи. Казалось, все улыбалась Италіи, и на полуостровѣ мечтали уже о покореніи всей Эѳіопіи, когда злополучная битва при д'Амба-Аладжи показала, сколько было дутаго въ побѣдахъ генерала Баратіери.

Давно уже отношенія негуса Менелика съ итальянскимъ правительствомъ испортились и между прежними союзниками возникли серьезныя разногласія. Освободившись отъ вражды Мангасіи и другихъ *расовъ*, Менеликъ раскаялся въ громадныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ имъ Италіи болѣе или менѣе сознательно.

Съ конца 1890 года отношенія между союзниками обострились. Дѣло касалось двухъ пунктовъ договора 1889 года: толкованія статьи 17 и опредѣленія новой итальянско-эѳіопской границы. «Царь царей, говорилось въ этой статьѣ, *долженъ* или *можетъ* пользоваться итальянскимъ посредничествомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ съ европейскими державами». Въ итальянскомъ текстѣ слово «iccialauccial» было переведено «долженъ». Менеликъ-же утверждалъ, что это обозначаетъ «можетъ, если ему благоугодно».

Что касается разграниченій, то Менеликъ находилъ, что по договору онъ намѣревался уступить лишь часть Асмары, тогда какъ Италія требовала отъ него большую часть Тигре.

Графъ Антонелли, отправленный для устраненія этихъ затрудненій, не могъ уладить ни вопроса о границахъ, ни выяснить, въ какой формѣ долженъ проявиться протекторатъ, который Италія намѣревалась присвоить себѣ надъ Эѳіопіей. Въ февралѣ 1893 года негусъ написалъ королю Гумберту, что онъ желаетъ нарушить договоръ и возвратить себѣ свободу дѣйствій.

Прибытіе итальянскихъ войскъ къ шоанской границѣ вынудили Менелика оставить безплодные протесты и начать въ свою очередь дѣйствовать. Понимая всю величину грозящей ему опасности, Менеликъ поспѣшно стянулъ свои войска и торжественно объявилъ, что никогда не потерпитъ покровительства Италіи, и что онъ, со стороны Эритреи, намѣревается установить другія границы, чѣмъ опредѣленныя договоромъ, а затѣмъ онъ съ войсками направился къ сѣверу.

Увѣренные въ сношеніяхъ, которыя они затѣяли съ королемъ Годусамомъ и расомъ Маконеномъ, а также надѣясь на бездѣйствіе, въ которомъ находился до сихъ поръ Менеликъ, итальянцы сократили свои войска до минимума, такъ что въ моментъ пораженія при д'Амба-Аладжи, оккупаціонный корпусъ едва достигалъ 18 тысячъ человѣкъ, изъ кото-

Digitized by Google

рыхъ только 4 батальона были европейскіе, и кромѣ того войска эти были растянуты на протяженіи 600 километровъ. Въ концѣ этой линіи, на шоанской границѣ, въ Амба-Аладжи находился маіоръ Тоселли съ 2,500 человѣкъ, которымъ 7-го декабря 1895 года пришлось сразиться съ авангардомъ абиссинской арміи въ 20,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Маконена. Послѣ 6-ти часового упорнаго сраженія, маіоръ Тоселли отступилъ. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Около него держались всѣ офицеры и унтеръ-офицеры съ горстью храбрецовъ. Скоро палъ и маіоръ Тоселли, а за нимъ почти всѣ его лейтенанты.

Капитуляція Макале, при которой итальянскій гарнизонъ въ 1,500 человѣкъ былъ оставленъ на произволъ непріятеля, произошла 6 недѣль спустя послѣ пораженія при Амба-Аладжи. Менеликъ вступилъ въ Адую, въ Аксумъ, и разбилъ генерала Баратіери, который принужденъ былъ отступить къ рѣкѣ Белессѣ, потерявъ такимъ образомъ всѣ результаты кампаніи 1895 года.

Генералъ Бальдиссера, посланный изъ Италіи, принялъ на себя главное командованіе экспедиціоннымъ корпусомъ, постепенно усиленнымъ до 68 тысячъ человѣкъ, при чемъ денежныя траты будутъ достигать до 1.200,000 франковъ въ день. Войска, посылаемыя противъ Менелика, численностью превзойдутъ въ три раза войска, посылавшіяся противъ Іоанна, потому что въ настоящее время эѳіопская армія представляется болѣе опасною. Въ 1883 году большая часть арміи была вооружена пистонными ружьями, мушкетами, копьями и саблями. Изъ современныхъ ружей имѣлось лишь нѣсколько тысячъ системы Ремингтона, отнятыхъ Іоанномъ у египтянъ, тогда какъ теперь армія Менелика будетъ вооружена ружьями системы Мартини-Генри, данными ему англичанами, ружьями Грасса и Ветерли, присланными въ подарокъ во время менелико-итальянскаго соглашенія. По итальянскимъ корреспонденціямъ изъ Эритреи оказывается, что Менеликъ, въ компанію 1895 года, выставилъ 65000 ружей, принадлежащихъ къ лучшимъ системамъ.

Итальянской арміи приходится кромѣ того считаться съ затрудненіями, представляемыми топографіей страны. Эѳіопія—настоящая горная цитадель, съ крутыми скатами, глубокими долинами и опасными ущельями; плоскогорія ея поднимаются уступами, представляя послѣдовательныя линіи обороны и увѣнчиваются неприступными для арміи вершинами. Города въ Эѳіопіи рѣдки, столица постоянно перемѣщается, находясь тамъ, гдѣ расположены шатры негуса и его феодаловъ. Обыкновеннымъ жилищемъ туземца является соломенная хижина. Населеніе грубо, охотно добываетъ свое пропитаніе хищничествомъ и всегда готово слѣдовать за своими предводителями на войну.

Но, если даже допустить, что судьба будетъ благопріятствовать итальянской арміи, трудное время далеко еще не будетъ пережито. Было-бы самообманомъ допустить, что договоръ съ Менеликомъ, обезпечивающій протекторатъ Италіи, далъ-бы этой послѣдней дѣйствительное

Digitized by Google

обладаніе Абиссиніей, Харраромъ, Огадиною и всею страною галласовъ, простирающейся между верхнимъ Ниломъ, рѣкою Джуба и побережьемъ Краснаго моря. И наконецъ, когда политическая борьба кончится, не явится-ли у Италіи деспотическое желаніе духовно и нравственно покорить этотъ народъ изъ 7 до 8 милліоновъ душъ?

Digitized by Google

Нѣсколько словъ по поводу рецензіи г. Чижова „Наслѣдственность пола“.

Прошло $2^1/_2$ года со времени выхода въ свѣтъ моего сочиненія о наслѣдственности; съ тѣхъ поръ о немъ уже появилось не мало отзывовъ и рецензій въ иностранной, какъ спеціальной, такъ и общей литературѣ. Мои изслѣдованія и взгляды излагаются подробно въ «Traité de pathalogie générale» Bouchard'а. Ломброзо перевелъ на итальянскій языкъ медицинскую часть моей работы, предпославъ переводу большое введеніе, гдѣ онъ резюмируетъ мое ученіе.

Въ родной-же мнѣ русской литературѣ статья г. Чижова [1]) является первой попыткой познакомить публику съ моимъ трудомъ. Глубоко заинтересованный въ томъ, чтобы послѣдній сталъ достояніемъ русской мысли, я прежде всего приношу мою признательность рецензенту за вниманіе.

Нисколько не претендуя на непогрѣшимость, я допускаю, что въ моей работѣ могутъ встрѣчаться частныя ошибки, нѣкоторые факты допускаютъ иное толкованіе, далеко не всѣ высказанныя мною гипотезы могутъ быть доказываемы, но когда г. рецензентъ указываетъ на произвольную съ моей стороны группировку фактовъ и открываетъ ошибки въ математической обработкѣ моихъ данныхъ, то, несмотря на всѣ похвалы и любезности, какія въ общемъ мнѣ разсыпаетъ г. рецензентъ, я чувствую себя нравственно обязаннымъ выступить въ защиту моего дѣтища.

«Было-бы странно, читаемъ мы въ рецензіи, предполагать математическія ошибки въ серьезномъ научномъ сочиненіи, но одна изъ нихъ сразу бросается въ глаза. На стр. 141 помѣщена таблица, изъ нея видно, что отношеніе вѣса тѣла къ росту повышается пропорціонально порядку рожденія; отсюда, проф Оршанскій заключаетъ, что зрѣлость матери оказываетъ спеціальное вліяніе на вѣсъ тѣла новорожденнаго. Между тѣмъ дѣло гораздо проще: по закону физики вѣса однородныхъ и подобныхъ тѣлъ относятся какъ кубы ихъ длинъ. На этомъ основаніи проф. Оршанскому слѣдовало-бы дѣлить вѣсъ ребенка не на длину его тѣла, а на кубъ длины и тогда онъ не увидалъ-бы никакого спеціальнаго возростанія этого отношенія и т. д.»

Обвиненіе на первый взглядъ весьма вѣское, но, къ счастью, неосновательное. Никакого закона, который опредѣлялъ-бы зависимость вѣса тѣла отъ роста, нѣтъ и даже не можетъ быть. Прежде чѣмъ

---

[1]) См. «Сѣверный Вѣстникъ» 1896 г., № 2.

Digitized by Google

объяснить это, попрошу г. рецензента вдуматься въ слѣдующее: средній ростъ новорожденнаго около 48 ст., средній вѣсъ его около 8 ф. Средній рость взрослаго мужчины 175 ст. Если-бы законъ пропорціональности вѣса кубамъ длины былъ-бы примѣнимъ къ человѣческому организму, вѣсъ взрослаго равнялся-бы 8 фун., помноженнымъ на кубъ $3^3/_5$, (такъ какъ $175=3^3/_5 \times 48$), т. е. вѣсъ взрослаго человѣка былъ-бы болѣе 10 пудовъ! Причина-же, почему математическая формула для вѣса непремѣнима къ живому организму очень проста: не только два различныхъ тѣла, но даже тѣло одного и того-же человѣка въ различныхъ возрастахъ *неподобно* и не можетъ быть такимъ уже потому, что энергія роста различныхъ частей организма, различныхъ тканей и органовъ, даже разныхъ частей скелета неодинакова. Одни ростутъ быстро, другіе медленно, формы органовъ измѣняются; самая устойчивая часть человѣческаго скелета—черепъ имѣетъ не одну и ту-же геометрическую форму у того-же индивида въ разныя эпохи жизни.

Вотъ почему до сихъ поръ, несмотря на массу изслѣдованій въ этомъ направленіи, никому не удалось найти даже эмпирическое постоянное отношеніе между вѣсомъ и ростомъ.

И если г. рецензентъ заглянетъ въ любую работу по антропологіи, онъ увидитъ, что всѣ пользуются употребленнымъ мною способомъ отношеніемъ вѣса къ росту. Самъ Кетле, отецъ антропологіи, пользовался этимъ методомъ; онъ-же доказалъ, что въ различные возрасты вѣсъ тѣла измѣняется по отношенію къ росту различно: то какъ кубъ, то какъ квадратъ, то еще медленнѣе.

Но каждый изъ послѣдующихъ изслѣдователей приходитъ къ другимъ результатамъ. Такъ Нагорскій [1]) принимаетъ степень 2,15 за ту, въ которую нужно возвысить ростъ, чтобы получить измѣненіе вѣса. Дикъ [2]), Бѣляевъ [3]) приходятъ къ другимъ результатамъ. Дикъ доказываетъ въ противоположность Кетле, что степень, въ которую слѣдуетъ возвысить ростъ, не уменьшаютъ, а увеличиваютъ съ возрастомъ отъ 1,3 до 2,8.

Одно несомнѣнно: для каждаго возраста и каждаго индивида имѣется свое отношеніе вѣса къ росту. Неудивительно поэтому, что всѣ антропологи, въ виду отсутствія опредѣленной формулы, держатся простѣйшей мѣрки отношенія вѣса къ длинѣ, какъ это дѣлается при измѣреніи окружности груди, емкости легкихъ, хотя всѣ отлично знаютъ, что окружность и объемъ измѣняются пропорціонально квадратамъ и кубамъ поперечниковъ.

«Авторъ,—читаемъ далѣе въ рецензіи,—вездѣ вычислялъ среднее отношеніе различныхъ частей тѣла къ росту прямо, дѣля одну на другую среднія величины, вычисленныя изъ многихъ наблюденій. Такимъ образомъ онъ получалъ отношеніе арифметическихъ чиселъ, но это, конечно, вовсе не есть среднее ариѳметическое отношеніе дѣйствительныхъ величинъ; чтобы получить послѣднія, разумѣется, надо было вычислить отношеніе, напр., длины ноги къ росту *у каждаго* (курсивъ въ подлинникѣ) изъ изслѣдованныхъ дѣтей, сложить всѣ полученныя цифры и раздѣлить на число случаевъ, т. е. дѣтей.

Итакъ, мнѣ даже неизвѣстно, что такое средняя величина! Такъ-ли это? Могу увѣрить почтеннаго рецензента, что тотъ способъ, который онъ рекомендуетъ, какъ единственно вѣрный, и тотъ, который я употреб-

---

[1]) «Врачъ», 1881 г.
[2]) В. М. Ж., 1883 г.
[3]) Матеріалъ Ас., 1887 г.

Digitized by Google

ляю, даютъ одинаковый результатъ для значительнаго числа цифръ. Математическое доказательство этому можно найти въ книгѣ Каши, въ русскомъ переводѣ изд. 1864 г. Такъ, на стр. 14-ой, мы находимъ теорему 1-ую, утверждающую это тождество, а на страницѣ 427-й въ теоремѣ 12-ой имѣемъ и доказательство этого тождества.

Очевидно, что со стороны г. рецензента тутъ простое недоразумѣніе. Кромѣ того, онъ упустилъ изъ виду, что вообще средняя величина есть нѣчто условное, что опредѣляется она изъ неравенства, а не изъ уравненія, что, стало быть, она можетъ имѣть нѣсколько значеній и что обязательно поэтому пользованіе, при сравненіи разныхъ среднихъ величинъ, однимъ и тѣмъ-же методомъ.

Столь-же неосновательна и критика, которой рецензентъ подвергаетъ мой методъ или вѣрнѣе идею группировки матеріала. Мною констатировано, что семейства, въ которыхъ одинъ ребенокъ мальчикъ, даютъ en masse преобладаніе числа мальчиковъ надъ дѣвочками и наоборотъ. На этомъ основаніи я утверждаю существованіе двухъ различныхъ типовъ семействъ, 1-го и 2-го, съ преобладаніемъ наслѣдственности со стороны отца или матери и показываю, что это преобладаніе обнаруживается въ различныхъ явленіяхъ.

Это ученіе о двухъ типахъ семействъ составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней моей работы—расшатать его значитъ поколебать все зданіе. Г. рецензентъ пытается это сдѣлать въ нѣсколькихъ строкахъ. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ: «Допустимъ противоположное утвержденію проф. Оршанскаго и примемъ, что полъ послѣдующихъ дѣтей не находится въ связи съ поломъ перваго ребенка, т. е. что между ними мальчики и дѣвочки распредѣляются поровну. Если мы отдѣлимъ 1,000 семействъ, начинающихся, положимъ, съ мальчика, *мы насчитаемъ въ нихъ 1,500 мальчиковъ и 1,500 дѣвочекъ*, не считая перваго ребенка (принимая среднюю плодовитость семьи за 4). А когда мы присчитаемъ первые 1,000 мальчиковъ, то получимъ 2,500 мальч. и 1,500 дѣвочекъ». Весь ходъ разсужденія и способъ вычисленія здѣсь не вѣренъ отъ начала до конца. Во-первыхъ, мнѣ приписываютъ утвержденіе того, что есть неоспоримый фактъ. Связь пола послѣдующихъ дѣтей существуетъ помимо всякихъ теорій—не будь этой связи, получилось-бы то постоянство въ распредѣленіи половъ, которое, надѣюсь, не составляетъ плодъ моего «утвержденія» Разумѣется связь пола слѣдующихъ другъ за другомъ дѣтей косвенная, т. е. она есть результатъ связи послѣдующихъ состояній организма родителей. Мнѣ-же принадлежитъ лишь попытка опредѣлить болѣе спеціально родъ и отчасти причину этой связи.

Далѣе, предположимъ вмѣстѣ съ рецензентомъ, что мое дѣленіе семействъ на типы не существуетъ. Тогда, отдѣливъ въ тысячѣ семействъ, начинающихся съ мальчиковъ, всю эту первую тысячу, что мы должны получить? По мнѣнію г. рецензента остальныя 3.000 дѣтей почему-то раздѣляются поровну между 1,500 мальч. и 1,500 дѣв. На чемъ основанъ этотъ расчетъ—мнѣ неизвѣстно. Г. рецензентъ даже не замѣчаетъ, что это фактически невозможно, ибо, будь его расчетъ правиленъ, мы имѣли-бы для этой группы семействъ 2,500 мальч. и 1,500 дѣв. или вѣрнѣе, въ виду того, что мальчиковъ рождается 106 на 100 дѣв.—2,580 мальч. на 1,500 дѣв. или 175 мальч. на 100 дѣв. На самомъ-же дѣлѣ, какъ показываютъ мои данныя, получается 130 мальч. на 100 дѣв.

Но легко доказать и невѣрность самого вычисленія, сдѣланнаго г. рецензентомъ. Если намъ неизвѣстно вліяніе пола перваго ребенка на распре-

Digitized by Google

дѣленіе половъ, то мы должны ожидать, что общая сумма дѣтей въ 1,000 семействъ будетъ *всегда*, кѣмъ-бы ни начиналась семья, т. е. мальчикомъ или дѣвочкой, распредѣляться въ пропорціи 106—100—2,060 мальч. и 1,940 дѣв. (приблизительно). Поэтому, въ томъ случаѣ, когда первыя 1,000 дѣтей всѣ мальчики, слѣдующія 3,000 дѣтей должны распредѣлиться въ пропорціи 1,060 мальч. и 1,940 дѣв. Г. рецензентъ не замѣчаетъ, что его расчетъ, самъ по себѣ неправильный и приводящій, какъ мы видѣли, къ противорѣчивому результату съ дѣйствительными данными, основанъ на отрицаніи *постоянства* распредѣленія половъ въ общей суммѣ дѣтей и содержитъ въ себѣ, вдобавокъ, то самое предположеніе, которое онъ хочетъ отвергнуть, т. е., что распредѣленіе дѣтей по полу зависитъ отъ того, какого пола первый ребенокъ. Наконецъ, никакими выкладками и разсужденіями нельзя измѣнить фактъ мною открытый, что распредѣленіе дѣтей по полу опредѣляется поломъ перваго ребенка. Если это кажется г. рецензенту очевиднымъ, то можно только удивляться почему оно до сихъ поръ не было замѣчено. Очевидно, что причиной тому тотъ самый методъ, т. е. идея группировки, которая мнѣ принадлежитъ и значеніе которой г. рецензентъ отрицаетъ. Рецензентъ при этомъ напрасно умалчиваетъ, что идея двухъ типовъ семьи у меня связана не только съ поломъ, но и со сходствомъ, передачей болѣзни и проч.

Не стану дальше слѣдовать за г. рецензентомъ, но позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы онъ имѣлъ право и основаніе говорить о «безплодности усвоеннаго мною направленія и метода».

Не мало есть мѣстъ въ статьѣ г. Чижова, доказывающихъ, что рецензентъ не достаточно вдумался въ разбираемый имъ текстъ. Такъ напр., упомянувъ о томъ, что мною констатировано преобладаніе въ передачѣ пола со стороны нервно-больныхъ родителей, рецензентъ видитъ въ этомъ противорѣчіе съ будто-бы мною провозглашеннымъ принципомъ здоровья и иронически указываетъ на другой принципъ болѣзненности.

Нигдѣ во всей книгѣ моей нѣтъ принципа здоровья организма, а есть принципъ зрѣлости и спеціально зрѣлости полового аппарата, какъ органа наслѣдственности. Кромѣ того, рецензентъ, прежде чѣмъ рекомендовать мнѣ несуществующій принципъ болѣзненности, долженъ былъ-бы хотя упомянуть то объясненіе, которое я пытаюсь дать вліянію нервности родителей на передачу пола.

Такимъ-же образомъ рецензентъ невѣрно передаетъ содержаніе моей книги, когда онъ спрашиваетъ, почему это болѣе энергичное питаніе, необходимое по моему, при беременности дѣвочкой, истощаетъ мать и предрасполагаетъ ее больше къ послѣдующей беременности мальчикомъ? Рецензентъ не могъ не замѣтить, что у меня говорится о питаніи плода, а не матери; что на мой взглядъ большая энергія роста зародыша женскаго пола требуетъ его усиленнаго питанія, а посему и большей затраты со стороны организма матери, что, конечно, должно истощать послѣдній.

Рецензентъ также неточенъ и въ характеристикѣ матеріала моего труда «большей частью однѣ и тѣ-же цифры въ разныхъ сочетаніяхъ». Это совершенно невѣрно; каждая глава моего труда, т. е. каждый вопросъ основанъ на самостоятельномъ матеріалѣ.

Профессоръ **И. Оршанскій.**

Харьковъ. 19 февраля 1896 г.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились совершенно неожиданныя для меня сообщенія о томъ, что я прекратилъ мое литературное участіе въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Поводомъ къ этимъ замѣткамъ послужилъ, вѣроятно, мой отъѣздъ заграницу для научныхъ занятій, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ моимъ постояннымъ критическимъ работамъ въ журналѣ. Не предполагая, что столь невинное обстоятельство послужитъ матеріаломъ для газетныхъ пересудовъ и кривотолкованій, я не счелъ умѣстнымъ сдѣлать объ этомъ своевременно печатное заявленіе на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Настоящее мое письмо, я надѣюсь, разсѣетъ праздные слухи. Мое литературное участіе въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» ни въ какомъ отношеніи не измѣнило своего характера.

А. Волынскій.

Римъ, $^{29}/_{17}$ марта, 1896 г.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Продолженіе повѣсти г. Эртеля «Карьера Струкова» будетъ помѣщена въ слѣдующей книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника», такъ какъ вслѣдствіе непредвидѣннаго запозданія въ пересылкѣ рукописи по почтѣ, его нельзя было включить въ настоящую книжку, не задержавъ ея выхода.

Въ статьѣ Л. Шепелевича: «Очерки изъ исторіи новѣйшей испанской литературы» (№ 3) должны быть исправлены слѣдующія искажающія смыслъ опечатки.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 44 прим. 1.	Rico hembra	Rico hombre
» 46 3-я с. снизу	прозѣ послѣдней	прозѣ
» 50 и сл.	Апаля	Айаля
» 54 9 с. сверху	обильнѣе	обычнѣе
» —18 с. снизу	крѣпости	нѣжности
» 55 6 с. снизу	великій	веселый

Digitized by Google

Отъ Комитета Общества вспомоществованія студентамъ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

Съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности Общество вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета считало одною изъ главныхъ своихъ задачъ «принятіе мѣръ къ удешевленію жизни студентовъ» (§ 2 п. 2 устава Общества). Къ числу такихъ мѣръ, конечно, прежде всего должно-бы принадлежать снабженіе студентовъ здоровою пищею.

Среди студентовъ С.-Петербургскаго Университета большинство составляютъ провинціалы, часто не имѣющіе родныхъ въ Петербургѣ. Такимъ молодымъ людямъ приходится нерѣдко довольствоваться самою скудною и плохою пищею и даже жить впроголодь. Неудивительно поэтому, что въ своемъ офиціальномъ отчетѣ (годичный актъ 8-го февраля 1895 г., стр. 78) г. университетскій врачъ, констатируя многочисленныя желудочныя заболѣванія у своихъ паціентовъ, объясняетъ ихъ «неудовлетворительностью по качеству, а еще чаще и однообразіемъ и недостаточностью студенческаго питанія».

Единственнымъ исходомъ изъ этого печальнаго положенія являлось-бы устройство **студенческой столовой**.

До сихъ поръ, при отсутствіи средствъ, желаніе комитета открыть столовую не могло увѣнчаться успѣхомъ. Но нужда обостряется и принимаетъ даже угрожающій характеръ, въ виду почти ежегодно посѣщающихъ Петербургъ холерныхъ и тифозныхъ епидемій, и комитетъ рѣшилъ не останавливаться передъ трудностями предпринимаемаго дѣла. Примѣръ Москвы, гдѣ, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, существуютъ двѣ столовыя, въ которыхъ ежедневно безплатно обѣдаютъ 500 студентовъ, свидѣтельствуетъ какъ о степени этой нужды, такъ и о выполнимости поставленной комитетомъ задачи, при сочувствіи общества.

Комитетъ, постановивъ устроить столовую въ Петербургѣ, сознаетъ однако, что такъ какъ большая часть отпускаемыхъ имъ пособій (въ видѣ долгосрочныхъ, безпроцентныхъ ссудъ) идутъ на взносъ платы за лекціи и другія нужды студентовъ, то помощью на уплату за обѣды въ столовой могутъ воспользоваться не болѣе 40 студентовъ; между тѣмъ число

Digitized by Google

нуждающихся гораздо значительнѣе, а потому на расширеніе этой стороны дѣятельности комитета предназначенъ особый капиталъ, собираемый въ память бывшаго товарища предсѣдателя Общества, профессора О. Ѳ. Миллера, извѣстнаго своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ молодежи и отдававшаго на нужды ея всѣ свои средства. Пока собрано около 1,500 р.; требуется, конечно, несравненно болѣе.

Въ виду этого комитетъ, разсчитывая на отзывчивость русскаго общества, обращается **ко всѣмъ, кому дорого просвѣщеніе родного края, кто возлагаетъ надежды на молодое поколѣніе и желаетъ видѣть его окрѣпшимъ для будущей полезной работы.**

Комитетъ надѣется найти откликъ на свой призывъ не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, на мѣстахъ родины нуждающихся студентовъ.

Всякую помощь, въ какой-бы формѣ она ни выразилась, въ денежныхъ-ли пожертвованіяхъ, хотя-бы въ самомъ маломъ размѣрѣ, или въ устройствѣ публичныхъ лекцій, концертовъ, спектаклей,—комитетъ приметъ съ глубокою благодарностью, будучи твердо увѣренъ, что дружныя усилія всѣхъ сочувствующихъ людей дадутъ возможность осуществить взятую комитетомъ на себя задачу.

Посылки по почтѣ просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Университетъ, Комитетъ Общества вспомоществованія студентамъ, съ означеніемъ, что деньги жертвуются на «столовую».

Въ Петербургѣ пожертвованія принимаютъ слѣдующія лица: предсѣдатель Общества, сенаторъ **П. П. Семеновъ** (Вас. о-въ, 8 л., 39), **Н. А. Артемьевъ** (Рузовская, 13), **А. И. Бевадъ** (Почтамтская, 20), **И. И. Боргманъ** (Вас. о-въ, Средн. просп., 17), **Н. С. Грабарь** (Свѣчной переул., 3), **В. В. Ефимовъ** Разстанная, 14), **Н. И. Карѣевъ** (Вас. о-въ, 10 лин., 9), **В. А. Лебедевъ** (Вас. о-въ, 5 лин., 10), **Н. А. Меншуткинъ** (университетъ, зданіе химич. лабораторіи), **И. С. Ремезовъ** (Больш. Московская, 3), **А. Д. Соколовъ** (Чернышевъ переул., 20), **К. К. фонъ-Фохтъ** (Пантелеймоновская, 11), **Г. В. Бартольдъ** (Вас. о-въ, Больш. просп., 4), **К. К. Бауеръ** (Невскій, 108), **И. П. Дюковъ** (Полтавская, 3), **А. И. Каминка** (Больш. Московская, 8), **В. А. Мякотинъ** (Коломенская, 15), **С. Ѳ. Ольденбургъ** (Вас., о-въ, 2 лин., 11) и **М. И. Свѣшниковъ** (Гагаринская наб., 20); далѣе, книжный магазинъ «Новаго Времени» (Невскій 38) и дѣлопроизводитель Общества А. Ф. Адамовичъ, въ канцеляріи университета.

Настоящее обращеніе и прилагаемыя при семъ препроводительныя бланки просятъ распространять среди сочувствующихъ лицъ, причемъ комитетъ въ этомъ отношеніи особенно разсчитываетъ на услуги многочисленныхъ учениковъ и почитателей покойнаго О. Ѳ. Миллера, достойнымъ памятникомъ которому будетъ служить собираемый капиталъ.

Digitized by Google

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе марта мѣсяца.

Авенаріусъ, В. Сказка о муравьѣ-богатырѣ, 4-ое изд., книж. маг. Луковникова. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Его-же. Васильки и колосья, 2-ое изд. кн. маг Луковникова. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Авиловъ, Л. Счастливецъ и др. разсказы. Спб. 96 г. Ц 1 р.

Библіотека для самообразованія, IV. *Ремсенъ*. Введеніе къ изученію органической химіи. пер. Н. Дрентельна, съ измѣненіями и дополненіями М. Коновалова, М. 96 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Бухъ, Л. Основные элементы полит. экономіи, ч. 1-ая. Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Спб. 96 г. Ц 2 р.

Быстренинъ, В. Вѣрное средство, разсказъ, изд. И. Совѣтова, М. 96 г. Ц. 5 к.

Бѣлоусовъ, И. Мамины сказки, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Вагнеръ, Вл. Вопросы воопсихологіи, изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Валуева, А. (Мунтъ). По великой русской рѣкѣ, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г.

Василенко, В. И. Хозяйственно-экономическій обзоръ Кобелякскаго уѣзда. Кобеляки. 95 г.

Васильевъ-Васильевскій, Б. Вліяніе самоката, коньковъ, лыжъ и другихъ видовъ спорта на общее физическое развитіе. Библ спортсмена, т. 1. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Волконская, М. Цвѣты и старый капотъ, разсказы, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Войно С. д-ръ. Отчетъ о хирургич. дѣятельности лѣчебницы С. В. Топурія въ Кутаисѣ. 90—94 г. Спб. 95 г.

Глибовъ, Л. Байки, Черниговъ, 95 г. Ц. 15 к.

Гохгеймъ, Б. Отчетъ о курсахъ садоводства для народныхъ учителей. Тула. 96 г

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ, подъ ред. А. Баталина, вып. 2, изд А. Девріена Спб 96 г. Ц. 1 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ 19 в. т 3-й, пер. М. Лучицкой, подъ ред. И. Лучицкаго, изд К. Солдатенкова. М. 96 г. Ц. 4 р.

Гюго В. Собраніе сочиненій, пер. подъ ред. И Тхоржевскаго, вып. XIII, Тифлисъ, 96 г. Ц. 20 к.

Де-Амичисъ, дневникъ школьника, пер. В. Крестовскаго (псевдонимъ), 3-е изд. М. Ледерле. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 50 к.

Джорджъ Генри, Прогрессъ и бѣдность, пер С. Николаева, провѣренный М. Туганъ-Барановскимъ, изд Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96 г. Ц. 2 р.

Дубновъ, В. Іосафъ Флавій. «Наша старина», изд. Я. Шермана. Одесса, 96 г. Ц. 20 к.

Дѣдловъ, В. Варваръ, Эллинъ, Еврей, современныя характеристики, изд. М. Ледерле. Спб. 95 г. Ц. 2 р.

Того же. Вокругъ Россіи, изд. М. Ледерле. Спб. 95 г Ц. 2 р.

Дѣло мултанскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ, подъ ред. съ примѣч. В Г. Короленко. М. 96 г. Ц. 60 к.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, сезонъ 94—95 г. Приложенія, книга 3-я, подъ ред. А. Молчанова. Спб. 96 г.

Ельницкій, К. Избранныя педагогическія статьи, педагогич. библ., изд. К. Тихомировымъ. М. 96 г Ц. 2 р. 50 к.

Законы, дешевое изданіе для народа, изд. Я. Конторовича. Спб. 96 г., ц. выпуска 5 к.

Заринъ. А. Говорящая голова, сборникъ разсказовъ, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Иліада Гомера, пер. Н. Минскаго, изд. К. Солдатенкова, М 96 г. Ц. 75 г.

Іерингъ, Р. Историко-обществ. основы этики, пер. В Гессена. изд. І. Юровскаго, Спб. 96 г. Ц. 20 к

К. В. Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи. Спб 96 г. Ц. 3 р.

Кацъ, Р. Объ утомленіи глаза, изд. ред. жур «Образованіе», Спб. 96 г. Ц. 20 к.

Келлеръ, К. Жизнь моря, пер. П. Шмидта, вып. 2, изд. А. Девріена, Спб. 96 г. Ц. 1 р.

Козинцовъ, М. Сѣрноспичечное производство въ санитарномъ отношеніи, диссертація. Стародубъ, 96 г.

Кореливъ, М. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культуры, изд. ред. журн. «Русская мысль», М. 96 г. Ц 30 к.

Кротъ, П. Психографія, М. 95 г. Ц. 10 к.

Лонгусъ, Дафнисъ и Хлоя, древнегреческій романъ, пер. Д. Мережковскаго, изд. М. Ледерле. Спб. 96.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ). Стихотворенія, М. 96 г.

Муратовъ, В. Интеллектуальныя функціи головного мозга, рѣчь, Казань, 96 г.

Немировичъ-Данченко, Вл. Губернаторская

Digitized by Google

ревизія, повѣсть, изд. Ефимова, М. 96 г. Ц. 1 р.

Его же. Мгла, изд. Д. Ефимова, М. 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Никольскій, П. А. Основные вопросы страхованія, Казань, 96 г. Ц. 3 р.

Нѣчто изъ артистическаго міра, сборникъ разсказовъ и рисунковъ, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 4 р.

Опыты опредѣленія наивыгоднѣйшихъ пріемовъ при культурѣ табака-махорки. Спб. 95 г.

Отчетъ Лохвицкаго общ. сельскихъ хозяевъ за $189^4/_5$ г. Полтава, 95 г.

Понтюховъ, И. О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ, Тифлисъ, 96 г. Ц. 1 р.

Пановъ, Н. Гусли звончаты, изд. А. А. П. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Плещеевъ, А. Н. Повѣсти и разсказы, т. I, изд. А. А. Плещеева, подъ ред. И. В. Быкова, Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Поворинскій, А. Системат. указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Спб. 96 г. Ц. 4 р.

Покровская, М. И. О вліяніи жилища на здоровье, нравственность, счастье и матер. благост. людей, Спб. 96 г. Ц. 30 к.

Полезная библіотека. Міры дѣйствительные и воображаемые, К. Фламмаріона, пер. Ив. Святскаго, изд. П. Сойкина. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Починъ. Сборникъ общ. любителей россійской словесности на 1896 г. М. 96 г. Ц. 2 р. 0 к.

Программы для лѣтнихъ занятій студентовъ Ново-Александрійскаго Института. Варшава. 95 г.

Радичъ, В. Дѣтворѣ, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Сакетти, Л. Краткая историческая музыкальная хрестоматія, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 5 р.

Сахарова, А. Сказка для дѣтей, изд. М. Ледерле. Спб. 96 г.

Слюнинъ, Н. В. Среди чукчей. М. 96 г.

Соколовъ, В. Новая мама, повѣсть. М. 96 г. Ц. 75 к.

Спенсеръ, Г. О душѣ и доводы противъ соціализма, въ изложеніи И. Любомудрова, Самара. 96 г. Ц. 15 к.

Станюковичъ, К. Исторія одной жизни. изд. А. Карцева, М. 96 г. Ц. 1 р.

Стрижовъ, И. Объ уральскихъ горныхъ заводахъ, Екатеринбургъ. 96 г.

Съѣздъ коннозаводчиковъ Полтавской губерніи, Полтава. 96 г.

Тезяковъ, Н. Сельско-хоз. рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсон. губ. Изд. Херсон. губ. земской Управы. Херсонъ. 96 г.

Тихомировъ, Д. Расположеніе учебнаго матеріала при преподаваніи закона Божія въ нач. народ. училищахъ. Спб. 94 г. Ц. 20 к.

Его же. Основы дидактики. Спб. 95 г. Ц. 30 к.

Тома, Ф. Внушеніе и воспитаніе, пер. Е. Максимовой, изд журнала «Образованіе». Спб 96 г. Ц. 40 к.

Труды перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу въ С.-Петербургѣ. Спб. 96 г. Ц. 2 р.

Тутковскій, П. Юго-западный край. Естественно-историческія и географическія очерки, вып. 2-й. Кіевъ. 95 г.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, изд. 2-ое. Спб. 96 г. 3 р. 50 к.

Циглеръ, Т. Что такое нравственность? Пер Острогорскаго, 2-ое изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Шапошниковъ, Н. А. Опытъ математическаго выраженія понятій и выводовъ этики. М. 96 г. Ц. 20 к.

Шараповъ, С. По садамъ и огородамъ. Спб. 95 г. Ц. 30 к.

Его-же. По черноморскому побережью, Спб. 96 г.

Его-же. Крестьянскій плугъ, публичн. чтеній. Спб. 96 г. Ц. 10 к.

Шмелевъ, И. Рефератъ автора четвернаго счетоводства, М. Ц. 15 к.

Шостакъ, П. Къ вопросу о вліяніи курса кредитнаго рубля на хлѣбныя цѣны. Изд. М-ва Финансовъ. Спб. 96 г. Ц. 1 р.

Шоховъ-Троцкій, С. Методика ариѳметики для учителей народныхъ школъ, изд. 4-ое, Спб. 96 г. Ц. 80 к.

Его-же. Учебникъ методики ариѳметики для учеб. заведеній. Спб. 96 г. Ц. 50 к.

Шперкъ, Ф. Очерки астраханскаго края. Климатъ г. Астрахани и астраханскаго края. Спб. 95 г.

Штофъ, А. Горное право. Спб. 96 г. Ц. 2 р. 0 к.

Юридическая библіотека, изд. Я. Канторовича. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ Я. Канторовича. Спб. Ц. 1 р.

Янскій, А. Жена, драма. Кіевъ. 96 г.

Digitized by Google

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (III ГОДЪ).

52 №№ и 6 книгъ.

Цѣль журнала—содѣйствовать распространенію научныхъ знаній. Журналъ не принадлежитъ къ числу такъ наз. „популярныхъ"; тѣмъ не менѣе, изложеніе, по возможности, отличается общедоступностью. Отдѣлы: Антропологія, соціологія, опытная психологія, лингвистика, біологическія и физико-химическія науки, геологія, астрономія и др. Научныя новости, дѣйствія ученыхъ обществъ. Математическій листокъ.

Въ 1895 году принимали участіе, между прочимъ, слѣд. авторы:

Магистръ зоол. **В. А. Вагнеръ**, секр. Моск. Общ. Люб. естеств. **Г. А. Кожевниковъ**, магистръ ботан. **Н. Кузнецовъ**. проф. Неаполитанск. унив. **Фр. Нитти**, проф **А. Трачевскій**, проф. **В. М. Шимкевичъ П. Ю. Шмидтъ**, (Спб. Зоол. Каб.), лаборантъ **А. Филипповъ**. (Лаб. Спб. Унив.), **Ф. Харитоновъ** (членъ Моск. психол. Общества), проф. **Н. Холодковскій** и др.

Въ 1896 году въ числѣ приложеній будутъ даны соч. Дарвина: **Измѣненіе животныхъ и растеній, Выраженіе ощущеній, Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія** (съ портр.). Кромѣ того будетъ дано одно сочиненіе по физикѣ Теорія зрѣнія (попул. лекціи) Гельмгольца, и одно по палеонтологіи.

Условія подписки: на годъ семь р. съ пересылкой и доставкой, на полгода четыре руб., четверть года два руб.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Надеждинская 43, (Манежный 7) кв. 15.

Ред.-изд. д-ръ философіи **М. ФИЛИППОВЪ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

НА 1896 ГОДЪ.

Основанный въ 1870 году ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается перечень такого рода статей. Программа изданія остается прежняя.

Въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 г., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» черезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. (9-й годъ).

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Новой редакціей приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить изданіе на надлежащую высоту въ смыслѣ строгаго выбора предназначаемаго для печатанія матеріала; въ этихъ видахъ къ сотрудничеству въ газетѣ привлечены вполнѣ опытные и свѣдущіе въ газетномъ дѣлѣ лица. Въ 1896 подписномъ году въ „Минскомъ Листкѣ“, помимо отдѣловъ, существующихъ въ любой столичной газетѣ, будутъ помѣщаться критическіе фельетоны, посвященные обозрѣнію выходящихъ въ Россіи журналовъ. Редакція газеты позаботилась также о томъ, чтобы подписчики „Минскаго Листка“ получали своевременныя свѣдѣнія о предстоящихъ въ будущемъ году празднествахъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и объ открывающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской художественно-промышленной выставкѣ; для этой цѣли она будетъ выпускать съ 1-го января 1896 года, въ видѣ прибавленій, Телеграммы Рос. Телегр. Агентства четыре раза въ недѣлю, исключая очередные номера газеты. Такимъ образомъ, безъ увеличенія подписной платы, подписчики «Минскаго Листка» на 1896 г. будутъ имѣть почти ежедневную газету. Телеграммы будутъ печататься общаго содержанія и коммерческія: въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаться также разнаго рода объявленія.

Подписная цѣна: съ перес. на годъ **4** р.. девять мѣс. **3** руб., полгода **2** р. **50** к., 3 мѣс. **1** р. **50** к. на 1 мѣс. **75** к.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ гор. Минскѣ губ.

За редактора издатель **К. И. ЗИНОВЬЕВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

справокъ и объявленій

въ 1896 году.

Съ переходомъ во второй половинѣ 1895 года къ новому издателю и перемѣной состава редакціи, «Нижегородскій Листокъ» выходитъ въ значительно измѣненномъ и преобразованномъ видѣ, въ большомъ форматѣ, ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Новая редакція ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то-же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Во время предстоящей въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году всероссійской выставки редакціею будетъ обращено особое вниманіе на описаніе выставки и на хронику выставочной жизни.

Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, Н. Волжинъ (псевдонимъ), Е. ф. Волкова, С. Ф. Волковъ. В. И. Вѣринъ (псевдонимъ), Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій). А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, Николинъ, (псевдонимъ), М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, В. А. Фидлеръ и мн. др.

Подписная цѣна на 1896 г. ПОВЫШЕНА: для иногороднихъ на 12 мѣс.—7 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—1 руб.

Подписка принимается: 1. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главной конторѣ, „Нижегородскаго Листка“, Большая Покровка, домъ Приспѣшникова. 2. Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ Г. Н Казачковъ.
Издатель С. Н. Казачковъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

на общественно-литературную газету.

СТЕПНОЙ КРАЙ.

Газета выходитъ въ ОМСКѢ два раза въ недѣлю, а въ остальные дни подписчики получаютъ телеграммы „Росс. Телегр. Агентства".

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Телеграммы Рос. Телегр. Агентства. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи по вопросамъ: экономическимъ, этнографическимъ, санитарнымъ и др. 4) ФЕЛЬЕТОНЪ. 5) Отчеты о засѣданіяхъ. 6) Литературное обозрѣніе. 7) Внутреннее обозрѣніе. 8) Корреспонденція. 9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ. 10) Городская хроника. 11) Переселенческое дѣло. 12) Метеорологическія наблюденія. 13) Почтовый ящикъ. 14) Справочныя извѣстія 15) Частныя объявленія.

Подписная цѣна:

Для иногороднихъ: Съ телеграммами: За годъ 7 р. 50 к., за полгода 4 р. 50 к.; безъ телеграммъ: за годъ 5 р. 50 к., за полгода 3 р. 50 к.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакція газеты „Степной Край".

Издатель **И. Г. Сунгуровъ** Редакторъ **И Ѳ. Соколовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на издаваемую въ Казани ежедневную общественную, литературную, политическую и торгово-промышленную газету

„КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ".

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія. Для достиженія намѣченной цѣли «Камско-Волжскій Край» посвятитъ всѣ свои силы и средства изученію жизни Поволжья и Востока Россіи въ историческомъ, культурномъ, экономическомъ, бытовомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, озаботившись привлеченіемъ сотрудниковъ изъ среды профессоровъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ областной прессы. Ближайшее участіе въ редакціонномъ дѣлѣ принялъ на себя профессоръ Казанскаго Университета **Н. П. Загоскинъ.**

На предстоящую Всероссійскую Нижегородскую выставку будутъ командированы особые корреспонденты, сообщенія которыхъ будутъ соотвѣтственно иллюстрированы.

Вообще періодическое помѣщеніе иллюстрацій въ поясненіе статей или событій общественной жизни входитъ въ програму изданія.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для городскихъ подписчиковъ—7 руб., для иногороднихъ—9 руб. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ.

Иногородніе адресуютъ: Казань, Редакція «Камско-Волжскаго Края».

Редакторъ-Издатель, профессоръ **Н А. Ѳирсовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (ГОДЪ VI).

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Выходитъ въ Тобольскѣ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ.

Подписная цѣна: для иногороднихъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи „Спб. Листка" (у Кокуя, д. Глушкевича) и въ библіотекѣ Суханова.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

МІРЪ БОЖІЙ

V-й годъ изданія — V-й годъ изданія

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
для юношества и САМООБРАЗОВАНІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, при чемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: По беллетристикѣ: «По новому пути»—романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; «Матросикъ»—разсказъ К. Станюковича; «Мишурисъ»—разсказъ И. Потапенко: «Въ водоворотѣ»—изъ исторіи великой французской революціи—Ю. Безродной; «У чугунной доски»—разсказъ Н. Гарина; «Изъ Сибирской жизни»—разсказъ В. Сѣрошевскаго, «Богомолье»—изъ народной жизни И. Савихина; «Подъ игомъ»—романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; романъ Іонаса-Ли, переводъ съ норвежскаго; романъ съ англійскаго, переводъ А. Анненской; «За Антлатическимъ океаномъ»—путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Америкѣ—Кживицкаго, переводъ съ польскаго. Научныя сочиненія и статьи: «Шекспиръ и Бѣлинскій»—проф. Н. Стороженко; «А. Ѳ Писемскій»—Ив. Иванова; «Люди и факты новой европейской культуры»—Ив. Иванова; «Герой современной легенды»—И. Иванова; «В. Г. Короленко (основныя идеи его произведеній)»—критическій этюдъ М. Плотникова; «Рескинъ и его ученье»- Д. Коропчевскаго; «Очерки по исторіи русской культуры» часть II-ая. П. Милюкова; «Свободна-ли человѣческая личность»—прив.-доц. Г. Челпанова; «Цѣнность жизни»—прив.-доц. Г. Челпанова; «Экономическіе этюды»—прив.-доц М. Туганъ-Барановскаго; «Мои воспоминанія» (1854—1862 г.)—И. Красноперова; «Изъ записокъ изслѣдователя»—Ф. Щербины; «Гарантіи правосудія»—очерки Гр. Джаншіева; «Сила тяжести и давленіе, какъ условіе существованія животныхъ»—проф. Никольскаго; «Вольфгангъ Гете»—Даудена, переводъ съ англійскаго А. Анненской; «Развитіе профессій»—Очерки Спенсера, переводъ Т. Криль; «Исторія цивилизаціи»—Дюкудре, часть II-ая, средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. Коропчевскаго: «Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина»—Эмона Пэріэ съ многочисленными рисунками и портретами въ текстѣ, переводъ проф А. Никольскаго и К. Пятницкаго; «Наши тайные друзья и враги», популярныя лекціи по бактеріологіи, Фарадея Франкланда и пр.

Постоянные отдѣлы: Разныя разности: 1) На родинѣ, 2) За границей; 3) Критическія замѣтки, 4) Библіографія, 5) Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб., безъ доставки 6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 руб., остальные 3 руб. къ первому іюля и черезъ казначеевъ.

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **В. Острогорскій**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„КАРСЪ"

Газета „Карсъ" въ 1895 г. будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ 1894 году, по той-же программѣ и подъ тою-же редакціею.

Цѣна съ доставкою и пересылкою три рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ", въ городѣ Карсѣ.

Газета „Карсъ" имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карсской Области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА ВЪ 1896 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ"

Полный переводъ французскаго журнала «MONITEUR DE LA MODE».
52 модныхъ номера въ годъ (еженедѣльно).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I-го изданія (съ 12-ю вырѣзн. выкройк., 24-ю выкр. листами, изъ которыхъ 12 съ раскраш. узорами): Безъ дост. въ Спб, на 12 м. 3 р, на 6 м. 2 р. 25 к., на 3 м. 1 р. 50 к Съ дост. и перес., на 12 м. 4 р., на 6 м. 3 р., на 3 м 1 р. 75 к.

II-го изданія (съ 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскраш. узорами и 24-мя выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 5 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 2 р., Съ дост. и перес.. на 12 м. 6 р., на 6 м. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 коп.

III-го изданія (съ 12-ю раскрашен. картин., 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскраш. узорами и 24 выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 6 р., на 6 м. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 к. Съ дост. и перес., на 12 м. 7 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 3 м. 3 р.

IV-го изданія (съ 52-мя раскраш. картин., 24-мя вырѣзн. выкройк., 12 раскраш. узорами и 24-мя выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 10 р., на 6 м. 6 р., на 3 м. 4 р. Съ дост. и перес., на 12 м. 12 р., на 6 м. 7 р, на 3 м. 5 р.

V-го изданія (съ 106-ю раскрашен. картин. 24-мя вырѣзн. выкройк, 12 раскрашен. узорами и 24-мя выкр. листами): Безъ дост. въ Спб., на 12 м. 25 р., на 6 м. 13 р. 50 к., на 3 м. 7 р. 50 к. Съ дост. и перес., на 12 м. 28 р., на 6 м. 15 р., на 3 м. 9 р.

Подписка на годъ начинается 1 янв., на 6 м.: съ 1 янв. и іюля; на 3 м.: съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля и 1 окт.

Годовымъ подписчикамъ II, III, IV и V изд. будетъ разослано безплатно по выбору два рода премій: однимъ: «Спутникъ изящной женщины», соч. герцогини Лоріанъ; и другимъ: «Большая панорама модъ» (grand panorama des modes) осеннихъ и зимнихъ модъ, стоющая въ отдѣльной продажѣ 2 р. 25 к. Заявленія о выборѣ той или другой преміи дѣлаются при подпискѣ.

Подписка съ разсрочкой допускается только въ Главной Конторѣ безъ увеличенія годовой цѣны. Подписныя деньги вносятся въ 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) 1-го апрѣля и 3) 1-го іюля.

Подписка отъ иногороднихъ подписчиковъ принимается только въ Главной Конторѣ.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Михайловская площадь, д. № 4.

ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

«Виленскій Вѣстникъ», газета политическая, общественная и литературная, ставитъ себѣ преимущественною цѣлью служить интересамъ и нуждамъ Сѣверо-Западнаго края, какъ одной изъ составныхъ частей великой Россійской Имперіи.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды, списокъ дѣлъ и резолюцій судебной палаты и справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются, на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I, ч. 2 учр. прав. сен., изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».

Предполагая расширить отдѣлъ корреспонденціи по Сѣверо-Западному краю, редакція, имѣя уже постоянныхъ корреспондентовъ въ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ пунктахъ края, проситъ лицъ, которыя вообще пожелали-бы корреспондировать, списаться съ редакціей.

Подписная цѣна: съ пересыл. въ другіе города: на годъ 8 р., на 6 мѣсяцевъ 5 р., на 3 мѣсяца 3 р., 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. За-границу на годъ— 12 рублей. Допускается разсрочка: для годовыхъ иногор. подп.: при подпискѣ— 3 р., 1 марта 3 р., 1 іюня 2 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. (Годъ XV).

на литературно-общественную газету

ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ.

„Таганрогскій Вѣстникъ"

Въ 1896 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1. Мѣстный отдѣлъ: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2. Внутренній отдѣлъ: Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства", корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Пріазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3. Иностранный отдѣлъ: Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4. Судебная хроника. 5. Смѣсь 6. Фельетоны: Статьи беллетристическаго характера оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7. Справочный отдѣлъ. 8. Объявленія.

Подписная цѣна: Съ перес. на 12 м. 7 р., на 11 м. 6 р. 50 к., на 10 м. 6 р., на 9 м. 5 р. 50 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 1 р. 70 к., на 1 м. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская ул., д. № 5, и въ отдѣленіи редакціи въ Ростовѣ на-Дону, уголъ Соборнаго переулка и Темерницкой ул., при типо-литографіи И. Я. Алексанова.

Редакторъ **М. Красновъ.**
А. Мироновъ.

ПОДПИСКА НА 1896 Г. НА

Воронежскій Телеграфъ

Съ перес. на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 75 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб

Подписка на „Воронежскій Телеграфъ" принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи ИСАЕВА, въ Воронежѣ, въ д. Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

ПОДПИСКА НА 1896 Г. (годъ XVIII).

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ

Выходитъ по воскресеньямъ (50 №№ въ годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к.

Въ 1896 году „Екатерин. Недѣля" будетъ вестись по слѣдующей программѣ: Телеграммы „Россійскаго Телеграфнаго Агентства". Передовыя статьи. Хроника мѣстной жизни. Сообщенія корреспондентовъ „Ек. Нед." изъ Пріуралья и Сибири. Статьи научнаго содержанія, статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Пріуралья и Зауралья. По Россіи. Очерки сибирской жизни. Заграницей. Изъ газетъ. Политическое обозрѣніе. Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ. Критика и библіографія. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій и ученыхъ обществъ Пермской губерніи. Фельетонъ. Литературный отдѣлъ. Смѣсь. Справочный отдѣлъ: резолюціи Екатеринбургскаго окружного суда; коммерческія телеграммы; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и друг. свѣдѣнія.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ. Редакторъ П. М. Галинъ.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1896 годъ на

ЮЖАНИНЪ

ГАЗЕТУ ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ОБЩЕСТВЕННУЮ.

Выходитъ ежедневно, за исключенiемъ дней послѣ праздниковъ.

Въ будущемъ году газета намѣрена держаться избраннаго ею направленія, сосредоточивая вниманіе преимущественно на вопросахъ и явленіяхъ, имѣющихъ торговое, промышленное и экономическое значеніе для юга Россіи, и служить проводникомъ культурныхъ началъ, насколько это доступно средствамъ и силамъ провинціальной газеты вообще.

Условія подписки на газету „ЮЖАНИНЪ": Съ дост. и перес., 1 м. 1 р. на 2 м 1 р. 75 к., 3 м. 2 р. 50 к., 4 м. 3 р., 5 м. 3 р. 50 к., 6 м. 4 р., 7 м. 4 р. 60 к. 8 м. 5 р. 20 к. 9 м. 5 р. 80 к. 10 м. 6 р. 30 к. 11 м. 6 р. 70 к. 12 м 7 р. За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ гор. Николаевѣ (Херсон. губ.), въ конторѣ редакціи „ЮЖАНИНА", уголъ Соборной и Спасской ул., домъ О. И. Рюминой. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца.

Редакторъ-издатель полковникъ **М. В. Рюминъ.**

XXXI Годъ тридцать первый XXXI

АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ

Въ 1896 году будетъ издаваться въ томъ же большомъ форматѣ и съ тѣми-же рубриками. Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя, краевыя извѣстія; отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни г. Астрахани, Астраханской губерніи и Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и др.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр.

Редакторы-Издатели: Н. Л. Росляковъ. В. И. Склабинскій.

Подписная цѣна съ перес. 1 г.—7 р. 50 к., на полгода 5 р., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Подписка принимается въ Астрахани, въ конторѣ редакціи „Листка" и въ Прикаспійскомъ магазинѣ, по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ.

Открыта подписка на 1896 годъ на газету

ВЯТСКІЙ КРАЙ

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

Цѣна съ дост. и перес.: за годъ 5 р., за полгода 3 р., за 3 мѣс. 1 р. 50 к., 2 мѣс. 1 р., за 1 мѣс. 75 к.

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи „Вятскаго Края".

Редакторъ А. П. ЛАШКЕВИЧЪ.
Издатель Л. И. ПОСКРЕБЫШЕВЪ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ III)

на еженедѣльное, политико-общественное и литературное изданіе

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ"

газету мѣстныхъ и общерусскихъ интересовъ съ приложеніемъ ежедневнаго листка телеграммъ и объявленій.

Съ января наступающаго года изданіе нашей газеты переносится въ Ригу.

Открывая подписку на 1896 г., «Прибалтійскій Листокъ» вступаетъ въ 3-й годъ своего существованія и попрежнему остается вѣрнымъ своей программѣ. Ставя своей задачею содѣйствіе сближенію Прибалтійской окраины съ центромъ на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, онъ намѣренъ держаться строго исторической объективной почвы, отстаивая законные интересы и нужды всѣхъ народностей, населяющихъ Прибалтійскій край, и одинаково внимательно изучая ихъ національныя свойства и особенности.

Статьи, помѣщаемыя въ «Прибалтійскомъ Листкѣ», касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, какъ-то: дѣйствія и распоряженія правительства, передовыя статьи, внутреннія дѣла и хроника прибалтійской жизни, фельетоны, содержащіе въ себѣ большія повѣсти и разсказы, бытовые очерки, стихотворенія и т. п. Подъ именемъ „Прибалтійскихъ замѣтокъ" печатается рядъ легкихъ набросковъ, характеризующихъ мѣстную жизнь и дѣятелей.

Съ будущаго года предполагается завести особый отдѣлъ „Земская Русь". Начавъ работу съ немногими сотрудниками, въ новый годъ изданія „Прибалтійскій Листокъ" бодро вступаетъ въ усиленномъ составѣ своей Редакціи, наполненной нѣкоторыми рижскими дѣятелями. Въ будущемъ году Редакція „Приб. Лист." предполагаетъ значительно увеличить разнообразіе и выборъ печатаемыхъ статей, обративъ особое вниманіе на литературное обозрѣніе всего интереснаго въ текущей русской печати. Форматъ газеты будетъ измѣненъ. Ежедневное приложеніе, заключающее самыя послѣднія телеграфическія новости текущей жизни, дастъ возможность желающимъ изъ нашихъ подписчиковъ слѣдить изо дня въ день за общерусскою и общеевропейскою жизнью, тратя на это и немного времени и немного средствъ.

Подписная цѣна съ дост. и перес: Съ приложеніемъ 5 р. въ годъ и полгода 3 р. Безъ приложенія 3 р. въ годъ, полгода 1 р. 50 к. и мѣсячно 30 к.

Адресъ редакціи: г. Рига, при типографіи Шнакенбурга, Конюшенная № 5. Отдѣл. конт. и Редак. въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ) Рыцарская 17.

Редакторъ-Издатель: **М. М. Лисицынъ**

ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на неофиціальную часть

НОВГОРОДСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Неофиціальная часть „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" будетъ выходить въ 1896 году, по примѣру прошлаго года, два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, въ видѣ отдѣльнаго изданія. Въ прошломъ, 1895 году, въ газету входили слѣдующія рубрики: Передовыя статьи, Мѣстная хроника, Сообщенія изъ уѣздовъ, Общія извѣстія, Разныя извѣстія и Фельетонъ. Кромѣ того, помѣщались: Бесѣды съ читателемъ о текущей жизни и Библіографія. Въ наступившемъ, 1896 году, кромѣ этихъ рубрикъ, предполагаются: Письма изъ Петербурга, Краткія обозрѣнія иностранной жизни и Обозрѣніе газетъ и журналовъ. Въ мѣстномъ отдѣлѣ будетъ обращено особенное вниманіе на возможно широкое развитіе отдѣла корреспонденцій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ дост. и перес.: на годъ 3 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ г. Новгородѣ, въ редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей" (при губернской типографіи).

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ"

съ безплатнымъ приложеніемъ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

„ГИМНАЗІЯ"

посвященнаго вопросамъ средняго образованія мужскихъ и женскихъ уч. заведеній.

Годъ IX (1888—1896). Программа „Пед. Еженед." и „Гимназіи" I. Прав распоряженія. II. Научныя статьи по всѣмъ предм курса ср. уч. зав. III Методика и дидактика всѣхъ предм. курса ср. уч зав. IV. Образц уроки. V. Школьная гигіена. VI. Среднія уч. зав. за границей. VII. Общая педагогія. Ист. ср. уч. зав. Біографіи русск. педагоговъ. VIII. Критика и библіогр. IX. Объявленія.

Въ 1896 году въ ж. „Гимназія" будутъ печататься литературные переводы древнихъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 8 р., за гр. 10 р.; на 6 мѣс. 4 р., за гран. 5 р.; на 3 мѣс. 2 р., за гр. 3 р.; на 1 м. 75 к., за гр. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ М. н. пр. журналъ «ГИМНАЗІЯ» признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для пріобрѣтенія въ фунд. библіотеки мужск. ср. уч. зав. и для содѣйствія возможно большему распространенію между преподавателями сихъ заведеній (предложеніе г. министра гг. попечителямъ учебн. окр. 28 февр. 1889 г. № 3899).

Адресъ редакціи: Ревель. Ред.-изд. Г. Янчевецкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

Казанскій Телеграфъ.

Основная задача газеты—служить вѣрнымъ безпристрастнымъ отраженіемъ нуждъ и потребностей Волжско Камскаго края и Казани.

Подписная цѣна: Съ пересылкой 9 руб.

Всѣ новые годовые подписчики, т. е. лица, не получавшія „Казанскій Телеграфъ" въ 1895 году, получатъ газету безплатно со дня подписки до 1 января 1896 года. Этой весьма существенной льготой пользуются не только городскіе, но и иногородніе подписчики, подписавшіеся хотя бы съ разсрочкой платежа.

Подписныя деньги адресуются: Казань, редакціи „Казанскаго Телеграфа", допускается разсрочка платежа.

Издательница А. Г. Ильяшенко.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1896 ГОДУ НА

„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ"

Въ 1896 г. «Изв. мин. зем. и гос. им. будутъ выходить еженедѣльно по прежней программѣ: 1) Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства мин. зем. и гос. им. 2) Распоряженія министра. Измѣненія въ личномъ составѣ газеты. 3) Циркулярныя предписанія по министерству, по его департаментамъ и отдѣламъ. 4) Отчеты и донесенія министерству. 5) Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности земствъ. сельскохоз. обществъ и т. п. 6) Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія мин. зем. и гос. им и сельскаго хозяйства вообще. 7) Таблица цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8) Метеорологическія свѣдѣнія. 9) Библіографическій отдѣлъ. 10) Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го января и съ 1-го іюля

Подписная цѣна: Съ перес. и дост.: на годъ—4 руб., на 1/2 г.—2 руб. 50 коп.; экземпляры «Изв. мин. зем. и гос. им.» за 1894 и 1895 гг. можно получать въ редакціи по 2 руб. за пересылку, смотря по разстоянію.

Digitized by Google

ГОДЪ XVI. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 г. **ГОДЪ XVI.**

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ"

„ДѢТКІЙ ОТДЫХЪ" особенно рекомендованъ Уч. Ком. Мин. Нар. пр для сред. уч. зав. мужскихъ и женскихъ, и народныхъ училищъ; Уч. Ком. при Свят. Син. допущенъ къ пріобрѣтенію для фундам. библ. дух. училищъ; Уч. Ком. об. Е. И. В. Канц. по учр. Имп. Маріи допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Въ предстоящемъ году обѣщались принять участіе въ журналѣ, кромѣ большинства прежнихъ его сотрудниковъ: А. Д. Алферовъ, В. Н. Беркутъ, Н. В. Богоявленскій, П. И. Вейнбергъ, П. Г. Виноградовъ, Н Г. Вучетичъ, И. В. Діонео, В. П. Засодимскій, А. Н. Корчагинъ, Н. А. Котляревскій, С. П. Моравскій, И. Н. Потапенко, А. Н. Реформатскій, С. Г. Смирновъ, Ѳ. А. Смирновъ, М. Н. Сперанскій, В. К. Черкасъ.

Въ первыхъ книжкахъ журнала будутъ помѣщены: **Милочка**, Разсказъ В. Засодимскаго, **Полканъ Собакевичъ**, повѣсть А. Крылова, **Холодное сердце**, Повѣсть К. Лукашевичъ. **Радушное**, повѣсть С. Орловскаго. **Путешествіе по Туркестану**, Н. Богоявленскаго. **Допотопный міръ животныхъ**, А. Корчагина. **Происхожденіе химіи**, А. Реформатскаго.

Подписчики 1896 г. получатъ безплатное приложеніе:

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ПО ГЕОГРАФІИ РОССІИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1896 ГОДЪ:

Съ дост. и перес. въ Россіи на годъ **6 р.** на полгода **3 р. 50 к.**

Безъ доставки въ Москвѣ **5 р. 50 к.**

Подписка принимается: въ конторѣ журнала: Москва Леонтьевскій пер., д. Мамонтова, магазинъ „ДѢТСКОЕ ВОСПИТАНІЕ"; въ конторѣ объявленій Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Я. Л. Барсковъ. Издатель **А. И. Мамонтовъ.**

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ

въ 1896 г. (49-й годъ).

Журналъ **Чтеніе для Солдатъ**, издаваемый съ Высочайшаго соизволенія, вступаетъ нынѣ въ сорокъ девятый годъ своего существованія и въ 1896 году будетъ выходить книжками, согласно Высочайше утвержденной программѣ. Цѣль журнала—содѣйствовать умственному и нравственному развитію солдатъ; дать солдату, въ часы досуга,—чтеніе и полезное, и занимательное. Поэтому въ журн. **Чтеніе для Солдатъ** будутъ помѣщаться какъ статьи научнаго содержанія, понятно изложенныя, такъ и статьи повѣствовательныя.

Въ теченіе года въ журналѣ **Чтеніе для Солдатъ** будетъ помѣщено до 100 рисунковъ, плановъ и чертежей, въ текстѣ и отдѣльно. Подписавшіеся на журналъ Чтеніе для Солдатъ своевременно получатъ въ 1896 году, безплатно, при первой книжкѣ, **Настѣнный календарь на 1896 годъ и Пятый сборникъ пьесъ для солдатскихъ театровъ.**

ЦѢНА за годовое изданіе журнала **Чтеніе для Солдатъ** съ безплатными приложеніями, съ пересылкою въ Россіи—**ЧЕТЫРЕ** рубля. Пѣхотные полки, выписывающіе журналъ Чтеніе для Солдатъ непосредственно изъ Редакціи, для всѣхъ своихъ ротъ и командъ (т. е. въ количествѣ не менѣе 18-ти экземпляровъ), пользуются уступкою 25 коп. съ подписной цѣны т. е высылаютъ за каждый годовой экземпляръ журнала 3 р. 75 коп.

Требованія на журналъ **Чтеніе для Солдатъ** принимаются, преимущественно, въ главной конторѣ редакціи сего журнала, находящейся въ С.-Петербургѣ, по Преображенской ул., д. № 42.

Редакторъ-Издатель **А. Гейротъ**

Digitized by Google

ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО

Кіевская ежедневная, литературная, политическая и художественная газета СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1896 ГОДУ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Условія подписки: Съ перес. и дост. на годъ 8 р., на 6 м. 5 р., на 3 м. 3 р., на 1 м. 1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул. № 8 А.

Редакторъ-Издатель **М. Е. Краинскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

ВОЛЫНЬ.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Волыни» состоятъ: С. Н. Кулябка, А. М. Когенъ, Е. Южный (псевдонимъ), А. И. Купринъ, Е. И. Любичъ-Лозинскій, А. А. Козицкій-Фидлеръ, Е. Богданова (псевдонимъ), Г. И. Коровицкій, П. А. Тулубъ, Н. А. Тулубъ, В. А. Бернацкій, Н. М. Порядинскій, г. Эфъ (псевдонимъ) и друг. Кромѣ того, намъ обѣщали свое сотрудничество: В. И. Немировичъ-Данченко, разсказъ котораго появится въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ, и Г. М. Мачтетъ.

Подписная цѣна: На годъ съ дост. и перес. 5 р., на полгода—2 р. 60 к., на 3 м.—1 р. 50 к. и на 1 м.—75 к. Гг. иногородные подписчики требованія на газету благоволятъ адресовать: г. Житоміръ, въ редакцію газеты „Волынь".

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—2 р., къ 1-му іюня—2 р. и 1-му октября—1 руб.

За редактора **Е. А. Фидлеръ.**

ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ ЛИСТОКЪ

Подписка открыта на 1896 г. (годъ XII).

Подписная цѣна: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., 50 к. на мѣсяцъ—75 к.

Выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Газета въ своей программѣ имѣетъ правительственныя извѣстія, телеграммы, городскую хронику и торговый отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются точныя цѣны на керосинъ, рыбу, соль, лѣсъ, хлѣбъ и проч. Торговые люди, имѣющіе торговыя сношенія съ Царицыномъ и Астраханью, всегда могутъ въ „В.-Д. Листкѣ" найти вѣрныя свѣдѣнія о партіонномъ рынкѣ.

Адресоваться слѣдуетъ: Царицынъ, на-Волгѣ, въ редакцію газеты „Волжско-Донской Листокъ".

Открыта подписка на 1896-й г. (годъ XII).

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

Подписная цѣна: Съ перес. На годъ—5 р. 50 к., на полгода—3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 75 коп. Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція „Сѣвернаго Кавказа".

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (ГОДЪ IV),

Единственная 5 рублевая съ портретами и рисунками ежедневная московская газета торговли и промышленности

КУРЬЕРЪ

Стремясь по возможности удовлетворить жаждѣ новизны и потребности каждаго интеллигентнаго читателя, газета на столбцахъ своихъ за истекшій періодъ времени ежедневно давала и въ 1896 году будетъ давать массу интереснаго матеріала для чтенія по слѣдующей программѣ:

1) Дѣйствія правительства; 2) Факты и слухи о новостяхъ и проектахъ; 3) Передовыя статьи; 4) Статьи по всѣмъ отраслямъ торговли, промышленности и техническихъ знаній; кромѣ того, въ наступающемъ году будетъ данъ рядъ очерковъ подъ общимъ заголовкомъ «Наши фабрики и заводы», съ описаніемъ способовъ и размѣровъ ихъ производствъ, съ біографіями учредителей, управляющихъ, директоровъ и главныхъ мастеровъ, съ ихъ портретами и рисунками видовъ фабрикъ и заводовъ; 5) Телеграммы; 6) Толки печати—ежедневныя обозрѣнія газетъ и журналовъ; 7) Внутреннія извѣстія—корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ со всѣхъ концовъ Россіи; 8) Иностранныя извѣстія; 9) Судебныя извѣстія; 10) Московскія вѣсти—новости изъ текущей жизни, хроника; 11) Замѣтки на злобы дня; 12) Очерки историческіе и очерки изъ современной жизни въ беллетристическомъ изложеніи; 13) Рисунки и портреты; 14) Биржи и рынки, ежедневные бюллетени, фонды, бумаги, товары и пр. Объявленія и стороннія сообщенія.

Обиліе свѣдѣній и краткость ихъ изложенія даютъ возможность каждому, прочитавшему газету, стоять въ курсѣ всѣхъ болѣе и менѣе важныхъ событій, вслѣдствіе чего „КУРЬЕРЪ“ вполнѣ замѣняетъ собою дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Въ 1896 году, въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, на страницахъ газеты будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ высланы вмѣстѣ съ газетой безплатныя преміи: 1) Иллюстрированный календарь-альманахъ на 1896 годъ «ЦАРЬ-КОЛОКОЛЪ», 30 листовъ убористой печати съ множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій, картой желѣзныхъ дорогъ и стѣннымъ календаремъ, 2) Портретъ Его Императорск. Высоч. Государя Наслѣдника Цесаревича, 3) Иллюстрированная исторія Россіи, отпечатанная издателемъ ихъ О. И. Лашкевичемъ вторымъ изданіемъ по заказу редакціи газ. „КУРЬЕРЪ“.

Подписная цѣна на газету со всѣми преміями, дост. и перес. 5 руб. на годъ, 3 руб. на полгода, 60 коп. на мѣсяцъ.

Главная контора: Москва, Леонтьевскій пер., домъ графини Уваровой.

Открыта подписка на 1896 годъ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

(тринадцатый годъ изданія).

Въ 1896 г. „Новое Обозрѣніе“ будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно по программѣ газеты литературной, общественной и политической, НО ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ.

Плата остается прежняя съ перес. и дост. на годъ **10** р., на полгода **6** р., За границу: на годъ **17** р., на полгода **9** р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ перваго числа каждаго мѣсяца). Для сельскихъ учителей и благотворительныхъ учрежденій **плата пониженная**: на годъ 7 р., на полгода 4 руб.

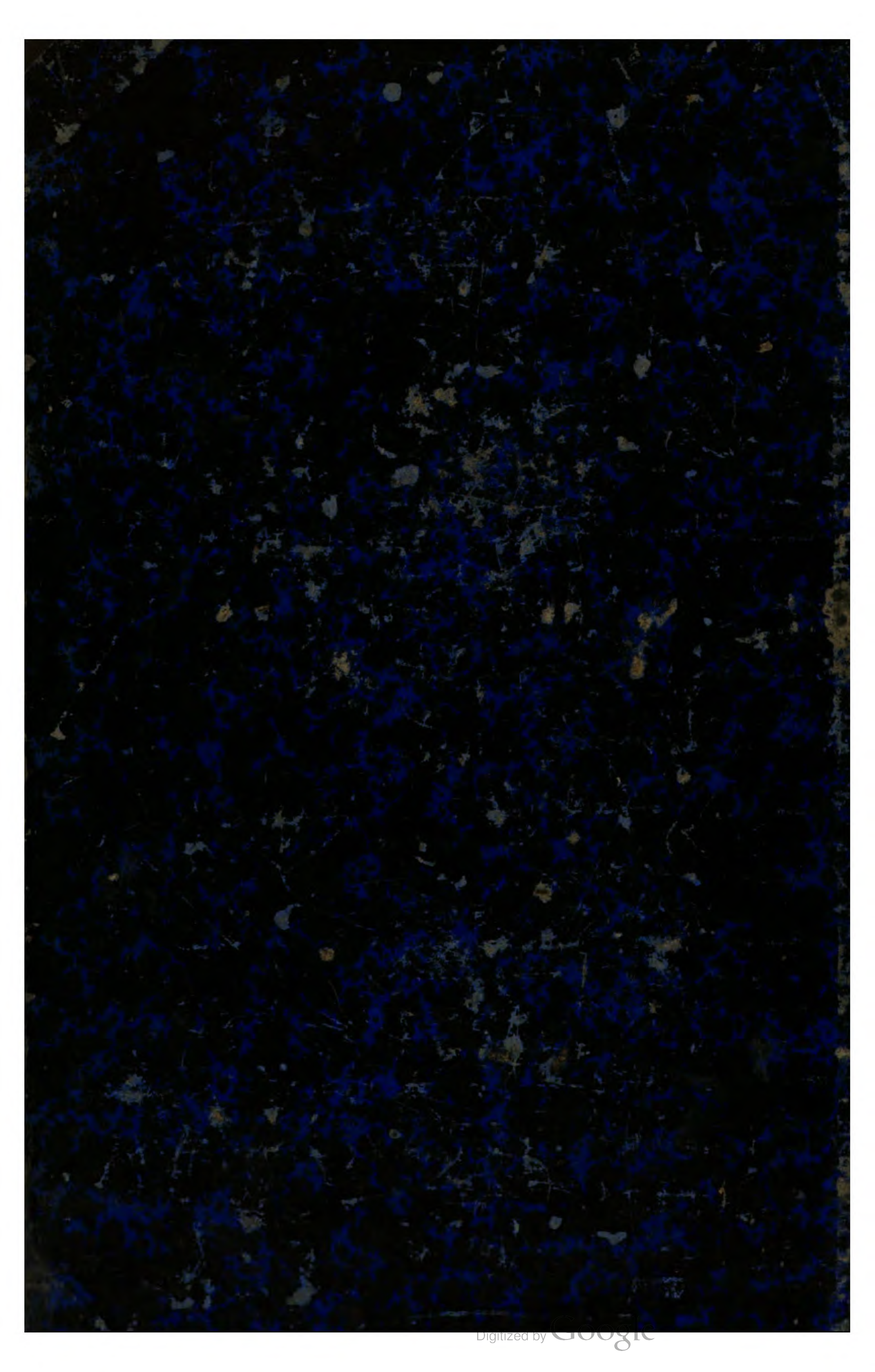
Для годовыхъ подписчиковъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи **допускается разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 2 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му сентября—2 р.

Подписка принимается въ Тифлисѣ—въ конт. газеты, Барятинская, № 8.

Digitized by Google

Digitized by Google